

РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА • РЕДКАЯ КНИГА

И. К. КОНДРАТЬЕВ

СЕДЛАЯ СТАРИНА МОСКВЫ

Иван Кузьмич Кондратьев

Седая старина Москвы

Современное издание одной из лучших книг о Москве, выпущенной в 1893 г. Полностью она называлась: «Седая старина Москвы. Исторический обзор и полный указатель ее достопамятностей: соборов, монастырей, церквей, стен, дворцов, памятников, общественных зданий, мостов, площадей, улиц, слобод, урочищ, кладбищ, и проч., и проч. С подробным историческим описанием основания Москвы и очерком ее замечательных окрестностей».

Несколько параграфов оригинала в электронной версии отсутствуют.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	0008
СТАРАЯ МОСКВА — ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ... #3	0011 0035
ОСНОВАНИЕ МОСКВЫ	0036
ПАНОРАМА СТАРОГО ГОРОДА	0061
КРЕМЛЬ	0067
#1	0068
Кремлевские ворота	0095
Спасские ворота	0106
Кремлевские монастыри	0120
Соборы в Кремле	0162
Кремлевские церкви	0230
Упраздненные соборы и церкви	0243
Колокольня Ивана Великого	0246
Царь-колокол	0253
Потешный дворец	0261
Грановитая палата и Красное крыльцо	0268
Патриарший дом	0273
Арсенал	0283
Оружейная палата	0284
Царские терема	0302
Казармы	0306
Царь-пушка	0308
Сенат	0310
Кремлевские дворцы	0314

КИТАЙ-ГОРОД	0340
#1	0340
Красная площадь	0368
Лобное место	0386
Памятник Минину и Пожарскому	0398
Соборы в Китай-городе	0404
Монастыри в Китай-городе	0415
Церкви в Китай-городе	0464
Замечательные здания Китай-города	0493
БЕЛЫЙ ГОРОД	0536
#1	0536
Монастыри в Белом городе	0568
Упраздненные монастыри	0599
Церкви в Белом городе	0602
Иноверческие церкви	0637
Замечательные здания	0639
ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОД	0709
#1	0709
Каменный мост	0742
Монастыри в Земляном городе	0756
Приходские церкви	0792
Кладбища	0920
Замечательные часовни	0938
Памятники в Земляном городе	0941
Дворцы	0957
Замечательные дома, казармы, училища, больницы и всякого рода богоугодные заведения	0988

Старинные московские кабаки	1024
ОКРЕСТНОСТИ МОСКВЫ	1031
Бутырки	1031
Петровское-Разумовское	1035
Останкино	1039
Алексеевское	1050
Ростокино	1051
Тайнинское	1052
Большие Мытищи	1055
Пушкино	1056
Братовщина	1059
Сафарино и Гольгино	1061
Хотьково	1063
Воздвиженское	1066
Радонеж	1067
Сергиев Посад	1069
Спасо-Вифанский монастырь	1082
Всесвятское	1085
Покровское	1086
Кунцево	1089
Архангельское	1091
Тушино	1093
Троицкое-Голенищево	1096
Воробьевы горы	1097
Троицкое	1099
Черкизово	1101
Горенки	1102
Измайлово	1102

Перово	1110
Кусково	1110
Косино	1120
Кузьминки	1122
Люблино	1123
Коломенское	1124
Дьяково	1131
Перервинский Николаевский монастырь	1132
Царицыно	1132
Екатерининская пустынь	1137
Остров	1138
Николо-Угрешский монастырь	1141
Серпуховской Владычный монастырь . . .	1146
Давыдово-Вознесенская пустынь	1148
Берлюковская Николаевская пустынь . . .	1149
Студенец	1150
Владыкино	1151
Ильинское	1152
Саввин Сторожевский монастырь	1153
Вяземы	1159
Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим)	1160
Деулино	1165
Спасское	1166

И. К. Кондратьев
Седая старина Москвы

ПРЕДИСЛОВИЕ

Москва — эта первопрестольная столица России, сердце ее, так сказать, — представляет столько замечательного, поучительного, священного, что в силу весьма естественных движений души русской хочется знать: откуда все это? как произошло? как зародилось? Как возникало?

Возникало все это вместе с самой Москвой постепенно, последовательно, не вдруг, а веками. Много надо было времени, чтобы Москва стала средоточием, куда начали стекаться соки внутренней народной жизни, стала зерном, из которого развилась сила и крепость Русского государства. Москва крепла постепенно, но зато прочно, твердо, самостоятельно, будучи при этом как бы искупительной жертвой России через нашествия, погромы, смуты, пожары и всякого рода другие народные бедствия. Все это Москва перенесла в силу своей непоколебимой твердости духа, в силу своей безграничной веры и стала как бы второй Россией, сплотив воедино все, что дорого русскому сердцу, что свято для всякого

православного русского гражданина.

Таким образом, история Москвы есть история всей России, и Карамзин был прав вполне, сказав: «Кто хочет знать Россию, побывай в Москве».

Побывать в Москве любо всякому человеку. Но побывать в Москве (или жить в ней постоянно) и упустить из виду хоть некоторую часть тех достопамятностей, коими она изобилует, — есть вещь вовсе никому не желательная. Всякому, несомненно, хочется знать хоть краткую историю того, что он видит перед собой, или что посещает, или на чем останавливается его внимание.

К услугам созерцателей имеются, конечно, «Путеводители по Москве» (их можно считать десятками), но все они без исключения имели или имеют чисто специальный характер «путеводителей», давая большое место всякого рода адресам и объявлениям, но только вскользь упоминая или обходя совершенно такие исторические данные, которые в сущности и составляют отличительную, характеристическую черту Москвы, и есть, можно сказать, то, на чем создалась и зиждет-

ся сила и слава первопрестольной.

В нашем историческом обзоре и указателе «Седая старина Москвы» мы именно и остановились на этих данных и постарались дать в этом отношении все, что только может и должно интересовать всякого или как святыня, или как место, здание, памятник и т. п., не упустив из виду ничего достойного хоть какого-либо внимания.

Не претендуя на особенную серьезность нашего исторического обзора и указателя Москвы, мы, тем не менее, надеемся, что невзыскательный читатель найдет в этом обзоре именно то, что требуется для того, чтобы узнать Москву в ее далеком прошлом. Недосказанное доскажетса само собой: древность Москвы есть уже сама по себе ее наглядная, живая летопись.

Издатель

СТАРАЯ МОСКВА — ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ...

(Предисловие издания 1997 г.)

Особой популярностью у любителей старины до Октябрьской революции пользовались книги замечательного знатока Москвы, писателя и краеведа Ивана Кузьмина Кондратьева (1870–1904). Написанные легко и занимательно, они были для многих читателей путеводителями по Москве, источниками исторических знаний о родной земле. Если чада аристократов и буржуа, обучавшиеся истории отечества в классических гимназиях или дома у гувернеров, читали Кондратьева для души, наслаждаясь его образной речью, то другие россияне получали из его книг зачатую первую, а то и единственную информацию об истории страны, «достопамятностях» Москвы.

В творческом наследии писателя особую ценность представляет исторический очерк «Седая старина Москвы», изданный книгопродавцем И. А. Морозовым в 1893 году. Не

стану скрывать: книга эта для меня значит очень много. Я давно выступал с предложениями о ее переиздании и до сих пор не могу понять близорукость тех, кто от этого отказался. Поэтому огромной радостью для меня был звонок из Военного издательства с просьбой написать предисловие к переизданию книги И. К. Кондратьева «Седая старина Москвы». Вот уж поистине подарок в наше перевернутое, разрываемое бездуховностью время, когда книжные развалы забиты завлекательной макулатурой!

Наконец-то издатели подумали не только о выгоде, но и о сохранении духовности, преемственности, исторической памяти нашего народа. Не будет у России будущего, если иссохнут души, если прервется связь времен.

Связь времен... В нашей семье ее поддерживали книги. В том числе и Кондратьева. Среди них помимо очерков о Москве были исторические романы «Бич Божий» (из жизни древних славян), «Трифон Сокольник» (историческая быль XVI столетия), «Раскольничьи гнезда» (хроника 1743–1745 гг.), «Салтычиха», драма в стихах «Пушкин у цыган», повести из

эпохи войны 1812 года «Божье знамение» и «Драма на Лубянке». Они занимали почетное место в обширной библиотеке моего прадеда Михаила Васильевича Патрикеева, чьи предки жили «на Москве» с XIV века. И моя бабушка Александра Михайловна Патрикеева, по ее рассказам, держала «Седую старину Москвы» Кондратьева среди наиболее любимых. Особая любовь бабушки к этой книге объяснялась и сугубо семейными обстоятельствами: прадед мой строил в начале века КВЖД и город Дальний, всю библиотеку в долгую командировку взять не мог и возил с собой ее исторический раздел. Так что «Седая старина Москвы» Кондратьева оказалась в багаже инженера-строителя.

К величайшему сожалению, многие книги при дальних переездах из Китая в Россию где-то в багаже затеряли, в том числе и «Седую старину Москвы». И мама моя, Александра Федоровна Миронова, помнит другую: «Московский Кремль. Святыни и достопамятности. Исторические описания соборов, церквей и монастырей». Ее автор — тот же Кондратьев. В 20-х годах в Кремль еще можно бы-

ло попасть без пропуска, и мама любила путешествовать за кремлевские стены, чтобы лично увидеть монастыри, храмы, дворцовые постройки, которые увлекательно описал автор.

Революции и войны — не лучшее время для собирания и хранения книг, И наша прекрасная семейная библиотека ко времени моего детства погибла. Поэтому с творчеством Кондратьева я познакомился, когда, вдохновленный рассказами бабушки и мамы, записался в юношеский зал Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (ныне Российская Государственная библиотека) и смог, заказав «Седую старину Москвы» Кондратьева, погрузиться в чудесный и таинственный мир истории нашей столицы. И потом, в студенческие, аспирантские годы, отложив в сторону книги на разных языках по истории славян, я часто брал в руки эту библиографическую редкость с изображением древних москвитов на обложке и отправлялся в любимое путешествие — в прошлое Москвы.

Сейчас растет внучка... Какие книги прочитает она, такой и будет. Но когда еще смо-

жет она выбраться в читальные залы национальной библиотеки страны, чтобы подержать в руках эту знаменитую книгу?

И вот, оказывается, она сможет это сделать благодаря переизданию книги. Ее текст переведен на современную орфографию и синтаксис, исправлены явные искажения и опечатки. Проверить и прокомментировать достоверность некоторых исторических версий, правда, не удалось, так как автор пользовался большим количеством самых разнообразных источников, лишь за редким исключением ссылаясь на них. В тексте сделаны незначительные сокращения, опущены сомнительные места, повторы, мелкие подробности.

Сегодня довольно трудно «привязать» столетней давности путеводитель по Москве к нынешней планировке города, не однажды переименованным улицам, площадям, районам. Поэтому читателю предоставляется возможность самому, совершив увлекательные путешествия по столице, соотнести увиденное с тем, что было прежде, определить, что уцелело, а что безжалостно уничтожено и безвозвратно утеряно. Такие путешествия об-

легчаются тем, что многим площадям, улицам и переулкам возвращены их прежние названия, а уцелевшие храмы, монастыри и соборы возвращены их хозяевам и реставрируются.

Книга в отличие от издания книгопродавца И. А. Морозова 1893 года богато иллюстрирована фотографиями конца XIX — начала XX в., которые репродуцированы из различных изданий о Москве.

В конце книги помещены словарь устаревших слов и терминов, старые русские меры, календарь церковных праздников, что облегчит читателям восприятие текста.

Конечно, книга Кондратьева о старой Москве не была единственной. В 1842–1845 годах, например, был издан труд профессора Московского университета И. М. Снегирева «Памятники московской древности с присокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы». В ней автор очень точно подметил связь историко-архитектурных памятников с культурой быта, формой правления, уровнем образования. Так что книгу тоже не

грех бы переиздать, но Снегирев Кондратьева не заменит. Был еще один труд Снегирева — «Москва. Подробное описание историческое и археологическое города» (М., 1875 г.). Правда, как ни парадоксально, но обе эти очень серьезные книги хороший знаток Москвы Иван Егорович Забелин обвинял в слабости «в учебном отношении», хотя ему трудно было соперничать со Снегиревым в научных степенях и званиях. Ныне переиздан фундаментальный труд Забелина «Домашний быт русского народа в XVI–XVII столетиях» в двух томах. Позднее Забелин подготовил и издал в 1867 году книгу «Древности Москвы и их исследования», а в 1884–1891 годах фундаментальный труд «История города Москвы», недавно также переизданный.

Книги Забелина и Кондратьева выгодно отличаются от других, им подобных, ярким и образным языком, сюжетной занимательностью, огромным фактическим материалом, привлекаемым для описания «истории и достопамятностей» Москвы во взаимосвязи с прошлым русского народа.

Своеобразным конкурентом Кондратьева

и Забелина был М. И. Пыляев. В 80-е голы прошлого века в издательстве А. С. Суворина вышли его книги «Забывтое прошлое окрестностей Петербурга», «Старый Петербург» и «Старая Москва». Последняя была встречена очень ревниво и критически московской интеллигенцией. Пыляев был петербуржцем и, по мнению москвичей, знатоком первопрестольной не являлся. Московский журнал «Русская мысль» укорял его за отсутствие описаний таких знаменитых «достопамятностей» Москвы, как Сухарева башня, Красные ворота, Лубянская площадь и других. Автора упрекали за отсутствие системы, плана, за плохой «слог»...

Не знаю, право, может быть, мне «ностальгически» вообще нравится «слог» исторических писателей XIX века, но, думается, уступая блестящему стилисту Кондратьеву, Пыляев имел свою привлекательную манеру изложения, умел увлечь читателя бытовой деталью, точным наблюдением. Поругивали Пыляева, что он лишь вскользь упомянул о пяти монастырях. Конечно же, у Кондратьева монастыри представлены богаче, полно и инте-

ресно. Как книга для чтения сочинение Пыляева и сегодня сохраняет свою свежесть и ценность, потому, наверно, и переиздана недавно «Московским рабочим». А вот если выбирать, чтобы получить сразу в одной книге и достоверные исторические сведения, и максимально возможную информацию обо всех памятниках истории, архитектуры, культуры Москвы, то я бы выбрал книгу Кондратьева.

Было бы некорректно писать сегодня, что у Пыляева, скажем, Москва дворянская, а у Кондратьева — просто Москва. Разные они были люди, редкому историку удавалось преодолеть свой менталитет. Да, может, и слава Богу! Потому и оказалось так много разных и интересных книг о Москве, что авторы были разными. Даже у двух дворянских по происхождению авторов был разный менталитет: один родом из древней родовитой семьи, другой — из мелкопоместного дворянства, чьи предки никогда особой роли в решении судеб отечества и конкретно Москвы не играли. А что говорить, если у одного историка взгляд «дворянский», у другого — «разночинный»! Вроде бы, какое это имеет значение, коль

речь идет о «достопамятностях» — памятниках истории, культуры, архитектуры, об описании нравов и обычаев древних москвитов? Но даже подсознательно каждый автор выбирает наиболее близкий ему аспект, описывает наиболее интересные ему сюжеты.

Пыляев основной упор делает на описание быта, нравов, обычаев, обрядов, зрелищ, развлечений. Причем хронологически он увлечен более поздним временем: XVIII — начало XIX века. Забелин же влюблен в эпоху «Московского царства», доводит свое исследование истории Москвы до XVIII века, но очевидно, что его больше интересуют XVI–XVII века. Кондратьев — хронологически раскрепощен, идет не от любезной его сердцу эпохи, а от реально существующего на момент написания книги, делая экскурсы в предысторию, живущую в памяти потомков. И тут не важно, какой период, какая эпоха более любима автором. Важно, когда возник тот или иной памятник, создающий неповторимый облик Москвы.

К сожалению, мы крайне мало знаем о великих знатоках и исследователях Москвы.

Пыляев и Кондратьев не попали даже в советские энциклопедические словари, где достаточно биографий давно забытых и мало принесших пользы отечеству деятелей, а вот места для русских патриотов-историков не нашлось. Повезло единственно Забелину: о нем дано несколько слов курсивом — и на том спасибо!

Кондратьева называли писателем из народа, он прожил короткую, но творчески активную жизнь. Кроме прозы писал стихи, в 1897 году вышел его поэтический сборник «Под шум дубрав». Кондратьев умер молодым, в расцвете творческих сил, в возрасте 34 лет, похоронен на Лазаревском кладбище в Москве. Он — москвич, жил в конце Каланчевской улицы, возле площади трех вокзалов, в доме Могеровского, в мансарде. На жизнь Кондратьев зарабатывал литературным трудом, дружил с писателем Николаем Васильевичем Успенским, братом более известного Глеба Успенского, и живописцем Алексеем Кондратьевичем Саврасовым, оказавшими благотворное влияние на его становление как литератора.

Нам остались книги Кондратьева, и благодаря им, память о писателе сохранится в сердцах потомков как признание и признательность за его литературный труд. Сам факт переиздания его книги говорит об этом.

В книге «Седая старина Москвы» Кондратьев цитирует бесхитростные стихи забытой сегодня поэтессы Ю. Жадовской:

*Старине седой неволью
Поклоняется душа...
Ах, Москва родная, больно
Ты мила и хороша.*

Сегодня о Москве редко кто так напишет. Я имею в виду не поэтическую форму, а душевность. Напишут либо будничнее, либо выспреннее. А от души — что-то не встречал.

Вся книга Кондратьева — поклонение души. Поклонение Москве. Вчитайтесь, например, в эти строки: «Как же... не удивляться ей всякому русскому! Для него здесь каждое урочище, каждая стена, церковь, башня, каждый собор, монастырь, каждое, наконец, древнее здание — есть немая каменная летопись Москвы, и напоминает ему о каком-нибудь важном событии в русской истории, или при-

водит на память чье-нибудь громкое, славное имя... И какая же масса этих событий! И сколько этих славных имен! Познакомимся же с ними, любознательные русские люди!

Познакомимся и с этими событиями, и с этими именами, и со всем тем, что Москва создала столетиями самостоятельного, оригинального, любопытного, и что дорого всякому тому, у кого бьется чисто русское сердце».

Здесь, на мой взгляд, просматриваются основные мотивы привлекательности книги, ее вечности, интереса к ней, которые побуждают к ее переизданию. Большинство путеводителей рассказывают о Москве отстраненно, с позиций чистого просветительства, сделаны сугубо информационно. Споры нет, полезны все книги о Москве, сколько бы их ни было, но из всех историков, писателей, журналистов и краеведов, писавших о нашей столице, гимн этому удивительному, таинственному, обаятельному, прекрасному городу удалось создать, может быть, лишь И. К. Кондратьеву... Это, разумеется, субъективное мнение, но такой нескрываемой любви к своему городу, такого открытого восхищения им я не

встречал ни в одной другой книге.

В этом-то и состоит секрет привлекательности книги Кондратьева сегодня. Он объективно, обстоятельно, чрезвычайно дотошно и досконально, в деталях описывает историю возникновения, строительства, созидания великого города. Он безукоризнен и неуязвим для критики, когда пишет о различных эпохах, пронесшихся над Москвой и оставивших в ней свои вечные (даже если они стерты потомками) следы. Он дает очень точные характеристики царствованию тех или иных государей, отмечая роль каждого в созидании государства Российского вообще и Москвы в частности.

Кондратьев безусловно честен перед читателем: он говорит то, что думает, он исторически правдив и субъективен одновременно. В документально достоверной и точной книге о Москве свою любовь к ней Кондратьев проявляет не в подтасовке фактов в угоду излюбленной концепции, не в смешении акцентов, не в отсеивании не работающей на его идеи информации, а в том, что все многочисленные факты, примеры, мельчайшие де-

тали он с любовью и тщанием мастерового Древней Руси выкладывает в некую мозаику, которая единственно и может воссоздать многовековую историю Москвы, да еще и представить ее перед читателем зримо в чередѣ очерков, новелл, эссе о «достопамятностях» города.

В то же время писатель проявляет себя и как исторический публицист, в отличие от других авторов позволяет себе в строгий и конкретный рассказ включать эмоциональные публицистические отступления: о красоте ли московских строений, о таланте ли московских зодчих о роли Москвы в собирании земли Русской, о значении для Руси тех или иных принимаемых московскими князьями решений... Как добрый православный человек умеет сказать теплое приветливое слово каждому встречному, так и Кондратьев умеет найти доброе и равнодушное слово для каждого московского строения, обычая, события.

Иному такой подход покажется благостным, непривычным. И я умом могу понять такое отношение: живем в быстрый век, ценим

жестко спрессованную информацию, отношения между людьми диктуются все чаще целесообразностью и нужностью контактов для дела, на архитектурные памятники если и бросаем взгляд, то разве что под монотонное бормотание гида на экскурсии. А Кондратьев предлагает нам из прошлого века: поднимите голову, соотечественники, взгляните не на отдельную церковную главку, не на контрфорс или архитрав, а на весь город, на всю Москву, удивитесь и поразитесь, в каком чудном, дивном городе вы живете или гостите. Москва — суть Руси. Москва — соль Руси. Поймешь Москву — поймешь и Россию. И душу русскую — открытую и незлобивую, гордую и таинственную, широкую и непредсказуемую. Поймешь талант русских зодчих, строителей, изографов, кузнецов — поймешь и поверишь в будущее России!

Такая вот непростая книжка получилась у Кондратьева...

Не знаю, как вы, читатель, а я высоко ценю у исторических писателей умение показать событие, факт, личность, персонаж, произведение литературы и искусства в контек-

сте истории, в историческом интерьере. Если собрался писать о том или ином государственном деятеле, реформаторе, государе, военачальнике, то понять его сможешь, лишь разобравшись досконально, в каких конкретных исторических условиях приходилось ему принимать решения. Если пишешь об архитектуре, грешно ограничиваться описанием декоров, антресолей, арок, фресок — необходимо рассказать, в какую эпоху создавалось здание, какие отношения связывали архитектора с властью и имущими, каким конкретным вкусам он хотел потрафить, как хотел откликнуться на сложившиеся в массовом сознании эстетические вкусы. А если пытался созидать вне этих внешних воздействий, то важно разобраться, как это отразилось на его судьбе и судьбе созданного.

Почему, например, важно знать, в каких отношениях находился с Новодевичьим монастырем государь всея Руси Борис Годунов? Казалось бы, если вас интересует только архитектура и искусство, зачем вам знать, что именно здесь Борис был приглашен народом московским на престол, здесь состоялась сво-

его рода репетиция коронования Бориса на царство, здесь закончила свои дни сестра Годунова, вдова царя Федора Ирина Годунова? И по сей день сохранились некоторые его подарки монастырю — драгоценные иконы, утварь, книги. Правда, большинство даров Годунова были по иронии судьбы разграблены его погубителем Лжедмитрием в 1605 году. Но сохранился «чудный вельми» Смоленский собор, во фресках и иконах которого также нашло отражение особое отношение Годунова к монастырю.

Почитав книгу Кондратьева, отправляйтесь в Московский Кремль, Право же, вы другими глазами увидите его. Сверкающий позолотой Благовещенский собор вы будете воспринимать не просто как Божий храм, а как домашнюю церковь русских царей. А взойдя на пристроенное к собору богато украшенное крыльцо, невольно вспомните его название — Грозненское. Отсюда любил Иван Васильевич Грозный наблюдать за событиями, происходившими на Соборной площади. Поражаясь великолепным фрескам в Успенском соборе или иконостасу Дионисия (он, правда,

ныне не тот, что стоял раньше, этот — из Ферапонтова монастыря, но столь же гениален), едва ли сдержите удивление от непривычно большого внутреннего пространства собора: он строился так, чтобы вместить на случай осады максимально возможное число обитателей Кремля.

Бродя по Москве, рассматривая ту или иную ее «достопамятность», вы поймаете себя на мысли, что благодаря Кондратьеву знаете историю этого дома, дворца, храма, помните, кто здесь бывал или жил, и ощутите себя путешественником во времени.

И. К. Кондратьев своими книгами дает великое ощущение сопричастности прошлому. Увы, многие памятники истории, архитектуры, культуры, описанные им, остались лишь на старинных картинах, гравюрах, в книжных иллюстрациях, (Кстати, и за это спасибо старинным книгам и издателям, донесшим до нас виды старой Москвы!).

Ныне и Москва, и Кремль иные. При Кондратьеве и церковью было куда поболее, и улицы, площади, переулки назывались иначе. А многих из них и вообще не стало, как, напри-

мер, знаменитой Собачьей площадки или Сухаревой башни. А иные так «реконструированы», что, сверяясь с книгой Кондратьева, их и не узнать. Задача дать комментарии к этой книге сегодняшнему читателю просто невыполнима, так изменилась Москва. Нужно читать Кондратьева как историческую книгу, по возможности, как мы уже говорили, узнавая старый город в его новой жизни.

Возвращение старых названий улицам, переулкам и площадям внутри Садового кольца (а именно о достопамятностях центра Москвы больше и интереснее всего пишет Кондратьев) продолжается. Так что когда читатель возьмет в руки эту книгу, она поможет ему сориентироваться. К тому времени улица Герцена будет называться, как и во времена Кондратьева, Большой Никитской, поскольку здесь в 1565 году построена церковь Св. Никиты, преобразованная позднее в Никитский женский монастырь, а уж позднее от монастыря и примыкающей к ней монастырской слободы пошла Большая Никитская.

Хорошо знакомая Пушкинская улица стала снова Большой Амитровкой. Право, при всей

любви и преклонении перед поэтом, старое название соответствует улице больше: здесь проходил важнейший торговый путь к верховьям Волги, на Дмитров, а в Дмитровской слободе, располагавшейся на этом месте, жили выходцы из Дмитрова. Знаменитый «Ленком» теперь на Малой Дмитровке, хотя никуда не переезжал. Так теперь называется улица Чехова. Во времена Ивана III и Ивана Грозного путь на Дмитров с Большой Дмитровки шел через Малую Дмитровку. Здесь, почти на углу, возле кинотеатра «Россия» были ворота города: кончалась Москва, начинался тракт на Дмитров и поставлена была на границе стольного города церковь особой, небывалой красоты. Она сохранилась, хотя названия улиц и политические системы вокруг не менялись.

Или, скажем, ГУМ — он был построен сто лет назад, открытие его состоялось одновременно с «презентацией» книги Кондратьева. Он — ровесник книги. Но место это само по себе историческое. В конце XVI века по приказу Бориса Годунова здесь были построены каменные Торговые ряды. В 1812 году они были

основательно порушены французами, а позднее восстановлены Осипом Бове в модном тогда стиле ампир. Развитие торговли и предпринимательства в Москве потребовало перестройки Верхних торговых рядов. Трехэтажное здание, построенное в 1893 году по проекту архитектора А. Н. Померанцева, протянулось на 400 метров и состояло из четырех рядов торговых корпусов, между корпусами были созданы улицы-пассажи, перекрытые легкими застекленными металлическими конструкциями.

Торговали здесь тогда в основном русские купцы. Среди них было немало замечательных людей, память о которых сохранилась и в построенных на их деньги больницах, воспитательных домах, домах для престарелых и инвалидов, картинных галереях. И. К. Кондратьев к таким людям, меценатам, относился с особым уважением. Он везде в книге упоминает, за чей счет строилась та или иная церковь, здание.

В Москве каждая пядь земли имеет наслонение нескольких исторических эпох. Так, например, на Тверской улице сохранилось кра-

сивейшее здание Английского клуба, где бывали Пушкин, Толстой и... их герои. Последние десятилетия здесь размещался Музей революции. Читая книгу Кондратьева, вы дома не усидите, вам непременно захочется выйти на улицы и площади Москвы, сравнить описание Москвы столетней давности с ее нынешним обликом, разобраться, понять, что изменилось, разглядеть в многократно перестроенном и реконструированном здании его первоначальный облик.

Читая Кондратьева и прогуливаясь по перепрестольной, вы все более четко будете представлять, что принесла каждая эпоха, каждый век в Москву, чем оказался полезен Москве тот или иной правитель, в какую эпоху москвичи и строители из других русских городов охотнее и любовнее ее строили и украшали. Вы научитесь не только знать, это полегче, но и понимать свой город. Его историю и его душу. А она есть у каждого города. Ее формируют не только ныне живущие, но и все те поколения, которые создавали город, жили в нем.

Великий город великой нации Москва в

силу своей истории, в силу своеобразной архитектурной застройки, предполагавшей множество Божьих храмов — церквей, монастырей, высоких колоколен, часовен, — еще и очень православный город, а потому всегда славился своим хлебосольством, добротой, открытостью и приветливостью. Одновременно москвичи — гордые, самолюбивые, с высоко развитым чувством собственного достоинства. Такой была Москва много веков назад, такой она оставалась во времена И. К. Кондратьева. Духовная аура, витающая над нашим городом, мне кажется, еще сохранилась, хотя и изранена лихолетьями. Очень хочу верить, что благодаря переизданию книги Кондратьева, благодаря ее воздействию на читателей легче будет сохранить на глазах уходящий облик старой Москвы и ее душу...

Г. Е. МИРОНОВ, кандидат исторических наук

...Хочется знать старину, какова бы ни была она, даже и чужую, а своя еще милее.

Н. М. Карамзин

ОСНОВАНИЕ МОСКВЫ

Начало Москвы, к сожалению, достоверно неизвестно. По «Пантеону Российских Государей»[1], Москва основана в 880 году, т. е. в конце IX столетия.

В том году Олег, еще не блюститель Игорева престола, но князь Урманский[2], пришел будто бы на Москву-реку, которая тогда называлась Смородиною или Самородинкою, и заложил там при устье речки Неглинной городок, назвав его по имени реки Москвой.

Затем в течение 267 лет о Москве ничего неизвестно. Известной она начинает быть с 1147 года.

В том году князь суздальский Юрий Владимирович Долгорукий (Мономах) роскошно угощал в ней своего друга и союзника князя Святослава Олеговича северского, а также и других князей.

В то время Москва была еще простым поселением, состоявшим во владении некоего знаменитого и богатого человека — Степана Ивановича Кучко, — и именовалась Кучковом.

Лом этого полубаснословного Кучко находился будто бы близ нынешних Чистых прудов, а где Кремль — шумел дремучий бор, и там, где теперь церковь Спаса Преображения Господня (Спас на Бору), жил некий пустыльник Букал, а на Крутицах человек мудрый Подон, родом римлянин. Кучковых селений было шесть: Воробьево, Симоново, Высоцкое, Кулишки, Кудрино и Сушево[3].

Князь Юрий влюбился будто бы в жену Кучко и, будучи оскорблен какими-то его поступками, казнил его, и все его имущество причислил к своим великокняжеским владениям, Москву возобновил и сына своего Андрея женил на дочери боярина. Это случилось в 1156 году во время проезда князя Юрия через селения Кучко во Владимир из Киева, где он был уже великим князем.

Андрей Юрьевич затем основал свое великое княжество Владимирское на Клязьме (1158 г.), вдали от Киева, в северо-восточной части России, и Москва стала одним из младших городов Суздальской области, но в то же время составляла как бы сборное место для проходивших через нее ополчений, потому

что князья и воеводы владимирские, новгородские, рязанские и черниговские сходились в нее со своими войсками, направляясь в разные стороны обширной удельной Руси. Но великие князья в ней не жили. А находилась она во владении князя суздальского, т. е. наследников Юрия Долгорукого, по наследству переходя до великого князя Всеволода Юрьевича Долгорукого, прозванного Большое Гнездо. Владимир Всеволодович, сын Всеволода Юрьевича, первый из князей основал в Москве свое жилище, но был изгнан из нее братом своим Юрием Всеволодовичем. В то время Москва была уже довольно велика и сильна, имела свое войско для защиты, но, тем не менее, подверглась той же участи, как и другие города русские, при нашествии Батые (1238 г.). Москва впервые узрела врагов и впервые была со всеми своими окрестными слободами обращена в пепел. Кроме этого первого погрома в продолжение долгого времени Москва претерпевала разные несчастные для нее крушения и неоднократно была сожигается и разоряется татарами: так, она была сожжена во второе нашествие Батые и

потом — братом татарского хана Дюдени при великом князе владимирском Андрее Александровиче (сыне Александра Невского) в 1293 году.

Но судьба, видимо, хранила Москву: не допустила ее погибели в пепле и ничтожестве, но приуготовляла ее к славе и знаменитости. Слава эта, наконец, наступила, хотя и скромно и незаметно для современников, тяготившихся под игом татар и постоянно враждовавших между собой.

По разделу с братьями в 1282 году один из сыновей великого князя владимирского и всея Руси Александра Ярославича Невского, Даниил Александрович, получил в удел Москву[4]. По получении этого надела Даниил Александрович немедленно должен был выступать с москвичами и новгородцами на брата своего Андрея, князя городецкого, с которым, однако, до боя не дошло и в пяти верстах от города Дмитрова был заключен мир. После девятилетнего мирного правления в Москве князь Даниил дружелюбно впустил татар в свою Москву и видел, как она была разграблена ими. Через три года, с вокняже-

нием брата Андрея на столе владимирском, начал Даниил искать независимости и принял титул князя московского (в 1296 г.), и с тех пор Москва в системе северных русских владений стала пользоваться некоторой политической значительностью. Присоединив к своему княжеству Переславль-Залесский и еще другие области, князь Даниил подготовил Москву быть столицей великого княжества.

Храбрый, разумный и любимый своим народом, князь Даниил Александрович был настоящей причиной украшения и распространения Москвы. Он учредил в Москве оборонительное войско (1300 г.), положил основание Кремлю и построил несколько церквей и монастырей, в числе коих Данилов монастырь, церковь во имя Преображения Господня под сенью дремучего бора (Спас на Бору) и церковь во имя Михаила Архангела (Архангельский собор)[5]. Этот кроткий и миролюбивый князь умер схимником 4 марта 1303 года и погребен по его желанию на погосте устроенной им обители[6].

В то время город Владимир по имени толь-

ко представлял главу великого княжения: резиденция находилась в Твери, которую перенес туда великий князь Михаил Ярославич. Старший сын Даниила Александровича Юрий, вступив на великокняжеский престол, преимущественно оказывал уважение Москве и, вероятно, проживал в ней, так как о пребывании его во Владимире нигде нет известий (умер в 1325 г.). При этом князе св. митрополит Петр из Владимира переселился в Москву. Это было в 1321 году. В следующем году, уже в княжение Дмитрия Михайловича (Грозные Очи), св. Петр окончательно перенес кафедру из Владимира в Москву к сыну Даниила Ивану, по прозвищу Калита[7]. Через три года (1325 г.) в Москве была заложена первая каменная церковь — Успенский собор, обрушившийся неоконченным. По удалении с великокняжеского престола Александра Михайловича Иван Калита получил от татарского хана грамоту на великокняжение, но княжить во Владимир не поехал, оставшись в отчине своей, в Москве. Это было в 1328 году зимой. С того именно года Москва — как место пребывания великого князя и митрополита и

как главный город удела — сделалась столицей России. С того же времени бояре и прочие подданные других княжеств — более всего тверичане, долго перед тем спорившие с Москвой о первенстве, — привлеченные льготами и милостями Ивана, стали переходить на постоянное жительство в Москву.

Москва быстро начала преобразовываться, улучшаться и расти. Снова был заложен Успенский собор 4 августа 1336 года, при чем св. митрополит Петр изрек, обращаясь к великому князю и вдохновенно прозревая будущую славу и знаменитость Москвы: «Если ты воздвигнешь храм, достойный Богоматери[8], то будешь славнее всех иных князей и род твой возвеличится, кости мои останутся в сем граде, святители захотят обитать в оном и руки его взыдут на плечи врагов своих».

Еще ранее Успенского собора, а именно в 1333 году, в возблагодарение за избавление Москвы и всей России от бывшего в 1332 году голода Иван Данилович заложил собор во имя св. Архангела Михаила и вместо деревянной церкви Спаса Преображения Господня построил каменную. Около нее сделан был мо-

настырь и переведен потом далее, когда место это понадобилось под великокняжеские палаты, и назван Новоспасским. Калита же вторично построил деревянный Кремль и укрепил его обрубамии, землей и камнями. Им же были построены и другие церкви.

Симеон Иванович, прозванный Гордым, еще более украсил Москву посредством уже своих мастеров, зодчих и ваятелей. При нем русским мастером Бориской отлиты три колокола: один большой и два малых. Но при нем Москву поразило страшное несчастье — моровая язва под названием «черная смерть». От нее погибло более трети московских жителей, и от нее же умер и сам великий князь (1353 г.).

Краткое правление Ивана Ивановича (сына Калиты) принесло Москве значительное облегчение. Молитвами св. митрополита Алексия[9] была исцелена от слепоты татарская царица Тайдула, мать хана Чанибека, и потому был сокращен тяжелый татарский налог. Это было весьма немаловажным явлением для угнетенного народа.

Иван Иванович оставил наследником ма-

лолетнего сына Дмитрия. Воспользовавшись этим, владимирский и нижегородский князь Дмитрий Константинович захватил великокняжеский престол и хотел было снова сделать столицей Владимир. Москва была ему ненавистна, и он намеревался вовсе даже уничтожить значение Москвы, с тем чтобы раз навсегда утвердить столицу Руси во Владимире и свой род на владимирском престоле. Намерение его не удалось. После двухлетнего правления во Владимире он должен был уступить великокняжеский престол своему племяннику Дмитрию, и преимущество Москвы над прочими русскими городами утвердилось уже навсегда.

Дмитрий Иванович (впоследствии Донской), желая оградить Москву от нападения татарских орд, построил вместо деревянной каменную стену, послужившую довольно прочной защитой от нападения врагов[10]. Она начата постройкой в 1367 году и в 1369 году, при втором нашествии литовцев, послужила уже Москве службу: литовцы были отражены и под Москвой был заключен мир.

Москва в то время разделялась на пять ча-

стей: Кремль, или крепость; Китай, или средний город; посады, что впоследствии образовали Белый город; Заречье — отделявшаяся рекой от города часть Москвы; Загородье, ставшее впоследствии Земляным городом.

В правление Дмитрия Ивановича в Москве много сделано татарами варварских опустошений, но, тем не менее, одолеть Москву и уничтожить ее уже никто не был в силах. Разоренная и опустошенная, она снова возродилась и снова готова была дать всякому врагу жестокий отпор.

При Дмитрии Ивановиче построены в Москве монастыри — Чудов, Андроньев, Симонов, а Вознесенский, девичий, основан супругой его Евдокией.

Страшное нашествие Тамерлана в 1395 году, при великом князе Василии Дмитриевиче, не разорило Москвы, хотя почти вся Россия была опустошена. Великий князь хотел сражаться с Тамерланом, но жители московские, надеясь более на помощь Божью, чем на свою силу, с торжеством принесли из Владимира в Москву икону Богоматери. С горячим усердием и слезами встретили они ее на Кучковом

поле, молились и внесли в Успенский собор. Милосердие Божье спасло столицу: Тамерлан остановил толпы подвластных ему ордынцев, долго думал и не тронул Москвы. В благодарность Всевышнему и в незабвенную память для потомства москвичи установили на 26 августа праздник Сретенья Богоматери, и на поле Кучковом построен Сретенский монастырь.

При князе же Василии Дмитриевиче начали укреплять посады рвом от Кучкова поля до Москвы-реки. При нем же появились в Москве первые пушки и начали готовить порох, от которого по неосторожности в 1400 году сгорело много домов.

В 1406 году умер Тамерлан. Ему наследовал хан Едигей, тотчас же явившийся опустошать Россию. Он приблизился и к Москве, став табором в селе Коломенском. Москвичи готовились к защите, употребив впервые при обороне пушки. Испугался ли хан этого нового орудия или просто что-либо другое помешало ему, но он взял с москвичей 3 тысячи рублей откупа и удалился (1408 г.).

Ранее перед этим на великокняжеском

дворе поставлены были первые боевые часы, сделанные монахом Афонской горы Лазарем. А через пять лет после нашествия Едигея (1414 г.) совершилось разделение Российской иерархии на митрополии — Московскую и Киевскую.

Правление великого князя Василия Дмитриевича было не особенно счастливо: были повсеместные мор и голод. Само собой разумеется, что не миновала этих бедствий и Москва.

В последующее княжение Василия Васильевича Темного (первое княжение) для Москвы, собственно, ничего особенного не совершилось. Но на севере России, на Соловецком острове, св. Савватий, прибыв с Валаама, водрузил крест, поставил себе келью и тем положил основание Соловецкой обители (1429 г.).

Удаливший с великокняжеского престола Василия Юрий Дмитриевич впервые разрешил построить в Москве частный каменный дом: до того, кроме церквей и городских стен, каменных домов не строили. Это был дом архиепископа Серафимия (1433 г.).

Потом во второй раз вступил на великокняжеский престол Василий Темный. В это вторичное княжение Василия Москве и всей России угрожала уния: ее принял во Флоренции митрополит Исидор, родом словак, за что и был низложен в 1441 году. Через четыре года после этого события страшный пожар опустошил Кремль: все деревянные строения сгорели, а каменные развалились от жара (1445 г.). В третье правление (после Шемяки) Василия Темного татары напали на Москву и сожгли посады. Москвичи сразились, отбили врагов, которые, гонимые каким-то сверхъестественным страхом, бежали, оставив даже и свои обозы. В это же княжение покорена Вятка, существовавшая независимо 278 лет, и было последнее (1450 г.) сражение между удельными князьями на Руси.

При великом князе Иване III, прозванном «собирателем земли русской», в Москву от хана Ахмета явились послы для получения дани, призывая и самого князя в Орду для постановления, как то бывало прежде. Но неустрашимый князь таковым обыкновением пренебрег, басму с ханским изображением

попрал, послов побил, а одного из них отпустил в Орду с презрительным отказом, что «та курица умерла, которая носила татарам золотые яйца»[11]. Хан был раздражен до неистовства, двинул свои полчища на Россию, но везде с успехом был отражаем. Присоединены были к Московскому государству Новгород, Тверь, и совершилось первое покорение Казани. Сверженобыло татарское иго (1480 г.).

После брака с греческой царевной Софьей Палеолог великий князь принял герб Византийской империи — черного двуглавого орла. Впервые учреждена была полиция в Москве, открыты серебряные и медные руды в окрестностях Печоры, указано начинать год вместо 1 марта с 1 сентября, изданы законы под названием «Судебник Иоанна III», начали отливать пушки. Для украшения Москвы он вызвал греческих и итальянских зодчих[12] и воздвиг вновь Успенский, Благовещенский и Архангельский соборы. Древний монастырь Спаса на Бору перевел на Крутицы, церковь была обращена в соборную, а кельи, бывшие вокруг нее, сломаны. Построена Грановитая

палата, вновь воздвигнуты кремлевские стены с великолепными башнями, около Кремля сломаны все наружные строения и запрещено ближе 109 саженой к стенам его строить городские здания. Гражданам Москвы еще раз было строить каменные дома: разрешением этим тотчас же воспользовались боярин Образцов и митрополит Зосима — они построили каменные дома[13], чему последовали и прочие богатые жители Москвы. Славное княжение Ивана III Васильевича было, однако же, омрачено таким несчастьем для москвичей, которое больше не повторялось: в 1471 году в Москве было землетрясение и, понятно, навело на жителей необыкновенный ужас. Повторялись также и пожары — зло, которое долго еще и впоследствии не оставляло Москвы.

Невзирая на эти несчастья, при великом князе Василии IV Ивановиче, т. е. в начале XVI столетия, Москва была уже весьма знаменита, и в ней насчитывалось более 100 тысяч жителей и до 41 тысячи домов, причем каменные дома были уже и в посадах. Кремль назывался городом. Речка Неглинка была за-

пужена и наполняла водой кремлевский ров, выложенный кирпичом. В посадах было множество садов, на реке Яузе — мельниц, а Гостиный двор, окруженный каменной стеной, находился в Китай-городе.

Этот великий князь, назвавшись царем, принял титул Царя и Самодержца всея Руси. При нем основана была Тула, взяты Псков, Смоленск, Рязань и учреждена Макарьевская ярмарка, так тесно связавшая Москву с Востоком (1524 г.). В следующем году началась стройка Новодевичьего монастыря.

Во время царствования Ивана Васильевича Грозного, в 1535 году, большое пространство Китай-города обнесено новой каменной стеной, начиная от Кремля, неправильным полукругом с четырьмя воротами; но два ужасных бедствия, испытанные Москвой, стену эту до основания разорили. Пожар в 1547 году, три раза начинавшийся, опустошил Кремль, Китай-город и почти все посады, причем более 2 тысяч человек стали жертвами пламени. В 1571 году крымский хан Девлет-Гирей, воспользовавшись оплошностью русских, приблизился к Москве. Царь из Москвы

уехал, воеводы хотели защищаться, но татары зажгли город, и через три часа все вспланилось и погребло. Целы остались одни городские стены. Сам хан ужаснулся при виде пылающей Москвы и удалился. Во время этого пожара погребло более 120 тысяч воинов и граждан московских. Девлет-Гирей, возгордаясь своей удачей, через посланных к царю послов требовал дани. Но царь приказал некоторым из них отрубить головы, а прочим отсек носы, уши и отослал обратно к хану с топором в подарок вместо дани. Однако же после этого пожара Москва поправлялась медленно. Но царствование Ивана Грозного было все же одним из замечательных царствований, положивших на Москву, а с ней и на всю Россию печать особого величия. Состоялся первый земский собор в Москве, издан «Стоглав», совершилось первое приложение выборного начала, покорены царства Казанское и Астраханское, присоединена Сибирь, начата торговля с англичанами, учреждено бессменное войско стрельцов, открыта первая типография и издана первая книга «Деяние св. Апостолов», построены Архангельск,

Кунгур, Уфа, башкиры приняты в русское подданство, учредилось донское казачество и совершено много других нововведений. При нем же воздвигнут знаменитый храм Покрова в память завоевания Казанского царства, известный более под именем Василия Блаженного.

В царствование Федора Ивановича отдельная часть Москвы обнесена стеной из белого камня и получила в народе название Белого города (1587 г.). В 1589 году по согласию бывшего тогда в Москве константинопольского патриарха Иеремии учреждено в России патриаршество, на которое и поставлен московский митрополит Иов. В 1592 году вся Москва со всеми ее посадами обнесена деревянной стеной. При Федоре Ивановиче крымский хан Каза-Гирей вторгся в пределы России, проник до самой Москвы и намеревался ее осадить. Москва была спасена чудным образом: пораженный каким-то страхом, Гирей бежал. В память этого события на том месте, где татары имели свой стан, был построен Донской монастырь, названный по образу Богоматери, принесенному в дар донскими казаками князю

Дмитрию Ивановичу.

В Кремле в 1600 году воздвиглась колокольня Ивана Великого: она построена Борисом Годуновым с целью доставить жителям Москвы пособие во время страшного голода, постигшего тогда Москву и другие города России. С этой же целью возведены были и другие сооружения и постройки городов: Белгорода, Оскола, Томска. Царь Борис выписал для Москвы иностранных докторов и открыл несколько аптек. При нем же закрепощены крестьяне и положено начало флоту: были куплены два корабля в Любеке со всеми принадлежностями и даже с матросами. По его же повелению отлит громадный колокол в 10 тысяч пудов, перелитый впоследствии и получивший в народе название Царя-колокола.

Так называемое Смутное время на Руси, само собой разумеется, оставило на Москве свои ужасные следы: Москва была поджигаемая, разоряемая, жители убиваемы десятками тысяч, но все это не пошатнуло значения Москвы, не уничтожило ее влияния как столицы. Напротив, все к Москве стремилось, все хотело захватить Москву как центр самостоя-

тельности Русского государства. Однако же и в это несчастное для Москвы время строились дома, дворцы. Так построил себе дворец Лжедмитрий с огромными львами у крыльца, которые возбуждали ужас у москвичей и служили одной из причин недоверия к самозванцу. Шуйский приказал их разорить, построив себе скромный деревянный дворец в Кремле.

Царствование В. И. Шуйского было одним из несчастнейших для Москвы и для всей России. При нем появился второй самозванец и укрепился под Москвой, в Тушине. При нем же совершилась и знаменитая осада поляками Троице-Сергиевой лавры, столь доблестно отбитая осажденными.

По удалении с престола царя Василия Ивановича в Москве было почти полное безначалие, и никто не мог ручаться ни за свое имущество, ни за свою жизнь. Учрежденный тогда в Москве совет из знатнейших бояр ничего не значил. Москва была в руках поляков, и, казалось, слава ее меркла, и сама она готова была перейти в руки иноплеменников.

Но на помощь Москве явились доблестные люди — патриарх Гермоген, нижегородский

гражданин Минин, князь Пожарский, — и Москва, а с ней и вся Россия были спасены.

С воцарением Михаила Федоровича Романова все в Москве пришло в обычный порядок вещей, и Москва начала как бы вновь процветать: полусторевшая деревянная стена сломана и заменена Земляным валом с 34 воротами, который окончен в 1618 году. Полуразрушенные церкви, дома и дворцы быстро исправлялись, принимая прежний свой вид, и, как воспоминание о пребывании в столице врага, который был из нее изгнан, в 1625 году князем Пожарским был воздвигнут собор Пресвятой Богородицы Казанской.

Царь Алексей Михайлович придал Москве еще более блеска и значения: Москва быстро украшалась и богатела, удивляя иностранцев своей обширностью, богатством церквей и множеством товаров, находившихся в Гостином дворе. При нем возобновлено учрежденное Борисом Годуновым Заиконоспасское училище, построен Потешный дворец и начали впервые бить в Москве свою серебряную монету.

Любя науки и художества, царь Федор

Алексеевич в свое краткое царствование тоже украсил Москву несколькими прекрасными зданиями, щедро улучшал Заиконоспасское училище, утвердив его особым уставом, и уничтожил один из странных обычаев среди московских бояр, порождавший множество ссор и усобиц, — местничество.

Петр Великий хотя и перенес столицу в Петербург, но, воспитанный в Москве, получивший в ней первые свои детские впечатления, понимал ее значение для России и во все свое царствование обращал на нее особенное внимание. В память стрелецкого Сухарева полка он построил башню, учредив в ней школу для мореплавания. В 1702 году начато в Москве построение Арсенала и запрещено строить в Кремле деревянные здания. Учрежден военный госпиталь в Лефортове. Вызваны из разных государств ученые люди по всем отраслям знаний и поселены в предместье Москвы, составив отдельную слободу под названием Немецкой. Разбит Ботанический сад. Вообще в царствование Петра Великого Москва начала походить более на европейский город, чем ранее, хотя это было и не особенно любо

москвичам.

В последующие затем царствования было окончено построение Арсенала (при Анне Ивановне), основан Московский университет и две гимназии для дворян и разночинцев (при Елизавете Петровне), учрежден Воспитательный дом (в 1764 г. при Екатерине II). При ней же учреждены в Москве многие богоугодные заведения, а в Кремле построено огромное здание для помещения правительствующего Сената, Межевой канцелярии. Архива и других присутственных мест. Ее повелением от селения Мытищи, в 18 верстах от Москвы, в столицу проведена превосходная вода[14]. Берега речки Неглинной укреплены камнем и кирпичом. Стена Белого города разобрана, а потом срыт и Земляной вал, превратившийся впоследствии в бульвары и проезды. Москву окружили так называемым Камер-Коллежским валом на 33,5 версты.

Москва в то время разделялась на 20 частей, 88 кварталов и имела 131 улицу, 471 переулков, 9 соборов, 24 монастыря, 325 церквей, 8426 каменных и деревянных домов и при них 1523 сада, более 11000 лавок и магазинов,

233 завода, 147 фабрик и 216 953 жителя обоих полов, Нашествие Наполеона было одним из последних бедствий, постигших Москву. Все тогда гибло в пламени: церкви, дома, великолепные здания, сады, и обгорелые их остатки представляли унылый вид опустошения. По приказанию озлобленного неудачей Наполеона маршалом Мортье кремлевские здания были взорваны в пяти местах. Кремлевские стены во многих местах треснули. Повреждены были левая часть Ивановской колокольни и почти половина Арсенала. Из 9158 домов уцелело только 2626, и то большей частью в предместьях города и в частях Мясницкой и Тверской, где имели пребывание неприятельские караулы.

Казалось, что после подобного разрушения Москва долго не оправится и не придет в прежнее цветущее состояние. Но вышло наоборот. Сохранив прежние святыни, прежний исторический склад, Москва быстро начала застраиваться, начала быстро принимать тот грандиозный вид и по обширности и по красоте, который так удивляет всех в нее приезжающих и который есть уже достояние но-

вейшего времени.

Но древняя Москва все же остается для нас дорога, как дорого нередко все, что прошло, что осталось только в воспоминаниях.

«Что прошло, то будет мило», — сказал в одном из своих стихотворений незабвенный Пушкин.

И это как нельзя более применимо к Москве, которая так богата своим историческим прошлым и так полна для всякого русского человека неотразимым обаянием! Кто хочет знать Россию, побывай в Москве!

ПАНОРАМА СТАРОГО ГОРОДА

*Старине святой невольню
Поклоняется душа...
Ах, Москва родная, больно
Ты мила и хороша!*

Ю. Жадовская

Обозрев Москву с чисто исторической точки зрения, взглянем теперь на нее вскользь со стороны внешней, со стороны ее наружной красоты, так сказать, поэтической, и отчасти заглянем в ее улицы, переулки, пустыри.

Чудную, живописную панораму представляла Москва в далекую старину!..

Мы созерцаем Москву в это далекое прошлое с какого-либо возвышения. Прежде всего сверкают золотые маковки церквей, залитые ярким солнцем. Затем виднеются стены, башни, часовни, хоромины, фигурные теремки и вышки, разноцветные, пестрые башенки, дома, домики, сараи, склады и среди них там и сям ветряные мельницы. Все это пораз-

брошено, пораскидано — то по берегам речек, то в зелени садов и рощиц. Улицы кривы и узки, площади велики и грязны, дома как бы выросли в землю. Речки еще вьются на просторе. Вот Яуза — река как река: довольно широка и довольно глубока. Вот Хапиловка, Синичка, Кабанка, Чечорка. Вот болотистые и мутные Неглинка и Самоотека. Вот обширные пруды среди боярских отчин. А сколько садов! А сколько огородов! Они везде: и за Москвой-рекой, и по берегам речек, и даже в Китай-городе и Белом городе! А лесов сколько по окраинам: и сосновых, и березовых, и дубовых! И среди них желтеют большие дороги, и змейкой, прорезая заросли и кустарники, вьются узенькие проселочные! А после них и за ними — опять приселки, выселки, пригороды, большие слободы, отделенные от Москвы деревянными надолбами, устроенными для того, чтобы не допускать в Москву привоза неявленных товаров и корчемных питий и чтобы никто не мог въезжать в Москву и выезжать из нее мимо застав[15].

Сады для москвичей были почти необходимостью. Трудно было найти зажиточного до-

мовладельца, у которого бы не было при доме сада. Сады эти отличались густой тенью, окружались плотным забором, а внутри их высились качели как необходимая принадлежность для затворниц-девушек, любивших эту доступную им забаву. Среди садов чаще всего находились огороды с незатейливой овощью: капустой, чесноком, луком, огурцами, редькой и свеклой. В богатых садах разводились и дыни, вкусу которых и огромной величине удивлялись иностранцы[16]. Салата предки наши не сеяли, они издевались над иностранцами, говоря: «Немцы полевою траву жрут как скоты». О спарже и артишоках не было и помину[17]. Впоследствии вкус наших предков изменился, и у них на столах стали появляться разного рода коренья. Фруктовых деревьев в садах наших предков тоже почти не имелось. Предпочитались рябина, калина, черемуха, малина, крыжовник и другие незатейливые кустарники. Цветов особенных тоже не знали: пользовались невзыскательными ноготками, бархотками, маргаритками и другими им подобными цветами[18]. Вследствие многочисленности садов зажиточные

предки наши дач не знали, а простой народ пользовался загородными гуляньями в известные дни, а гуляний этих было множество. Дачи начали строить только при Петре.

Заглянув в еще более глубокую старину, мы увидим, что внутри Москвы было немало пустырей, рвов, оврагов, даже целых роц. Роци эти были настолько еще глухи и первобытны, что туда девушки хаживали за грибами, ягодами, орехами и аукались там на приволье. На Тверском вражке, например, был лесной бугор, и такой бывал большой разлив речки Неглинной, что там образовалось глубокое болото, в котором даже тонули неосторожные гуляки[19]. По Неглинной езжали свободно на лодках взад и вперед, как теперь ездят по Москве-реке. В Петровской слободе (улица Петровка) были не только овраги, но перелески и большой косогор. Туда девушки из слобод Тверской и Никитской ходили на ключ за водой и в Троицын день правили там Семик.

Нынешнее Новинское было загородной деревней и называлось Новинами[20]. Там, где Козиха, было болото, где водилось немало ди-

ких коз. Где теперь Пречистенка, были пустыри и водомоины, и место это именовалось Чертольем[21]. В Кузнецкой слободе[22], со стороны Неглинной, была целая аллея больших вязов, куда любил ходить погуливать простой народ. Со времен царя Алексея Михайловича там жили кузнецы в хибарках и был каменный мост с перилами через Неглинку. Гороховое поле действительно было засеваемо горохом на большое пространство.

Вообще в глубокую старину Москва представляла глушь довольно изрядную. По-видимому, в ней было приволье — и птице небесной, и зверю прискучему, и она скорее была похожа на десятки скучившихся как бы случайно сел и деревень, чем на столичный город, беспримерная будущность которого так удивляла и удивляет весь мир.

Как же после этого не удивляться ей всякому русскому! Для него здесь каждое урочище, каждая стена, церковь, башня, монастырь, каждое, наконец, древнее здание есть немая каменная летопись Москвы и напоминает ему о каком-нибудь важном событии в рус-

ской истории или приводит на память чье-нибудь громкое, славное имя, начиная от полубаснословного Кучко до могучего Наполеона! И какая же масса этих событий! И сколько же этих славных имен! Познакомимся же с ними!..

КРЕМЛЬ

*Какими думами украшен
Сей холм давнишних стен и ба-
шен,
Бойниц, соборов и палат?
Здесь наших бед и нашей славы
Хранится повесть... эти главы
Святым Сиянием горят!..*

Н. М. Языков

*...Гой ты, Кремль наш русский!
Или твои стены вековые узки,
Чтобы не вместилась в них вся
наша сила!
Много Русь родная бед переноси-
ла;
Но все беды наши проносились ми-
мо, —
И стоит он — Кремль наш —
непоколебимо!*

И. М. Кондратьев

Когда еще не был изобретен порох и не было еще известно огнестрельное оружие, ни один город как везде, так и у нас на Руси не строили без того, чтобы не укрепить какой-нибудь его части стеной на случай нападения неприятеля. Нынешние грозные крепости имеют уже более специальный и более грозный характер. Тогда крепость имела более простое назначение и также просто достигала своей цели, давая почти верное убежище осажденным, в особенности, если крепость имела еще наружный ров.

Будучи сперва простым селением, затем городом, Москва, однако же, долго не имели какого-либо укрепления. По всей вероятности, ни Юрий Владимирович Долгорукий, ни его наследники, в руки которых переходила Москва, не считали ее настолько значительной, чтобы укреплять стенами. Может быть, это зависело и от того, что сами удельные князья в ней не жили, за исключением Владимира Всеволодовича, который, как уже сказано выше, имел в ней для защиты свое войско и своего воеводу, но Москва все-таки укрепления не имела.

Зимой 1237 года при том же князе Владимире Москва была разорена Батыем, причем погиб и храбрый защитник ее, воевода Филипп Нянька, а сам князь был изгнан из Москвы братом своим Юрием Всеволодовичем, великим князем владимирским.

Кто после этого владел Москвой в течение девяти лет — неизвестно. Но в 1246 году разоренная Москва перешла в руки князя Михаила Ярославича, прозванного Храбрым. При нем Москва быстро оправилась, и сам Михаил был настолько силен, что выгнал дядю своего Святослава из Владимира и довольно успешно воевал с Литвой[23].

До 1264 года Москва, вероятно, опять своего удельного князя не имела, так как о таком ни в одной из летописей не упоминается. Но в этом году Москва досталась в удел младшему сыну св. князя Александра Невского Даниилу, и этот князь, первый приняв титул князя московского, за три года до своей кончины, в 1300 году, первый же положил и основание Кремлю: высокий холм над Москвой-рекой недалеко от впадения в нее речки Неглинной он обнес деревянным палисадом,

что, по всей вероятности, являлось уже крайней необходимостью и могло служить достаточной защитой от нападения врагов, окружавших этот маленький удел. А удел находился между Лопасней, Можайском, Клином, Дмитровом, Радонежем и Коломной, принадлежавшими чужим княжествам.

Потом холм, на котором расположен Кремль, уже не представлялся таким возвышенным, как в былые времена, потому что его несколько раз сравнивали и срывали. В глубокую старину он был покрыт густым бором, шедшим через холм Китай-города и далее, где нынешние Лубянка, Мясницкая, Покровка, вплоть до самого бугра, на котором стоит Ивановский монастырь.

Есть немало данных предполагать, что в сумраке времен, давно прошедших, далеко до построения самой Москвы, Кремлевский холм был уже заселен. Скорее всего на нем существовало городище, т. е. богослужебное языческое капище, которые обыкновенно устраивались в таких именно местностях у слияния двух рек. Городища эти строились преимущественно в глухих лесах и окапыва-

лись нередко земляным валом, чтобы в случае опасности можно было укрыть местное население, Это подтверждается открытыми в Кремле же памятниками: при раскопке земли по случаю постройки Большого дворца были найдены серебряные обручи, серьги и аравийские монеты IX столетия. При введении христианства холм, вероятно, застроился владельцем окружающих земель, скорее всего кем-то из предков боярина Степана Ивановича Кучко, которые жили независимо и привольно, не желая знать никаких князей-избранников. Так, вероятно, дело шло до тех пор, пока не появился в этой местности Юрий Долгорукий, который, «полюбя же вельми место сие, заложил град и пребыл тут строя, доколе брак Андреев совершил»[24].

Каков именно был этот град, основанный Долгоруким, неизвестно. Вероятнее всего, что Юрий просто решил построить на этом месте град, так как через эту местность издавна лежала большая дорога из Киева во Владимир, а еще более потому, что поселение находилось на перекрестке торгового сухопутного сообщения Запада с Востоком, где жило на Волге

богатое торговое болгарское племя.

Маленькое поселение, таким образом, обратило на себя внимание, и высокий холм над рекой последовательно сделался, по выражению историка М. Погодина, корнем, зерном, семенем Русского государства.

Но история этого «зерна», т. е. история Москвы и ее постепенного усиления и распространения, начинается именно с князя Даниила Александровича и именно с того времени, как он положил основание Кремлю[25].

Нам подлинно неизвестен образ тогдашнего строения крепостей, но, судя по оружию и образу войны, наверное можно сказать, что таковые укрепления строились просто квадратными. О башнях не упоминается, а ежели таковые и делались, то, может быть, только для наблюдения за движением неприятеля, и были сторожевыми.

Место для Кремля избрано весьма удобное, и положение для открытой рукопашной силы превосходно: расположенный на высоком холме, с юга он защищался Москвой-рекой, с запада и севера — топкой рекой Неглинной, а с востока — искусственным глубоким рвом,

простиравшимся от речки Неглинной до Москвы-реки.

Иван Данилович Калита после двух пожаров (в 1330 и 1337 гг.), когда, как сообщают летописи, сгорело 18 церквей, находившихся под Кремлевской горой, нашел необходимым обнести весь Кремль дубовыми стенами[26], заложенными 25 ноября 1339 года и оконченными к Великому посту следующего года. Под городом Иван Калита построил посады и слободы, которые были заселены великокняжескими ремесленниками, что доказывается названиями: Гончарная, Кузнечная и т. д.

В 1365 году Кремль, посады и Заречье были опустошены страшным пожаром, известным под названием Всесвятского, потому что он начался с церкви Всех Святых. Засуха и сильнейший ветер в день пожара много способствовали распространению огня. Головни и целые бревна с огнем перекидывало через десять дворов, и в каких-нибудь два часа времени весь город сгорел до основания, и никто из жителей не успел спасти своего имущества. Но город быстро застроился, и явилась необходимость обнести Кремль каменными стена-

ми, потому что, утверждая единодержавие, великий князь приобретал много врагов среди князей, не желавших ему подчиняться. Через два года после пожара, в 1367 году, великий князь Дмитрий Иванович, впоследствии Донской, обнес Кремль каменными стенами с башнями и железными воротами: Никольскими, Фроловскими, Константино-Еленскими и Алексеевскими.

С западной стороны Кремля главными воротами были Боровицкие, от которых шла большая улица к великокняжескому дворцу. Угольная башня против нынешнего Москворецкого моста названа Свибловской по имени одного из главнейших бояр при великом князе Федора Андреевича Свиблы. В то время Москва разделялась на Кремль, посады, Загорье и Заречье. Сын Дмитрия Ивановича Василий Дмитриевич для большего укрепления Москвы велел выкопать по восточной стороне Кремля ров глубиной в рост человека, а шириной в сажень. При нем Москва была разделена, со станами и селами, на трети, и в ней были уже следующие улицы: Великая, шедшая от нынешнего Воспитательного дома

по берегу Москвы-реки мимо Кремля, Варварская, Сретенская, Арбатская (нынешняя Воздвиженка) и др.

Время, непрочность кирпичей и извести, употреблявшихся тогда, и неумение еще строить с надлежащей прочностью каменные укрепления были причиной, что заложенный Дмитрием Донским Кремль по прошествии ста лет приходил в ветхость. Иван III Васильевич, положивший прочное основание единой державии и величии России, перестроил и распространил Кремль и вообще первый занялся украшением Москвы. До него Москва представляла довольно бедный вид, как единогласно свидетельствуют о том все иностранцы, бывавшие в Москве и оставившие описания своего пребывания в ней. Так как свои мастера не имели достаточных знаний, чтобы производить постройки, то великий князь по совету своей жены Софьи решился выписать из Италии более сведущих строителей. Он поручил Семену Толбузину, своему послу в Венеции, поискать там хороших мастеров. Но никто не соглашался ехать в далекую и мало еще известную Москву. Наконец

Толбузину посчастливилось найти одного славного зодчего, который заявил себя уже тем, что выстроил в Венеции большую церковь и ворота, и который согласился ехать в Москву за десять рублей жалованья в месяц, что составляло около двух фунтов серебра. Это был знаменитый Аристотель Фьораванти. Он приехал в Москву с сыном Андреем и учеником. Найдя за Андроньевым монастырем хорошую глину, он стал делать превосходные кирпичи. Он же первый употребил в дело стенобитную машину и блок, которых москвичи не видали у себя ранее. Аристотель был не только искусным архитектором, но знал еще и Другие художества: лил пушки и настолько умел ими управлять, что участвовал, по свидетельству летописца, в походе Ивана Васильевича на Тверь, находясь при орудиях. Во время осады Новгорода он построил под городищем мост на судах. Кроме того, он лил колокола и чеканил монеты. Вслед за Аристотелем были приглашены в Москву еще многие Другие иноземные художники, производившие различные постройки и исправлявшие прежние соборы, церкви, здания.

Новые каменные стены с башнями были возведены, отступя от прежних. Между стеной и дворами было оставлено 109 саженьей, а церкви и дома, стоявшие на этом пространстве, снесены. Петр Фрязин в 1485 году выстроил Свибловскую башню на Москве-реке и под ней вывел тайник. Затем, в течение семи лет, он выстроил башни, или стрельницы, у Фроловских, Никольских, Боровицких и Константино-Еленских ворот и стену от Свибловской стрельницы до Боровицких ворот и далее до Неглинной. Другой зодчий — иностранец Марк Руффо построил стрельницу Беклемишевскую. Все эти стрельницы были соединены толстой, вышиной в некоторых местах до трех саженьей стеной.

Страшный пожар в 1493 году внутри Кремля сделал в нем и страшные опустошения. Сгорели новый великокняжеский дворец, оконченный года за два перед тем, старый дворец. Митрополичий двор, обрушилась церковь Иоанна Предтечи у Боровицких ворот, под которой хранилась казна великой княгини Софьи, и много других зданий. Уцелели только соборы да Грановитая палата,

выстроенная Марком Руффо и Петром Фрязиным, получившая свое название от граненых камней наружной стены. Великий князь вместе со своим сыном лично помогал разметывать строения для прекращения пожара. При этом погибло более 200 человек, а также множество лошадей и других животных. Летописцы говорят, что, как Москва стала, такого пожара еще не было. Сам великий князь принужден был переехать временно за Яузу и поселился на «крестьянских дворах» у церкви Св. Николая, что именовалась Подкопай. Через шесть лет великий князь поручил архитектору Алевизу построить каменный дворец на старом своем дворе у Благовещения. Алевиз употребил девять лет на построение дворца, но выстроил его основательно, сделал под ним подвалы и ледники и провел каменную стену от великокняжеского двора до Боровицкой стрельницы. Во время постройки дворца великий князь помещался в деревянных хоромах в своем Кремлевском дворе, а иногда на Воронцовом поле. Он не дожил до окончания строительства дворца. Надо заметить, что построение церквей и палат хотя и было

поручаемо иностранным художникам, но живопись, особенно церковная, оставалась в руках русских художников.

Преемник Ивана III Васильевича Василий Иванович был первым вполне самостоятельным государем московским. В самом начале своего княжения он достроил в Кремле каменный дворец, начатый отцом его, и перешел в него жить 7 мая 1508 года. Он великолепно отделал дворец и, кроме того, выстроил в Кремле на прежних местах некоторые новые каменные церкви. Ров, идущий вокруг Кремля, великий князь велел мастеру Алеви-зу обложить камнем и кирпичом и выкопать при впадении Неглинной в Москву-реку за Боровицкими воротами пруд, названный Лебединым. На этом пруде была поставлена каменная мельница, и вода из него проводилась во рвы.

В первые годы царствования Ивана IV Васильевича, впоследствии прозванного Грозным, 21 июня 1547 года ужасающий пожар снова опустошил Кремль. Пожар начался с церкви Воздвижения на Арбате (Воздвиженке). При сильном ветре огонь быстро распро-

странился вплоть до Москвы-реки у Семичевского сельца, где теперь церковь Успения на Остоженке. Отсюда огонь был занесен бурей в Кремль, где загорелся Успенский собор, царский дворец. Казенный двор и Благовещенский собор. Царь с супругой Анастасией, братом и боярами вынужден был выехать в село Воробьево. Митрополит Макарий[27] едва не задохнулся от дыма в Успенском соборе, спасая образ Богоматери, написанный св. митрополитом Петром. Икону Владимирской Божьей Матери хотели тоже вынести из церкви, но не могли сдвинуть ее с места и потому оставили в соборе: она не была повреждена огнем. Макарий ушел на городскую стену, но и там задышался от дыма. Его стали спускать на веревках с тайника башни к Москве-реке, но канат оборвался, митрополит упал и сильно расшибся при падении. Едва живого его свезли в Новоспасский монастырь, В Кремле сгорели почти все дворцовые здания, Чудов и Вознесенский монастыри. Оружейная палата с оружием, Постельная палата с казной и Митрополичий двор. Во многих каменных церквях сгорели иконостасы и имущество

частных людей, которое еще пряталось в то время в церквах. Ужасный пожар захватил и другие местности Москвы. Народ приписывал этот пожар действию волшебства. Подученный боярами, ненавидившими Глинских, родственников царя по его матери Елене Глинской, народ обвинял в нем царских любимцев. Первым был убит князь Юрий Глинский, спрятавшийся было в Успенском соборе. Через три дня после этого бунтующий народ устремился на Воробьево, требуя от царя всех Глинских. Царь велел схватить зачинщиков и казнить. Остальные разбежались. Пожаром этим, казавшимся карой Божьей, воспользовался известный пресвитер Благовещенского собора Сильвестр, по происхождению новгородец, чтобы подействовать на совесть царя, проявившего уже страшную жестокость. Как известно, слова Сильвестра сильно подействовали на царя, и с этой минуты царь весь предался своему новому наставнику, найдя в нем какую-то сверхъестественную силу. Помощником и единомышленником Сильвестра сделался Алексей Адашев, еще юноша, бывший в приближении у царя.

Вернувшись после пожара в обгорелый Кремль, царь несколько дней провел в уединении, потом созвал святителей, покаялся перед ними в своих грехах и причастился Св. Тайн. Немедленно было приступлено к исправлению повреждений, причиненных пожаром: отстроен Успенский собор, исправлен дворец, обновлена Грановитая палата, которая стала называться еще и Большой золотой палатой. Верхи Успенского собора были покрыты вызолоченными медными листами, а мощи св. Петра-митрополита, стоявшие во время переделки в Чудовом монастыре, переложены из серебряной в новую, золотую раку.

При царе Федоре Ивановиче в Кремле насчитывалось 35 церквей, а во всем городе более 400. Царь Борис Годунов произвел немало новых построек в Кремле, между прочим, выстроил для себя большие каменные палаты, где перед тем были хоромы царя Ивана. Эти палаты существовали до начала нынешнего столетия и находились против келий Чудова монастыря, где теперь казармы.

После Смутного времени, времени самозванцев и вторжения в Москву поляков и ли-

товцев, изгнанных князем Пожарским, Кремль найден был в ужасном состоянии: в церквах все было ободрано, раки святителей, золотые и серебряные, были рассечены поляками на части и разделены между собой, образа порублены, везде была страшная нечистота, а в чанах местами найдена была приготовленная из человеческого мяса пища. Все это было делом шайки поляков, запершейся в Кремле под начальством Николая Струса.

По словам Адама Олеария, голштинского ученого, который посетил Москву в 1634 и 1636 годах при царе Михаиле Федоровиче, большую часть Китай-города занимал тогда Кремль, обведенный толстой каменной стеной. Внутри этих стен, сообщал Олеарий, находится много богатых каменных зданий, палат и церквей, занимаемых и посещаемых великим князем, патриархом, важнейшими государственными советниками и боярами. Царь Михаил Федорович выстроил великолепный дворец и каменные палаты в итальянском вкусе для своего сына, но сам жил ради здоровья в деревянном дворце. Патриарх тоже выстроил для себя великолепный

дворец, который немногим хуже великокняжеского. В Кремле два монастыря, мужской и женский, и до 50 церквей, главы которых покрыты гладкой, крепко вызолоченной жемчужной, которая при солнечном свете ярко блестит и тем придает всему городу великолепный вид. На самой середине Кремлевской площади стоит чрезвычайно высокая колокольня со множеством колоколов, называемая «Иван Великий», глава которой тоже обита золоченой жемчужной. Рядом с ней стоит другая колокольня, на которой помещается самый большой колокол, вылитый при Борисе Годунове. В этот колокол звонят только в большие праздники, а также при встрече великих послов и при шествии их на торжественное представление. Для звона в этот колокол привлекается 24 человека и даже более, которые стоят на площади внизу и, ухватившись за небольшие веревки, привязанные к двум длинным канатам, висящим по обеим сторонам колокольни, звонят поочередно то с одной, то с другой стороны, соблюдая большую осторожность, чтобы не произвести сотрясения колокольни, от чего она могла бы

разрушиться. Для той же цели наверху, у самого колокола, стоят несколько человек, которые помогают приводить в движение язык колокола. В Кремле же находятся великокняжеские казнохранилища и продовольственные и пороховые дома.

При царе Михаиле Федоровиче застраиваемый внутри Кремль снаружи оставался в прежнем виде. Переделаны были только Фроловские ворота, о которых далее будет особая статья.

В царствование Алексея Михайловича была выстроена в Кремле Крестовая палата Патриаршего дома, набережные хоромы Иконного терема и Потешный дворец. Указом 1657 года было запрещено погребать в Кремле усопших, а до тех пор при кремлевских церквях находились кладбища, огороженные надолбами и заборами. Кроме царских дворцов, приказов, аптек и других казенных зданий в Кремле в то время помещались и палаты бояр и духовных лиц. Из боярских дворов известны: Трубецкого, Одоевского, Голицына, Милославского, Морозова, Шереметева, Черкасского, Стрешнева и др. Однако же, деревянных

строений было больше, чем каменных, потому что москвичи предпочитали в то время для жилья деревянные хоромы и брусяные избы каменным палатам. Улицы были вымощены тоже брусьями и досками. При Михаиле Федоровиче, а затем и при Алексее Михайловиче в Кремле были разбиты два сада, верхний и нижний, по скату Кремлевской горы, в которых были пруды, выложенные свинцовыми досками, водометы и оранжереи с редкими иностранными растениями и плодовыми деревьями. У Боровицких ворот, на Неглинной, был разбит плодовый царский сад, в котором даже имелись виноградные лозы, лимонные, лавровые и фиговые деревья, а в царском тереме был сделан комнатный сад. Кроме того, царские сады были на Царицыном лугу, где Болотная площадь [28], близ Немецкой слободы, и в селе Измайлове.

Страшное несчастье в виде чумы охватило Москву и ее окрестности в сравнительно счастливое царствование Алексея Михайловича в 1654 году. Царь в то время, после удачного похода против Польши, находился в Вязьме. Никакие меры против ее распростра-

нения не помогали. Под угрозой смертной казни было запрещено сообщение между зараженными и незараженными деревнями. Зараженные деревни оцеплялись стражей, которая никого не пропускала и раскладывала частые огни вокруг поселений. Царское семейство вместе с патриархом Никоном помещено в Калязинском монастыре. Грамоты, присылаемые туда из Москвы, тщательно окуривались. Ужасны были известия, сообщаемые этими грамотами: в них говорилось, что почти вся Москва вымерла, в лавках никто не сидит, преступники из тюрем разбежались, множество дворов разграблено и остановить грабежа некому. По списку, сделанному царским наместником князем Пронским, всего умерло 400 800 человек. Сам Пронский сделался жертвой моровой язвы, а равно и три митрополита, присланные вместо себя Никоном. Множество трупов валялось по улицам Москвы и по ее домам, и голодные псы и свиньи рвали их на клочки. Дошло до того, что уже не хватало гробов для покойников, и их не успевали даже хоронить с обычными обрядами, а рыли просто огромную яму и свалива-

ли туда тела. Тогда от царя прислан был в Москву приказ запереть все ворота в Кремле, оставив только калитку на Боровицкий мост, но и ту запирают на ночь. Осенью болезнь начала ослабевать, а начавшиеся морозы в декабре и совсем прекратили бедствие. Весь Кремль по случаю смерти дворцовых людей занесло снегом. Только в феврале следующего года царь приехал в Москву.

При царе Федоре Алексеевиче московские церкви стали разделяться на сорока, или заказы[29]. Сороков было шесть: Китайский, Пречистенский, Никитский, Сретенский, Ивановский и Замоскворецкий. В первом сороке было 136 церквей и, кроме того, не считавшихся в этом сороке — 23. Во втором — 210. В третьем — 176. В четвертом — 150. В пятом — 117. В шестом — 44, да придельных и домовых церквей — 87, итого во всех сороках насчитывалось 943 церкви, в том числе во имя св. Николая Чудотворца церквей соборных, монастырских, придельных и домовых — 128.

Благодаря проискам царевны Софьи, желавшей по смерти брата Федора захватить в руки власть. Кремль видел в своих стенах

мрачные буйства стрельцов, разразившиеся многими убийствами: стольника Салтыкова с отцом, боевого воеводы Ромодановского, любимца царя Федора, Языкова, доктора Гадена, Ивана и Афанасия Нарышкиных и, наконец, знаменитого Артамона Сергеевича Матвеева, родственника царицы Натальи Кирилловны.

В Кремле же, в Грановитой палате, произошел 5 июля 1682 года и безобразный спор раскольников с православными, коноводом которого был расстрига Никита Пустосвят, вскоре казненный. В той же палате при правительнице Софье Алексеевне торжественно были принимаемы послы польские и шведские, а в 1686 году москвичи впервые увидели царевну Софью, участвовавшую в торжественном шествии государей Ивана и Петра Алексеевичей по случаю перенесения мощей святителя Алексея из церкви Архангела Михаила в новую церковь во имя того же святителя в Чудовом монастыре. Это было не в обычае того времени: в подобных всенародных шествиях царицы никогда прежде не участвовали. При большом звоне во все колокола Софья вышла вместе с обоими государями из

дворца и прошла с ними в Чудов монастырь. Здесь она стояла во время службы подле них, а когда цари вместе с патриархом понесли угодника, она одна из всего царского семейства следовала за ними. С этих пор она не пропускала уже ни одного торжества или крестного хода, чтобы не показаться народу. Этим она старалась достичь того, чтобы народ привыкал смотреть на нее как на свою царицу.

Великое царствование Петра придало Кремлю новый величавый характер. Стирая с лица земли все негодное, старое, отжившее свой век, он очистил Кремль от загромождавших его частных домов, находившихся между Никольскими и Троицкими воротами по обеим сторонам улицы до ограды Чудова монастыря и до кремлевской стены у Вознесенского монастыря. При этом были сломаны дворы князя Одоевского, кравчего Салтыкова и взята земля, бывшая под двором боярина Стрешнева. Кроме того, разобраны Сахарные палаты, где был первый сахароваренный завод. Тут начата постройка Арсенала. При Петре же, указом 1705 года, велено вместо деревян-

ных мостовых делать в Кремле, в Китай-городе и на больших улицах мостовые из дикого камня.

В последующие царствования были окончены в Кремле постройки, начатые Петром, произведены новые, и старый Кремль явился как бы в обновленном виде — чистый, сияющий, священный. Не одолел его даже своими силами великан своего века — стопобедный Наполеон. В бессильной злобе взорвал он кремлевскую стену — ребро груди Москвы белокаменной — и нагло писал императору Александру: «Твоего Кремля нет — покорись!» «Отпущу бороду по пояс и отступлю за Волгу и Урал, но не покорюсь врагу!» — ответил царь могучего народа. И несметные силы гордого пришельца растаяли, как воск пред лицом огня, под дыханием народного мщения. Так дохнула Москва — и за ней вся Россия! Кремль уже более не видал в недрах своих врага!

* * *

Кинув беглый взгляд на Кремль (о его святынях и достопамятностях речь пойдет далее), предлагаем прочесть, что пишет о значе-

нии Кремля известный историограф Николай Михайлович Карамзин:

«Кремль есть место великих исторических воспоминаний. Здесь среди развалин порядка гражданского возникла мысль спасительного единодержавия, как жизнь среди могил истления; здесь, под звуком цепей ханских, воспылала ревность государственной независимости, изготовились средства победы свободы; здесь Донской развернул черное знамя великокняжеское, чтоб идти на Мамаю; здесь Иоанн Васильевич растоптал басму или образ хана; здесь началось, утвердилось самодержавие не для особенной пользы самодержцев, но для блага народного; отсюда священные тени добродетельных предков изгнали Иоанна Грозного, когда он изменил добродетели. В Спасские ворота въехал на коне Василий Иванович Шуйский, держа в одной руке святой крест, а в другой меч обнаженный, чтобы свергнуть Лжедмитрия; здесь показывают место, где лежал самозванец, выскочив из окна задних переходов дворца; на паперти храма Успенского нововенчаный царь, юный

Михаил, лил горькие слезы, когда россияне лобызали ноги его также со слезами, но радостными! Сия священная ограда бывала театром ужасов, тут кипели войны бунтов стрелецких, тут издыхал на копьях знаменитый Матвеев; мысленно видим коварную улыбку торжествующей Софьи, видим десятилетнего Петра, уже монарха взором и гласом повелительным. Сей великий государь прославил Россию, отнял у Кремля славу быть всегдашним жилищем царей, но здесь приемлют они венец от Бога и отечества; здесь, как в средоточии России, от времени являются они пред нами в важные, решительные минуты своего царствования. Так, мы видели здесь Александра в роковой, незабвенный 1812 год, когда надлежало искушить твердость и великодушие россиян; здесь померкла блудящая звезда Наполеона. Вот славнейшее из всех воспоминаний кремлевских для веков грядущих!»

Посвятила Кремлю много лирических восторгов и родная наша поэзия. Вот одна из пылких, патриотических песен славного на-

шего певца Жуковского.

О, Кремль отеческий! Твой прах
Лобзаем в умиленье!
Смотрите: на его стенах
Отчаянное мщенье
След черный впечатлело свой!
Казня в безумстве камень,
Губитель трепетной рукой
На них свой бросил пламень.
Не будь Кремля! — изрек злодей;
Но Кремль стоит священный;
Вспылал лишь древний дом царей,
Убийцей оскверненный.
С хвалою первой к Богу сил,
Друзья, подыдем длани:
Он на Кремле себя явил
Ужасным Богом брани!
Он, в заревах по небесам
Над рдеющей Москвою
Промчавшись, стал в лицо врагам
Карающей бедою.
Он в дым Москвы себя облек
И знаменем мести,
Как пред Израилем, потек
Перед полками чести!
И славою ему во след
Шумели их знамена!
При звучном клике их побед

*Распались цепи плена.
На брань пошли рука с рукой
Владыки и народы,
И грянул страшный Божий бой,
И шлем его свободы!
Раздайся ж громко на Кремле
Днесь «Богу в Вышних Слава!..»
Живущим радость! Мир земле!
И Вечному держава!*

Кремлевские ворота

Весь Кремль, как известно, выстроен неправильным многоугольником, вся южная сторона которого обращена к Москве-реке. Вследствие этой неправильности и кремлевские ворота расположены без особенной правильности. В старину их было шесть: Фроловские, Константино-Еленские, Боровицкие, Курятные (Куретные), Тайнинские (Тайницкие) и Никольские. При исправлении Кремля царем Михаилом Федоровичем Константино-Еленские ворота заложены и на их месте воздвигнута башня. Ворота эти находились пониже Фроловских по направлению к Москве-реке. Ко всем этим воротам вели ка-

менные мосты, соименные им, перекинутые через рвы, которыми был окружен Кремль. Рвы эти были выкопаны между двумя стенами. У Никольских ворот находился собор Черниговских Чудотворцев, выстроенный в XVII веке и сломанный после 1770 года. В этот собор были царские выходы 20 сентября и 14 февраля. Там же стоял собор Св. Александра Невского, куда были царские выходы 23 ноября. Курятные ворота были возведены около 1500 года и назывались Курятными потому, что находились позади царского заднего двора, т. е. курятника. Троицкими они названы впоследствии, при царе Михаиле Федоровиче, который повелел их исправить и устроить на них часы с курантами. Название Троицких ворот дано им от образа Пресвятой Троицы, находившегося на внутренней стороне их; на внешней же стороне находился образ Знамени. За воротами, к Моховой, существовала церковь Николая Чудотворца, что в Сапожке, сломанная в первой четверти XIX столетия [30]. К ней вел Троицкий мост, потому что с этой стороны подле Кремля протекала мутная и грязная Неглинная, берега которой были

очень неблагообразны и всегда завалены нечистотами, так что место нынешнего Кремлевского сада оставалось одним из самых неприятных. В 1820 году повелено было развести на самом этом месте сад, который и образовался тут с удивительной, можно сказать, волшебной скоростью, так как торжественное открытие первой половины его, от Никольских ворот, или решетки, до Троицкого моста, последовало 30 августа 1821 года. Другая половина, от Троицких ворот до набережной, где и ранее был государев сад, в один из пожаров уничтоженный, была устроена впоследствии. Таким образом, грязные берега Неглинной скрылись под прекрасным садом, одним из лучших гульбищ в Москве в продолжение весьма долгого времени. Сад этот разделялся на две части Троицким мостом: один ведет вправо, если идти из Кремля, другой, по чугунной лестнице, — влево. Под мостом есть проход в виде арки, соединяющий оба сада, образующие одно целое. В саду был устроен грот, кофейня, и были сажаемы клумбы цветов[31]. Троицкий мост оканчивается зубчатой сквозной башней старинной постройки,

воздвигнутой, несомненно, для защиты Троицких ворот[32]. Она называлась прежде, в давние времена, Кутафьей башней и построена, вероятно, при Иване III Васильевиче кем-либо из вызванных им итальянских зодчих [33]. Башня эта круглая, открытая и с зубцами. На внутренней ее стороне, вверху, был изображен поясной портрет: по словам одних — Владимира Мономаха, по словам других — князя Даниила Александровича. Вся эта местность и самый Троицкий мост пробуждают много воспоминаний. Через него проходило много торжественных шествий, начиная от Годунова, шедшего из Новодевичьего монастыря венчаться на царство, до великолепных празднеств последнего времени. Еще одного достопамятного события были свидетелями Троицкие ворота и Троицкий мост. В 1812 году, в день вступления французов в Москву, 2 сентября, передовой отряд их, бывший под начальством неаполитанского короля Мюрата, подходя к Троицкому мосту, с удивлением заметил, что ворота закрыты, и стены вокруг них усеяны вооруженными людьми, тогда как по устному соглашению

короля с генералом Милорадовичем военные действия были прекращены на все время выступления русских войск из столицы. Французы остановились, но в то же мгновение раздался залп из ружей, установленных против них. Тогда-то французы увидели, что имеют дело не с войсками, а с несчастными жителями, которые в ненависти к врагам хотели отразить Наполеонову армию от Кремля. Разумеется, сопротивление не могло быть действенным, и через несколько минут отчаянные защитники разбежались, оставив на месте несколько трупов.

Ворота Тайнинские получили свое название, несомненно, потому, что они прежде, во время осад, служили тайным выходом на Москву-реку за водой или для вылазок. Ворота эти находятся на середине южного фасада кремлевских стен, служа им по правильной своей готической форме украшением. В выдавшейся к реке части башни, образующей правильный квадрат, долго виден был глубокий, обширный колодезь, засорившийся и заросший впоследствии, который, по народному преданию, служил будто бы тайным под-

земным выходом за Москву-реку, что вызывает сомнение, так как для подобного схода обязательно должна была бы быть лестница или отлогость в какую-нибудь сторону. Скорее всего, колодезь этот снабжал город во время осады водой, находясь вблизи реки. Из внутренней башни существует ход на стену в обе стороны и на площадку верхней части этого грандиозного сооружения. Здесь, по словам летописей, находился прежде собор Черниговских Чудотворцев, князя Михаила и верного боярина его Федора, убитых в Орде при Батые. Святые тела их, сохраненные и привезенные в отечество, были положены в храме над Тайнинскими воротами. В 1770 году императрица Екатерина II в намерении соорудить для мощей серебряную раку приказала перенести их на время в Сретенский собор, что на Сенях, откуда в 1774 году перенесены они в Архангельский собор, где и находятся. Здесь же, близ Тайнинских ворот, была церковь во имя св. князя Александра Невского. Постройка ворот, как уже сказано выше, принадлежит Петру Фрязину.

Влево от Тайнинских ворот находились во-

рота Константино-Еленские, как уже сказано выше, заделанные при царе Михаиле Федоровиче. Они названы были по имени находившейся тут церкви благоверного царя Константина, при которой находилось кладбище на пространстве 8 сажений. В 1689 году «у той церкви класть мертвых не велено». Тут же находилось и подворье Никольского монастыря. В 1692 году вместо этой церкви построена новая — во имя св. Константина и Елены иждивением царицы Натальи Кирилловны и царевича Петра Алексеевича. В начале нынешнего столетия церковь эта пришла в упадок и потому в 1837 году возобновлена.

Константино-Еленские ворота имеют, хотя краткую, но, тем не менее, значительную историю. Когда великий князь Дмитрий Иванович Донской решительно вознамерился противустать Мамаю, тогда собранное войско выходило из Кремля именно в эти ворота и в них же принимало благословение духовенства и окроплялось святой водой. Ворота эти тогда были главными воротами Кремля, так как выходили на Великую улицу (ныне набережная) и прямо к мосту. В эти же воро-

та великий князь, несомненно, и въезжал в Кремль после своей знаменитой победы на Куликовом поле.

Боровицкие ворота, названные при царе Алексее Михайловиче Предтечевскими, но сохранившие до сих пор старое название, расположены в горе на одной линии с Троицкими. Названы так по бору, когда-то здесь находившемуся. От них был деревянный мост через Неглинку, уничтоженный при устройстве Кремлевского сада. Строены одновременно с Троицкими и тем же зодчим — Петром Фрязиным. На том месте, где построены Боровицкие ворота, впервые, как многие полагают, заложено гнездо Москвы, сделан первый почин ее основания. Это место, можно сказать, маковица Кремлевского холма, его средоточие, на котором срублена первая церковь Преображения Господня на Бору, есть первое историческое урочище, вокруг которого впоследствии раскинулась необъятная Белокаменная.

*С мала ключика студена потекла
река,
С невелика зачиналась каменна
Москва.*

И это «невелико» было то именно место, где стоят в настоящее время Боровицкие ворота. В 1848 году в башню Боровицких ворот перенесена церковь Иоанна Предтечи, находившаяся на площади Большого дворца и называвшаяся тоже «на Бору». При великом князе Дмитрие Донском от Боровицких ворот шла большая улица к великокняжескому дворцу. Два раза у этих ворот останавливались станом литовские полчища Ольгерда и уходили обратно, уstraшенные видом крепких стен Кремля. В третий раз сам Дмитрий Иванович вышел из этих ворот навстречу Ольгерду, и Ольгерд, увидав перед собой противника, равного ему силой, предложил великому князю перемирие, которое и было заключено.

Никольские ворота, находящиеся к северу, ведут из Кремля мимо Красной площади на Никольскую улицу, названную по имени этих ворот. Они строены одновременно с Троицкими и Боровицкими при Иване III Васильевиче зодчим Солярием Фрязиным, и тогда же там поставлен образ Св. Николая. В первоначальном виде своем ворота существовали

до 1812 года. В том году при взрывах Кремля верхняя часть ворот ниспроверглась по самый образ Святителя Николая. Что же касается до остальной части ворот, то не только она, но даже и стекло у образа Чудотворца, несмотря на ужасное потрясение, причиненное взрывом, остались невредимы. Это чудесное событие свидетельствуется сделанной на воротах надписью. Ворота были возобновлены архитектором Росси в готическом вкусе, весьма красиво, причем соблюдена легкость современного зодчества с зодчеством времен давно прошедших. И эти ворота, как и другие, множество раз были свидетелями приступа врагов и такое же множество раз давали возможность русскому воинству с честью защищать священный для русского человека Кремль.

Так как Спасские ворота, бывшие Фроловские, составят предмет отдельной статьи, то мы перечислим теперь башни и стрельницы, составляющие украшение Кремля. Их всего восемнадцать: Угольная, Арсенальная, Троицкая, Конюшенная (две), Боровицкая, Водовзводная, Тайницкая, Безымянная (две), Пет-

ра-митрополита, Беклемишевская, Константино-Еленская, Набатная, Царская, Спасская, Сенатская и Никольская.

Все эти башни строены без особенного назначения, просто для красоты стен, и только Набатная и Царская имели в старину определенное назначение. На верху Набатной висел колокол, в который звонили во время особенных всполохов и бедствий[34], а с Царской башни, во время особенных торжеств, царь показывался собравшемуся народу[35]. Обычай этот прекратился со времен Петра Великого.

Спасские ворота

*Шляпы кто, гордец, не снимет
У Святых во Кремль ворот?*

Ф. Глинка

Одним из самых благоговейных предметов уважения почитаются в Москве Спасские ворота, ведущие в Кремль от Лобного места.

И действительно, не много найдется мест не только в Москве, но и в России, которые были бы столько веков и таких событий свидетелями.

Спасские ворота построены в самом сердце Москвы: одной стороной к Лобному месту и Красной площади, другой — в Кремль, где началась и развилась сила и слава России. Тут проезжали и проходили наши цари, выступая против врагов или идя навстречу святыне. Тут проходили и защитники отечества с первых времен основания Кремля до времен позднейших. Тут въезжают наши цари для священных коронаций. Тут совершилось столько славного и дивного, что невольно удивляешься этой святыне и благоговеешь

перед ней. Но тут бывало не мало и того, перед чем содрогается сердце русского человека. Красная площадь видела буйные празднества Дмитрия-самозванца, когда он выезжал веселиться со своими ляхами! Она видела кровавые казни при Иване Грозном и возведенного под секиру палача Василия Шуйского! Тут въезжал и Наполеон, завоеватель Европы, и все исторические лица, окружавшие его. События бедственных годин и счастливые, радостные явления — все это напоминают нам Спасские ворота, которыми проходила, можно сказать, вся русская история. Кто без благоговейного чувства смотрит на эти ворота, на эту башню, красноречивую свидетельницу многих веков жизни России, тот не знает нашей истории.

Ворота эти, как уже известно, именовались прежде Фроловскими по церкви Фрола и Лавра, бывшей подле них, где также находилось много других церквей и зданий, совершенно заслонявших вход в Кремль. Нет сомнения, что первоначально ворота были построены вместе с кремлевской стеной, два раза деревянной, потом каменной. Несомненно

также, что ворота эти долгое время оставались в первоначальном виде, так как о постройке или перестройке их до великого князя Ивана III Васильевича, когда выводились новые стены и башни, вовсе не упоминается. Известно только, что Иван III приказал очистить места близ этих ворот на пространстве 109 саженей от стены, причем на Красной площади были разобраны заслонявшие вход в Кремль церкви и здания[36]. Повеление это весьма не понравилось современникам. В особенности было недовольно им духовенство. Так, архиепископ новгородский Геннадий в письме к митрополиту Зосиме писал: «Ныне беда ся стала земская; церкви извечные выношены из города вон, да и монастыри с места переставлены, и кости мертвых выношены на Дорогомилowo, и кости выносили, а тела ведь тут остались, в перст разошлись, да на тех местах ныне сад посажен... от Бога грех и от людей сором. Здесь приехал жидовин новокрещеный. Даниилом зовут, да мне сказывал за столом во все люди, князь де великий (так говорили Даниилу жидаы в Киеве) на Москве церкви из города в селы метал

вон... А что дворы отодвинуты от города и то и в лепоту; а церкви бы стояли вокруг города: еще бы честь граду была».

На подобные жалобы Иван III не обращал внимания и продолжал улучшать Кремль, придавая ему могучую крепость и силу.

Впервые Фроловские ворота обратили на себя особенное внимание в 1521 году, сделавшись предметом благоговейного почитания в народе. Это было во время нашествия на Москву Махмет-Гирея.

По свидетельству стольника Лызова, занесенному в Минею, слепая инокиня Вознесенского монастыря имела во время этого нашествия следующее видение: при колокольном звоне шли из Кремля Фроловскими воротами почивающие святители и несли икону Владимирской Божьей Матери, стоящую в Успенском соборе и писанную евангелистом Лукой. Навстречу им из Китай-города вышли преподобные Сергей Радонежский и Варлаам Хутынский и спросили святителей, куда они идут. Святители ответили, что Господь повелел им уйти из града сего и взять икону его Матери, потому что люди презрели страх Бо-

жий и о заповедях его вознерадели; за это он предаёт землю русскую иноплеменникам и язычникам. Преподобные стали просить святителей помолиться милосердному Богу о прощении грешных. Святители вняли их мольбе, вознесли вместе с ними молитвы Всевышнему и потом воротились в Кремль. В предвратной иконе Спасителя действительно изображены преподобные в молитвенном положении у ног Богочеловека. В руке Спасителя имеется раскрытое Евангелие, на котором следующая надпись: «Рече Господь ко пришедшим к нему иудеям: Аз семь дверь».

В 1624 году по указу царя Михаила Фёдоровича на месте Фроловских ворот была выстроена пирамидальная башня с часами. Строил её англичанин Христофор Головой. Но башня продолжала именоваться Фроловской до 1645 года. В этом году принесён был из Вятки образ.

Нерукотворного Спаса. Пронесённый торжественным крестным ходом через Фроловские ворота образ был поставлен в Успенском соборе. Сам царь Алексей Михайлович встретил икону с торжественной церемонией. За-

тем, через три года, образ этот был перенесен с торжеством через Фроловские ворота в Новоспасский монастырь, и указом от 16 апреля 1648 года повелено было впредь на вечные времена ходить этими воротами с непокрытой головой. На них был поставлен образ Спасителя в золотой ризе, и ворота переименованы из Фроловских в Спасские. За хождение через них в шапках виновные должны были класть публично 50 земных поклонов или подвергались наказанию батогами в Стрелецком приказе, который находился в Кремле. Указом 9 января 1654 года запрещено было старым подьячим въезжать в Кремль на лошадях: они должны были оставлять своих лошадей у Спасских ворот и пешком входить в Кремль. Установлено было также, чтобы патриарх во время шествия в неделю Ваий всходил на Спасскую башню, освящал там воду и кропил ею кремлевские стены. Сюда же до времен Петра выносили ящик, в который опускались челобитные на имя царя.

В нынешнем своем виде Спасские ворота остаются со времен Петра Великого, который выписал для них из Голландии боевые часы и

велел поставить их в башне над воротами[37]. Башня эта была переделываема несколько раз, но всегда оставляли ей первобытный ее характер.

При Петре Великом башня была измерена. По «Описной книге» 1701 года в ней оказалось вышины 29,5 сажени, а именно от земли до перил — 13,5, от перил до шатра — 10, от шатра до орла — $55/8$ сажени, длины — $63/5$, ширины — $62/3$ сажени. Кроме железных ворот, или затворов, существовала еще железная решетка, которая опускалась сверху. Она могла заградить вход и тогда, когда бы неприятель прорвался в ворота, так как своей тяжестью она перерезала бы толпу и разделяла ее: оставшиеся внутри сделались бы жертвой защитников, а еще не вошедшие туда не скоро могли бы пробиться. Теперь этой решетки уже не существует, а железные ворота заменены массивными дубовыми. Большой образ Спасителя, как уже сказано, находится над воротами, с наружной стороны их. Под ним сохраняется надпись, сделанная при Иване III Васильевиче, на латинском языке.

Вот ее содержание в переводе на русский

«Иоанн Васильевич Божию милостью великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Тверской, Псковский, Вятский, Угорский, Пермский, Болгарский и иных и всея Руси государь в лето тридцатое государствования своего велел построить сию башню, а строил ее Петр Антоний Селарий Медиоланский в лето воплощения Господня 1491».

С правой и с левой стороны от Спасских ворот приделаны часовни, где находятся иконы Спасителя и Смоленской Богоматери.

В Спасские ворота искони бывали все торжественные и церковные ходы. В XVI и XVII столетиях из двенадцати крестных ходов в году девять проходили Спасскими воротами. Ныне из тринадцати крестных ходов восемь проходят Спасскими воротами. Здесь же в минувшие столетия совершался ход патриарха в день Вербного Воскресения в Покровский собор, причем царь или близкий к царю родственник вел патриархова осла. В этот день у патриарха бывал парадный стол. Здесь же ца-

ри, митрополиты со всем собором, с боярами и со всеми знатнейшими людьми встречали в разное время святые иконы, как-то: Владимирской Богоматери — из Владимира, Всемилоственного Спаса — из Новгорода, Благовещения Пресвятой Богородицы — из Устюга, Св. Николая Великорецкого — из Вятки, Животворящего креста Господня — из Курска, куда она отпущена была из Москвы по причине происшедших там болезней, и другие иконы и святые мощи.

Выше сказано, что снимать шапки у Спасских ворот повелено указом Алексея Михайловича. Оставляя силу этого указа, нельзя не заметить и того, что обычай этот, вероятно, существовал и ранее, так как Спасские ворота, будучи еще Фроловскими, почитались народом самыми священными из всех других в Кремле. В этом скорее всего и кроется причина происхождения обычая снимать шапки, проходя Спасскими воротами. Народ, имеющий свои предания, свою любовь и благоговение к великим и святым предметам, мог ли не благоговеть перед этим священным памятником Кремля, когда эти памятники глубоко

чтили и наши все венценосцы. Поэтому обычай снимать шапки, проходя Спасскими воротами, теряется в глубокой древности. Царь Алексей Михайлович только узаконил указом обычай народный.

Впрочем, по этому поводу есть и некоторые сказания. Одни полагали, что обычай этот установлен в память избавления Кремля, а вместе с ним и Москвы от татар в 1591 году, другие — в память прекращения голода и моровой язвы в 1601 году, третьи, наконец, что из Спасских ворот был виден царский дворец...

Как бы там ни было, но Спасские ворота останутся для русского человека священными, несомненно, на многие века, доколе будет стоять земля Русская, православная!

В 1812 году, когда Наполеон хотел взорвать Кремль, был сделан подкоп и под Спасскими воротами. Но еще огонь не дошел по фитилю к подкопу, как пролился сильнейший дождь, который и погасил фитиль. Так сохранилась эта достопамятность от разрушения ее иноплеменниками!

Совершилось еще одно знаменательное ис-

торическое событие, свидетелем которого были Спасские ворота и умолчать о котором несправедливо. Передадим это событие.

После Куликовской битвы Мамай, вернувшись в свою Орлу, должен был вступить в новую борьбу с ханом Тохтамышем, который объявил себя наследником Батыея и вырывал власть из рук Мамаея. В этом соперничестве Мамай был разбит Тохтамышем, бежал в город Кафу, где и был умерщвлен генуэзцами, желавшими завладеть его богатством.

В Орде воцарился Тохтамыш. Он немедленно известил всех русских князей, что он победил врага их, Мамаея, и затем требовал, чтобы они явились в Орду как его данники. Конечно, известие это получил и великий князь Дмитрий Иванович. Сперва великий князь принял послов ласково, одарил их, но когда Тохтамыш отрядил к нему своего сына Акхозя с вооруженными татарами, то князь сообщил Акхозе, находившемуся в Нижнем, чтобы он не ездил в Москву с воинской дружиной, иначе великий князь не отвечает за его безопасность. Акхозя обратно уехал в Орду. Это подало повод Дмитрию Ивановичу пред-

полагать, что Орда ослабела и уже не в силах его тревожить: он не принял никаких мер предосторожности. Между тем обозленный Тохтамыш собрал сильное войско и, соблюдая величайшую тайну, двинулся к Москве. Довольно поздно узнав о движении татар на Москву, Дмитрий Иванович хотел было напомнить Тохтамышу Куликово поле, но другие князья оставили его, и он принужден был удалиться в Кострому, чтобы собрать там войско. Покинутые жители Москвы не знали, что им делать без вождя, но вождь нашелся: это был внук Ольгерда, литовский князь Остей. Он деятельно стал приготавливаться к обороне. Вскоре под стенами Москвы показались татары, и затем под предводительством самого Тохтамыша началась осада стен. Татары осаждали Кремль со зверской храбростью, но храбро защищались и осажденные: лили на татар горячую воду из котлов, кидали камни, стреляли из самострелов. Более всего кипела ожесточенная битва у Фроловских ворот. Приступы татар повторялись три дня, но всякий раз они были отбиваемы. На четвертый день посланные Тохтамышем подъехали к

Фроловским воротам и сказали осажденным, что хан сердит только на самого великого князя Дмитрия, а их готов миловать, только бы они вышли к нему с князем Остеем и поднесли ему небольшие дары. Нижегородские князья, бывшие в стане татар и обманутые уверениями хана, дали клятву осажденным, что хан не сделает им никакого зла. Осажденные поверили и открыли Фроловские ворота. Впереди всех с дарами в руках вышел князь Остей, за ним шли духовенство с крестами, бояре и граждане московские. Татары не сдержали слова. Они повели князя Остея в свой стан и немедленно умертвили. Затем татары ворвались в Кремль, рубили духовенство и народ, грабили церкви, опустошили казну великокняжескую и умертвили большую часть жителей. Ужасный разгром этот произошел 26 августа 1382 года в четверг, в 7 часов дня. По поводу его летописец говорит: «И было и в граде и вне града злое истребление, покуда у татар руки и плечи измокли, силы изнемогли и остря саблей притупились. И был дотол град Москва велик, чуден, многонароден и всякого узорочья исполнен — и в единый час

изменился в прах, дым и пепел, и не было человека, холящего по пожарищу». Разоряя церкви, татары уничтожили много книг и рукописей, хранившихся в них. Все, что не было вывезено из заветных кремлевских сокровищниц, и все, что было свезено туда из других городов бежавшими жителями, искавшими защиты и сохранности посреди крепких стен, — все было изрублено, сожжено или расхищено.

Однако же Тохтамыш недолго зверствовал в Москве. Узнав, что великий князь Дмитрий Иванович собрал войско в Костроме, а двоюродный брат его Владимир Андреевич, известный под названием Храброго, стоит недалеко с большой силой, поджидая брата, рассудил скорее вернуться в Орду.

Ужасное зрелище представилось глазам великого князя, когда по уходе Тохтамыша он вступил в Москву. До 24 тысяч трупов лежало на улицах и не менее того погибло, вероятно, в пламени, потонуло в реке, спасаясь от неприятеля, или было уведено в плен.

Стены Кремля остались, к счастью, неповрежденными. Были невредимы и Фролов-

ские ворота — свидетели героизма Остеев, москвичей и тех ужасных зверств и опустошений, которые произвели татары вокруг них и в самой Москве...

Кремлевские монастыри

Вознесенский девичий монастырь. Находится у Спасских ворот внутри Кремля, по правую их сторону. Монастырь этот состоит в первом классе и до 1817 года назывался Стародевичьим.

Летописные известия относительно основания этого монастыря очень кратки и довольно неопределенны. В них мы не находим ни означения времени, когда именно положено было основание Вознесенскому монастырю, ни подробностей об его устройстве. Только под 1407 годом мы читаем в летописях, что великая княгиня Евдокия заложила в Москве каменную церковь Вознесения, Затем в кратком сказании о жизни Евдокии, супруги великого князя Дмитрия Ивановича Донского, помещенном в «Степенной книге»[38], говорится, что Евдокия «в царствующем граде Москве постави церковь каменную Вознесе-

ния и монастырь честен возгради, иже ныне есть девический общежительный монастырь».

Вот почти все прямые указания летописей об основании Евдокией Вознесенского монастыря.

Эта краткость и кажущаяся неопределенность летописных показаний подала повод предполагать существование Вознесенского монастыря еще прежде смерти Дмитрия Ивановича и приписывать Евдокии не основание, а только возобновление обители, существовавшей прежде. При таком предположении приведенное выражение «монастырь честен возгради» принимается в смысле возобновления монастыря после пожара при нашествии Тохтамыша, обнесения его оградой и проч.

Но если прямые известия летописей об основании Евдокией Вознесенского монастыря не совсем определены, то взамен их мы имеем другие места из летописей, хотя и не прямо указывающие на то, но тем не менее не оставляющие никакого сомнения, что Евдокия была не возобновительницей Вознесен-

ского монастыря, а его первоначальной основательницей и что он не просто обновлен ею после пожара, а вновь устроен, основан, заложен. Так, в том же сказании о жизни Евдокии при описании шествия ее в монастырь для пострижения мы читаем, что она «пойде из своего царского дому в монастырь, его же сама создала во имя Христова Вознесения»[39]. При описании ее погребения опять говорится, что она положена была в церкви Вознесения, «в своем монастыре». Сама глава сказания о житии Евдокии, где так кратко и неопределенно упоминается об основании ею Вознесенского монастыря, имеет следующее заглавие: «О поставлении церквей и начале Вознесенского монастыря». Ясно, что летописей под словом «возгради» разумел основание, начало Вознесенского монастыря, а не возобновление его. Далее в летописях при описании преставления Евдокии читаем: «Того же лета (1407 г.) июля в 7 день преставися великая княгиня Евдокия и положена бысть в монастыре у Вознесения, иже сама заложила». В прологе жития Евдокии говорится, что она «пречестную иноческую обитель воздвиже во

имя Боголепного Вознесения».

При таких ясных указаниях источников вышеприведенное выражение «Степенной книги» «монастырь честен возгради» мы имеем полное право понимать и объяснять не в смысле возобновления, а в полном смысле основания и устройства новой обители, которой прежде, до Евдокии, не существовало.

Мысль об основании в Москве женского монастыря была, несомненно, заветнейшей мыслью великой княгини, так как обстоятельства жизни ее складывались именно в таком направлении.

В то время в Москве было только две женских обители — Алексеевская, которой первая игуменья Иулиания (скончалась в 1393 г.) была основательницей в Москве общежития в женских монастырях[40], и другая — Рождественская, устроенная по образцу первой Марией, матерью Владимира Андреевича Храброго (скончалась в 1390 г.).

Желая содействовать распространению иноческого женского общежития, решила и Евдокия последовать благочестивому примеру Иулиании и Марии. Она вознамери-

лась устроить новый общежительный женский монастырь в самом средоточии великокняжеской столицы. Предполагаемый монастырь, независимо от общей его цели, она хотела сделать местом своего успокоения от земных трудов и забот, тайным свидетелем своих подвигов в настоящей жизни и покоем после смерти. Впоследствии ее монастырь получил то же назначение, как и Архангельский собор: как последний был местом погребения московских великих князей, так и монастырь, основанный Евдокией, сделался усыпальницей для великих княгинь, которые до того времени погребались в Спасо-Преображенском монастыре. Очень вероятно, что и это его последнее назначение заранее было предположено Евдокией.

Место для основания монастыря было избрано Евдокией у Фроловских ворот. Избрание это имело свое основание: место это было памятно для вдовствующей великой княгини тем, что здесь она встречала после Куликовской битвы победоносного своего супруга и отселе же провожала его на доблестный подвиг. На этом месте прежде был дворец Дмит-

рия Ивановича и терем Евдокии, откуда, по сохранившимся известиям, она смотрела вслед своему супругу, когда он с войском удалялся из Кремля. Надо полагать, что этот дворец, пострадавший в нашествие Тохтамыша, Евдокия решила возобновить и обратить в келью для инокинь. Такое предположение имеет тем большую вероятность, что в царствование Василия Дмитриевича царский дворец находился уже за Успенским собором. Там же находились и терема Евдокии, Вознесенский монастырь, по крайней мере, к концу жизни его основательницы, стал вполне устроенным и совершенно готовым, так что она могла поступить в него, принять в нем пострижение и предаться подвигам духовной жизни.

Каменная церковь Вознесения, заложенная Евдокией незадолго до ее смерти, по причине истребления ее от пожара и по другим обстоятельствам окончена спустя 60 лет после ее закладки, 20 мая 1407 года. Монастырь все это время, однако же, существовал, и, конечно, во все это время он не мог обойтись без церкви. Между тем в летописях не нахо-

дится известий о ее построении, так что, по летописям, в Вознесенском монастыре как будто вовсе не было церкви ни при жизни Евдокии, ни после ее смерти до окончания заложенного ею храма Вознесения. Всего вероятнее, что на месте, где основан монастырь, существовала уже церковь, так что временно можно было обойтись без построения новой. Вспомнив, что на месте основанного Евдокией монастыря прежде был дворец Дмитрия Ивановича и ее собственные терема, вовсе не будет предположением, что при дворце существовала и церковь, которая была дворцовой. С обращением дворцового здания в монастырское весьма естественно было и бывшую при нем церковь приписать к монастырю.

Обратимся теперь к жизни самой основательницы монастыря и расскажем ее вкратце, так как имя основательницы тесно связано с основанным ею монастырем.

Евдокия была дочерью суздальского князя Дмитрия Константиновича, который отличался благочестием и любовью к духовному просвещению[41]. Он умер схимником в 1383 году с именем Федора. Этот князь два раза по-

лучал ханский ярлык на великокняжеский престол, но отказался от своих притязаний в пользу Дмитрия Ивановича. В доказательство искренности своего отказа от великого княжения и примирения с Дмитрием Ивановичем он и выдал за него свою дочь Евдокию.

О детстве и воспитании Евдокии, и вообще о жизни до вступления в супружество с Дмитрием Ивановичем, до нас не дошло никаких сведений. Но вероятнее всего, будучи сам благочестивым, Дмитрий Константинович воспитывал в таком же благочестии и свою дочь. Последующая благочестивая жизнь княгини служит тому доказательством.

Бракосочетание Евдокии с великим князем Дмитрием Ивановичем совершено было в 1366 году, января месяца в 18-й день, когда князю совершилось 18 лет и когда он княжил шестой год. Брачное торжество праздновалось в Коломне со всем великолепием и пышными обрядами того времени. По словам летописца, это событие преисполнило невыразимой радостью сердца всех русских и тем более виновников торжества. Но недолго суждено было молодой княгине наслаждаться без-

мятежной жизнью счастливого супружества: по собственным словам ее, «не много испытала она радостей в супружестве за Дмитрием». В самый год бракосочетания ужасная моровая язва поразила Москву. Затем следовали пожары Москвы, нашествия Ольгерда, поездка Дмитрия в Орду. Все эти бедствия, не относясь к Евдокии лично, само собой, разумеется, подвергали опасности мужа, столицу, а затем уж и ее саму как супругу великого князя московского. Но она с твердостью переносила эти бедствия, являясь, сколько было в ее силах, помощницей своего супруга. Началась борьба с Мамаем. Тут мы коснемся тех ее сторон, где она соприкасается с жизнью супруги Дмитрия, сколько можно судить об этом по кратким, дошедшим до нас летописным сказаниям.

Узнав о Мамаевом нашествии, Дмитрий Иванович по благочестивому обычаю своих предков, прежде всего, поспешил в Успенский собор с молитвой о подании небесной помощи против врагов и потом уже разослал гонцов для собрания воинства. Тогда вдруг все пришло в движение: каждый горел жела-

нием принять участие в предстоящей борьбе. Кто не мог служить отечеству оружием, тот ревновал служить ему молитвами и делами христианского благочестия. В этом последнем деле Евдокия подавала первый лучший пример. Забывая о предстоящей опасности для своего супруга, она полностью посвятила себя делам благочестия. По словам летописцев, она непрестанно ходила в церковь и раздавала бедным богатые милостыни. Великий князь между тем, устроив полки, отправился в Троицкий монастырь, чтобы принять благословение преподобного Сергия и просить его молитв. Возвратившись в Москву, великий князь велел выходить войскам, а сам пошел в Архангельский собор. Укрепившись там молитвой и поклонившись праху своих предков, Дмитрий Иванович вышел из церкви. Тут встретила его Евдокия, окруженная женами князей и воевод и множеством народа, собравшегося провожать великого князя. Последовало трогательное прощание Дмитрия со своей супругой. Великий князь подошел к плачущей Евдокии и стал утешать ее.

«Оставь слезы, — сказал он, — Бог нам бу-

дет заступником, и мы не убоимся врагов». Затем он обнял в последний раз супругу и отправился в путь. Княгиня вошла с воеводскими женами в терем, села под южными окнами к набережной и грустно смотрела вслед удалявшемуся супругу. Она горько и тихо плакала и, глубоко вздохнув, воскликнула: «Господи Боже великий! Презри на меня, смиренную, удостой меня еще увидеть славного между людьми великого князя Дмитрия Иоанновича! Крепкою рукою твоею дай ему победу на супостатов! Да не постигнет христиан та же участь, какая постигла их на реке Калке! Не дай погибнуть остатку христиан, да славят они святое имя твое! Уныла земля Русская, только на тебя уповаем, Око Всевидящее! У меня осталось три сына, но все они еще в детских летах... Кто защитит их от ветра буйного и от зноя палящего? Возврати им отца и не дай им осиротеть!» Скоро получено было известие, что великий князь со всем войском переправился через Оку в Рязанскую землю и пошел на бой против татар. И начали все скорбеть за князя и за землю Русскую. Не в одной Москве, но и во всех других горо-

дах, по словам летописца, раздавались сильные стоны, плач и рыдания. Всех безутешней были женщины. Если такова была всеобщая скорбь русских, то княгиня Евдокия имела гораздо более причин скорбеть о сомнительных следствиях похода.

Поход, как известно, имел благоприятный исход, но это была только заря свободы от татарского ига. Она ярко блеснула было в душе русских, но скоро снова покрылась темным облаком: на Москву нахлынул Тохтамыш. Евдокия принуждена была покинуть Москву и по дороге в Переяславль чуть не попала в плен к татарам. Затем, обложив Московское государство тяжелой данью, подозрительный Тохтамыш задержал в Орде в качестве заложника ее старшего сына Василия. Наконец, еще более жестокий удар поразил великую княгиню: не имея еще и сорока лет, 22 мая 1389 года умер муж ее Дмитрий Иванович. «Увидев супруга своего мертвым, на одре лежащим, — передает жизнеописатель Дмитрия Ивановича, — великая княгиня начала плакать, ударяя руками в грудь свою; огненные слезы лились из очей... «Зачем, — воскликнула она, —

умер ты, дорогой мой, жизнь моя, зачем оставил меня одну вдовою? Зачем я не умерла прежде тебя? Куда зашел свет очей моих? Куда скрылось сокровище жизни моей? Почему не отвечаешь мне, супруге твоей? Цвет мой прекрасный, зачем так рано увял ты? Господин мой, что же не смотришь на меня, не отвечаешь мне? Ужели ты забыл меня? Вот мы, я, жена твоя, и дети твои! Что же не даешь нам никакого ответа? На кого ты оставляешь меня и детей своих? Рано заходишь, солнце мое, рано скрываешься, прекрасный месяц мой, рано идешь к западу, звезда моя восточная! Где честь твоя, где слава и власть твоя? Был государем всей русской земли, а ныне мертв и ничего не имеешь в своем владении! Много примирил стран, много одержал побед, а ныне сам побежден смертью! Изменилась слава твоя, и на лице твоём видна печать тления! Жизнь моя, я уже не могу более находить в тебе источник веселия! Вместо многоценной багряницы ты облекся в сии бедныя ризы, вместо венца покрыл главу свою простым платом, из светлых чертогов переселился в тесный и мрачный гроб! Зачем

помрачился свет мой ясный? Если Бог услышит молитву твою, помолись обо мне, княгиня твоей, чтобы мне умереть вместе с тобою, как мы неразлучены были в жизни! Юность еще не оставила нас, еще старость не постигла нас! Зачем оставил меня и детей своих? Немного было радостей в моей жизни с тобою, вместо веселия плач и слезы были моею долею; вместо утехи и радости — скорбь и сетование!.. Зачем я не умерла прежде тебя? Тогда я не была бы горькою свидетельницею твоей кончины и не чувствовала бы своего несчастья! Ужели ты не слышишь жалобных речей моих? Ужели не трогают тебя горькие слезы мои?.. Крепко уснул царь мой... не могу разбудить тебя!.. С какой войны пришел ты, отчего так утомился?.. Звери земные идут на ложе свое, птицы небесные к гнездам своим, а ты, господин мой, навеки отходишь от дому своего!.. Кому уподоблю и как назову себя? Вдовою ли? Но я не знаю сего имени! Женою ли? Но царь — супруг мой — оставил меня!.. Вдовы старья, утешьте меня! Юные вдовы, плачьте со мною! Что может быть горестнее несчастья вдовы? Как оплакать и как выра-

зитель мне свое горе?.. Боже Великий, Царю царей, будь моим заступником! Пресвятая Богородица! Не оставь меня и не забудь меня во время печали моей!»[42]

Этой жалобой оканчивается плач Евдокии над гробом ее супруга, а потеря супруга была для Евдокии несчастьем, ничем не вознаградимым, было последним испытанием, разорвавшим все связи ее с этим миром. Но ее ожидало еще одно испытание, не менее горькое и не менее тяжелое.

После смерти супруга она отреклась от мира, изнуряя тело свое постом и молитвой и посвящая себя на дела благочестия и благотворения. Подвизаясь таким образом для единого Бога, она, однако же, старалась скрыть от людей свои добродетели. Следуя заповеди Спасителя «ты же, егда постишися, помажи главу твою и лицо твое умый» (Матфей. 6, 17), преподобная всюду являлась с веселым лицом, одевалась в великолепные одежды и даже носила по несколько одежд, чтобы казаться тучной. Это было поводом к тому, что ее стали обвинять в тщеславии, в любви к пышности и даже не пощадили ее добродетели.

Слухи эти дошли до нее, но она решилась перенести до конца жизни неправду клеветников и воздавать им за зло добром. Но клевета эта сделалась известна сыновьям. Один из них, Юрий, до того был обеспокоен и смущен подобной молвой, что не мог скрыть ее от матери. Тогда Евдокия решилась освободить сыновей своих от тяготевшего над ними смущения. Призвав их к себе, она сказала им: «Не смущайтесь, любезные дети мои! Я с радостью хотела претерпеть Христа ради всякое уничтожение и людское злословие; но, увидев одного из вас смутившимся, решилась открыть вам то, чего не открыла бы никогда и никому в мире. Узнайте, дети мои, истину, и да не смущают вас несправедливые обо мне клеветы». Тут она открыла часть своей одежды на груди, и сыновья увидели, что от чрезмерного воздержания, от усиленных трудов и подвигов тело ее иссохло, почернело и плоть прильнула к костям. Братья, ее дети, ужаснулись и стали просить у нее прощения. Великая княгиня отпустила их с миром, сказав им в наставление: «Один Бог есть судья человеческих дел. Он долготерпелив и многомилостив».

стив и утвердит нас в любви своей. От него одного мы должны ожидать избавления от всякого искушения и от всякого навета вражия».

Незадолго перед кончиной преподобная Евдокия сподобилась видеть явление ангела, возвещавшего ей о близком ее конце.

В сказании о ее житии это чудное явление изображено следующим образом. Когда она увидела небесного вестника, то так поражена была пресветлым его видом, что не могла говорить и несколько дней пребывала в молчании. Только знаками она показывала, чтобы призвали иконописца, который бы изобразил на доске виденного ею ангела. Когда образ был написан и принесен к Евдокии, она поклонилась изображенному на нем ангелу, но не могла сказать ни одного слова и знаками показывала, чтобы написали икону ангела другим образом. Вновь написанное изображение также представляло не того ангела, который являлся ей в видении. Она воздала Богу поклонение, но язык оставался нем. Наконец иконописец изобразил на иконе архистратига Михаила. Едва принесен был этот образ,

как Евдокия, воздав ему поклонение, заговорила. Она славилла Бога, что он по неизреченной своей благодости отверз язык ее, и объявила всем, что она видела в бывшем ей видении того самого ангела, изображение которого написано было на последней иконе, т. е. архистратига Михаила. Этот образ она чтила с особенным благоговением и поставила его в новосозданном ею храме Рождества Богородицы на государевом дворе (на Сенях).

Предвидя близость предвозвещенной кончины, великая княгиня решила исполнить давнее свое желание вступить в монастырь. Говоря словами летописца ее жития, она решила отлучиться от временного царства и облечься в иноческий образ, чтобы совершенно поселиться в сооруженном ею монастыре и найти там для себя место покоя как в сей жизни, так и по смерти.

Шествие великой княгини в обитель ознаменовалось особенным чудом. Накануне того дня, как она решила постричься в монашество, было ночью видение одному нищему-слепцу, уже много лет страдавшему слепотой. Ему явилась во сне великая княгиня и

обещала дать прозрение. На другой день, когда несчастный услышал, что она вышла из своего царского дворца и идет в монастырь для пострижения, то не замедлил явиться к ней с мольбой о своем исцелении. Встретив великую княгиню недалеко от соборного храма Успения Богоматери, он воскликнул: «Боголюбивая госпожа, великая княгиня, питательница нищих! Ты всегда довольствовалась нас пищею и одеждою и никогда не отказывала нам в просьбах наших! Не презри и моей смиренной просьбы и исцели меня от многолетней слепоты, как сама обещала, явившись мне в сию ночь! Ты сказала мне: «Завтра дам тебе прозрение». Ныне настало для тебя время исполнить твое обещание!» Евдокия шла своей дорогой, как будто не замечая слепца, и лишь опустила длинный рукав своей рубашки, который коснулся его. Слепец схватил этот рукав, утер им глаза и тотчас же прозрел. В то же время Евдокия исцелила до тридцати человек недужных, страдавших различными болезнями.

При поступлении в иночество Евдокия приняла имя Евфросиньи. Через три дня по-

сле пострижения она и заложила новую каменную церковь Вознесения.

По известию летописей, при жизни преподобной Евдокии для сооружения заложенной ею новой церкви сделано весьма немного. Начатое ею продолжала Софья, супруга великого князя Василия Дмитриевича. Но скоро еще не достроенная церковь Вознесения повреждена была пожаром и стояла в таком виде 60 лет. Наконец Мария, супруга Василия Васильевича Темного, решила возобновить ее и к 1487 году окончила. После многократных пожаров церковь Вознесения возобновляема была вместе с монастырем еще несколько раз, именно — в царствование Василия Ивановича, Ивана Грозного, Михаила Федоровича и Петра Великого. При Петре и церковь, и монастырь в 1721 году подверглись весьма капитальной перестройке под наблюдением гвардии капитана Баскакова. После пожара 1737 года по повелению императрицы Анны Ивановны начато последнее возобновление монастыря и окончено в царствование императрицы Елизаветы Петровны. После 1812 года, уцелев от пожара, монастырь был очищен и

приведен в настоящий его вид в 1817 году.

В монастыре находятся три церкви: соборная — Вознесения Господня, Преподобного Михаила Малеина и Св. Великомученицы Екатерины. Все они имеют приделы: Божьей Матери всех Скорбящих Радости[43], Успения Божьей Матери[44], Священномученика Феодора и Божьей Матери Казанской[45].

В соборной Вознесенской церкви иконостас украшен живописью старинного греческого письма. Царские врата обложены серебром и вызолочены. Возле Царских врат по левую сторону образ Смоленской Божьей Матери в серебряной вызолоченной ризе. За престолом крест с мощами, устроенный игуменьей Трефиной в 1816 году. По правую сторону Царских врат — образ храмовый Вознесения. По левую — Благовещения, святителя Николая и др. Из других святынь замечательны два золотых напрестольных креста — дар царя Михаила Федоровича, водосвятная серебряная чаша — дар царя Алексея Михайловича, семь серебряных блюд, золотые потир, дискос, звезда, лжица (ложка), к потиру ковшичек — дар императрицы Анны Ивановны,

два Евангелия на александрийской бумаге, обложенные серебром и украшенные жемчугом и камнями. Из особенно достопамятных святостью и древностью утварей замечателен образ чудотворный Божьей Матери Казанской. Образ этот украшен крупным жемчугом и разными дорогими камнями. Он находится в теплой Екатерининской церкви на хорах.

В Вознесенском монастыре, как известно, похоронены почти все великие княгини, царицы и царевны русские: от времени Евдокии до XVIII столетия. Всех гробниц в нем более 35. Древнейшая и богатейшая — самой основательницы монастыря преподобной Евфросиньи. Она помещается у правой стены церкви, недалеко от боковой южной двери. На верхней доске раки написан образ преподобной, который при устройении раки обложен серебряной ризой. На раке вырезана следующая надпись: «Сия рака Великой княгини Евдокии, во инокинях Евфросинии, супруги Димитрия Иоанновича Донского, бывшей основательницы сея обители, преставившейся 1407 года июля седьмого дня. 1821 года мая

тридесятого, благословением Высокопреосвященнейшего Московского Митрополита Серафима начата делаться рака благоверной княгини Евфросинии усердием доброхотных дателей, тщанием игумении Афанасии и окончена 1822 года февраля дня при Высокопреосвященном Московском Архиепископе Филарете».

Из других гробниц особенно замечательны при входе в старую соборную церковь на правой стороне подле стены: государыни царицы Анастасии Романовны, первой супруги Грозного, второй супруги — Марии Темрюковны, третьей — Марфы Васильевны Собакиной, седьмой — Марии Федоровны. Затем идут гробницы: Елены Васильевны (Глинской), царицы Евдокии Лукьяновны (Стрешневой), второй супруги царя Михаила Федоровича, царицы Марьи Ильиничны Милославской, первой супруги царя Алексея Михайловича, царицы Натальи Кирилловны (Нарышкиной), второй супруги царя Алексея Михайловича, несколько гробниц дочерей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича. Здесь же погребена и царица Ирина Федоровна: она

одна из фамилии Годуновых покоится в стенах Кремля.

За левым столпом подле западных дверей на левой стороне у стены: гробницы царицы Марии Владимировны (Долгорукой), первой супруги царя Михаила Федоровича, царевны Анны Алексеевны, старицы Иулианы, супруги боярина Романа Юрьевича Захарьина и матери известной добродетелью своей Анастасии, первой супруги Ивана Грозного.

В углу: гробница царицы Парасковьи Михайловны, супруги Грозного Александры Сабуровой, царевен Марии и Феодосии, дочерей царя Ивана Алексеевича.

У южных дверей: царевны и великой княжны Анны Михайловны, дочери Михаила Федоровича, По другую сторону дверей: царевны Татьяны Михайловны, дочери Михаила Федоровича.

В головах: гробница великой княжны Натальи Алексеевны, сестры императора Петра II, и тут же гробница родной сестры императрицы Анны Ивановны, Парасковьи. Тут же погребены супруга великого князя Софья Витовтовна и обе жены Ивана III — Мария

Тверская и Софья Палеолог.

В этом же монастыре скончалась мать царя Михаила Федоровича, инокиня Марфа, и в нем же Мария Федоровна (супруга Грозного и мать царевича Дмитрия) встречала Марину Мнишек как обрученную невесту первого Лжедмитрия, которая провела в монастыре несколько дней до их брака. В нем же пребывала и инокиня Евдокия Федоровна, первая супруга Петра Великого.

Монахини монастыря издревле занимались разными рукоделиями: они вышивают шелком и золотом, обнизывают образа дорогими камнями и т. п. В старину обитель была местом пребывания государевых невест до брака. Ворота монастырские во всю первую неделю Великого поста по древнему обычаю запираются.

В половине XVIII столетия на Красной площади на Вербной неделе началась продажа «изукрашенной вербы». Деланием для нее цветов и дутых восковых плодов и фигур занимались преимущественно монахини и белицы Вознесенского монастыря. Внутри этой обители было второе гулянье: по двору мона-

стыря и по террасам его, около келий прохаживался народ, смотрел на выставку искусственных цветов, опущенных зеленью, красиво собранных букетами и гирляндами, и покупал их у монахинь.

До 1810 года почти у самых ворот монастыря, под особенным шатром, устроенным императрицей Екатериной II, стояли четыре большие пушки. Они сданы потом в Арсенал.

Чудов монастырь. На том месте, где находится в настоящее время Чудов монастырь, был сперва татарский конюшенный двор: там ведались дела по собиранию дани[46]. Место подарено было св. митрополиту Алексию татарской ханшей Тайдулой.

Случилось это так. У хана Золотой Орды Чанибека опасно занемогла жена его Тайдула. Наслышавшись много о добродетелях митрополита Алексия, Чанибек предъявил великому князю Ивану Ивановичу (Кроткому) требование, чтобы он прислал к нему своего митрополита, которому, как он слышал, Бог ни в чем не отказывает по молитвам. С верой в помощь Божью св. Алексей поехал в Орду, и действительно Господь внял его молитвам —

Тайдула выздоровела в ту минуту, как св. Алексей вошел к ней и дал ей благословение. Это очень расположило хана к русским: дань была уменьшена, а Тайдула подарила своему исцелителю часть земли в Кремле, где находился татарский конюшенный двор. Конюшенный двор был переведен за Москву-реку, на Болвановку, а на месте его в ознаменование помощи Божьей при исцелении Тайдулы св. Алексей основал Чудов монастырь — в память чуда архангела Михаила в Колосах.

Монастырь основан в четвертый год княжения Дмитрия Ивановича, в 1366 году. Через полтора столетия первобытный монастырь пришел в совершенную ветхость. Храм был разобран, и на его месте при Василии Васильевиче Темном, в 1501 году, заложен новый и в 1504 году — освящен. Царь Федор Алексеевич в 1679 году нашел необходимым снова перестроить монастырь. В настоящем своем виде монастырь существует с 1814 года, но предвительно перед этим он был улучшен заботливостью архиепископа Амвросия[47].

Прежде в монастыре находились главный собор во имя чуда св. архистратига Михаила

и пять других церквей. Благовещения Пресвятой Богородицы, соборная во имя св. Алексия, заложенная в 1483 году, домовая в митрополичьих кельях во имя верховных апостолов Петра и Павла, Воздвижения Животворящего креста (прежде Св. Андрея Первозванного), больничная и, наконец, Всех Святых, Крестовая (прежде во имя св. Платона и Романа). Две последние в 1814 году, при возобновлении монастыря, уничтожены. Храмы Благовещения и Св. Алексия находятся рядом, и в них ведут два отдельных входа: они были устроены для того, чтобы в храм Св. Алексия входили одни мужчины, а к Благовещению — женщины. В старину в этом монастыре, называвшемся лаврой, было много монашествующей братии: она наполняла собой всю церковь Св. Алексия, и потому женщин туда не допускали. Это воспрещение подтверждено было патриархом Иоакимом.

Храм Архангела Михаила был реставрирован в 1849 году при митрополите Филарете под надзором академика Быковского. Храму сохранен прежний его вид. Он чрезвычайно красивой постройки, с одним куполом, на

длинном фонаре с окнами. Наружные стены его, сверху под крышей, окаймлены широким поясом узорчатого кирпича, а внизу над фундаментом имеется такой же карниз. В южном предалтарии этой церкви был погребен св. Алексий. В 1680 году мощи святителя перенесены в Алексеевскую церковь, где почивают на левой стороне под проходной аркой, соединяющей этот храм с храмом Благовещения. Мощи св. Алексия покоятся в богатой серебряной раке, в ногах чудотворца посох его, а в шкафу, за стеклом, его святительское одеяние, сделанное из простого, с большими разводами штофа.

Обширные кельи монастыря составляют и монастырскую ограду к площади, соборам и зданию Сената (судебных установлений), образуя глухой, узкий переулок к стене. Вход в соборную церковь Св. Алексия от площади своей пирамидальной кровлей напоминает стиль древнего зодчества. При входе в храм, на левой стене, находится следующая надпись:

«Лета 7188[48] месяца августа начаты были созидатися Святыя храмы во

славу Всетворца Бога, первый храм в честь Приснопетья Богоматери Девы Марии, славного ея Благовещения, второй св. Первозванного Апостола Андрея, третий святого чудотворного Алексия митрополита Всероссийского, идеже и мощи его; вси убо с трапезами и под ними с монастырскими службами, повелением блаженныя памяти Благочестивейшаго Великаго Государя и Царя и Великаго князя Феодора Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, по его Государскому чертежу и указной мере, каков чертеж от него Государя прислан в Чудов монастырь, благословением же Великаго Господина Святейшаго Кир Иоакима Патриарха Московского и всея России и северных стран; совершены же при благочестивых Великих Государех, Царях и Великих Князьях Иоанне Алексеевиче, Петре Алексеевиче и Великой Государыне Благоверной Царице и Великой Княжне Софии Алексеевне, всея Великия и Малыя и Белья России Самодержицех, в четвертое лето их Царского скипетродержавства, их Государским на сие строение жало-

ваньем и монастырскою казною и ктиторов святых обители сея подаянием 7194-го лета[49] тщанием же усердным сицеваго строения пречестнаго господина Адриана Архимандрита Святых обители сея, да келаря монаха Варлама и труждающихся братьи».

Обе церкви, Благовещения и Св. Алексия, украшены прекрасным иконостасом, но храм Св. Алексия несравненно превосходнее, и Царские двери в нем серебряные, литые.

В ризнице монастыря есть не мало замечательных вещей. Из них особенно обращают на себя внимание Евангелие и духовная святителя, писанные на пергаменте рукой самого чудотворца Алексия, — памятники, драгоценные и по своей святости, и по своей древности[50]. Затем — золотые, отделанные финифтью и украшенные дорогими камнями потир, дискос, звезда, лжица. Это дар Морозовых. На звезде, наверху, поставлена печать царя Федора Алексеевича из зеленого изумруда с надписью: «Печать царя Феодора Алексеевича». Есть два дара императора Павла Пет-

ровича — богато отделанные митра и посох. Не забыл этого монастыря и князь Потемкин-Таврический: он принес монастырю дорогие митру, сакос, омофор и полицу — все это украшено бриллиантами и другими дорогими камнями. Вообще, ризница монастыря богато необыкновенно.

Но богат монастырь и историческими событиями. В его стенах великим князем Василием Васильевичем был заключен митрополит Исидор, участвовавший во Флорентийском соборе и дерзнувший было присоединить самовольно церковь православную к церкви католической. Дерзкая смелость его поразила бояр и народ до того, что Исидор готов уже был торжествовать успех своей преступной решимости. Но великий князь один, среди храма Успения, противустал предателю веры и приказал его заключить в Чудов монастырь в 1441 году. Отсюда он бежал в Рим, где и умер в 1463 году.

Здесь, в одной из келий монастыря, Григорий Отрепьев задумал свой отважный и дерзкий план вступить на престол русских царей и в феврале 1602 года бежал отсюда со свя-

ценником Варлаамом и крылошанином Мисаилом Повадиным. Чем окончился этот наглый поступок бродяги — хорошо известно из истории.

Здесь царь Василий Иванович Шуйский был насильно пострижен в монашество. Здесь были заключены обвиненный в беззакониях тверской епископ Евфимий (1392 г.), знаменитый поборник православия архиепископ новгородский Геннадий[51] и епископ новгородский же Феофил. Тут также насильно постригли в монашество отца царицы Натальи Кирилловны Нарышкиной.

В Чудове монастыре восприяли святое крещение царь Алексей Михайлович, Петр I и покойный государь император Александр II. При его крещении державная его бабка императрица Мария Федоровна возложила царственного младенца на раку св. Алексея, испрашивая благословения новорожденному.

В этом же монастыре умер голодной смертью патриарх Гермоген. В 1612 году поляки, завладев Кремлем Московским, всеми силами старались склонить на свою сторону патриарха. Но он твердо ответил им: «Не запрещу Ля-

пунову ополчаться за Москву! Благословляю воинов на смерть за веру и на защиту отечества!» Твердость души его озлобила врагов: они заключили его в темную келью Чудова монастыря и истязали. Но он был непоколебим — спасение отечества он считал дороже своей жизни. «Бога боюсь и более никого! — говорил этот верный сын России. — Да паразит гнев Божий изменников отечества!» Его твердость и решимость много способствовали спасению России. Еще перед своим заключением он открыто стал говорить, что королевича Владислава[52] нельзя признавать государем, потому что он не принимает православия и, по всему вероятно, не примет, что литовские люди заполонили его именем Московское государство и в Кремле уже раздаются латинские пения. Он благословил народ восстать против иноземцев и изгнать их из Москвы. Слова патриарха развязали народу руки: москвичи начали убеждать все города русские восстать на общего врага в защиту веры православной и Москвы с ее святынями. Призыв этот нашел отголосок по всей России, и началось дружное восстание народа по

всем городам русским. Этот святой страдалец нашел даже возможным перед смертью из своего заключения переслать грамоту в Нижний Новгород. В ней он восставал против замысла Заруцкого возвести на московский престол сына Марины. Это была его последняя грамота: 17 января 1612 года он умер от голода. Последователем его в деле народного движения против врагов явился архимандрит Троицкого монастыря Дионисий. Он был человек в высшей степени благочестивый и горячо любил свое отечество. Грамоты его имели громадное действие: народ восстал поголовно, налагая на себя пост. Явился Кузьма Минин, князь Пожарский — и Москва, а с нею и вся Россия были спасены.

Подвалы под церковью — белокаменные, двухэтажные, с отдельными входами. Верхний подвал имеет слабое освещение через малые оконные просветы, нижний же совершенно темный; попасть в него можно только через особое замурованное отверстие с помощью приставной лестницы. Полагают, что именно здесь был заключен патриарх Гермоген; предположение это основано на поль-

ской брошюре, в которой говорится, что патриарх Гермоген заточен под церковью Архангела Михаила в Чудовом монастыре и ему ставили туда периодически ведро воды и куль овса. При открытии подвала в нем найдены железные вериги и несколько человеческих черепов и костей.

В Чудовом монастыре покоится немало бояр, вельмож прежнего времени и духовных лиц. Там погребены известный ученый, философ и мудрейший толкователь Священного Писания Епифаний Славинецкий[53], князья Трубецкие, Куракины, Хованские, Щербатовы, Оболенские, бояре Стрешневы, стольник Илья Морозов, последний царь казанский Симеон, отличавшийся своим разумом и дарованиями. Тут же погребены некоторые из московских митрополитов и, наконец, юродивый Тимофей Архипов. Все надгробные камни их украшены резными красноречивыми надписями о их значении и подвигах при жизни. Последняя надпись обращает на себя внимание. Вот она:

*«1731 года мая в 29 день при державе
Благочестивейшей Великой Государы-*

ни нашей Императрицы Анны Иоанновны, самодержицы всея России представился раб Божий Тимофей Архипов сын, который, оставя иконописное художество, юродствовал миру, а не себе; а жил при Дворе Матери ее Императорского Величества Государыни Императрицы, Благодетивейшей Государыни, Царицы и Великой княгини Парасковии Федоровны двадцать осмь лет и погребен в 30 день мая».

Этот юродивый, заметим мимоходом, был весьма любим и почитаем не только самой царицей Прасковьей Федоровной[54], но и всеми ее приближенными. Между прочим, одна из Нарышкиных, Настасья Александровна, любимица царицы Прасковьи, по смерти юродивого Архипова получила в дар его бороду. В роду этой Нарышкиной борода сохранялась как святыня. С этой бородой было связано, по суеверному преданию рода, благосостояние всей семьи Нарышкиных и с утратой ее должен прекратиться род Нарышкиных. Действительно, борода юродивого как-то исчезла, и в год исчезновения ее один из старших Нарышкиных, Александр Иванович, вельможа

времен Екатерины II, заболел недугом помещательства, который и свел его в могилу. После смерти его эта ветвь Нарышкиных действительно пресеклась.

Между прочими могилами тут находится и могила князя Никиты Юрьевича Трубецкого, известного генерал-прокурора в царствование императрицы Елизаветы. Пышная надпись гласит о его последовательном возвышении, значении и проч. Но при жизни этот человек был ненавидим Петербургом и Москвой. По рассказам современников, князь Трубецкой был человек непостоянный, подобо-страстный, коварный, жестоко обращавшийся с подсудимыми и собственноручно бивавший их. Жестокосердие его доходило до того, что он в комиссии для суда над Остерманом и Минихом подал голос о колесовании и четвертовании их живыми. Последние годы своей жизни князь Трубецкой жил в Москве и умер в 1768 году.

На монастырской колокольне, устроенной митрополитом Платоном в 1779 году во время и других исправлений в монастыре, считаются замечательными два колокола — Большой

и Полиелейный. Сделанные на этих колоколах надписи свидетельствуют, что первый, Большой, колокол отлит мастером Кириллом Сомовым в 1634 году по повелению царя Михаила Федоровича для соборной церкви Успения Богородицы и Св. чудотворцев Леонтия, Исаяи и Игнатия в Ростове в честь блаженной памяти родителя своего Филарета Никитича. Колокол этот перелит со значительной прибавкой меди при упомянутом митрополите Platone. Второй колокол, Полиелейный, отлит в 1727 году при архимандрите Беляеве.

Нельзя не упомянуть и о том, что в Чудовом монастыре император Николай Павлович торжествовал первую свою победу над персами. Взятые трофеи препровождены из Петербурга в Чудов монастырь 21 ноября 1826 года и находятся в Алексеевской церкви.

Не надо забывать еще, что Чудов монастырь был рассадником духовного просвещения. Здесь помещалась патриаршая школа [55]. Сюда в 1506 году приглашен был Максим Грек для разбора рукописей. Здесь был архимандритом Павел, возвышавшийся своей ученостью перед всеми современниками [56].

Здесь был ученый иеромонах Евфимий, принадлежавший к ученому братству составителей и переводчиков книг, основанному при царе Алексее Михайловиче боярином Ртищевым. Здесь состоял учителем патриаршей школы Епифаний Славинецкий, воспитанник Киевской академии, бывший до призвания в Москву иеромонахом Киево-Печерского монастыря. Епифаний составил полный греко-славянолатинский лексикон.

До 1833 года во флигелях Чудова монастыря помешалась Московская духовная консистория. Это присутственное место, производящее духовный суд, образовано в 1744 году из духовной дикастерии, занимавшей на Синодальном дворе в Кремле место Судного приказа. При архиепископе московском Платоне Малиновском консистория оттуда переведена в Чудов монастырь, а уже из Чудова монастыря, в 1833 году, на Рязанское старое подворье.

В заключение описания Чудова кафедрального монастыря сделаем краткий очерк жизни его основателя, св. митрополита Алексия.

При жизни князя Даниила Александровича из Чернигова в Москву переселился бо-

ярин Федор Бяконт. При Иване Калите он поступил на службу к самому князю, был им замечен и награжден землями в Москве. Князь настолько благоволил к боярину Бяконту, что на время своего отсутствия поручал ему управление городом и крестил у него одного из сыновей — Симеона. Сын этот Бяконта, приходя в возраст, оказался необыкновенно способным мальчиком и уже в двенадцать лет хорошо знал грамоту. Пятнадцати лет он поступил в монахи Богоявленского монастыря и на двадцатом году пострижен под именем Алексия. Проходя различные монастырские должности, в иноках он прожил двадцать семь лет и своей строгой жизнью обратил на себя внимание митрополита Феогноста и великого князя Симеона, назначившего его наместником при митрополите. По смерти Феогноста Алексий заступил его место и управлял митрополией до 1378 года. Почувствовав приближение смерти, Алексий призвал к себе великого князя Дмитрия Ивановича, простился с ним, благословил и завещал похоронить себя в основанном им Чудовом монастыре, но не в церкви, а вне ее, за алта-

рем. Отпустив князя, святитель отслужил литургию, за которой причастился Св. Тайн. Затем, простившись со всеми окружающими, он стал читать молитву об исходе души и, не окончив ее, скончался. Это было в пятницу во время заутрени (12 февраля 1378 г.). С горестью услышали все о кончине святителя, и толпы народа с плачем спешили поклониться его праху. Великий князь Дмитрий Иванович, посоветовавшись с епископами, решил положить тело его в Чудовом монастыре, в приделе Св. Благовещения Пресвятой Богородицы, а не вне церкви, как Алексей просил по своему смиренномудрию. При пении псалмов тело митрополита Алексея было перенесено в Чудов монастырь и там по совершении над ним обряда отпевания предано земле. В 1438 году, через 60 лет после кончины святителя, мощи его были обретены нетленными.

Соборы в Кремле

Архангельский собор. В старину он назывался церковью Св. Михаила на площади.

Первоначальное построение церкви некоторые историки относят к началу XIII и даже к концу XII века, когда Москва уже существовала и, следовательно, должна была иметь свой храм во имя начальника небесных сил архангела Михаила, признаваемого издревле заступником русских князей.

Другие же, и с большей достоверностью, предполагают, что она была построена за 20 с лишком лет до начала княжения св. Даниила первым известным в истории удельным московским князем Михаилом Храбрым, меньшим братом св. князя Александра Невского, в честь ангела его, Великого архистратига.

Впрочем, по словам автора «Исторических сведений» А. Ратшина, нет исторических фактов, подтверждающих существование этой деревянной церкви.

Истинная и никакому сомнению не подлежащая история этой соборной церкви начинается со времен великого князя Ивана Дани-

ловича Калиты, хотя некоторые исторические данные и относят постройку ее ко времени св. князя Даниила.

В 1332 году был повсеместно в России страшный голод, оставивший надолго ужасные следы. Когда бедствие совершенно миновало, тогда Иван Данилович, утвердивший между тем великокняжеский престол в Москве, в благодарность Богу за освобождение подвластного ему народа от этой небесной кары заложил вместо деревянного каменный Архангельский собор.

Собор заложен в 1333 году, окончен в один год и освящен митрополитом св. Феогностом. Сперва стены его были расписаны внутри, с 1344 по 1346 год, русскими иконописцами, а потом, в 1399 году, поновлены греком Феофаном. Через 117 лет по построении его, в 1450 году, он поврежден громовым ударом и сильным вихрем, а в 1475 году сгорел, но существовал кое-как исправленный до 1505 года.

В том году великий князь Иван III Васильевич, перестраивая кремлевские здания, нашел Архангельский собор тесным[57] и не соответствующим огромности прочих строе-

ний, почему и приказал, разобрав прежний до основания, на месте его заложить новый, что и было совершено в мае месяце того же года. Строителем собора был миланский архитектор Алевиз Фрязин Новый. Собор окончен постройкой уже после смерти Ивана Васильевича в 1507 году и освящен 8 ноября 1509 года митрополитом московским Симоном в присутствии великого князя Василия Васильевича. С тех пор собор в главных частях не перестраивался и доселе существует в одном и том же виде. Наружность Архангельского собора одного стиля с Успенским. Высота его 16 саженьей. Стены прямые, гладкие и оканчиваются под кровлей рельефными полукружиями в виде раковин. Верх его увенчан пятью главами, из которых средняя, имеющая три сажени в поперечнике, вызолочена, а прочие покрыты медью. Собор имеет двое входных врат — северные и западные, — сделанные углубленными арками в виде готических порталов. Они имеют двуколонные небольшие паперти, из коих при западных вратах древняя, а при северных — новейшая, устроенная в царствование Александра I в ис-

порченном готическом стиле, который вовсе не идет к характеру этого массивного храма. Около западных врат изображен Страшный Суд, а на боках и сводах паперти написаны во весь рост разные русские князья. В 1772 году при обновлении собора повелено было укрепить его с северной стороны контрфорсами.

Внутри самого собора один только главный престол; придельных нет. В старину с южной стороны был придел Иоанна Лествичника, называвшийся также иногда во имя Иоанна Милостивого, а иногда Иоанна Предтечи. Придел этот упразднен в начале XVIII столетия, и теперь находится здесь только один прямой иконостас по стене с древними иконами. Он носит название южного придела. Еще ранее по западной стене собора, на галереях, где некогда царицы и царевны слушали Божественную службу или находились при отправлении панихид, было еще четыре придела: Обновления храма Христа Спасителя, или Воскресения Словущего, Андрея Критского, Апостола Акилы и Симеона Столпника. Два из этих приделов — Воскресения Словущего и Апостола Акилы — были устроены

еще при первоначальном соборе великим князем Иваном III в 1471 году, в память Шелонской битвы.

В одной линии с алтарем пристроены, вероятно в позднейшее время, две отдельные церкви: у юго-восточного угла собора — во имя Иоанна Предтечи, об стену с южным приделом, у северо-восточного же, — во имя Покрова Божьей Матери. Обе эти придельные церкви весьма небольшие, одноглавые, с особыми входами с площади.

Иконостас собора — во всю вышину храма — прямой, украшенный внизу резьбой, устроен вместо прежнего в 1680 и 1681 годах. Нижний ярус его вмещает в себе восемь местных древних икон корсунского письма в богатых золотых и серебряных окладах: с правой стороны Царских врат — Спасителя, сидящего на престоле, архангела Михаила, Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца, с левой — Пресвятой Богородицы с Предвечным Младенцем, в сиянии. Икона эта в явлениях Богородицы названа «Что ты наречем?», а также и «Благодатное небо». Она, по преданию, принесена в Москву в конце XIV века Софьей Вито-

втовной, супругой великого князя Василия II. Далее иконы: Благовещения Богоматери, Василия Великого и Федора Стратилата. Ниже и выше этих икон изображены евангельские притчи. В остальных ярусах иконостаса помещаются также древние иконы, но без окладов: во втором — всех двенадесятых праздников, в третьем — Всемилоостивого Спаса с Богородицей, архангелами и ангелами, а в четвертом — Пророков и Праотцев, окружающие изображение Божьей Матери, украшенных Драгоценными каменьями. Над этим ярусом, в самом верху, Распятие с предстоящими Богородицей и Иоанном Богословом. Над северными дверями образ Тихвинской Божьей Матери в драгоценных каменьях и жемчугах, замечательный тем, что он принадлежал матери св. Дмитрия-царевича Марии Федоровне.

Как стены внутри собора, сверху донизу, так и своды, равно и четыре круглых огромных столпа, их поддерживающие, покрыты сплошной живописью по известке, расположенной горизонтальными рядами: вверху по стенам и на сводах помещены изображения святых, а по столпам одиннадцать портретов

во весь рост государей, погребенных в соборе, а частью и живших прежде и после построения его.

По трем стенам собора над рядами гробниц в нижнем ярусе изображены в рост же почти все здесь погребенные князья, начиная с Ивана Калиты. Стены главного алтаря и южного придела также покрыты сплошь изображениями угодников Божьих, митрополитов русских и проч.

Вся стенопись собора произведена была еще в XIV веке под наблюдением зодчего Алевиза, но в ней мало уже осталось следов древности; с того времени она была подновляема, хотя и с сохранением старого стиля, пять раз: в 1547 году, после большого московского пожара, от которого собор много пострадал; в 1680–1681 годах живописцем Лорофеем Ермолаевым; в 1772 году, при Екатерине II, под наблюдением епископа Самуила; в 1826 году по вынесении тела императора Александра I, пребывавшего здесь несколько дней на пути из Таганрога в Петербург; и, наконец, в 1893 году. Следовательно, нельзя и ожидать, чтобы изображения князей на столпах и на стенах,

нарисованные иконным письмом, имели сходство с натурой, тем более что живопись тогда в России еще не существовала. Исключение составляют портреты, находящиеся при гробницах великого князя Василия IV, царей Федора Ивановича, Михаила Федоровича, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского. Портреты писаны на деревянных досках и, по-видимому, весьма сходны. Они составляют неоценимую редкость и художественное сокровище. Из них два — царей Михаила и Алексея, подвергавшиеся порче от сырости, — весьма удачно реставрированы; прочие же остались в первобытном своем виде и представляют собой замечательные памятники искусства в России в XVII веке, когда прежнее иконное письмо начало переходить к истинной портретной живописи. В алтаре висит еще поясной портрет св. Дмитрия, митрополита ростовского, писанный на холсте с натуры.

Архангельский собор в самом начале своего существования уже предназначен был быть усыпальницей московских князей, ве-

ликих и удельных. Останки их от Калиты до отца Ивана III перенесены были сюда при освящении храма, а от Ивана III до царя Ивана Алексеевича государи наши уже похоронялись здесь. Ряды могил их замыкает гробница императора Петра II: после него никто уже погребается здесь не был. Гробницы царские и великокняжеские находятся кругом всего собора, у стен и между столпами, под сводами. В своих духовных великие князья завешали обыкновенно преемникам и наследникам, чтобы «память родителей не переставала, и свеча бы их на гробах родительских не угасла». Поэтому над гробами их совершались третины, девятины и сорочины. Над гробом, закрытым каменной плитой, устраивалась каменная надгробница, на которой ставились выносная икона, свеча и панихидное блюдо с кануном. На гробницы полагаются вседневные покровы, а в дни поминовения — драгоценные. Всех гробниц 53. Над ними размещены образа и «родимые иконы» погребенных, написанные в меру их роста при рождении и украшенные золотыми и серебряными ризами. Взглянем бегло на эти великокняжеские

и царские гробницы.

Вот гроб Ивана Даниловича Калиты (от южных дверей к западной стене). Это был истинный основатель московского величия. Он первый сделал Москву столицей и первый положил основание многим кремлевским зданиям.

Близ него находится гроб сына его — Симеона Ивановича Гордого. Он первый старался уничтожить уделы как вину ига татарского. Он хотел в Москве сосредоточить все силы России, хотел основать единоедержавие. Поэтому удельные князья наименовали его Гордым.

Пройдя две гробницы — брата Ивана Грозного, Георгия, и великого князя Ивана Ивановича, — мы остановимся перед гробницей Дмитрия Ивановича Донского. Какой русский не знает о Куликовской битве, о той славной битве, которая показала возможность свергнуть с себя татарское иго!

Далее (от южных дверей возле иконостаса) покоятся останки Ивана III, прозванного «собирателем земли русской». В его царствование свергнуто татарское иго и отечество на-

ше стало в ряд с другими европейскими державами.

Позади правого столпа, первого к иконостасу, покоится между прочими царь Михаил Федорович. Это родоначальник дома Романовых, со времени царствования которых началось прочное возвышение славы и могущества России. Близ него покоится царь Алексей Михайлович, названный летописцами Тишайшим и «взыскателем благочестия».

Позади левого столпа, первого к иконостасу, покоится прах царя Ивана Алексеевича, добровольно уступившего престол брату своему — Петру 1. Подле него стоит гробница юного царя Федора Алексеевича.

Вот гробница несчастного царя Василия Ивановича Шуйского (от западных дверей к западной стене). Он скончался в плену, и 23 года тело его лежало на поле близ Варшавы, и надпись на столпе гласила: «Здесь лежит царь Московский», В 1635 году царь Михаил Федорович, заключив с Польшей мир, послал боярина князя Львова за телом Шуйского. Оно было привезено в Москву в том же году 10 июня. Рядом с ним стоят три неизвестные

гробницы. Полагают, что это братья Шуйского и князь Василий Голицын, умерший также в польской неволе.

В южном приделе стоят три гробницы: царя Ивана Васильевича Грозного и сыновей его — Федора и Ивана, умершего, как известно, от руки отца в 1582 году. Тут же погребен был и злополучный царь Борис Годунов, близ друга и благодетеля своего Федора Ивановича. Тело Бориса было выброшено Лжедмитрием в 1606 году из собора сквозь нарочно сделанное отверстие, которого следы долго были видны в Предтеченской церкви, пристроенной к юго-восточному углу собора. По сказанию современников самозванца, мощи царевича Дмитрия, тотчас по принесении их из Углича, хотели положить на том самом месте, где была могила Годунова, для чего даже выкопана яма и выложена камнем; но после происшедших чудес они оставлены снаружи и яма закладена.

Мощи св. отрока Дмитрия почивают у первого южного столпа. Святой отрок был убит в Угличе на седьмом году возраста 15 мая 1591 года. Нетленные мощи святого отрока перене-

сены сюда по повелению царя Василия Ивановича Шуйского 3 июня 1606 года Филаретом Никитичем, бывшим тогда митрополитом в Ростове. Раку для них, обложенную серебром, устроил царь Михаил Федорович в 1630 году, о чем и свидетельствует надпись на раке. Святотатственная рука неприятелей в 1812 году не коснулась этой святыни. По этому поводу в № 22 журнала «Отечественные записки» за 1822 год рассказано следующее. Во время нашествия Наполеона одна раскольница похитила мощи царевича. По счастью, встретился с ней соборный дьячок: он отнял из рук ее добычу и схоронил в Вознесенском монастыре на хорах за иконостасом. При смерти своей передал он тайну эту одному священнику, который объявил о том преосвященному Августину тотчас же по возвращении его в Москву. Издатель[58] свидетельствовал, что слышал эти подробности от самого преосвященного. Здесь будет уместно привести сказание о том, как были обретыны мощи святого отрока в Угличе. «Послали мы, — пишет царь Василий Иванович, — по мощи царевича Дмитрия Ивановича митро-

полита ростовского Филарета, и астраханского епископа Феодосия, и спасского архимандрита Сергия, и андроновского архимандрита Авраамия, и бояр: князя Ивана Михайловича Воротынского, и Петра Никитича Шереметева, и Григория Феодоровича и Андрея Александровича Нагих; и писали к нам из Углича богомольцы наши ростовский митрополит и астраханский епископ, и архимандриты, и бояре наши, что они мощи благоверного князя Дмитрия Ивановича обрели; и мощи его целые, ничем не вредимые, только в некоторых местах немножко тело вредилося, и на лице плоть и на голове волосы целы и крепкие, и ожерелье жемчужное с пуговицами все цело, и в руке левой полотенце тафтяное, шитое золотом и серебром, целое, кафтан весь такоже, и под кафтаном камчатое, шитое золотом и серебром, цело на плечах, и сапожки на нем целы, только подошвы на ногах попоролися, а на персях орешек положенных горсть. Сказывают, что коли он играл, тешился орехами и ел, и в ту пору его убили, и орехи кровью полились, и того дня тые орехи ему в горсти положили и тые орехи целы. И которые были

расслабленные различными болезнями, уздоровились от раки его, царевича Дмитрия Ивановича, в прошлых летах и в нынешнем, 1606 году, и до их приезда тамошние люди принесли к ним письмо, и тое письмо здесь к Москве прислано. И как понесли мощи его, множество больных различными болезнями уздоровил; и как его поставили в церкви Архангела Михаила, и от его святых мощей пролились реки милосердия, много расслабленных великим чудом уздоровились: впервое уздоровил различными болезнями содержимых человек 13, и посямест уздоровляти не перестает всех, которые к нему приходят с истинною верою».

[59]

У второго южного столпа почивают мощи черниговских чудотворцев, князя Михаила Всеволодовича и боярина его Федора, приявших мученическую смерть в Орде за ревность к православной вере и изрубленных в куски 20 сентября 1246 года. Мощи их были сначала привезены во Владимир, потом в Чернигов, где и почивали около 330 лет. Наконец, по желанию царя Ивана IV перенесены в Москву при митрополите Антонии в 1572 году и 14

февраля положены в храме, во имя их построенном в Кремле у Тайницких ворот, откуда на время перестройки этой церкви в 1681 году были помещены в Архангельском соборе, а в 1683 году возвращены на прежнее место. Но когда приказы, строения и собор, находившиеся по гребню Кремлевской горы, были сломаны[60], то мощи угодников 25 августа 1770 года были перенесены в Сретенский, а оттуда 21 ноября 1774 года — в Архангельский собор. С того времени мощи и находятся тут неподвижно под спудом. По повелению императрицы Екатерины II тогда же сделана была для мощей мастером Петром Робертом богатая, чеканная из серебра рака, которая в 1812 году похищена и заменена бронзовой, высеребрянной, с образцами превосходной работы как на самой раке, так и над ней, на столпе. (Память их празднуется 20 сентября.)

В Предтеченской церкви стоит гроб юного героя Михаила Скопина-Шуйского. На сцену деятельности он явился в самое тяжелое для России время и сразу же сделался любимцем войска и народа. От Скопина ожидали многого, но зависть, по замечанию современников,

не замедлила подкопаться под него. Он умер неожиданно 23 апреля 1610 года. Народ с ужасом узнал о его кончине и приписывал ее отраве, подозревая в том самого царя. Грустную кончину Скопина народ увековечил песней «У нас было в каменной Москве», где рассказывается, как на пиру у князя Воротынского дочь Малюты Скуратова поднесла Скопину «стакан зелья лютого». В этой песне перед смертью Скопин говорит своей матушке:

*Ох, ты гой еси, матушка моя родимая,
Сколько я по пирам не ездил,
А таков еще пьян не бывал:
Съела меня кума крестовая,
Дочь Малюты Скуратова! [61]*

Об этом тяжелом времени псковский летописец говорит, что в Архангельском соборе слышны были «шум и гласы и плач», предвещавшие разорение царства Московского.

Ризница Архангельского собора вмещает в себе, кроме драгоценных утварей и священных облачений, многие достопримечательные вклады прежних царей и вельмож. Между ними заслуживают особенного внимания:

1. Неоцененный памятник древней нашей письменности — Евангелие (второе после известного Остромирового), писанное в 1125 году сыном пресвитера Алексея для внука Всеволодова Мстислава Владимировича, когда он княжил еще в Новгороде[62]. Богатый переплет его сделан из филигранного золота с изображением греческой работы и украшен негранеными драгоценными камнями. Оно взято из новгородского Софийского собора царем Иваном IV Васильевичем.

2. Печатное Евангелие в богатейшем окладе, данное царицей Марфой Матвеевной в 1685 году.

3. Рукописная Псалтирь в лист, разрисованная весьма искусно разными изображениями, данная в собор в 1594 году боярином Дмитрием Ивановичем Годуновым на поминовение царя Ивана Васильевича и брата его князя Юрия.

4. Серебряный крест, вклад царя Ивана IV в 1560 году, украшенный драгоценными камнями, между которыми замечательны яхонт и два лала (рубина) необыкновенной величины, также жемчужина и изумруд длиною в

четверть вершка.

5. Золотой крест с драгоценными камнями весом почти 4 фунта, данный царем Федором Алексеевичем на поминовение души родителя его[63].

6. Золотое кадило, осыпанное драгоценными камнями, весящее также более 4 фунтов, дар царицы Ирины Федоровны, сестры Годунова[64].

7. Золотые сосуды царицы Марфы Матвеевны и проч. Сверх того, хранятся в ризнице тафья суконная (скуфья, шапочка) с золотой запонкой, украшенная яхонтами и жемчугом, убиенного царевича св. Дмитрия, доставленная в собор стольником Нарышкиным по повелению Петра I в 1700 году, и великолепные покровы, возлагаемые в торжественные дни на гробницы царей из рода Романовых. Они пунцовые, бархатные, с жемчужными бахромами и такими же надписями. Посредине каждого вышиты крупным жемчугом кресты, адамовы головы, кости и проч. А на покрове царя Ивана Алексеевича, сверх того, нашиты финифтяные образа, осыпанные бриллиантами.

Замечателен еще в алтаре главной церкви «верх горнего места» — он украшен высеченной из цельного камня раковиной. Она позолочена.

К прежним особенным преимуществам Архангельского собора, каких не имела ни одна церковь в России, относятся:

1. Древний обычай класть челобитные на гробницы царские, существовавший с незапамятных времен, — никто не мог воспрепятствовать просителю принести сюда свою жалобу, и она прямо доходила в руки царя. Обычай этот уничтожен Петром Великим.

2. Учреждение при соборе архиереев для отправления панихид в дни кончины князей и царей, тут погребенных. Эти отдельные архиереи начались с 1599 года и продолжались 166 лет. Уничтожены в 1765 году. О первоначальном создании, а затем о возобновлении Архангельского собора свидетельствуют две надписи, которые мы и приводим.

Первая надпись находится на изображении великого князя Даниила Александровича, на имеющемся в руке его свитке[65]. Вот она:

«Сей святыи великого Архистратига Михаила храм первоначально создан при великом князе Иване Даниловиче, от создания мира 6841, а от Рождества Христова 1333. После ради тесноты повелением великого князя Ивана Васильевича, всея России, лета от создания мира 7013, а от Рождества Христова 1505, с вьщим пространством новый заложен. Совершился оный храм строением и освятися при великом князе Василии Ивановиче, всея России, лета от создания мира 7017, а от Рождества Христова 1509 мая в 8 день».

Вторая надпись находится на свитке в руках великого князя Всеволода Ярославича[66].
Надпись свидетельствует:

«Сей святыи великаго Архистратига Михаила соборный храм возобновился иконным настенным писанием повелением благочестивейшей великой государыни императрицы Екатерины Второй, самодержицы всея России, при наследнице ее, благоверном государе цесаревиче и великом князе Павле Петровиче, в лето от создания мира 7284, а

от воплощения Бога Слова 1772 года».

Благовещенский собор. Собору этому первый положил основание великий князь Василий Дмитриевич в 1397 году. Церковь построена была на великокняжеском дворе деревянной и считалась дворцовой, или, лучше сказать, домашней, церковью великокняжеской семьи: в ней совершались таинства брака и крещения великих князей и царевичей. Расписана же церковь была, как значитя в дворцовых записках, в 1404 году. Кто именно расписывал, в записках не значитя, но так как под этим и под следующим годом летописи наши упоминают о бывшем в Москве иконописце монахе Андрее Рублеве, весьма тогда славившемся, то и можно допустить, что храм Благовещения расписывал именно он.

Великий князь Иван III Васильевич при постройке храмов и заложении новых зданий в Кремле приказал этот храм разобрать и заложить новый, который и заложен 6 мая 1484 года. Через пять лет новый соборный храм был окончен и 9 августа 1489 года освящен митрополитом Геронтием. Собор строили вызванные из Пскова русские мастера Кривцов

и Мышкин.

По своему наружному виду собор чрезвычайно красив и построен, как полагают, по образцу греческих храмов X века. Он увенчан девятью золотыми куполами и такими же решетками около верхних открытых галерей. Нижний ярус его с трех сторон обнесен широкой крытой галереей, или папертью[67]. Собор в то время соединялся на запад посредством сеней с набережными государевыми палатами, так же как и теперь соединяется с дворцом, а на восток широкое каменное крыльцо вело в плодовый сад, в котором были пруды, или выложенные свинцом водоемы, наполненные красивыми рыбками[68]. Подле него стояла Кирпичная палата, или Казенный двор, превращенный в 1758 году в каменные галереи, в которых помещались оружейная мастерская и Конюшенная палата, сломанная в 1770 году.

Ризница Благовещенского собора, находящаяся в алтаре с правой стороны, не заключает в себе множества вещей, но отличается богатством, редкостью и порядком.

Все хранящиеся здесь предметы располо-

жены в прекрасном шкафу, в 1818 году украшенном вензелем государя императора Александра I, по бокам которого в двух клеймах золотыми буквами написана следующая надпись:

*Увенчан лаврами, столицу посещает,
Все зиждет, все живет и храмы
украшает.*

В ризнице, во втором клейме, надпись: «Семпамятник ко храму Божию».

Из многих богатых риз особенно отличаются ризы малинового бархата с жемчужными оплечьями — всего жемчуга на них 37 фунтов 93 золотника, а из вещей особенно замечательны два рукописных Евангелия, писанные полууставом. Одно из них, небольшого формата 1564 года, есть дар царя Ивана Васильевича Грозного, а другое, на александрийской бумаге, обложено золотом и особенно отличается прекрасными рисунками евангелистов в эмблемах греческой работы, отличающейся яркостью и прочностью красок. Евангелие украшено большими драгоценными камнями: яхонтами, рубинами и топаза-

ми. Замечательны еще пять крестов. Первый, так называемый Мономахов, принесенный Мономаху из Эфеса, с надписью: «В сем киоте крест Святого и Животворящего древа, на нем же распят Христос Бог, и сей Святой крест сотворен животворящим самосушным древесем, и в нем Святое древо от того креста, иже бе прислан от Константинополя в Киев В. К. Владимиру Мономаху...»

Второй крест — золотой, с деревом креста Господня и святыми мощами, отличной греческой работы и очень богато убранный алмазами.

Третий — золотой, четвероконечный, с финифтью, с животворящим деревом и с решетчатой золотой затворкой. Вокруг животворящего древа находятся знамена Страстей Христовых. Этот крест замечателен своей древностью. На нем надпись: «Божественные Страсти Великого Бога и Спаса нашего Христа принесены из Царя-града смиренным архиепископом Дионисием в святую архиепископию, в Суздаль, в Новгород...»

Четвертый крест — восьмиконечный, с мощами и животворящим деревом. Он богато

украшен яхонтами и жемчугом. На нем надпись: «Лета 7061 сделан бысть крест в дом св. Николы на Вяжцах при благоверном царе и великом князе Иоанне Васильевиче».

Пятый крест, именуемый Корсунским, царя Константина, серебряный, высокой греческой работы, с животворящим деревом. Он украшен алмазами, яхонтами и жемчугом. По наружности своей этот крест один из замечательнейших.

Укажем и на другие священные редкости, имеющиеся в ризнице собора. Крестообразный вызолоченный серебряный киот. Он украшен камнями и заключает в себе древо Креста Господня, камень Гроба Господня, Ризу Господню, Ризу Пресвятой Богородицы, Хитон Господень, Власы Христовы и проч.

Сосуды: золотой гладкий сосуд с такими же принадлежностями, имеющий вес 7 фунтов 69 золотников; золотые же сосуды, принесенные в дар духовником императрицы Елизаветы Петровны протоиереем Дубянским. Они отличаются весьма изящной работой и прекрасной живописью по финифти и украшены разноцветными дорогими камнями.

Большая водосвятная чаша серебряная, и при ней такой же кувшин. Серебряные ковш и кружка царя Михаила Федоровича. Вызолоченная серебряная четвертина с польской надписью по краям, означающей, что она сделана в Варшаве. Дарохранительница, или ковчег, с большим китайским рубином и с прекрасной живописью. Наконец, в ящиках ризницы сохраняются низанные жемчугом и убранные серебряными дробницами пелены к местным образам, употребляющиеся только в торжественные дни.

Благовещенский собор имеет четыре придела: Восшествия Христа в Иерусалим, Архангела Гавриила, Св. Александра Невского и собор Пресвятой Богородицы. В трех приделах в иконостасах все образа высокой древней греческой работы и украшены вызолоченными серебряными окладами и венцами. Замечательно, что в 1812 году три придела остались неприкосновенными, так что не были даже тронуты замки и печати. Придел во имя св. Александра Невского[69] устроен по высочайшему повелению императора Александра I. Образа в нем писаны русскими художника-

ми.

О перестроении и поновлении собора свидетельствуют две надписи. Первая, на столпе у правого клироса: «Сия Святая Соборная и Апостольская церковь Благовещения Пресвятыя Богородицы создана лета 6997 (1489) при державе Великого Князя Иоанна Васильевича всея России и при его детях Благоверных Князях Иоанне, Василье, Георгие, Андрее и Симоне». Вторая, на столпе у левого клироса: «Поновися в лето 7205 (1697) при Державе Благочестивейшего Великого Государя, Царя и Великого Князя Петра Алексеевича, всея Великия и Малыя и Белыя России Самодержца, и при сыне Его Благоверном Государе нашем, Царевиче и Великом Князе Алексее Петровиче».

В собор ведут двери — северные и южные. Последние, обращенные на Москву-реку и отличающиеся узорочностью и затейливостью зодчества, служили входом для государей и местом для отдохновения после богослужения и раздавания милостыни бедным.

Нельзя обойти молчанием и того, что, по народному преданию, четвероконечный

крест, находящийся на средней возвышенной над прочими главе, — весь золотой. Рассказывают, что Наполеон, слышавший об этом, снял с Ивана Великого железный крест, покрытый позолоченными медными листами, полагая, что это есть именно золотой крест [70].

Упомянем и о том, что первые боевые часы в Москве были поставлены возле Благовещенского собора, на башне великокняжеского дворца. Они были поставлены в 1404 году монахом Афонской горы Лазарем, по происхождению сербом. Часы эти стоили 150 рублей или около 30 фунтов серебра. Народ московский глядел тогда на эти часы, как на невиданное чудо. При часах была сделана механическая фигура человека, ударявшего молотом в колокол при окончании каждого часа. Об этих часах в летописи говорится в следующих выражениях: «Сей же часник наречется часомерье, на всякий же час ударяет молотом в колокол, размера и расчитая часы нощные и дневные: не бо человек ударяще, но человековидно, самозванно и самодвижно, странно-лепно некако сотворено есть человеческою

хитростью, приизмечтано и преухищено».

Размер собора: длина до иконостаса 11 саженей, ширина внутри стен 14 саженей, высота от пола до свода 5 саженей.

Большой Успенский собор. Он исстари почитается главным святилищем Москвы и есть, несомненно, сокровищница русской святости и древностей.

Основание этому знаменитому храму положено 4 августа 1326 года св. митрополитом Петром, перенесшим свой престол из Владимира в Москву, которую великий князь Иван Данилович Калита сделал тогда своей столицей, а св. Петр утвердил в ней свою митрополию.

Мы уже говорили, что предсказал св. Петр великому князю Ивану Даниловичу, советуя ему построить церковь Богородицы.

Иван Данилович с радостью принял совет св. Петра — и церковь Успения Богородицы была заложена немедленно. В построении церкви святитель принимал участие и советами, и собственными трудами, но не дожидаясь окончания постройки: он скончался через 4 месяца и 17 дней после закладки храма и

был положен в каменном гробу, им самим вытесанном, во вновь создаемом храме.

Храм Успения был окончен через 7 месяцев и освящен ростовским епископом Прохором 4 августа 1327 года. В таком виде храм существовал 145 лет.

Занявшись украшением Москвы, великий князь Иван III прежде всего обратил внимание на соборный храм Успения. Собор был тесен и ветх. Поэтому в 1472 году собор был разобран до основания, причем при разборке были обретены мощи св. Петра нетленными. Мощи на время стройки перенесли в церковь Иоанна Лествичника, а затем через 7 лет по окончании постройки собора снова возвратили их на прежнее место.

Новый храм был заложен 30 апреля того же, 1472 года. Он был заложен обширнее и во всем подобный Златоверхому Богородицкому храму во Владимире-Залесском, в котором еще только за 40 лет перед тем совершался торжественный обряд восшествия на престол великих русских князей.

Митрополит Филипп назначил сбор на построение храма с духовенства и монастырей,

причем бояре и гости (купцы) присоединили свои приношения. Из Пскова были выписаны мастера Кривцов и Мышкин, которые взялись выстроить собор.

Постройка продолжалась два года, и даже начаты были своды, но собор ночью 21 мая 1474 года неожиданно обрушился. Тогда-то великий князь по совету супруги своей Софьи решился выписать из Италии более сведущих строителей. Приехал болонец Аристотель Фьораванти и в 1475 году начал постройку собора, окончил его в 1479. 12 августа того же года храм был освящен митрополитом Геронтием. Великий князь роздал в тот день богатую милостыню во всем городе и семь дней праздновал это событие, угощая духовенство и бояр на великокняжеском дворе. Художники Дионисий, Тимофей Ярец и Коня расписывали внутренность собора. О возобновленном храме летописей сказал: «Бысть же та церковь чудна вельми, величеством, и высотой, и светлостию, и пространством; таковой же прежде того не бывало в Руси, опричь Владимирския церкви».

При древнем, первоначальном соборе бы-

ло три придела: Поклонения веригам апостола Петра, устроенный в 1328 году во возблагодарение Богу за усмирение Пскова; Великому-ченика Дмитрия Солунского и Похвалы Пресвятой Богородице. Придел этот сделан св. митрополитом Ионой в благодарность за избавление Москвы от нашествия в 1425 году татар под предводительством Седи-Ахмета, при великом князе Василии Васильевиче Темном. Приделы эти оставлены и при построении нового собора; но при Петре Великом придел Поклонения веригам апостола Петра переименован в честь св. апостолов Петра и Павла. По правую сторону главного алтаря, близ ризницы, был еще придел во имя св. Филиппа-митрополита, устроенный, вероятно, по принесении сюда его мощей, но он упразднен.

Наружный вид собора замечателен своей массивностью и изящной простотой. Архитектура его византийская, смешанная с ломбардо-венецианской. Он имеет вышины 18 саженьей, длины 17 и ширины II саженьей. Форма куполов индийская. Окна его, весьма узкие, помещены высоко от земли; стены гладкие,

кроме пояска, состоящего из небольших полуколонн. Вокруг трех входных дверей, имеющих характер готических порталов, написаны иконы угодников Божьих: над северным входом — Ростовских, над южным — Московских, а около западных дверей — Киево-Печерских. Над алтарями же, в полуциркульных впадинах, помещены три огромных образа: Сын во славе Отчей, Софии Премудрости Божьей и Печерской Богородицы. Два последних образа знаменуют Новгород и Киев, присоединенные к Московскому государству. Южный вход с чугунной папертью, или, по старинному, рундуком, где царей после венчания на царство осыпали деньгами, назывался в древности Красными дверями.

Успенский собор несколько раз подвергался случайным повреждениям. Так, в 1492 году, 15 июля, от удара молнии в соборе случился пожар, после которого он немедленно был исправлен. В 1547 году, в общий московский пожар, сторел верх собора. Вскоре по возобновлении, в сентябре 1550 года, царь Иван Васильевич Грозный велел всю его кровлю и главы обложить вызолоченными медными ли-

стами. При царе Михаиле Федоровиче своды дали трещины.

При императрице Екатерине II, в 1773 году, сделано последнее возобновление (иконописанием) собора[71].

Первое, велелепное, как говорят летописи, украшение собора сделано в 1514 году по повелению великого князя Василия Ивановича. Стены и столпы собора украшены были иконописанием, фресками по золотому полю. При исправлении сводов собора царь Михаил Федорович приказал возобновить живопись, но с большим против прежнего великолепия. Возобновление это произведено было с успехом псковским иконописцем Иваном Писеином в течение 1642 и 1644 годов, причем возобновленное иконописание не отличалось нисколько от старого, так как со старого с особенной тщательностью снималось на листы. Возобновление совершалось под наблюдением боярина Бориса Репнина, стольника Григория Пушкина и дьяка Степана Угодского. Золота на возобновление употреблено было 210 100 листов иеной на 1721 червонец. По сделанной тогда смете внутренность храма за-

ключала в себе 1008 квадратных сажений, из коих на каждую полагали по 700 листов золота большой меры. Хотя на это новое расписывание собора и указал государь брать деньги из Печатного и Монетного дворов, а также и из приказа Казанского дворца, однако же участвовали во вкладе и два частных лица: патриарх, давший тысячу червонцев, и торговый человек Толечов — 164 червонца.

Иконостас собора — во всю вышину его и совершенно прямой. Огромный, с серебряными Царскими вратами, он изображает церковный символизм, свойственный древним христианским храмам, или полную идею вселенской церкви — союз Старого Завета с Новым. В нем пять ярусов. Первый состоит из икон древних праотцов и патриархов, среди коих Господь Саваоф с Предвечным Словом. Второй представляет ветхозаветную церковь и лики пророков от Моисея до Христа с хартиями их пророчеств, окружающих икону Божьей Матери с Предвечным Младенцем в лоне. Третий, меньшего размера, вмещает все церковные праздники и евангельские события. В четвертом изображена полная христи-

анская церковь, где Спаситель представлен уже в образе Великого архиерея, сидящего на престоле, с предстоящими Матерью, Предтечей и апостолами. В нижнем, или пятом, ярусе иконостас имеет иконы, великолепно и богато украшенные...

Первым и важнейшим из них, без всякого сомнения, есть образ Пресвятой Богородицы Владимирской. По преданию, икона писана евангелистом Лукой еще при жизни Пресвятой Девы и прежде называлась Пирогощей. Существует предположение, что она названа Пирогощей потому, что привезена из Царграда в Киев гостем Пирогощей. В 1154 или 1160 году св. князь Андрей Боголюбский, испросив согласие отца своего князя Юрия Долгорукого, взял икону из Богородицкого монастыря, существовавшего в Вышгороде близ Киева, украсил ризу ее драгоценными камнями, жемчугом и золотом, которого, по словам летописцев, употреблено более 30 гривен, и перенес во Владимир на Клязьме, где она и находилась в Златоверхом Успенском соборе, получив название Владимирской, до 1395 года. В то время великий князь Василий Дмит-

риевич, опасаясь приближения татарских войск под начальством Тамерла-на, повелел принести святую икону в Москву, которая благодаря заступничеству Богородицы и избавлена от врагов. Образ хранится по левую сторону Царских врат в большом, неподвижном, вызолоченном серебряном киоте и обложен золотой ризой с изумрудами, алмазами и крупным жемчугом.

На этой же стороне (на левой) находятся замечательные образа:

1. Всемилоственного Спаса, превосходного греческого письма, принесенный сюда из Переславля-Залесского в 1518 году по повелению великого князя Василия Ивановича и подновленный в 1700 году художником Георгием Зиновьевым.

2. Икона, называемая Царь Царем, или Предста Царица, писанная св. Олимпием, первым русским иконописцем, в XI веке. Она украшена вызолоченным серебряным окладом и венцами, убрусами и гривнами древней работы, драгоценными камнями и жемчугом, сбереженными от расхищения в 1812 году.

По правую сторону Царских врат находится местный образ Всемилоственного Спаса, называемый Золотой Рясой. Он обложен золотым окладом, а венец украшен алмазами, яхонтами и изумрудами. Эта икона одна из древнейших. Она прислана в дар новгородским князьям от греческого царя Эммануила и находилась там, в Софийском соборе. Царь Иван Васильевич в 1570 году перенес ее в Москву и поставил в Успенском соборе[72]. Христос изображен на иконе сидящим на престоле. В левой руке его раскрытое Евангелие, на котором по-гречески написано начало Евангелия от Иоанна, правая же рука указывает долу. В 1812 году икона была попорчена, но потом основательно подновлена.

Правее находится образ Успения Пресвятой Богородицы, храмовой. Он писан в XIV веке св. митрополитом Петром и поновлен в 1718 году. Богатая риза иконы украшена короной, в которую вставлен драгоценный перстень с яхонтами и алмазами, пожертвованный одной из Нарышкиных. Рядом с указанной иконой находится образ Благовещения Пресвятой Богородицы. Икона очень древняя,

но кем и когда писана — сведений нет. Известно только, что еще в XIII веке находилась она в Великом Устюге, в тамошнем Успенском соборе. В 1290 году св. Прокопий-юродивый, молясь перед ней, отвратил от города Устюга ужасную тучу. Царь Иван Васильевич перенес образ в Успенский собор около 1567 года. В 1812 году неприятели лишили его богатого оклада, замененного в 1818 году новым теми же устюжанами, о чем и свидетельствует надпись внизу образа: «Матери Бога нашего за избавление от всеконечной гибели града Устюга в лето 1290 бывшего. Великоустюжское градское общество с благоговением посвящает вновь сооруженную серебряную позлащенную сию ризу 1818 года декабря 25».

На этой же стороне иконостаса заслуживает внимания образ Св. великомученика Дмитрия Солунского. Св. Дмитрий замучен в городе Солуни в 1077 году. Образ перенесен из Киева во Владимир великим князем Дмитрием Юрьевичем, а великим князем Дмитрием Ивановичем из Владимира в Москву в 1380 году. При царе же Василии Ивановиче, в 1517 году, образ подновлен, о чем и свидетельствует

ют две надписи, находящиеся на образе. Самый образ писан на гробовой доске святого и принесен в Россию в 1197 году из Фессалоник вместе с сорочкой великомученика при великом князе Всеволоде III.

Помимо упомянутых икон есть и в других местах Успенского собора не менее замечательные. Укажем из них на некоторые.

На южном столпе — образ Божьей Матери, называемый Иерусалимской. По преданию, он писан апостолами в Гефсимании в 15-е лето по Вознесении Иисуса Христа и прославлен многими чудесами в Греции. Он был перенесен из Иерусалима в Константинополь в 453 году, потом находился в Херсоне, оттуда взят св. Владимиром Равноапостольным и отправлен в Новгород, где находился в Софийском соборе. Царь Иван Васильевич вместе с другими образами перенес его в Успенский собор. По краю ризы есть надпись, состоящая из глаголических и греческих литер, которая остается необъясненной. Подлинная икона в 1812 году пропала и заменена точной копией, которая издавна находилась в дворцовой церкви Рождества Богородицы, что на Сенях.

По левую сторону патриаршего места находится образ Владимирской Божьей Матери — верная копия с подлинного, писанная митрополитом Симоном. Образ поставлен в соборе императрицей Анной Ивановной в 1733 году, после счастливого окончания войны с французами и поляками и взятия Гданьска, или Данцига.

На северном столпе — икона Кипрской Божьей Матери в богато украшенном окладе. Этот образ явился в 392 году в Кипре. Празднество ему совершается два раза в год: 20 апреля и 9 июля. С которого времени образ находится в соборе — неизвестно.

В Петропавловском приделе замечателен образ Божьей Матери Влахернской. Он принесен из Константинополя при царе Алексее Михайловиче в 1654 году, 17 октября. Икона прежде стояла в алтаре, за престолом, но в 1827 году перенесена на теперешнее место. Икона была некогда покровительницей Царграда и греческих государей. Царь Ираклий имел ее с собой в походе против персов.

В том же приделе находится образ Псково-Покровской Божьей Матери, древнего

письма, на холсте, украшенный золотым окладом с алмазами в 1740 году по усердию императрицы Анны Ивановны во возблагодарение за победы над турками. На этой иконе изображен вид Пскова, а в надписи изложена история избавления Пскова с помощью Богоматери во время осады города польским королем Стефаном Баторием в 1581 году.

Тут же находится и древний барельеф, относящийся, как можно судить по работе, к средним векам. Он изваян из белого камня и представляет вооруженного всадника на коне, поражающего копьем крылатого дракона. На нем латинская надпись, из которой видно, что изображение это было на триумфальных воротах, посвященных Сенатом и народом римским императору Константину Великому за освобождение им церкви христианской от гонений язычников. Изображение это, известное под именем св. Георгия Победоносца, некоторые считают аллегорическим, где представлен сам император Константин в лице современного ему великомученика Георгия. Оно привезено в Россию из Рима, но когда именно — неизвестно. К сожалению, в

1746 году изображение довольно густо замазано разными красками, так что надпись читается с трудом. Но она и без того почти изгладилась от времени. Полагают, что это есть подарок папы одному из наших князей, думавших о присоединении России к католицизму.

Кроме этих, особенно замечательных, образов по стенам и частью по столпам собора помещено много небольших комнатных царских образов, из которых некоторые весьма древни. Они по большей части одной меры — шестивершковые; одни из них на кипарисе со шпонками, другие на дубе. Это домашние образа князей, царей и митрополитов, переданные в собор после их смерти, что было в старину общим обыкновением. Лики святых от времени сильно потускнели, некоторые даже нельзя разобрать.

Обратимся теперь к другим святыням собора.

В главном алтаре, за жертвенником, в особом великолепном иконостасе, за царской печатью, хранится Риза Господня, вложенная в серебряный ковчег, украшенный драгоцен-

ными каменьями. Святыня эта принесена в Москву в 1625 году послами персидского шаха Аббаса, Русан-Бекком и Мурат-Бекком, по старанию нашего посланника Василия Коробьина. Патриарх Филарет тогда же установил по этому случаю празднество Перенесения, или Положения Ризы, в десятый день июля. Серебряный ковчег, как видно из надписи на нем, есть дар царя Федора Алексеевича (4 апреля 1682 года).

В том же иконостасе помешаются два других ковчега, золотой и серебряный. В первом заключается Гвоздь Господень — один из тех, коими прибито было к кресту Божественное Тело Спасителя. Гвоздь вывезен из Грузии в 1686 году царем Арчилом Вахтанговичем, а в собор доставлен митрополитом сарским и подонским Игнатием. Во втором ковчеге находится часть Ризы Пресвятой Богородицы, принесенная в дар Успенскому собору князем Василием Васильевичем Голицыным. Драгоценность эта добыта им, как полагают, в Крыму, во время похода его туда и к границам Персии.

За престолом стоят так называемые кор-

сунские кресты: два — из горного хрусталя, а третий — окованный серебром. Они прежде находились в суздальском соборе Рождества Богородицы, а сюда перенесены в 1401 году. Существует предание, что один из этих крестов был взят в Корсуне св. Владимиром Равноапостольным.

Наконец, в алтаре замечателен современный портрет царя Федора Ивановича, а за престолом обращает на себя особенное внимание единственная в своем роде дарохранильница, представляющая Синайскую гору, на верху коей изображен Моисей, приемлющий от Бога Скрижали Закона. Она принесена в дар светлейшим князем Григорием Александровичем Потемкиным-Таврическим в 1778 году после блистательных побед над турками. Эта дарохранильница сделана из разноцветного золота, добытого в реках Валахии, и, как сказано в надписи, «в честь Господа на память в том крае побед». Золота в ней 19 фунтов, а серебра около 20 фунтов. Она прикрыта хрустальным колпаком.

У подножия этой дарохранильницы в глазетовом чехле положены некоторые госу-

дарственные акты: наказ императрицы Екатерины II на 240 листах, исправленный ее рукой; манифест императора Александра I; акт о престолонаследии императора Павла Петровича и др. Тут же хранилась прежде и грамота об избрании на русский престол Михаила Федоровича, но в 1880 году она передана в Государственный архив.

В Успенском соборе почивают шесть святых мощей угодников Божьих. Мощи св. Петра-митрополита, основателя храма и первого московского святителя. Они обретенны, как уже сказано выше, при перестройке собора в 1472 году. До 1812 года они находились под спудом. По выходе из Москвы неприятелей мощи найдены открытыми и с благословения Святейшего Синода вновь закрываемы не были. 4 августа 1813 года при освящении Петропавловского придела мощи обнесены архиепископом Августином с прочим духовенством при бесчисленном стечении народа вокруг собора в том самом деревянном гробу, в котором за 487 лет перед тем святитель был погребен. Мощи почивают между Петропавловским приделом и главным алтарем, в ар-

ке — в богатой серебряной раке. Тут же, под стеклом, помещается и шапочка святителя, сделанная из полосатого атласа с горностаевым окладом.

Уместно сказать здесь несколько слов о святителе. Митрополит Петр родился на Волыни и 12 лет от роду поступил в один из тамошних пустынных монастырей, где, исполняя неуклонно и неустанно все правила монастырского устава и всякие работы, вместе с тем занимался и иконной живописью. По пострижении в иноки он был удостоен сначала дьяконского, а потом пресвитерского сана. Затем он удалился в пустынное и уединенное место на реке Рате в Галиции и основал там монастырь. Весть о его святой жизни вскоре распространилась по окрестностям, и в его монастырь стали приходить на богомолье из далеких стран. Объезжая митрополию, посетил его и киевский митрополит Максим. По смерти Максима галичский князь Юрий Львович уговорил св. Петра отправиться в Константинополь для поставления в митрополиты галичские. После многих просьб св. Петр согласился. В Константинополе он был

принят с большой честью и посвящен в митрополиты всея Руси, хотя этого сана самовольно добивался игумен Геронтий. Вслед за поставлением Петр отправился в Киев, пробыл там один год, а затем переселился во Владимир на Клязьме. В то время между собой соперничали Москва и Владимир. Св. Петр чувствовал склонность к московскому князю, вызывавшуюся как личными качествами самого князя, так и тем положением, какое занимала в то время Москва. Св. Петр, несомненно, предвидел в ней зачатки будущего государства и решил переселиться в Москву и перенести туда митрополию, что он и исполнил, основав сперва свой Митрополичий двор при церкви Рождества Иоанна Предтечи на Бору. Как уже было сказано, св. Петр скончался 4 декабря 1326 года с молитвой на устах и с воздетыми к небу руками.

В северо-западном углу собора почивают открытые мощи Ионы, митрополита киевского и всея Руси, обретенные в одно время с мощами св. Петра. Мощи почивают в богатой серебряной раке с таким же балдахинном, устроенными по усердию царя Федора Ивановича.

ча. Над мощами, на стене, находится образ Св. Ионы прекрасного письма и вышитое шелками и золотом изображение его на древнем покрове. Замечательно, что в 1812 году святые мощи эти остались неприкосновенными. Остался даже цел серебряный подсвечник у мощей.

Подле иконостаса, у южных дверей, почивают открытые мощи митрополита Филиппа II, принявшего мученическую смерть в 1570 году[73]. Мощи св. Филиппа 68 лет почивали в Соловецком монастыре, откуда в 1652 году по воле царя Алексея Михайловича торжественно перенесены в Успенский собор. По чудному стечению обстоятельств мощи св. Филиппа положены на том самом месте собора, где он с христианским терпением перенес кару царя Ивана Васильевича Грозного. Именно тут в 1568 году опричники, не дав кончить литургии, сорвали с митрополита священные одежды и вытолкали его из церкви.

Там же почивают под спудом мощи св. митрополитов Феогноста, Киприана и Фотия: Феогноста — в Петропавловском приделе, Ки-

приана и Фотия — в юго-западном углу собора.

Сверх того, по северной, западной и южной стенам собора погребены митрополиты московские и всея Руси Филипп 1, Геронтий, Симон, Макарий и все патриархи всероссийские, кроме Никона: Иов, Гермоген, Филарет, Иоасаф, Иосиф, Иоасаф II, Питирим, Иоаким и Адриан — последний патриарх всероссийский.

В Петропавловском приделе находятся в особых ковчегах разные частицы святых мощей, как-то: правая рука и локоть апостола Андрея Первозванного, глава Григория Богослова, глава Иоанна Златоуста, глава мученика Авксентия, части мощей Иоанна Крестителя, Георгия Великомученика, князя Владимира, часть мощей Преподобного Сергия и проч.

[74]

У западной стены собора, близ мощей св. Киприана и Фотия, помещается бронзовый литой шатер, весьма искусно сделанный котельного дела мастером Дмитрием Сверчковым в 1627 году по повелению патриарха Филарета — подражание пещере Св. Гроба в

древнем Иерусалиме. Здесь находится кипарисный Гроб Господень, в котором сначала была положена Риза Иисуса Христа, а потом Плащаница, присланная в дар царю Михаилу Федоровичу от персидского шаха Аббаса, которую он взял из Мцхетского собора при покорении Грузии.

У столпов, поддерживающих своды собора, устроено два места: у левого — царское. Оно шатрообразное, с витыми вызолоченными колоннами и резным двуглавым орлом над балдахином, обитое парчой и золотым галуном. У правого — патриаршее, также с шатром, утвержденным на каменных столпах, обитое малиновым бархатом, украшенное образами и крестом наверху, более древнее, нежели первое. Около креста две надписи. Первая: «Владычице! Приими молитву рабов своих и избави нас от всякия нужды и печали». Вторая: «Ты еси Богородице оружие наше истинно, ты еси и заступнице, к тебе прибегаем, да избавиши нас от врагов наших, возвеличим тя вей пренепорочную Матерь Бога нашего ю же осени Дух Святой». Тут же стоит и посох св. Петра из черного дерева.

Против южных дверей находится еще треть, весьма древнее великокняжеское место, называемое Мономаховым престолом. Оно все из орехового дерева, от времени уже почерневшего, и носит на себе отпечаток византийского искусства, но работано в Москве в XVI веке. Мономаховым оно называется потому, что на нем изображены события из жизни Мономаха.

Из других предметов заслуживают внимания так называемые Корсунские врата, у южных дверей. В старину они назывались «золотыми», потому что расписаны по медным листам золотом. На них представлены Господние и Богородичные праздники и происшествия библейские и новозаветные, а внизу есть и мифологические изображения. Двери эти по древности и стилю работы очень редки. Они взяты св. Владимиром из Корсуни и находились прежде в суздальском соборе Рождества Богородицы. Здесь они с 1401 года.

Затем посреди собора висит серебряное паникадило весом более 20 пудов. Оно вылито шведом Гедлунгом из серебра, отбитого казаками у французов во время их бегства из Рос-

сии. До 1812 года тут висело замечательное главное паникадило в шесть ярусов, весом более чем в 60 пудов серебра. Оно было сделано в Венеции и стоило 35 тысяч червонных. Паникадило это похищено и разломано на куски французами.

Ризница Успенского собора одна из драгоценнейших, в ней хранится много священных и дорогих вещей, важных и по своей глубокой древности, и по своим историческим воспоминаниям. Укажем на некоторые из них.

Сосуд, известный под названием «Августовой крабии», крабницы, или крабчицы. Он сделан из яшмы с финифтяной змейкой — символом вечности. По преданию, этот сосуд принадлежал императору Августу и подарен восточным императором Алексеем Комниным великому князю киевскому Владимиру Мономаху вместе с царскими регалиями: скипетром, бармами и венцом. Сосуд с крышкой, несомненно, есть замечательная древность. Из него помазывают наших государей миром при венчании на царство.

Семь Евангелий. Первые два, весьма древ-

ние, пергаментные, на греческом языке. Третье, писанное самим св. Ионой-митрополитом, украшенное жемчугом. Четвертое — болгарского письма, в золотом окладе, с цельными драгоценными камнями по древнему обычаю. Пятое, писанное кистью красивым почерком, с искусной живописью, особенно в заглавии, — труд царевны Ирины Михайловны, тетки Петра Великого. Шестое, в богатейшем окладе, пожертвованное царем Федором Ивановичем. Седьмое, относящееся к 1693 году, — дар царицы Натальи Кирилловны. Это Евангелие — единственное в своем роде по богатству и огромности. Обе доски оправлены чеканным толстым золотом с алмазами, яхонтами и изумрудами необыкновенной величины, и на них весьма искусно вырезаны изображения святых евангелистов и некоторых других святых. По приказанию императрицы Екатерины II оклад этого Евангелия был оценен, и найдено, что он стоил тогда 200 тысяч рублей (1770 г.).

Из крестов замечательны: кипарисный в золотом окладе — дар боярина и конюшего Бориса Федоровича Годунова (1594 г.); сереб-

ряный с финифтью и разными мощами — дар думного дворянина Игнатия Петровича Татищева (1595 г.); большой, золотой, гладкий — дар царей Ивана и Петра Алексеевичей (1683 г.); крест царя Константина, носимый во время крестных ходов.

Под этим же названием до 1812 года тут хранился и тот священный крест, который спас жизнь Петра Великого, имевшего его на себе во время Полтавской битвы; пуля, направленная в грудь, остановилась в кресте, где на краю левого затвора и замечен был ее след. Он был четвероконечный, в 5 вершков, обложен золотом с драгоценными камнями и получен царем Федором Ивановичем с Афонской горы. При нашествии неприятелей его похитили.

Из множества драгоценных сосудов особенно обращают на себя внимание следующие: Два потира, привезенные св. Антонием Римлянином в 1106 году из Рима в Новгород, откуда они взяты в числе трофеев царем Иваном Васильевичем Грозным. Один из них, ориентального оникса, есть одна из редчайших вещей этого рода, коей нельзя назначить

цены; а другой — из восточной яшмы, с яхонтовой решеткой, стоящий по крайней мере 25 тысяч рублей серебром.

Заслуживают внимания и другие сосуды с полным прибором. Например, царя Ивана Васильевича, золотой, весом 7 фунтов; царя Федора Алексеевича, весом 30 фунтов; Екатерины II, изящной отделки, украшенный бриллиантами, яхонтами и превосходными антиками, резанными на драгоценных камнях. Сосуды эти императрица своими руками поставила на жертвенник собора 9 июля 1775 года во возблагодарение Богу за славный мир с Портой.

Золотые сосуды, присланные Александром I из Парижа, весьма изящной французской работы. Они хранятся в особом футляре. Сосуды костяные с янтарными рукоятками — дар и труды императрицы Марии Федоровны. На них собственноручная надпись императрицы: «На память благополучного возвращения любезного моего супруга (Павла Петровича) из похода против шведов сентября 18 дня 1787 года, собственных трудов моих: Мария». Принадлежащие ко всем этим сосудам пеле-

ны и воздухи весьма богаты и великолепны. Особенным великолепием отличается пелена вклада царя Бориса Федоровича Годунова. Крест посредине ее сделан из такого крупного жемчуга, которому теперь едва ли можно сыскать подобного, а в центре креста находится весьма редкой величины изумруд.

Из священнослужительских одежд, находящихся в ризнице, многие украшены жемчугом и драгоценными камнями. В их числе замечательно сделанные собственными руками императрицы Екатерины II в 1779 году.

Сверх того, в ризнице хранятся употребляемые в праздничные дни покровы на мощи святых угодников, унизанные жемчугом и драгоценными камнями. В числе их — дар царя Алексея Михайловича — пелена к образу Владимирской Богородицы.

В ризнице же находятся: простая ложка из рыбьей кости, принадлежавшая св. митрополиту Ионе, огромное золотое блюдо, пожертвованное князем Потемкиным-Таврическим, и разные другие вещи, между которыми заслуживают особенного внимания золотые венцы, употреблявшиеся при бракосочета-

нии русских князей и царей, и финиковые ветви, кои получаемы были нарочно из Палестины и с коими члены царской фамилии стояли в церкви в неделю Ваий и хаживали на Лобное место при шествии патриарха на осле. Эти ветви разной величины. Листья их сплетены в косы, одни фонариками, другие бантами, а рукоятки обвиты или бархатом, или парчой.

В соборной ризнице можно видеть также много рукописных книг, драгоценных потому, что они относятся к временам, давно прошедшим, и потому еще, что почти все они составляли собственность митрополитов и патриархов. На некоторых из них есть собственноручные надписи.

Не входя в перечисление других вещей, составляющих церковную утварь, заметим, что почти вся утварь серебряная и в известных местах вызолочена. В одном иконостасе, с достоверностью можно сказать, серебра более 50 пудов, кроме ушата — вклада царя Алексея Михайловича, в котором веса 2 пуда 46 золотников, 10 лампад перед местными образами — весом более 8 пудов серебра, ведра,

несколько старинных кружек, стоп, ковшей и проч. серебряных же без позолоты и с позолотой вещей.

Большой Успенский собор кроме всех перечисленных древностей, богатств, святынь имеет еще для России и то значение, что в нем, как в первенствующем русском храме, совершается искони священное коронование и миропомазание на царство российских монархов. Первое торжественное коронование совершилось в нем в 1498 году: был коронован малолетний Дмитрий дедом своим великим князем Иваном III Васильевичем.

Расскажем кратко, как это совершилось:

Коронованный Дмитрий был родным внуком Ивана III от первого сына Ивана. В последнее десятилетие княжения Ивана III в Москву проникла так называемая жидовская ересь. Митрополит Симон ревностно начал преследовать ересь, но она была уже настолько распространена, что проникла в самые княжеские хоромы. Тайным образом покровительствовала ей и невестка великого князя Елена, вдова сына его Ивана. Так как на стороне Елены были все самые могущественные

бояре, то и явился вопрос: кому наследовать после великого князя — внуку ли его Дмитрию, сыну Елены, или второму сыну великого князя Василию, рожденному от второго брака его с Софьей? Внук имел больше приверженцев, потому что мать его Елена пользовалась большей любовью; Софья же, гордая и властолюбивая, не была любима. Неожиданное обстоятельство — заговор против жизни Дмитрия, в котором будто бы участвовали Софья и Василий, — решило дело в пользу Дмитрия: Иван III решил венчать его на царство.

В сопровождении бояр и приближенных великий князь ввел внука в Успенский собор, где митрополит с епископами и многочисленным духовенством пел молебен Божьей Матери и св. Петру, Среди собора поставлен был амвон и на нем три седалища: для великого князя, Дмитрия и митрополита. Вблизи этого места, на столе, лежали венец и бармы Мономаховы. После молебна великий князь и митрополит сели, а Дмитрий стоял перед ними на верхней ступени амвона. Великий князь сказал: «Отче митрополит! Издревле государи, предки наши, давали великое княжество

первым сынам своим, и я также благословил оным моего первородного Ивана; но по воле Божьей его не стало: благословляю ныне внука Дмитрия, его сына, при себе и после себя великими княжествами Владимирским, Московским, Новгородским — и ты, отче дай ему благословение».

После этого митрополит возложил руку на голову Дмитрия и молился, чтобы благодать Божья снизошла на него. Два архимандрита подали бармы, и митрополит, ознаменовав Дмитрия крестом, передал бармы великому князю, а тот возложил их на внука. Митрополит произнес при этом следующую молитву: «Господи Вседержителю и Царю веков! Се земной человек, тобою сотворенный, преклоняет главу в молении к тебе, Владыке мира. Храни его под кровом своим: правда и мир да сияют во дни его, да живет с ним тихо и покойно в чистоте душевной».

Тут архимандриты подали великому князю венец, а великий князь возложил его на внука. При этом митрополит произнес: «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа!» Затем прочитана была ектенья и молитва Богородице,

после чего возглашено многолетие обоим великим князьям, Митрополит встал и вместе с епископами поздравил деда и внука, за ним сыновья государевы, бояре и все знатные люди. В заключение великий князь сказал внуку: «Внук Дмитрий! Я пожаловал и благословил тебя великим княжеством, а ты имей страх Божий в сердце, люби правду, милость и пекись о всем христианстве».

Началась обедня, по окончании которой великий князь возвратился во дворец, а Дмитрий, в венце и бармах, в сопровождении сыновей великого князя и бояр ходил в Архангельский и Благовещенский соборы, где Юрий, сын великого князя, осыпал его в дверях золотыми и серебряными монетами. По окончании всего этого был обед, юный наследник получил в подарок крест с золотой цепью, осыпанный драгоценными камнями, и ту самую крабицу[75], из которой ныне помазывают миром государей. Но не более как через год невестка и внук подверглись опале[76]. Покровительство Елены жидовской ереси играло тут немаловажную роль. Они были посажены под стражу, и Ивану III

впоследствии наследовал сын от Софьи, Василий, который первый назвался, как известно, царем Московского государства с принятием титула Царя и Самодержца всея Руси.

Этот древний храм, эта первенствующая русская святыня была свидетельницей и других радостных и горестных событий.

Здесь в 1440 году последовало великое торжество православия. Великий князь Василий Васильевич, один среди онемевших бояр и народа, восстал против козней митрополита Исидора, который дерзнул соединить православие с католичеством. Уже прочитана была дьяконом грамота восьмого Флорентийского собора, уже папа Евгений помянут был на литургии — бояре и народ в ужасе молчали, — но великий князь первый возвысил голос и твердой волей остановил предателя, обозвав Исидора еретиком, лжепастырем, губителем душ. Изгнав предателя из собора, великий князь велел рассмотреть грамоту: все признали ее еретической. Исидор был заключен в Чудов монастырь, откуда, как известно, бежал и умер в Константинополе.

Здесь, в этом соборе, святитель Филипп от-

казал в благословении Ивану Грозному, сказал ему правду и за то заслужил мрачный гнев Грозного[77].

Сюда князья и цари наши имели обыкновение ходить служить молебны — или в час опасности, или перед выездом из Москвы на защиту отечества. Так, здесь молился Дмитрий Донской, выступая на битву с Мамаем, здесь же молился и благочестивый царь Алексей Михайлович, отправляясь на решительную борьбу с Польшей, Петр Великий, ополчаясь на Карла XII и на турок, тут же участвовал в торжественных молебствиях. Юный царь Михаил Федорович, шествуя сюда для торжественного венчания, остановился на паперти и проливал слезы, а народ целовал полы его платья, умоляя принять на себя тяжкое бремя правления.

Здесь, наконец, в тяжелую для России годину, в знаменитый двенадцатый год, двенадцатого июля, император Александр I, приложившись к святым мощам, дал обещание отразить вторгшегося в Россию неприятеля, причем преосвященный Августин сказал: «Ты возбуждаешь и движешь сердца наши на за-

щищение возлюбленной России». Красноretchивый вития был прав. Последствия вторжения Наполеона известны. Известно также, каким гостеприимством отплатила ему Москва за осквернение ее святынь. Среди оргий хищничества и разграбления не избежал, конечно, разграбления и Успенский собор: образа были ободраны, иконостас изломан, многая утварь расхищена. Но при этом случилось следующее знаменательное событие: когда неприятели удалились из Кремля, преосвященный Августин, тогдашний викарий московский, отворил храм и нашел серебряную раку святителя Ионы, как уже сказано выше, нетронутой. Предание говорит, что неприятели несколько раз пытались коснуться этой святыни, но каждый раз были приводимы в трепет какой-то необъяснимой силой. Это дошло до слуха Наполеона: он сам вошел в собор, и им, говорят, овладел такой страх, что он невольно содрогнулся, вышел из храма, приказал его запереть и поставил часового. Это было сделано с такой поспешностью, что в соборе остались даже собственные вещи неприятелей.

В заключение заметим, что Успенский собор, так же как и Благовещенский, непосредственно подчинен Святейшему Синоду, протоиереям Успенского собора велено употреблять в священнослужении архиерейскую митру.

Собор Спаса Преображения на Бору. Собор этот находится во дворе Большого императорского дворца, в его дворовом четвероугольнике, и является одним из древнейших и достопамятнейших храмов Кремля, сохранившим свой первобытный вид почти всецело.

По некоторым источникам, это первый известный храм, построенный на том самом месте, где была хижина отшельника Букала (иначе Вукола). Это построение совершилось спустя 125 лет после первой исторической известности Москвы, в 1272 году, за 54 года до основания Успенского собора и за 67 лет до обнесения детинца (нынешнего Кремля) дубовой рубленой стеной. Храм был деревянный, и построил его св. Даниил, только что получивший в удел земли и села, принадлежавшие боярину Кучко[78]. Существовал этот деревянный храм 56 лет. В 1328 году, на другой

год после построения Успенского собора, сын св. Даниила — великий князь Иван Данилович Калита на месте деревянного храма Спаса Преображения построил новый, каменный, и через два года учредил при нем обитель, переевдя в нее иноков из Данилова монастыря — места погребения отца его — и подчинив ту обитель новоустроенному Спасоборскому монастырю. Иван Данилович украсил храм Спаса иконами, сосудами, пеленами и проч., а обитель обогатил вкладами и доходами. В храме этом он любил уединяться для молитвы, а перед кончиной, в 1340 году, принял в нем иноческий образ и схиму.

Кремлевские церкви

Положения Ризы Богоматери во Влахерне, именуемая Печерской часовней. Эта небольшая церковь находится близ западных дверей Успенского собора и в народе известна под названием Печерской часовни. Основание церкви положил св. митрополит Иона в 1451 году по случаю спасения Москвы от угрожавшего ей нашествия татар под предводительством сына хана Ногайской Орды Мазовши. Святой митрополит Иона заложил ее на своем Митрополичьем дворе, который он за год перед тем перенес от церкви Иоанна Предтечи на Бору ближе к престольному храму Успения. Двор этот был каменный. Храм получил свое название потому, что Мазовша внезапно бежал от Москвы 2 июля, в самый день праздника Положения Ризы Богородицы. Через 35 лет митрополит Геронтий построил вместо нее новую церковь. Ее строили псковские мастера Кривцов и Мышкин, и освящена она 31 августа 1486 года. Со времени своего построения она была домовою Митрополичьей церковью. Потом она называлась

церковью Положения Ризы на Государевом Патриаршем Дворе и на Сенях. А в 1655 году, когда Никон перенес патриархию в новый дом, ее причислили к царскому двору с названием «Верховой», или «на Сенях». По южной стороне этой церкви устроено высокое крыльцо, ведущее в особую часовню, где во впадине западной стены поставлен особенно чтимый богомольцами список (копия) с чудотворной иконы Печерской Божьей Матери[79]. Икону эту особенно чтили московские митрополиты как защитницу русской митрополии, утвердившейся в Москве: это была их домовая икона и, по некоторым известиям, она сопутствовала им при перенесениях их престола из Киева во Владимир, а потом из Владимира в Москву, Означенный список иконы поставлен был тогда над западными дверями домовой Владычной церкви. Когда же на месте митрополичьего дома возвысился царский терем, то икона пришлась как раз против самых окон царицыной Золотой палаты и сделалась всегдашним предметом особенного благоговения цариц и царевен. Древние же Царские врата вставлены изнутри

церкви во впадину, или в окно, которое из часовни загорожено означенным списком с иконы.

Северная дверь церкви Положения Ризы выходит в сени, принадлежащие к бывшему некогда женскому отделению теремов. Из этих сеней, служивших преддверием к теремному зданию, устроено крыльцо, спускающееся прямо к западному входу Успенского собора, по которому в старину хаживали на молитву царицы и царевны, а в неторжественные дни и сами цари. Церковь несколько раз подвергалась пожарам и разорениям, и потому в ней не осталось никаких древних вещей, кроме четырех огромных подсвечников перед местными иконами, которые пожертвованы сюда патриархом Иосифом: они круглые, деревянные, в виде свеч, с разными узорочьями и надписями. На стенах церкви, тесной, но высокой, изображен в лицах весь акафист Божьей Матери. Прежде был здесь придел Великомученика Георгия, о котором упоминается в 1624 году, но когда он устроен и упразднен — неизвестно. После нашествия французов церковь снова освящена в 1813 го-

ду.

Екатерины Великомученицы. Находится рядом с церковью Положения Ризы Богородицы, от которой отделяется темным переходом, простирающимся на так называвшееся в древности Постельное крыльцо. Она носила название «у царицы на Сенях» и построена по повелению царя Михаила Федоровича в 1627 году зодчим Жаном Талером. Правительницей Софьей в ней сделан новый иконостас, а на клиросах написаны шесть сивилл с их пророческими изречениями о Христе. При церкви была и обширная трапеза, давно уничтоженная, в которой царь Алексей Михайлович устроил два придела: Св. Евдокии, в честь ангела своей матери Евдокии Лукьяновны, и Св. Онуфрия, в память ее же дня рождения. Церковь эту особенно чтит царь Алексей Михайлович, которому в 1659 году во сне явилась св. Екатерина, когда он был на соколиной охоте в тех местах, где после им была основана Екатерининская пустынь. Тем же царем церковь назначена была на случай браковенчания царевен и великих княжен. В ней же царицы брали молитву после родов и при-

общались вместе с царевнами во время постов Св. Тайн. После пожара в 1737 году по указу императрицы Анны Ивановны она возобновлена, а императрицы Елизавета и Екатерина II обогатили церковь утварью и облачениями. В числе местных икон замечательны древностью образа мучении Екатерины и Евдокии, а также Иоасафа, царевича индийского. На образе Св. Екатерины находится драгоценный венец, щедро украшенный бриллиантами, — дар императрицы Екатерины II, счастливо сохранившийся от разграбления в 1812 году.

Воскресения Словущего. Церковь эта, как и Верхоспасский собор, существует с 1635 года, что видно по ее стилю и украшениям. Иконостас у них единственный в своем роде: состоя из вычурной резьбы, он представляет блестящее смешение позолоты, серебрения и ярких красок, дающих ему вид фарфора и перламутра. За престолом поставлено Распятие, вырезанное из дерева в рост человеческого. Посреди церкви висит старинное паникадило. В 1840 году стены храма расписаны фресками с сохранением древнего стиля.

Распятая Христова. Вход в эту церковь с хоров церкви Воскресения Слоущего, и она находится над Верхоспасским собором, служа как бы придельной церковью Воскресения Слоущего. Длина ее 8 аршин 12 вершков, ширина 5 аршин 9 вершков. В ней пол штучный из белого и черного мрамора, а иконостас высокий, в четыре яруса, в котором все образа шитые, по преданию, царевнами, лики же написаны на холсте в фламандском стиле. По левую сторону алтаря есть особый притвор, в который вход был закрываем некогда занавеской: это моленная царя Алексея Михайловича, уединявшегося здесь во время Божественной службы. Тут хранится крест, сделанный в точную меру с Животворящим, с горельефным изображением Иисуса Христа, вырезанным из дерева в настоящий рост. Другие стены этой моленной уставлены киотами с образами Страшного Суда и Страстей Господних.

Рождества Богородицы, что на Сенях. Находится близ теремов при Императорском дворце. Церковь каменная, построена на месте бывшей тут древней деревянной церкви

Лазарева Воскресения супругой великого князя Дмитрия Донского св. Евдокией в 1393 году, в память победы над Мамаем, одержанной, как известно, в праздник Рождества Богоматери[80], и находилась тогда не во втором этаже теремов, как потом, но внизу. В 1473 году она сторела, а в 1480 году ее своды обрушились. Когда при Иване III теремные здания перестроены и подняты этажом выше, то в 1514 году великий князь Василий IV повелел Алвизу Фрязину соорудить церковь Рождества Богородицы уже вверху. В характере внутренних украшений этой церкви заметен вкус XVII века, которому строго придерживались и при последовавших возобновлениях: она тускло освещается готическими окнами, которые затейливо украшены древними орнаментами, а стены — фресками в старинном стиле. Между образами замечателен список с образа Феодоровской Богоматери, бывший в особенном уважении дома Романовых. Оригинал, как известно, находится в костромском Ипатьевском монастыре[81]. На иконостасе храма местные иконы вышиты самими царицами и царевнами золотом и унизаны

жемчугом и драгоценными камнями. В притворе храма сквозь окно в церковь слушали Божественную службу царицы во время шестинедельного срока после родов.

Воскресения св. Лазаря. Она находится под церковью Рождества Богородицы и построена также св. Евдокией. Замечательно, что церковь эта — единственный уцелевший памятник русского зодчества XIV века — была не только упразднена, но и застроена со всех сторон каменными стенами так, что даже все забыли о ней. Неизвестно, почему и когда именно это случилось: летописи молчат о церкви в продолжение 200 лет. В 1842 году, при исправлении нижнего этажа терема, отвалена была одна стена, за которой, к удивлению, нашли древние мрачные своды, поддерживаемые двумя толстыми столпами, отделение алтаря с тремя узкими окнами в полукружии горнего места, с престолом и жертвенником, сделанными из тяжеловесного кирпича. По повелению государя императора Николая Павловича храм был восстановлен в том самом виде, в каком он был сооружен 450 лет назад. В церкви на стене арки находится

древнее изображение ангела Божьего с надписью: «Ангел Господень трубит на землю». В одном из столпов этой церкви есть углубление в виде ниши для княжеского места. При постройке Императорского дворца под церковью, в земле, отрыты были человеческие кости, что доказывает, что эта церковь до построения Вознесенского монастыря была усыпальницей княгинь и княжон, к теремам коих она примыкала.

Двунадесяти Апостолов. Церковь[82] помещается во втором этаже Синодального дома, находящегося против северной стены Успенского собора. Она устроена по повелению Петра I в 1723 году. В ней находится достойный внимания древний, византийского стиля, образ (двустворчатый складень) Апостолов Петра и Павла в золотом окладе, присланный Петру от римского папы Климента. Замечателен еще образ Спаса Нерукотворного, который был написан на стене над бывшими патриаршими воротами. Во время перестройки кирпичи, на коих написан образ, упали с высоты, но лик Спасителя, написанный на них, чудесным образом сохранился и

существует доселе. Над этой церковью была домовая патриаршая церковь Св. апостола Филиппа с кельями патриарха. Там находится Патриаршая ризница.

Св. Константина и Елены. При построении Дмитрием Донским каменного Кремля, между 1362 и 1367 годами, в числе ворот упоминаются и Константино-Еленские — следовательно, церковь во имя св. Константина и Елены тогда уже существовала, так как все ворота получали свое название от близлежащих храмов. В большой московский пожар 1 августа 1470 года она сгорела и затем построена вновь; потом возобновлена Еленой Глинской. Боярин Илья Милославский в 1651 году на месте деревянной церкви построил каменную. В 1692 году церковь вновь перестроена царицей Натальей Кирилловной. В 1812 году церковь была совершенно разорена и предназначалась на слом, но по воле императора Николая Павловича возобновлена и торжественно освящена митрополитом Филаретом 22 сентября 1837 года. При ней есть придел Св. Николая Чудотворца.

Благовещения Богородицы, что на Жит-

ном дворе. В древнее время к башне, возле которой находится церковь, примыкал Житный царский двор, где ссыпался в житницах хлеб для царского двора. В той же башне содержали и преступников. По преданию, в башне был заключен один воевода в царствование Ивана Грозного и проводил все время заключения в молитве. В одну ночь явилась к нему Пресвятая Богородица и приказала просить царя о свободе, после чего он и решился ходатайствовать перед царем об освобождении и был прощен. Когда посланные от царя пришли за ним, то на стене башни увидели икону и сказали об этом царю, и тогда при образе была устроена деревянная часовня. После, когда Кремль неоднократно подвергался пожарам и разрушениям от неприятеля, никакая сила не коснулась иконы. В 1730 году императрица Анна Ивановна приказала устроить при часовне каменную церковь во имя Благовещения так, чтобы стена башни, на которой явилась икона, находилась внутри церкви. В 1836 году в церкви построен придел во имя св. Иоанна Милостивого. Другой придел устроен в 1892 году в воспоминание

чудесного спасения императорской семьи при крушении поезда 17 октября 1888 года, во имя святых, празднуемых церковью 17 октября.

Рождества Иоанна Предтечи. В Боровицких воротах, куда перенесена после сломки старой церкви, находившейся на Кремлевской горе и построенной в то время, когда Москва готовилась быть столицей великого князя. Ее построил Иван Калита в 1321 году, и для ее стен был вырублен находившийся на Боровицком холме лес, или густой бор, почему она и получила название «на Бору». Когда св. Петр перенес престол свой из Владимира в Москву, а Успенский собор еще не существовал, тогда церковь Иоанна Предтечи была митрополичьей. Великий князь Василий Васильевич Темный вместо старой церкви, пришедшей в ветхость, построил новую, каменную, которая в пожаре 1492 года сторела и обрушилась, при этом погибли и сокровища княгини, хранившиеся под церковью. В 1509 году великим князем Иваном III была сооружена новая церковь, опять каменная, которая и существовала до разборки ее в сороковых

годах XIX века. При церкви находился придел во имя преподобного Варлаама Хутынского, который впоследствии, в царствование Ивана Грозного, переименован в честь св. мученика Уара, в день памяти которого в 1583 году родился царевич Дмитрий, почему церковь и известна более под именем Уара-мученика. Стоявший здесь храмовой образ сего святого, современный св. царевичу Дмитрию — Уару, с частицей его мощей теперь находится в приделе Архангельского собора. У старожилов московских долго велось изустное предание, что икона Св. мученика Уара была написана по обету матери царицы Марии Федоровны Нагой, в меру роста великого князя Уара — Дмитрия — в его младенчестве. Московские и углицкие сердобольные матери приходили к двум святым угодникам с грудными младенцами, молились и просили об исцелении болящих детей. У подножия иконы Св. мученика Уара лежал четырехгранный, известковой породы камень длиной почти с аршин, служивший ступенью для прикладывающихся к иконе. На этот камень во время молебна матери клали спеленутых младенцев, а

иные и двухгодовалых детей.

Упраздненные соборы и церкви

Сретенский собор. Находился против церкви Спаса на Бору и основан первоначально великим князем Василием Дмитриевичем по случаю встречи на этом месте принесенного из Суздаля ковчега со Страстями Христовыми, находящимися потом в Благовещенском соборе. Сретенский собор разобран в 1801 году.

Собор Черниговских Чудотворцев. Храм был построен в 1577 году по повелению царя Ивана Васильевича Грозного и находился близ Константино-Еленских ворот. Он был построен по случаю принесения в Москву из Чернигова мощей князя Михаила и боярина его Федора, которые тогда и положены в нем. При царе Федоре Алексеевиче собор был перестроен, а в 1770 году, при Екатерине II, разобран, чтобы очистить место для предполагавшегося дворца, а мощи чудотворцев перенесены в Архангельский собор.

Собор Николая Чудотворца Гостунского. Был построен супругой Ивана III Софьей на месте подворья ханских баскаков близ Спас-

ских ворот с целью выжить татар из Кремля. Церковь сперва была деревянная и носила название Николы Ельняного, так как построена была из елового леса. В 1506 году великий князь Василий Иванович построил на ее месте церковь каменную, перенеся в нее из села Гостуни Лихвинского уезда икону Николая Чудотворца, и церковь стала известна под именем Николы Гостунского. Храм этот был издревле предметом благоговения невест и женихов, которые приходили сюда после стовора, молились и записывали имена свои в особую книгу, как бы поручая себя через то ходатайству и заступлению великого угодника, В конце XVI века был здесь дьяконом Иван Федоров — первый московский типографщик. Собор разобран в 1816 году и перенесен на Ивановскую колокольню.

Церковь Петра Митрополита. Существовала в Кремлевской башне подле Свибловской стрельницы. Построена в начале XVII века, возобновлена царем Михаилом Федоровичем. Упразднена после 1812 года, когда башня была взорвана. Теперь башня уже новая.

Введения Богородицы. Находилась между

Чудовым монастырем и Никольскими воротами. Построена в 1491 году. Разобрана при постройке здания Сената.

Входа в Иерусалим. Существовала на месте Арсенала и была в старину сборным местом стрельцов. Упразднена при построении Арсенала.

Евдокии Мученицы на Сенях. Была сооружена на месте теремов св. Евдокией. Упразднена при Алексее Михайловиче.

Успения Богоматери на Сенях. Построена была около 1680 года и находилась между Спасом на Бору и теремами. Разобрана после 1792 года.

Спаса на Сенях. Находилась в теремах. Сломана в 1809 году.

Петра и Павла. Тоже находилась в теремах с 1684 года, а когда упразднена — неизвестно.

Бориса и Глеба.

Косьмы и Дамиана.

Иоанна Новгородского. Эти три церкви находились между Никольскими и Троицкими воротами и разобраны вместе с другими дворами по указу Петра Великого в 1701 году.

Филиппа Митрополита. Находилась позади Чудова монастыря, но когда упразднена — неизвестно.

Колокольня Ивана Великого

Этот колосс первопрестольной нашей столицы есть памятник пышного и вместе с тем несчастного царствования Бориса Федоровича Годунова. Построение колокольни начато в конце царствования Федора Ивановича, но окончено при Борисе Годунове в 1600 году, что, несомненно, доказывается находящейся под главою надписью из колоссальных золоченых медных букв. Надпись эта гласит:

«Изволением Святой Троицы, повелением Великого Государя, Царя и Великого Князя Бориса Федоровича, всея России Самодержца, и сына его, благоверного Великого Государя Царевича Великого Князя Федора Борисовича всея России. Храм совершен и позлащен во второе лето государства их 108 года» (1600).

По смерти Годунова надпись эта была залеплена, но опять открыта по повелению Пет-

ра Великого.

Колокольня принадлежит Успенскому, Архангельскому и Благовещенскому соборам. В высоту она имеет 45 сажень и 0,5 аршина, а с крестом 46 сажень и 1,5 аршина.

С начала XIV века на этом месте уже существовала церковь Св. Иоанна Лествичника, которую в 1329 году построил Иван Калита. Церковь была каменная, и, следовательно, из каменных храмов на всей Кремлевской горе она была третьей после Успенского и Спасо-борского соборов. Над ней сделана была колокольня, служившая и ранее для Успенского собора, при котором особой колокольни никогда не было, и потому церковь была известна под названием Ивана Святого под колоколами для отличия от Ивановской церкви на Бору и считалась придельной Успенского собора до конца XVIII века.

По прошествии 176 лет обветшавшая церковь была разобрана и на месте ее была заложена новая одновременно с Архангельским собором. Зодчим ее был фрязин Цебон, который и совершил постройку в три года при великом князе Василии IV в 1508 году. Потом ря-

дом с этой церковью великий князь Василий Иванович повелел фрязину Петроку Малому соорудить еще церковь во имя Воскресения Христова. Она была начата в 1532 году и кончена в царствование Ивана IV, но с наименованием уже собор Рождества Христова. Из нее была сделана в 1552 году к Успенскому собору лестница, разобранная при императоре Павле Петровиче. Рождественский собор был возобновлен еще в 1685 году: патриарх Филарет сделал из этой церкви пристройку для помещения колоколов. Пристройка эта имела четыре простенка, над которыми возвышалась выкрашенная ярью глава с позолоченным крестом и подле нее — шпиль также с крестом, окруженный маленькими башенками со шпилями. В 1812 году пристройка эта взорвана и на месте ее выстроена та, которая существует и теперь, но, как говорят знатоки зодчества, она сделана выше прежней и потому отнимает много грандиозности от самого Ивана Великого. Крайняя часть этого здания, к северу, называемая Филаретовской, оканчивается пирамидальным верхом и готическими орнаментами, а средняя, подле самого

Ивановского столпа, носящая наименование Успенской, имеет более гладкую наружность и наверху большой купол с вызолоченной главой, под которой в сквозной арке висит самый первый из колоколов по весу, называемый Успенским. Внутри здания помещается церковь Николая Чудотворца Гостунского, переименованная в 1816 году из прежнего собора Рождества Христова, в которую тогда же по упразднении Гостунского собора перенесены часть мощей святителя и чудотворные его иконы.

Стиль архитектуры Ивановской колокольни, по мнению знатоков, ломбардо-византийский. Она восьмиугольная, постепенно суживающаяся кверху, и имеет в основании 7 сажень и 2,5 аршина. Зодчий этого знаменитого столпа, к сожалению, неизвестен[83], но постройкой занималось много русских людей, которым Борис Годунов во время голода хотел дать заработок.

Между нижним и вторым ярусом[84] Ивана Великого есть высокая цилиндрическая пустота шириной более 4 сажень, около которой идет винтом лестница вверх. Тут, по

преданию, первый самозванец, сделавшись царем, хотел устроить римско-католический костел. Теперь в нижнем этаже находится по-прежнему церковь Св. Иоанна Лествичника, освященная в 1822 году.

Глава на колокольне вызолочена. Крест составлен из нескольких железных полос и обит медными позолоченными листами. Он сделан вновь после 1812 года, а старый, как мы уже говорили раньше, снят Наполеоном.

Всех колоколов на Иване Великом с пристройкой — 34, и общий вес их 16 тысяч пудов. Некоторые висящие на самом Ивановском столпе имеют любопытные надписи, но самых старых колоколов немного. Между ними находится Новгородский XV века, перелитый, как полагают, из знаменитого Вечевого.

Вот колокола, находящиеся в Филаретовской пристройке. Первый — **Успенский**, называвшийся в старину Царь-колоколом, Он был отлит в первой половине XVI века, вероятно иностранцем, весом тысячу пудов и висел в брусном срубе между Ивановской колокольней и соборами. В него звонили только в чрезвычайных случаях, как-то: по кончине

царя или кого-либо из царской фамилии или митрополита, а впоследствии патриарха. Потом колокол помещался уже на самой Филаретовской колокольне и, быв перелит в 1760 году мастером Елизовым, имел вес 3551 пуд. При взрыве в 1812 году он совершенно разбился и сделан в 1819 году новым мастером Богдановым весом более 4 тысяч пудов.

Второй — **Реут**. Вылит в 1689 году по повелению патриарха Иоакима пушечным мастером Андреем Чеховым. Он назван Полиелейным, и веса в нем до 2 тысяч пудов. Этот колокол замечателен тем, что при взрыве в 1812 году у него отбило уши, которые, однако же, искусно приделаны, и колокол не изменил своего тона.

Третий — **Семисотенный**, или Воскресный, имеющий вес 798 пудов. Надпись на колоколе свидетельствует, что он отлит в 1704 году мастером Иваном Материным.

Четвертый — **Вседневный**. Первоначально отлит был в 1652 году мастером Емельяном Даниловым и имел вес 998 пудов 30 фунтов. Потом, при Екатерине II, в 1782 году перелит мастером Яковом Завьяловым с весом в

1017 пудов и 14 фунтов. Все это изъяснено надписью на колоколе. Вседневым он назван патриархом Иоакимом.

Звон всех этих колоколов вместе, что бывает только в самые большие праздники и, особенно в торжественные дни, производит чарующее впечатление.

Вид с колокольни Ивана Великого на Москву и ее окрестности, особенно в ясную погоду, очарователен необыкновенно: видны даже села и строения, находящиеся в 30 и 40 верстах от Москвы.

Нелишне будет заметить, что от входа в колокольню до нижнего яруса находится по крутой винтообразной лестнице 131 ступень, от нижнего до среднего — 157, а от среднего до верхнего — 121, итого всех ступеней — 409.

.

Царь-колокол

Колокол этот имеет весьма любопытную историю, и поэтому мы поговорим о нем подробнее...

У этого гиганта был свой дед и свой отец. Дед был отлит в царствование Бориса Годунова, и о нем упоминает в своем дневнике о Смутном времени литвин Самуил Маскевич. В 1611 году он видел этот колокол висящим на деревянной башне в две сажени вышиной. Он замечает, что язык этого колокола раскачивают 24 человека. Колокол, по свидетельству другого путешественника в Россию, Олелария, весил 1086 пудов. В один из пожаров, которые так часто опустошали Москву, колокол упал и разбился. Из обломков его в царствование Алексея Михайловича был вылит новый колокол, уже отец нашего Царь-колокола. Новый колокол снова повесили на особенных деревянных подмостках близ колокольни Ивана Великого, и весу в нем было 8 тысяч пудов, причем он был отлит русским молодым мастером в 1654 году. Но и этот колокол сделался жертвой пожара в 1701 году, и дол-

го осколки его лежали в Кремле, возбуждая удивление и русских, и иностранцев. Императрица Анна Ивановна в 1731 году решила воссоздать разбитый колокол, но еще в большем размере, а именно 9 тысяч пудов. Поручено было сыну знаменитого фельдмаршала Миниха отыскать в Париже искусного мастера. Такой мастер отыскался в лице королевского механика Жермена, который, однако же, принял за шутку предложение вылить колокол весом 9 тысяч пудов. Но за дело взялся русский колокольный мастер Иван Федорович Маторин. Чертежи были сделаны тоже русскими мастерами, и в январе 1733 года работы в Кремле уже начались. Работа кипела на Ивановской площади, и работало 100 человек: каменщиков, печников, кузнецов, плотников и других ремесленников. Эти подготовительные работы продолжались до осени 1734 года, и ими очень интересовалась императрица, хотя сам мастер Маторин и терпел большую нужду.

К концу ноября 1734 года подготовительные работы были окончены и приступлено было к растопке меди. 26 ноября в 4 часа, по-

сле молебна, затоплены были печи. К ночи медь стала растапливаться, топилась до утра, и затем в печи были добавлены олово и медь. Все шло хорошо, но вдруг в ночь на 29-е число, в 11 часов, у двух печей медь ушла под поды. Маторин с товарищами решили добавить меди. С разрешения графа Салтыкова, тогдашнего главнокомандующего Москвы, начали бросать в печи старые колокола, олово, полушки, но медь в конце концов прорвалась и в остальных печах. Маторин отводил медь в запасные ямы, выкапывал новые, но отлитие колокола не удалось. В довершение всего загорелась еще деревянная машина над формой, и пожар чуть было не принял больших размеров, О несчастном событии донесли императрице, которую неудача весьма опечалила. Но Маторин снова принялся за работу. Однако он вскоре умер, поручив дело своему сыну Михаиле, который и раньше был его деятельным помощником. В это же время наблюдение за литьем колокола было поручено князю Ивану Барятинскому. В ноябре 1735 года все было опять готово к литью колокола, и 23 ноября назначено было растопить печи. На

этот раз были приняты особенные меры предосторожности: из полиции было вытребовано 400 человек команды с пожарными трубами. По окончании литургии в Успенском соборе коломенский архиепископ Вениамин обошел крестным ходом все постройки и печи, устроенные для литья колокола, и, отслужив молебен, сам затопил первую печь, 25 ноября 1735 года литье Царь-колокола совершилось благополучно, о чем и засвидетельствовано в архивном деле по этому поводу. На самом же колоколе была сделана лишь краткая надпись: «Лил сей колокол российский мастер Иван Федоров сын Маторин с сыном своим Михаилом Маториным».

В надписи на Царь-колоколе значится, что он вылит в 1733 году, но это произошло оттого, что форма для колокола была сделана в этом году.

Литье Царь-колокола стоило, кроме материала, 62 тысячи рублей, и колокол далеко превзошел величиной и весом все существовавшие колокола в мире. Вес его 12 327 пудов и 19 фунтов, вышина 19 футов 3 дюйма, окружность 60 футов и 9 дюймов, толщина

стен 2 фута.

Царь-колокол после своего отлития до весны 1737 года находился в родной своей яме, покаясь на железной решетке, утвержденной на двенадцати дубовых сваях, вбитых в землю. Над ямой находился деревянный сарай для прикрытия колокола. Весной упомянутого года, 29 мая, в Москве сделался страшный пожар, известный под названием Троицкого. Распространяясь со страшной быстротой, пожар охватил и кремлевские здания. Загорелась, разумеется, и деревянная постройка над ямой, в которой стоял Царь-колокол: в яму начали падать горящие бревна. Сбежавшийся народ, чтобы спасти колокол, за который боялись, что он расплавится, стал изо всех сил заливать водой раскаленный металл. Огонь потушили, но испортили колокол: один его край не выдержал резкого перехода от раскаленности к охлаждению и откололся. Это увидели, когда стали расчищать яму.

С того времени до 23 июля 1836 года колокол находился в земле, и о нем сложились целые легенды. Заговорили, что Царь-колокол состоит не только из меди и олова, но также

частью из золота и серебра, которое во время литья колокола богатые люди из набожности бросали в расплавленный металл. Действительно, по сообщению «Горного журнала» в 1833 году, в Царь-колоколе есть небольшое количество серебра, но оно составило случайную примесь к меди в самих рудах, из которых выплавлялась медь.

Рассказывали еще, что почти тогда же, когда случился Троицкий пожар в Москве и от Царь-колокола откололся край, в Петербурге раскололся младший брат Царь-колокола, который был отлит одновременно с ним в 12 пудов и отдан императрицей Анной Ивановной в Петербург в церковь Воскресения Христова, что на Литейной. Потом рассказывали о каком-то чудаке-математике, который хотел извлечь колокол из ямы, но неожиданно умер, не поделившись ни с кем своим открытием.

Впрочем, и само правительство неоднократно возбуждало вопрос не только об извлечении Царь колокола из ямы, но даже и об исправлении его. Хотели даже перелить его. Перелить его брался мастер Слизов, но расходы оказались так велики (78 461 рубль сереб-

ром), что дело было отложено. Архитектор Форстенберг в 1770 году хотел впасть вышибленный край, но, не приведя в исполнение своего способа, умер от чумы. Император Павел приказал было передвинуть колокол на новое место, но приказание не было приведено в исполнение из опасения сломать колокол. В 1819 году император Александр Павлович поручил расследовать вопрос о поднятии колокола инженеру Фабру, но и на этот раз дело ограничилось одними предположениями. Через два года яму расчистили, застлали досками и обнесли перилами; сделали даже лестницу, по которой можно было спускаться вниз и осматривать внутренность колокола. Тут впервые были прочтены надписи о колоколе царя Алексея Михайловича и об отливке самого Царь-колокола[85]. При императоре Николае Павловиче решено было извлечь колокол из ямы и поставить на пьедестал. Это дело поручили французскому инженеру Монферрану, строителю Александровской колонны, Исаакиевского собора и других грандиозных зданий. Знаменитый инженер тотчас же приступил к подготовительным работам: зем-

ля, окружавшая колокол, была вынута, над ямой были возведены леса, вокруг устроено 11 воротов и сделана наклонная деревянная настилка от ямы до гранитного пьедестала, на который надо было поставить колокол. Утром 30 апреля 1836 года при громадном стечении народа началось поднятие колокола. Оно оказалось, однако же, неудачным вследствие гнилости канатов, которые почти все перелопались. Новое поднятие было назначено на 23 июля. На этот раз поднятие совершилось удачно: колокол был поднят за 42 минуты 33 секунды. К 4 августа Царь-колокол был окончательно утвержден на новом месте, а затем на нем был водружен шар с крестом...

Надписей, находящихся на Царь-колоколе, мы не выписываем: их может прочесть всякий созерцатель. Заметим только в заключение, что Царь-колоколу было посвящено множество статей и стихотворений. Величием его увлекся даже один французский поэт и написал в честь его восторженное стихотворение...

Потешный дворец

В XVI столетии между Троицкими и Боровицкими воротами, на том месте, где теперь комендантский дом, находились поварни, медоварни, мыльни и малые избушки, принадлежавшие к домашнему царскому хозяйству. В соседстве находились Сытный, Кормовой и Хлебенный дворцы с подвалами, погребами и ледниками, которых насчитывалось более тридцати. Потом, в начале XVII века, некоторые хозяйственные постройки были или уничтожены, или перенесены в другие места, и здесь царем Михаилом Федоровичем построено здание, в котором помещалась Потешная палата. Царь Алексей Михайлович, любивший, как известно, охоту до страсти, построил на этом месте Потешный дворец. Здание это было отдано царем тестю своему, отцу царицы Марии Ильиничны, боярину Илье Ааниловичу Милославскому. После смерти тестя в 1668 году и первой супруги Алексея Михайловича в 1669 году здание опять поступило в дворцовое ведомство. В 1679 году Потешный дворец, или Потешный

двор, как стали называть его, был переделан и увеличен пристройками деревянных хором и терема. В Потешном дворце, как гласит предание, Петр I под руководством Зотова получил свое первоначальное образование, а по кончине царя Федора Алексеевича в нем жили сестры его, Софья и Екатерина Алексеевны.

В начале XIX столетия Потешный дворец переделан для помещения коменданта. Стиль дворца — старинный, смешанный. Верхний ярус образует терем с византийскими арками. Цвет дворца — зеленоватый. В 1809 году к дворцу пристроены два каменных корпуса, из коих один выходит к Троицким воротам. Дворец этот находится на единственной в Кремле улице — Александровской. Поговорим теперь вкратце, как начались в этом дворце потехи.

Потехи эти начались еще при царе Михаиле Федоровиче. В Потешной палате в присутствии его самого и его приближенных производилась, как повествуют современники, «смехотворная хитрость» скоморохами. Они давали небольшие, сочиненные ими теат-

ральные пьесы и кукольные комедии, которые были издавна обычным народным увеселением в Москве. Русские комедианты ходили по улицам с подвижными театрами и представляли посредством кукол различные шутки. Для этого они закрывались кругом холстом, а над головами своими заставляли кукол выделывать разные фарсы. В Потешной палате хранились разная потешная рухлядь, костюмы, музыкальные инструменты, цимбалы и органы. При этих палатах находились бахари — сказочники, домрачеи — песенники[86]. При Михаиле Федоровиче известны были бахари: Клим Орефин, Петр Сапогов, Богдан Путята. Кроме того, при палате находились шуты, гусельники и скрипачи. Гусельник Любим Иванов получал жалованья в год 16 рублей 38 копеек и полный наряд платья, что по тому времени составляло значительную сумму. Органы и цимбалы составляли необходимую принадлежность Потешной палаты, и при них находились игроки: Томила Михайлов Бесов, Мелентий Степанов и Андрей Андреев. Во время свадьбы Михаила Федоровича государя тешили скрипачи: Богдаш-

ка Окатьев, Ивашка Иванов, Онашка да новокрешеный немчин Арманка. В 1630 году часовых дел мастера голландцы Анс Лун и Мелхарт Лун привезли в Москву орган, в котором они устроили соловья и кукушку, певших своими естественными голосами. Орган этот был украшен резьбой, расцвечен золотом и разными красками и куплен Михаилом Федоровичем за 2676 рублей, да, кроме того, он давал этим голландцам за их игру на органе два раза по 40 соболей и угощение. Голландцам поручено было выучить наших мастеров делать органы, и через семь лет они стали делать их уже настолько удовлетворительно, что их инструменты сделались с тех пор обыкновенной потехой в Москве и посылались в подарок иноземным восточным государям. Так, послан был орган московской работы персидскому шаху.

Царь Алексей Михайлович облагородил эти потешные представления: при нем начались уже настоящие пьесы, преимущественно мистерии. Впоследствии, когда царь женился во второй раз — на Наталье Кирилловне Нарышкиной, во дворце разные забавы

умножились, так как молодая царица была очень веселого нрава. Царевна Софья, дочь Алексея Михайловича от первого брака, набрала из окружавших ее девиц и царедворцев труппу и играла с ними на сцене довольно часто. Театральные потехи продолжались во дворце до времен Петра I, который приказал построить для них отдельную «комедиальную храмину» на Красной площади. Между прочим, в Потешном дворце проживали и переводчики из Посольского приказа, которые переводили для царя иностранные газеты.

Небезынтересно заметить, чем сделался Потешный дворец, когда там прекратились театральные представления.

Общественное спокойствие и личная безопасность, охранение собственности от воров и мошенников, порядок и тишина Москвы в конце XVII столетия были вверены попечению и наблюдению стрельцов. Тогдашнее полицейское управление не имело еще никакой правильной организации. Ночью берегли город от пожара, воров и разбойников решеточные сторожа и воротники. Первые выбирались из посадских, слободских, дворовых лю-

дей и церковнослужителей. Решетники караулили при решетках, которые ставились на ночь на больших улицах, в переулках, на перекрестках. Воротники у городских ворот большей частью были стрельцы. С закатом солнца ударял в Кремле колокол, наступали по-тогдашнему часы ночи, ворота запирались по Кремлю, по Китай-городу и Белому с Земляным городом. Днем по всему городу ходили караульные стрельцы и исполняли полицейские уличные обязанности: прибегали на помощь кричавшим «караул», ловили воров, брали пьяных, наблюдали за продажей табака и вина. В Кремле учреждены были из стрельцов постоянные караулы как в самом дворце, так и у ворот на площадях. Эти караулы зависели от главного караула на Красном крыльце, при котором находился всегда дежурный стрелецкий голова. Пойманные и виновные судились в Стрелецком приказе.

Таков был порядок к тому времени, когда Петр I принялся за устройство своего государства. Влияние стрельцов на народ при таком порядке было громадно, и этим влиянием можно объяснить легкость народных беспо-

рядков и возмущений в Москве в описываемое время. При всяком народном беспорядке стрельцы были во главе, ловили, как говорится, рыбу в мутной воде, грабили, разбойничали, убивали «противных» им людей. После бунта 1682 года они стихли наружно, но в массе неудовольствие на Петра и на его новые порядки не умолкало и поддерживалось стрельцами. Понятно, что Петр не любил стрельцов, понимая весь вред, приносимый ими народу и народному спокойствию. Но до 1697 года он оставлял все в прежнем порядке. В том же году заговор Цыклера и Саковнина, полагавших свои надежды на содействие стрельцов, побудил Петра уничтожить окончательно влияние Стрельцов. Окончив дело заговорщиков казнями и ссылками, Петр, отъезжая за границу, поручил Москву и наблюдение за тишиной и безопасностью в столице ближнему стольнику князю Федору Юрьевичу Ромодановскому, главному начальнику отборных солдатских полков: Преображенского и Семеновского. 10 марта того же года царь уехал за границу, но накануне, 9 марта, князь Ромодановский принял в свое заве-

дование полицейское управление столицы. Стрельцы были устранены от всех караулов. Их заменили преображенцы и семеновцы. Полицейский суд и расправа от Стрелецкого приказа перешли на Потешный дворец, где князь Ромодановский и начал свою деятельность.

Таким образом, Потешный дворец на долгое время превратился в палату полицейского суда и расправы.

Грановитая палата и Красное крыльцо

Грановитая палата находится между Успенским и Благовещенским соборами, примыкая западной своей стороной к Императорскому дворцу[87]. Построена она по повелению великого князя Ивана III. Начал ее строить в 1473 году Марк Фрязин, а окончил уже в 1490 году Петр Фрязин. Название Грановитой она получила потому, что наружность ее покрыта выделяющимися гранями (четверогранниками).

Вступая в Грановитую палату, посетитель невольно проникается чувством благогове-

ния при виде столь величественной обстановки. Тут сверху донизу все величественно. Посреди палаты находится четырехсторонняя колонна, поддерживающая своды: она украшена лепными изображениями птиц, зверей и разных животных под золотом и бронзой, вызолоченной решеткой, на которой в несколько рядов приделаны подсвечники. Налево от входа устроено на трех скамейках место для музыкантов. Направо, под богатым бархатным балдахинном, находится царский трон на четырех ступенях[88]. Подборы балдахина обшиты золотой бахромой и украшены висящими на шнурах кистями. Вообще же вся палата обита темно-малиновым бархатом. На простенках между окнами расположены бронзовые, вызолоченные гербы, по три в каждом простенке. На самом верху, против трона, находится полукруглое отверстие, занавешенное бархатом, называемое тайником. Место это было сделано для цариц и царевен, которые могли отсюда скрытно смотреть на торжественные приемы послов и другие обряды. Таким способом, удовлетворяя свое любопытство, они не нарушали древнего обык-

новения, по которому женщинам не подобало присутствовать открыто при мужских беседах. По уверениям других, этот тайник устроила властолюбивая царица Софья, чтобы наблюдать из него за делами братьев Ивана и Петра.

Грановитая палата предназначалась для приема послов и для важных государственных совещаний или торжественных представлений чиновников государям.

Два торжества, совершившиеся в этой палате, обращают на себя особенное внимание.

В этой палате царь Иван Васильевич Грозный торжествовал в 1552 году покорение Казани. Целых три дня он здесь пышно угощал своих сподвижников, послов и приближенных бояр. На одни вознаграждения было издержано более 400 пудов серебра[89].

Но еще более великолепный вид представляла эта палата, когда царь Борис Федорович Годунов принимал здесь датского принца Иоанна, за которого он прочил свою дочь Ксению. Смерть принца разбила надежды Годунова. Годунов удивил тогда иностранцев пышностью своего двора и щедростью подар-

ков. В первый же день прибытия принца в Москву для угощения к нему были посланы царский стол на ста больших золотых блюдах и до сотни золотых кубков, чаш и стоп с напитками. Во время приема принца в Грановитой палате сам царь и царевич стояли под богатым балдахином в пурпурового цвета бархатных порфирах, унизанных крупным жемчугом и драгоценными камнями. На голове Годунова была богатая корона, а на оплечьях блистали дорогие камни. После взаимных дружественных приветствий они отправились к столу, приготовленному в Грановитой палате, где стояли царские кресла, сделанные из золота, а перед ними поставлен был стол из серебра с позолоченным подножием. Над столом висела корона, в которой были боевые часы. Средний столп в Грановитой палате сверху донизу был обставлен золотыми и серебряными кубками, большими чашами и разной посудой. Кушанья изготовлено было на 200 блюд. В Приемной палате устроены были также огромные пирамиды из разных золотых и серебряных сосудов. Вход стерегли офицеры, обмундированные по иностранно-

му образцу, а по сторонам трона стояли рынды, не смевшие шевельнуться в продолжение всего обеда.

Вход в Грановитую палату через Красное крыльцо направо (налево вход во дворец). Дверь ведет в светлые сени[90], к которым и примыкает Грановитая палата. В сенях также все напоминает почтенную древность: небольшие окна, украшенные фигурными карнизами, своды, сделанные стрелками, карнизы дверей и, наконец, писанные по накладному золоту на стене образа: Спасителя и Матери Божьей и Иоанна Предтечи — на правой стороне, а прямо перед входом — кончина императора Константина. Остановимся теперь на самом Красном крыльце[91].

Это крыльцо имеет историческое значение. На его ступенях ставивали наши государи, когда народ собирался поглядеть на них и поклониться им. Здесь в ясные летние дни играли дети царские и сами цари. Отслушав вечерню, беседовали с митрополитом и ближними боярами. Отсюда же государи наши шествовали в Успенский собор для священного обряда коронования. Здесь, наконец, совер-

шались и мрачные сцены мятежей, о которых распространяться считаем излишним, и находился издавна караул, охранявший весь Кремль. Потом у Красного крыльца, под Грановитой палатой, находилась гауптвахта.

В заключение скажем, что все русские государи по совершении обряда коронавания обходили кремлевские соборы, входили по Красному крыльцу в Грановитую палату, где для них приготовлялся особый царский обед в присутствии высших чинов государства. После этого обеда цари удалялись во дворец[92].

Патриарший дом

Патриарший дом[93] — создание патриарха Никона. Он воздвиг его в 1655 году, в то время, когда царь Алексей Михайлович находился в походе против поляков и овладел Вильно. Когда царь возвратился из похода, то в нем Никон уже встречал царя-победителя, и царь принимал его благословение. Дом построен в три яруса с вышкой, и в нем с 1639 года помешалась Греко-латино-славянская школа (в части дома, существовавшей ранее). Никон же устроил в этом доме и Крестовую

палату, в которой со времен Екатерины II находится мироварная. В этой палате патриархи встречали всегда царя, сюда приходил царь в день своего тезоименитства с именинным пирогом, и в ней же строитель ее Никон предстал на суд вселенских патриархов. Рядом с палатой находится церковь Двенадцати Апостолов, описание которой сделано ранее, и Патриаршая, или Синодальная, библиотека — богатейшее книгохранилище, составлявшееся в течение столетий царями, патриархами и митрополитами. До великого князя Ивана III Васильевича собрание книг и рукописей было не особенно значительно и составляло собственность митрополитов, следовательно — частную, а не государственную. Со времени же Ивана III сами цари начали пополнять библиотеку драгоценными вкладами книг и рукописей.

Брак Ивана III имел важные последствия в этом отношении. Во-первых, он открыл нам доступ к европейскому образованию: многие греки и итальянцы, приехавшие с царевной Софьей, были полезны нам своими знаниями, а за ними стали приезжать и другие инозем-

цы. Во-вторых, греки привезли с собой много церковных книг, спасенных от турок. Хорошо воспитанный своей матерью Софьей, великий князь Василий Иванович нашел уже нужным вызвать с Афонской горы искусного в грамоте и годного к толкованию и переводу всяких книг, церковных и так называемых эллинских, инока Максима Грека. Ученый Грек, воспитывавшийся в итальянских университетах, приехал в Москву в 1518 году, и ему немедленно поручен был перевод с греческого церковных книг и рукописей, хранившихся с приезда Софьи в московской великокняжеской библиотеке, а равно и исправление богослужебных книг, наполненных грубыми ошибками, вкравшимися при переписывании.

Зная основательно греческий и латинский языки, Максим только на пути в Москву стал изучать славяно-русский. Поэтому вначале он переводил с греческого на латинский, а с латинского на славянский переводили двое русских переводчиков: Дмитрий и Власий. Впоследствии же он сам переводил уже прямо на славянский язык. Максим Грек много потру-

дился на пользу русского просвещения: делал переводы, исправлял книги, боролся с различными суевериями и вооружался против страсти к астрологии, особенно развившейся у нас в его время. Он говорил, что все устраивается промыслом Божиим, а не звездами или колесом фортуны. Он писал очень много богословских и философских сочинений, которые в количестве 134 рукописей хранятся в библиотеке Троицкой лавры. Из сочинений его особенно замечательно «Исповедание веры». Приехав в Москву и увидав великокняжескую библиотеку, он воскликнул: «Я не видывал подобного собрания сокровищ ни во Франции, ни в Германии, ни в Греции!»[94] Максим Грек положил, можно сказать, начало к приведению в порядок нашей знаменитой Патриаршей библиотеки.

Патриарх Никон еще более способствовал умножению этого книгохранилища. По совету Епифания Славинецкого Никон отправил в 1654 году ученого монаха Арсения Суханова на Восток для отыскания греческих и славянских «древлеписанных» книг. Арсений Суханов возвратился в январе 1655 года с 500 рукопи-

сями. Таким образом, библиотека возросла до грандиозных размеров... Среди книг и рукописей, доступных только ученым знатокам и археологам, есть здесь вещи понятные и обыкновенным смертным. В библиотеке хранится Евангелие XII века, очень четко написанное, литургия Василия Великого, писанная на свитке, листовая Псалтирь, переведенный Максимом Греком, Житие св. Отцов, собранное и переписанное рукой митрополита Макария во времена Ивана Грозного. Обращает на себя внимание и Евангелие, прекрасно написанное рукой царевны Татьяны Михайловны, в лист, в котором буквы более 1/4 вершка. Здесь, между прочим, хранятся и собственно-ручные письма царя Федора Алексеевича к патриарху Иоакиму, и собственноручные письма Петра I к патриарху Адриану, и множество других рукописей, книг, крестов, образов, утвари. Между ними все-таки укажем на знаменитый Святославов Изборник[95], Кормчую книгу[96] XV и XVI веков и на Харатейную рукопись X в. с 24 рисунками, служащими драгоценным сокровищем для иконописцев. Между прочим, в библиотеке хранится

511 греческих и 1008 славянских грамот и разных письменных актов.

Патриаршая ризница (находится над церковью Двенадцати Апостолов) есть одна из богатейших во всей России, и ей подобные едва ли существуют. Она заключает в себе большое количество столовой утвари, домашней одежды всероссийских патриархов, 27 клобуков, 31 панагию, 79 митр и много других замечательных вещей[97].

Вот, между прочим, краткий перечень особенных достопримечательностей: саккос[98] митрополита Дионисия, в коем весу 1,5 пуда, два саккоса митрополита Фотия, на одном из коих нанизано до 70 тысяч жемчужных зерен [99], на полах второго вышит золотом Символ православной веры. Перстосложение на саккосе в двух видах: двуперстное и именованное. Этим саккосом руководствовался Никон при исправлении Символа веры в книгах, а патриарх Иоаким доказывал, что нет в Символе слова истинного, которого держатся старообрядцы. Епитрахиль митрополита Фотия составляет редкий памятник греческого искусства[100]. Древнейший из омофоров[101]

приписывается св. Николаю Чудотворцу или же его современнику, Александру, епископу Александрийскому, бывшему на первом Вселенском соборе в Никее. Эту древность привез с собой из Никейи в Москву Григорий, митрополит никейский, в дар царю Алексею Михайловичу в 1654 году. Григорий нашел его в ризнице своей митрополии. Медный перстень с синим стеклом, на котором вырезан дракон, — подарок хана Чанибека св. Алексею за чудесное излечение в 1357 году жены его Тайдулы. Саккос св. Петра-митрополита, сделанный в 1322 году, и есть древнейший из всех митрополичьих украшений. Посох[102] и часы патриарха Филарета, два посоха патриарха Никона; его же четки[103] из белой рыбьей кости с золотой, украшенной жемчугом кистью. Тут же хранятся и сосуды для мирования, совершающегося в известное время в Крестовой патриаршей палате, которая находится рядом с церковью Двенадцати Апостолов...

Этот краткий обзор Патриаршей ризницы позволим себе закончить кратким рассказом об обряде святого мирования, заслуживаю-

цем тем более внимания, что святое миро употребляется в таинстве миропомазания, совершаемом над каждым человеком, принадлежащим к православной греко-восточной католической церкви, тотчас по крещении. Им же помазуются наши благочестивейшие монархи при венчании их на царство.

Святое миро в ветхозаветной церкви, т. е. до Рождества Христова, которым помазывались первосвященники, пророки и цари, приготовлялось из нескольких благовонных смол, трав и масел. Ныне, по чиноположению православной церкви, состав святого мира гораздо сложнее и разнообразнее. Вот входящие в состав святого мира вещества: елей, белое виноградное вино, стиракс, ладаны — росный, простой белый и черный, мастика, сандалак, розовые цветы, базилик, корни — фиалковый белый, имбирный, ирный, калганый, кардамоновый, масло мускатное густое, бальзам перуанский, терпентин венецианский, благовонные масла — бергамотовое, лимонное, лавандовое, гвоздичное, богородской травы, розмариновое, лигнородийское, розовое, коричное, майорановое, померанцевое и

мускатное жидкое.

С четвертой недели Великого поста начинается предварительное приготовление означенного состава для святого мира; с понедельника же Страстной седмицы происходит торжественное мироварение, как мы уже сказали, в Крестовой палате. На устроенном нарочно для этого каменном очаге под деревянной сенью становятся упомянутые выше серебряные котлы, а составные части мира — на ступенях деревянной пирамиды. Митрополит или другой архиерей со старшим духовенством совершает прежде всего водоосвящение и кропит святой водой все приготовленное для мироварения, как-то: сосуды и благовонные вещества. Затем вещества те вливаются в котлы, архиерей сам возжигает огонь под котлами, а дьяконы в облачениях перемешивают вливаемый состав. Над приготовляемым таким образом святым миром в течение трех дней священники непрерывно читают Евангелие. Вечером в Великую среду святое миро, совсем уже готовое, разливается по сосудам особенной формы и оставляется на месте до Великого четверга, в который архиерей

в полном облачении с крестным ходом (при пении: «Благословен еси Христос Боже наш») отправляется при звоне колоколов из Успенского собора в Крестовую палату за приготовленным святым миром, взяв которое вместе с преждеосвященным святым миром, хранящимся в особом сосуде, называемом алевастр [104], священники несут его в соборный алтарь и ставят вокруг жертвенника. Во время Великого выхода на литургии перед святыми Дарами несут священники сосуды со святым миром из алтаря в царские двери и ставят по сторонам престола. Алевастр же принимает в свои руки архиерей или митрополит в царских дверях. После возгласа: «И да будут милости Великого Бога» — в алтаре совершается действие освящения святого мира, причем в состав нового святого мира прибавляется несколько капель из алевастра, который пополняется всегда новым, дабы источник никогда не иссякал. Когда же кончится литургия, освященное святое миро относится с таковой же церемонией обратно в Патриаршую ризницу, откуда потом и рассылается по требованию архиереев.

Арсенал

Место, занимаемое теперь Арсеналом, до 1702 года было застроено частными домами, сахарным заводом, церковью Входа в Иерусалим и стрелецким двором Лыкова, известным тем, что из него тайно были посланы стрельцы в Преображенский дворец, чтобы умертвить Петра. Указом 1701 года все эти постройки поведено было сломать и на их месте воздвигнуть Оружейный дом. Постройка этого дома под названием Цейхгауз начата в 1702 году по рисункам саксонца Конради, но окончена только при императрице Анне Ивановне, в 1736 году, а внутренняя отделка продолжалась до конца XVIII столетия. Между прочим, после пожара 1737 года его возобновлял в 1754 году архитектор Ухтомский.

Целью основания Арсенала была заготовка на всю армию двойного количества оружия и амуниции. Двухсоттысячная армия пехоты и кавалерии может облечься здесь с головы до ног и во всеоружии выйти под новыми знаменами в поле. Устройство и порядок расположения необозримого количества амуниции и

оружия не имеют себе подобных. Кроме того, в Арсенале хранятся: знамя Петра Великого, знамя и пищали Пугачева и много других вещей воинского снаряжения. Вдоль наружных стен Арсенала расставлены трофеи 1812 года — пушки. Их всех 875, и принадлежали они кроме французов двенадцати народностям.

В 1812 году Арсенал был взорван по приказанию Наполеона, но при императоре Николае Павловиче он снова возобновлен.

Оружейная палата

Большая казна[105] была искони заветной святыней, хранилищем сокровищ и богатств русских государей; сокровища состояли из серебра, драгоценных камней, мехов и других ценных вещей.

Со времен Ивана III Васильевича, богатство которого сильно возросло после присоединения Новгорода и Пскова, Большая казна помещалась между Архангельским и Благовещенским соборами и называлась со всеми своими принадлежностями Казенным двором. Хранителями сокровищ Большой казны

были обычно бояре-казначей и при них дьяки.

К Казенному двору принадлежали: собственно Оружейная палата, состоявшая под управлением боярина-оружничего; Конюшенный приказ, где хранились царские экипажи и драгоценная сбруя под ведением боярина-конюшего; Запасный двор, где все хранилось до надлежащего распределения и особенного требования.

Для Казенного двора оружие, украшения, сосуды и прочие предметы постоянно производились в царских мастерских, коими заведовала государева Мастерская палата, а по производству работ для царицы и царевен — царицына Мастерская палата. При этом надо заметить, что царские мастерские славились выделкой брони и оружия на азиатский образец. Оружие это в виде подарков знатым иностранцам принималось и ценилось с особенной охотой.

При царе Алексее Михайловиче было обращено особое внимание на выработку брони и потому был учрежден Бронный Московский приказ, отданный под ведение царского

оружничего. В этом приказе заготавливались брони, шлемы, панцири и прочие воинские принадлежности. До введения этим государем ратного строя военные доспехи были восточной формы. Тогда форма изменилась, брони стали крепки и красивы, и потому цари одаривали ими своих верных слуг, ногайских мирз. В каждой грамоте верные мирзы непременно выпрашивали у «земледержца величайшего и счастливейшего вольного человека белого царя» жалованья «панцирей добрых, шеломов добрых, саблей, которые бы секли железо», и проч.

То, что находится в Оружейной палате, хранилось прежде на Казенном дворе, в Оружейной палате, на Конюшенном дворе и в Мастерской палате.

До перенесения столицы в Петербург большая часть вещей подвергалась постоянному приливу и отливу: из них выдавались жалованье и награды, посылались подарки иностранным державам, и все это пополнялось от всех «ударяющих государю челом».

Император Петр I, преобразовав все старинные ведомства в государственные учре-

ждения, соединил все эти приказы в одно правление под названием Мастерской Оружейной палаты и образовал под ведением Сената присутственное место.

Император Александр I в 1806 году повелел построить обширное здание на Сенатской площади и туда перенести все сокровища казны и Оружейной палаты. В 1831 году император Николай Павлович повелел упразднить присутствие Оружейной палаты и присоединить его под ведение президента Дворцовой конторы.

Несмотря на свою обширность, здание, построенное в 1810 году, не заключало в себе удобств для хранения сокровищ, так как было без печей из-за опасения пожаров[106]. Обратив на это высочайшее внимание, Николай Павлович повелел в 1849 году построить новое здание на месте бывшего в старину Конюшенного приказа с духовыми печами для отопления. В 1851 году новое здание Оружейной палаты было окончено. Оно соединяется с Императорским дворцом проездом, над которым находится Зимний сад[107].

Московская Оружейная палата достопри-

мечательна своими древними хранилищами и сокровищами, заключающимися в золоте, серебре, драгоценных камнях, мехах, оружии, экипажах, одеждах и других вещах. Иностранцы и в старину дивились богатству русских государей... И в самом деле, сокровища, хранящиеся в Оружейной палате, нигде не имеют себе ничего подобного и представляют нечто в высшей степени грандиозное и поучительное.

Не входя в полное перечисление этих сокровищ, остановимся, однако, на таких, которые представляют для всякого русского человека никогда не остывающий интерес...

При входе в сени Оружейной палаты находятся: колесо от токарного станка Петра Великого, шесть чугунных пицалей, отбитых у Пугачева в городе Ядрине в 1774 году. На стенах: арматуры из польского оружия XVI и XVII веков, Всполошный колокол, перелитый в 1714 году из старого, висевшего у Спасских ворот на так называемой набатной башне. В 1771 году во время бунта ударили в этот колокол в набат, вследствие чего Екатерина II велела отнять у него язык, без коего он висел до 1803

года. При колоколе хранятся две чугунные доски 1771 года с описанием события.

На лестнице: детский манекен в полудоспехах царевича Алексея Михайловича. Доспех немецкий XVII века. На стенах картины: «Крещение равноапостольного князя Владимира», «Битва на Куликовом поле»[108].

Зал 1. *Короны*: 1. Шапка Мономаха. Названа так потому, что прислана императором Алексеем Комненом Владимиру Мономаху, Опушка шапки соболья. Тулья венца состоит из восьми продолговатых, треугольных, сканых, золотых дощечек. Скань-лучение состояло из тонких проволок, образующих сетчатую, сквозную работу. В шапке Мономаха видна высокая скань. На золотом яблоке, в гнездах, три крупных камня. 2, Шапка казанская. Перешла в казну после смерти Эдигера, хана казанского, который в 1553 году принял крещение и получил от Ивана Грозного титул царя казанского. Веса в шапке около 5 фунтов. Оценена в 1702 году в 685 рублей. 3. Шапка царя Михаила Федоровича. Сделана в 1627 году при думном дьяке Телепневе. Между дорогими каменьями выделяется один огром-

ный алмазный сапфир. 4. Шапка Ивана Алексеевича, сделанная в 1684 году. 5. Шапка алмазная Ивана Алексеевича (1687 г.), включает более 900 камней. Оценена в 1702 году в 15 200 рублей. 6. Шапка алмазная Петра Алексеевича, включает до 825 алмазов. Оценена в 17 тысяч рублей. 7. Шапка царя Петра Алексеевича по образцу Мономаховой. 8. Корона императорская. Имеет до 2500 алмазов. Над алмазным крестом огромный лал (рубин), купленный в 1676 году в Пекине и оцененный в 1725 году в 60 тысяч рублей. 9. Корона Грузинская. 10. Корона Мальтийская императора Павла. Эта корона со званием Великого магистра Ордена Иоанна Иерусалимского была предложена мальтийцами Павлу 1 в 1798 году, когда генерал Бонапарт занял остров Мальту.

Скипетры. Они употреблялись во время приема послов от христианских держав и имеют значение верховного начальствования. 1. Скипетр царя Михаила Федоровича. 2. Алексея Михайловича. 3. Петра Алексеевича.

Державы. Со времени водворения христианства в Константинополе вседержавие озна-

меновывалось крестом, осеняющим мир. Сама идея всемирного преобладания принадлежит христианству, и символ выразился во времена Августа изображением фигуры победы на шаре. 1. Держава царя Михаила Федоровича, в окружности 13 вершков. На сторонах фигуры: орел, лев, единорог и леопард. Заключает до 200 драгоценных камней. 2. Царя Алексея Михайловича. Привезена из Константинополя. Украшена 160 алмазами. Оценена в 1702 году в 7360 рублей.

Бармы. 1. Они составляли, как говорят знатоки, часть наряда древних русских князей. Состоят из II круглых запон. При них образок, крест, пуговицы от кафтана, петлицы, перстень и множество серебряных блесков. Этот драгоценный памятник глубокой древности XII века, найденный в 1822 году в насыпи близ Старой Рязани, сходен с золотыми вещами, находимыми в крымских курганах. Их относят к произведениям греко-скифского искусства и к первым временам водворения христианской религии на Руси. 2. Бармы царя Алексея Михайловича.

Украшения одежды. Они, кроме ожерелий,

состояли из плоскокольчатых цепей, украшенных финифтью и драгоценными камнями, кружев и запястий, нашивок и запонок, который нашивались на кафтаны, диадем, перьев и т. д.

Жезлы, посохи, трости. Жезлы употреблялись при выходах в соборную церковь и на Иордань. Жезлы носили и царицы. При обыкновенных же выходах в храмы, к столу употреблялись посохи. Всех их 37. По древности замечательны: 1, 2, 3 и 4-й жезлы царя Алексея Михайловича, трость Петра Великого, три посоха из слоновой кости с тонкими и длинными остриями царя Ивана Васильевича Грозного. Один из этих посохов, оправленный в позолоченное серебро и имеющий три фунта веса, есть, как надо полагать, тот самый, с которым любил ходить Иван и которым он в минуты гнева давал чувствовать силу своего владычества и силу своего царского гнева.

Балдахины и троны. В их числе балдахины и троны царя Александра Николаевича и государыни Марии Александровны, царское место Бориса Годунова, присланное ему в дар шахом Аббасом в 1604 году. Содержит 2300

драгоценных камней и жемчуга. Общий трон царей Ивана и Петра Алексеевичей серебряный, вызолоченный, огромное и величественнее всех. Балдахин и польский трон, находившиеся в польском королевском дворце, а в 1832 году присланные в Оружейную палату.

Становые кафтаны и порфиры, составлявшие верхнюю одежду. Они возлагались в храме при венчании на царство. Шились из бархата или атласа, с горностаевым исподом и собольей опушкой. *Царские одежды* нового времени хранятся в шкафах № 1, 2 и 3 и в витринах № 4 и 5. Отдельно выставлены сапоги императоров, среди них ботфорты Петра I. Две витрины — с кабинетными вещами государей.

Зал II. Балдахин, под которым шествовали во время коронации император Александр Николаевич и императрица Мария Александровна. *Тронные кресла царей и цариц*. 150 вещей, взятых в Полтавской битве. Из них замечательны: носилки Карла XII, его оловянный стакан и шпоры с пряжками и крючками. Вещи, поднесенные Парижем в 1814 году Остен-

Сакену. Витрина с булавами, пернатами и шестооперами (они находятся и в других витринах Оружейной палаты). Это названия палии, или жезлов, с перьями и шарами. Они были в древности повсеместными признаками военачалия. Бuzдыхан имеет более шести перьев. 31 польское знамя и три французских. Ключи от крепостей Килии, Ясс, Кубы, Аккермана, Перекопа и Еникале. Ящик, в котором хранится польская конституция, дарованная Александром I. Ключи от польской крепости Замостье. 64 венгерских знамени, взятые в 1849 году. На стенах портреты императоров и императриц числом 17. Из них замечателен финифтяный портрет императора Петра I, украшенный алмазами, в золотой оправе, за стеклом. При портрете серебряный футляр.

Зал III. Носит название «Серебряный».

1. *Русско-славянский отдел.* Заключает в себе шесть витрин, два шкафа и четыре горки с различного рода посудой.

2. *Отдел вещей Петра Великого.* Среди них стеклянный кубок, сделанный в присутствии Петра, в который он опустил червонец. Замечательны два больших серебряных кубка

Алексея Михайловича, поднесенные боярином Морозовым. Всех древних кубков хранится в Оружейной палате более 400. Кубки были приносимы в дар и служили украшением поставцев и столов во время пира, признаком богатства...

Зал IV. *Отдел оружия русской работы.* В этом отделе есть образцы оружия и доспехов Европы и Азии: русских, греческих, римских, индийских; монгольских, китайских, персидских и проч. Среди них шлем и кольчуга великого князя Ярослава Всеволодовича, найденные в 1808 году в Вологодской губернии в лесу под пнем дерева, по мнению знатоков, на том самом месте, где происходила Липецкая битва в 1216 году. Шлем имеет форму конуса с выпуклостью и снабжен бармицей. На витрине со щитами находятся палаши и кончары. Кончар есть старинная форма шпага — оружие, тонкое остроконечие которого могло проникать сквозь панцирь. Шапка-ерихонка князя Федора Ивановича Мстиславского, конца XVI века, есть азиатский шлем с наушниками и назатыльником. На одной из витрин находятся: ножи, рогатины, чеканы, джиды,

мечи. Рогатина — это широкое, плоское, с коротким ратовишем копьё. Джиды — азиатские метательные копья для преследования конницы. Чекан употреблялся в старину как оружие против лат и кольчуг. Замечательны: рогатина великого князя Бориса Александровича Тверского, XV век; нож князя Андрея, сына Ивана III (1513 г.). Имеет кривую форму малайского ножа и является единственным уцелевшим памятником первых сношений России с Индией. Под № 5732 хранится Зульфигар, или двухконечный меч Али, замечательнейший из азиатских мечей. Меч этот поступил в палату в 1810 году. Персидский поэт Гассан-Кази, прославляя Али, говорит: «Нет храброго, кроме Али, нет меча, кроме Зульфигара»<...> На другой из витрин 34 вещи: щиты, сабли, пищали, натруски, пороховницы и пистолеты. Щиты у славян были железные, и в них ударяли во время сжигания трупа начальника, чтобы не слышно было раздиравших душу воплей женщин. Здесь же ружья, служившие при защите Троице-Сергиевой лавры от поляков в 1609 году, вещи иностранной работы, поднесенные русским государям

В XII веке. В витрине с четырьмя ящиками: булавы, пернаты, саадаки, или налучи, и колчаны. Саадаком назывался весь прибор вооружения с луком и стрелами. Они возились во время походов за царем. Отдельно представлены вещи князя Пожарского и Минина: знамя, седло Пожарского, сабля Минина. Далее вещи, принадлежавшие государям, преемникам Петра Великого... Во многих витринах этого зала находятся палаши и тесаки. Тесак отличается от палаша тем, что меньше последнего и внизу закруглен. Замечательны тесак Михаила Федоровича и сабля князя А. И. Лобанова-Ростовского... В этом зале находится портрет Екатерины II на коне, в мужском платье, работы датского художника Эриксена (1762 г.), конский убор — дар Абдула-Гамида Екатерине II в 1775 году. Оценен в 1835 году более чем в 200 тысяч рублей. Конский убор — дар султана Селима III Екатерине II в 1793 году.

Знамена. Обычное название знамени у славян было *стяг*. Кроме стягов в древности носили *хоругви* и *прапоры*. Замечательнейшие из них: знамя Всемилоствитового Спаса

(XVI в.), великий стяг царя Ивана Васильевича Грозного, казачьи значки и прапоры.

Зал V. *Холодное оружие русской и иностранной работы.* Арматура с 36 вещами. Среди них: шлем великого князя Георгия Всеволодовича, кольчуга князя П. И. Шуйского. На этой кольчуге прикрыто мишенью с его именем то место над самым сердцем, куда он был смертельно ранен в битве под Оршей в 1564 году. Наручи. Куяк. Байдана. Юшман боярина Никиты Ивановича Романова. *Наручи* с кольчужными рукавицами относились к вооружению и обиты по краям позолотой. *Юшманом* называлась кольчуга с разрезом, застегивающаяся впереди крючками, или пряжками. *Байдана* — кольчуга с плоскими кольцами. Арматура с 51 вещью. Среди них: шапка-ерихонка, называемая шапкой царя Кучума Сибирского; зеркало царя Алексея Михайловича (1670 г.) русской работы. *Зерцало* — латы из полированной стали, состоявшие из нагрудника и наспинника. Выставлены конный манекен воеводы XVII века, конный манекен немецкого рыцаря, манекен русского ратника XVII века, *протазан* русской

работы XVII века. Протазаны, или алебарды, составляли издавна вооружение придворной, почетной стражи. В старину, до введения этого иностранного слова, они назывались *рогатинами* и служили преимущественно оружием пеших норманнов. Есть витрина, где расположены *бутурлыки*, или поножи, состоявшие из трех железных щитков, соединенных кольцами и защищавших ногу от подъема до колена. Такие же бутурлыки находятся и на манекенах ратников.

Зал VI. Он наполнен большей частью чепраками, чалдырями, санными полостями XVII века и другими конскими принадлежностями. Тут же находятся кровать Петра Великого, стальная колыбель императора Александра I работы тульских оружейников, хивинский трон[109], обложенный серебром, и две модели: Кремлевского дворца и древнего Коломенского[110]. Первый дворец проектирован в 1769 году архитектором Баженовым. Императрица Екатерина II предполагала построить своим дворцом весь Кремлевский холм и окружить им все древние соборы, чтобы доказать иностранцам могущество своей

державы. Мысль эта по многим причинам осталась неосуществленной. Вторая модель исполнена по чертежам резчиком Д. А. Смирновым и приобретена Александром II для Оружейной палаты за 3 тысячи рублей серебром. В этом зале находится пять пушек, взятых в Персии в 1827 году, фарфоровые модели египетских храмов изящной работы, а на стенах — картины и портреты, из которых особенно замечательны гобеленовые портреты Петра I, Александра I и Екатерины II.

Зал VII. В девяти витринах этого зала находится конская сбруя: узды, мундштуки, чалдари, оголови, пахви — все XVII века. На стенах зала портреты и бюсты королей и знаменитых людей Польши... Тут же находятся глобус, поднесенный императрице Елизавете в 1746 году от Академии наук, и большие аллегорические гравюры на шелковой материи, подносимые по обычаю XVII века императорам и императрицам от ученых обществ.

Зал VIII. Тут находятся экипажи, или кареты, XVII и XVIII веков, царские возки XVII века со слюдяными окнами, пышные кареты императриц XVIII века, украшенные превосход-

ной резьбой и живописью в стиле рококо. Особенно великолепны по резьбе так называемая цезарская и другая — подаренная императрице Елизавете в 1754 году графом Кириллом Разумовским. Тут же находятся походные кровати с постелями Наполеона 1, захваченные при Березине, а также, на стене, портреты государей XVIII века, находившиеся в кабинете последнего польского короля Станислава-Августа. К трофеям, взятым в Польше, принадлежат еще и 22 портрета польских королей от Болеслава Храброго до Фридриха-Августа, писанные художником Бокчиарелли. Все эти портреты взяты из Варшавского королевского дворца, или замка. Между прочим, тут есть и портрет Николая Коперника...

При Оружейной палате есть архив. Он включает в себе описи всех вещей, издревле хранившихся в ней. Он состоит: из описей разных времен Большой казны, собственно царской; описи брони, оружия, экипажей; выходных книг, в которых записывалось, в какие дни и в каком наряде выходили из покоев; книг кроильных, в которых записывалось шитье новых одежд; книг прихода-рас-

ходных по разным отделам казны; походных книг, в которых записывалось, что отпускалось царицам и царевнам при отъезде на богомолье; и наконец — дела по управлению мастерской Оружейной палаты.

Мы перечислили только самую незначительную часть хранящихся в Оружейной палате древних вещей и драгоценностей, но даже и из этого незначительного перечня видно, как велики богатства Оружейной палаты. Им, кажется, и цены нет[111].

Царские терема

Построение теремов относится к царствованию Михаила Федоровича, который в течение тридцати двух лет своего царствования успел не только восстановить старый дворец [112], но и увеличил его новыми каменными и деревянными постройками, которые вырастали по мере потребностей царской жизни. Хоромы эти были построены в 1635 и 1636 годах подмастерьями каменных дел Баженом Огурцовым, Антипой Константиновым, Трофимом Шарутиным и Ларом Ушаковым, построены в три этажа, из которых два верхних

назначены были для малолетних царевичей Алексея и Ивана, что значит и в надписи, сохранившейся на них. Самый верхний этаж этих хором, состоящий из одной светлой комнаты, назывался в то время чердаком и каменным теремом, а в начале XVIII века золотым теремком, отчего и теперь все это здание называется Теремным дворцом. Можно с достоверностью полагать, что этот терем есть образец, представитель наших древних теремов, несмотря на то что они большей частью были деревянные. Во всем здании Теремного дворца, или Царских теремов, как в отношении внутреннего расположения, так отчасти, может быть, и в отношении самого фасада сохранился характер старинных деревянных построек: почти все комнаты теремов во всех этажах одинаковой меры, каждая с тремя окнами, что совершенно напоминает избу, сохранившую это число окон. Таким образом, все здание теремов представляет собой несколько изб, поставленных рядом, в одной связке и в несколько ярусов. Верхний этаж имеет одну довольно обширную комнату, которая составляла чердак, или терем, украшав-

ший всегда и деревянные хоромы. В 1637 году эти новые каменные хоромы были отделаны окончательно: конюх Иван Осипов, по ремеслу златописец, наводил уже в то время сусальным золотом, серебром и разными красками на кровлю репьи, «да в те же хоромы, во все окна, делал (опроче чердака) слюдяные окончины».

Стиль здания с его вычурными, символическими орнаментами представляет пестрое сочетание ломбардского с русским и даже индийским стилем в некоторых частях. Теремные покои состоят из столовой (трапезной), соборной (думной), государева кабинета (престольной) с красным, или так называемым челобитным, окном, откуда опускался ларец, в который просители клали свои челобитные государю. В красном углу — царское место. Далее следует опочивальня, молельня (крестовая). Вдоль стен некоторых теремных покоев поставлены дубовые лавки и стулья. Государев кабинет расписан золотом по ярко-красному полю. Перед царским местом лежит ковер, вышитый, по преданию, царевнами. В опочивальне находится деревянная рез-

ная кровать с занавесями из китайской шелковой материи. В молельной, или крестовой, комнате два киота, в которых помещены иконы, кресты и панагии, большей частью комнатные, царя Алексея Михайловича. В столовой на стенах написаны лики Спасителя, окруженного евангелистами, св. Константина и Елены, равноапостольного князя Владимира и св. княгини Ольги.

С теремами связано немало и важных моментов в истории русского народа. Так, в 1660 году в царском кабинете происходил знаменитый собор о поступках Никона, в 1682 году — собор об уничтожении местничества и другие события.

В теремных покоях хранятся также княжеские печати и гербы. Сами по себе они чрезвычайно интересны как предметы, к которым наши предки относились с большим доверием и без которых не обходилось ни одно дело — ни государственное, ни частное. Лица, которым необходимо было часто «прикладывать свою руку», употребляли вместо того печати, на которых изображалась рука с надписью, чья она. Поэтому создалась и поговорка

«Где рука, там и голова». Что же касается князей, то всякий князь выбирал для своей печати то изображение, которое ему более нравилось, или то, которое выражало его политическое положение. Когда установился обычай наследственности печати, то печать обратилась в герб.

Из теремов есть витой ход на вышку. В 1836–1849 годах терема возобновлены архитекторами Солнцевым и Герасимовым, но с сохранением того вида, в каком они были при царе Алексее Михайловиче.

Казармы

Постройка этого здания, находящегося против Арсенала, не относится к глубокой старине: оно построено по повелению императора Александра Павловича в 1810 году под руководством князя Михаила Дмитриевича Цицианова архитектором Иваном Васильевичем Еготовым. Здание предназначено было для Оружейной палаты, которая в нем находилась до 1851 года. В свое время здание это было одним из величественнейших в Кремле и украшалось множеством бюстов и статуй,

поставленных на верху карнизов. Все это были лица исторические, знаменитые: Добрыня, воевода Претич, Ордин-Нащокин, заключивший мир в Андрусове, Василий Васильевич Голицын, любимец Софьи Алексеевны, Холмский, друг Ивана Васильевича, и, наконец, боярин Артамон Матвеев.

Под верхним карнизом расположены в барельефах разные происшествия, касающиеся истории государства Российского: прием великим князем Владимиром послов различных вероисповеданий, подношение Владимиру Мономаху даров, покорение татар, победы над турками при Кагуле и Чесме, над шведами при Красной Горке и Ревеле и др. Мы уже говорили о том, что на месте, где построено это здание, находился дворец Бориса Годунова.

С внешней стороны этого здания, по фасаду, на крепостных лафетах стоят пушки — безмолвные свидетели нашей славы... Четыре из них — необычной величины и хранятся как предметы редкости. Из них, несомненно, никогда не стреляли, и отлиты они, вероятно, для того, чтобы наглядно показать иностран-

цам нашу непобедимость.

Первая из них, самая громадная, стоящая на самом углу казарм против Чудова монастыря на высоком чугунном лафете, иначе — на медведице, Царь-пушка. О ней и о других, более замечательных пушках речь далее.

Царь-пушка

Кто Царь-пушку повернет?

Ф. Глинка

Пушка эта, или дробовик, отлита в 1586 году в Москве, в царствование Федора Ивановича. Длина ее 7,5 аршина, вес — 2400 пудов, отверстие 1 аршин 4 $\frac{3}{4}$ вершка. Каждое ядро для заряда весит 120 пудов, а заряд пороха — 30 пудов. Она отлита русским пушечным мастером Андреем Чеховым. На ней изображен царь Федор Иванович со скипетром и в короне. А надписи свидетельствуют, с правой стороны; «Повелением Благоверного и Христоролюбивого Царя и Великого Князя Федора Ивановича, Государя и Самодержца всея Великия России, при Его Благочестивой и Христоролюбивой Царице и Великой Княгине

Ирине»; с левой стороны: «Слита бысть сия пушка в преименитом и царствующем граде Москве лета 7094[113], в третье лето Государства его; делал пушку пушечный литец Андрей Чохов. Весу в ней 2400 пудов». Над изображением царя Федора Ивановича, находящимся у жерла с правой стороны, надпись: «Божиею милостию Царь, Великий Князь Федор Иванович, Государь Самодержец всея Великия России».

Единорог. Эта пушка отличается тщательностью отделки. На ней изображен царь Алексей Михайлович и находится следующая надпись: «Божиею милостию повелением Самодержавного Великого Государя, Царя и Великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя и Белья России Самодержца, в 25 лето благочестивыя и Богохранимыя державы Царства его в славном преименитом Царствующем граде Москве лета 7170[114] вылита сия пушка, весом 779 пуд. Лил пушечный мастер Мартемьян Осипов».

Троиць. Пушка эта длинная и узкодульная. На ней надпись: «Божиею милостию повелением Государя Царя и Великого Князя Федора

Ивановича всея России сделана сия пищаль Троиль лета 7098[115]. Делал Андрей Чохов, весу в ней 430 пудов».

Аспид. И по размерам, и по наружным украшениям сходна с Троилем. На ней надпись: «Божиею милостию, повелением Государя Царя и Великого князя Федора Ивановича всея Руссии, сделана сия пищаль Аспид лета 7098[116], делал Андрей Чохов, 370 пудов».

Сенат

Огромное и величественное здание Сената построено при императрице Екатерине II по плану и под надзором архитектора Матвея Федоровича Казакова с 1776 по 1787 год. Здание построено треугольником на том месте, где некогда находились палаты князя Трубецкого и упраздненные церкви Св. Косьмы и Дамиана, Филиппа Митрополита и Введения во храм Богородицы. Длина здания 247 саженьей. На постройку ушло 21 миллион кирпичей. Все здание обошлось в 759 тысяч рублей.

В этом здании, по словам современников, считалось образцовым произведением зодчества ротонда с куполом, над которым видна

императорская корона с надписью: «Закон». До 1812 гола здесь стоял колоссальный вызолоченный св. Георгий на коне, изображавший герб Московской губернии. Эта ротонда была назначена для общих собраний губернского дворянства и для баллотирования новых членов через каждые три года. Купол этот считался по своей величине чудом архитектурного искусства. В первое время против главного входа в великолепной арке воздвигнут был императорский трон, обширные галереи с обеих сторон также были отделаны барельефами и гербами уездных городов Московской губернии. Когда в 1787 году императрица с блестящей свитой обзревала эту постройку, то сказала сопровождавшему ее начальнику Кремлевской экспедиции М. М. Измайлову:

— Я ожидаю, что благородные дворяне при первом своем собрании здесь для выборов, смотря на этот трон, припомнят, что я дала им и всему их потомству грамоту с правами и преимуществами важными.

После этого государыня обратилась к Казанкову:

— Как все хорошо! Какое искусство! Это превзошло мои ожидания. Нынешний день ты подарил меня удовольствием редким. С тобою я сочтусь, а теперь вот тебе мои перчатки, отдай их своей жене и скажи, что это в память моего к тебе благоволения.

При выходе государыни из здания мастеровые приветствовали царицу восторженными криками. Императрица приказала им выдать 500 рублей. Казаков за постройку получил следующий чин, бриллиантовый перстень и значительную пенсию[117].

В этом здании помещены были все прежде бывшие до открытия в 1782 году по высочайшему учреждению губерний присутственные места, как-то: Вотчинная коллегия, Межевая коллегия, Государственный архив и др., а в 1790 году переведены сюда и два департамента Сената.

С открытием новых судебных установлений в здании этом поместили Окружной суд, Судебную палату, Межевую канцелярию, другие учреждения, а само оно стало именоваться зданием Московских судебных установлений.

Из массы залов здания особенно замечателен по величолепию Круглый зал, так называемый Екатерининский, предназначенный для знаменитой Екатерининской комиссии, где первое собрание и происходило в 1788 году. Вокруг зала галерея с превосходными горельефами. В каждом горельефе легко увидеть Екатерину, которая в виде Минервы, богини мудрости, является всюду. В этом же зале находятся портреты императрицы Екатерины II и последующих императоров, а также и мраморная статуя создателя новых судебных установлений — царя Александра II Освободителя.

Кремлевские дворцы

Прежние дворцы. Кремлевский дворец, о котором впервые упоминают летописи, был дворцом великого князя Ивана Даниловича Калиты. Он был деревянный, дубовый, и, вероятно, построен далеко ранее времен Ивана Даниловича — скорее всего или Юрием Долгоруким, или Михаилом Ярославичем Храбрым, или, наконец, Даниилом Александровичем. Этот дворец находился направо от церкви Архангела Михаила. Подробного описания этого дворца мы не имеем, но, по всей вероятности, это был дворец, типом которого может служить дворец Коломенский — единственный и любопытный памятник, который дает самое полное понятие о древних деревянных хоромах, знакомя с ними наглядно [118].

Этот дворец служит превосходным образцом древней русской архитектуры: в нем выразилось все искусство наших старинных самоучек-архитекторов, т. е. «плотничьих старост», как их называли в то время. Общий вид подобного дворца весьма оригинален и кра-

сив: крытые гонтом «в чешую» шатровые кровли, или «шатры», огромные «бочки», т. е. кровли, сведенные в виде бочек с медным золоченым гребнем наверху, светлые терема с широкими двойными окнами. Все это, снабженное красивой узорочной резьбой, производит особенное впечатление и вполне знакомит с характером наших старинных построек. Таков, вероятно, был и древнейший Кремлевский дворец. Сомневаться в этом мы не имеем никакого повода, особенно если взглянем на нашу жизнь до Петра Великого, где вовсе нельзя допустить больших изменений, особенно в отношении зданий, строившихся всегда так, как строили отцы и деды, без нововведений. Даже архитектура каменного дворца, принесенная к нам итальянцами, не произвела и не могла произвести никакого влияния на наши деревянные постройки. Напротив, она многое заимствовала у них как в отношении орнаментов и разных украшений, так и в отношении самих названий некоторых покоев. Все деревянные постройки в царском быту также возводились по старине и держались до преобразования

Петра Великого.

В конце XV века на месте великокняжеского деревянного дворца воздвигнут был дворец каменный. Мысль построить каменный дворец возникла вследствие новых потребностей, вызванных новым политическим положением московского государя: великий князь московский сделался самодержцем всея Руси. Сверх того, это новое государственное направление было приведено в полную сознательность и определенность с приездом в Москву греческой царевны Софьи Палеолог, с которой великий князь Иван III Васильевич вступил в супружество. Началась напряженная деятельность в поновлениях и постройках: соборы и церкви, городские ворота, стены, стрельницы, башни с тайниками — все это быстро воздвигалось при помощи итальянских зодчих, нарочно для того вызванных из Италии. В 20 лет наружность Кремля совершенно изменилась. Одновременно со всеми этими переделками и постройками в 1482 году великий князь повелел свой «старый деревянный двор разобрать и нача ставити каменный двор». Но это начало было не совсем

благополучно: 28 июля 1493 года во время страшного, опустошительного пожара только что заложенный каменный двор сторел. К сооружению каменного дворца приступили не прежде как через шесть лет после пожара. В 1499 году великий князь снова заложил «двор свой камен, палаты каменные и кирпичные, а под ними погребы и ледники, да и стену каменную от двора до Боровицких ворот». Постройка поручена была новому итальянскому зодчему «Фрязину Алевизу, от града Медиолама». Но великий князь не дождался окончания этих палат, на которые положил столько горячих забот и трудов: в 1505 году он умер. Дворец был готов через три года после его смерти, и в мае 1508 года сын его Василий переехал на житье в эти новые хоромы. Достойный преемник всех начинаний своего отца, особенно в отношении новых построек, великий князь Василий Иванович, довершив неоконченный дворец, великолепно украсил его. Передний фасад этого дворца обращен был на площадь между Благовещенским, Архангельским и Успенским соборами и церковью Иоанна Лествичника, на месте которой

воздвигнут «Иван Великий».

На эту площадь выходили две дворцовые палаты. Большая, стоявшая на самой площади, ныне Грановитая, и Средняя, находившаяся между Большой и Благовещенским собором, — к западу от них, на дворце, или на дворе великокняжеском. Перед Средней палатой было Красное крыльцо и Передние переходы, на которые с площади вели три лестницы: одна была у стены Грановитой палаты (Красное крыльцо), другая — Средняя лестница, третья — Благовещенская паперть. Между лестницей подле Грановитой палаты и Средней были ворота, которые посредством проезда под Красным крыльцом и Средней палатой вели на площадь. Средняя лестница прямо через крыльцо вела в сени Средней палаты. Из этих же сеней двери вели в Столовую избу. Подле Столовой избы была лестница вниз, на двор, к Спасскому собору, который находился посреди двора. Постельные, или жилые, хоромы великого князя и Постельная изба, княгинина половина, находились на том самом месте, где теперь Теремный дворец. Поваренный же дворец стоял позади хором великой

княгини. Таково было расположение каменного дворца Ивана III.

При царе Иване IV Васильевиче, в 1547 году, 21 июня, московский дворец сделался жертвой нового, ужаснейшего пожара, который равным образом истребил и всю Москву. Государь выехал в село Воробьево, а в Кремле ставили для него новые деревянные хоромы и возобновляли распавшиеся от огня каменные палаты. Возобновив дворец, царь увеличил его впоследствии новой пристройкой. В 1560 году он повелел устроить для своих детей «особый двор и хоромы позади большой набережной платы, на взрубке». При нашествии Девлет-Гирея Кремлевский дворец сгорел снова (в мае 1571 г.). Дворец был снова возобновлен и при царе Федоре Ивановиче, судя по отзывам иностранных путешественников, находился в цветущем состоянии. Все приемные палаты в это время были великолепно украшены стенописью.

Царь Борис Федорович Годунов во время голода, бывшего в 1601 и 1602 годах, повелел, «чтобы людям питаться», воздвигнуть большие каменные палаты, «где были царя Ивана

хоромы», построенные им для детей.

Самозванец, не желая жить в царском дворце, выстроил для себя новые хоромы, весьма красивые, в польском вкусе: они находились подле Сретенского собора и фасадом обращены были к Москве-реке. Перед этими хоромами, на сенях, самозванец поставил огромного медного цербера, которому, как невиданному дотоле чуду, удивлялся народ и прозвал его «адам». Из этих же хором самозванец, преследуемый по всем комнатам разъяренной толпой, выскочил в окно и упал на Житный двор, который расположен был под самым дворцом самозванца.

Царь Василий Иванович Шуйский выстроил для себя новые брусяные хоромы, потому что жить в опальном дворце самозванца было неприлично новому государю.

Так называемое Смутное время, пора безначалья и неурядиц, опустошило Кремлевский дворец так, что при вступлении на престол царя Михаила Федоровича дворец представлял самую грустную картину: от прежнего великолепия, которому так дивились посещавшие нас иностранцы, остались только го-

лые стены в самом точном смысле этого слова. Все палаты и хоромы были без кровель, без полов и лавок, без оконниц и дверей, так что юному царю негде было поселиться. Кое-что, однако же, наскоро было приведено в порядок, и царь поселился во дворце в апреле 1613 года. Трудно было царю Михаилу Федоровичу восстановить прежнее благолепие дворца, но постепенно, по мере средств, которые были весьма незначительны, царь восстанавливал Москву, причем и Кремлевский дворец также постепенно возобновлялся и устраивался.

Но только дворец приведен был в надлежащее устройство, как снова губительный пожар опустошил его 3 мая 1626 года. Началось новое устройство дворца. По указу государя собраны были в это время из Ростова, Суздаля, Белоозера и других мест каменщики и кирпичники «для многих церковных, дворцовых и палатных каменных дел». Вызван был также «голландской земли немчин, кирпичный мастер Рудирик Мартыс», который в кирпичных сараях под Даниловской слободой «делал кирпичную ожигальную печь и над

печью деревянный шатер по своему, немецкому, образцу, и кирпич делал». К концу царствования Михаила Федоровича Кремлевский дворец был окончательно устроен, так что царю Алексею Михайловичу оставалось немного дел в отношении устройства дворца. И действительно, во время его царствования мы не встречаем значительных построек на царском дворе. Он возобновлял только старое, перedelывал и украшал здания, построенные его предками, причем в царский дворец вошло много разных украшений, которые дотеле или весьма мало, или даже вовсе не были известны. Важные последствия в этом отношении принесла польская война 1654–1667 годов, окончившаяся для России весьма удачно. Пребывание царя в некоторых из завоеванных городов, и особенно в Вильно, познакомило его с образом жизни совершенно новым, и царь с этого времени стал преобразовывать двор. Вызвав из всех посещенных им городов многих ремесленников и художников, он употребил их искусство и труды на украшение своего дворца. С этого времени характер украшений дворца во многом изме-

нился. Внутри него появились обои (золотые кожи) и разного рода мебель на немецкий и польский образец. Характер резьбы по дереву, столь употребительный во всех внутренних и внешних украшениях дворца, также изменился. Обыкновенную русскую резьбу по одной только поверхности дерева заменила фигурная немецкая резьба в стиле рококо, как можно судить по дошедшим до нас несомненным памятникам из домашней утвари того времени.

Сделав краткий обзор первоначального Кремлевского дворца, можно положительно сказать, что дворец этот, дворец начала XVI века, несмотря на пожары и беспрестанные перестройки и переделки, в главных чертах своих нисколько не изменился в течение двух с половиной веков и, покинутый царями в начале XVIII века, устоял, хотя и в развалинах, до времен императрицы Елизаветы Петровны, которая в 1743 году приказала разобрать его и выстроить на его месте новый дворец. Строителем дворца был знаменитый архитектор граф Растрелли. Дворец этот в 4 этажа имел вид довольно своеобразный и

грандиозный, хотя, по отзыву одного иностранца, Тесьби де Белькура, состоял из беспорядочных, полуразрушенных построек, как будто он только что выдержал осаду от варваров-разрушителей. Другие, напротив, находили дворец оригинальным и красивым. В 1812 году он подвергся немалому разрушению, но в 1817, 1818 и 1826 годах исправлен и расширен и таковым оставался до 1838 года, когда началась постройка нового Императорского дворца.

Николаевский дворец. Он принадлежал прежде митрополиту Платону и построен при императрице Екатерине II. Это было низкое, довольно скромное здание новейшей архитектуры. По приказанию императора Александра Павловича в 1818 году дом был куплен для бывшего в то время великого князя Николая Павловича и с тех пор, до построения Большого Кремлевского дворца, в нем останавливалась императорская фамилия, и дом начал носить название Малого Николаевского дворца. В 1824 году к нему приделана верхняя надстройка. Работа эта благополучно совершена под наблюдением тогдашнего на-

чальника Кремлевской экспедиции князя Николая Борисовича Юсупова. Новая реставрация дворца была произведена в 1872 году архитектором Шохиным. Реставрация состояла в подводке фундамента и замене верхнего деревянного этажа каменным без изменения планировки и убранства. Эта работа, сопряженная с опасностью для рабочих и нравственным риском для архитектора, обошлась в 400 тысяч рублей... При входе во дворец устроена подъемная машина в виде крытой платформы. Мебель, материя, убранство — новые, но по старым рисункам, и каждый предмет на своем месте, равно как и кушетка, на которой в 1818 году родился в бозе почивший государь император Александр II, а также и ширмы. Из картин, находящихся во дворце, замечательны «Пожар Москвы в 1812 году» и «Вид храма Христа Спасителя» Айвазовского, «Въезд короля Сигизмунда» работы Бернарда Беташто. Кроме того, замечательна беседка из слоновой кости, перламутра и малахита, подаренная императрице Александре Федоровне, работы сенатора Поливанова и другие вещи. Чистота и свежесть воздуха во

дворце поддерживаются водяно-духовым отоплением — калориферами, для которых устроены подвалы. Перед выходящими во двор окнами — сад. Позади сада, на дворе, против могилы св. Алексея, в углубленном месте зарыто 2 тысячи скелетов, найденных и собранных во время перестройки дворца, а также несколько памятников XVI и XVII столетий.

С одной стороны ко дворцу примыкает Вознесенский девичий монастырь, с другой — мужской, Чудов. Главный подъезд дворца — с Царской площади.

Большой императорский дворец. Постройка дворца начата 5 марта 1838 года, исполнение работ возложено было императором Николаем Павловичем на вице-президента Дворцовой конторы барона Боде. Государь лично рассматривал все проекты, составленные по его указанию архитектором Тоном. В цоколь был положен дикий камень, на котором вырезано: «1838 г. июня 30 дня». А при закладке в следующем году под цоколь угла, где планировался кабинет его величества, положена медная доска с надписью: «Заложен в

царствование Императора Николая I, под управлением министра Императорского двора генерала от инфантерии князя Петра Волконского, обер-гофмейстера барона Боде. Строителем был архитектор Константин Тон».

К 1849 году дворец был готов, и 3 апреля, в день Пасхи, освящен в присутствии императора, императорской фамилии и всего народа московского.

Дворец расположен четверугольником по Кремлевскому холму. Главный фасад обращен на юг. Восточной стороной он соединяется с Грановитой палатой, западной — с переходом в апартаменты их высочеств и Оружейную палату, северной — с теремами. Внутри этого четверугольника стоит церковь Спаса на Бору. А пространство между западной стороной дворца и корпусом вдоль кремлевской стены, отделенное от проезда чугунной решеткой, занимает Императорская площадь. Главный корпус дворца в два этажа, но верхний этаж в два света, почему дворец и кажется трехэтажным. Над серединой главного фасада возвышается квадратный купол с баре-

льефными изображениями государственных орлов и гербов царств и областей империи. В куполе четыре слуховых окна, под которыми помещены часы с боем. В них замечательны колокола — из бывших прежде на Троицкой башне курантов — чистотой звука. На вершине купола установлен покрытый золотом флагшток для императорского флага. Купол этот соединен с кровлей металлическими связями, служащими громоотводом здания, на них ушло более 110 тысяч пудов железа. Система громоотводов устроена под наблюдением академика Л. М. Перовошикова. Связи установлены под руководством майора И. И. Ильина.

Площадь дворца с Оружейной палатой занимает $\frac{1}{5}$ десятины. Главный фасад к Москве-реке длиной 57 сажений. Высота дворца от мостовой до главного карниза, без купола, 13 сажений, с куполом флагштока — 22 сажени, флагшток — 6 сажений. Нижний этаж дворца устроен выступом, при этом карниз служит балюстрадой открытой террасы. Дворец имеет до 700 комнат. Вот главные его помещения.

Парадные сени. Четыре колонны из серого сердобольского гранита поддерживают своды сеней. Налево апартаменты их величеств. Против входа парадная лестница из 66 ступеней. Направо лестница ведет к Благовещенскому собору. Своды поддерживаются десятью замечательно отделанными пилонами из коломенского серо-желтого мрамора. За ними галереи. Направо картина «Куликовская битва» французского художника Ивона. Перед дверями аванзала, сделанными из цельного ореха без клея, две хрустальные вазы. Направо из аванзала вход в Георгиевский зал. Зал устроен в честь ордена Св. Георгия, учрежденного в 1769 году Екатериной II. Восемнадцать витых цинковых колонн высятся по сторонам зала. На стенах мраморные доски с вырезанными годами, означающими эпохи покорения царств и областей, присоединенных к России, названиями русских полков, участвовавших в этих битвах, и именами кавалеров. У окна серебряная модель, поднесенная донскими казаками государю императору в 1870 году, представляет Ермака Тимофеевича, Платова и аллегорическую фи-

гуру реки Иртыш. Зал освещается 3200 свечами. Статуи сделаны профессором Витали по плану писателя Вельтмана. Мебель в залы дворца вносится только во время высочайших приездов.

Следующий роскошный и со вкусом отделанный зал — *Александровский*, в честь ордена Св. Александра Невского, учрежденного в 1735 году. По стенам шесть картин профессора Миллера, изображающих события из жизни св. Александра Невского. Зал освещается 4500 свечами. Третий — *Андреевский* зал, в честь ордена Св. апостола Андрея Первозванного, учрежденного в 1698 году Петром I. Зал отделан под золото, общий цвет голубой. Здесь помещается императорский трон под балдахином. Никакой мебели нет. Освещается более 2 тысячами свечей.

Кавалергардская. Здесь стоит караул из кавалергардов при высочайших выходах. Здесь же помещается картина академика Сверчкова «Смотр войск Иоанном Грозным». Кавалергардская соединяет Андреевский с Екатерининским залом, в честь ордена Св. великомученицы Екатерины, учрежденного в 1714 го-

ду. Это тронный зал ее императорского величества. В нем замечательны пилястры из малахита на двух столпах с завода Демидовых.

Парадная гостиная. Меблировка ее в стиле ренессанс. Перед диванами четыре стола во вкусе Буля. Канделябр в японском стиле.

Парадная почивальня. В ней парадная кровать с парчовым пологом. Колонны из древнего зелено-серого мрамора, единственные в России, приобретены у Демидовых. Знатоками оценены в миллион рублей серебром.

Далее следует *Парадная уборная*, откуда отлогая лестница ведет в церковь Рождества Богородицы. Отсюда переход в Зимний сад, поддерживающийся растениями из оранжерей Нескучного сада.

Затем следуют апартаменты наследника. В гостиной замечательны четыре гобеленовые картины, представляющие некоторые сцены из жизни Дон Кихота. Замечательны также и другие картины, как находящиеся на половине его высочества, так и в картинной галерее, расположенной вдоль всего ряда упомянутых залов. Картины поступили частью из Эрмитажа, частью из собраний частных лиц. Вот

некоторые из них: «Въезд Иоанна Грозного на Красную площадь», «Поклонение пастырей, или Корреджиева ночь», «Сикстинская мадонна» Рафаэля, «Св. Сикст и Варвара», оригинал которой находится в Дрездене, «Богоматерь с младенцем Иисусом» Корреджо. Подле них — «Св. Иоанн Креститель», «Епископ Жеминьен, патрон города Модены», «Св. мученик Петр Доминиканец» и «Св. Георгий, попирающий голову чудовища, на растерзание которого была отдана царица Лидия», «Женщина, держащая корзину с фруктами» Карла Дольче и его же «Цецилия», «Св. семейство» Рембрандта. Копии со знаменитейших картин сделаны художником Зейдельманом в натуральную величину акварелью. Затем нельзя не упомянуть о картинах: «Заключение мира Польши с Турцией», «Соединение Литвы с Польшей», «Освобождение Вены от турок», «Принятие присяги Хивинским ханом от польского короля Сигизмунда».

Из картинной галереи переход ведет в восьмиугольный *Владимирский* зал, названный в честь ордена Св. Владимира, С одной стороны зал этот соединяется с Георгиевским,

с другой — с сенями, составляющими начало теремов. Тут находится старинная *Малая золотая палата*, служившая для приема поздравлений в торжественные дни, а за ней уже следует *Грановитая палата*. Главных входов во дворец четыре.

В середине XVII века в Кремле находилось более 20 улиц и более 10 площадей. Само собой разумеется, что все они были весьма незначительны: размеры Кремля не допускали их обширности. Большею частью это были не более как проезды между постройками и храмами или небольшие пространства перед дворцами и хоромами бояр, представляя живописную путаницу, причем золотоголовые соборы, вычурные дворцы и палаты смешивались с брусяными избушками «убогих» людей, которым позволялось строить свои лачужки не только в Кремле на свободных местах, но даже подле самих церквей, стена к стене. Лучшие улицы и площади были вымощены досками. Большинство из них названий никаких не имели, остальные же назывались по назначению тех построек, возле которых они находились или пролегли, напри-

мер: Мыльная, Конюшенная, Житная и т. п.

Главная и более обширная площадь называлась Ивановской, так как находилась у церкви Св. Иоанна Лествичника. Исстари было заведено, что на эту площадь собирались бояре, дворяне и чиновные люди после обедни в Успенском соборе, чтобы потолковать о своих делах. Тут же объявлялись дьяками во всеуслышание, во все горло, что называется, и царские указы, отчего и произошла поговорка «Кричать во всю Ивановскую». На этой же площади сидели подьячие и дьяки, выгнанные из службы, которые для безграмотных людей писали челобитные. Для этого на площади стояла палатка, называвшаяся Ивановской. Петр Великий отменил было этот обычай, но привычка москвичей к старому порядку заставила его изменить этот указ и определить при Ивановской палатке особого старосту с десятью подьячими для написания безграмотным людям разных актов, для рукоприкладства (подписания) вместо них при совершении «крепостей» и для свидетельства. Еще ранее на этой площади происходил торг людьми: русские продавали пленников сво-

им и чужим. На ней же производились наказания кнутом и батогами за взятки, посулы или лихоимство. Тут же выставляли на позор вора, вывешивая на шее преступника захваченные им вещи: кошелек с деньгами, меха, одежду, даже соленую рыбу. С 1685 года казни над преступниками переведены с Ивановской площади на Красную.

После перенесения столицы в Петербург в Кремле многие здания стали ветшать, внутри кремлевских стен оказалась большая нечистота, и дело дошло до того, что на бывшей между Троицкими и Боровицкими воротами улице ставили караул, чтобы в тамошних погребках, без окон и дверей, не укрывались «воровские» люди.

В самом начале XIX столетия Кремлем заведовал действительный тайный советник Петр Степанович Валуев. Деятельный в ремонте зданий, принадлежавших казне, он исправил кремлевские стены, здания и очистил Кремль, насколько это было возможно. Он же дал и новые названия площадям. Площадь от Спасских ворот к соборам, против возобновленных при нем же в готическом стиле ба-

шен Вознесенского монастыря, наименована была Царской, у Боровицких ворот — Императорской, против Сената — Сенатской. Затем проложена была и новая, единственная улица в Кремле — Александровская, пролегающая от Троицких ворот мимо Потешного дворца до Оружейной палаты.

Называлась Царской, а иногда Красной и та небольшая площадь которая находится между Грановитой палатой, Иваном Великим, Успенским и Архангельским соборами. На ней в былое время цари давали народу пиры и нередко беседовали с ним. Во время коронаций Елизаветы Петровны и Екатерины II на ней изобильно угощали народ.

Царская площадь[119] долгое время служила местом, где производились разводы, и потому она называлась площадью плац-парада. Некоторое время (в первой четверти XIX столетия) площадь служила даже местом гуляний для москвичей. Расположенная на Кремлевской горе и обсаженная по южному краю деревьями, площадь действительно представляла превосходное место для прогулок. Вид отсюда через зубчатую кремлевскую стену,

расположенную у подошвы горы, на Замоскворечье очарователен. Прекрасная широкая лестница в 112 ступеней вела с площади к Тайницкой башне. Тут сиживали няньки и играли дети. В 1826 году сделана была новая лестница, уничтоженная при постройке нового дворца в 1849 году.

Некогда на этой площади находился непрерывный ряд центральных приказов, от Архангельского собора почти до кремлевской стены со Спасскими воротами, в том числе и Посольский приказ. Сперва, до Ивана Грозного, все иностранные дела производились, как говорили тогда, «вверху», т. е. в великокняжеских чертогах, самими князьями при содействии ближних бояр и опытных советников. Но с покорением царств Казанского, Астраханского и Сибирского, многими завоеваниями в Швеции и Польше иностранные дела так умножились, что для правильного ведения их потребовалось и особое место, и особое ведомство. Покоритель означенных царств — Иван Васильевич Грозный — отвел для сего во дворце особую палату, которая и называлась при нем Посольской палатой; а

сын его Федор Иванович перенес дела из этой палаты в особое близ дворца здание, которое и названо тогда Посольским приказом. В 1652 году Алексей Михайлович повелел отвести в Кремле новое для приказа место и, построив на оном дом в 1667 году, назвал его Государственным приказом посольской печати. Круг ведомства Посольского приказа все более и более расширялся, так что мало-помалу к его области стали относиться не только иностранные дела, но и другие приказы, учреждения, монастыри и лица. Приказом заведовали дьяки. Старший из них, в звании печатника, был всегда хранителем государственной печати и носил ее иногда на шее как символ своей обширной государственной власти. Многие иностранные послы, приезжавшие тогда в Россию, оказывали такое уважение к дьякам Посольского приказа, что даже называли их канцлерами[120].

Императорская площадь занимает то именно пространство, где находилась древнейшая в Москве церковь Рождества Иоанна Предтечи на Бору. Была тут площадь и до постройки Императорского дворца, перед собо-

ром Спаса на Бору, ограничиваясь к западу Боровицкими воротами и Потешным дворцом.

Площадь Сенатская представляет весьма любопытное зрелище по отношению к истории архитектуры. Никольские ворота строены при Иване III в XV веке, лицевой корпус Чудова монастыря — в XVI веке. Ивановская колокольня возведена при Борисе Годунове в XVII веке, Арсенал — при Петре Великом, Сенат — при Екатерине II в XVIII веке и казармы (бывшая Оружейная палата) — при императоре Александре I в XIX веке.

КИТАЙ-ГОРОД

Кремль, по старому разделению Москвы, назывался Городом, строения вне Кремля — Посадом, а слободы вне Белого города — Загородьем. Впоследствии теснота Кремля, важность Посада и увеличивающееся число жителей были причиной того, что мать Ивана Грозного Елена Глинская во избежание новых бедствий от нашествия татар и литовцев приказала выкопать глубокий ров вокруг всего Посада, заключавшего в себе кроме домов многих знатных граждан все купеческие лавки, торги, или рынки, святые храмы и достопамятную Красную площадь.

Работа начата была 20 мая 1534 года и в июне того же года окончена. Замечательно, что работа эта производилась всеми московскими жителями, за исключением знатнейших граждан и государственных чиновников. Ров простирался от речки Неглинной через старую Троицкую площадь[121] и Васильевский луг[122] к Москве-реке. Речка Неглинная была запружена и водой своей наполнила ров, так что Кремль и Китай-город представ-

лялись островом.

В 1535 году, 16 мая, после молебна и крестного хода по нововыкопанному рву была заложена и каменная стена с четырьмя башнями. Сам митрополит Даниил[123] заложил камни основания как для стены, так и для башен. Постройкой стены заведовал зодчий итальянец Петрок Малый, и стена была окончена в 1538 году.

Так была основана новая часть города под названием Китай-город. По мнению некоторых, это слово означает Средний[124], но другие полагают, что Китай-город так назван по имени Китай-городка в Подольском воеводстве, откуда была родом Елена Глинская. Предположение это всего вероятнее[125]. Однако есть и еще одно предположение относительно названия Китай-города. Некоторые из историков уверяют, что эта часть Москвы исстари называлась Китаем, и что с этим словом в простонародье связывался всемирный рынок, и всякая иноземная ткань называлась «китайкой». Все это будто бы произошло оттого, что Русь исстари торговала с Китаем. В Рязанской губернии среди простого народа сло-

во «китай» и доселе составляет насмешливое прозвище всякого барышника и торгаша.

Как бы там ни было, но московский Китай-город действительно был центром, где сосредоточилась всякого рода торговля и всякого рода промышленность, имеющая значение не только для Москвы, но даже и для всей России.

Подобно Кремлю и Китай-город после перенесения столицы из Москвы в Петербург стал заметно падать и приходить в разрушение. Стены Китай-города в эти годы стали обваливаться, в башнях открыты были мелкими чиновниками лавки. К стенам были пристроены лавчонки, погреба, сараи, конюшни. Нечистоты при стенах все больше и больше увеличивались, заражали воздух. Более всего таких лачужек и плохих построек в этой части города было на землях, захваченных духовными властями. Церковное духовенство не только в подворьях, но и на церковных землях завело погреба, харчевни и даже под церквами поделало цирюльни[126]. Начальник Кремлевской экспедиции И. С. Валуев входил к обер-полицмейстеру А. А. Беклешеву

в 1806 году с прошением по этому поводу. Беклешев предлагал митрополиту Платону свести такие заведения с церковных земель. Платон не согласился, ссылаясь на то, что от того много потерпят как церковные доходы, так и церковнослужители, которых состояние было весьма близко к бедному. Самым грязным местом в Китай-городе были так называемые певчие дома, принадлежавшие владению синодальных певчих, которые сами здесь не жили, а отдавали постройки внаем. Дома эти были большей частью деревянные, разделенные перегородками на маленькие комнаты, углы и чуланы, в которых в каждом помещалось особое заведение или жила семья. Здесь с давних пор были харчевни, трактиры, кофейни и разные мастерские, чрезвычайно переполненные мастеровыми и жильцами. В случае пожара эта местность представляла большую опасность вследствие близости к торговым рядам и невозможности тут действовать пожарным. В 1804 году здесь все деревянные строения были сломаны и оставлен лишь один трактир. С дозволения бывшего главнокомандующего Москвы графа Заха-

ра Григорьевича Чернышева в 1783 году вдоль Китайской стены были построены 204 деревянные лавки, а в 1786 году по воле графа Я. А. Брюса лавки эти заменены каменными. (Их количество было увеличено до 278.) Земля для них отдана без платы, чтобы только застроили пустое место и содержали тут мостовую. Прочие здания у стен построены около 1780 года по словесному дозволению тогдашнего обер-полицмейстера Николая Петровича Архарова. Большая часть владельцев этих зданий и сами не знали, как они достались их предкам, и не имели на них никаких документов. За стеной от Воскресенских до Никольских ворот стояли постройки не менее безобразные. В старину предполагали стену от Никольских до Варварских ворот сломать для площади и для удобной проезжей дороги вместо тогда здесь бывшей тесной и излучистой, проходившей мимо церкви Иоанна Богослова, что под Вязом, между Ильинскими и Никольскими воротами. Намерение это не было, однако, приведено в исполнение. В 1807 году часть стены против Воспитательного дома обрушилась на 2,5 сажени, а смежные рас-

трескались. На починку их потребовалось 190 тысяч рублей серебром. А. А. Беклешев еще в 1805 году предлагал сломать стену Китай-города с башнями от ворот Никольских до Москворецкого моста как ненужную и ветхую, а на ее месте сделать бульвары для гулянья, но император Александр I на это не согласился, желая сохранить все древние строения в Москве в их первобытном виде. Ров подле стены Китай-города был везде завален мусором. Его расчистили только в 1802 году. После 1812 года ров был засыпан и вся Китайская стена исправлена; оказалось, что площадь строений Китай-города занимает 45 десятин и находится на покатой местности от 5 до 16 саженьей высоты над уровнем реки. Незастроенной земли было втрое меньше застроенной. Строения все сплошные. Площадей — 5, улиц, от 4 до 8 саженьей шириной, узких в сравнении с высотой окружающих зданий, — 15. Торговых помещений втрое больше числа квартир, Китай-город есть наиболее скученно населенная местность всей Москвы. Жителей считается более 30 тысяч, домов более 2 тысяч. Сама стена имеет в окружности

975 саженой. Стена построена из кирпича красного цвета. Правительница Софья приказала ее выкрасить в белый цвет.

Ворота Китай-города. При закладке Китайской стены были устроены четыре башни, которые и образовали четверо ворот.

Сретенские — ныне Никольские. Эти ворота именовались Сретенскими, вероятно, потому, что вели к Сретенскому монастырю, а впоследствии названы Никольскими потому, что находятся недалеко от Никольских кремлевских ворот и от церкви Николая Чудотворца Большой Крест и, наконец, вблизи Никольской улицы.

Троицкие — ныне Ильинские. Название этих ворот Троицкими происходило скорее всего оттого, что через них обыкновенно государи наши хаживали к Троице (из Спасских ворот). Тут же было Троицкое подворье, а за воротами простиралась земля, принадлежавшая Троицкой лавре и известная тогда под названием Троицкой площади. Впоследствии (со времен царя Алексея Михайловича) ворота названы Ильинскими по совершаемому через них 20 июля из Кремля крестному ходу

сперва к Илье Пророку, что на Новгородском подворье, а потом к Илье Пророку, что на Воронцовом поле, в память о прекратившейся в этот день в один из голодных годов при царе Алексее Михайловиче засухе.

Всесвятские — ныне Варварские. Прежнее наименование Всесвятских было дано воротам, вероятно, потому, что недалеко от них находится церковь Всех Святых (на Солянке). Новое же название происходит от церкви Варвары Великомученицы.

Косьмо-Дамианские. Ворота эти так именовались по церкви Косьмы и Дамиана, находившейся вблизи. Ворота эти находились против самого угла Воспитательного дома и вели на так называемую Великую улицу, составляющую набережную от Воспитательного дома до Каменного моста. Ворота эти заложены при царевне Софье Алексеевне.

С течением времени появились и новые ворота: Владимирские, прямо с Никольской ведущие на Лубянскую площадь, Новоникольские, находящиеся между старыми Никольскими и Ильинскими воротами, и Москворецкие, ведущие прямо на мост через Моск-

ву-реку. Теперь у этого моста оканчивается стена Китай-города и не сообщается с Кремлем, а вместо ворот давно сделана прямая проезжая улица (Москворецкая) на мост, называемый тоже Москворецким[127].

Воскресенским воротам, как воротам, имеющим для Москвы особенное значение, мы посвящаем следующую статью с описанием святой иконы Иверской Божьей Матери.

Воскресенские ворота и Иверская часовня. Воскресенские ворота устроены гораздо позже возведения Китайской стены. Устройство их относится к 1680 году, т. е. к царствованию Федора Алексеевича, который, устраивая ворота, повелел поставить над ними вместе с другими иконами и икону Воскресения Христа. По этой иконе, вероятно, и ворота названы Воскресенскими, хотя, по уверению других, название свое ворота получили от бывшего Воскресенского монастыря[128]. Название это, впрочем, укоренилось не ранее первой половины XVIII столетия. Прежде они назывались Курятными — от находившегося вблизи Курятного ряда, Неглинными — от протекавшей перед самыми воротами речки

Неглинной, Львиными — от находившегося тут, по левую сторону от проезда, Львиного двора, огороженного надолбами. (В этом дворе содержались львы, присланные в дар Ивану Грозному из Англии, а позднее — из Персии.) Наконец, в простонародье — от чудотворной иконы Иверской Божьей Матери ворота именуются Иверскими и Святыми.

При первоначальной постройке стены Китай-города здесь была башня хотя и с воротами, но непроезжими. Въезд был в Кремль с этой стороны через Троицкие или Боровицкие ворота.

Воскресенские ворота сложены из крепостного тяжеловесного кирпича с железными связями и закрепами. В толстых стенах у обоих проездов еще остались железные пробои от двойных ворот, а в арках прорезы для опускаемых решеток, коими запирались эти проезды. Под зубцами воротных стен еще уцелели стоки, через которые осажденные лили на неприятелей кипяток и растопленную смолу, серу и свиней. В двухъярусных палатах и в двух над ними восьмигранных башнях помещались прежде огнестрельные орудия, или

так называемый «огненный бой», и стояли пушкари и стрельцы на случай нападения врагов и осады. Амбразуры, или пушечные и мушкетные бойницы, обращены потом в окна.

С этого же места начали строить и стену Китай-города, как удостоверяет Синодальная летопись под 1534 годом: «... нача строить по Неглинке вверх к Троице, где ся поля били», т. е. к церкви Св. Троицы, что в Полях, где бывали судебные поединки.

Подобно другим укреплениям Китай-города во время Смутного времени ворота испытывали разные повреждения: углы и зубцы ворот расселись и обломались, кровля снесена бурей, В то время у ворот находились пушечный ядерный навес, караульная пушкарская изба, Земский приказ, государев Сытный двор и двор воротников (сторожей). Львиный двор находился на том месте, где была временная тюрьма, Перед самыми воротами протекала речка Неглинная, через которую был перекинут деревянный мост на каменных клетках, обставленный по обеим сторонам мелочными лавочками и харчевнями. Те и другие на-

ходились также и у самой стены по правую сторону.

В царствование Федора Алексеевича ветхость Воскресенских ворот увеличилась до того, что он нашел необходимым перестроить их заново, что и было исполнено в 1680 году, при этом ворота сделались подобно другим проездными для всех жителей Москвы. Кроме св. иконы Воскресения Христова на загородной стороне от Земского приказа по указу царя над воротами изображены были «добрым письмом» в киотах Преподобный Сергий, Великомученик Георгий, св. Федор Стратилат и московские святители Петр и Алексей. А в середине въездов, у башенной стены, поставлена в часовне чудотворная икона Св. Вратарницы Афонской, Иверской Божьей Матери.

Предки наши, поручая входы и выходы города охранению святых, обыкновенно осеяли верхи их иконами.

По сказанию софийского летописца, новый город (Китай-город) поручен был охранению Пресвятой Богородицы и великих чудотворцев Петра и Алексия.

В 1727 году сенатский обер-секретарь

И. Кирилов так описывает Воскресенские ворота: «Первые городовые ворота Воскресенские на Тверскую улицу с двумя проездами; над ними палаты с двумя башнями: длиной 11 саженей, шириной 4, высотой 12 саженей».

Во время пожара 1737 года, охватившего почти всю Москву, сделалось жертвой пламени не только это здание, но и смежные с ним: Приворотная палата, палата Главной московской аптеки, Монетный двор и даже сам Воскресенский мост через Неглинную со всеми мелочными лавочками и харчевнями. Монетный двор, или пробирная лаборатория Монетного двора, помещался в палатах верхнего шпица ворот при императрице Анне Ивановне[129].

При возобновлении ворот после пожара, хотя и сделаны в их фасаде некоторые изменения, но главная их форма, данная постройке в царствование Федора Алексеевича, сохранена почти вполне. Не были поставлены только иконы.

Часовня для иконы Иверской Божьей Матери была устроена впервые в 1669 году, куда икона и поставлена в том же году 19 мая. При

перестройке ворот в 1680 году для часовни сделана была на внешней стороне ворот пещера в стене между двух проездов и к ней пристроена деревянная хранилища с чуланом. Эту часовню приписали к Николо-Перервинскому монастырю.

Хотя синодальным указом 1722 года и уничтожены были почти все часовни в Москве, но Воскресенская часовня по особенному благоговению народа к чудотворной иконе Иверской Божьей Матери осталась неприкосновенной. В делах Коллегии экономии 1742 года часовня описывается так: «При Курятных воротах часовня в стене, убранная столярной работой; при ней деревянный чулан». В царствование императрицы Екатерины II в 1791 году часовня перестроена, а при императоре Александре I благолепно украшена.

Главнейшей достопамятностью и бесценным украшением Воскресенских ворот является, несомненно, чудотворная икона Иверской Божьей Матери.

История этой иконы следующая. В Москву она привезена 13 октября 1648 года благодаря стараниям Никона, который был еще тогда

архимандритом Новоспасского монастыря. Икона была встречена у Воскресенских ворот царем Алексеем Михайловичем со всем семейством, патриархом московским Иосифом с духовенством, боярами и бесчисленным множеством народа. Ее поставили сначала в монастыре Николы Старого на Никольской улице, потом в Успенском соборе, откуда 15 мая 1654 года, как видно из дворцовых записок, благочестивый царь Алексей Михайлович дал икону в напутствие своему воинству, шедшему против польского короля. Потом царь повелел перенести икону к Неглинным воротам Китай-города, где, как уже сказано выше, была построена для этой цели часовня. Икона эта есть точный список с чудотворной иконы Иверской Божьей Матери, находящейся на Афонской горе. Чтобы сделать копию, Никон послал на Афон архимандрита Пахомия. Она была сделана. Препровождая ее из Цареграда в Москву от патриарха Парфения, иверские старцы прислали письмо, в котором сообщали, как писалась икона. Братия совершила великое молебное пение, длившееся с вечера и до утра, святили воду и обливали ею

чудотворную икону Пресвятой Богородицы. Затем, собрав святую воду, они ею же обливали новую доску, сделанную из кипарисного дерева, и, снова собрав святую воду, служили литургию, после чего дали ее иконописцу, священнику Иамвлиху Романову, который смешал ее с красками, заготовленными для написания иконы. Во все время писания иконы Романов принимал пищу только в субботу и воскресенье, а братия служила по два раза в неделю всенощные и литургии. «И та икона не рознится ничем от первой иконы, ни длиною, ни шириною, ни ликом, — одним словом, новая, аки старая». О появлении же подлинной чудотворной иконы рассказывается так. В IX веке от Рождества Христова в Византийской империи во времена иконоборства недалеко от города Никеи жила одна благочестивая вдова. У нее в доме была почитаемая ею икона Божьей Матери. Когда и она подверглась преследованию со стороны гонителей святых икон, то вдова ночью взяла икону Богоматери и пошла с ней на берег моря. Там, помолившись со слезами о спасении своем и самой иконы, опустила ее в волны. К душев-

ному утешению благочестивой вдовы, икона та не пала на воду, как обыкновенная доска, а стала прямо и понеслась по волнам. После такого чудесного отплытия святой иконы сын вдовы укрылся от гонителей в Солуни, а впоследствии поступил на Афонскую гору в монастырь и там, рассказав братии о святой иконе, вверженной в море, после многолетних иноческих подвигов скончался. Повествование же его о святой иконе Богоматери в течение почти двух веков хранилось между обитателями Афонской горы в предании. Наконец однажды иноки Иверской обители на Афонской горе увидели на море огненный столб, касавшийся своей вершиной неба. Это явление обратило на себя внимание всех. После неоднократных наблюдений увидели, что огненный столб стоит над иконой Божьей Матери. Иноки хотели приблизиться и взять чудотворный образ, но их усилия были напрасны: чем более они приближались к ней, тем далее она отплывала в море. В это время благочестивому старцу Иверской обители на Афоне Гавриилу в сонном видении явилась Пресвятая Богородица и сказала: «Возвести

настоятелю и братии, что я хочу дать им икону Мою в покров и помощь, потом войди в море и ступай с верою по волнам за иконою». Сказав об этом видении утром настоятелю и братии, старец Гавриил, сопровождаемый монахами обители с молебным пением, пошел на берег моря и, шествуя по воде как посуху, сподобился принять в свои руки образ Богоматери. Братия Иверской обители, встретив икону со слезами радости и умиления, три дня и три ночи неусыпно молилась перед ней с молебным пением, а затем поставила ее в соборную церковь в алтарь [130].

Когда подлинный список с иконы Иверской Божьей Матери был прислан в Москву, то с нее тогда же сняли точные списки для царя, царевен, патриарха и некоторых бояр. Необходимо заметить, что икона была прислана для предполагавшегося к постройке на Валдайском озере монастыря во имя чудотворной иконы Иверской Божьей Матери. В 1652 году монастырь был устроен, и в нем также находится список с упомянутой иконы [131].

Сто сорок три года святая икона Иверской

Божьей Матери находилась в устроенной для нее часовне у Воскресенских ворот, но в 1812 году она была вывезена из Москвы. Перед самым вступлением неприятеля в Москву эта святыня около полуночи взята была из часовни и вместе с чудотворной иконой Владимирской Божьей Матери вывезена викарием московской митрополии Августином сперва во Владимир, потом в Муром. Оттуда, вскоре по выходе неприятеля из Москвы, икона снова возвращена была древней столице и 10 ноября того же года ее перенесли с крестным ходом на прежнее место.

Икона эта, как уже сказано, есть точный список с Иверской на Афоне по своей величине и рисунку. На правой ее ланите изображена язва, нанесенная лику одним варваром: она источала кровь. На полях иконы по-гречески начертано: «Вратарница Иверская, милостивая».

Золотая риза на иконе сделана при императрице Елизавете Петровне в 1758 году за счет вклада доброхотных деталей художником Василием Кункиным. Вместо этого золотого оклада в 1790 году по содействию и бла-

гословению московского митрополита Платона устроена богатейшая золотая риза с венцами весом 27 фунтов 59,5 золотника. Кроме того, этот чудотворный образ украшен жемчугом и драгоценными камнями, которые от приношения усердствующих умножаются с каждым годом. Перед иконой теплится множество золотых и серебряных лампад[132].

Чудеса, которыми прославилась икона, внесены в рукописную книгу, хранящуюся при часовне. По сторонам иконы находятся образа Спасителя, Николая Чудотворца и других. В память явления этой святой иконы празднество совершается во вторник на Святой неделе и 12 февраля. В часовне — архитектуры самой простой, незатейливой, могущей вместить не более 50 человек, — почти непрерывно служат молебны. Редкий проходящий в город не зайдет в часовню для поклонения святой иконе. Отправляется ли кто в дорогу, приезжает ли в Москву, приступает ли к важному делу — всякий считает священной обязанностью просить благословения у Заступницы рода христианского. В скорби, в беде — каждый москвич молит о Ее заступни-

честве, в радости — он спешит благодарить Заступницу. Все болящие, терпящие разные неправды и напасти призывают святыню в свои дома для молитвословия, для освящения жилищ своих и для уврачевания недугов.

На общественные молебствия, в торговых рядах, улицах, площадях и проч. икона Иверской Божьей Матери постоянно поднимается вместе с другими чтимыми в Москве иконами. В память изгнания неприятеля из Москвы в 1812 году 13 октября ежегодно совершается крестный ход: шествие отправляется из Кремля к Иверской часовне, берет оттуда святой образ, который и обносится вокруг кремлевских стен. Таким образом, Воскресенские ворота, прославленные присутствием святой иконы Иверской Божьей Матери, сделались отрядным перепутьем для всех верующих.

Но ворота были ознаменованы и другими замечательными событиями. Когда Петр Великий по окончании славной шведской войны целый месяц праздновал в 1721 году Ништадтский мир, то через Воскресенские ворота происходил торжественный въезд царя. Триумфальное шествие это состояло из целой

флотилии, устроенной наподобие настоящей, с распущенными парусами, при звоне колоколов всей Москвы, при громе пушек, при звуках музыки, с которыми сливались радостные восклицания народа. У ворот царь-победитель был встречен духовенством, сенаторами и генералитетом. Тут же в честь его говорились речи и юноши в белых одеждах пели песни и кантаты.

В этих же воротах, убранных наподобие триумфальных, встречало знатнейшее духовенство и Сенат юного императора Петра II, императриц Анну, Елизавету и Екатерину II, прибывших из новой столицы в древнюю для восприятия святого миропомазания на царство. С тех пор наши императоры, шествуя в древнюю столицу для коронования, останавливаются у часовни и с благоговением прикладываются к чудотворной иконе. В 1775 году в Москву прибыла торжествующая Екатерина II праздновать мир, заключенный весьма выгодно для России с Турцией. К торжественному шествию императрицы Воскресенские ворота были украшены символическими изображениями в духе и вкусе того време-

ни, В этих изображениях олицетворялись великие и знаменитые события царствования Екатерины.

К коронации императоров Павла I и Александра I знаменитый декоратор Гонзаго великолепно украшал Воскресенские ворота живописными картинами, пилястрами и аллегорическими фигурами. Эти ворота были свидетелями и своего рода карательного правосудия.

Однажды Петр Великий ехал ночью в крытых пошевнях мимо Воскресенских ворот. Тут он встретил боярский рыдван в шесть лошадей, который опрокинул розвальни соборного дьякона. Вместо того чтобы подать помощь дьякону и пособить ему поднять розвальни, боярская прислуга стала бить дьякона кнутом. Государь вступился за обиженного. Слуги боярские не узнали царя.

— Что там еще за черт едет в коробе? — закричали они.

— Не ровен черт в коробе едет! — ответил государь и тотчас же приказал своему денщику поднять опрокинутого дьякона, а боярского кучера и форейтора отколотить палкой. На

другой день поутру государь послал денщика к боярину со строгим выговором за потворство холопам и с приказанием наказать виновных.

У этих же ворот, где был прежде выход из знаменитой «ямы»[133] с железной дверью и решеткой, в течение двух месяцев в 1775 году был заключен самозванец Пугачев, скованный по рукам и ногам. Толпы народа сходились к Воскресенским воротам смотреть этого злодея, ужасного и в оковах. Когда он ими потрясал, то женщины, упрекавшие его за убийство кровных своих, падали в обморок. Отсюда же злодей повезен был на казнь[134].

Так в течение более чем двух столетий Воскресенские ворота были безмолвными свидетелями благочестия, и правосудия, и народной любви к государям и отечеству. Хотя им и суждено было разделить печальную участь древней столицы в пожар 1737 года и в нашествие врагов в 1812 году, но они вскоре возобновлялись, и мерзость временного запустения не нарушила их священного значения.

В заключение описания Воскресенских ворот сообщим, при каких условиях соверша-

лась постройка Иверской часовни.

До коронации императрицы Елизаветы Петровны[135] Иверская часовня имела вид деревянного чулана. По случаю восшествия государыни в Москву Иверская часовня, почти полуразвалившаяся, была сломана, и икона Божьей Матери оставалась здесь на открытом месте.

В 1745 году, 23 октября, игумен Перервинского монастыря Виктор с братией просили консисторию «для охранения иконы от дождя и снега дозволить вместо бывшего деревянного чулана устроить каменный приделок». Консистория определила, что «у показанных Воскресенских ворот перед образом Иверской Пресвятой Богородицы для охранения, дабы от снега тому образу повреждения не было, вместо бывшего деревянного каменный приделок построить надлежит. Понеже 1) оный и разобрать ведено было на время; а чтобы впредь ему не быть того не показано, и 2) место то, в котором оный св. образ имеется, весьма не пространно, а без того приделка конечное от мокроты св. образу повреждение быть может; да и 3) богомольцам, в котором

числе для моления и подъема того св. образа в дома христоролюбивых, жителей много есть знатных особ, во время ненастных дней приставать негде; 4) оный приделок строить повелено было самым добрым мастерством, под присмотром архитектора. Из чего может тем Воскресенским воротам прибыть красота».

Определение консистории утверждено Московской Святейшего Синода конторой и сообщено о дозволении построения вновь Иверской часовни в Полицмейстерскую канцелярию. К постройке часовни было приступлено весной следующего года.

Крестим Китай-города. Крестцами в Китай-городе назывались те места, где находились особые часовни, в которых приводили к крестному целованию народ в особенно важных случаях, а также объявлялись царские и патриаршие указы. Сюда же привозили трупы безродных тюремных узников, умерших в тюрьме или под пытками, для сбора денег на их погребение. Перед Семиком на эти же крестцы вывозили из убогих домов содержащихся там подкидышей, и там их брали на воспитание бездетные супруги[136].

Таких крестцов в Китай-городе было три: Никольский, Ильинский и Варварский.

Никольский крестец (часовня) находился при церкви Николы Старого Греческого монастыря. Часовня эта была особенно чтима в народе. Перед образом Николая Чудотворца теплится неугасимая лампада, а в прежнее время горела неугасимая поставная свеча. Тогда между обывателями существовал обычай ежедневно в сумерки брать огонь из часовни Св. Николая и им зажигать свечи и ночники в своих домах. Обычай этот наблюдался до начала XVIII столетия.

Ильинский крестец получил свое название от Ильинского монастыря, что стал церковью Пророка Ильи, что на Новгородском подворье. Он простирался от Ильинского моста (через ров у стены Китай-города) и до Фроловских (Спасских) ворот или даже до Лобного места. На этом крестце по установившемуся обычаю собирались безместные попы и дьяконы, и сюда присылали обыватели нанимать их в свои церкви для совершения церковных служб. Эти духовные лица вели себя крайне неприлично, бранились между собой

и делали разные бесчинства, вследствие чего против этого обычая восставали многие из высших духовных лиц, но долго их усилия оставались безуспешными. Обычай прекращен был только в XVIII столетии. У Ильинского крестца производились также и торговые казни, которые указом 1685 года переведены отсюда на Красную площадь.

Варварский крестец получил свое название от церкви Св. Варвары. Тут в старину продавались знахарями и знахарками разные целительные травы и заговаривались разные болезни.

С течением времени значение крестцов исчезало: крестное целование прекратилось, подкидышей со времен Петра Великого туда не привозили, наемных попов и дьяконов туда не пускали, знахарей и знахарок прогнали. В начале XVIII столетия оставались только одни часовни, которые тоже были уничтожены синодальным указом 1722 года, за исключением одной Никольской, и крестцы остались в одних только воспоминаниях народа да в исторических актах.

Красная площадь

Взору того, кто выходит из Кремля через Спасские или Никольские ворота, представляется огромнейшая и знаменитая Красная площадь [137]. По важности случавшихся на ней исторических событий она заслуживает особого внимания. В течение своего долгого существования она была немой свидетельницей многочисленных и разнообразных событий. Тут собирались полчища татар, поляков и осаждали стены Кремля. При этом воспоминании воображению представляется, как предки наши в полном вооружении стояли на стенах за зубцами и с хладнокровным мужеством отражали нападения неприятеля. Тучи стрел летели в Кремль, трупы убитых падали со стен, но храбрые не ослабевали и в свою очередь поражали врагов, подступавших к стенам, трупами их устилали площадь и нередко принуждали к отступлению. Так отступили, покрыв площадь телами своих воинов, Ольгерд, князь литовский, Эдигей, казанцы и крымский хан Махмет-Гирей.

Через несколько столетий новое беспри-

мерное в летописях событие увековечило эту площадь.

В первый год самостоятельного правления государством Ивана Грозного в Москве случилось страшное несчастье. 21 июня 1547 года почти вся Москва была опустошена пожаром. Он начался с церкви Воздвижения на Арбате. При сильном ветре огонь распространился очень быстро до Москвы-реки. Отсюда он был занесен бурей в Кремль, где загорелись Успенский собор, царский дворец, Казенный двор и Благовещенский собор. Царь с супругой, братом и боярами удалились в Воробьеве. Кремль был опустошен. Народ приписал этот пожар волшебству и взбунтовался[138].

К царю в то время явился известный пресвитер Сильвестр и подействовал на совесть царя, который перед этим бесчинствовал над псковичами, явившимися с жалобой на наместника Турунтая. Царь обливал жалобщиков горячим вином, палил их бороды и волосы огнем и потом положил их нагими на землю. Это было в селе Острове. Когда царь возвратился из Острова в Москву, то сперва упал с колокольни благовестный колокол, а затем

разразился пожар[139].

Увещания Сильвестра повлияли на царя. Он предался своему новому наставнику. После пожара царь несколько дней провел в уединении, потом созвал святителей, покаялся перед ними в своих грехах и причастился Св. Тайн. Не довольствуясь этим, он захотел перед всем народом излить свою душу и для этого приказал созвать выборных от всей земли Русской. Когда выборные съехались, царь, воспользовавшись первым воскресным днем, вышел после обедни в сопровождении духовенства, бояр и воинской дружины на Красную площадь и сказал с Лобного места, обращаясь к митрополиту Макарию, следующую речь: «Молю тебя, святой владыко! Будь мне помощником и любви поборником; знаю, что ты добрых дел и любви желатель. Знаешь сам, что я после отца своего остался четырех лет, после матери осьми; родственники о мне небрегли, а сильные мои бояре и вельможи обо мне не радели и самовластны были, сами себе саны и почести похитили моим именем и во многих корыстях, хищениях и обидах упражнялись, аз же яко глух и не слышах и

не имый в устах моих обличения, по молодости моей и беспомощности, а они властвовали. О, неправедные лихоимцы и хищники и судьи неправедные! Какой теперь дадите нам ответ, что многия слезы воздвигли на себя? Я же чист от крови всей, ожидайте воздаяния своего!» Затем, поклонившись на все стороны, царь продолжал речь, обращаясь к земским выборным и народу: «Люди Божьи и нам дарованные Богом! Молю вашу веру к Богу и к нам любовь. Теперь нам ваших обид, разорений и налогов исправить нельзя вследствие продолжительного моего несовершеннолетия, пустоты и беспомощности, вследствие неправд бояр моих и властей, бессудства неправедного, лихоимства и сребролюбия; молю вас, оставьте друг другу вражды и тягости, кроме разве очень больших дел: в этих делах и в новых я сам буду вам, сколько возможно, судья и оборона, буду неправды разорять и похищенное возвращать!»

Кратка была речь царя, но он говорил ее сокрушенно, со слезами на глазах, укрепясь перед тем постом, молитвой и причастившись Св. Тайн. По словам современников, на-

род слушал царя в глубокой тишине, в умиленнии и рыдая, но едва царь кончил, как клики великой радости огласили всю площадь. Так могучие души величественно каются в своих великих прегрешениях — и мирят свою совесть с Богом и с совестью народа. К сожалению, Иван Васильевич впоследствии не удержался на высоте своего истинно царского раскаяния и предался новым злым прихотям своего испорченного в юности сердца. По его слову на той же Красной площади поставлено было 18 виселиц, запылали костры, закипели котлы со смолой, засверкали топоры, пыточные орудия и начались ужасные казни: это гибло 200 человек новгородцев 25 июля 1570 года, и это была четвертая эпоха казней Грозного...

В бедственное время вступления на престол самозванца буйные мятежники бесчинствовали здесь над святынями. Здесь же подстрекаемая Захаром Ляпуновым чернь изрекла приговор несчастному царю Василию Ивановичу Шуйскому, который перед тем на этой же площади чуть не был казнен по приговору самозванца, и тут же труп этого самозванца

лежал три дня и народ глумился над ним как хотел.

На Красной площади при царе Алексее Михайловиче происходили «семейственные судилища». Сам царь силой верховной власти своей поддерживал их. Судилища эти были таковы: если какой-либо гражданин преступал свои обязанности, то его сначала усовещали в кругу родных. Если увещания не действовали, тогда старцы призывали его на площадь, где перед лицом всего народа уличали в дурном поведении, снова пытались образумить и давали ему известный срок на исправление, а если и эта мера оказывалась недейственной, тогда снова на площадь являлись старцы-судьи и окончательно уличали и обвиняли преступника перед законом. В таком случае виновный лишался уже права на оправдание и милосердие.

На этой же площади во время вступления на престол Петра Великого неистовствовали стрельцы: поставили столб с надписью на нем имен всех убитых ими бояр и провозгласили Хованского отцем своим[140]. Но не прошло и нескольких месяцев, как на той же

площади были собраны те же раскаявшиеся стрельцы. Они шли с поникшими головами. Каждый отряд нес плахи и топоры на свои головы: они признавали свою вину перед царем, но не смели просить о пощаде и помиловании. Покорно и безнадежно шли преступники. Но при виде такого искреннего раскаяния великий царь вместо казни изрек для многих прощение, а других разослал на крепостные работы.

Происходило немало и других событий на Красной площади, но можно ли исчислить их! И в радости, и в бедствии жители московские стекались сюда послушать новости и узнать, что положено на думе царской. Красная площадь для нас — безмолвная история Москвы, нередко грустная, нередко радостная.

Обратимся теперь к другой стороне площади — к стороне обыденной, торговой.

Красная площадь — главный рынок города. В продолжение целого дня тут кишит народ, и вся она полна лавками, где можно было закупать всякие домашние потребности,

где женщины продавали преимущественно свои домашние изделия. Около самого Кремля было расставлено множество шалашей, рундуков, скамей, где мелочные торговцы продавали всякую всячину. Тут же был ряд винных погребов: в конце XVII столетия их было до 200; в одних продавались иноземные вина, в других — мед и проч. Торговали более всего съестными припасами. Мелочные рядские торговцы размещались, придерживаясь старинного обычая, и ставили пирожни, блинни, квасные кади и т. п. где вздумается, более всего на видных местах. Нынешних повинностей тогда не существовало, а были пошлины: мыти, сотое, тридцатое, десятое, свальное, складки, повороты, статейное, гостиное и другие мелкие, которые давно отменены и забыты. Указом от 4 сентября 1679 года повелено: «Всякими товары торговать в рядах, в которых коими указано и где кому даны места. А которые всяких чинов торговые люди ныне торгуют на Красной площади, и на перекрестках, и в иных неуказанных местах, поставя шалаша, и скамьи, и рундуки, и на веках[141] всякими разными товары: и те

шалаша, и скамьи, и рундуки, и веко с тех мест великий государь указал сломать и впредь на тех местах никому, ни с какими товары торговать, чтобы на Красной площади и на перекрестках стеснения не было».

На Спасском мосту (около Спасских ворот) [142] всегда массой стояли слепые, юродивые и нищие, распевая разные духовные притчи. Тут же был и картинный ряд лубочного произведения. Впоследствии, в елизаветинское время, на Спасском мосту один из букинистов начал производить торг древними книгами и рукописями. По уничтожении моста эта торговля перенесена была к Заиконоспасскому монастырю.

У этого же моста, как и на Ильинском крестце, толпились заштатные попы и дьяконы, нанимаясь служить в домовых церквях обедни и молебны.

На этой же площади, как уже сказано выше, с 1685 года происходили торговые казни и ходили «языки» (оговорщики) с закрытыми лицами, чтобы их не узнавали. На суконной маске их оставляли только небольшие прорезы для глаз, и от них толпами бежал народ,

ужасаясь их рокового восклицания «Слово и дело!». На кого они указывали, тех без суда брали в застенок и подвергали жестоким пыткам.

При царе Алексее Михайловиче против лавок на Красной площади были поставлены пушки. Тут же находился и самый разгульный кабак, называемый «Под пушками». Пушки жерлами были обращены на восток, откуда более всего ожидали нападения неприятеля. В конце XVIII столетия некоторые из этих пушек для пальбы в торжественные дни были перемешены в Кремль. За недостатком места пушки установлены были подле митрополичьего дома (потом Николаевский дворец). Платон Левшин, бывший тогда еще архиепископом, просил начальника Москвы, графа Брюса, перенести пушки в другое место, потому что во время пальбы в доме его и Вознесенском монастыре перебило много стекол, но просьба его без высшего разрешения не могла быть уважена. Пушки стояли на каменном фундаменте под железным навесом. Их убрали при Александре I, когда построена была Оружейная палата (потом ка-

зармы). Кабак «Под пушками» уничтожен был ранее.

Вблизи этих пушек в 1768 году, 18 октября, был устроен высокий эшафот, на котором была поставлена для позорища жестокая мучительница своих крепостных Дарья Михайловна Салтыкова, известная в народе как Салтычиха. Она была в саване, со свечой в руке, с листом на груди, на котором было написано: «Мучительница и душегубица».

На Красной же площади, близ Казанского собора, находилась особая площадка, на которой москвичи во время хорошей погоды сидели под открытым небом, брились и стриглись. Площадка эта, носившая название Вшивой, до такой степени была устлана почти всегда толстым слоем волос, что по ней можно было ходить, как по подушке.

На Красной же площади начались и первые публичные театральные представления.

По воле Петра был построен деревянный и довольно обширный театр («театрум и хоры», как говорилось тогда) между Спасскими и Никольскими воротами, почти у стены[143]. На случай пожара в «комедийной храмине» стоя-

ло два ушата воды, и следившим за порядком здесь подъячим Посольского приказа было предписано наблюдать, чтобы не было курения. Места в театре были четырех разрядов: первые стоили гривну, вторые — два алтына, третьи — пять копеек и последние — алтын.

Входные билеты, или, как их тогда называли, ярлыки, печатались на толстой бумаге. Ярлыки продавались в чуланах — небольших комнатах при театре. Для кассы было устроено два ящика: в один опускались полученные за вход деньги, а в другой — ярлыки. У собранных денег были приставлены сторожа, нанятые из посадских людей. Сбор с представлений в 1703 году (год основания театра) равнялся 406 рублям. В 1704 году — с 15 мая по 2 июня — 82 рублям 27 алтынам 4 деньгам. Сбор в летние долгие дни был значительно больше, чем в осенние, потому что публики было несравненно больше. В светлые вечера зрителям по воротам (за проход и проезд) не надо было платить, как в комедию, так и из комедии едучи. Для облегчения посетителей и увеличения театрального сбора 5 января 1705 года государь указал в дни, когда бывает коме-

дия, всех чинов людям ходить вольно и свободно через городские ворота по Кремлю, Китай-городу и Белому городу, до 9 часов ночи ворот не запирают и с проезжих указной по воротам пошлины не имеют, чтобы желающие ездили в комедию охотно. Но указ о вольном, бесплатном проезде в комедию не имел желаемого успеха, и «комедийная хранилища» пришла в запустение и была переведена на Печатный двор.

...Современники в то время смотрели на зарождающийся светский театр как на дело дьявольское и богопротивное, приговаривая: «С нами крестная сила!» Но по-другому думало тогда духовенство, составлявшее самый образованный класс, наиболее знакомый с литературой Запада. Студенты духовного училища при московском Заиконоспасском монастыре переводили на славянский язык французские и немецкие мистерии, заимствованные из Библейской истории, и разыгрывали их в трапезах и рекреационных залах. Лучшими из этих пьес были «Эсфирь и Агасфер», «Рождество Христово», «Кающийся грешник» и «Христово Воскресение». Первая из этих

пьес впоследствии по повелению Елизаветы Петровны игралась в Великий пост в Придворном театре.

Публичные представления на Красной площади в конце 1704 года на время прекратились. В том году Яган Куншт, этот предтеча антрепренеров, бежал из Москвы, не заплатив жалованья никому из своих служащих. Несчастные его комедианты принуждены были просить, чтобы для уплаты им Кунштова долга взять в казну принадлежащие его театру гардероб и другие вещи. Казна согласилась, и тогда появилось следующее объявление об аукционе: «Продаются театральные украшения, принадлежащие директору немецких комедиантов Ягану Куншту, убоявшемуся нашего градского начальства наказания, за сочиняемые им и играемые на публичном театре пасквильные комедии, уехал из России инкогнито, не заплатя никому жалованья, по сему резону и объявляем, что продажа сия делается на уплату долгов комедиантов».

После Куншта театр на Красной площади перешел в руки Отто Фюрста. Представления

у Фюрста чередовались: русские давались по воскресеньям и вторникам, а немцы играли по понедельникам и четвергам. Немецкая труппа давала по большей части так называемые пьесы «на случай». Так, например, ей поручалось поставить драматическое представление на случай взятия русскими Нотебурга (Орешка). На русском языке были играны следующие пьесы: «О Франталисе Эпирском и Мирандоне, сыне его», «О честном изменнике», «Тюрьмовый заключенник, или Принц Пикельгяринг», «Доктор принужденный». Пьесы эти имели все театральные эффекты и ужасы: сражения, убийства, отравления и проч. По обыкновению, в пьесах были и смешные сцены, где шут Пикельгяринг[144] сыплет грязные площадные шутки, поет куплеты.

Афиши о представлениях разносили знатным людям сами актеры. Говорят, что один из актеров придумал было даже извлекать из этого выгоды, выпрашивая вознаграждение, за что и был наказан батогами. Афиши были печатные и так называемые перечневые. Последние печатались для объяснения публике

содержания и хода представления.

Новому антрепренеру Отто Фюрсту было отдано несколько русских учеников в науку.

Об этих русских актерах сохранился интересный документ, относящийся к 1705 году, рисующий как ту эпоху, так и состояние тогдашнего Драматического искусства. Вот этот доклад начальству:

«Ученики комедианты русские без указа ходят всегда с шпагами, и многие не в шпажных поясах, но в руках носят и непрестанно по гостям в ночные времена ходя пьют. И в рядах у торговых людей товары емлят в долги, а денег не платят. И всякие задоры с теми торговыми и иных чинов людьми чинят, придираясь к бесчестию, чтоб с них что взять нахально. И для тех взяток ищут бесчестий своих и тех людей волочат и убыточат в разных приказах, мимо государственного посольского приказу, где они ведомы. И, взяв с тех людей взятки, мирятся, не дожидаясь по тем делам указу, а иным торговым людям бороды режут для таких же взяток».

В таких злокозненных деяниях особенно обличался актер Василий Теленков, он же Шмага. По посланному на него доносу к боярину графу Головину, второму директору русского театра[145], вышла следующая резолюция: «Комедианта пьяного Шмагу, взяв в приказ, высеките батогами».

В 1704 году в труппе Фюрста женские роли исполняли две женщины: девица фон Велих и жена доктора Паггенкампа, которая в русских документах просто переделана в Поганкову. Первая жалованья получала 150 рублей, вторая — 300. Русским же ученикам — комедиантам положено было жалованье, «смотря по персонам: за кем дела больше — тому дать больше, а за кем дела меньше — тому меньше».

По случаю смерти директора театра графа Головина в 1706 году второй антрепренер театра на Красной площади, бывший золотых дел мастер Фюрст, принимал участие в церемонии его похорон. Церемония эта отличалась необыкновенной пышностью, и актерам по этому случаю были выданы из театрального платья «латы добрыя всея воинския одеж-

ды и с поручи и с руками».

При другой, тоже пышной, церемонии по случаю Полтавской победы в Москве было построено несколько триумфальных ворот, и на одних, именно на Красной площади, устроены были декорации из «комедийной храмины». В торжестве участвовали актеры.

Взглянув на прошлое Красной площади, перейдем к истории Лобного места, которое с площадью имеет нераздельное общее, представляя, однако, самостоятельное значение в государственной жизни Москвы, а с ней и всей России.

Лобное место

Впервые Лобное место упоминается в нашей истории в том случае, когда царь Иван Васильевич просил прощения у земли Русской и обещал быть судьей и обороной своих подданных, и с этих пор оно делается священным местом для народа. Почему оно названо Лобным?

В этом памятнике и названии представляется нам подобие иерусалимского Лобного, или Краниева, места. Голгофы, и значение еврейской Гаввафы, или Лифостротона, т. е. возвышения, вымощенного камнем. Там объявляли и исполняли приговор обвиненному. В московском Лобном месте соединено значение иерусалимского Краниева места и Лифостротона, так как оно, как подобие крестного жертвенника, освящалось молебствиями и благословениями святителей и вместе было судебским трибуналом, царским троном и кафедрой[146]. В святом граде оно заимствовало свое имя, как полагают, или от сходства холма со лбом, кранием (черепом человеческим), или от поверженных там черепов, или, по

преданию всего Востока, от Адамовой головы, там погребенной. В Москве оно сооружено на взлобье горы, у позорища казней, где также валялись лбы (головы) преступников. Как в Иерусалиме Лобное место возвышалось перед одними из шести городских ворот, за которыми по исконному обычаю на Востоке исполнялись приговоры суда, так и в Москве оно сооружено перед одними из шести главных ворот Кремля. Тут очевидно подражание святым местам Иерусалима, так как московские великие князья и цари, получая сведения о святых местах святого города, хотели и в своей столице видеть подобие и название таких памятников.

При первом взгляде на Лобное место является вопрос: когда и по какому случаю сооружено оно в Москве среди городского торга? История не дает на это решительного ответа. Но, надо полагать, оно создано самим народом, который издавна привык решать свои дела на торгах. Вероятно, там не раз собирался народ на вече, как это было, например, в 1382 году при нашествии Тохтамыша, когда великий князь выбыл из Москвы набирать

войско и народу пришлось решать судьбу свою большинством голосов. Чтобы обратиться кому-либо к народу, необходимо было возвышенное место — и это возвышенное место соорудилось.

Лобное место именуется иногда в старинных актах царевым. Это, без сомнения, потому, что с него возвещался царев суд, который почитали выражением Божьей воли[147]. Таким образом, Лобное место бывало свидетелем сближения царя с народом: на него восходил государь, чтобы говорить со своими подданными. Это была царская кафедра, царский трибунал.

На чертеже Москвы времен Федора Борисовича Годунова этот городской амвон объясняется так: «Налобное место, или возвышенный помост, конклав, построенный из кирпича; там во дни молебствий патриарх возглашает некоторыя молитвы, также объявляются царские указы».

По свидетельству Майерберга, «там совершались торжественно священные обряды, обнародовались царские указы и царь, или боярин его, обращал слово свое к народу». Олеа-

рий называет Лобное место «театром прокламаций» (местом ораторских речей). Польские послы в своем донесении королю в 1671 году при описании этого места замечают, что здесь государь раз в год являлся перед народом. Здесь же объявлялся народу наследник престола, когда ему исполнялось 16 лет. Это подтверждает и английский доктор царя Алексея Михайловича Самуил Коллинс, приехавший в Россию в 1659 году. Он говорит: «Когда царевичу исполнится 15 лет, его ведут на площадь и ставят на возвышенное место, чтобы весь народ его видел и тем мог предохранить себя потом от обмана, ибо в России являлось много самозванцев. До сего обряда царевича видят только приставленный для его воспитания и некоторые из главных прислужников»[148].

Этими действиями весьма ясно оправдывается название Лобного места царевым.

На Лобном месте совершались некоторые церковные обряды. Издревле, например, там останавливались крестные ходы в своем шествии, и архиерей с запрестольными крестами и святыми иконами восходил на Лобное

место, обставляемое тогда хоругвями, и после сугубой ектеньи осенял предстоящих животоворящим крестом на четыре стороны.

Но самым торжественным и великолепным из церковных обрядов, совершавшихся на Лобном месте, был обряд шествия митрополита, а впоследствии патриарха на осле в неделю Ваий.

Обряд этот совершался в подражание входу Иисуса Христа в Иерусалим. До литургии ход отправлялся из Успенского собора через Спасские ворота к церкви в Покровском соборе, символизировавшей вход в Иерусалим. Облеченный святительским саном, патриарх оттуда с освященным собором, сопровождаемый царем и его приближенными, следовал на Лобное место и там раздавал освященные им вербы и вайи царю, архиереям, боярам, окольниковым и думным людям. В продолжение чтения Евангелия протодиаконом приводили к подножию Лобного амвона белого коня, снаряженного наподобие осла. Сев на него боком, патриарх с Евангелием в одной руке и с напрестольным крестом в другой ехал через Спасские ворота к Успенскому собору, а «ос-

ла» вел за повод сам царь, а иногда боярин. На пути шествия патриарха (длиной 234 сажени) сто отроков постилали красные сукна и по примеру еврейских детей, встречавших Иисуса Христа в шествии Его в Иерусалим, бросали к стопам иерарха сорванные с себя одежды. В этом шествии на великолепных санных белые кони везли огромную вербу, украшенную искусственными цветами и плодами. Перед патриархом и царем дьяконы пели евангельские стихи, а певчие правого и левого клироса повторяли их попеременно, и голоса их сливались со звоном колоколов. На Спасском мосту стояли шесть кадок с богато убранными вербами и при них малые певчие. С приближением святителя они восклицали: «Осанна! Благословен грядый во имя Господне!»

Такое торжественное шествие останавливалось у южных дверей Успенского собора, в котором патриарх служил божественную литургию.

С кончиной последнего патриарха отправление такого обряда в неделю Ваий прокрашено, но воспоминание о нем долго сохраня-

лось в ежегодной выставке и продаже разукрашенной вербы около Лобного места в Лазареву субботу. Гулянье это, как мы уже говорили ранее, началось в царствование императрицы Анны Ивановны.

Помимо выше описанного обряда Лобное место было свидетелем и других событий, имевших влияние не только на судьбу Москвы, но и на судьбу всей России.

На вершине Лобного места в 1606 году поставлены были для чествования и поклонения святыи мощи порфирородного мученика царевича Дмитрия, принесенные в Москву из Углича. Там же после освобождения Москвы в 1612 году от поляков и литовцев русские воеводы князь Пожарский и Трубецкой, придя из Белого города с воинством, совершили благодарственное молебствие и затем вступили в Кремль, очищенный от врагов. На Лобном же месте был положен коней всяким смутам и неурядицам, порожденным появлением самозванцев, избранием на царство Михаила Федоровича Романова. После продолжительных совещаний духовенства, бояр и чинов на Троицком подворье в Кремле посланы были отту-

да на Лобное место рязанский архиепископ Феодорит и боярин Морозов возвестить собравшемуся народу об избрании Михаила. При этом известии народ воскликнул единогласно: «Да будет царь и государь Московскому государству и всей Московской державе!» Там явился царь Алексей Михайлович, когда чернь восстала против бояр и когда молва разгласила, «будто они продали Москву иностранцам». Кроткий государь успокоил народ милостивым и ласковым словом.

При Алексее же Михайловиче на Лобном месте стояли мощи священномученика Филиппа, возвращенные Москве из Соловецкого монастыря. Патриарх Никон вместе с царем Алексеем Михайловичем встречал на Лобном месте в 1654 году присланный от константинопольского патриарха чудотворный образ Влахернской Божьей Матери.

В 1682 году раскольники под предводительством Никиты Пустосвята требовали собора на Лобном месте. После тщетных словопрений в Грановитой палате с патриархом Иоакимом и царевной Софьей о старой вере раскольники самовольно вошли на Лобное

место со своими иконами, книгами, налоями и зажженными свечами в руках и с камнями за пазухой. Они читали там во всеуслышание собравшемуся на площади народу защищение своих верований и опровержение нововведений Никона...

После пожара Москвы в 1812 году, когда еще стены столицы покрывал свежий пепел и не остыли следы врагов, преосвященный Августин осуществил водосвятие на Лобном месте, окропил святой водой город на все четыре стороны и возгласил: «Вседействующая благодать Божия кроплением святой воды освящает град сей, богоненавистным в нем пребыванием врага нечестивого, врага Бога и человеков, оскверненный!» Через восемнадцать лет после того явился в Москве тайный, но опасный враг, похищавший сотнями людей каждый почти день. Это была холера. Она поселила в городе ужас и уныние: все страшились внезапной смерти, многие готовились к ней, напутствуя себя святыми таинствами. Город был оцеплен, по улицам тянулись возы с умершими и умиравшими, на дворах курился навоз и можжевельник. В это

скорбное время, когда приходские священники заняты были отправлением треб над больными и умершими, московский митрополит Филарет с одними монашествующими совершил в день преподобного Сергия, 25 сентября, крестное хождение, и на Лобном месте с коленапоклонением вознес молитву Спасителю об отвращении напасти, и преподал народу отрадное благословение. Вскоре город освобожден был от стеснительного для него оцепления, так как в нем уже не было надобности.

Из всего этого открывается высокое значение, какое имело Лобное место не только в религиозной, но и в государственной и народной жизни... Теперь оно уже не оглашается ни царскими указами, ни смертными приговорами, ни предсмертными криками и стонами казненных на площади, лишь временами у его подножия можно услышать молебные песнопения священнослужителей.

Перейдем теперь к описанию Лобного места.

В XVII веке оно было кирпичное с деревянной решеткой, которая запиралась железным засовом; потом имело навес, или шатер, на

столбах. Впоследствии Лобное место обветшало; в 1786 году оно было построено вновь за счет казны, по прежнему плану, из дикого тесаного и белого камня, и в таком виде сохранилось. Возвышенный круглый помост его огражден каменными перилами; в западной его части, т. е. к Спасским воротам, вход с железной решеткой и дверцей; одиннадцать ступеней ведут на верхнюю площадку с трехступенным амвоном. В XVIII столетии московское купечество из уважения к этому священному для древней столицы памятнику вызывалось устроить здесь купол и поставить там огромный крест с изображением святых мест в Иерусалиме и Страстей Христовых. Но этот проект, представленный купечеством городскому начальству, остался почему-то без исполнения.

В заключение не будет лишним упомянуть об одном довольно забавном происшествии, случившемся у подножия Лобного места.

Мы уже говорили, что смертные казни производились на Красной площади. Иногда они совершались у самого Лобного места. В таком случае там ставили высокий сруб, или

эшафот, на котором по объявлении приговора казнили. Такова была казнь многих преступников в 1718 году, когда на срубе был выставлен деревянный щит с начертанием имен преступников, «приговоренных к лютейшим смертным казням, дабы, смотря на них, казнились в совести все такие злотворцы». Подобный же сруб был устроен и для казни сенатора Шафирова, уличенного в нарушении закона, однако Петр Великий помиловал его, помня оказанные им государству услуги.

В последний раз такой сруб был поставлен в царствование Екатерины II для наказания политической смертью одного дворянина, Истомина, за подделку крепостных актов. По прочтении указа палач поставил преступника на колени, переломил над его головой шпагу и ударил его по щеке. Гордый дворянин, не стерпев такого бесчестия, вскочил и так ударил палача, что тот через загородку эшафота упал на площадь. Так печальное позорище превратилось в смешное...

Памятник Минину и Пожарскому

Памятник этот стоит на самой середине Красной площади, несколько к востоку от кремлевской стены, и значение его для нас, русских, велико бесконечно.

Такого памятника нет ни на одной из площадей Европы. Как ни велико значение нижегородского мещанина Минина и князя Дмитрия Пожарского, но они не были, однако, исключительными явлениями в то время, когда геройски выдвинулись на защиту заповоленного поляками отечества. В их лице памятник воздвигнут восторжествовавшей земской силе, спасшей и восстановившей государство в эпоху безгосударственности. Минин и Пожарский были только крупными представителями, крупными проявлениями этой силы. То, что происходило на нижегородской площади, происходило и на большинстве площадей России. Сотни, если не тысячи, Мининых действовали, ратовали и говорили на всем пространстве Русской земли, и преимущественно на севере. Города сносились между собой грамотами, заключали договоры, пи-

сали монастырям и отдельным лицам. Великое движение охватило всю Русь. Исподволь выработалось и сказалось во всей силе единое народное сознание, двинувшее наконец ополчение в бой. Смоленск сносился с Пермью и Рязанью, Пермь — с Нижним, Устюгом, Галичем и Вяткой; оттуда же слались гонцы и грамоты в украинские города.

Однако в продолжение целого столетия подвиг Минина и Пожарского и они сами оставались в забвении. Вывести их из этого забвения суждено было тому же, кто вывел всю Россию на другую, свежую дорогу.

Дело было так:

30 мая 1722 года в Спасо-Преображенском соборе в Нижнем Новгороде служил архиепископ Питирим обедню. На правом клиросе с певчими стоял мужчина гигантского роста. На вид ему было лет 50. Отошла обедня, и он спросил:

— Где похоронен Минин?

Место было показано, и он пал ниц перед гробницей, воскликнув:

— Здесь лежит спаситель отечества!

Конечно, это был Петр Великий.

С того времени началась слава Минина и, разумеется, Пожарского как неизменного его сподвижника.

Памятник открыт 20 февраля 1818 года в присутствии всей царской фамилии и при громадном стечении народа. Войском, отдававшим честь памяти великих мужей, командовал сам император Александр I.

Памятник сделан по проекту художника Мартоса и отлит из бронзы русским художником Екимовым. На подножии памятника отлиты две бронзовые картины с выпуклыми изображениями (барельефы). На первой из них изображено, как нижегородские граждане сносят свое имущество на площадь и ведут сыновей своих для всеобщего вооружения. На второй изображено бегство поляков из Кремля и преследование их нашими воинами. Фигуры Минина и Пожарского поставлены на возвышенном гранитном пьедестале. Князь Дмитрий Михайлович Пожарский изображен сидящим на одре. Перед ним Минин. Он показывает правой рукой на Кремль, а левой подает Пожарскому меч. На лицевой стороне пьедестала находится вызолоченная надпись:

«Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия»[149].

Ранее этого московского памятника воздвигнут был в Нижнем Новгороде в 1808 году памятник Минину и Пожарскому в виде высокой пирамиды из полированного гранита. Кроме того, в 1852 году в нижней соборной церкви Нижнего Новгорода преосвященным Иеремием освящены два придела: один — Св. Косьмы и Дамиана, в честь Козьмы Минина, другой — Св. Дмитрия Солунского, в честь князя Дмитрия Пожарского. Поставлен отдельный памятник князю Пожарскому и в суздальском Спасо-Евфимиевом монастыре, где погребен князь и где находится его родовая усыпальница[150].

Тут совершенно кстати заметить, что долгое время не было известно, где именно был погребен князь Дмитрий Михайлович Пожарский. Существовало только среди монахов Спасо-Евфимиевого монастыря предание, что Пожарский погребен в стенах монастыря. Первым подтвердил это предание в 1810 году князь И. М. Долгорукий, который служил тогда губернатором во Владимире. Он предста-

вил на то исторические данные, не допускающие никакого сомнения, что князь Д. М. Пожарский погребен именно в Спасо-Евфимиевом монастыре. Но место погребения все-таки не было известно, так как палатка над усыпальницей Пожарских при перестройках была снята. Надо было отыскать следы палатки. Графу А. С. Уварову во время археологических изысканий в Суздале пришла счастливая мысль вскопать пространство около придела Преподобного Евфимия. Вскоре близ указанного места, несколько вправо, он нашел фундамент стены, которая вывела его к другой, потом к третьей и четвертой. Стены огораживали пространство, уставленное гробами в три ряда. Обнаружившиеся надписи послужили очевидным доказательством, что это усыпальница князей Пожарских и их родственников. Из 23 гробниц одна оказалась гробницей князя Д. М. Пожарского. С разрешения Святейшего Синода особо назначенной для этого комиссией гробница была открыта в 1851 году. В ней найден остов престарелого человека, обернутый саваном из шелковой материи с остатками богатых боярских укра-

шений, состоящих из золотого шитья по кафтану и поясу, каких не мог иметь никто другой из рода князей Пожарских, не имевших боярского достоинства, кроме князя Дмитрия Михайловича.

Погребение князя Д. М. Пожарского в Спасо-Евфимиевом монастыре[151] объясняется очень просто: там похоронены его родственники, был погребен сын, две жены. Кроме того, большая часть поместий и отчин Пожарских находилась в соседстве с монастырем. В этих поместьях князь жывал весьма часто, и даже к главнейшему своему подвигу — освобождению Москвы от поляков — он вызван был из села Нижняя Ландиха, находившегося в 150 верстах от Суздаля. В самом Суздале, в Кремле, он имел свой собственный дом. Наконец, отправившись из Ярославля в поход под Москву, он поручил рать князю Ивану Андреевичу Хованскому и Козьме Минину, а сам отъехал в Суздаль помолиться Всемилоствому Спасу и чудотворцу Евфимию и проститься с родительскими гробами...

Соборы в Китай-городе

Покрова Богородицы на Рву, или Василия Блаженного. Немногие из московских и даже вообще русских храмов пользуются такой известностью, как церковь Василия Блаженного. Этому всего больше способствовала необыкновенная наружность самого храма, поражающая всякого не только при первом взгляде, но и при многолетней привычке видеть его. Вы видите перед собой не одну церковь, а целую громаду церквей, увенчанных разнообразными куполами, из которых каждый отличается особой формой. Находясь на возвышенном, открытом месте, церковь Василия Блаженного видна издалека и отовсюду заметна своей необыкновенной архитектурой, так что вид ее остается в памяти, и на всяком рисунке, даже самом простом, можно узнать собор. Множество раз и во всех возможных размерах был выгравирован вид этого достопамятного храма, который таким образом стал известен не одним москвичам, но и всем обывателям страны.

Славе его способствовало еще и народное

предание, будто царь Иван Васильевич Грозный, при котором построен этот храм, был так восхищен необыкновенной красотой его, что призвал архитектора и спросил: может ли он построить другой, подобный, или еще более прекрасный храм? «Могу», — отвечал архитектор. «Ты лжешь!» — вскричал Грозный и велел ослепить его, чтобы он не мог исполнить своего вызова и чтобы храм Василия Блаженного остался единственным в Русском царстве.

Рассказ этот — выдумка, не основанная ни на каком историческом свидетельстве; но она много способствовала архитектурной славе церкви Василия Блаженного, и простолюдины до сих пор уверены, что Иван Грозный велел ослепить строителя достопамятной церкви.

Достоверно известно только то, что царь Иван Васильевич (тогда еще не Грозный) построил этот храм в 1554 году в память покорения Казанского, прежнего Татарского, царства, о чем он дал обет еще ранее[152]. Казань взята в 1552 году, а в 1554 году, спустя два года, заложена эта великая святыня близ Фро-

ловских (Спасских) ворот на месте бывшей тут деревянной церкви Св. Троицы над Кремлевским рвом, при которой погребено было тело святого Василия Блаженного. Так как покорение Казани совершилось 1 октября, в праздник Покрова, то и новый собор в честь того дня наименован был Покровским. Постройка храма была окончена в 1557 году, и в том же году совершилось его освящение. Это было 29 июля. При освящении находились сам царь и брат его Юрий, все бояре и множество народа. Освящение совершал митрополит Макарий.

...Не вдаваясь в подробное описание храма, что составляет дело специалистов, заметим, что вся постройка представляет удивительное сочетание в одной громаде хаотического и затейливо пестрого вкуса индийских зданий с величием и благородством итальянской архитектуры, смелости и легкости мавританского зодчества с тяжестью и излишеством в украшениях готического вкуса. Здесь, как мы уже говорили, не одна церковь, но несколько их сгруппированы вместе, в приятном для глаз разнообразии, без потери, впро-

чем, единства целого. Девять глав, осеняющих эту купу церквей, отличаются одна от другой размером, стилем, краской и даже формой купола, и каждая из них замечательна и хороша сама по себе. Сверх обыкновения колокольня находится не на западной, а на юго-восточной стороне, у самых алтарей.

Нет сомнения, что Покровский собор представляется нам теперь не в первобытном своем виде, так что мы даже не в состоянии судить по нему о вкусе наших предков и не можем сказать, что особенно восхищало их в нем. За 30 лет, протекших от заложения храма до кончины Ивана IV, он не был еще совершенно окончен. Царь Федор Иванович по восшествии на престол доканчивал здание своего родителя, устроил несколько новых приделов, повелел расписать церковь и покрыть ее узорчато железом и черепицей. Кажется даже, что это была совершенная переделка храма.

В царствование Федора Ивановича были обретенны и мощи св. Василия Блаженного, который, как уже сказано, был погребен здесь при Троицкой церкви (в 1552 г.). Мощи обре-

тены в 1588 году, прославились чудесами, и с тех пор Покровский собор получил в народе наименование церкви Василия Блаженного.

Василий, Христа ради юродивый, родился в Москве. С юных лет он оставил дом родительский и, не имея ни крова, ни пристанища, покрытый рубищем, сносил зной и холод: днем ходил из храма в храм, а ночь проводил на церковных папертях. Скитаясь по городу, он избегал людей, но люди искали его, чтобы слушать поучения праведника. Распространившаяся молва о святости Василия, прозванного Блаженным, скоро достигла царя. Царь Иван Васильевич оказывал Василию должное уважение и со всеми боярами и приближенными присутствовал при его погребении. Василий преставился 2 августа 1552 года, ровно за два месяца до покорения Казани. Тело Василия Блаженного погребено было митрополитом Макарием со священным собором, а мощи почивают под спудом в Покровском соборе в приделе его имени, где над гробницей хранятся и тяжелые железные вериги Блаженного[153].

Собор не был окончен и царем Федором

Ивановичем. Последующие цари — Михаил Федорович, Алексей Михайлович и Федор Алексеевич — продолжали увеличивать число приделов собора, так что все строительство его тянулось с промежутками более 125 лет. Было произведено много изменений как во внутреннем устройстве, так и снаружи. Важнейшие переделки и прибавления в соборе окончились около 1679 года, и он остался в том виде, в каком существует. Тогда имел он 20 приделов, а по некоторым известиям, впрочем, не весьма достоверным, до 70. От этих многочисленных переделок храм как снаружи, так и внутри не имеет ни малейшей симметрии, а оригинальная красота его является чистой случайностью. Внутренность храма мрачна, а в некоторых приделах так мало света, что с трудом можно различать предметы. Но именно эта теснота, это сближение разнородных украшений, напоминающих разные века и разные вкусы, вся эта тяжесть, громадность, разнородность частей, которые, по-видимому, нельзя было сблизить, — все это и составляет отличительный характер церкви Василия Блаженного, все это делает ее

исторически оригинальной и Драгоценной. Надобно желать, чтобы церковь навсегда сохранила нынешний свой вид и была памятником веков, которые оставили на ней свой след. У нас так мало народных, старинных памятников, что надобно дорожить немногим, что еще остается теперь. А церковь Василия Блаженного, как мы уже говорили, любима и знаменита во всей России.

Впрочем, она не ознаменована никакими историческими событиями, если не считать крестного хода, который совершался сюда в неделю Ваий и о котором мы уже упоминали.

В 1784 году по повелению Екатерины II собор возобновлен и расписан на пожалованную императрицей сумму в 10 тысяч рублей серебром. В 1812 году собор был разграблен неприятелем, во всех приделах все было разбросано, некоторые престолы разломаны. В храме стояли лошади. По уходе неприятеля собор был освящен, а затем в 1813 году снова возобновлен на деньги, выданные из Святейшего Синода. С 1839 по 1845 год последовало четвертое возобновление собора.

Он стоит совершенно отдельно от всех дру-

гих зданий. Холм, на котором он построен, обложен с двух низменных сторон диким камнем и обнесен железной решеткой. Со стороны Спасских ворот и Лобного места почва уравнена с храмом. Это придало еще более необыкновенный вид собору, столь оригинальному во всех отношениях.

Ныне в Покровском соборе два храма и девять приделов. Храмы: Покрова Пресвятой Богородицы и Василия Блаженного. Приделы: Живоначальной Троицы, Входа в Иерусалим, Николая Чудотворца, Св. Варлаама Хутынского, Александра Свирского, Адриана и Наталии, Григория, Рождества Богородицы и Иоанна Милостивого.

Кроме мощей Василия Блаженного в соборе, в приделе Рождества Богородицы, почивают под спудом мощи и другого юродивого — вологодского уроженца Иоанна. Там же находится чудотворный образ Покрова Пресвятой Богородицы.

Казанский собор. Собор построен в царствование Михаила Федоровича на средства князя Дмитрия Михайловича Пожарского и назван Казанским в честь чудотворной ико-

ны Казанской Божьей Матери, сопутствовавшей русским войскам во всех их битвах с поляками и внесенной во главе воинства в освобожденную Москву. Постройка собора началась в 1630 году и окончена в 1633. В том же году собор торжественно освящен всероссийским патриархом в присутствии царя и самого князя Д. М. Пожарского, и с тех пор по царскому указу и с благословения святейшего патриарха ежегодно совершаются здесь крестные ходы 8 июля и 22 октября.

Наружность храма не представляет ничего замечательного, но внутренность имеет много величественного: трапезная огромна и уставлена многими старинными образами, но иконостас принадлежит к более поздним временам.

В храме особенно замечательна чудотворная икона Казанской Божьей Матери, принадлежавшая прежде князю Д. М. Пожарскому и, как мы уже говорили, сопутствовавшая русским войскам в битвах с поляками. Икону эту по устройению собора князь Пожарский на своих руках перенес с Лубянки, где находился его дом против церкви Введения во храм Богоро-

дицы, Икона находится по левую сторону Царских врат. Замечательно, что в простом народе есть предание, будто бы чудотворная икона эта находится не в самом соборе, а посреди креста над колокольной. Предание уверяет, что святую икону несколько раз вносили в собор, но она всякий раз снова являлась на кресте колокольни. Конечно, предание это — нелепейшая выдумка. При храме имеется придел Св. равноапостольного Аверкия Чудотворца.

До построения Казанского собора на этом месте, т. е. на углу Никольской улицы и Красной площади, находилось длинное, низкое каменное строение, достигавшее Заиконоспасского монастыря. В здании помещались торговые ряды. Владение Казанского собора в XVII столетии представляло правильный квадрат, обнесенный со стороны Никольской улицы и Красной площади деревянной решетчатой оградой, с деревянными же воротами с той и другой стороны, а с двух других сторон забрано деревянным забором. Подле ограды собора производилась самая оживленная торговля на скамьях и ларях восковыми

свечами, печеным хлебом, калачами, ветошью и в особенности яблоками и овощами, которые появлялись здесь в продаже ранее других мест.

Шумная и бойкая торговля эта подавала часто повод к ссорам и дракам. Судили тогда виновных на Потешном дворе в Кремле, где заседал князь Федор Юрьевич Ромодановский.

...В начале XIX столетия на порожном месте, принадлежавшем Казанскому собору, построены два двухэтажных флигеля, обращенные фасадами: один — на Никольскую улицу, другой — на площадку у Воскресенских ворот. Тут находились торговые и жилые помещения и одна из грязнейших харчевен, уничтоженная после 1812 года.

У ограды же Казанского собора до 1812 года происходила и выставка лубочных картин, какие продавались и на Спасском мосту (у Спасских ворот). Перед вступлением наполеоновских войск в Москву здесь нарасхват продавались знаменитые ростопчинские афишки и вывешивались карикатуры на Бонапарта и на французов. Афишки эти и карикатуры

питали и укореняли в народе ненависть к врагам, и сюда стекались московские жители глядеть и читать их. Москвичи любили слушать толки и рассказы словоохотного торговца этими картинами, которые выходили из рисовальной мастерской Татьяны Ахметьевой и рисованы были художниками Теребневым и Яковлевым. В 1825 году собор был обновлен и заново освящен.

Монастыри в Китай-городе

Богоявленский монастырь. Как некоторые церкви, так и монастыри в честь светоносного праздника Богоявления Господня сооружаемы были в старину на реках, ручьях, или студенцах, где после литургии совершалось великое освящение воды.

Близ реки сооружен был и Богоявленский монастырь. Когда еще каменная стена не отделяла Китай-города от Кремля и Неглинная текла в своих берегах, тогда Иордань, по смежности монастыря с речкой Неглинной, устраивался на ее водах.

Начало Богоявленского монастыря относится к первым временам Москвы. Сын благо-

верного великого князя Александра Невского первый великий князь московский св. Даниил основал этот монастырь в 1296 году. Таким образом, Богоявленский монастырь есть древнейшая из существовавших в Москве иноческих обителей.

Первоначально обитель была деревянная, а при великом князе Иване Калите — каменная. Калита же и окончил строение этой обители.

В домово́й монастырской книге 1600 года записано, что «от 1296 до 1304 года бысть обитель чудного Богоявления, да в придел Благовещения Пречистой Богородицы на Москве за торгом, Божьим благословением и строением благоверного и благочестивого великого князя Даниила Александровича Владимирского и Новгородского и Московского и всея Руси, сия пречестная обитель Богоявления во дни государства его сделана и церкви возграждены деревянные и кельи, по приказу благоверного великого князя Даниила Александровича: сын его великий князь Иван Данилович заложил бысть сию церковь чудное Богоявление каменну в 1342 году, а по отшествии его,

великого князя Ивана Даниловича, от земных к Богу по приказу совершил есть сию церковь чудное Богоявление во святой обители сей их боярин, зовомый именем Протасий». Этот Протасий был радонежский тысяцкий.

По свидетельству той же монастырской домово́й книги, эта обитель пользовалась особенными милостями всех великих князей московских, и, как сказано там же, «сия обитель отовсюду и всеми православными народы видима, аки зеркало».

Одним из первых игуменов Богоявленского монастыря был Стефан, старший родной брат преподобного Сергия, постриженник хотьковского Покровского монастыря. Тут же был пострижен и св. Алексей, сын боярина Федора Бяконта, сделавшегося впоследствии московским митрополитом и основавший Чудов монастырь. Поступив в монастырь на пятнадцатом году от рождения, он провел в нем двадцать семь лет и предал земле в этом же монастыре тело своего родителя Федора. Монастырь много обязан св. Алексею украшением, иконами, утварями, книгами, он был великокняжеским богомолием.

Хотя в летописях и не сказано, что в монастыре было общежитие, но предполагать можно, что Стефан следовал в этом брату своему св. Сергию, основателю Троицкого монастыря.

Когда в 1383 году Тохтамыш разорял Москву, то он велел выжечь все церкви; но Богоявленский монастырь, как гласит та же домовая книга 1600 года, «божественною невидимою силою сохранен». Вероятно, монастырь не особенно пострадал и в дальнейшие пожары и разорения, ибо, по словам летописи монастырской, «многими леты во многих заплениях огненных огонь (к монастырю) не прикоснулся и не вреди». В 1467 году по челобитью игумена Антония великим князем Иваном III Васильевичем велено отпускать монастырю «по вся годы с дворца годовой корм, чтобы старцы молили Бога за государево здравие и поминали всех государевых родителей»[154]. Затем монастырю пожалованы были грамоты от великих князей и царей, преимущественно от Ивана Грозного и Бориса Годунова, на недвижимые имения с угодьями и крестьянами, которых числилось за монастырем 1080

душ. С 1719 года от его императорского величества давалось этой обители на просвиры 29 копеек.

В 1468 году сильный пожар и внезапное разрушение Успенского собора так опечалили святителя Филиппа, что его поразили паралич. Больного отвезли в Богоявленский монастырь, где он вскоре и скончался[155].

Сильно пострадал Богоявленский монастырь и в ужасающий пожар 1547 года.

В 1569 году обители суждено было видеть поругание своего архипастыря Филиппа. За правду, высказанную им Грозному, он был лишен архипастырского сана. В Успенском соборе опричники сорвали с митрополита священное облачение и, одев его в ветхую иноческую ризу, выгнали вон метлами из святылища и повезли на дровнях с ругательством в Богоявленский монастырь. Народ провожал святителя с плачем.

В нашествие Девлет-Гирея 1571 года, когда от Китай-города осталось одно пожарище, пострадал и сам монастырь, окруженный деревянными строениями.

В царствование любителя просвещения

Федора Алексеевича к обители благочестия присоединен был приют наук, предшествовавший основанию Славяно-греко-латинской академии. Патриарх Иоаким в 1680 году перевел сюда из типографских казенных палат школу. Ею руководили два брата, ученые греки Иоанникий и Софроний Лихуды, а учились в школе 40 боярских детей, которым преподаваемы были свободные науки на греческом и латинском языках. Потом, когда Лихуды были по политическим делам сосланы в Ипатьевский монастырь, школа эта переведена в Заиконоспасскую обитель.

В известный опустошительный Троицкий пожар в 1737 году в Богоявленском монастыре сгорели глава на колокольне, кровля на кельях и Конюшенный двор. В пожары 1812 года Богоявленская обитель, осыпанная горящими головнями и градом искр, осталась невредимой. От разграбления, пожара и осквернения охранял ее один из пребывавших в ней французских маршалов. Настоятель монастыря архимандрит Ираклий с драгоценностями ризницы находился тогда в Вологде. По возвращении в сгоревшую столицу

викарий московской митрополии Августин нашел в этом монастыре себе пристанище.

Своим восстановлением и украшением монастырь более всего обязан последнему московскому патриарху Адриану, бывшему прежде митрополитом казанским. При нем сооружены великолепный собор и придельная церковь Казанской Божьей Матери, напоминавшей ему явление этой чудотворной иконы в Казани.

Богоявленский монастырь, по образу некоторых древних обителей в России, состоит из двух отделений, имеющих особое назначение: в южном — соборная церковь, окруженная настоятельскими и братскими кельями, в северном — прежде помещались монастырские служки и школы, а потом помещения стали отдаваться внаем. С севера в то и другое отделение ведут ворота. В древности, однако, тут ворот не было. Вход в монастырь был со стороны торговых рядов. А на месте нынешних ворот, ведущих на Никольскую улицу, находился двор князей Буйносовых-Ростовских. Впоследствии этот двор перешел во владение боярыни Ксении Репниной, которая и

пожертвовала его в 1672 году монастырю. С получением этого двора монастырь нашел возможным открыть выход на Никольскую улицу, построил существующие ворота с церковью над ними во имя Рождества Иоанна Предтечи, а потом и вторые ворота с колокольной над ними и размещенной в ней церковью во имя благоверных князей Бориса и Глеба.

Церковь над воротами во имя Рождества Иоанна Предтечи освещается тремя окнами на север и тремя на юг. В ней старинный алтарный иконостас и древний образ Св. Троицы греческого письма. От прежнего иконостаса хранятся здесь старинные иконы тоже греческого письма.

Церковь под колокольной во имя св. мучеников Бориса и Глеба была сооружена в 1739 году, но впоследствии, в 1830 году, возобновлена на частные средства и переименована в честь Спаса Нерукотворного, с тем чтобы в летнее время совершаемы были в ней ранние заупокойные обедни. В эту церковь из настоятельских келий ведет крытая галерея. Каменная колокольня имеет высоту 20 сажений, и в

ней девять колоколов, из которых четыре отлиты в XVII столетии.

Соборная церковь — двухъярусная, весьма величественной, изящной архитектуры. На квадрате нижнего храма возведен восьмиугольник верхнего с куполом, трибуном и восьмигранной на шейке главой, прежде вызолоченной, а потом покрытой белым железом. Внешность здания пестреет разнообразными орнаментами из белого камня и кирпича: карнизами, колонками, щитами, сухариками, сережками и т. п. На верхний ярус ведет ходовая паперть со ступенчатой лестницей извне; над ней железная кровля на каменных столпах. На восток — полукруглые алтари, на запад — трапеза.

Судя по материалу, кладке и стилю, нижняя церковь древнее верхней. Она сооружена в 1624 году. Здесь находится главный престол в честь Казанской Божьей Матери и надгробный камень на могиле Федора, отца святителя Алексия. Гроб находится у южной стены церкви, и на нем начертано: «Поставлен сей камень по благословению преосвященного Платона, митрополита Московского и Коло-

менского, потомком сего боярина, статским советником и кавалером Никонором Богдановичем Плещеевым в 1805 г.» Ранее здесь не было надгробной надписи, и в монастырских записках о месте погребения черниговского боярина Федора Бяконта не упоминается.

Верхняя церковь в три света, высотой соразмерна своей ширине. От помоста до купола в ней 21 сажень, а от поверхности земли до оконечности главы с крестом 30 саженей. О времени ее сооружения свидетельствует начертанная на фризе карниза алтарного иконостаса надпись: «В лето 7201 (1693) года создася храм сей во имя Богоявления Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, при державе Великих Государей и Великих князей Иоанна Алексеевича всея великия и малыя и белыя России Самодержцев, благословением великаго Господина святейшего Кир Адриана, Архиепископа Московскаго и вся России и всех северных стран Патриарха, создася сей храм в четыре лета и освятися им великим Господином Святейшим Адрианом Патриархом в месяце Януарие в 20 день».

В нижней церкви с северной стороны со-

оружен в 1747 году придел во имя св. великомученика Георгия, а с южной стороны, рядом с алтарем церкви Казанской Божьей Матери, был придел во имя св. апостола Иакова Алфеева, построенный в 1754 году, но он упразднен и обращен в ризницу. Перед входом в главный храм с западной стороны к притвору пристроена еще обширная ризница со шпилевым верхом, увенчанном крестом.

...Под соборным храмом монастыря кроме боярина Федора Бяконта погребено немало знатных особ. Здесь погребены Голицыны, Долгорукие, Салтыковы, Плещеевы, Юсуповы, Скавронские, Шереметевы и многие другие. На их камнях начертаны похвальные и смиренные надписи, из которых некоторые переданы стихами во вкусе начала XVIII столетия. Начальство в Богоявленском монастыре издревле было игуменское, а потом архимандричье, которое положено и по духовным штатам. Исстари помощником настоятелю был келарь. Монастырь состоит во втором классе, и в нем по штатам и указному положению число братии с настоятелем составляет семнадцать человек.

Николаевский монастырь, греческий. Время основания этого монастыря достоверно неизвестно, но, по некоторым данным, можно полагать, что он основан не ранее и не позже XIV века. Исторически он известен с 1556 года, т. е. со времен Ивана Грозного, под названием Николы Старого и Большой главы, что у Крестного целованья, а место, на котором существует монастырь, называлось в древности Никольским крестцом. Наименование же «у Крестного иелованья» монастырь носил потому, что в его церкви были приводимы к присяге подсудимые в каких-либо сомнительных случаях, как это стало делаться потом в Казанском соборе.

Царь Иван Васильевич Грозный по просьбе приезжавших из Палестины в Россию афонских монахов тамошнего Хиландарского монастыря пожаловал им в 1556 году эту Николаевскую обитель с церковью и строениями в подворье для временного пребывания, на что и дана грамота в том же году 7 марта.

19 мая 1564 года в монастыре сгорели две деревянные церкви и восемь келий, которые вскоре были возобновлены иждивением мо-

настыря. В 1603 году царь Борис Федорович Годунов пожаловал монастырю в вечный поминок богатый двор со всеми потребными хоромами, находившийся близ Богоявленского монастыря. Прежняя жалованная грамота на владение Николаевской обителью с церковью и строениями была подтверждена царями Федором Ивановичем и Михаилом Федоровичем; а царь Алексей Михайлович в 1653 году дозволил отправлять в церкви и божественную литургию на греческом языке. Подворье это называлось тогда Афонским.

Вскоре после того, а именно в 1666 году, иверский архимандрит Пахомий привез в Москву с Афонской горы точную копию с чудотворной иконы Иверской Пресвятой Богородицы, которая принята царем и народом с подобающей честью, поставлена в часовне Афонского подворья (там же находится чудотворная икона Святителя Николая) и пробыла там три года.

В день перенесения (19 мая 1669 г.) иконы к Воскресенским воротам царь Алексей Михайлович пожаловал греческому архимандриту Дионисию грамоту на всегдашнее владе-

ние московским Николаевским монастырем, и с того времени обитель эта получила надлежащее устройство. В 1764 году возведена она во 2-й класс, а с 1766 года подчинена непосредственно Святейшему Синоду на праве ставропигиальных монастырей. Видевший эту обитель в XVII веке путешественник Рейтенфельс рассказывает, что она «малым чем уступала греческому кварталу в Риме».

В монастыре две церкви: соборная, двухэтажная, в которой престолы: вверху — Успения Богородицы, а внизу — Николая Чудотворца, и Константина и Елены, находящаяся над часовней.

Собор построен на месте сломанной ветхой церкви в последние годы царствования Петра Великого жившими в Москве греками. Сперва он был одноэтажный во имя Николая Чудотворца. В 1735 году молдавский господарь Дмитрий Константинович Кантемир соорудил верхний храм, который и освящен 18 сентября 1736 года епископом Коломенским Вениамином.

Церковь Константина и Елены над часовней построена в 1767 году сыном Кантемира

Матвеем Дмитриевичем и освящена 21 мая 1770 года архиепископом московским Амвросием.

Прочие строения монастыря существуют с первой половины XVIII столетия: они построены частью князем Кантемиром, а частью сербским купцом Саввой Гауром.

На лицевой стороне, по Никольской улице, среди монастырского владения находятся святые ворота, ведущие по обширной каменной лестнице во второй этаж собора, построенного среди монастырского двора. Часовня, где пребывает чудотворная икона Святителя Николая, находится налево от ворот в нижнем этаже двухэтажного дома, и над ней надстроен один ярус колокольни.

Кроме храмосоздателей Кантемиров в монастыре погребены грузинская царица Екатерина Леонович, граф Владиславич, князь Волконский и грузинские князья Давыдовы.

Монастырь управляется архимандритом, назначаемым греческим патриархом.

Законоспасский монастырь. Основан царем Борисом Годуновым в 1600 году и назывался сначала Старый Спас на Песках. Назва-

ние Заиконоспасского он получил потому, что находился за иконным рядом, который до 1682 года существовал на Никольской улице, или, как говорилось тогда, на Никольском крестце, на том самом месте, где Заиконоспасские книжные лавки.

По плану Москвы 1610 года и по описи Китай-города 1629 года, а также по свидетельству писцовых, или строительных, книг 1626 года, Спасский монастырь за иконным рядом имел в то время две церкви: одну — каменную, а другую — деревянную, которая выдавалась на Никольскую улицу и которую предложено было тогда сдвинуть с улицы на монастырь. С 1629 по 1661 год о монастыре ничего неизвестно, кроме имен пяти игуменов, управлявших обителью. Но в 1661 году, 14 июня, архимандрит монастыря Дионисий с братией «били челом великому государю об убогих дому, что за Сретенскими вороты, чтоб отдать им на пропитание вместо взятой у них земли, что взята у них после пожара к Земскому приказу, и на той их челобитной подписано: ведено тем убогим домом владеть им»[156].

В то же время по обещанию боярина князя Федора Федоровича Волконского и по указу царя Алексея Михайловича основана была соборная двухэтажная церковь: в нижнем — Всемилоственного Спаса, а в верхнем — во имя Богородицы всех Скорбящих Радости. Эта церковь окончена постройкой в 1661 году в 20-й день ноября. О каких-либо других строениях в монастыре летопись умалчивает, как и о том, когда именно случился тот пожар, о котором упоминает в своей челобитной архимандрит Дионисий. Очевидно, что этот пожар произошел незадолго перед 1661 годом и что в монастыре все устраивалось не вдруг, а постепенно.

В описываемое время Заиконоспасский монастырь занимал большее пространство земли, чем потом. С одной стороны он граничил с Николаевским греческим монастырем, с другой стороны ограничивался каменной стеной Китай-города, с третьей стороны монастырь доходил до конца Никольской улицы, имея в своем владении часть местности, где построен дом присутственных мест, наконец, с четвертой стороны монастырь граничил с

Никольской улицей, на которой со стороны монастыря тянулся каменный ряд, называвшийся иконным.

Упоминаемый в летописях Москвы пожар, бывший в 1737 году в Троицын день, истребил верхний храм собора. Но этот храм через пять лет был возобновлен и освящен 15 июля 1742 года в присутствии императрицы Елизаветы Петровны, о чем и свидетельствует надпись, находящаяся над северными дверями храма. Другая надпись, находящаяся над южными дверями, свидетельствует о новом возобновлении храма в 1851 году, 15 июля. Храм этот богато украшен живописью из событий ветхозаветной и новозаветной истории и архитектурными украшениями. Свет в храм обильно проникает из стеклянной галереи. Стенная живопись сделана по голубому фону. Позади левого клироса, у стены, возвышается церковная кафедра, с которой говорились «нарочитые» проповеди. Клиросы, кафедра и иконостас богато вызолочены. Двери в левой стене алтаря ведут в монастырскую ризницу и библиотеку.

Вход в нижний соборный храм в честь Все-

милостивого Спаса идет со стороны монастырского двора. Первое впечатление при входе в храм — его необыкновенная мрачность, почти полное отсутствие дневного света из-за того, что этот низкий храм с трех сторон окружен высокими двухэтажными и трехэтажными монастырскими строениями. Храм поддерживается четырьмя каменными столпами. В нем обращают на себя внимание надписи на разных языках, относящиеся к разным лицам и событиям этой обители. Тут встречаются имена Симеона Полоцкого, Палладия Роговского, Иоанникия Лихуды и др. Сохранился камень с надписью о построении этого храма при царе Алексее Михайловиче. Надпись не совсем разборчива и покрыта вековым слоем пыли и извести. Она находится на стене за правым клиросом почти у самого пола.

Зайконоспасский монастырь, не имея особенных достопамятностей, замечателен, однако, тем, что в нем 130 лет существовала Славяно-греко-латинская академия, давшая многих замечательных лиц, получивших известность в науке и государственной деятель-

ности.

История возникновения этой академии следующая. Иерусалимский иеромонах Тимофей, один из первых строителей Заиконоспасского монастыря, убедил царя Федора Алексеевича в необходимости учебного заведения в Москве. По другим известиям, более достоверным, дело было совсем иначе. В числе первых строителей монастыря были Арсений Грек, архимандрит Дионисий и Симеон Полоцкий.

Адам Олеарий, бывший в Москве в 1634 году, свидетельствует, что при патриархе Филарете учреждена была в Москве Греко-латинская школа.

«Несколько лет тому назад, — писал он, — в Москве с согласия патриарха учреждена общенародная школа, в которой под надзором грека Арсения учат по-гречески и по-латыни».

И когда позднее, именно в 1655 году, этот известный учитель и исправитель церковно-богослужебных книг поселился в Заиконоспасском монастыре и был его начальником, то Заиконоспасский монастырь стал носить название «учительного».

После Арсения Грека управлял монастырем архимандрит Дионисий, а после него известный учитель, воспитанник южнорусских и польских школ Симеон Полоцкий. По приезде из Малороссии в Москву в 1664 году Симеон благосклонно был принят царем Алексеем Михайловичем. Для жительства указан был Симеону Заиконоспасский монастырь, где он должен был начать немедленно обучение молодых людей «по латыням». И вот согласно воле государя на месте жительства Симеона, в Заиконоспасском монастыре, начато было обучение грамматике и «латыням» молодых подъячих Приказа тайных дел. Помещение для учителя и учеников выстроено было на средства государя, повелено было жить там и подъячему Семену Медведеву.

В царствование Федора Алексеевича, воспитанника и ученика Симеона Полоцкого, положение последнего в монастыре улучшилось, а вместе с тем улучшилось и положение самого монастыря. В это-то время Симеон Полоцкий и составил грамоту, или так называемую «привилегию», об основании в московском Заиконоспасском монастыре Славя-

но-греко-латинской академии. «Привилегия» эта, проще устав, составлена была в виде манифеста от лица государя Федора Алексеевича и состояла из 18 пунктов. В 1680 году Симеон Полоцкий скончался, а через два года скончался и царь Федор Алексеевич. За смертью его проект об основании Славяно-греко-латинской академии не был приведен в исполнение.

Надо заметить, что одновременно со школой Симеона Полоцкого существовало и так называемое типографское училище, где под начальством иеромонаха Тимофея и учителя грека Михаила Левендатова преподавались начатки греческого ученья. Вот почему иеромонаху Тимофею и приписывает ученик его Федор Поликарпов первую мысль об основании академии. В сущности, имелось в виду соединить обе школы — школу Полоцкого и школу иеромонаха Тимофея — в одно учебное заведение — академию.

Так как Симеон Полоцкий умер, то обучение сосредоточилось в руках одного иеромонаха Тимофея. На первое время в «пробную» академию было принято тридцать человек, в

помощь Тимофею были даны еще два учителя из греков: для чтения, письма и языка «греческого мира» — Мануил и для свободных наук — греческий иеромонах Иоаким. Царь и патриарх ежедневно посещали не только училище, но и заведенную при нем типографию. Вскоре потребованы были царем от вселенских патриархов и другие учителя, но их уже царь не дождался: они прибыли после его кончины. Это были братья Лихуды, иеромонахи Иоанникий и Софроний[157].

Первыми учениками типографскому искусству были пять человек: Алексей Кирилов, Николай Семенов, Федор Поликарпов, Федор Агеев, Иосиф Афанасьев и монах Чудова монастыря Иов. В то же время указано синклитским и боярским детям учиться в той же новозаведенной школе. Из наук на двух языках — греческом и славянском — преподавались: риторика, диалектика, логика и физика; грамматика же и пиитика — только на греческом. Переводчиками необходимых книг были ученики, и ученое дело шло весьма хорошо, но вскоре училище едва не было закрыто. Сильвестр (Семен) Медведев, бывший ученик

Полоцкого, попал в дело Шакловитого, и это повлияло на существование школы, так как Медведев был преемником Полоцкого по монастырю. Начались наговоры, клеветы. Шакловитый и Медведев были казнены, а учителей патриарх Адриан разослал по монастырям[158]. Место их заняли их ученики Николай Семенов и Федор Поликарпов, но они учили только на греческом языке.

Существование академии начинается собственно с 1686 года, когда для этого было отстроено и освящено здание в Заиконоспасском монастыре и туда перешли Лихуды из Богоявленского монастыря и было переведено еще одно училище, Андреевское, основанное боярином Федором Михайловичем Ртищевым еще при царе Алексее Михайловиче и находившееся на берегу Москвы-реки в так называемой Преображенской пустыни.

В истории академии различают три периода. Первый — от Лихудов до Палладия Роговского[159] (1685–1700). В то время преобладает образование греческое, и академия называется Эллино-греческой. Второй — от Палладия Роговского до времен митрополита Платона

(1700–1775). Характер образования в эту эпоху чисто латинский, и академию называют Латинской, или Славяно-латинской. Третий период — от времен Платона до преобразования академии и перемещения ее в Троицкую лавру (1775–1814). В это время она называется Славяно-греко-латинской академией. Сюда переводится из монастыря Св. Николая на Перерве Московская семинария, а там остается низшее духовное училище. Академия управлялась ректором и префектом, или инспектором. По уставу академии последние должны быть такими, «которых учение и труды уже известны», а префект должен быть «не вельми свирепый и не меланхолик», и оба должны быть «тщательны в своем деле».

Начальникам академии давались многие ученые поручения. Так, ректору в 1722 году были даны взятые в лавках на Спасском мосту писанные подозрительные тетради и так называемые волшебные тетради. Пойманных с такими тетрадями наказывали плетью и потом отсылали к ректору на увещание. Полиция, находя волшебные записи, гадательные книги у простодушных людей, заражен-

ных суеверием и обольщавших колдовством, отсылала их к ректору академии. Так, в 1726 году найдены были такого рода письма у одного иеродиакона Прилуцкого монастыря, Аверкия, который для вразумления был представлен ректору Гедеону.

Любопытный случай рассказывается и в бумагах того же года. К ректору Гедеону из Полицмейстерской канцелярии был прислан дворовый человек князя Долгорукого Василий Данилов, который, вступив в сношение с дьяволом, украл по его наущению золотую ризу с иконы Богоматери и попался в руки правосудия, от которого, невзирая на просьбы, не был избавлен дьяволом. Ректор должен был выслушать историю его видений и по двухдневном увещании возвратить его в полицию. Присылали также к ректорам для увещания и раскольников. К лицам, требовавшим увещания, относили и таких, которые впадали в задумчивость и в душевное расстройство. В этих случаях предписывалось психическое врачевание больного. В 1744 году к ректору Порфирию был прислан студент Академии наук Яков Намеянов, впавший в

«меланхолию». В бумаге предписано: «Определя его к кому из учителей, велеть разговаривать и увещевать и при том усматривать, не имеет ли он в законе Божьем какого сомнения».

Ученики в академии были всякого звания. В 1736 году в нее поступило 158 детей дворянских, между которыми были князья Оболенские, Прозоровские, Хилковы, Тюфякины, Хованские, Голицыны, Долгорукие, Мещерские и др. Среди этого общества находились подьяческие, канцелярские, дьяческие, солдатские и конюховы дети. Во главе общества учеников почти во время каждого курса находились лица, имевшие уже иерархические степени — священники, дьяконы и монашествующие. Часто студента богословия, не окончившего курса, определяли в одну из церквей священником, но он обязан был ходить в академию до окончания курса. Число учеников простиралось от 200 до 600, годы учения иногда тянулись до двадцати лет. Не имевших способности к учению, но отличавшихся добрым поведением держали в академии, ожидая, не откроется ли у них со временем даро-

вание, и если ожидания были тщетны и ученик приходил в зрелые лета, его исключали. В 1736 году таких «непонятливых и злонравных» было исключено сто человек; двух новокрещеных калмыков держали в одном классе девять лет и наконец исключили по неспособности к учению. Вообще же начальство не любило карать учеников исключением и выгоняло только тогда, когда «будет покажется детина непобедимой злобы, свирепый, до драки скорый, клеветник, непокорный и буде чрез годовое время ни увещании, ни жестокими наказаниями одолеть ему невозможно, хотя бы и остроумен был, выслать из академии, чтобы бешеному меча не дать».

Экзамены в академии были торжественные и продолжались три дня в собрании многочисленных посетителей. Диспуты открывались пением учеников иногда с присоединением оркестра. Диспуты риторические и пиитические состояли в разговорах нескольких учеников о каком-нибудь предмете из области природы, науки или искусства, в чтении стихотворений, в произнесении речей и т. д. К торжественным действиям, в которых при-

нимали участие ученики, принадлежали встречи царственных особ: так, после Полтавской победы учениками на Никольской улице около академии были говорены разные «орации», у академии были устроены триумфальные ворота, украшенные эмблематическими картинами с латинскими и греческими надписями. Когда процессия приблизилась, ученики в белых одеждах с венками на головах и ветвями в руках вышли навстречу государю, полагали перед ним венки и ветви и пели кантаты.

Из академии вышло много замечательных лиц прошлого столетия. Здесь получил образование известный сатирик князь Антиох Кантемир. В этой же академии был первый по успехам М. В. Ломоносов[160]. Здесь же получил свое образование купеческий сын Михаил Ширяев, сделавшийся впоследствии любимцем Петра Великого. Ширяев писал стихи и жил у Петра при дворе, и государь, любя его за острый ум, называл князем и великим оратором. В этом же заведении воспитывался известный своими лирическими произведениями Василий Петров, любимец Потемкина и

библиотекарь императрицы Екатерины II. Учеником академии значится Иван Магницкий, сочинитель первой арифметики, напечатанной в 1703 году. Первый профессор философии Московского университета Николай Поповский тоже был учеником академии. Он считается первым издателем «Московских ведомостей». Известный своим описанием Камчатки С. П. Крашенинников получил свое образование в этой академии. Первый переводчик гомеровой «Илиады» Ермил Иванович Костров тоже обучался сперва в академии, а затем уже окончил курс в университете со степенью бакалавра. Из учеников академии можно назвать еще В. Г. Рубана, издававшего три журнала, написавшего историю Малороссии, описание Петербурга и Москвы, автора нескольких любопытных календарей и переводчика многих книг с греческого и латинского языков. Назовем еще Н. Н. Бантыш-Каменского, Антона Барсова — соредактора «Московских ведомостей», знаменитого архитектора В. И. Баженова, украсившего Москву и Петербург многими капитальными зданиями. Наконец, здесь же учился Ефим Болхови-

тинов, сын воронежского священника, впоследствии знаменитый митрополит киевский Евгений, оставивший по себе славу учнейшего мужа и добродетельного архипастыря.

С 1775 года академия, имевшая ранее непосредственные сношения с высшим духовным правительством, была подчинена митрополиту Платону, который и начал создавать новую постановку учебного дела: он давал инструкции ректору, префекту, наставникам и ученикам. При нем число учеников возросло до 1500, возросли средства по содержанию академии, но академические здания клонились к разрушению, и потому возникло дело о перемещении академии в другое место, что и было исполнено в 1814 году. Академию, как уже сказано, перевели в Троицкую лавру. После перемещения академии в ее зданиях некоторое время находилась Московская духовная семинария, а затем помещено Московское духовное Заиконоспасское училище.

Заиконоспасский монастырь числится ставропигиальным монастырем 2-го класса. Кроме настоятеля по штату положены казна-

чей, шесть иеромонахов, четыре иеродиакона и пять монахов.

Заиконоспасскому монастырю принадлежит часовня и церковь Владимирской Богородицы у Владимирских ворот при въезде на Никольскую улицу.

Знаменский монастырь и палаты бояр Романовых. Знаменский монастырь основан в 1631 году — в год кончины матери царя Михаила Федоровича инокини Марфы Ивановны. Тут была прежде домовая церковь боярина Никиты Романовича, находившаяся при его палатах. Указ об основании монастыря состоялся 24 сентября 1631 года. Грамотой царя Михаила Федоровича от 1 ноября того же года монастырь наделен родовыми царскими населенными имениями и угодьями, бывшими за инокиней Марфой Ивановной. Кроме бывшей уже домово́й церкв́и Знамения, холодной, в монастыре вскоре была построена теплая во имя Афанасия Афонского с трапезной. Знаменательно избрание святого, кому посвящена новая церковь. Афанасий Афонский был ученик и постриженник преподобного Михаила Малеина, ангела царя Михаила Фе-

доровича[161], но во имя Михаила Малеина уже был построен придел в Вознесенском монастыре, где жила мать Михаила Федоровича великая старица Марфа Ивановна и где царь всегда молился в день своего ангела. Кроме того, св. Афанасий Афонский создал обширный монастырь на средства греческого царя Никифора Фоки, который был племянником Михаилу Малеину. День празднования Афанасия Афонского совпадает со днем великого русского святого преподобного Сергия Радонежского[162].

Помимо двух зданий, составлявших палаты Романовых, были построены деревянные кельи, больница и монастырь, местами обнесенный решетчатым забором, а больше частоколом, как то было и у других монастырей в начале XVII века. В 1668 году, когда пожар опустошил Москву, пострадал и Знаменский монастырь, о чем и подано было царю Алексею Михайловичу донесение и прошение. На прошение это отозвались сильные царские родственники Милославские. Царь же взял на себя покрытие кровлей Знаменской церкви. Иждивением Милославских, особенно же

Ивана Михайловича[163], а частью и монастырским не только восстановлены старинные палаты, но и построены многие другие монастырские здания и вместо бывшей деревянной — каменная ограда. Иван Михайлович по обещанию своему сложил новую церковь Знамения с теплым приделом под ней во имя Афанасия Афонского на месте прежде бывшего того же святого. Всех каменных зданий в конце XVII века возобновлено и вновь построено до 10. Собор начат строением в 1679 году и кончен в 1684. Устройство иконостаса и внутренняя отделка, а частью и внешняя довершены иждивением царским и других усердствующих лиц. Собор строили русские мастера Федор Григорьев и Григорий Анисимов по образцу Успенского собора, но по слабости грунта на 2426 дубовых сваях. По случаю смерти Ивана Михайловича Милославского велено было окончить постройку боярину князю Василию Федоровичу Одоевскому. В 1684 году собор был готов к освящению и 27 июля верхняя церковь торжественно освящена святейшим патриархом Иоакимом.

Знаменский собор подобно многим древним церквам внешне имеет форму корабля, переднюю часть которого представляют два алтаря: верхний и нижний, выступающий там, где верхний кончается, а заднюю часть — паперть с лестницей. Середину собора составляют возвышающиеся над прочими частями стены, квадратно расположенные, завершающиеся сводом и пятью главами, из которых четыре по углам глухие, шея же пятой главы составляет купол с четырьмя окнами. Внутри верхней церкви столбов нет, но свод, купол и главы опираются на толстые стены собора. Так как собор построен на сваях, то лет через 50 после построения стены начали понижаться, а столп в середине трапезной, на который сведены своды от стен, не имея над собой большой тяжести, стал опускаться вниз в соответствии со стенами. Вследствие этого своды пришлось исправлять, причем сделаны и другие поправки. К 20-м годам XIX столетия как самый храм, так и другие монастырские строения снова обветшали, чему немало способствовал 1812 год. Замечательно, что во время пребывания в нем

неприятеля с разрешения французского коменданта Лессепса, квартировавшего вблизи, отправлялось божественное служение в теплой церкви монастыря и продолжалось до выхода неприятеля из Москвы; при этом для беспрепятственного отправления службы была поставлена стража. После разорения 1812 года на возобновление монастыря Святейшим Синодом назначено и выдано 15 тысяч рублей, и монастырь последовательно начал возобновляться как на эти средства, так и на свои и частных лиц, так что к 1827 году монастырь был совершенно возобновлен и ожил, так сказать, материально и нравственно; нравственно потому, что неоднократно перед тем возникала мысль о закрытии монастыря по ветхости его зданий. Однако находились люди, которые устраняли эту мысль напоминанием, что здесь был дом предков царствующего рода Романовых.

В монастыре существует одна только двухэтажная соборная церковь с престолами: вверху — Знамения Богородицы, внизу — Преподобного Сергия Радонежского с приделом Николая Чудотворца. В главном иконо-

стасе собора находится образ Знамения Богородицы, тот самый, перед которым молился родоначальник царей святейший патриарх Филарет Никитич. Есть родовое моление царствующего Дома Романовых. Из описи домово́й церкви Знамения, составленной в 1631 году, видно, что не только святая икона, но и сами украшения ее большей частью сохранились в целости с тех времен. То же показывает и изображение Пресвятой Богородицы с Предвечным Младенцем и святыми. Людьми, изучавшими искусство древней иконописи, написание иконы относится к XVI веку или не позднее начала XVII века. Цвет красок на ликах имеет вид крепости кости, около ликов, около ручек и между перстов Богоматери и Спасителя обведено золотом. Икона эта не была даже ни разу обновляема. Постоянное пребывание ее в холодных церквях Знамения, без сомнения, содействовало сохранению ясности святых ликов. Только в 1843–1844 годах сделаны были некоторые изменения в украшениях иконы, которые, не скрыв ее древности, придали ей только более благообразный вид. Перед иконой Богомате-

ри стоит подсвечник, в который вставлена серебряная лампада — дар великой инокини Марфы Ивановны за многолетнее здравие сына, о чем свидетельствует сделанная на лампаде надпись[164]. Из других образов замечательны: древняя икона Знамения с херувимами, как полагают знатоки, кисти известного живописца Симона Ушакова, образ Страшного Суда на правой стороне паперти при входе в нижнюю церковь, относящийся к концу XVII века, так называемого фряжского письма, и образ Казанской Божьей Матери древней иконописи XVII века. Ризница монастыря довольно богата, хотя многие вещи и похищены в 1812 году[165]. В монастырской библиотеке есть также немало замечательных рукописей и книг, хотя опять-таки некоторые из них порваны и расхищены в том же, 1812 году. Все это были вклады царей, цариц и частных лиц. Большинство из них относится к XVII и XVIII векам.

Настоятельство в монастыре первоначально устроено было игуменское и братии было 41 человек. Монастырь состоит под управлением архимандритов и принадлежит ко 2-му

классу. С самого основания монастыря и до 1771 года возле него было кладбище и число погребенных как монахов, так и разных званий лиц было значительно, судя по синодику и по обилию надгробных камней, находимых в земле при постройках. Средства монастыря сравнительно хороши: он обладает доходными домами, мельницами, лугами, огородами, которые или положены по штату, или подарены высочайшими особами и частными лицами.

Палаты бояр Романовых. По вступлении на престол царя Михаила Федоровича и по занятии им царских палат в Кремле наследственный дом его, находившийся в Китай-городе, стал известен как Старый государев двор. При доме находились каменная церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы и другие каменные здания, расположенные на скате горы к Москве-реке в четвероугольнике, обращенном одной стороной на Варварскую улицу. Поэтому иногда писали: «Старый государев двор, что на Варварском крестце», или «у Варвары-горы».

Вопрос о времени основания дома бояр Ро-

мановых на Варварской улице тесно связан с вопросом о доме предков их близ Георгиевской церкви на Дмитровке[166]. Несомненно, что двор прадеда царя Михаила Федоровича Юрия Захарьевича, скончавшегося в 1505 году, был при каменной церкви Св. Георгия на Дмитровке. Таким образом, начало Старого государева двора на Варварке не может восходить ранее XVI века. Хотя дочерью Юрия Захарьевича Феодосьей и основан был при Георгиевской церкви монастырь, о котором определено в первый раз упоминается в 1523 году, но дом его и по основании монастыря остался близ него во владении сына Юрия Захарьевича — Романа Юрьевича, давшего фамилию царствующему роду[167]. В этом доме жили дети его: Даниил, Никита и Анастасия, впоследствии первая супруга Ивана IV. В жизнеописании Геннадия Любимоградского[168] сказано, что этот святой подвижник был в доме вдовы Романа Юрьевича по желанию ее и благословил ее детей, причем, благословляя Анастасию, сказал: «Ты еси роза прекрасная и ветвь плодоносная, будеши нам государыня царица». Это и совершилось 3 февраля 1547

года, когда она сочеталась браком с царем Иваном IV Васильевичем, и за что царица впоследствии много благодетельствовала монастырю Геннадия в костромских пределах. Из этого ясно, что между 1543–1547 годами дети Романа Юрьевича, Даниил и Никита Романовичи, представляются еще живущими со своей матерью. К этому еще надо присовокупить следующее соображение: так как родовой дом обыкновенно поступал в наследство старшему сыну, то двор на Варварской улице, принадлежавший младшему сыну Никите Романовичу, приобретен и основан им первоначально. В Знаменском монастыре сохранилось предание об одном из старых домов боярских, что он построен еще до рождения Филарета Никитича, и, следовательно, до 1560 года. Кроме того, так как первая супруга Никиты Романовича скончалась в 1552[169] году и отделение его от старшего брата естественно могло совпадать с началом его семейной жизни, то основание дома можно полагать ранее 1552 года.

Таким образом, по историческим данным и разным соображениям, основание дома Ро-

мановых на Варварской улице обязано Никите Романовичу в первой половине XVI века. В 1571 году, во время нашествия Девлет-Гирея, когда вся Москва, кроме Кремля, предана была пламени, пострадал, по всей вероятности, и двор Никиты Романовича. После этого спустя десять лет, в 1580 году, хозяин дома подвергся опале Грозного: после брака своего с Марией Нагой царь послал на двор Никиты Романовича 200 стрельцов, которые и расхитили все достояние боярина. Никита Романович, кроме того, лишился всех своих поместий и остался в совершенной бедности, так что принужден был просить у проживавших подле него англичан материи на одежду себе и детям. В дни славы и благоденствия своего Никита Романович не чуждался сближения с англичанами, и один из них давал даже уроки латинского языка сыну его юному Федору Никитичу, впоследствии патриарху российскому. Впрочем, Иван Васильевич возвратил милость к шуринам по первой незабвенной своей супруге и, умирая, назначил Никиту Романовича в числе четырех ближайших советников сыну своему царю Федору Ивановичу.

По возвращении царской милости боярину Никите Романовичу, затем по вступлении в отеческое наследие Федора Никитича, бывшего в великой милости у царя Федора Ивановича, двоюродного брата его, двор их приведен в наилучший вид. В Знаменском монастыре сохранилось предание, что царь Михаил Федорович родился на Старом своем государевом дворе, или на том месте, где ныне стоит Знаменский монастырь. В первый раз предание это является записанным в первой половине XVIII века при архимандрите Николае по случаю прошений его о пособии для восстановления ветхих старинных монастырских зданий. Затем указал на то же архимандрит Аполлос в 1817 году. Михаил Федорович, как известно, родился 12 июня 1596 года. Хотя отец его Федор Никитич в 1593 и 1594 годах был псковским наместником, но жил в Москве и вел в то время переговоры с иностранными послами. В 1596 году Федор Никитич был отдельным воеводой в Крымском походе. В июне 1597 года он опять в Москве. Из всего этого можно заключить, что отец Михаила Федоровича жил в Москве, а в год его

рождения, по всей вероятности, находился в Крымском походе.

Со времени заключения Федора Никитича царем Борисом в темницу в 1599 году и пострижения его под именем Филарета в Сийском монастыре Архангельской области двор на Варварке долго оставался без своего хозяина, и хотя Филарет Никитич был при самозванцах в Москве, но не долгое время и, как монах, не жил в своем доме.

По избрании Михаила Федоровича на престол России наследственный дом его не мог быть оставлен без внимания. В то время при Знаменской церкви на Старом государевом дворе был уже протопоп Иаков с двумя священниками и третьим придельным и другими лицами клира. Что же касается до палат царских, то они едва ли кем были заняты.

В 1626 году мая 3-го дня пожар, опустошивший Москву, не пощадил и государева двора. Следствием его было расширение Варварской улицы. Но каменные палаты на углу этой улицы и Псковского переуллка оставлены на старом месте. Через сорок два года государев двор снова погорел. При возобновлении

построек старые палаты были разобраны по погребной свод и сделаны новые палаты с крыльцом. Палаты эти получили название «на верхних погребях», иногда же их просто называли «верхними» в отличие от других, которые были на монастыре ниже их и также с погребями. С начала и до конца XVII века (до 1675 г.) палаты эти стояли одни на Варварской улице. По возобновлении в палаты были помещены казенные кельи, которые в то время после храмов Божьих считались первым местом в монастыре, так как в них находилось монастырское правление и хранились драгоценности. Палаты пристроены были к горе: они только двумя верхними этажами выходили на Варварскую улицу, а третий этаж виден был только из монастыря. В первой половине XVII века казенные кельи из палат перенесены в другое место, а в палатах помещился на житье грузинский митрополит Афанасий со штатом. Он жил в них десять лет (1752–1762 гг.), и потому палаты назывались архиерейскими. После выбытия митрополита по крайней скудости монастырских средств палаты стали отдаваться в арен-

ду.

В тереме палат Романовых находятся точные списки с портретов царей Михаила Федоровича и Алексея Михайловича, две картины, изображающие московское посольство с крестным ходом в Кострому к Михаилу Федоровичу, умоляющее его принять бразды правления осиротевшим государством, а мать его — благословить сына на царство[170]; и торжественную народную встречу Михаила Федоровича Романова в Сретенских воротах [171].

В опочивальне есть еще замечательный старинный портрет царя Алексея Михайловича. Тут же находятся зеркала, которые употреблялись в гаданиях на Святках: в них гляделись боярыни и боярышни и оглядывали свои наряды на себе. Подле зеркал разные женские принадлежности: коробочки и ларчики для румян, белил и сурмил, серьги, перстни, опахалы и т. п.

Подклет, или нижнее жилье, напоминает старинное боярское хозяйство. Тут помещается поварня, или стряпушая, с русской печью и старинной кухонной утварью: кувшины, кун-

ганы, братины, ендывы[172], фляги, жбаны медные и железные с разными надписями.

В подвальный этаж, или погребье, ведет широкая каменная лестница, по ней вкатывали и спускали в медушу бочки с фряжскими винами, пивом, медом и квасом.

Из этого краткого описания устройства палат бояр Романовых можно составить себе некоторое понятие о всем домашнем обиходе нашего древнего боярина. Но этот боярский памятник имеет для нас значение более важное, нежели остаток древности: он дорог сердцу каждого русского как колыбель, как место рождения родоначальника царственного Дома Романовых.

Скажем теперь несколько слов по поводу того, почему именно икона Знамения Пресвятой Богородицы была особенно почитаема в доме бояр Романовых.

Изображение Пресвятой Богоматери с воздетыми в молении дланями относится к первым векам христианства. Наименование же иконы молящейся Богоматери с Предвечным Младенцем Знаменской восходит к концу XII века, когда Пресвятой Матери Господа угодно

было явить своей иконой чудо избавления Новгорода от врагов. Это произошло в 1170 году, 25 февраля. Суздальцы ворвались в пределы новгородские и осадили самый Новгород. Осажденные по предложению архиепископа Иоанна внесли икону Пресвятой Богоматери на городскую стену. Суздальцы пускают на стены тучи стрел. Одна из них ударила в св. икону, и лик Богоматери обратился к городу: слезы капали из очей пречистые и были принимаемы на фелон Иоанном. На суздальцев напал ужас, и они бежали. Новгородцы довершили поражение врагов.

Родоначальники будущих царей избрали Царицу Небесную своей заступницей в новгородской иконе Знамения потому, что в их роду, как говорит предание, «было от сея иконы знамение». Кроме того, служебная деятельность предков царствующего Дома неоднократно обращена была к Новгороду и его пределам. Еще во времена великого князя Василия Дмитриевича боярин Федор Андреевич Камбила был наместником новгородским [173]. Затем, во время княжения Ивана III, Юрий и Яков Захарьевичи долго (первый не

менее 20 лет) с честью служили в должности наместников новгородских. Наконец, Никита Романович также был наместником новгородским и со славой участвовал в войнах против шведов, литовцев и ливонских рыцарей. Не надо забывать и того, что в 1612 году, 27 ноября, т. е. в день праздника Знамения Богородицы, пределы России совершенно очищены от врагов. Замечательно и то, что под грамотой об избрании на царство Михаила Федоровича из трех сохранившихся печатей две с изображением Знамения.

Из всего сказанного понятно, почему именно икона Знамения Пресвятой Богородицы чтилась в доме Романовых.

Церкви в Китай-городе

Пророка Ильи, что на Новгородском подворье. На месте настоящей церкви существовал прежде Ильинский, что на Торговище, мужской монастырь. Об этом монастыре упоминается в начале XVI века: некто Клим Мужила построил здесь в 1519 году каменную церковь. Более ничего не известно: ни о времени основания обители, ни о том, когда она упразднена. Строение было передано Новгородскому архиерейскому дому, и церковь, несомненно, осталась от прежнего монастыря и начала именоваться церковью Св. Ильи Пророка на Новгородском подворье.

Во время царствования царя Михаила Федоровича в 1626 году первоначальная церковь сторела и была выстроена новая, несравненно меньше первой. Церковь возобновлена А. А. Пороховщиковым при постройке Теплых рядов в 1864 году. Храм не имеет в себе ничего замечательного. Но прежде сюда был, как уже говорилось, крестный ход 20 июля по случаю двухлетней засухи, бывшей при царе Алексее Михайловиче. Крестный ход этот со-

вершается и теперь, но уже на Воронцово поле.

В XVI и XVII веках вышеупомянутый Ильинский монастырь на Ильинке назывался также Ильинским на Дмитровке, потому что часть улицы Ильинки слыла тогда Дмитровкой — по церкви Дмитрия Солунского, стоявшей на самом Ильинском крестце. Церковь упразднена в конце царствования Алексея Михайловича, и с тех пор вся улица именуется Ильинкой.

Св. Николая Чудотворца, что у Большого Креста. На Ильинке, близ Ильинских ворот. Главная церковь во имя успения Пресвятой Богородицы.

Храм построен в 1680 году московскими гостями (купцами) Филатьевыми, называется же в народе церковью Св. Николая у Большого Креста по приделу Св. Николая и по большому кресту, устроенному теми же Филатьевыми. Крест этот деревянный в 3 аршина вышины. Он сделан весьма искусно по подобию креста, построенного патриархом Никоном в Крестном Онежском монастыре Архангельской губернии на острове Кие. Крест имеет в

верхнем конце 36 частиц мощей, но каких — неизвестно. Вместо имен написаны 12 праздников. В нижнем конце — 46 частиц мощей с надписями над каждой частицей имени святого. В правом и левом концах по 37 частиц мощей с означением имен святых. Итого в кресте 156 частиц мощей, кроме мощей св. Николая Чудотворца, находящихся в самой середине креста. Крест стоит у правого клироса. Церковь примечательна также напестольным крестом с надписью, что он сделан в 1680 году подьячим Андреем Городецким, образом Всех Святых, писанным в 1700 году Кириллом Улановым.

Наружность храма весьма величественна, в готическом стиле.

Св. Николая Чудотворца, что слывет Красный звон. В Юшковом переулке, между улицами Ильинкой и Варваркой.

Храм построен в 1626 году на месте бывшей тут же, но сгоревшей каменной церкви. Стиль строения церкви можно отнести к XVI Столетию, хотя она впоследствии, в 1691 году, перестроена на средства купца Григория Твердикова. Затем она снова обновлена в

1858 году. При храме приделы: во имя Зосимы и Савватия Соловецких, устроенный иждивением Нарышкиных, и Рождества Пресвятой Богородицы. Храм замечателен тем, что здесь похоронена голова мятежного Соковнина, посягнувшего на жизнь Петра Великого. Труп его был отвезен в убогий дом, но голову с честью похоронили его родственники при этой церкви.

Название церкви «у Красных колоколов», потом «Красный звон», «у Красного звона» и даже «у Хороших колоколов» показывает, что она славилась истари своими колоколами, или звоном. Звон красный — значит веселый, благозвучный, усладительный. В церковном уставе звон на Святой неделе именуется красным. Из древнейших колоколов на колокольне церкви уцелел только один полиелей — на стенках его отлиты в клеймах три лилии с буквами «Е.Т.» и какая-то сбивчивая латинская надпись. Неизвестно, откуда и когда поступил этот древний колокол. Но известно, что во время счастливой войны царя Алексея Михайловича с Польшей во многие города России и даже в Сибирь были посланы вместе

с поляками и литовцами и пленные колокола [174].

Покрова Пресвятой Богородицы. Церковь известна более под именем Георгия на Псковской горе. Построение ее относят к XVI столетию, ко времени царствования Ивана Васильевича Грозного. С 1812 по 1818 год храм был приписан к соседней церкви Св. Николая Красный звон, а в 1818 году иждивением московского купца Петра Федоровича Соловьева возобновлен и освящен. В церкви с самого ее основания было два престола: во имя Покрова Богородицы и во имя св. великомученика Георгия. Но в 1837 году вдова купчиха Мария Николаевна Соловьева, урожденная Усачева, устроила третий придел во имя св. Петра Митрополита.

Варвары Великомученицы. На улице Варварке, получившей название от этой церкви.

Храм этот по архитектуре один из лучших в Китай-городе. Первоначально построен при великом князе Василии III в 1514 году зодчим Алевизом Фрязиным и иждивением знаменитых тогда приезжих гостей Василия Бобра с братьями Вепрем и Юшкой[175]. В 1731 году

церковь обновлена императрицей Анной Ивановной и затем возобновлена еще раз в новом стиле в 1796 году. Внутри храм также возобновлен: иконостас вызолочен, есть образа, богато украшенные ризами. Кроме того, имеется чудотворный образ Варвары Великомученицы, прославившийся чудотворной силой в 1555 году во время малолетства царя Ивана Грозного, и три части (из перстов) ее мощей.

Максима Блаженного. На Варварке же, близ церкви Варвары Великомученицы. Тут существовала древняя деревянная церковь во имя св. князей Бориса и Глеба, в которой в 1434 году был погребен Блаженный Максим. В 1676 году она сгорела, на месте ее в 1698 году царицей Натальей Кирилловной построена каменная церковь во имя св. Максима Блаженного. При церкви придел во имя св. Максима Исповедника, устроенный в 1699 году купцом Максимом Филипповичем Верховитиновым.

Зачатия св. Анны, что в Углу. Церковь и точно находится в углу при повороте стены Китай-города от Москвы-реки к Варварским

воротам, в Кривом переулке. Когда вели каменную стену Китай-города, то пришлось сломать храм в честь св. Николая Чудотворца, который был сооружен за алтарем храма Зачатия св. Анны и стоял на черте этой стены. Чтобы сохранить храм, сделан был выступ стены на четыре сажени. А так как в этом месте восточная и южная стены Китай-города образовали угол, то и само урочище обеих церквей стало именоваться «в Углу». Однако в актах XVII и XVIII веков оно обозначалось различно: то «у городской стены в углу», то «за Соляным рядом, в Зарядье», то «на Варварском крестце», который, вероятно, простирался до этого угла. О времени первоначального построения церкви Зачатия св. Анны летописи ничего не говорят. Но предание выдает ее за одну из древнейших церквей после Спаса на Бору в Кремле. В первый раз летопись упоминает о ней под 1493 годом, когда она сделалась жертвой пламени. В пожар 1547 года она уже была каменная, так как во время пожара она была только повреждена и в нее перенесена свято чтимая икона Одигитрии Божьей Матери, принадлежавшая подъячему Третья-

ку Теплому, дом которого сторел, но икона вместе с покоем, где она находилась, осталась невредима. Царь Иван Васильевич поднял к себе в палаты икону, а храм возобновил и обогатил иконами и утварью. Потом и сам чудотворный образ поставлен был в возобновленном храме. В 1611 году церковь много пертерпела от пожара и хищничества, но царь Михаил Федорович вознаградил утраты, и церковь была облечена в прежнее благолепие. Царь Алексей Михайлович при церкви соорудил придельный храм во имя св. великомученицы Екатерины по случаю рождения в 1658 году своей дочери Екатерины. В 1668 году церковь снова была разорена пожаром и снова возобновлена и украшена. Вообще церковь эту любили цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович и в храмовые праздники слушали в ней обедню, при этом посылалось туда духовенство от патриарха. Придельные же священники с причтом состояли на государевом хлебном и денежном жалованье. Смежная с церковью Зачатия церковь Св. Николая Чудотворца, сооруженная в 1664 году, существовала до конца XVIII столетия. Тут же

была деревянная церковь во имя св. Макария Желтоводского, которая в 1629 году сгорела. Под всеми тремя церквями, кладбищем и усадьбами находилось до 1110 кв. саженой земли.

Храм Зачатия св. Анны обращает на себя внимание не одной своей историей, но и стилем архитектуры и памятниками иконописи, ваяния и литейного искусства разных веков, сохранившихся в недрах его. Квадрат храма выстроен из тесаного белого камня. Фасад закрыт примкнутыми к нему приделами, трапезной и колокольней. В главном храме свод крестовый. Внутренность алтаря освещается двумя окнами. На южной стороне в квадрате с крестовыми сводами придельный храм во имя св. мученицы Мины. У южной стены в трапезной малый придел в честь девяти мучеников, иже в Кизице. На северной стороне придел в честь св. великомученицы Екатерины. Под нижними сводами храма устроены склепы для погребения усопших. Сооружение колокольни относится к первой половине XVIII столетия. Между колоколами особенно замечателен колокол, пожертвованный сюда

для поминования своих родителей князем Дмитрием Михайловичем Пожарским. Колокол называется Амстердамским. В 1892 году храм Зачатия св. Анны прекрасно возобновлен усердием прихожан и освящен 19 ноября того же года.

Св. Климента, папы Римского. Под таким названием церковь известна в народе, но это придел. Настоящий храм во имя Иоанна Предтечи еще с одним приделом во имя Боголюбской Божьей Матери. Храм находится у Варварских ворот.

Первоначально храм построен в 1626 году, потом перестроен вновь в 1741 году иждивением фабриканта Подсевальщикова.

Св. Бессребреников Косьмы и Дамиана, что в Старых Панах. Церковь эта, находясь в Торговых рядах, в Косьмо-Дамианском переулке, имеет хороший наружный вид и довольно богата. Название «в Старых Панах» носит потому, что здесь находился польский Панский двор, о котором упоминается уже в 1508 году. Народ прозвал это место просто Паны. В Троицкий пожар 1737 года на церкви обгорели кровли, а в трапезной погорели

некоторые образа. Нынешняя церковь в честь Успения Пресвятой Богородицы построена в 1803 году. Приделы Св. Косьмы и Дамиана и Иоанна Златоуста.

Св. Троицы (Грузинской Божьей Матери), **что в Никитниках**. Церковь известна более под именем Грузинской Божьей Матери; она находится близ Варварских ворот, в уединенном Грузинском переулке. Как видно из находящейся в ризнице записки, церковь построена вместо прежней деревянной в 1628 году при патриархе Филарете ярославским купцом Григорием Леонтьевичем Никитниковым, почему и называется «в Никитниках». Прежняя церковь, во имя великомученика Никиты, называлась «на Глинищах». Старинное, вычурное зодчество ее поражает взоры своей оригинальной красотой, и жаль, что церковь находится не на более видном месте. Кроме своей красивой наружности и видимой во всех частях церкви тщательной отделки замечательна она еще тем, что в ней находится чудотворная икона Грузинской Божьей Матери. Икону эту выменял у персов в Грузии брат строителя церкви Степан и отдал как вклад в

1625 году в Красногорский монастырь, где сооружена в честь Богоматери соборная церковь[176]. В то время когда в Москве свирепствовала моровая язва, эта икона была привезена в Москву и поставлена в церкви Св. Никиты и прославилась чудотворениями. Московский патриарх Иосиф учредил празднество иконы 22 августа. Престолы в храме: во имя св. Троицы, Грузинской Божьей Матери, Иоанна Богослова, великомученика Никиты и Николая Чудотворца.

Св. Николая Чудотворца, что у Москворецких ворот. Главный храм в этой церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, а Св. Николая Чудотворца — придельный. Слывет более под именем Николая Чудотворца Москворецкого. Находится на Москворецкой улице, ведущей от Красной площади к Москворецкому мосту. Сперва на этом месте была еще церковь, называвшаяся Спас, что у Москворецких ворот, с приделом Андрея Первозванного, но она за ветхостью разобрана в 1783 году. Церковь Св. Николая Чудотворца вновь построена на старом фундаменте в 1829 году.

Св. Николая Чудотворца Мокрого, или Мокрое. И эта церковь известна под этим именем только в общем употреблении, а собственно именуется Покрова Пресвятой Богородицы, во имя какого праздника основана и сама церковь, а во имя св. Николая Чудотворца здесь находится придел, построенный в 1697 году женой окольного Чирикова боярыней Евдокией Авраамовной, дочерью думного дворянина Лопухина, в память кончины дочери своей Неонилы. Здесь еще есть и другой придел — во имя Богоматери всех Скорбящих Радости. Церковь находится в Зарядье, в Мокринском переулке, и называется Мокрое по низменности места, на котором стоит. Церковь каменная. В 1802 году она перестроена заново.

Вознесения Господня. В Ипатьевском переулке, в Зарядье. Церковь сооружена в 1757 году иждивением купца Герасима Лапина. Слывет Ипатской по приделу во имя преподобного Ипатия Гагрского. В 1849 году отдана под Антиохийское (Александрийское) подворье.

Иоанна Богослова, что под Вязом. Об ос-

новании этой церкви, находящейся между Никольскими и Ильинскими воротами, сведений нет, но из Никоновской летописи за 1493 год видно, что она до того времени уже существовала. «Под Вязом» называется потому, что перед алтарем ее до 1775 года рос громадных размеров вяз. В старину при церкви находилось кладбище. В 1825 году церковь за ветхостью была разобрана до основания и построена вновь, постройка окончена в 1837 году. При ней приделы: Покрова Пресвятой Богородицы, Николая Чудотворца, Митрофания Воронежского и Евангелиста Луки.

Живоначальной Троицы, что в Полях. Построена в 1657 году боярином Михаилом Михайловичем Салтыковым, родным племянником матери царя Михаила Федоровича, впоследствии принявшим схиму под именем Михаила. Про этого Салтыкова известно, что он «со своим братом Борисом до приезда государева отца, патриарха Филарета, из Польши пользовались мягкосердием и малоопытностью молодого царя, только и делали, что себя и родню свою богатели, земли крали и во всяких делах делали неправду, промышленя

тем, чтобы при государевой милости, кроме себя, никого не видеть». Они из личных выгод расстроили брак государя с девицей Хлоповой, оговорив ее в неизлечимой болезни. По приезде Филарета из Польши патриарх обнаружил преступления Салтыковых, сослал их в ссылку, мать их была заключена в монастырь, поместья и вотчины отобраны в казну за то, что они «государской радости и женитьбе учинили помешку». Но по смерти Филарета Никитича царь немедленно возвратил Салтыковых с прежними чинами.

До постройки церкви во имя Живоначальной Троицы Салтыковым здесь была церковь во имя св. Георгия Победоносца, построенная, как полагают, кем-либо оправданным судом Божиим в знак благодарения. При земляных работах в близлежащих домах найдена в разное время большая масса костей человеческих, хорошо сохранившихся парчовых лоскутков, башмаков и других вещей, свидетельствующих, что здесь когда-то было большое кладбище.

Сама по себе церковь, перестроенная между 1825 и 1834 годами и внутренне украшен-

ная в 1874–1875 годах, не представляет ничего примечательного ни по наружному, ни по внутреннему устройству. Но название ее «в Полях» заслуживает особого внимания: оно напоминает о бывших на Руси судебных поединках, или суде Божьем.

Любопытно вспомнить происхождение этих поединков, совершавшихся только в одной Москве и носивших общее название «поле».

Первое упоминание о поле, или судебном поединке, относится к XII столетию, но это упоминание принадлежит чехам. У нас в России в первый раз ясно упоминаются такие поединки в XIII столетии.

Заметим здесь, что все без исключения народы с самой глубокой древности имели свои расправы. С образованием и смягчением нравов расправы стали являться в различных видах, но проступки, преступления и обиды требовали суда: иначе всегда был бы прав только сильный. Первым судьей людей был голос совести, потом судьями признавались старейшины семейств, и, наконец, судьями стали люди избранные. Эти избранные поступали

сообразно с ходом дела, произносили свой приговор, и опытность их была порукой в справедливости решения, Преимущественно же они решали дела свои просто по совести. Но при этом, разумеется, часто случалось, что обвиняемый при недостатке доказательств вины его не признавал приговора: тогда для суда оказались необходимы улики и стали требовать к допросу свидетелей. При первом нашем законодательстве Ярослава Мудрого улики назывались двойко: видок и послух. Видок — очевидец преступления, послух — знающий его по слуху. Свидетельство первого было, конечно, важнее показаний второго. Кроме того, важное влияние на суд имело и число свидетелей: например, если кто-нибудь доносил об убийстве и против обвиняемого было семь человек свидетелей, тогда все оправдания преступника были недействительны. Так говорится в «Русской правде» Ярослава. Царь Иван III Васильевич в своем «Судебнике» уничтожил свидетельство послуха, а вместо того ввел «обыски» и «очные ставки».

Но и этими мерами истина не всегда обна-

руживалась, и открытие ее зависело исключительно от совести обвинителя и обвиняемого. Тогда дело решалось судебным поединком. Эти поединки с давних времен были в большом ходу в разных государствах Европы, особенно в Германии. Германцы употребляли этот способ для решения всех вообще темных дел. Наши же предки прибегали к нему только в важных случаях и называли его судом Божьим: они верили в правоту и всемогущество Бога и вверяли Его суду свое дело. Германцы производили поединки мечами и почти всегда оканчивали смертью или по крайней мере увечьем. У нас дело происходило несколько иначе. В примечании к своему «Судебнику» Василий Никитич Татищев говорит: «Поле разумеем поединок — пред судьями битья палками во делах, не имущих достаточного доказательства; ибо ротою, т. е. клятвою или присягою, утверждать или оправдаться опасались душевредства». Приступавшие у нас к поединку облакались всегда в полные доспехи и вооружались ослопами, т. е. дубинами, но уже с XVI столетия употребляли и другое оружие. Бой происходил на назначен-

ном месте на обширной поляне, со всех сторон огороженной, в присутствии судей. Кто одолел, тот был прав, а уступивший силе своего противника признавался виновным и платил пошлину чиновнику и служителям, которые должны были присутствовать при бое и наблюдать за порядком.

Таких полей в Москве было несколько: в Белом городе, у церкви Параскевы Пятницы, в Охотном ряду, у церкви Св. Георгия на Всполье, в Кудрине, где храм Покрова, и главное — у Троицы, за городской стеной на берегу речки Неглинной. Здесь были три полянки с нарочной канавой. Здесь тягавшиеся дрались до крови, а иногда и до смерти убивали друг друга. Тут же были и легкие поединки. Спорящие, например, становились по разным сторонам канавки и, наклонив головы, хватали один другого за волосы, и кто кого перетягивал, тот и прав бывал. Победенный должен был перенести победителя на своих плечах через Неглинную. Перед таким поединком иногда предлагали соперникам и мировую, о чем напоминает старая пословица «Подавайся по рукам! Легче будет волосам!». В против-

ном случае они хватались за волосы. Надо иметь еще в виду, что на поединок могли вызывать все свободные люди государства: ни сан, ни знатность, ни богатство не освобождали от вызова. Если обвиняемым или обвинителем был старик, юноша, больной, увечный, поп, монах, женщина, то они могли нанять за себя поединщика присутствовать при суде Божьем. При этом находились всегда окольные, дьяк, подьячий и стряпчие. Поединщики платили в казну особые пошлины, которые назывались полевыми. Уничтожение судебных поединков последовало в 1556 году: судебные поединки заменило Крестное целование на Никольском кресте и у церкви Св. Николая Чудотворца, что у Большого Креста.

При храме Троицы в Полях имеются два придела: Преподобного Сергия Радонежского и Святителя Николая Мирликийского. Прежде в нем были еще приделы во имя Пресвятой Богородицы Одигитрии и Бориса и Глеба, а также при церкви находилась особая деревянная церковь во имя преподобного Сергия Чудотворца, построенная князем Ива-

ном Алексеевичем Воротынским, при которой погребались тела княгинь Воротынских. В первой половине XVIII века боярин Тихон Никитич Стрешнев построил на месте ее каменную — придельную. Старое кладбище при Троицкой церкви находилось на восточной стороне ее — на том месте, где теперь церковный дом, часовня и лавки для книжной торговли. Новое кладбище находилось на западной стороне церкви, где теперь сараи, примыкающие к соседнему дому. При перестройках, как уже сказано, на этих местах было найдено много костей и несколько замечательных гробов. Проход в Китайской стене, ведущий с Китайского проезда через церковную землю на Никольскую улицу, сделан при очистке стены от загромождавших ее частных пристроек в период с 1816 по 1824 год.

К церкви Троицы в Полях приписана еще церковь Успения Пресвятой Богородицы, находящаяся на Никольской улице, на дворе торгового дома Чижовых. Церковь весьма невелика, каменная. Она построена на месте бывшей церкви Св. Жен Мироносиц, сгоревшей в пожаре 1626 года. Церковь эта много

раз обновлялась внутри владельцами близлежащих домов. Колокольни она не имеет. Приписана она к Троице в Полях в 1803 году, и с тех пор священнослужение в ней совершалось священником с причтом от Троицкой церкви. С 1848 года служение в Успенской церкви предпринято начинать с пятницы Светлой недели и совершается по пятницам каждую неделю летних месяцев, если нет необходимости служить в приходской церкви. Служба совершается Богоматери[177]. При постройках соседних домов у этой церкви также найдено много гробов и человеческих костей. Несомненно, и тут было когда-то кладбище.

Церковь Владимирской Божьей Матери.

На том месте, где находится этот храм, издревле существовала часовня, воздвигнутая, вероятно, в 1395 году по случаю принесения из Владимира в Москву чудотворной иконы Владимирской Богоматери, список с которой и находился в часовне. При построении стены Китай-города (1534 г.) часовня осталась на прежнем своем месте и стена примкнула к ней.

Посвящая храмы имени Богоматери, церковь наша посвящала ей и особенные торжества, или праздники. Таким образом, в честь иконы Владимирской Богоматери учрежден праздник и крестный ход, но так как на всем пространстве Сретенской улицы и Лубянки, проходивших через Земляной и Белый город, до конца XVII века еще не было церкви в прославление чудотворной иконы, то мать Петра Великого царица Наталья Кирилловна дала обет соорудить церковь во имя Богоматери. День этого Богородичного праздника (26 августа) особенно почитала царица и потому еще, что с воспоминанием Сретенья чудотворной иконы (26 августа 1395 г.) соединялось ее тезоименитство (св. мучеников Адриана и Наталии).

По указу Петра Великого эта обетная церковь начата строением 30 июня 1691 года и окончена 18 августа 1692 года на иждивение Стрелецкого приказа под заведованием боярина князя Ивана Троекурова, освящена 28 октября. В то же время поставлена и колокольня. Через два года к церкви пристроена была трапезная, о чем и свидетельствует вы-

сеченная на каменной доске над западными дверями трапезной надпись. Царица Наталья Кирилловна не дожидая до окончания строительства этой церкви.

В стиле храма заметно смешение разных архитектур, и он особенно отличается фигурными наружными украшениями. На углах здания выказываются тройные полуколонки, из которых одна — с гранью витая, а прочие — гладкие, те и другие с кудреватými капителями. Трапезная, примыкающая к нижнему ярусу, одинакового стиля с главным храмом. Восьмигранная колокольня стоит на южной стороне среди церковного дома. Колоколами снабдил церковь при постройке тогдашний Земских дел приказ; в 1848 году они были перелиты.

Во внутренности храма восьмигранный свод покоится на тройных пазухах в углах. Окна в три света. На своде и стенах изображены двенадцатые праздники, чудеса от иконы Владимирской Божьей Матери и летописное сказание о том, как 21 мая 1512 года крымский хан Махмет-Гирей не посмел сделать набег на Москву.

Прежде храм этот был теснее, имея еще и придел Благовещения Пресвятой Девы Богородицы, существовавший с 1816 года. Но при постановке нового иконостаса в 1849 году с уменьшением алтаря и упразднением придела храм сделался просторнее. Иконостас состоит из четырех поясов, в которых образа писаны в строгом иконном стиле.

В числе местных икон особенно замечательны две: Спаса Нерукотворного, писанный в XVIII столетии, и точный список с чудотворного образа Владимирской Богоматери в золотой ризе, весьма богато украшенной драгоценными камнями.

В каменной часовне при церкви, которая перестроена в 1805 году, тоже находится икона Владимирской Богоматери в прекрасной серебряной ризе, сделанной на средства частного лица.

В церковной ризнице из старинных утварей сохранилось Евангелие печати 1745 года, и в эту же церковь императрица Мария Федоровна пожаловала драгоценные воздухи собственной работы.

Не имея своего прихода, церковь эта имеет

прихожанами своими всю Москву. Всякий из ее православных жителей, следуя Никольской улицей, помолится Заступнице рода христианского...

21 мая в церковь Владимирской Богоматери из Успенского собора совершается крестный ход, который до 1722 года отправлялся в Сретенский монастырь. С того года он был прекращен, но был возобновлен снова с назначением совершать его в означенную церковь. Этот третий крестный ход и праздник в честь явления Богоматери[178] получили свое начало в 1514 году в память возобновления чудотворной ее иконы митрополитом Варлаамом и подтвержден в 1525 году, в 25-й день мая, по случаю избавления Москвы от нашествия крымского хана Махмет-Гирея.

Упраздненные церкви и монастыри в Китай-городе. В XVI, XVII и XVIII столетиях в Китай-городе было вдвое больше церквей. Более всего их было в Зарядье, т. е. в местности за Торговыми рядами, расположенной на неровной отлогости горы и представляющей даже в последующее время что-то такое похожее на древность. Улицы здесь узки, дома стеснены.

На этом пространстве, т. е. между Варваркой и стеной Китай-города к Москве-реке, до времени императрицы Екатерины II существовали церкви: 1. Николая Чудотворца, что в Углу, с приделами Спаса и Анастасии Узорешительницы; 2. Макария Желтоводского, построенная в 1619 году; 3. Ирины Великомученицы, что в Углу; 4. Мины Мученика, что в Углу же, с приделом Девяти Мучеников; 5. Апостола Андроника; 6. Спаса Смоленского; 7. Дмитрия и Игнатия, чудотворцев Вологодских; 8. Дмитрия Солунского; 9. Св. Жен Мироносиц. Церковь эта стояла под горой за церковью Варвары Великомученицы, и при ней находилось кладбище, а близ него застенки со всеми пыточными принадлежностями[179].

Близ же церкви Варвары Великомученицы находилась церковь Воскресения Христова в Булгакове, известная с начала XVII века и построенная купцом Фомой Булгаковым. Тут тоже до 1771 года было кладбище. Церковь упразднена в 1789 году.

У Гостиного двора находилась небольшая церковь во имя Введения Пресвятой Богородицы и именовалась «что у Гостиного двора»,

с приделом Ионы Митрополита. По строительной книге 1639 года она значилась златоверхой, была построена в 1491 году и уничтожена в конце XVIII столетия.

За нынешней купеческой Биржей существовала церковь во имя Успения Божьей Матери. Она слыла еще Пятницкой, потому что тут ранее находилась церковь во имя Параскевы Пятницы, образ из которой во имя св. Параскевы был перенесен в Успенскую церковь. Успенская церковь упразднена и разобрана при возобновлении биржевого здания в 1873 году[180].

По предложению митрополита Платона упразднена и разобрана в 1808 году церковь Св. Жен Мироносиц, находившаяся на земле графов Шереметевых. Церковь находилась на Никольской улице, напротив Печатного двора, и при ней имелось кладбище. Ранее, в XVI веке, тут находился Мироносицкий на Никольском крестце мужской монастырь. Но когда он построен и когда упразднен — неизвестно. Упраздненная же церковь, вероятно, и была монастырской.

Рядом с Богоявленским монастырем нахо-

дился до конца XVII века Троицкий монастырь, что на Торжке, именовавшийся также Троицким Богоявленским. Монастырь этот истари приписан был к Троице-Сергиевой лавре. Впоследствии по упразднении монастыря он назывался Стряпческим домом Сергиевой лавры. В этом монастыре настоятелями были троицкие келари: из них Арсений Суханов в 1649 году послан был в Иерусалим для описания святых мест и греческих церковных чинов[181].

Об упраздненном Ильинском монастыре на Торговище мы уже говорили раньше.

Кроме этих церквей и монастырей упразднено несколько церквей на подворьях и в домах частных лиц. На подворьях: Воронежском, Свирском, Пафнутьевском, Осиповском, Калязинском и др. В домах: Одоевских (в Черкасском переулке), Шереметевых и купца Михаила Веревкина. Церковь в доме последнего, находившемся при парчовой фабрике у Варварских ворот, уничтожена в 1824 году.

Замечательные здания Китай-города

Синодальная типография. В древности дом этот, находящийся на Никольской улице, был известен как Печатный двор. Он построен в 1553 году по повелению царя Ивана IV Васильевича. В первое время это большое каменное здание было о двух этажах с подклетьями, или погребами. Оконницы в нем были слюдяные, кровли и другие пристройки деревянные. Типографский двор был огорожен острым деревянным частоколом, а на Никольскую улицу выходили большие деревянные ворота с кровлей. В 1643 году по повелению царя Михаила Федоровича на Печатном дворе, на пространстве в длину 39 сажений по Никольской улице, были сооружены двухэтажные каменные палаты, а два года спустя была окончена постройка каменных ворот с башней. Надворная башня имела в высоту 13 сажений. Здание построено в стиле готической архитектуры, смешанной с арабским и итальянским стилем. В середине ворот над створами в большом овале лепное изображение

ние всевидящего ока в лучах. В бельэтаже над воротами находятся солнечные часы: их двое и помещены они по сторонам в симметрии. Над бельэтажем — английский герб. Последний вызвал предположение, что дом этот некогда принадлежал английским послам и что царь Алексей Михайлович, разгневанный на них за то, что они умертвили своего законного короля Карла I, отнял его у них. Но это предположение опровергается следующей надписью на доме: «Божию Милостию и повелением благоверного и христолюбивого царя и великого князя Михаила и сына его государева царевича великого князя Алексея Михайловича всея России сделана бысть сия палата на дворе над воротами книгопечатного тиснения в лето 7155 (1645) месяца иуния в 30 день».

Эта надпись, как видим, относится только к наружному, на улицу, строению, а не к тому, которое находится внутри двора. Последнее, как сказано выше, построено при Иване IV Васильевиче. Надо полагать, что фигуры коня и единорога, считаемые за герб Англии, есть не что иное, как герб самого царя Ивана

Васильевича, который употреблял фигуры этих животных на своей печати.

Здесь совершенно уместно рассказать, как началось у нас книгопечатание.

История русского книгопечатания начинается с половины XVI столетия. Наши типографчики устроили русское книгопечатание по образцу заграничных славянских типографий, имея в виду издания краковские, виленские и венецианские, появившиеся с 1491 года. Русские хорошо знали о важном европейском открытии, но не имели способов выполнить это дело в своей земле. Еще великий князь Иван III Васильевич, отправляя своего посла Триханиота за художниками, предлагал огромное жалованье знаменитому любекскому типографщику Варфоломею, чтобы он приехал в Москву устроить печатное дело. Недоброжелатели русских отклонили доброе намерение великого князя. Царь Иван IV Васильевич вздумал снова искать художников в Германии для книжного дела. Приискание мастера замедлилось: нерешительность иностранцев и русских происходила с обеих сторон. В 1551 году возведено было царское сло-

во владыкам и правителям: приехать в Москву. Никто не предвидел тогда, что царь готовил для России книгопечатание.

Когда избранные люди съехались в Москву, царь явился на совет первосвященников и сановников и возвестил им: «Вас я молю, духовные пастыри, если обрел благодать пред вами, утвердить во мне любовь, как присно вашему сану. Изреките вы единодушное слово к благочестию и устройению всего православного христианства. Да будет от нас далеке всякое разногласие, и да содержат нас согласие и единомыслие».

После этого государь предложил собору письменные вопросы, испрашивая на них разрешение. В пятом вопросе царь предлагал: «Наши писцы пишут божественные книги с неправильных переводов, списывают их без исправления, прибавляют ошибки к ошибкам, делают недописи и точки не прямые». Собор, выслушав царское предложение, назначил исправительные меры в одном только списывании. Вековые предрассудки ничему не уступили: грамотеи по-прежнему уродовали письменные книги.

Прискорбные вести о нелепом переписывании, отовсюду доходившие до царя, ускорили царское предприятие. Царь предложил митрополиту Макарию приступить к печатанию церковных книг, как это доселе делают греки, фрязи и венециане. Митрополит немедленно приступил к исполнению царской воли. Приступлено было к постройке Печатного двора. Хотя в то время датский король Христиан III и прислал в Москву своего типографщика Ивана (Ганса) Богбиндера[182], но в народе давно уже носились слухи, что в Москве есть свои мастера, которые «малыми некими и неискусными начертаниями печатаваху книги». К радости царя и митрополита, были отысканы эти мастера: Иван Федоров, дьякон церкви Св. Николая Гостунского в Кремле, и друг его Петр Тимофеевич Мстиславец. Десять лет прошли в приготовлениях. Печатный стан и буквы привезены были в Москву из Польши. Царь не Щадил своих сокровищ на печатное дело.

Наконец 19 апреля 1563 года русские типографщики начали набирать первую книгу. Почти год продолжалось печатание. 1 марта

1564 года была отпечатана в Москве первая книга — «Деяния и послания Апостолов». Издатели напечатали ее в малый лист, на плотной голландской бумаге, славянскими продолговатыми буквами, с фигурными вензельными заставками. Все оглавления и заглавные буквы напечатаны киноварью. В начале книги приложен резной на дереве эстамп, представляющий евангелиста Луку.

Как первый опыт, русская книга не достигла полного типографского искусства: набор сделан был с ошибками, по большей части без расстановки слова от слова, главы отмечены счетом на полях, из знаков препинания употреблены точка и запятая, и то без разбора, в конце строк не видно переносного знака, счет листов напечатан под нижними углами правой страницы.

Издатели в конце книги приложили послесловие, объясняющее первоначальное основание Московской типографии, но ничего не говорят об участии в этом деле датчанина Ивана Богбиндера, хотя некоторые изыскатели нашей старины и уверяют, что печатание книги сделано под его руководством.

Русские с удивлением смотрели на свою первопечатную книгу: не хотели верить, что человеческое искусство могло когда-либо произвести такое чудное создание. Изумленные грамотеи вооружились против нововведения, так как книгопечатание решительным ударом грозило подавить их невежественное переписывание, типография убивала их рукописный промысел. Недовольный ропот быстро пробежал из толпы невежд в боярские палаты и в кельи отшельников. Гонителей появилось немало, не было ни одного защитника. Покровитель книгопечатания митрополит Макарий скончался, не успев водворить на Руси это благодетельное устройство. Без него всюду бедные типографщики встречали врагов. Народ кричал, что печатники колдуны, что они своей злой ересью составляют печатные книги. К общему изумлению, суеверы даже подожгли ночью типографию. Беззащитные русские типографщики принуждены были бежать в Литву. Там польский король Сигизмунд III принял их под свою защиту. Гетман Великого княжества Литовского Григорий Александрович Ходкевич, поборник пра-

вославия, поселил типографщиков в своем имении, подарил им селение и приказал устроить типографию в Заблудове Волынской губернии. Здесь московские типографщики с 8 июля 1568 года начали набирать «Учительное Евангелие» и напечатали его 17 марта 1569 года.

Счастье московским типографщикам и в Заблудове благоприятствовало недолго. Со старившись, Ходкевич потерял ревность к изданию книг и заставил типографщиков заниматься земледелием. Скоро типографщики покинули Заблудово и навсегда разлучились: Федоров переселился во Львов, а Мстиславец — в Вильно. Федоров во Львове терпел страшную нищету, однако же с помощью некоторых лиц напечатал «Апостол». К книге приложен был герб города Львова и знак типографа: «Иван Федорович друкаръ москвитин».

Из Львова Федоров переселился в Острог, где волынский князь Константин Константинович Острожский, защищая православие, предпринял издание церковных книг. В 1580 году Федоров напечатал в одной книге Псал-

тирь и Новый Завет, а в 1581 году издал известную Острожскую Библию.

Через два года после этого важного подвига Иван Федоров скончался во Львове. Он был погребен в Онуфриевской церкви, где и отыскан его надгробный камень.

Петр Мстиславец был несколько счастливее своего товарища. В Вильно братья Мамоничи устраивали типографию. Они приняли к себе в дом Мстиславца, где он и напечатал две книги: Евангелие в 1575 году и Псалтирь в 1576 году. Последние дни Мстиславца неизвестны.

Печатному делу в Москве, однако, не суждено было погибнуть. Оно хотя и медленно, но продолжалось.

В царствование Федора Алексеевича на Печатном дворе были произведены новые постройки. По царскому указу в сентябре 1681 года ведено весь Иконный ряд, находившийся на Никольской улице, переместить на Печатный двор, где и выстроено было для иконных торговцев по обеим сторонам двора десять деревянных лавок, так как иконная торговля на большой проезжей улице найдена была

неприличной.

В то же время Симеон Полоцкий, бывший учитель царя Федора Алексеевича, завел особую типографию, называвшуюся «верхней», и там помимо других книг печатал свои собственные сочинения. Первая книга, напечатанная в этой типографии, была «Тестамент» Василия, царя греческого. После нее вышла Псалтирь, переведенная стихами Полоцким. В типографии имелись уже греческие и латинские литеры. В начале XVIII столетия там отпечатаны были «Трехязычный букварь» и «Лексикон», составленный Федором Поликарповым, бывшим типографским учеником.

Подвергаясь несколько раз пожарам и перестройкам, в ночь на 9 сентября 1773 года треснула надворная башня Печатного двора и тогда же была разобрана. Вскоре после этого и прочие части здания начали грозить падением. В 1810 году палаты эти были сломаны и на месте их по плану архитектора Мироновского в 1814 году было выстроено здание типографии в готическом стиле с сохранением над воротами по возможности тех орнаментов и узоров, которые наложены были на

камнях прежней, старинной постройки, и с помещением над ними изображения льва и единорога.

Таким образом, из древностей Печатного двора уцелело внутри его одно здание, где помещались справочные книгохранительные палаты, — единственный в своем роде памятник, сохранивший не только наружные формы, но и внутреннюю стенопись.

Типографские палаты видны при входе во двор. Они возобновлены в 1875 году. Верхний этаж состоит из двух палат со сводами, где помещается библиотека Печатного двора, основанная в первой половине XVI века, обогащавшаяся книжными вкладыми царей и патриархов, а также и пожертвованиями ученых. В настоящее время здесь хранятся свыше 600 рукописей и более 10 тысяч старопечатных славянских и иностранных книг, между которыми много изданий московских древнеславянских типографий. К библиотеке присоединен небольшой типографский музей, где хранятся образцовый первопечатный станок, пуансоны и матрицы XVII века, словолитная форма древней конструкции, резная

словолитная доска для печатания антиминов, походный книгопечатный стан Петра I и др.

Здание кроме всего этого имеет еще и историческое значение. Отсюда взял начало раскол, разделивший русскую жизнь. Благодаря типографскому станку, появившемуся здесь впервые для печатания богослужебных книг, которые до того времени писались, предприняты были Никоном некоторые поправки вкравшихся ошибок. Пример: в одной книге об Иисусе Христе говорится: «рожденна, не сотворенна», а в другой — «рожденна, а не сотворенна». Типографский станок отбросил этот аз и т. п. Главными противниками этих исправлений выступил протопоп Аввакум с товарищами, говоривший: «Нам всем, православным христианам, подобает умирать за один аз, окаянные же враги наши извергли этот аз; велика сила в сем азе сокровенна». С тех пор начались ссылки и те грозные наказания, свидетельством которых служат многие страницы русской истории. Иные из историков приписывают появление раскола недоброжелательству отставленных Нико-

ном от должности справщиков, служивших при Печатном дворе. Но из расходных книг Печатного приказа о выдаче жалованья видно, что ни протопоп Аввакум, ни Никита Пустосвят, ни дьякон Федор и вообще никто из известных расколоучителей никогда не были справщиками на Печатном дворе.

В заключение заметим, что на Печатном дворе книги печатались преимущественно одними церковными буквами. Гражданские же буквы, как известно, изобрел Петр Великий около 1704 года, применяя в очертаниях букв насколько возможно округлости латинской азбуки.

По преданию, Петр Великий сам держал корректуру первых «Московских ведомостей» [183]. Но поскольку в Москве немного было «охочих грамотеев», то и «Ведомости» не имели большого распространения и действия, хотя царь и завел для этого по образцу иностранному аустерии, т. е. ресторации, куда заманивал читать даровым угощением [184]. «Наш народ, — говорил великий царь, — яко дети, не учения ради, но которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера не при-

неволены будут, которым сперва досадно кажется, но когда выучатся, потом благодарят».

Первым редактором «Ведомостей» называют графа Ф.А.Головина. Печатали «Ведомости» в восьмую долю листа. В них сообщали народу известия о военных и гражданских делах. Первый номер «Ведомостей» появился в Москве 2 января 1703 года, и с этого времени печатание их непрерывно продолжалось до 1728 года[185].

Дом Присутственных мест. До помещения в этом доме присутственных мест здесь находился так называемый Старый Земский двор, а затем Денежный двор, или Монетный. Присутственные места переведены сюда в царствование императрицы Екатерины II в 1781 году. Дом находится у Воскресенских ворот, имея в соседстве владения Заиконоспасского монастыря. Тут в старину находились царский зверинец, царская лекарня (аптека), а при Петре аустерия, именно та, в которую заманивали читать «Ведомости». Аустерия эта именовалась Казанской по находившемуся вблизи Казанскому собору. Здание это возобновлено после пожара 1737 года. Оно пере-

строено известным архитектором Казаковым в 1780 году; впрочем, переделка здания продолжалась до 1820 года.

Между прочим, в 1807 году построена башня над въездными воротами для надзора за пожарами. Прежде для подобного надзора ставили караульных на Ивановской колокольне, а после 1812 года для этой цели стали строить каланчи. В этом же доме при своем основании находились Московский университет и университетская типография, которую довольно долго арендовал известный Н. И. Новиков, как и «Московские ведомости», которые при нем печатались в количестве 4 тысяч экземпляров. Тут же помещалась и газетная лавка. После Новикова университетская типография поступила на откуп к известному в свое время архитектору Василию Ивановичу Окорочкову. В то время типография и книжная лавка перемещены были от Воскресенских ворот на Тверскую, в Успенский Вражский переулок, который с тех пор начал называться Газетным.

Но более всего среди москвичей здание Присутственных мест известно как помеще-

ние для временной тюрьмы, прослывшее под прозвищем «ямы».

Довольно крутая отлогость к стороне Белого города, где находилась тюрьма, а скорее всего нарочно сделанное углубление для Монетного двора дало тюрьме наименование «ямы».

Тюрьму сделали там со времен императрицы Екатерины II. «Яма» — это еще в недавнее время было страшное место для купца. В «яму» сажали несостоятельных купцов. Перед этим купец обычно скрывался. Искали его всюду, ездили в Угрешу, к Троице. Накрывали чаще купца или на улице, или в пьяном виде у подруги сердца. Случалось так, что тот же полицейский чиновник, который у купца пил и ел, препровождал его и в «яму». Обыкновенно это было вечером. Шли они Друг от друга на благородной дистанции — купец норовил не подпускать полицейского к себе на пистолетный выстрел. Но у ворот «ямы» полицейский чиновник быстро настигал купца и здесь уже сдавал его вместе с предписанием. У входа в «яму» перед дверями всегда стоял солдат с ружьем, который опрашивал и

пускал через цепь. Тут же ходил и дежурный сторож. В большие праздники купечество присылало в «яму» корзины со съестными припасами; более всего приносили калачи. Бывали и такие пожертвования: один благочестивый купец на помин души бабушки к рождественскому разговению пожертвовал пятьсот бычачьих печенок. Жертвовали и вещами: присылались к празднику бумажные платки, калоши и другие мелкие вещи, иногда поношенные, а калоши на одну ногу или детские.

Временной тюрьма называлась потому, что здесь содержались должники до тех пор, пока выплатят долг.

Не менее примечательно было еще одно место, которое находилось на Воскресенской площади[186] и где потом воздвигнуто здание Городской думы.

Там, где находились свечные лавки, в первой половине XIX столетия находился винный погреб. Это был мрачный и длинный подвал, где заседали разные чиновники, выгнанные за темные дела со службы. Там обдывались всевозможные дела, платились

деньги, писались просьбы и т. п. В погребе и около его дверей целый день толпились подьячие. По уничтожении погреба подьячие разместились от Воскресенских ворот до Казанского собора, отчего и родилось название «от Иверской», «от Казанской». Здесь ежедневно в 10 часов утра собирались они, выстраивались в ряд по тротуару, совершали разные дела на улице, в трактирах и в низших присутственных местах, а потом расходились. Когда их отсюда прогнали, они стали заседать в ближайших харчевнях и кабаках. Тип этих кляузников еще не вывелся: они и доселе еще снуют около разных присутственных мест, предлагая простакам свои услуги.

Выше упомянуто, что в здании Присутственных мест находился Монетный двор [187]. Так как именно в Москве установилась постоянная денежная система, то нелишне рассказать вкратце и об образовании в нашем отечестве монет и денежных знаков.

Предки наши подобно другим народам производили торговлю меной. Россия, как известно, изобиловала лесами, и потому звериный промысел был очень распространен.

Променивались большей частью звериные шкуры, которыми народ и уплачивал назначаемую дань. Так, например, 20 кун, т. е. куньих шкур, ценились за гривну серебра, а 20 векш, т. е. беличьих шкур, за одну куну, следовательно, 400 белок давалось за гривну серебра. По невозможности возить большое количество звериных шкур для удобства отрезались беличьи лобки и куньи мордки, которые служили вместо знаков и ручательством того, что у хозяина имеется столько же шкурок. Правительство также выпускало для оборота вместо денежных знаков лобки и мордки с наложенным на них казенным штампом. После вместо этих кожаных денег ввели в употребление металлические бляхи, которые удержали названия прежних, кожаных: мордки, резаны, ногаты, векши. Ходили в то время и у нас монеты, но они были иностранные, которые выменивались на наш товар. Впрочем, были в России монеты, или, вернее, металлические знаки, и при первых великих князьях — Игоре, Ольге, Владимире и Ярославе. Они найдены в недавнее время. Так, например, монета великого князя Владимира.

На этой монете с одной стороны изображен образ Спасителя с надписью «Иисус Христос», а с другой — сидящий великий князь Владимир с жезлом в виде креста в правой руке и светильником в левой и тут же надпись: «Владимир а се его злато»[188].

Около 1411 года в Новгороде кожаные деньги уничтожены и введены в употребление иностранные монеты: литовские гроши и немецкие шелехи. А в Москве появились монеты сперва с одной татарской надписью, а потом с татарской и русской. Монеты эти назывались деньги от татарского слова тенга, что означает подпись, знак. Новгородцы же не принимали этих денег, и в 1420 году вместе с Псковом начали чеканить собственные монеты. Да и вообще разные деньги делались в разных княжествах мастерами золотых и серебряных дел. Изображались на монетах: всадник на коне; воин, поражающий копьем змея; две руки, сложенные вместе; человек, молящийся Богу; различные звери, точки, решетки, узлы и проч. Со времен великого князя Василия Темного изображения на монетах стали однообразными, а с 1433 года на моне-

тах московского чекана исключительно изображался всадник, закалывающий змея.

Рубль сделался известным с 1317 года, т. е. со времен Михаила Ярославича, княжившего в Твери, когда Тверь была великокняжеской резиденцией. Рубли были частями гривны или кусками серебра с зарубками, означавшими их вес. Каждая гривна разделялась на четыре части; название же рубль произошло от слова «рубить», потому что прут серебра в гривну весом разрубался на четыре части, которые и назывались рублями. Это были куски серебра в полтора вершка длины, в палеи толщины, с клеймами и различными изображениями.

Гривна была известна с самого основания Руси и имела тройное значение: как знак отличия, как известный вес и как монета, но только в отношении к другим монетам. Гривна сама по себе была двоякая: числительная — в отношении к другим монетам и действительная по веществу своему, и потому называлась гривной кун и гривной серебра.

В первой было 20 кун, кои, как уже сказано выше, заключали в себе (каждая куна) 20

векш[189]. Вторая, действительная, содержала в себе весу один аптекарский фунт серебра. Цена первой в отношении ко второй по временам изменялась. Так, например, при Ярославле Мудром гривна серебра заключала в себе 2 гривны кун; при Владимире Мономахе 7,5 куны, а в 1490 году в Пскове платили за гривну серебра уже 120 гривен кунами. Действительная гривна также изменялась в весе: в 1122 году весила она уже $\frac{1}{2}$ фунта, в 1225 году — $\frac{1}{4}$ фунта, или 24 золотника, и впоследствии именовалась гривенкой, особенно когда в 1317 году превратилась в рубль. Около 1384 года рубль начали разнимать надвое. Части эти начали называть полтинами. О полтине упоминается впервые именно тогда, когда Тохтамыш требовал от великого князя Дмитрия Ивановича дани. Название полтины производят от глагола «расколоть», т. е. вдоль разнять на два.

Строился **Гостиный двор** «царскою казною», которая собирала с него доход: гости нанимали в нем лавки и палатки от казны. Часто доходы с Гостиного двора давались в награду царским дворянам за службу, точно так

же как поместные земли или дачи на известное время, по жизнь или в отчину, т. е. в наследие. Впоследствии в Гостином дворе были места и постройки, принадлежащие и многим ведомствам: Камер-коллегии, Медицинской конторе, Сибирскому приказу. Кроме того, были там подворья, дома церковных причтов, затем и казенные питейные дома. Были и такие постройки, что низ принадлежал частному лицу, а второй этаж — казне.

Торговля производилась в известные дни, а впоследствии по указу царя Алексея Михайловича должна была прекращаться в субботу, как начнут в соборе благовестить к вечерне. За три часа до вечера торговые ряды, как и бани, затворялись. По воскресеньям с пяти часов дня рядов не отпирали и ничем не торговали; скотский же корм, овес и сено, продавали во всякие дни и часы. В Господние праздники наблюдалось то же самое, что и по воскресеньям. Во время крестных ходов запрещено было торговать и отпирать ряды до тех пор, пока из хода с крестами придут в соборную церковь. Кто торговал и работал в воскресные дни, тех брали, привозили в съез-

жую избу, взыскивали два рубля заповеди (штрафа) и записывали в книги; если кого заставляли в другой раз за таким делом, то брали четыре рубля заповеди и сажали на неделю в тюрьму.

В сильный пожар 1626 года, при царе Михаиле Федоровиче, Гостиный двор, вероятно, сгорел, потому что в том же году быстро был выстроен новый, тоже каменный, по государеву указу окольниковым князем Волконским и дьяком Волковым. При царе Алексее Михайловиче двор этот был перестроен и возведено новое здание двора трудами тяглеца Больших Лужников Панкратия Яцкого, который получил за это от царя жалованную грамоту. Таким образом Гостиный двор разделился на Старый и Новый.

Над воротами Старого Гостиного двора против церкви Великомученицы Варвары была надпись: «Божиею милостию, повелением благочестивого и христоролюбивого великого государя Михаила Федоровича и сына его христоролюбивого царевича, лета 6641 г.»

Над воротами Нового двора была другая надпись: «Божиею милостию, повелением

благочестивые державы царствия его». Год постройки поставлен 1664-й, началась же постройка в 1661 году.

Некоторое время спустя Гостиный двор разделили на четыре двора: Старый, Новый, Соляной и Рыбный. В первых двух были ряды с лавками и амбарами, в последних — лавки, шалаша и шалашные места. Из рядов первыми были: Панской, Стекловый, Астраханский и Хрустальный. Когда увеличились торговые обороты, то ряды Рыбный и Икорный, бывшие в Старом Гостином дворе и состоявшие из шалашей и амбаров, переведены на Соляной рыбный двор.

Само собой разумеется, что название Гостиного двора произошло от слова «гость», что значило: купец, который вел оптовую и иностранную торговлю. Гости известны едва

ли не с самого основания Русского государства. В сравнении с прочими купцами они пользовались многими преимуществами, которыми их жаловали государи особыми грамотами. В гости жаловались за различные услуги, оказанные государству, или за распространение торговли. Гости торговали внутри России, а также и за границей. Они езжали в Персию и по торговым делам проникали даже в Индию.

Все торговые и промышленные люди на Руси до Петра I разделялись на разряды. Первыми из них были гости и гостиная и суконная сотни торговых людей, затем черные сотни. Эти разряды пополнялись переводом из низшего разряда в высший, также переводом зажиточных посадских людей из городов и по челобитью гостей и гостиных сотен торговых людей. Сотни их пополнялись из московских черных сотен, из слобод и из городов лучшими людьми. Посадскими людьми подразумевались в городах все торговые, ремесленные и промышленные люди, имевшие в городе свои тягловые, т. е. обложенные податью, дворы. Число московских черных сотен при царе

Михаиле Федоровиче простиралось до десяти. Кроме сотен были еще полусотни, например мясичная (название последней указывает на ее занятие). Также название сотен Давалось по местности, где они жили в частях города, например: дмитровская, сретенская, покровская, а некоторые носили названия тех городов, откуда они первоначально переведены, например: новгородская, устюжская.

Обязанности черных сотен состояли в поддержании городского благоустройства, как-то: мощение улиц, держание разного рода лиц, которым отводились квартиры; они давали на Земский двор целовальников, которые имели совсем другое назначение, чем впоследствии. Эти выборные присягали, целовали крест, что не утаят ничего (они первые собирали дань) и доставят своему государю. Что такое гость, мы уже объяснили выше. Бывали примеры, что гости были возводимы в сан думных дьяков. Гости были призываемы нередко на совет, и они подавали разные финансовые проекты. Случалось, что и иноземцы были возводимы в сан гостей. В Москве торговали и некоторые служилые лю-

ди; так, например, «стрельцы, которые набирались из людей гулящих, от отцов дети, от братьев братья, от дядей племянники, подсоседники и захребетники, нетяглые, непашные и некрепостные люди, которые были собою бодры, и молоды, и резвы, те имели право торговать и промышлять своим рукоделем и покупали не в скуп, что носящее не от велика», от полтины или от рубля бестаможно и беспошлинно; а которые из них торговали на сумму более рубля или в лавках сидели, те платили в казну полавочные и всякие пошлины, как и торговые люди. Суконной сотни купцы торговали сукнами и другими шерстяными материями. Все эти сотни, взяв от правительства проезжую грамоту, ездили в заграничные земли.

Черных сотен и слобод купцы и посадские имели только право торговать мелочным товаром внутри государства. Из гостиной сотни избираемы были во внутренние таможни в бургомистры и головы; а из черных сотен — в целовальники, к продаже казенных питий и соли.

Купечество ведомо было сперва в общих

судебных местах, но когда учреждены были приказы, то в Земском приказе, а иногда в Казенном дворце, как в 1664 и 1665 годах; иногда же купечеством управляла и Большая московская таможня. Государственные подати платили купцы с промыслов и с достатка своего по мере своего возвышения или упадка. В 1720 году Петр Великий учредил купеческий магистрат и городских купцов разделили на три гильдии.

Слово «гильдия» происходит от слова «гильда», означающего то же, что теперь цех. В первую он поместил крупных торговцев, во вторую — торгашей или лавочников и хороших ремесленников, а в третью — всяких простых ремесленников и мастеров. Древняя наша внутренняя торговля была ярмарочная. Каждый производитель, земледелец, ремесленник, платя подать своим произведением, вез его в известное время года на ярмарку или в город, торговал на возу, раскидывал палатку или заводил лавку. Внешняя торговля была собственно царская до времен Петра Великого; точно так же учужные рыбные и соляные промыслы оставались за дворцовым

обиходом, и только то, что оставалось за царским расходом, продавалось всякого чину людям. Обычай выбирать из купленных или вымененных у иностранцев товаров лучшие сорта для царской казны не только лишал торговца хороших сортов товаров, но и отнимал у него время простоем и ожиданиями. Царская казна вообще вела торговлю всеми предметами: она покупала через своих агентов воск, поташ, пеньку и проч. и променивала на заграничные товары; все, что оставалось на долю купца, было обложено множеством пошлин и стеснено казенными монополиями. Купец в старое время был всегда под надзором власти; не обеспеченный законом, он никогда не выходил из-под произвола воевод, таможенных и приказных людей. Иностранцы, посещавшие тогда Москву, говорят, что русский купец, раскладывая свои товары, боязливо осматривался на все стороны: не идет ли к нему какой чиновник, чтобы взять у него что получше и притом даром. Сбиратель пошлин непременно постарается сорвать с торговца что-нибудь лишнее на заставах, мостах, перевозах и проч. Кроме уста-

новленных поборов его не пропустят без взятки.

Правильные повинности купцы стали нести при императрице Екатерине II по объявленному ими капиталу в шестигласной думе, с которого они платили в казну по одному проценту со ста. Объявивший капитал от одной тысячи до пяти принадлежал к третьей гильдии и мог отправлять мелочной торг; объявивший капитал от пяти до десяти тысяч принадлежал ко второй гильдии и торговал чем хотел, исключая торговли на судах, да еще не мог держать фабрик; объявивший от десяти до пятидесяти тысяч и платящий с них по одному проценту принадлежал к первой гильдии и мог сверх промыслов второй и третьей гильдий производить иностранную торговлю и иметь заводы. Имевшие корабли и дело не менее как на 100 000 рублей или избранные два раза заседателями в судах отличались от купцов первой гильдии тем, что назывались именитыми гражданами. Это звание давало им право ездить в городе в четыре лошади, иметь загородные дачи, сады, а также заводы и фабрики. Они наравне с дво-

рянами освобождались от телесного наказания. К именитым гражданам причислялись также ученые, которые могли предъявить академические или университетские дипломы и письменные свидетельства о своем знании или искусстве и которые по испытаниям российских главных училищ таковыми признаны. Также к именитым гражданам причислялись художники четырех отраслей: архитектуры, живописи, скульптуры и музыка-сочинители. Внукам именитых граждан, если дед, отец и сами они беспорочно сохранили именитость, дозволялось старшему по достижении тридцатилетнего возраста просить о возведении в дворянство[190]. Купечество первой и второй гильдий тоже освобождалось от телесного наказания. Купцам первой гильдии дозволялось ездить в городе в карете парой; второй — в коляске парой; третьей же гильдии купцам запрещалось ездить в таких экипажах и дозволялось в экипажи впрягать зимой и летом только одну лошадь. В екатерининское время иностранное купечество, торговавшее оптом, носило название иностранных гостей, и если они не были записа-

ны в гильдию, то должны были платить пошлину: одну половину голландскими ефимками[191], а другую — российской монетой.

Возвращаясь к описанию Гостиного двора, мы видим, что двор этот к концу XVIII столетия пришел в совершенную ветхость. Указом 1786 года двор был отдан городу, с тем, чтобы как торговые постройки, так и земля, под ними находящаяся, были проданы в пользу городской казны желающим построить новый двор. В 1790 году Старый Гостиный двор был распродан по частям с аукциона московским купцам с обязательством для покупателей построиться на купленных местах в продолжение шести лет. В течение этого срока Гостиный двор был выстроен. Занимая в окружности 330 сажень, он составляет неправильно продолговатый четырехугольник, стороны которого на Варварку несколько шире.

Существование Торговых рядов такое же древнее. Рядские лавки были большей частью каменные, из которых некоторые принадлежали казне, но большинство — частным людям. До 1676 года построены они были без всякой системы и без всякого плана; но в

том году указом от 4 сентября было предписано «всякими товары торговать в рядах, в которых коим указано и где кому даны места». Очевидно, рядам придана была кое-какая система. В таком виде ряды существовали до французского нашествия, будучи переделаны, впрочем, в 1786 году, а в 1804 году образовав новую линию — Ножевую. Пострадав от пожара, ряды после 1812 года были обновлены и в этом виде дожили до своей сломки, чтобы уступить место вновь возведенным и величественно возвышающимся среди других построек Китай-города.

В старые времена Торговые ряды представляли самую кипучую деятельность. Длинные, извилистые, полутемные, построенные без плана и толку, эти ряды сохраняли и вмещали в себе товары иеной на миллионы рублей, и здесь всегда была пестрая ярмарка с самыми разнородными товарами и со всевозможными сортами покупателей.

К числу торговых мест можно отнести и так называемый Толкучий рынок. В старину продажа старья производилась около Лобного места, затем по всей Ильинке и у Варварских

ворот. Наконец, главнокомандующий в Москве граф Захар Григорьевич Чернышев назначил для Толкучего рынка пространство у стены Китай-города от Никольских ворот до Варварских, где для удобства мелочного торга сделано 278 лавок.

Мытный двор. Находится на левой стороне Москворецкой улицы, и в нем помещаются торговые лавки. Совсем не то этот двор представлял в седую старину: он был чем-то вроде таможни.

В прежние времена казна взимала пошлины со всего, что покупалось и что продавалось, отчего внутренняя торговля была весьма стеснена, а еще раньше пошлины собирались каждым князем в его владении и каждым владельцем в его поместье. Сбор таковой пошлины уничтожен царем Алексеем Михайловичем, его «Уставной грамотой», изданной 30 апреля 1654 года, где, между прочим, сказано: «Проезжих пошлин и мытов не имать». А эти проезжие пошлины взыскивались со всякого товара без исключения.

Название Мытный происходит от слова «мыт», т. е. пошлина, и «мытник», т. е. сбор-

щик с товаров пошлины. Оба эти слова встречаются в древнейшем узаконении — «Русской правде», изданной великим князем Ярославом Мудрым в 1037 году.

На Мытный двор, вероятно, свозились товары и лежали в нем до уплаты пошлины и до пропуска их «таможенными головами и таможенными целовальниками».

Приняв во внимание, что у Мытного двора были Москворецкие ворота, которыми большей частью въезжали в Китай-город, можно с достоверностью сказать, что здесь происходил и осмотр товаров. Другими воротами запрещалось свозить в Китай-город товары. Надо еще заметить, что в старину товары привозились в Москву большей частью на барках по Москве-реке.

Мытниками назывались еще и те сборщики пошлин, которые служили преимущественно во время татарского ига для сбора дани.

Здание Мытного двора построено в виде четырехугольника с площадью внутри и относится к первой половине XVI столетия.

Старые боярские дома в Китай-городе. В

настоящее время почти все большие дома в Китай-городе принадлежат торговым людям; но было время, когда в нем возвышались одни дворы бояр.

Напротив Заиконоспасского монастыря стояли каменные палаты князей Юрия Хворостинина и Федора Волхонского, а подле Николаевского греческого монастыря находился двор князя Юрия Буйносова и потом князя Кантемира. Между Мироносицким монастырем и двором некоего немчина Юрия Клинкина был двор князя Теляшевского. Далее, по Никольской же, были дворы бояр: князя Вортынского, Марии Воронцовой у Троицы полей [192], Дмитрия Трубецкого, Ивана Хованского, Михаила Долгорукого, Стефана Годунова, Петра Салтыкова, Михаила Романова. На Ильинке были известны дворы Шеина, стольника Барятинского и толмача Тараканова. На Варварке, кроме двора бояр Романовых, находились дворы Булгаковых и Пушкиных.

В 1793 году в приходе Успенской церкви, на Никольской же, имел дом генерал кригс-комиссар Михаил Сергеевич Потемкин.

Из всех боярских домов на Никольской

улице уцелел один только дом Шереметевых, прежде бывший князя Черкасского. Строения его занимали обе стороны улицы; на одной были жилые палаты, на другой — Потешный двор. На месте этого Потешного двора находится теперь дом Третьяковых с проездом через стену Китай-города в город Белый. От Шереметевых Потешный, или Конюшенный, двор был приобретен в 1808 году купцом Иваном Петровичем Глазуновым. В 1811 году дом был перестроен, но совершенно сгорел в 1812 году и был построен вновь. План новой перестройки дома утвержден 2 января 1870 года.

Ранее на этом месте находились дворы вышеупомянутых бояр: Воротынского, Долгорукого и Романова[193].

Теперь дом Шереметева далеко не тот, каким был ранее, даже до шестидесятых годов XIX века. (Мы разумеем дом по левую сторону, идя от Владимирских ворот.) Самый дом находился в глубине, и перед ним расстилался обширный двор, огороженный прекрасной решеткой. Дом имел огромное крыльцо, на котором сверкали большие граненые фонари. Здание представляло три стороны квадрата,

примыкая с одной стороны (с запада) к владениям Чижовых. С этой именно стороны и были жилые помещения палат. В 60-х годах XIX века по линии Никольской улицы на пороженем месте двора было выстроено новое трехэтажное здание, которое и заслонило старинные палаты.

Палаты эти, между прочим, имеют свою довольно грустную историю. Расскажем ее вкратце:

В январе 1730 года в хоромы графа Бориса Петровича Шереметева было выставлено на улицу несколько оконниц; под одним из окон стояла в слезах убитая горем молодая дочь его Наталья Борисовна и с ужасом глядела на печальную процессию, которая проходила по улице. На колеснице, увенчанной императорской короной, везен был гроб юного монарха, покрытый державной мантией, шнуры от балдахина с золотыми кистями держали полковники. Перед ними шли архиерей и архимандриты со знатным духовенством; генералы и полковники несли на бархатных подушках короны и государственные регалии. Орден Св. Андрея Первозванного нес жених Ше-

реметева князь Иван Алексеевич Долгорукий, в гвардейском майорском мундире, сверх него в длинной черной епанче, с флером на шляпе до земли; волосы у него были распущены, сам был бледен как смерть. «Поравнявшись с окном, — пишет сама Наталья Борисовна, — Долгорукий взглянул плачущими глазами с такой миной: кого погребаем? кого в последний раз провожаю? Я так обеспамятовала, что упала на окошко, не могла усидеть от слабости. Потом и гроб везут — отступили от меня уже все чувства на несколько минут, а как опомнилась, оставя все церемонии, плакала, сколько мое сердце позволяло, рассуждая мыслию своей: какое это сокровище земля принимает!»

Дочь Шереметева оплакивала благодетеля своего жениха императора Петра II, скончавшегося от оспы на 15-м году своего возраста. Она хорошо знала, что теряют они с кончиной императора, ждала опалы, но никак не думала, что ей предстоит ссылка в Сибирь, а мужу ее — четвертование в Новгороде.

В 20-х годах XVII столетия у Владимирских ворот, напротив нынешней церкви Влади-

мирской Божьей Матери, находилось деревянное строение пономаря Успенского собора. Строение огорожено было тыном, а сзади, около стены, шел переулок. В XVIII столетии тут уже находился каменный дом, который последовательно принадлежал многим владельцам. В 1875 году дом этот приобрел почетный гражданин Сушкин и пожертвовал его русскому на Афоне Пантелеймонову монастырю, а монастырь устроил здесь свою часовню, постройка которой окончена в 1883 году и в том же году 2 июня торжественно освящена. Здание часовни, весьма красивое и величественное, главным фасадом обращено на Никольскую улицу. Оно имеет три входа: по краям — в жилые помещения монашествующих, в середине — в часовню. Над входом в часовню устроен фигурный чугунный, на таковых же колоннах, купол, завершающийся тремя чугунными пирамидальными шпицами, устроенными в ряд, с золочеными главами и крестами. Часовня, примыкая с северо-восточной стороны к городской Китайской стене, имеет вид четырехэтажного дома... Иконы и стенная живопись внутри часовни

писаны в строго византийском стиле. В часовне находятся святые мощи великомученика Пантелеймона, находившиеся ранее (с 1867 г.) в часовне Богоявленского монастыря.

Из замечательных зданий Китай-города упомянем еще Биржу. Впервые биржевое здание было построено в 1838 году, но оно оказалось тесным и потому в 1873 году возобновлено. Московская Биржа по своему обороту занимает одно из первенствующих мест в Европе. Квартал, соседний Бирже, называется Посольским подворьем; название это осталось от Посольского двора, существовавшего здесь еще в начале XIX столетия. Вблизи Биржи находится громадное здание Троицкого подворья, где был когда-то Троицкий монастырь, и тут же так называемые Теплые ряды с церковью Ильи Пророка, о которой говорилось в статье о церквях. Здание Троицкого подворья и Теплых рядов новейшей постройки.

Среди зданий Китай-города нельзя не обратить внимания на подворье Калязинского монастыря. Трехэтажное здание это построено в виде четырехугольника с небольшим внутри квадратным двором. Это одно из старинней-

ших зданий, сохранившее свой первоначальный вид. Владение это принадлежит Калязинскому монастырю с глубокой древности. В доме этом была некогда и домовая церковь во имя Макария Чудотворца, построение коей относилось к первой половине XVI столетия. Упразднена в начале XIX столетия. Одной своей стороной, западной, дом Калязинского подворья обращен в Большой Черкасский переулок. Название свое Черкасский переулок получил в 1742 году по имени домовладельца генерал-майора князя Петра Борисовича Черкасского. Прежде переулок назывался Грамотин по двору печатника Грамотина. Перед этим переулком был еще один, который начинался около подворья Калязинского монастыря и, направляясь к Ильинке, назывался Калязинским; он вошел в площадь Толкучего рынка.

БЕЛЫЙ ГОРОД

Москва при своем основании заключалась в одном Кремле. Затем когда умножилось число жителей и город сделался столицей сперва княжества Московского, а потом и всего государства Российского, то обыватели начали строиться около Кремля, и это их поселение именовалось Посадам, из коего в 1534 году образовался описанный уже Китай-город. Но как и вне Китай-города было уже довольно много строений, то эти строения назывались московскими слободами, или загородьями, которые преимущественно образовались из разных предместий и дач, жалованных боярам царями. К царствованию Федора Ивановича, сына Ивана IV Васильевича Грозного, московские слободы, или загородья, значительно распространились. Желая оградить и эту часть загородий от нашествия врагов, повелено было обнести ее каменной стеной и валом.

Работа началась в 1587 году и окончена в два года с небольшим. Она произведена русским зодчим Федором Конем. Стена и вал на-

чаты от нынешнего Яузского моста вокруг Китай-города неправильной дугой поперек нынешних улиц: Покровки, Мясницкой, Сретенки, Петровки, Тверской, Никитской, Арбата и Пречистенки, и за этой последней улицей у бывшего Алексеевского девичьего монастыря [194] стена упиралась в Москву-реку, где находились тогда громадные лесные склады.

Стена Белого города имела 28 башен и 9 ворот: Яузские, названные по реке Яузе; Покровские, названные так потому, что вели в село Покровское; Мясницкие, названные так потому, что здесь отведено было место под слободу мясников; Сретенские, названные по монастырю Сретенья иконы Божьей Матери; Петровские — по Петровскому монастырю; Тверские — по дороге, ведущей в Тверь; Никитские — по Никитскому монастырю; Арбатские — по улице Арбат[195]; Пречистенские — по улице Пречистенке. Все эти ворота, ведя в Белый город, были весьма сходны формой своей с воротами стены Китай-города. Ворота этих, как и самой стены, давно уже не существует, но места, где они находились, до сих пор сохраняют их название. Ворота стояли на

границах улиц; они на ночь запирались железными затворами, и при них находились сторожа, называемые воротниками. Воротники жили у церкви Св. Пимена, за Новой слободой, почему и место до сих пор известно под названием Воротники.

Стена Белого города существовала до времен императрицы Елизаветы Петровны и тогда, когда пришла в ветхость, сломана. При императрице Екатерине II вал был заровнен и по направлению этого вала, составляющего предел Белого города, посажены были проспектом березы и образованы бульвары. Из них особенно был замечателен Тверской, простирающийся от Тверской улицы до Никитской. Это один из первых и длинейших бульваров. Всех же бульваров было устроено одиннадцать. На месте же бывших ворот находятся теперь площади.

Белый город — третья часть Москвы именовалась еще Царь-городом и Иван-городом, может быть, потому, что она ранее составляла собственность Ивана Грозного после разделения им Москвы на земщину и опричнину. Царь со своими избранными опричниками

находился в этой части Москвы[196]. Иные полагают, что Белый город назван так по белым стенам, отделявшим его от Китай-города, или потому, что эти места «обеленные», т. е. свободные, не платившие городских податей.

Последний остаток Белого города — башня у Арбатских ворот была сломана в 1792 году.

Ворота эти богаты многими историческими преданиями. Когда в 1440 году царь казанский Мегмет явился в Москву и стал жечь и грабить первопрестольную, а князь Василий Темный заперся в Кремле, тогда проживавший в Крестовоздвиженском монастыре схимник Владимир, в миру воин и царедворец великого князя Василия Темного по фамилии Ховрин, вооружив свою монастырскую братию, присоединился с ней к начальнику московских войск князю Юрию Патрикеевичу Литовскому, кинулся на врагов, которые заняты были грабежом в городе. Не ожидавшие такого отпора казанцы дрогнули и побежали. Ховрин с монахами и воинами полетел вдогонку за неприятелем, отбил у него заполоненных жен, дочерей и детей, а также бояр и граждан московских и, не вводя их в

город, всех окропил святой водой на самом месте Арбатских ворот.

Другой подобный случай у Арбатских ворот был во время междуцарствия, когда польские войска брали приступом Москву. У Арбатских ворот командовал отрядом мальтийский кавалер Новодворский. Отважный воин, с молодцами, с топорами в руках, вырубал тын полисада; работа шла быстро. С нашей стороны, от Кремля, защищали Арбатские ворота храбрый окольный Никита Васильевич Годунов. Раздосадованный враг начал действовать отчаянно; наконец, сделав пролом в предвратном городке, достиг было самих ворот — в это время Новодворский был тяжело ранен из мушкета. Его положили на носилки, богатая золотая одежда его обогрилась кровью, шишак со снопом перьев спал с головы и открыл мертвое лицо. Годунов кинулся со своими ратниками на врагов, и поляки хотя держались в том пункте до света, но, не получая подмоги, поскакали наутек. На колокольне церкви Бориса и Глеба ударил колокол, и Годунов пел с духовенством благодарственный молебен за одержанную победу.

В 1619 году к Арбатским воротам подступал и гетман Сагайдачный, но был отбит с уроном.

У Арбатских ворот некогда стоял театр очень величественной постройки, напоминавший видом здание Петербургской биржи. Театр этот сгорел во время пожара 1812 года. Сама Арбатская площадь долго была почти непроходима от грязи и топей, и нередко можно было видеть, как бились лошади, вывозя из невылазной грязи тяжелую карету или колымагу.

В Белом городе были следующие большие улицы: Чертольская (Пречистенская), Арбатская, Никитская, или Царицынская, Тверская, или Царская, Смоленская (этим именем назывались иногда Арбатская и Воздвиженская), Дмитровская, Рождественская, Сретенская, Покровская. Из меньших упоминаются Малая Рождественская, Лубянская, Евиловская (Мясницкая), Знаменская, Кисловская, Житная (у Моисеевского монастыря, где Охотный ряд), Покровская, Малоросейка (Маросейка). Переулки: Крапивный, Богословский, Столешниковский, Косьмо-Демьянский, Хлыновский,

Овражки, Газетный, Каладный, Малый Кисловский, Большой, Средний и Задний, Крестовоздвиженский Большой и Малый, Знаменский Большой и Малый, Антинеиевский Большой и Малый, Алексеевский, Рахмановский, Трубецкой, Козицкий, Салтыковский. Камергерский, Гнезненский Большой и Малый, Леонтьевский, Ржевский, Брюсовский, Долгоруковский, Шереметевский, Малый Воздвиженский, Знаменский, Лебяжий, Малый и Большой Алексеевский, Колымажный, Чернышевский и другие. Названия улиц и переулков большей частью взяли свое начало от монастырей, церквей, имен знатных лиц, имевших на них свои дома, и от местного положения. Так, например, Петровка — от Петровского монастыря, Знаменка — от церкви Знамения, Моховая — от большого количества моха, произраставшего на берегу болотистой Неглинки, и т. д.

При обнесении Белого города стеной в его черте было еще много пустопорожних мест. Из площадей известна Житная — в Охотном ряду, Конева — между Ильинскими и Варварскими воротами и другие.

В нем были слободы: Стрелецкая, Барашевская, Казенная, Патриаршия, или Гавриловская (на Поганных, ныне Чистых, прудах), и другие. Кроме того, были подворья: Новинское — у Арбатских ворот, Спасо-Евфимиевское — на Ленивке, у больших конюшен, Горицкое Переславля-Залесского — на Никитской улице, Саввинское — на Тверской с четырьмя церквами, Суздальское — на Неглинной, Рязанское — у Никольских ворот, Тверское — на Сретенке, Псковское и Коломенское — на Мясниикой, Вятское, Болдинаи Ростовского Богоявленского монастыря на Покровке, Новинского монастыря — в Гавриловской слободе, Сийского Антониева — на Кулижках.

В Белом городе жило много бояр, имевших тут свои просторные дворы. В Чертолье был двор князя Темкина-Ростовского; на Арбате — бояр Пушкиных, Романова, Прончищева, Плещеева; на Знаменке — князя Ивана Хованского, по прозванию Тараруй; на Никитской улице были дворы князей Федора Волхонского, Бориса Репнина и бояр Никиты Ивановича Романова, Нарышкиных и Глеба Морозова; на

Тверской — Старый государев загородный двор с церковью Св. Дмитрия Солунского, дом князя Ромодановского; на Петровке, у Спаса в Копье, — князей Федора Долгорукого и Василия Лыкова. На Малой и Большой Рождественских улицах: князей Федора Оболенского, Григория Гагарина, Михаила Козловского, Андрея Сицкого, Семена Мосальского, Шелешпанских. На Сретенке: князей Дмитрия Пожарского, Ивана Хованского, стольника Василия Куракина, Семена Звенигородского, Бахтеярова, Ивана Хилкова, бояр Бориса Шереметева, Никона Бутурлина, Петра Головина, Максима Строганова. Близ Чистых прудов: князей Хилковых, Григория Гагарина, Ивана Мосальского, Василия Шелеховского, Петра Звенигородского, Петра и Михаила Барятинских, Никиты и Василия Волховских, Алексея Елецкого, Ивана и Льва Волхонских, Андрея Литвинова, боярина Василия Ляпунова. На Покровской улице: князей Петра Пронского, Алексея Сицкого, Алексея Мосальского, Семена и Федора Волхонских, Василия Тюменского, Никифора Мещерского, Федора Куракина, Федора Морткина, Семена Лыкова, Григория

Бабичева, Андрея и Петра Строгановых и сибирского царевича Андрея Кучумова.

Взглянем теперь на некоторые улицы Белого города. Одно из примечательных мест Москвы — Кузнецкий мост. Древний народ московский назвал это место Неглинным верхом. Позднее Неглинный верх стал у москвичей прозываться Кузнецкой горой, потому что здесь ютился длинный ряд кузниц и убогих изб кузнецов с задворками, огородами и другими хозяйственными принадлежностями. Тут же были и две церкви: Св. Нила Столбенского и Св. Флора и Лавра. Близ последней церкви грозно высился со своими башнями Пушечный двор[197]. На этот двор приезжали цари смотреть, как лились пушки. В старину на Кузнецком мосту действительно существовал мост[198]. Мост этот был деревянный, очень плохой, но в царствование Елизаветы Петровны, в 1754 году, был выстроен каменный (через Неглинку). Строителем моста был князь Дмитрий Ухтомский. Мост был сломан после нашествия французов.

Своей красотой и постройками Кузнецкий мост обязан поселившемуся здесь русскому

боярину графу Ивану Ларионовичу Воронцову. Тогда кузнецы здесь замолкли и вся Кузнецкая слобода поступила в его власть.

Граф на Кузнецкой горе сразу построил шесть каменных домов и при них разбил английские и французские сады, накопал пруды, поставил оранжереи и прочие усадебные постройки. За графом потянулись и другие бояре, жившие тогда в Москве, и возле домов Воронцова быстро выстроились дома Бибиковых, Боборыкиных, князей Барятинских, графа Бутурлина, Волынского, пять домов князей Голицыных, четыре дома князей Долгоруких и еще несколько других. Незаметно в боярских домах открылись две немецкие лавочки с разными уборами и туалетными принадлежностями, к ним примкнул ряд еврейских лавочек, но их вскоре выселили из этой местности. Впоследствии, уже во время французской революции, здесь открылось несколько французских модных лавок с разным заграничным товаром. Теперь говорят: «Ехать на Кузнецкий мост покупать товары», а в екатериненские времена говорили: «Ехать во французские лавки». Тут же были и неболь-

шие сарептские лавки. Еще в XIX столетии на Кузнецком мосту происходили и веселые эпизоды карательного полицейского правосудия, и в такие часы сюда стекались толпы народа, чтобы посмотреть, как нарядные барышни в шляпках и шелковых платьях и франты в цимерманах на головах с метлами в руках мели тротуары: такими полицейскими исправительными мерами в то время наказывали нарушителей и нарушительниц общественного благочиния, а также и поклонников алкоголя.

Один из домов графа Воронцова на Кузнецком мосту приобрела в начале XIX столетия богатая помещица Бекетова. Пасынок ее Платон Петрович Бекетов в одном из флигелей этого дома завел лучшую в то время типографию, а в другом флигеле открыл книжную лавку — сборный пункт всех московских писателей того времени. В 30-х годах XIX столетия все диковины домов, бывших Воронцова, не существовали — пруды и фонтаны иссякли, сады зачахли. В одном из главных домов помещалась (с 1808 г.) Медико-хирургическая академия, а в помещении, где была типогра-

фия Бекетова, стояли в анатомическом кабинете, страшно оскалив зубы, человеческие скелеты. Затем здесь находились университетские клиники[199].

Тверская улица носила прежде название Царской. Она тянется от Воскресенской площади до Земляного города, или до так называемых Старых Триумфальных ворот[200]. Когда не было шоссе, тогда прямо от Тверской улицы шла дорога на Тверь. Нужно было несколько дней, чтобы добраться до Твери, которая в пословице называется дверью Москвы:

*Город Тверь —
В Москву дверь!*

По Воскресенской площади протекала речка Неглинная, через которую были перекинuty мосты: у Боровицких ворот — деревянный и каменные — у Воскресенских и Троицких. Накрыта сводами Неглинная только в 1821 году и выходит наружу из-под третьего Кремлевского сада, где впадает в Москву-реку. В Обжорном ряду, что выходит к Экзерциргаузу, были съестные лавки, в которых пища по-

треблялась простым народом тут же на месте; в харчевнях и пирожных народ толпился с утра до позднего вечера. Выносные очаги, стоявшие не только около Гостиного двора, но и в самих рядах, часто бывали причиной пожаров; так, в 1735 году от них едва не сгорел весь Гостиный двор. В иных харчевнях печных труб не было, а дым выходил просто в окно. Моисеевская площадь получила название от Моисеевского женского монастыря, ставшего известным с XVI века. Монастырь этот назывался то «у Житной решетки» (по соседству с Житной площадью, бывшей около нынешнего Охотного ряда), то «у Богаделен» (от бывших здесь богаделен для престарелых и убогих). В 1710 году Моисеевский монастырь был отстроен вновь после пожара; в нем было тогда 99 сестер и настоятельница. Монастырь назывался еще «у Тверского кружала», находившегося на месте поздней Лоскутной гостиницы. Кружало это, или кабак, называлось «Каменный скачек», а рядом с ним помещались лавки, принадлежавшие Донскому Успенскому Предтеченскому монастырю и сдаваемые им в аренду. Моисеевский мона-

стырь был упразднен в числе прочих манифестом императрицы Екатерины II от 12 февраля 1764 гола.

Лучшим из домов на Тверской улице в конце XVII столетия был дом князя Василия Васильевича Голицына, прозванного иностранцами великим Голицыным. По образованию Голицын в свое время был первый в России; он говорил по-латыни, как на родном языке; носил он сан «царственной большой печати, государственных великих и посольских дел сберегателя». В молодые годы он служил при дворе стольником и чашником; красотой, умом, учтивостью и великолепием своего наряда он превосходил всех придворных. По рассказам иностранцев, он не терпел крепких напитков и свободное время проводил за беседой. Дом его на Царской (Тверской) улице отличался великолепием: он был покрыт снаружи медью, а внутри убранство комнат ничем не отличалось от лучших европейских дворцов — в нем были богатые восточные ткани, венецианские зеркала и картины известных иностранных художников. Невиль, посланник польского короля, писал: «Я был

поражен богатством этого дворца и думал, что нахожусь в чертогах какого-нибудь итальянского государя». Голицын построил в Кремле здание для Посольского приказа по образцу своего дома и затем великолепные каменные палаты для Присутственных мест. При нем же была окончена постройка и Каменного моста на Москве-реке[201]. Вообще, этому деятельному, умному человеку, любимцу сперва царя Федора Алексеевича, а потом правительницы Софьи Алексеевны допетровская Москва много обязана своим наружным улучшением. Он построил в Москве множество каменных домов. Подражая ему, строили каменные дома и другие бояре. Он же украсил улицы Москвы первыми мостовыми. До него улицы не имели почти никакой мостовой: на улицах лежали круглые деревяшки, сложенные одна с другой. Где же не было такой настилки и где особенно было грязно, там через улицы просто перекидывали доски. В Москве собирали с жителей побор — «мостовшину», и Земский приказ занимался мощением улиц, но мостили больше там, где было близко к царю. Такая мостовая не препятство-

вала, впрочем, женщинам ходить не иначе как в огромных сапогах, чтобы не увязнуть в грязи. В Москве существовал даже особый класс рабочих, называемых метельщиками, обязанных мести и чистить улицы, и хотя их было человек пятьдесят, однако в переулках столицы валялось не мало дохлой скотины и другой падали. Мостовые Голицына хотя тоже были деревянные, но несравненно прочнее, чище и покрывали все лучшие улицы Москвы; незначительные улицы мостили фашинником.

Такие мостовые существовали в Москве до 1812 года. Мостить улицы камнем стали в Москве с 1692 года, когда Петр Великий издал указ, по которому повинность мостить улицы Москвы камнем разложена была на все государство. Сбор дикого камня распределен был по всей земле: с дворцовых, архиерейских, монастырских и со всех вотчин служилого сословия, по числу крестьянских дворов, с десяти дворов один камень мерой в аршин, с другого десятка — в четверть, с третьего — два камня, по пол-аршина, наконец, с четвертого десятка — мелкий камень, не менее гусиного

яйца, мерой квадратный аршин. На гостей и вообще торговых людей эта повинность была разложена по их промыслам. Все же крестьяне, в извозе или так приезжавшие в Москву, должны были в городских воротах представлять по три камня речных, но чтобы менее гусиного яйца не было.

Между хорошими качествами Голицына было немало и дурных: впоследствии было доказано, что он не гнушался приобретать свои громадные богатства нечестными способами. Царем Петром I он был сослан сперва в город Яренск, затем был переведен в город Пинегу, где и умер в 1713 году в возрасте 80 лет. Роскошный дом его на Тверской в 1737 году принадлежал уже имеретинской царице Дарье Арчиловне. Переходя от лица к лицу, дом этот стал принадлежать Комиссарову, находясь на углу Тверской и Охотнорядской площади. Само собой разумеется, что в доме многое переделано и он уже не тот, каким был при своем первом хозяине.

Далее по Тверской — бывший дом князя И. А. Долгорукого, пользовавшегося доверенностью императора Петра II и при Анне Ива-

новне сосланного в Березов, а потом, в 1739 году, четвертованного в Новгороде. Дом этот перешел к сыну его Михаилу Ивановичу, затем к Голицыной, Самариной, Утину, принадлежал наследникам вдовы Дашкевич и, наконец, Толмачеву[202].

Более других на Тверской был замечателен дом князя Матвея Петровича Гагарина. Палаты эти, составлявшие украшение Тверской улицы, были возведены еще в то время, когда в царствование Петра Великого в Белом городе рядом с каменным боярским домом встречалась и изба горожанина. Они воздвигнуты на образец венецианских, вероятно по проекту одного из иностранных архитекторов, которые вместе с русскими строителями украшали столицу произведениями церковного и гражданского зодчества. «Мы еще помним, — говорит И. Снегирев, — первобытный наружный вид этих палат и можем наверное сказать, что они составляли украшение Царской, или Тверской, улицы». Великолепие внешности гагаринских палат соответствовало и роскошному внутреннему убранству. Разного рода дорогое дерево, мрамор, хрусталь, бронза,

серебро и золото употреблены были на украшение покоев, где зеркальные потолки отражали в себе блеск люстр, канделябров, в висячих больших хрустальных сосудах плавали живые рыбки, разноцветные наборные полы представляли узорчатые ковры. Одни оклады образов, находившихся в спальне Гагарина, осыпанные бриллиантами, стоили, по оценке тогдашних ювелиров, более 130 тысяч рублей. Ранее на месте этих каменных палат находился двор князя Ивана Дашкова. По отъезде своем в Сибирь [203], куда князь Гагарин был назначен губернатором, он отдал этот дом своему сыну Алексею, большому кутиле и расточителю. После смерти своего отца Алексей Гагарин был разжалован царем в простые матросы и служил при Адмиралтействе. Князь Матвей Гагарин, как известно, был казнен за злоупотребления в Сибири, где он был полновластным владыкой и, как утверждает иностранец Страленберг, имел намерение сделаться в Сибири независимым от России владетелем [204]. Там он удивлял всех царской пышностью. У него за столом подавали кушанья на пятидесяти серебряных блюдах,

сам же он ел только на золотых тарелках. Колеса его кареты были также серебряные, и лошади подкованы серебряными и золотыми подковами.

Великолепные палаты Гагарина в царствование Екатерины II принадлежали внуку казненного князю Матвею Алексеевичу, а когда линия этих князей Гагариных пресеклась в 1804 году, то в 1805 году владела палатами графиня Зубова; потом переходили они в руки купцов Часовникова, Крашенинникова и Дубицкого и затем к Д. А. Олсуфьеву. Об этом доме известный наш зодчий прошлого столетия В. И. Баженов отзывался с восторженной похвалой. В 1852 году палаты эти были совершенно переделаны и потеряли свой первобытный характер.

В числе домов на Тверской был дом, принадлежавший генерал-аншефу и сенатору князю А. А. Прозоровскому, который был с 1790 по 1795 год главнокомандующим в Москве. Последовательно им владели вдова Прозоровского, княгиня Голицына, Куракина и Гурьев. Под именем Гурьевки дом этот долго был известен в Москве. Пространство от

Моисеевской площади до Никитской улицы было так же, как и Моисеевская площадь, застроено лабазами и лубочными лавчонками, где промышляли старым железом, лоскутьями и разными съестными припасами. Все это существовало до 1782 года. На улице Моховой торговали яблоками и разными овощами. Миновал университет, Экзерциргауз и Румянцевский музей, о которых будут отдельные краткие статьи, остановимся несколько на бывшем доме Нарышкиных. Он находится на углу Воздвиженки и Моховой и был родовым домом Нарышкиных[205]. Племянник Натальи Кирилловны Александр Львович Нарышкин продал этот дом жене генерала Н. С. Свечина, а последняя в 1818 году продала этот дом Горному правлению, которое и находилось здесь вместе с Пробирной палатой. Дом этот возобновлен, и в нем находится Главный архив Министерства иностранных дел. При доме новая церковь.

Несколько выше дома Нарышкиных, по Воздвиженке же, рядом с Воздвиженским монастырем, упраздненным в 1813 году, при царе Алексее Михайловиче был построен Апте-

карский новый двор. На этом дворе сохранялись всякие дворцовые хлебные и столовые запасы и пития, здесь приготавливались пиво, морсы и пастилы. Там же, в особой палате, под надзором сокольника Зота Полозова происходили поминные и праздничные кормки певчих и нищих. Нищих собиралось иногда до 300 и более человек. На месте этого Аптекарского двора находится теперь Казенная палата.

На углу Знаменки и Арбатской площади обращает на себя внимание своей громадностью и красотой дом графа С. С. Апраксина. В конце XVIII и в начале XIX столетия дом Апраксина в Москве был самый гостеприимный. Судить о широком хлебосольстве этого барина можно по тому, что он вскоре после нашего нашествия французов дал в один и тот же день обед в зале Благородного Собрания на 150 человек, а вечером в доме своем — ужин на 500. Но не одними балтазаровскими пирами угощал Москву Апраксин: и более возвышенные и утонченные развлечения и празднества находили там москвичи. У него бывали литературные вечера и чтения, концерты

и так называемые благородные, или любительские, спектакли. Для этого в его барском доме был обширный театральный зал. Он открыл его вскоре после того, как неприятель в 1812 году очистил Москву. Там шла опера «Старинные святки» и патриотические пьесы «Освобождение Смоленска», «Всеобщее ополчение» и комедия «Прасковья Прадухина». Кроме этих пьес в театре Апраксина давали славившуюся тогда оперу «Диана и Эндимион», в которой гремели настоящие охотничьи рога, за кулисами слышался лай настоящих гончих собак, а по сцене бегали живые олени. У него же шли впервые пьесы «Яма», «Филаткина свадьба», «Русалка» и другие. В доме Апраксина довольно долгое время были французский театр, итальянская опера, потом переведенная в Петербург. Когда умер Апраксин, то в Москве про смерть его ходили разные слухи: рассказывали, что ему перед смертью трижды являлся какой-то приятель, которого он похоронил с военной почестью, хотя тот и не имел на нее права.

В настоящее время в доме Апраксина находится 3-е военное Александровское училище,

учрежденное в 1863 году. Цель училища состоит в подготовке молодых людей для службы офицерами преимущественно в пехоте. Александровское училище наименование свое получило от Александровского Брестского казачьего корпуса, который был закрыт одновременно с учреждением военных училищ. От этого же корпуса были переданы училищу знамя, мундир и каска его августейшего шефа и золотая медаль в память священного коронавания императорских величеств. Позднее, именно 6 декабря 1863 года, императору Александру Николаевичу благоугодно было принять на себя звание шефа училища. Ныне шефом училища состоит благополучно царствующий государь.

В этой же местности, на Воздвиженке, почти напротив дома Нарышкиных, замечателен дом Шереметевых. Дом этот был построен графом Кириллом Григорьевичем Разумовским в три года по плану графа З. Г. Чернышева. В род Шереметевых он перешел в 1800 году: заплачено было 450 тысяч рублей[206]. При этом доме находится одна из стариннейших церквей во имя Знамени Пресвятой Бо-

городицы. Построение ее приписывалось брату патриарха Филарета боярину Ивану Никитичу Романову (около 1625 г.). Потом она находилась на «Боярской земле» сына Ивана Никитича, Никиты Ивановича, последнего из бояр Романовых[207]. Церковь была приходской и одной из знаменитых московских церквей своего времени: в нее ежегодно посылались для служения в храмовые праздничные дни духовные власти, т. е. разных монастырей архимандриты. Потом она сделана домовою, но в 1722 году снова стала приходской. В это время земля, на которой находилась церковь, принадлежала Нарышкиным и в отличие от старого двора Нарышкиных называлась «новым двором». Впоследствии она снова отнесена к числу домовых при доме Разумовских, сожженная в 1812 году церковь долго не была возобновлена. Возобновлена она только в 1847 году при графе Дмитрие Николаевиче Шереметеве и существует в том же виде.

У Никитских ворот близ церкви Федора Студийского находился родовой дом А. В. Суворова. В церкви Федора Студийского гени-

альный полководец приучал себя читать Апостола и при всяком выезде из Москвы никогда не оставлял своих родителей без особых поминовений: вся родня князя похоронена при этой церкви. Он тут и в церкви Вознесения служивал то молебны, то панихиды. Московские старожилы еще помнили, как Александр Васильевич сам, сделав три земных поклона, перед каждой местной иконой ставил свечку, как он служивал молебны, стоя на коленях, и как он благоговейно подходил под благословение священника[208].

Заглянув на противоположную сторону Белого города, на Большую Лубянку, мы видим дом, принадлежавший графу Растопчину, главнокомандующему Москвы в 1812 году. На дворе этого дома в 1812 году чернью был растерзан купеческий сын Верещагин, на которого пало подозрение, что он распространял по Москве прокламации Наполеона. Вот что доносил граф Растопчин министру юстиции И. И. Дмитриеву: «Изменник сей (т. е. Верещагин) и государственный преступник был, пред самым вшествием злодеев наших в Москву, предан мною столпившемуся народу,

который, видя в нем глас Наполеона и предсказателя своих несчастий, сделал из него жертву справедливой своей ярости». Один из участников этого события, квартальный надзиратель Алексей Гаврилович Гаврилов, рассказывал относительно казни Михаила Верещагина следующее: «2 сентября 1812 года, в последний день тогдашней Москвы, мы с Бурдаевым (тоже квартальный) дежурили при главнокомандующем графе Растопчине в его лубянской доме. С утра густая толпа народа стеклась на дворе и запрудила улицу: шумела, гамила и волновалась. Вдруг Растопчин с балкона вышел к нам в залу и, скоро идя вниз на крыльцо со всеми нами окружающими, велел вести туда же, на двор, молодого купеческого сына Верещагина, вытребованного с раннего утра в дом из «ямы», где он содержался. Прокричав на крыльце народу, что Верещагин изменник, злодей, губитель Москвы, что его надобно казнить, Растопчин закричал Бурдаеву, стоявшему подле Верещагина: «Руби!» Не ожидая такой изустной сентенции, Бурдаев оторопел, замялся и не подымал рук. Растопчин гневно закричал на меня: «Вы мне

отвечаете свою собственную голову! Рубить!» Что тут было делать? Не до рассуждений! По моей команде «Сабли вон!» мы с Бурдаевым выхватили сабли и занесли вверх. Я машинально нанес первый удар, а за мной Бурдаев. Несчастный Верещагин упал. Растопчин и мы все тут же ушли, а чернь мгновенно кинулась добивать страдальца и, привязав его за ноги к хвосту какой-то лошади, потащила со двора на улицу. Растопчин в задние ворота ускакал на дрожках. Скоро и я по данному приказанию очутился тоже у Яузского моста пред фельдмаршалом Кутузовым для указания по Москве дороги войскам. Он наблюдал тут этот важный пункт сообщения, где столпились разного рода войска нашей армии, отступавшей на Рязанскую дорогу. Я конвоировал Кутузова до Тарутина»[209]. От себя Гаврилов прибавил, что вина Верещагина заключалась в том, что он перевел из «Гамбургских ведомостей» одну из прокламаций Наполеона. (Верещагин был довольно образован: он хорошо знал французский и немецкий языки.) Отец несчастного был щедро вознагражден императором Алексан-

дром I.

У Мясницких ворот, напротив почтамта, долго существовал дом, находившийся во владении Измайловых. Кто-то из Измайловых принадлежал к масонству, и потому в этом доме, тайно конечно, происходили заседания масонов. Там существовал целый ряд комнат со всеми атрибутами и украшениями прежнего масонства. Дом этот от Измайловых перешел к Кусовникову. Новые владельцы, очень состоятельные, но скупые старики, муж с женой, поселившиеся без прислуги в доме тотчас по уходе французов из Москвы, с переездом в дом и войдя в первую из таких масонских зал, обитую всю черным, со скелетом в углу и с ремешками на стенах, как они называли иероглифы, из суеверного страха и перепуга так и не решились обойти всех комнат, а рассудили заколотить двор навсегда. Оригиналы-старики прожили в доме более пятидесяти лет, ни разу не переступив порога таинственных и страшных комнат фармазонов. Дом этот вообще являл собой вид запустения и одичалости: ворота его редко растворялись, на дворе виднелся обширный огород.

Владельцы его вели жизнь загадочную и отшельническую, не имели прислуги, кроме дворника, и выезжали кататься лишь по ночам. В Москве об этом доме долго ходило немало толков[210].

Скажем несколько слов о масонах, так как в конце XVIII столетия и в начале XIX Москва положительно бредила масонами: в городе существовало более сорока масонских лож. Но что же такое были эти масоны? По словам Карамзина, это были просто христианские мистики: толковали природу и человека, искали таинственного смысла в Ветхом и Новом Завете, хвалились древними преданиями, унижали школьную мудрость, но требовали истинных христианских добродетелей от учеников своих, не вмешивались в политику и ставили в закон верность государю. Кроме того, они проповедовали чистую евангельскую любовь, не щадили капиталов в пользу благотворительности бедным и несчастным и заботились об устройстве больниц и аптек. Нравственная сторона их учения заслуживает полной симпатии: она вполне объяснена в их катехизисе. Однако про масо-

нов ходили дурные слухи, и их обвиняли в том, в чем они были совершенно неповинны: им много вредила их таинственность. Один из известных масонов прошлого столетия был Н. И. Новиков, много пострадавший из-за этого масонства. Он имел четыре типографии, из которых одна была тайная и помещалась в его доме на Лубянской площади. Три другие типографии находились: а) против нынешнего дома консистории, в низеньком каменном здании, б) в Армянском переулке, в доме, занимаемом теперь Лазаревским институтом и в) в доме Гендрикова, у Сухаревой башни. В 50-х годах XIX столетия масоны уже не существовали.

Закончим наш обзор Белого города указанием, что башни стены, имевшие в себе помещения для воротников, после ее сломки были захвачены своими жильцами в собственность, и таким образом превратились во владения частных лиц. Их место теперь занято теми домами, которыми оканчиваются то по одну, то по обе стороны наши центральные бульвары. Башни Тверская и Мясницкая существовали до 1805 года. После 1812 года во-

рота Белого города уже совсем прекратили свое реальное существование.

Монастыри в Белом городе

Высоко-Петровский. «Степенная книга» повествует, что за несколько времени до кончины первого митрополита московского св. Петра великий князь Иван Данилович Калита, проезжая берегом реки Неглинной мимо Высоцкой слободы, принадлежавшей, по преданию, боярину Кучко, внезапно увидел на месте этой слободы высокую гору, покрытую снегом, который вдруг растаял, а затем исчезла и гора. Князь рассказал об этом видении св. Петру и услышал от него такое объяснение: «Гора высокая — это ты, князь, а снег — я, смиренный. Мне прежде тебя должно отойти из сей жизни».

В память этого случая великий князь Иван Данилович построил на месте видения церковь в честь иконы Боголюбской Божьей Матери. Церковь эта сделалась впоследствии основным храмом существующего ныне Высоко-Петровского монастыря на Петровке (мужской, 2-го класса), основание которого при-

надлежит великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому[211]. Первым игуменом монастыря был Иоанн, известный установитель общежития монахов в Москве, безуспешно искавший себе впоследствии сан митрополита, соперничая с переяславским архимандритом Пименом.

В 1505 году Петровский монастырь был весь перестроен и при этом случае наименован в честь св. Петра-митрополита, мощи которого незадолго перед тем были обретены. Несомненно, что перестройка монастыря была вызвана или разорением монастыря татарами, или повреждением его от большого пожара, случившегося в 1492 году.

Петр I, вступив на престол, приказал в 1690 году возобновить храм во имя св. Петра-митрополита, соорудить новый храм вместо древнего над гробами убиенных в стрелецкий бунт родных дядей его Ивана и Афанасия Кирилловичей Нарышкиных и соорудить еще третий храм во имя преподобного Сергия Радонежского во возблагодарение, вероятно, сему угоднику за спасение в обители его от неминуемой смерти. Тогда же сооруже-

на колокольня с кельями и монастырь огражден ныне существующими стенами.

Нарышкины погребены в холодном храме Боголюбской Богоматери. Здесь по обеим сторонам стоят ряды каменных, соединенных между собой памятников, точно таких, как в Архангельском соборе, с поставленными на них черными дощечками. На эти дощечки перенесены в сокращении старинные надписи, высеченные на памятниках внизу, в головах. Всех рядов шесть, памятников восемнадцать, по правую сторону три ряда, или девять памятников мужского рода, по левую также три ряда — девять памятников женского рода. Между прочими Нарышкиными здесь погребен и отец Натальи Кирилловны Кирилл Полуектович. Во время стрелецкого бунта, когда были убиты его сыновья, Иван и Афанасий, злодеи заставили старика принять монашество, сослав его в Кириллов монастырь. После мученической смерти сыновей он прожил еще девять лет. Где он провел эти девять лет — неизвестно. До нашествия французов в Москву все памятники Нарышкиных были покрыты красным сукном, но при французах

сукуно было похищено. Некогда в ризнице монастыря находились парадные покровы: всех их было девять; покровы были малиновые и зеленые бархатные, обшитые серебряными тонкими круглыми бляхами величиной с большое яблоко. В 30-х годах XIX столетия на каждом памятнике стояли образа святых, соименных погребенным в могиле. В 1812 году французы, думая найти сокровища в гробах, разломали памятники и осмотрели могилы. Надписи на некоторых памятниках тоже истреблены французами.

В монастыре две церкви: Боголюбской Божьей Матери и Св. Петра Митрополита, построенная в 1505 году, и четыре придела: во имя Тольгской Божьей Матери[212], преподобного Сергия Радонежского, св. Алексия Митрополита и св. Митрофана Воронежского. В монастыре имеются две чудотворные иконы Божьей Матери: Казанской и Боголюбской. В храмах иконостас древний, но подновлен; утварь и ризы богатые.

Златоустовский. Главная церковь монастыря во имя Иоанна Златоуста основана в 1479 году, II июля, великим князем Иваном III

Васильевичем в честь его ангела; но на этом месте ранее существовала деревянная, построенная московскими гостями[213]. При церкви во имя Иоанна Златоуста созидатель храма велел построить другую церковь — во имя св. апостола Тимофея в честь того дня, когда родился великий князь. Монастырь этот управлялся прежде игумнами, но с 1706 года учреждена здесь архимандрия, на что и имеется в архиве монастыря грамота, данная Петром Великим.

Здание главной церкви замечательно своей архитектурой, но в нем заметно много исправлений позднейшего времени. Древностей, относящихся ко времени основания монастыря, нет: вероятно, пожары и нашествия врагов опустошили обитель и не оставили ничего, напоминающего древность.

В монастыре кроме собора во имя Иоанна Златоуста есть церкви: 1) Благовещения Пресвятой Богородицы, построенная в 1713 году адмиралом Ф. М. Апраксиным; 2) Захария и Елизаветы над святыми воротами, существующими с 1704 года; церковь эта устроена на сумму, пожалованную от императрицы Ели-

заветы Петровны в 1742 году; 3) Живоначальной Троицы; церковь построена в 1757 году при архимандрите Лаврентии и освящена Тимофеем, митрополитом московским. Церковь эта теплая, и при ней приделы: а) Св. Дмитрия, митрополита ростовского и б) Св. Иннокентия, епископа иркутского. Монастырская колокольня сооружена в 1714 году, а ограда с башнями — в 1711 году.

В монастыре чудотворные иконы: Знамения Пресвятой Богородицы и Святителя Иоанна Златоуста.

В монастыре погребены: любимец Петра Великого адмирал Ф. М. Апраксин, граф А. И. Румянцев, отец героя Задунайского, генерал-аншеф М. А. Матюшкин, царевичи Касимовские, князья Пронские, Урусовы, Засекины, Барятинские, Мосальские, Хилковы и проч. Надпись над могилой Матюшкина замечательна своей подробностью. По словам надписи, он «веселым и доброхотным сердцем, забыв прежде понесенные военные труды и все прежние случаи смерти, поступал смело, воевал крепко, побеждал с триумфом».

Монастырь мужской, 2-го класса, находится

ся между улицами Мясницкой и Маросейкой в Златоустовском переулке, получившем название от монастыря.

Рождественский. Монастырь женский, 2-го класса, находится близ Сретенских ворот, на полугоре, под которой протекала некогда речка Неглинная. Он основан около 1386 года супругой князя Андрея Серпуховского, сына Калиты, княгиней Марьей Кейстутьевной, матерью знаменитого князя Владимира Андреевича, который быстрым ударом из засады в дубраве решил в пользу русских участь колебавшейся было битвы 8 сентября 1380 года. В древности монастырь назывался Богородицким на Трубе, или «у Трубы».

Через девять лет после Куликовской битвы, 2 декабря 1389 года, княгиня Мария, в иночнях Марфа, преставилась и погребена была в монастыре. Невестка ее, княгиня Елена, в иночестве Евпраксия, дочь Ольгерда Литовского, завещала в 1452 году похоронить себя здесь же и подарила монастырю вотчины свои, и в том числе известное село Косино, находящееся в 15 верстах от Москвы. К сожалению, могилы этих княгинь неизвестны. За-

тем здесь была погребена в 1471 году княгиня инокиня Марфа Ростовская.

Долго после этого не встречается известий о монастыре. Но в 1523 году в нем совершается тяжелая древнерусская драма, которой монастырь делается особенно известным. Драма эта — бракоразное дело великого князя Василия Ивановича, отца Ивана Васильевича Грозного.

Вот как началось это дело. В 1523 году Василий Иванович поехал «в объезд», ехал он на «колеснице позлащенной»; с ним были «оружницы, яко же подобает царям». Взглянул Василий на небо и увидел на дереве птичье гнездо. Бездетный великий князь заплакал:

— Лют мне! Кому уподоблюся? Аз не уподобихся ни птицам небесным, яко птицы небесные плодовиты суть; ни зверям земным, яко звери земные плодовиты суть; ни водам, яко плодовиты суть...

В таком печальном размышлении великий князь опустил глаза долу, но и на земле увидел он ту же жизнь, то же плодородие.

Той же осенью Василий Иванович «с объ-

езда» возвратился в Москву и начал думать со своими боярами «о своей великой княгине, что неплодна бысть». С теми же горькими слезами он жаловался боярам:

— Кому по мне царствовать на Русской земле и во всех городах моих и в пределах? Братьям ли дам? Ино братья своих уделов не умеют устраивать.

— Государь! — отвечали бояре. — Неплодную смоковницу посекают и удаляют из винограда.

Участь несчастной великой княгини Соломонии была принесена в жертву благу государственному. Добродетельная Соломония после двадцатилетнего супружества была отвергнута. Придворные угодники и даже митрополит Даниил поддерживали политическую необходимость развода. Но нашлись и духовные и миряне, смело указывавшие государю, что замысел его противен совести и церкви. Особенно резко восстал инок Симонова монастыря Вассиан, сын князя литовского Патрикеева, сам некогда знатнейший боярин, насильственно постриженный в иноки за усердие к князю Дмитрию, сопернику Васи-

лия по престолонаследию...

К этому-то своему противнику, симоновскому старцу, и обратился Василий за советом, называя непокорного инока «умягчением души своей», «веселием беседы», «наставником любви»; но непреклонный Вассиан все-таки объявил второй брак Василия «прелюбодеянием». Раздраженный великий князь повелел дьяку Трифону Ильину отвезти дерзкого старца в Чудов монастырь, где дьяки Андрей Гостев и Семен Плешивый были его стражами.

Тогда, уверяют, будто бы Василий обратился к греческим патриархам за благословением на развод. Патриархи тоже не согласились, а иерусалимский, Марко, в духе пророческом даже отвечал:

— Если женишься вторично, то будешь иметь злое чадо: царство твое наполнится ужасом и печалью, кровь польется рекою, падут главы вельмож, грады запылают.

— Мы обойдемся и без их благословения! — воскликнул на это митрополит московский Даниил.

Чтобы обойти закон и обмануть совесть,

предложили Соломонии добровольно отказаться от мира; та заупрямилась. Тогда решили прибегнуть к насилию. Несчастную вывели из дворца и постригли в Рождественском монастыре. Обряд принятия иноческого чина сопровождался резкими приемами. Наши летописи ограничиваются кратким указанием: «А постриг ее на Москве у Рождества Пречистыя за пушечными избами[214] в девичьем монастыре никольской игумен Давид», прибавляя, что потом великий князь послал свою великую княгиню в Суздаль к Покрову в девичий монастырь. Но путешественник по России Герберштейн рассказывает, что Соломония с негодованием противилась пострижению.

— Смеешь ли ты противиться воле государя? — крикнул тогда на нее дворецкий Иван Юрьевич Щигоня и ударил ее.

— А ты как смеешь поднять на меня руку? — спросила несчастная великая княгиня.

— Именем великого князя! — отвечал Щигоня.

Тогда Соломония залилась слезами и, надевая иноческую ризу, торжественно произнес-

ла:

— Бог видит и отметит моему гонителю!

Вероятно, после совесть не оставляла в покое Василия, Есть грамота, которой он жалуется селом Вышнеславским «с деревнями и с починки старицу Софью в Суздале». Эта старица Софья была несчастная Соломония, скончавшаяся 18 декабря 1542 года, иночествовав 17 лет и 15 дней, и погребена в Покровском девичьем монастыре.

Тот же Герберштейн сообщает, будто бы носился слух, что Соломония оказалась потом беременной к ужасу и раскаянию разведшегося с ней мужа; родила сына, по имени Георгий, тайно от всех воспитывала его, с затаенной местью говоря: «В свое время явится он в могуществе и славе». Народные предания много говорят об этом сыне Соломонии, но, ежели он действительно существовал, судьба его все-таки неизвестна. Этот же сын Соломонии стал для покойного историка Н. Костомарова прототипом Кудеяра — разбойника, приведшего будто бы крымского хана на Москву при Иване Грозном. Имя разбойника Кудеяра особенно популярно в Обоянском уезде Кур-

ской губернии: там показывают Кудеяровы кручи, курганы, труппы, камни. По другим преданиям, Георгий-Кудеяр неоднократно будто бы спасал жизнь своего брата Ивана Грозного.

Василий Иванович, как известно, женился на Елене, дочери Василия Львовича Глинского.

Через три года и несколько месяцев у Елены родился сын Иван. Ростовская летопись повествует, что в минуту его рождения, 25 августа 1530 года, в 7 часов вечера, воздух был потрясен неслыханными ударами грома, следовавшими один за другим, при ослепительной, непрерывной молнии. В память рождения сына великий князь выстроил в следующем году церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи на Старом Ваганькове, давно уже не существующую.

В настоящее время в монастыре церкви: Рождества Пресвятой Богородицы, Священномученика Евгения Херсонского и Святителя Иоанна Златоуста; приделы: Сошествия Св. Духа, Николая Чудотворца, Св. Дмитрия Ростовского и Св. Филарета Милостивого.

Придел во имя св. Николая Чудотворца, находящийся при соборной церкви Рождества Богородицы, сооружен в царствование Ивана IV Васильевича по тому случаю, что близ монастыря на пути к Троице Сергия Анастасия почувствовала во чреве первое движение младенца (Федора Ивановича). Теплая же церковь во имя св. Иоанна Златоуста построена в царствование Федора Алексеевича, 30 декабря 1687 года, в память святой мученицы Анисьи. А строительницей ее была жена боярина князя Ивана Ивановича Лобанова-Ростовского княгиня Фотиния Ивановна, на иждивение родственника своего князя Александра Ивановича Лобанова-Ростовского. В 1835 году монастырская колокольня была разбита громовым ударом, и потому на месте ее сооружена новая. В два больших московских пожара, бывших 17 августа 1501 и в июне 1547 года, Рождественский монастырь горел, после чего был возобновляем.

В монастыре чудотворные иконы: Божьей Матери Смоленской, Рождества Пресвятой Богородицы и Св. Иоанна Златоуста.

Сретенский. На месте, где теперь находит-

ся Сретенский мужской заштатный монастырь, в седую старину было Кучково поле, и на нем производились казни преступников. По крайней мере, об этом можно заключить из следующего события.

В княжение великого князя Дмитрия Ивановича Донского еще существовали в Москве, как и в Новгороде, тысяцкие. Сначала они, будучи избираемы народом из своей среды, были как бы представителями общества и наблюдали, чтобы посадники, а может быть, и удельные князья не присваивали себе излишней власти. Впоследствии влияние их умалилось, но при великом князе Дмитрие Ивановиче тысяцкий Вельяминов, кажется, хотел возобновить свои права. Он скоро умер. Сын его Иван хотел заступить место отца, долго противился великому князю и был казнен на Кучковом поле вместе со своим сообщником купцом Некоматом. Казнь эта последовала в 1378 году и достопамятна тем, что с казнью Ивана Вельяминова было уничтожено звание тысяцкого.

Вскоре после этого на Кучковом поле построена была деревянная церковь во имя Ма-

рии Египетской.

В 1395 году на Москву ополчился Тамерлан. Великий князь Василий Дмитриевич пошел навстречу врагу, оставя дядю своего Владимира Андреевича Храброго для защиты Москвы. Но вера и молитва казалась всем единственным спасением. Жители Москвы наложили на себя строгий пост и усердно со слезами молились в церквах, которые были отворены с утра до глубокой ночи. Митрополит Киприан почти не выходил из церкви, молясь за великого князя и за православное воинство. Он призывал к себе оставшихся в Москве великих князей и великих княгинь и укреплял их в терпении и в надежде на избавление. В это время матери великого князя Евдокии и сыну ее Василию Дмитриевичу пришла счастливая мысль перенести из Владимира в Москву чудотворную икону Владимирской Божьей Матери, писанную, по преданию, евангелистом Лукой и принесенную во Владимир из Вышгорода князем Андреем Боголюбским. Та же самая мысль пришла одновременно и митрополиту Киприану и тотчас же была приведена в исполнение.

Икона Владимирской Божьей Матери была чрезвычайно чтима народом, и потому весть о ее перенесении обрадовала и ободрила жителей Москвы, которые толпами устремились навстречу ей. Вне города, на Кучковом поле, встретили икону митрополит Киприан, епископы, духовенство, князь Владимир Андреевич и великокняжеская семья. Все пали на землю перед св. иконой и долго со слезами молились перед ней, восклицая: «Мати Божия, спаси землю Русскую!» Потом икону перенесли в Успенский собор, где она находится и теперь по левую сторону Царских врат. Вслед за тем пришло известие, что Тамерлан, простояв две недели на одном месте, вдруг повернул на юг и вышел из русских пределов. Современники рассказывают, что Тамерлан отступил в тот самый день и час, когда икона была встречена жителями Москвы на Кучковом поле. В летописях рассказывается, что Тамерлан дремал в этот час в своем шатре и увидел следующий сон: высокую гору и с ее вершины идущих к нему многих святителей, с золотыми жезлами, над ними, в лучезарном сиянии, явилась жена, благолепия и величия

неописанного, окруженная тьмами молниеподобных воинов, которые все грозно устремились на него. Он затрепетал, проснулся и, созвав своих приближенных, спросил их о значении сна. Величественная жена, отвечали некоторые из них, есть Богоматерь, защитница христиан. «Итак, мы не одолеем их», — сказал Тамерлан и велел полкам своим идти обратно.

Великий князь Василий Дмитриевич, возвратившись в Москву, соорудил в память этого события каменную церковь Владимирской Божьей Матери на Кучковом поле, а при ней монастырь, который получил название Сретенского. На 26 августа был установлен в то же время праздник Сретенья Божьей Матери, и с тех пор в этот день ежегодно бывает крестный ход из Успенского собора в Сретенский монастырь. К царствованию Федора Алексеевича храм Божьей Матери пришел в ветхость, и потому на месте его был сооружен новый во имя той же Владимирской Богородицы и освящен 24 августа 1679 года. В 1706 году при церкви устроен придел Рождества Иоанна Предтечи по обещанию игумена мо-

настыря Моисея Великосельского. Церковь во имя Марии Египетской возобновлена в царствование императрицы Екатерины II в 1784 году иждивением коллежского асессора А. А. Гончарова и освящена в том же году 18 ноября игуменом обители Арсением. В этом храме хранится часть мощей Марии Египетской, привезенных из Константинополя в 1700 году посланником Емельяном Украинцевым, что и свидетельствуется сохраняющейся в монастыре грамотой иерусалимского патриарха Досифея. Кроме этих двух церквей в монастыре есть церковь во имя св. Николая Чудотворца, построенная иждивением бригадирши Прасковьи Григорьевны Кариной и при ней придел Всех Святых. Есть еще и третий придел: он находится при церкви Марии Египетской и построен иждивением фабриканта Малютина во имя Сретенья Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. В этой же церкви в 1760 году поставлен и большой Крест Господень, резной, из Старого Иерусалима, с подробным изображением на нем Христовых страстей и чудес, работы купца Шумаева.

Мы уже говорили о крестном ходе, совершающемся в монастырь 26 августа. Туда же совершается крестный ход еще 23 июня в память избавления Москвы от нашествия в 1480 году татарского хана Ахмета и в возблагодарение Господу Богу и Пречистой Его Матери за совершенное освобождение России от татарского ига.

В Сретенском монастыре совершилось еще одно умиленное событие. Когда царь Иван Васильевич, еще не Грозный, возвращался из-под Казани победителем, то он остановился у ограды Сретенского монастыря и здесь был встречен духовенством с хоругвями и всеми боярами, сопровождаемый многочисленным народом, который встретил его еще у Ростюкина. У монастыря царь сошел с коня и пал ниц перед Царем царей, даровавшим ему власть и победу. По совершении благодарственной молитвы — молитвы всего народа московского — государь, сняв доспехи, оделся здесь в одежду царскую, облекся в порфиру, возложил на главу венец Мономахов и в таком облачении пошел отсюда в соборы — Успенский, Архангельский, Благовещен-

ский — и потом уже к ожидающим его супруге и новорожденному младенцу[215].

Наружность Сретенского монастыря в сравнении с другими монастырями Москвы весьма проста, но тем не менее почти все постройки замечательны своей древностью.

В соборной церкви монастыря находится точный список с чудотворной иконы Владимирской Божьей Матери, сделанный в 1679 году при царе Федоре Алексеевиче.

В монастыре погребены многие из князей Прозоровских, дворян Кариных, Марковых, Милютиных, Голохвастовых, Бахметьевых, Карамышевых и других.

Никитский. Монастырь женский, 3-го класса, находится на Никитской улице, получившей свое название от монастыря; но ранее эта улица называлась Царицынской. Монастырь основан в XVI веке боярином Никитой Романовичем Юрьевым, родным братом царицы Анастасии и отцом патриарха Филарета, на том месте, где существовала еще в XV веке церковь Св. Никиты.

Осматривая Никитский монастырь вообще, можно сказать, что он включает в себе

мало замечательного: только и есть несколько древностей, не относящихся, однако же, далее 1682 года.

В монастыре находятся три церкви и два придела. Церкви: 1) Великомученика Никиты, перестроенная в 1682 году и освященная патриархом Иоакимом; 2) Воскресения Христова и 3) Введения во храм Пресвятой Богородицы.

Приделы: Св. Николая Чудотворца и Великомученика Дмитрия Солунского.

Чудотворные иконы в монастыре: 1) Страстная, 2) Введения во храм Пресвятой Богородицы, 3) Великомученика Никиты, 4) Великомученика Дмитрия Солунского и 5) Святого Николая Чудотворца.

Икона Великомученика Никиты особо чтима. При ней находится часть мощей великомученика, именно: часть перста его. Сам образ довольно богат. Есть еще и другие мощи, но все частицами.

В монастыре замечателен напрестольный крест, сделанный, как явствует из надписи на нем, по благословению патриарха Иоакима на монастырскую сумму. Крест отделан весь-

ма богато.

В монастыре погребены: генералы С. А. Салтыков и В. С. Салтыков, княгиня Н. Ф. Горчакова, княгиня А. М. Давыдова, разные лица из фамилий Сенявиных, Шидловских, Арбузовых, Борисовых и других.

Стены и здания монастыря имеют довольно грандиозный вид. Монастырь управляется игуменьей.

Страстной. Монастырь находится у самых Тверских ворот, т. е. на границе, разделяющей Белый город и Земляной. Он именуется Одигитрии, но известен просто под именем Страстного, женский, 3-го класса.

История говорит нам, что в 1649 году царь Алексей Михайлович приказал принести в Москву чудотворную икону Страстной Богородицы из вотчины князя Бориса Лыкова, называемой Палицы (Нижегородской губернии). Воля царя была исполнена, и чудотворную икону на месте монастыря встретили с подобающей честью. По этому случаю царь Алексей Михайлович устроил здесь храм и обитель, которая с годами пришла в ветхость. Императрица Екатерина II указала возобно-

вить обитель, что и исполнено в 1779 году. В 20-х годах XIX столетия обитель была снова возобновлена.

Внутренность обители свидетельствует о зодчестве времен царя Алексея Михайловича. Соборная церковь довольно велика по наружности, но внутри тесна: такова была старинная архитектура. Она двухэтажная, и в ней престолы: вверху — Страстной Богородицы, а внизу — Архистратига Михаила, с приделами Николая Чудотворца и Великомученицы Анастасии. Иконостас собора не особенно богат, но местные образа блестят золотом и камнями, особенно же икона Пресвятой Богородицы.

Над святыми воротами монастыря есть еще особая церковь во имя Алексея Божия Человека. Колокольня монастыря новейшей архитектуры — с часами.

В память принесения иконы Страстной Божьей Матери в Москву, совершившегося 13 августа, установлено праздновать этот день. Кроме того, празднество этой иконы совершается в шестое воскресенье после Пасхи. В старину в этот день около монастыря было осо-

бое гулянье, на которое всегда собиралось множество народа. В монастыре мощи: головка мученицы Анастасии.

Монастырь управляется игуменьей.

Ивановский. Ивановский женский монастырь до переименования своего в 1813 году в приходскую церковь существовал более двух столетий. 1812 год, несчастный для России вообще и для Москвы особенно, был несчастлив и для Ивановского монастыря. Эта обитель, разграбленная и расхищенная врагами отечества, не могла более сохранить своего благосостояния и была обращена в приходскую церковь, а кельи иночествующих — в квартиры служащих при Синодальной типографии.

Время основания Ивановского монастыря достоверно неизвестно. В описи этого монастыря 1763 года сказано: «А когда оный монастырь построен, при котором государе, и по какой государской грамоте, и в котором году, о том в означенном монастыре точного известия нет». Преданием основание этой обители приписывается или великому князю Ивану III или матери царя Ивана Васильевича Грозного, великой княгине Елене Глинской

(1533–1545 гг.), которая будто бы основанием обители желала ознаменовать день тезоименитства своего сына. Основываясь на этом предании, построение монастыря можно отнести к концу XVI столетия.

В исторических актах Ивановский монастырь встречается в 1604 году; но с первой половины XVII столетия существование Ивановского девичьего монастыря уже не подлежит сомнению. Так, по сказанию Карамзина, здесь в 1610 году заключена была царица Мария Петровна Шуйская, супруга несчастного царя Василия Шуйского, перевезенная потом отсюда в Покровский Суздальский монастырь.

В 1737 году Ивановский монастырь постигла такая же участь, как и большую часть Москвы. Троицкий пожар, происшедший, как известно, 30 мая от грошовой свечи, истребил и в монастыре кельи и кровли на церквах. Подобное несчастье повторилось потом в 1748 году; но в 1761 году монастырь был возобновлен императрицей Елизаветой Петровной, которая предназначала его для призрения вдов и сирот заслуженных людей. Наконец, как мы уже говорили, обитель потерпела

от французов и обращена в приходскую церковь.

В период существования Ивановского монастыря как приходской церкви в разное время были делаемы поправки, а иногда и капитальные перестройки. Так, в 1816 году храм Казанской Божьей Матери, находившийся в колокольне, был упразднен, а вместо него был устроен новый придел во имя Казанской же Божьей Матери.

В 1861 году на капитал, завещанный подполковницей Елизаветой Алексеевной Макаровой-Зубачевой, все древние здания Ивановского монастыря были разобраны и начата постройка новых по плану архитектора Быковского. Постройка продолжалась довольно медленно. Наконец, для окончания постройки учреждена была особая комиссия под председательством архимандрита Николо-Угрешского монастыря отца Пимена. Работа пошла весьма быстро, так что 25 июля 1878 года на главном храме заблистал Святой Крест, умножив собой число крестов в нашей златоглавой Москве-матушке. Вскоре монастырь был освящен и открыт.

В обширных зданиях возобновленного монастыря устроено училище для сирот женского пола и больница не только для сестер Ивановского монастыря, но и для сестер других монастырей. В последнюю войну с Турцией в стенах Ивановского монастыря был открыт временный городской госпиталь для больных и раненых воинов.

Но возвратимся опять к прежнему монастырю, каким он существовал до 1812 года.

Обеспечиваемый добровольными подаяниями и вкладами царскими и Других знатных особ, Ивановский монастырь имел в то же время за собой 813 душ крестьян. С закрытием монастыря крестьяне отошли от него. О содержании монашествующих нет точных сведений. Но монашествующие трудились и положили около монастыря начало ярмарки в день памяти Иоанна Предтечи 29 августа. В этот день монахини и белицы выносили за ворота свои рукоделия: нитки, пряденую шерсть, кружева, чулки и проч. Все это они распродавали на ярмарке, которая впоследствии расширилась и существовала довольно долго.

Из погребенных в монастыре прежде всех обращает на себя внимание схимонахиня Марфа, известная своей благочестивой жизнью, скрытой под видом юродства. Прах ее покоится под церковью, у западного столпа, где и обложена по приказанию митрополита Филарета ее гробница. Схимонахиня Марфа известна как узорешительница. На могилу ее приходили служить панихиды беременные женщины и получали помощь. Ни о ее происхождении, ни о ее образе жизни ничего неизвестно. На верхней плите ее могилы вычеканена следующая надпись: «7146 (1638) г. марта в 1-й день на память святые преподобномученицы Евдокии преставися раба Божия девица Дарья, во инокинях схимница Марфа юродивая».

Надгробные камни, вставленные в стене прежнего храма, указывали здесь на могилы князей Засекиных, Волынских, Ознобишиных, Хомутовых, Ордын-Нащокиных, Резановых, Елизаровых, Окуньковых, Оболенских и Лихаревых. Здесь же погребена и царица Прасковья, супруга царевича Ивана, сына Ивана Грозного.

В Ивановском монастыре нашли было себе могилы два начальника раскола — Иван Тимофеевич Суслов и преемник его Прокопий Данилович Лункин. Их похоронили рядом. На могиле Лункина соорудили каменный памятник и на гробнице написали похвалу святости погребенного. Оба они были основателями в Ивановском монастыре секты хлыстов. Когда благодаря поискам знаменитого сыщика Ваньки Каина была открыта хлыстовщина, трупы обоих лжеучителей в 1739 году были выкопаны из земли палачами, вывезены в поле и сожжены там. Проживавшая в Ивановском монастыре хлыстовская пророчица Настасья была казнена в Петербурге.

Ивановский монастырь имел в свое время и административное назначение. В безмолвных стенах его были заключаемы опальные. Сюда присылались женщины из Сысского приказа и из Тайной розыскных дел канцелярии под видом сумасшедших или же секретные; здесь были и раскольницы, и замешанные в политических и уголовных делах. Они содержались под строгим надзором в особых кельях, подвалах и застенках, что давало этой

обитатели вид таинственный и мрачный.

В Ивановском монастыре в заключении скончалась в 1620 году вторая супруга царевича Ивана Ивановича Прасковья Михайловна из рода Соловых. Сюда же в 1786 году была прислана по секретному повелению императрицы Екатерины II неизвестная женщина знатного происхождения, которая в монашестве наречена была Досифеей и пробыла в монастыре в безмолвии и в подвигах благочестия 25 лет. Погребена же Досифея в Новоспасском монастыре, в усыпальнице Романовых. Полагают, что Досифея была не кто иная, как княжна Тараканова.

В заключение скажем, что одновременно с Досифеей в Ивановском монастыре под крепким караулом содержалась в течение тридцати лет Дарья Николаевна Салтыкова, известная в народе под именем Салтычихи и людоедки. Вначале Салтычиха заключена была в склепе, под соборной церковью, а потом в застенке, пристроенном к горней стене храма. Она умерла 68 лет и погребена в Донском монастыре, где погребались ее родственники.

Упраздненные монастыри

Моисеевский, женский. Находился у Охотного ряда. Стал известен с XVI века. При нем устроена была богадельня. Уничтожен в 1789 году.

Воскресенский-Высоцкий, мужской, греческий. Находился на Тверской улице, против Саввинского подворья. Известен с XVI века. По имени этого монастыря Неглинные ворота Китай-города названы Воскресенскими. Монастырь упразднен и сломан в 1812 году. Место это застроено владельческими домами.

Никольский, женский. Находился на Никитской улице, где приходская церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы, известная под именем Николы в Хлынове. В 1629 году монастырь сторел, уничтожен и оставлена одна приходская церковь.

Крестовоздвиженский на Острове, на Воздвиженке, получившей название от монастыря. Островом называлось здешнее урочище издревле потому, что тут был некогда лес, отделенный отовсюду в виде острова перелогам полей. В XV веке на месте этого мона-

стыря был дом князя Ховрина. Леса, сады и огороды, принадлежавшие этому дому, простирались от Старого Ваганькова к Москве-реке, к Арбату и даже к нынешней Поварской улице. Ховрин был любимцем Василия Темного. В 1450 году на месте своего дома и бывшей деревянной церкви он построил новую, каменную, а вскоре потом основал монастырь, в котором сам принял иночество. О подвиге этого князя во время нашествия хана Мехмета мы говорили выше. В 1814 году монастырь упразднен, а соборная церковь обращена в приходскую.

Варсанофьевский, женский, между улицами Лубянской и Рождественкой в переулке, получившем название от монастыря. Под именем Вознесенского на Рву этот монастырь упоминается в первый раз в XVI веке. Основание монастыря приписывают Варсанофии, которая, по преданию, была матерью святителя Филиппа, митрополита московского. Близ этого монастыря находился в древности убогий дом, т. е. кладбище для погребения странников, убогих и погибших насильственной смертью. Это-то и было причиной того, что

Лжедмитрий, завладев русским престолом, велел перенести тело Бориса Годунова сюда. Супруга Годунова и сын Федор здесь же преданы были погребению. При Шуйском тела их перевезли в Троицкую лавру. Монастырь упразднен в 1764 году.

Покровский, мужской. Находился близ Ивановского монастыря. Уничтожен в начале XVII века. Известен тем, что в 1479 году при основании Златоустовского монастыря сюда перенесена была старая церковь, находившаяся на месте монастыря.

Георгиевский, женский, на Дмитровке, близ Охотного ряда. Здесь был дом Юрия Захарьевича, родного деда царицы Анастасии. В этом доме она воспитывалась и из него взята в супруги Иваном IV Васильевичем. В память этого Анастасия, будучи уже царицей, около 1550 года устроила на свое иждивение женскую обитель. Но здесь и ранее была приходская церковь, построенная Юрием (Георгием) Захарьевичем Кошкиным-Захаровым. После 1812 года монастырь упразднен. На его месте находятся три приходские церкви. Внутренность храма Великомученика Георгия отли-

чается правильностью размеров и соответствием частей. В ней погребены современники и сподвижники Петра Великого: Зотов, его первый учитель, Ромодановский и Головин, знаменитый вице-канцлер, скончавшийся в 1755 году в Сибири. Вблизи монастыря находилась еще церковь Анастасии Узорешительницы, основанная Анастасией Романовной в память прежней жизни около этого места. В 1793 году церковь разобрана.

Церкви в Белом городе

Николая Чудотворца, что в Столпах, и при ней памятник боярину Матвееву. Каменная церковь Николая в Столпах[216], между Мясницкой и Маросейкой, сооружена в царствование Михаила Федоровича, но впоследствии она надстроена и переправлена и служит памятником зодчества времен царя Алексея Михайловича. Храм этот был приходской церковью знаменитого боярина Артамона Сергеевича Матвеева, имевшего здесь свой дом. Дом этот был не велик и не отличался роскошью, но гостеприимство Матвеева было известно всей Москве: каждый бедняк нахо-

дил у него помощь и радушный прием. Деревянный дом этот час от часу приходил в ветхость. Видя малое радение боярина о своем доме, царь Алексей Михайлович хотел сам выстроить ему каменные хоромы, но Матвеев, любя царя, предупредил его и начал постройку. Уже свезены были материалы и готовы работники, но оказалось, что недостает камня на фундамент, и во всей Москве этого камня нельзя было найти. Когда стрельцы и московские жители узнали об этом, то переговаривали между собой — и на другой день явились у него на дворе возы с камнем.

— Мы слышали, — сказали они боярину, — что ты нуждаешься в камне под дом: мы тебе привезли и кланяемся им усердно.

Боярин благодарил людей за усердие, но принять подарок не согласился, а хотел заплатить за него.

— Я богаче вас, — сказал он, — положите цену.

Привезшие камень единодушно ответили на это:

— Нет, боярин, мы взяли камни эти с могил отцов наших, и цены им нет; а тебе, бла-

годетелю нашему, кланяемся этими камнями за любовь.

Изумленный таким великодушием, Матвеев поехал к царю и рассказал ему это.

Царь ответил:

— Прими, друг, этот подарок от народа: видно, они крепко любят тебя, если обнажили для тебя могилы родительские. Такого подарка и я бы желал себе от народа[217].

Верный друг царя Алексея Михайловича, Матвеев занимал важное место при дворе и был любим народом за правду и доброту свою. Он принял в дом свой небогатую дворянку Наталью Кирилловну Нарышкину, отец которой Кирилл Полуектович служил тогда под начальством Матвеева. История отвергает анекдот, приводимый голштинским немцем Штелином, будто царь Алексей Михайлович заметил Наталью Нарышкину у Матвеева за ужином, влюбился и посватался за нее, а потом уже сделал по старинному обычаю смотр шестидесяти невестам. Не в сентябре 1670 года, как пишет Штелин, и не в один день, а с 28 ноября 1669 года по 17 апреля 1670 года девятнадцать раз обходил по но-

чам верховые опочивальни Тишайший царь и выбирал из среды спавших красавиц ту, которая была бы покрасивей и ему, великому государю, приглядней. Среди девушек находилась и Наталья Нарышкина, представленная, как и все другие, на осмотр в опочивальнях, но без всякого исключения в отношении к другим девушкам, привезенным из Других городов. Были привезены на царское смотренье и девицы из Вознесенского монастыря[218].

От брака царя Алексея Михайловича с Натальей Кирилловной родился Петр Великий. Наталья была характера бойкого и веселого. Царь прожил с ней только пять лет: в 1676 году он скончался.

При вступлении на престол юного царя Федора по проискам врагов своих Нарышкиным была объявлена опала, а Матвеев был сослан в отдаленный город Пустозерск. Потом он был возвращен из ссылки и приехал в Москву, когда царя Федора уже не было в живых. Через три дня после приезда, 15 мая 1682 года, он за верность к престолу и за любовь к отечеству сделался в Кремле жертвой неистовых стрельцов. Тело его было изрублено в куски.

Тела убитых в этот первый день бунта долго лежали на площади. Стрельцы объявили наконец, что желающие могут брать их для погребения. Тогда явился верный арап Матвеева (крещеный) по имени Иван, собрал в простыню изуродованные останки своего господина и снес их в приходскую церковь Матвеева, Св. Николая в Столпах, где останки были отпеты и погребены. За подвиг свой арап Иван просил одной только милости: быть по смерти погребенным подле своего боярина. Просьба его была исполнена. Над гробом боярина Матвеева тогда же была поставлена палатка в виде одноэтажной избы с окнами. Палатка эта к началу XIX столетия пришла в ветхость и потому была разобрана, а на месте ее в 1821 году потомком Матвеева графом Николаем Петровичем Румянцевым построена новая. При входе в палатку погребен арап Иван. Тут же погребены супруга Матвеева и его сын Андрей Артамонович.

Достоин замечания, что при этой же церкви погребались издревле и Милославские, враги Нарышкиных. Одним из последних был погребен здесь и злейший враг Мат-

веевых Иван Михайлович Милославский. Он погребен был в 1680 году, но через 17 лет, во время казни стрельцов, полусгнившее тело его как главного соучастника в мятежах было вынуто из могилы, в сопровождении палача на запряженной свиньями тележке отвезено в Преображенское и там рассечено на части. Над гробницей Матвеева следующая надпись: «1682 года, 15 мая, в смутное время от бунтовщиков, убит шестидесятилетний страдалец, ближний боярин Артамон Сергеевич; три дни пребыл в царствующем граде Москве, освобождаясь из-под стражи из заточения из Пустозерского острова».

Хотя памятник над прахом Матвеева находится в месте нелюдном и невидном, но он напоминает о значении этого человека, которого царь Алексей Михайлович достаивал следующими письмами:

«Друг мой Артамон Сергеевич! Приезжай к нам скорее: дети мои и я без тебя осиротели. За ними присмотреть некому, а мне посоветоваться без тебя не с кем».

Это царь писал к Матвееву, когда послед-

ний находился под осажденным Смоленском.

Архитектура церкви Св. Николая в Столпах несколько тяжеловата, но правильна. Над нижней церковью сделана кругом крытая галерея, кровля которой поддерживается старинной формы, наподобие кувшинов, каменными частыми столпами. Внизу храм во имя св. Николая Чудотворца, вверху — во имя Рождества Богородицы. Приделы: Рождества Иоанна Предтечи, Симеона и Анны и Преподобного Сергия Радонежского.

Полагают еще, что церковь «в Столпах» называется так потому, что при доме Матвеева находился столп с ящиком, куда опускались прошения, которые Матвеев передавал государю.

Гребенская, или Гребневской Божьей Матери. Церковь находится при входе на Мясницкую улицу с Лубянской площади, по правую руку. Она построена сперва деревянной, во имя Успения Богородицы, великим князем Иваном III в 1472 году в память покорения Новгорода. Прежде церковь носила название Успения на Бору; название же Гребенской, или Гребневской Божьей Матери, получила

от чудотворной иконы, поднесенной Дмитрию Донскому жителями города Гребня и стоявшей прежде в Успенском соборе. Иван III брал с собой эту икону во время похода на Новгород, после чего украсил ее серебром и драгоценными камнями, на киоте велел написать акафист Богородицы в похвалу ее и благодарение за дарование ему сына Василия и поставил икону во вновь созданном им храме. Икона эта была ознаменована впоследствии многими чудесными событиями. В 1612 году русские дружины с этим образом отразили поляков. В 1687 году церковь Гребневской Божьей Матери была объята пламенем, так что не успели вынести и самого образа; но он «внезапу обретется на воздухе». Каменная церковь, где настоящий престол Успения Божьей Матери и два придела Иоанна Нового, Белградского и Преподобного Сергия Радонежского, построена царем Иваном IV Васильевичем также после возвращения из Новгородского похода. Церковь древней архитектуры и мала; внутренность церкви представляет собой нечто мрачное и весьма древнее. В трапезной храма погребен первый русский математик и

сочинитель арифметики Леонтий Филиппович Магницкий, любимец Петра Великого. Тут же в 1850 году, при перестройке, найден надгробный камень с могилы известного профессора Тредиаковского. При входе в храм есть две надписи с царскими орлами, гласящие, по какому случаю храм воздвигнут и возобновлен[219]. Возобновление совершилось в 1711 году при Стефане Яворском, и в том же году церковь освящена.

Иоанна Предтечи на Малой Лубянке. Храм Иоанна Предтечи находится недалеко от церкви Гребневской Божьей Матери, на Малой Лубянке. Нынешняя церковь построена в 1689 году. Но первоначально она была построена при великом князе Иване Даниловиче Калите в 1337 году, и тут же находился загородный великокняжеский дом. Доселе в настоящей Предтеченской церкви в иконостасе находятся замечательные по древности местные иконы, а именно: Иоанна Предтечи, Николая Чудотворца, Екатерины Великомученицы, Спасителя и Виленской Божьей Матери. Последняя икона напоминает о сношениях русского двора с литовским, или с Вильно,

столицей бывшего Литовско-Русского княжества. Недалеко от этой церкви находился и Литовский двор, потому что церковь по старинным актам писалась «у Литовского двора». Так же писалась и церковь Гребневской Божьей Матери.

Всех Святых на Кулишках. Находится близ Варварских ворот, на Солянке, в глубине Варварской площади. Она построена великим князем Дмитрием Ивановичем Донским для поминовения православных воинов, убиенных в Куликовской битве. Церковь воздвигнута немедленно по возвращении князя с Куликова поля в Москву. По обветшании она в 1687 году перестроена и несколько исправлена в 1845 году. Перед входом в церковь есть образ Всех Святых большого размера, перед которым горит неугасимая лампада. Внутренность церкви тесна и явно представляет несовершенство зодчества того времени. Иконостас фигурно-резной, иконопись его старинная, утварь богата. При церкви приделы: Св. Николая Чудотворца и Св. Пророка Наума. Церкви принадлежит чудотворная икона Боголюбской Божьей Матери, находящаяся у

Варварских ворот, в часовне со стороны площади.

Часовня построена в московском стиле эпохи Грозного. Башня же Варварских ворот сооружена в 1538 году, в правление Елены Глинской, матери Ивана Грозного, и возобновлена в 1880 году. Внутреннее устройство башни, как стратегической техники прежних времен, представляет много любопытного. Пушки были здесь расставлены в несколько ярусов, сообщение между ними производилось по приставным лестницам. Башня, по видимому, на целый этаж вросла в землю, или, как объясняют, имела подвальный ярус пушечных амбразур, из которых стреляли ниже уровня почвы, вдоль рвов.

Тут, на Варварской площади у Боголюбской часовни, в прошлом столетии разыгралась история, имевшая весьма печальные последствия.

В 1771 году в Москве свирепствовала чума. Умирало ежедневно до тысячи человек. Картина города была ужасающая: дома опустели, на улицах лежали непогребенные трупы, всюду слышались унылые погребальные

звоны колоколов, вопли детей, покинутых родными. И вот в ночь на 16 сентября в Москве вспыхнул бунт. Причина бунта была следующая. В начале сентября священник церкви Всех Святых на Кулишках стал рассказывать о будто виденном сне одного фабричного: последнему привиделась во сне Богородица, которая сказала, что так как находящемуся на Варварских воротах ее образу вот уже более тридцати лет никто не пел молебнов и не ставил свечей, то Христос хотел послать на Москву каменный дождь, но она умолила Его и упростила послать на Москву только трехмесячный мор. Этот фабричный поместился у Варварских ворот, собирал деньги на какую-то «всемирную свечу» и рассказывал свой чудесный сон. Толпы народа повалили к воротам, священники бросили свои церкви, расставили здесь аналои и стали служить молебны. Икона помещалась высоко над воротами: народ поставил лестницу, по которой и лазил, чтобы ставить свечи. Очень понятно, что проход и проезд был загроможден. Чтобы положить конец этим сборищам, весьма вредно действующим при эпидемиях, москов-

ский архиепископ Амвросий Зертис-Каменский, успевший заслужить ненависть невежд искоренением разных злоупотреблений, велел запечатать кружки с деньгами и хотел снять самую икону. В это время раздается набат, чернь бросается в Кремль, где, не найдя Амвросия, истребляет все находившееся в его покоях, а на следующий день хватает его самого в Донском монастыре, где и убивает. Тело Амвросия лежало на улице весь день и ночь. На месте, где он был убит, воздвигли каменный крест. Благодаря генералу Еропкину [220] бунт был прекращен. Трое главных убийц повешены; двенадцать человек, огласивших мнимое чудо, сослали на галеры; шестьдесят человек наказали кнутом и сослали на каторгу. В течение целого года покойного Амвросия поминали во все службы, а убийцам возглашалась анафема.

С тех дней вышел приказ прекратить набатный звон по церквам и ключи от колоколен иметь у священников.

Объясним теперь слово «на Кулишках» (иногда говорят: на Кулижках). В простонародье и доселе сенокосные равнины называют-

ся кулигами. Весьма понятно, что на местах церквей, к которым прилагается слово «на Кулишках» (таких церквей еще есть две: Трех Святителей, близ Хитрова рынка, и Богородицкорожденная на Солянке[221]), находились сенокосные равнины.

Софии Премудрости Божьей. Первоначально церковь построена около 1480 года переселенцами из Новгорода в воспоминание о новгородском Софийском соборе. Эти же новгородцы дали название и местности — Лубянка, потому что в Новгороде находилась улица Лубяница[222]. Нынешняя церковь на месте старой построена и освящена при патриархе Никоне 19 июня 1650 года. Придел Св. Николая при ней построен стольником Моисеем Овцыным в 1691 году. Церковь называлась прежде «у Пушечного двора», потому что рядом с ней находился Пушечный двор, немного далее к Рождественке, а напротив к Кремлю — дом князя Долгорукого. Трапезная при церкви вновь построена в 1842 году. При ней еще придел Казанской Божьей Матери. Церковь одной стороной выходит на Софийку, а с трех других сторон сжата частными построй-

ками.

Введения во храм Пресвятой Богородицы, что на Лубянке[223]. Первоначально построена по повелению великого князя Василия Ивановича в 1514 году мастером Алевином Фрязиным. Вновь перестроена в 1745 году.

При этом храме впервые заявил себя как защитник Москвы князь Дмитрий Михайлович Пожарский.

По смерти второго самозванца («тушинского вора») Москве не было уже необходимости мириться с поляками, находившимися в городе, из страха к шайкам самозванца. К Москве в то время приближался со своим ополчением Прокопий Ляпунов. Поляки принимали меры защиты. Они стали втаскивать пушки на башни и послали на рынок звать русских извозчиков к себе на помощь. Извозчики не согласились помогать им, вследствие чего между ними и поляками завязался спор. Вокруг спорящих образовалась толпа, а немцам, бывшим на службе у поляков, представилось, что уже начинается народное восстание, которого они ждали со дня на день, и

они бросились на толпу с оружием в руках. Поляки их поддержали, начав бить безоружных людей. До 7 тысяч человек пало под их ударами в Китай-городе. Но в Белом городе поляки встретили сопротивление: толпы горожан успели вооружиться, загородили улицы чем попало — бревнами, скамьями, столами — и стали стрелять в поляков. К горожанам присоединились немногие ратные люди, а начальство над ними принял князь Пожарский. Он отбил поляков на Сретенке, оттеснил их обратно в Китай-город и поставил укрепление у церкви Введения, Стесненные поляки подожгли Белый город, а потом Замоскворечье. Пожарский целый день отбивался от поляков, но был ранен и отвезен в Троицкий монастырь.

Против церкви Введения находился и дом Пожарского[224]. Находящийся на каменном столбе при доме образ Знамения Богоматери есть копия с того образа, который, по преданию, принадлежал князю Пожарскому, и находится в церкви Введения. Такое же предание приписывает князю Пожарскому возобновление обветшавшей и сожженной поляка-

ми церкви Введения и постройку при ней придела во имя преподобной мученицы Параскевы Пятницы в память первой своей супруги.

В этой церкви находится образ Казанской Божьей Матери, украшенный золотом и драгоценными камнями и поставленный самим князем Пожарским. При церкви есть придел Св. Николая Чудотворца.

Сама по себе церковь невелика, но архитектура ее довольно оригинальна. По-видимому, при перестройках придерживались первоначального алевизовского стиля.

Успения Божьей Матери, что на Покровке. Это один из величественных храмов в Москве[225], смесь готического стиля с итальянским. С первого взгляда храм покажется вам какой-то громадой составленных церквей, но, всмотревшись в него хорошенько, можно заметить, что все части храма имеют симметрию и непостижимую легкость. Тринадцать куполов его, расположенных в различных возвышениях, образуют совершенную пирамиду, шпиг которой составляет средняя глава. Нижняя церковь, как видно на

имеющейся в ней надписи, построена в 1696 году, а верхняя, как видно из надписи на свитке при входе в нее, с западной стороны, на колонне: «Лета 7214 (1696) октября 25 дня. Дела рук человеческих делал именем Петрушка Потапов».

Храм, по преданию, построен на иждивение гостя Ивана Матвеевича Сверчкова, коего род в нижней церкви и погребен.

В нем два придела: Рождества Иоанна Предтечи и Петра, св. митрополита московского.

Своей дивной архитектурой храм удивлял не только русских, из которых можно назвать знаменитых Баженова и Карамзина, но даже и приезжавших в Россию иностранцев. Так, между прочим, им любовался Наполеон и, желая сохранить его в 1812 году от пожара, поставил вокруг него особую стражу.

Флора и Лавра, у Мясницких ворот, против почтамта. Построена в 1657 году. Архитектура церкви самая тяжелая. Иконостас весьма древен; есть много икон, лики на коих за древностью нельзя и распознать. В ней придел Св. апостолов Петра и Павла.

Церковь замечательна тем, что по ней царь Алексей Михайлович своим указом от 16 апреля 1658 года приказал именовать Мясницкие ворота Флоровскими. В бумагах ворота и именовались так, но в народе, по привычке, и до сих пор сохранили прежнее свое название Мясницких. По преданию, церковь перенесена сюда от Спасских ворот при Иване Грозном.

Архангела Гавриила, известная под именем Меншиковой башни. На Мясницкой был обширный двор, принадлежавший любимцу Петра Великого князю Александру Даниловичу Меншикову, и тут же, недалеко, близ Поганого пруда, находилась древняя церковь во имя Архангела Гавриила. В 1705 году князь Меншиков на месте древней церкви построил новую каменную церковь наподобие высокой башни. Пруд был очищен и назван Чистым, а новопостроенный храм стал называться церковью Архангела Гавриила, что на Чистом пруде, или Меншиковой башней. Она была построена по плану архитектора Ивана Петровича Зарудного, с высоким шпилем, превышавшем на полторы сажени колоколь-

ню Ивана Великого. На церкви были поставлены часы с курантами, купленные дорогой иеной в Лондоне, которые играли каждый час и полчаса и били четверти. К этой церкви была пристроена трапеза с приделом во имя Введения в храм Пресвятой Богородицы. После перенесения Петром столицы в Петербург и отъезда Меншикова из Москвы церковь пришла в упадок и, наконец, в 1779 году была разрушена ударом грома: с нее сшибло верх, задев немного и третий ярус. Долго стояла она неисправленная, наконец в 1787 году ближайший домовладелец Г. З. Измайлов соорудил новый храм, а в 1806 году почт-директор Ключарев приделал к нему колокольню с приделом Федора Стратилата. При церкви находятся еще два придела: во имя преподобного Сергия Радонежского и во имя Божьей Матери Нечаянная радость.

Св. князя Владимира, что в Старых Садах. Находится против Ивановского монастыря. Храм принадлежит к древнейшим в Москве, так как придел в нем Кирика и Улиты построен по повелению великого князя Василия Ивановича в 1514 году архитектором Алеви-

зом Фрязиным. Другой придел в храме во имя благоверных князей Бориса и Глеба. Именуется «в Старых Садах» потому, что здесь были долгое время великокняжеские сады, простиравшиеся при Василии Ивановиче до нынешнего Воспитательного дома. Здесь разводились редкие фрукты для великокняжеского стола.

Св. Кира и Иоанна на Солянке. Ранее здесь была церковь во имя Троицы, которая в пожар 1754 года сгорела, но в 1758 году опять возобновлена и освящена митрополитом Тимофеем. Церковь по разобрании старой построена в 1765 году в ознаменование восшествия на престол императрицы Екатерины II, которое совершилось 28 июня в день Св. Кира и Иоанна. Церковь построена по плану архитектора Бланка и освящена митрополитом Амвросием в присутствии самой императрицы в 1768 году. По окончании литургии государыня отбыла в Петербург, в этой церкви сохраняется «царское место», нарочно устроенное для этого дня. При церкви придел во имя Живоначальной Троицы. В 1874 году церковь отдана под Сербское подворье.

Св. Николая Чудотворца в Подкопаях, близ Солянки. Впервые упоминается в 1493 году, когда сюда удалился великий князь Иван III Васильевич после пожара, истребившего дворец в Кремле. В 1686 году при церкви было устроено кладбище, и о ней упоминается как о церкви каменной, и именуется она церковью Николая Чудотворца Подкопаева, а позже слывет Подкопай. Вероятнее всего, что название произошло от фамилии какого-либо Подкопаева, строителя или возобновителя церкви. Существует, впрочем, следующее предание. Вору вознамерились похитить из этой церкви имущество и для того не нашли другого способа, как только подкопаться под стену храма. Через подкоп они влезли в церковь, похитили серебряную ризу с иконы святителя Николая и удалились, но один из них в том подкопе был завален и умерщвлен обвалившимися камнями. Поэтому будто бы и церковь получила наименование «в Подкопаях».

При церкви приделы: Казанской Божьей Матери и Св. Дмитрия Ростовского.

В 1814 году церковь была приписана к упраздненному Ивановскому монастырю, из

которого в то время образовалась приходская церковь, а в 1855 году отдана под Александрийское, ныне Антиохийское, подворье.

Преображения Господня, что на Глинищах. Находится между Маросейкой и Соляной, против нового сквера с памятником павшим в бою с турками гренадерам. Тут была старая церковь, неизвестно когда построенная. На месте ее в 1776 году построена новая, с приделами Покрова Пресвятой Богородицы и Великомученицы Екатерины. «На Глинищах» называется потому, что церковь построена на глинистом грунте. Архитектура церкви довольно красива.

Троицы, что на Грязях, близ Покровских ворот. Она так же, как и многие другие, построена на месте деревянной. Как значится в надписи на кресте, имеющемся в церкви, построение это совершено в 1649 году. Затем она перестроена в 1745 году и, наконец, в 1861 году надворным советником Евграфом Владимировичем Молчановым. «На Грязях» церковь называется потому, что здесь от озера, из которого образованы Чистые пруды, была всегда грязь. При церкви приделы: Собор Пре-

святой Богородицы и Св. Николая Чудотворца. Кроме того, в храме имеется чудотворная икона Божьей Матери Трех Радостей, богато украшенная драгоценными камнями. На иконе изображен младенец Иисус вместе с младенцем Иоанном Крестителем.

Троицы, что на Хохловке. Церковь находится недалеко от Ивановского монастыря и называется еще «в Старых Садах». Построена, как значится в надписи на стене церкви, в 1696 году женой окольного Евдокией Абрамовной Чириковой на месте старого храма, неизвестно когда воздвигнутого. Название получила от того, что близ этого места был Посольский малороссийский двор, когда Малороссия была еще отделена от Великороссии. Как известно, малороссияне у великорусских простолюдинов и доселе в насмешку называются хохлами (по хохлу, чубу на голове). По другой версии, название Хохловка происходит не от хохлов, а от князей Хохолковых-Ростовских, у которых здесь был дом.

При церкви приделы: Владимирской Божьей Матери и Св. Дмитрия Ростовского.

Св. Николая Чудотворца, что в Кленни-

ках. По-древнему церковь называлась «у Решетки», потому что тут находился вблизи деревянный палисад, отделявший прежде Китай-город от Белого города[226]. А «в Кленниках» слывет по кленовой роще, которая в старину была на этом месте. Церковь находится на Маросейке и построена во имя Казанской Божьей Матери. Имеет придел Николая Чудотворца.

Великомученика Георгия, что в Лучниках. Церковь находится близ Лубянской площади. Построена, как значится в надписи над иконостасом, в 1693 году. Называется «в Лучниках» от живших здесь мастеров, которые делали военные луки. При ней приделы: Благовещения Пресвятой Богородицы, Преподобного Федора Сикеота и Преподобного Нила Столбенского.

Архидиакона Евпла на Мясницкой. Построена в 1750 году. Две церкви: нижняя — во имя архидиакона Евпла, верхняя — Живоначальной Троицы. Придел — Архистратига Михаила.

По имени этой церкви Мясницкая улица до начала XIX столетия носила название

Евпловки.

Косьмы и Дамиана. Находится на Покровке, на углу Косьмо-Дамианского переулка. Когда первоначально построена — неизвестно, но в 1639 году была уже каменная. В 1792 году вновь перестроена. Архитектура церкви довольно красивая.

Приделы: Спасителя, исцелившего расслабленного, и Св. Николая Чудотворца.

В этой же церкви находится местночтимая икона Спасителя, исцелившего расслабленного.

Св. Николая Чудотворца, что в Звонарях. Церковь, как видно из грамоты московского митрополита Тимофея графу Ивану Тимофеевичу Воронцову, сооружена в 1781 году. Прежде церковь называлась Боже-домской, потому что при ней был убогий дом, в котором погребали умерших несчастной смертью. Убогий дом был упразднен, а церковь стала именоваться «в Звонарях» потому, что церковная земля заселена была домами звонарей Ивановской колокольни. Настоящий храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы с приделом Николая Чудотворца. Есть и еще

приделы: Преподобного Сергия Радонежского, Усекновения главы Иоанна Предтечи и Св. Дмитрия Ростовского. В храме имеется особо чтимая икона Божьей Матери Взыскания погибших. Храм находится на Рождественке подле бывших клиник, а ныне Строгановского училища.

Преподобной Параскевы, нарицаемой Пятница. Находится на площади Охотного ряда. Первоначально церковь построена в 1667 году, но потом по случаю пожара возобновлена в лучшем виде в 1760 году и затем в 1815 году. Настоящая церковь во имя преподобной Параскевы — внизу. В верхнем этаже — храм Воскресения Христова. Приделы: Св. Николая Чудотворца, Св. князя Александра Невского, Великомученицы Екатерины и Мученика Иоанна Воина.

Рождества Пресвятой Богородицы в Столешниках. Построение церкви относится ко временам царя Алексея Михайловича. Название «в Столешниках» получила от того, что здесь была прежде слобода ткачей скатертей и покрывал, которые назывались столешниками.

Церковь имеет весьма хорошие местные образа. Приделы: Преподобного Пафнутия Боровского, Св. Николая Чудотворца и Великомученицы Варвары.

В храме имеется местночтимая икона Божьей Матери Корсунской. Находится на Петровке.

Св. Николая Чудотворца, что в Гнезdnиках. Построена в 1629 году близ Тверской улицы. «В Гнезdnиках» называется потому, что здесь была слобода особых мастеров, именовавшихся гнезdnиками; они делали стрелы. По другим выводам: в древние времена здесь была березовая роща, в которой было множество птичьих гнезд.

Настоящий храм во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а св. Николая Чудотворца — придел. Еще придел во имя св. Дмитрия Ростовского.

Великомученика Дмитрия Солунского. Находится в конце Тверской улицы. Церковь построена в 1791 году во имя Живоначальной Троицы, но на месте старой, время построения которой неизвестно. Построение совершено прихожанами. Обращает на себя внима-

ние довольно прекрасной архитектурой. Вообще храм имеет в себе нечто величественное. В нынешнем виде церковь возобновлена в 1832 году. Приделы: Великомученика Дмитрия Солунского и Великомученицы Екатерины. В храме чудотворная икона Божьей Матери Печерской.

Успения Божьей Матери, что на Успенском Вражке. Построена, как значилось на надписи сломанной в 1860 году ограды, в 1647 году Григорием Ивановичем Горихвостовым. «На Вражке» называется потому, что близ церкви долгое время был овраг, по которому вода стекала в речку Неглинную. Имеет приделы: Усекновения главы Иоанна Предтечи, Преподобного Сергия Радонежского и Св. Николая Чудотворца. Находится в Газетном переулке.

Воскресения Христова, что на Успенском Вражке. «На Вражке» называется по тому же, что и Успенская церковь. Построена в 1629 году. Помимо придела во имя св. Николая Чудотворца при церкви есть придел во имя св. Пророка Елисея. Придел этот устроен по случаю упразднения находившейся вблизи церк-

ви во имя этого пророка, которая была построена в 1620 году царем Михаилом Федоровичем в память встречи его на этом месте с отцом своим Филаретом Никитичем, возвращавшимся из польского плена. Церковь сперва была деревянная, потом каменная. Она упразднена после 1812 года. На этом месте построены бани, а церковь Воскресения Христова находится в Брюсовском переулке.

Св. Николая Чудотворца, что в Хлынове. Здесь был сперва Никольский монастырь, который упразднен. Теперь здесь храм во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, Николая же Чудотворца — придел. Название свое имеет от города Хлынова, лежащего близ реки Вятки. Из этого города в 1552 году, 23 февраля, принесена была в Москву икона Св. Николая, именуемого Великолуцким, и поставлена в этой церкви. В 1556 году икона была отпущена обратно в город Хлынов, названный после Вяткой, и там находится; а в Москве церковь, где стояла икона, названа Хлыновской, или «в Хлынове». Храм расположен близ Никитских ворот.

Косьмы и Дамиана, что в Шубине. В древ-

ности церковь носила название «на Ржищах», потому что, по преданию, тут находилось гульбище, на котором наилучшим увеселением была ржаная нива. Потом церковь начали называть «в Шубине», так как тут жили шубники, торговавшие шубами и мехами. Церковь построена в 1626 году и находится между улицами Дмитровкой и Тверской. Храм во имя Благовещения. Приделы: Косьмы и Дамиана и Воскресения Христова.

Великомученика Георгия на Красной горке. Расположена близ Моисеевской площади. Построена в 1629 году. «На Красной горке» называется потому, что здесь в старину справлялся первый весенний праздник, известный в народе под названием Красной горки. Приделы: Пророка Ильи, Св. Николая Чудотворца и Мученицы Татьяны.

Св. Алексия Митрополита на Глинищах. В Глинищевском переулке. Когда построена — неизвестно. Приделы: Всех Скорбящих Радости и Св. Николая Чудотворца.

Преподобного Сергия, что в Крапивках. Расположена близ Петровки, в Крапивненском переулке. Когда построена — неизвестно.

но. Приделы: Усекновения главы Иоанна Предтечи и Св. Николая Чудотворца.

Григория Богослова. Расположена на Большой Дмитровке, в Богословском переулке. Главный храм в честь Преображения Господня. Когда построена — неизвестно. Придел во имя Владимирской Божьей Матери устроен в 1709 году.

Преподобного Сергия. Расположена на Большой Дмитровке. Построена в 1652 году. Главный храм в честь Успения Божьей Матери. Приделы: Преподобного Сергия, Владимирской Божьей Матери и Св. Николая Чудотворца.

Бориса и Глеба. У Арбатских ворот. Построена в 1527 году, возобновлена в 1764 году. Приделы: Казанской иконы Божьей Матери, Воскресения Христова, Положения Ризы Пресвятой Богородицы и Марии Магдалины.

Тихона Чудотворца. У Арбатских ворот. Когда построена — неизвестно, но возобновлена в 1689 году. Приделы: Божьей Матери Утоли мои печали, Св. Николая Чудотворца. В храме находится чудотворная икона Божьей Матери Галатской и другая — Утоли мои пе-

чали — древнейший список.

Николая Чудотворца, что в Стрелецкой. Расположена на Знаменской улице, построена стрельцами в 1680 году. Приделы: Богоявления Господня и Великомученика Евстафия.

Знамения Пресвятой Богородицы на Знаменке. Построена в 1600 году. Придел в честь св. Николая Чудотворца. По церкви и улица называется Знаменкой.

Вознесения на Большой Никитской. Тут была деревянная церковь, но когда она в 1629 году сгорела, то на том же месте царицей Натальей Кирилловной построена каменная в 1685 году. При этой церкви был дворец царицы, почему и улица прежде называлась Царицынской. Прежняя Вознесенская церковь в 1831 году разобрана, построена новая, осталась одна только колокольня. Приделы: Св. Иоанна Крестителя и Св. Прокопия Устюжского.

Петра и Павла, что у Яузских ворот. Построена в 1632 году. Настоящий храм Знамения Пресвятой Богородицы, а Св. апостолов Петра и Павла — придел.

Рождества Пресвятой Богородицы в Ку-

лишках, на Солянке. Построена в 1600 году. Приделы: Апостола Иоанна Богослова и Св. Дмитрия Ростовского.

Антипа Священномученика. Расположена на Пречистенке, в Антипьевском переулке. Когда построена — неизвестно[227]. Приделы: Рождества Иоанна Крестителя, Николая Чудотворца и Великомученицы Екатерины. В храме чудотворный образ Священномученика Антипия.

Ржевской Пресвятой Богородицы. Построена при Иване IV Васильевиче. В 1686 году храм пострадал от пожара и был построен вновь окольным Кондырыным, в храме находится чудотворная икона Ржевской Божьей Матери, явившаяся в 1539 году в Оковицкой волости, в деревне Ключки, близ города Ржева. Икона была принесена в Москву в 1540 году. Церковь находится у Пречистенских ворот и прежде была весьма богата[228].

Приделы: Св. Алексия Божья человека и Св. Николая Чудотворца.

Похвалы Пресвятой Богородицы в Башмакове. По приделу Св. Николая Чудотворца в простонародье называется «Николая в Баш-

мачках». Когда первоначально построена — неизвестно. Нынешнюю церковь в 1705 году выстроил местный домовладелец Башмаков на месте, выделенном из своего двора. Поэтому и церковь именуется «в Башмакове», или «в Башмачках». В храме есть местночтимая икона Похвалы Пресвятой Богородицы. Храм находится близ Каменного моста, во Всехсвятском переулке.

Трех Святителей на Кулишках. Построена в 1574 году. Главный храм в честь Живоначальной Троицы. Приделы: Трех вселенских святителей и Мучеников Флора и Лавра.

О церквях, находящихся на местах упраздненных монастырей: Варсанофиевского — Вознесения и Крестовоздвиженского — Воздвижения, — сказано в статье об упраздненных монастырях Белого города.

Иноверческие церкви

Римско-католическая св. апостолов Петра и Павла. Первоначально находилась в Немецкой слободе, где теперь Кирочный переулок. Церковь была построена с разрешения Петра Великого в 1705 году. При ней был похоронен знаменитый Патрик Гордон. В 1812 году церковь пострадала от пожара, но существовала до 1838 года. В этом году согласно указаниям Синода и митрополита Филарета было разрешено устроить новую церковь «в Тверской или Мясницкой части, на небольшой улице, не на видном месте и не в близком соседстве с церквами греко-российскими», с тем чтобы по окончании постройки прежняя церковь, как ветхая и бесприходная, была упразднена. Место выбрали в Милютинском переулке. Новая церковь была окончена в 1845 году и в том же году освящена. В 1870 году старая церковь была продана на слом: храм был разобран, лежавшие под ним гробы были перевезены на иноверческое кладбище, что на Введенских горах, а надгробная плита Гордона перенесена в Румянцевский музей.

Римско-католическая св. Людовика (французская). Сооружена в 1823 году неизвестным французом-благотворителем. Находится на Малой Лубянке.

Евангелическо-лютеранская св. апостолов Петра и Павла (новая). Находится на Покровке, в Косьмо-Дамианском переулке. Построена в 1817 году на средства прусского короля Фридриха Вильгельма, находившегося в то время в Москве по случаю бракосочетания императора Николая Павловича. Евангелическо-лютеранская, старая, во имя св. Михаила, находится на Гороховом поле[229].

Евангелическо-реформатская — в Трехсвятительском переулке Мясницкой части.

Армяно-григорианская, Крестовоздвиженская. Сооружена в 1799 году на средства Л. Л. Лазарева. В 1821 году она возобновлена. Находится на Маросейке, в Армянском переулке.

Замечательные здания

Дом генерал-губернатора. Его построил генерал-фельдмаршал граф Захар Григорьевич Чернышев, занимавший пост московского генерал-губернатора с 4 февраля 1782 года по 29 августа 1784 года. Граф Чернышев первый открыл с соизволения императрицы Екатерины II в 1782 году Московскую губернию. Основанием для постройки дома послужил камень стены Белого города, разборка которой производилась арестантами. Чтобы очистить место от разобранного камня, накопившегося в громадном количестве, граф и выстроил себе дом на пустыре Тверской улицы. Против главного фасада дома до самого 1812 года был огород, где произрастали всякого рода овощи. Огород был окружен забором.

На внутреннюю отделку дома граф употребил громадные средства. Потом дом был куплен у него казной для всегдашнего пребывания московских генерал-губернаторов (в 1784 г.). Граф Яков Александрович Брюс был первым, занявшим этот дом по своей должности (1 января 1786 г.).

Дом несколько раз переделывали. В 1799 году на переделку истрачено было 15 тысяч рублей. Двор при доме вымощен камнем в первый раз в 1801 году. В 1807 году при И. Т. Тутолмине при доме сооружена домовая церковь во имя св. благоверного князя Александра Невского. Вновь дом отделан и отремонтирован для августейшего московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича. После его вселения в дом москвичи прозвали его генерал-губернаторским дворцом.

Один из залов дворца, танцевальный, оставлен в прежнем виде, и в нем вывешен портрет основателя дома — графа З. Г. Чернышева.

Заметим, что два переулка на Тверской: Чернышевский, находящийся между Тверской и Большой Никитской, и Брюсовский — между Тверской и Никитской, — названы по именам двух бывших генерал-губернаторов Москвы: Захара Григорьевича Чернышева и Якова Александровича Брюса.

Экзерциргауз (Манеж). Находясь в центре города подле Кремлевского сада, по Моховой

от Троицкого моста до Никитской, он поражает колоссальностью своих размеров и может быть назван чудом архитектурного искусства, потому что нет нигде подобного ему.

В подтверждение наших слов сообщим некоторые подробности о нем. Еще в XVIII столетии начали сооружать экзерциргаузы в большом количестве. Суровость климата и продолжительные зимы, препятствующие обучению войск, заставили в некоторых германских городах построить такие здания, где непогода или температура воздуха не мешали бы экзерцициям солдат: от того и происходит слово «экзерциргауз». Император Павел I велел построить несколько экзерциргаузов в Петербурге: из них находящийся при Михайловском дворце — наибольший. Когда после бедствий 1812 года Москва возникала из пепла, император Александр приехал в древнюю столицу и оставался в ней довольно долго. В Москве поэтому было собрано много войск, и оказалась особенно ощутительной необходимость в экзерциргаузе. Из многих проектов этого здания был избран и утвержден составленный генерал-лейтенантом Бетанкуром. Но

государь требовал, чтобы Экзерциргауз был построен как можно скорее, и Бетанкур блистательно исполнил его волю: это здание, изумляющее смелостью своей архитектуры, окончено менее чем за полгода. Между тем оно имеет 79 сажень длины и 21 сажень ширины. Закладка здания произошла в июле 1817 года, и производство работ было поручено генерал-майору Карбонье. Фундамент здания углублен на две сажени. Толщина стен 4,5 аршина. Открытие Экзерциргауза последовало 2 декабря 1817 года. Внутренность здания представляет гигантский зал, где свободно может маневрировать целый полк солдат, и над всем этим пространством прямой потолок не поддерживается ни одной колонной. Зал так велик, что огромные каминные порталы и окна, которые везде могли бы служить огромнейшими дверями, кажутся соразмерными только в этом здании. В 1838 году к восточной стороне здания пристроена небольшая церковь во имя св. Николая Чудотворца; но она заметна только снаружи, внутри же двери в нее обыкновенно заперты.

В 1830 году кровля и потолок Экзерциргауза

за были переделаны, так как старые показались опасными.

Кроме своей замечательной громадности московский Экзерциргауз достопамятен несколькими празднествами, совершившимися в его стенах. Первое, и самое знаменитое, происходило во время коронации императора Николая Павловича в 1826 году: тут московское купечество имело счастье угощать своего государя со всем его августейшим семейством, множеством генералов и избранных чинов гвардии. Другое празднество подобного рода было в 1839 году, когда через Москву проходил отряд гвардейцев, присутствовавший при открытии Бородинского памятника и затем при закладке храма Христа Спасителя. В 1872 году в здании Экзерциргауза помешались некоторые отделы Политехнической выставки, причем из Александровского сада был сделан туда ход на подмостках, и в окна входили, как в двери. Помимо своего прямого назначения здание Экзерциргауза служит иногда местом выставок и грандиозных гуляний.

Дом Благородного Собрания. Он находится

ся на углу Большой Дмитровки и Охотнорядской площади, главный фасад выходит на Дмитровку. По обоим углам его находятся ротонды, украшенные колоннами. Дом не высок, но огромен. Он принадлежал прежде генерал-аншефу Василию Михайловичу Долгорукому, от которого приобретен для Дворянского Собрания в 1785 году. Дом этот — одно из самых больших и великолепнейших по внутреннему убранству зданий в Москве. Один из его залов вмещает более 3 тысяч человек. Здесь собираются московские дворяне для выбора из своей среды различных должностных лиц, здесь же в честь высоких посетителей Москвы устраиваются роскошные праздники.

Проследим попутно происхождение нашего дворянства и прежнее состояние чинов в древней России.

До 1785 года дворянство составляло особый чин, а не звание, и чин этот состоял в шестой степени русских чиновников в древности.

Первая и важнейшая степень состояла из бояр. Слово «боярин» производят от слова бо-леть или пещись, и потому некоторые дума-

ют, что надо писать не боярин, а боярин. Другие же производят слово «боярин» от слова бой с прибавлением прилагательного ярый и заключают, что слово «боярин» произошло от отличавшихся в боях начальников. Как бы там ни было, но бояре существовали уже при великом князе Владимире I, и известно, что не одни военачальники назывались боярами, но что особа в чине боярина заключала в себе все соединенные качества государственного человека. Бояре были: государевы, удельных князей, патриаршие и новгородские, когда этот город пользовался данными ему преимуществами. Государевы бояре заседали в думе, были главными начальниками в приказах, управляли важнейшими городами, например Новгородом, Киевом, Казанью, назначались полководцами, послами в иностранные государства и в отсутствие царя «ведали Москву»[230]. Число их при разных царях было неодинаково. Последним боярином был фельдмаршал князь Иван Юрьевич Трубецкой, умерший 16 января 1750 года. С его смертью кончилось совершенно и боярство. Обыкновенное жалованье боярам было

не более 700 рублей, придачи делались только за особенные заслуги. Бояре пользовались великим уважением, которое и старались поддерживать своим поведением и пышностью. В торжественных случаях бояре одевались с чрезвычайной роскошью. Горлатные (т. е. из горла черных лисиц) шапки свои бояре носили постоянно и не снимали их даже в присутствии царя.

Вторую степень древнего дворянства составляли окольные. Обязанность их состояла в том, что они смотрели за околицами, т. е. за границами государства. Они же заведовали пограничным судом и вели заграничную переписку, должны были присутствовать при судебных поединках для решения, кто «одержал поле» и прав по делу. Они же часто сопровождали царей и в походах, т. е. в отъездах.

Третью степень являли думные дворяне: члены Тайной государственной думы. Один из них избирался в печатники, или хранители государственной печати. Он прикладывал печать к разным грамотам. Последним «оберегателем государственной большой печати»

при Петре Великом был Никита Зотов. Впервые достоинство думных дворян было учреждено в 1572 году. Жалованье их было не свыше 250 рублей.

Четвертую степень чинов составляли стольники. Они упоминаются в первый раз в 1398 году. Это были предлагатели яств. Стольники всюду ездили с государем. Самый возница (кучер) государев был также стольник. Позади на колымаге, а в санный путь на «ухабе» (на отводе) стояли также стольники. Стольники же занимали и разные государственные должности: заседали в думе, назначались в полковые судьи, в головы над дворянскими сотнями, у знамени, у «снаряда» (пушек), посылались в города воеводами. В 1687 году их было около 3 тысяч человек. Из стольников избирались рынды[231]. Обыкновенно выбирались люди стройные и рослые, которые обязаны были стоять по сторонам царского трона, по два человека, неподвижно. В походах они не отлучались от царя и вместе с подрындами носили за царем его оружие: пицаль, копье, самопал, рогатину и доспехи.

Пятую степень составляли стряпчие. Под

словом «стряпня» прежде разумелись: государева шапка, рукавицы, платок и посох, когда царь находился в церкви или в каком-нибудь приказе. Из них стряпчие с платьем носили за государем платье в его походах.

Шестую степень являли собственно дворяне, седьмую — жильцы, восьмую — дети боярские[232].

Дети боярские назывались различными именами: полковые, станичные, ездоки и проч.; они считались ниже дворян и производились из разных сословий: из небогатых князей, священнических детей и проч. Детям боярским давался участок земли, и они обязаны были по наряду боярина быть готовыми на службу в полном вооружении и с запасом на целое лето.

Простое, или мелкое, дворянство разделялось опять на новые классы. Высшим дворянством назывались обыкновенно князья, не получившие звания бояр. Тогда князей было много: они были потомки удельных князей и знатных татарских пленников. Некоторые из них по бедности записывались в боярские дети.

Жильцами назывались те из знатных молодых людей, которые обязаны были жить в Москве и быть готовыми во всякое время на службу. Они были своеобразным охранным войском Москвы, но их посылали и в походы, и из них же нередко избирали стряпчих, знаменщиков и других должностных лиц при государевом дворе. В 1663 году их было в Москве 2 тысячи человек. В 1701 году Петр Великий не приказал более набирать жильцов и оставшимися, которых было не более 300 человек, укомплектовал свои гвардейские полки.

Дворяне разделялись на московских и городских. Московские, будучи ближе к особе царя, первые выступали с ним в поход, и потому им дано было преимущество перед городскими, которые жаловались в московские, как в чин, а московские за какой-нибудь дурной поступок выписывались в городские дворяне, что и называлось «записать по городу». Московские дворяне употреблялись и в должности важнейших городских дворян: воевод и наместников. Они же бывали посланниками, и из них составляли особые дворянские

полки. В 1686 году московских дворян было 1893 человека. Городовые дворяне разделялись на выборных и дворовых: они занимали должности приставов для препровождения посланников.

Как известно, ни одна из наций не была так озабочена относительно своей породы, как русская. Чтобы удовлетворить этому тщеславию, были заведены родословные книги, в которые записывали дворянские роды по старшинству их происхождения. Тогда полагали за стыд и бесчестие, когда дворянин из первостатейного знатного дома был под начальством менее знатного по происхождению. Даже люди равной породы не хотели повиноваться один другому. Это называлось в старину местничеством. Царь Федор Алексеевич в 1682 году уничтожил местничество, сжег разрядные книги и таким образом первый положил основание сословию просто дворян.

Петр Великий ввел в службу дворян и поставил себя в пример другим: начав службу с низших воинских чинов, он заставил дворян выслуживаться и установил, чтобы чины раз-

давались только за одни отечественные заслуги, а не за знатность происхождения. Таким образом, при Петре Великом образовалось истинное сословие дворян.

Императрица Екатерина II жалованной грамотой в 1785 году утвердила права дворянства, причем повелено было губернским предводителям составить родословные книги, по которым все сословие дворян разделено на шесть разрядов.

Должности, существовавшие при дворах царей наших, были следующие:

Боярин дворецкий — одна из важных дворцовых должностей.

Дворецкий с путем — еще важнее; в это звание жаловались бояре за особенно крупные заслуги.

Боярин конюший. Этим званием очень дорожили: при царе Федоре Ивановиче конюшим был Борис Годунов. Конюший заведовал всеми казенными конскими волостями.

Кравчий. Он должен был находиться при столе государя, стоять против и разнимать кушанье; заведовал посудой, напитками и порядком стола. В этом звании большей ча-

стью состояли родственники царя. Последним кравчим при Петре Великом был родственник его Кирилл Нарышкин.

Оружничий. Заведовал всем оружием государя.

Казначей. Заведовал казной, платьем, драгоценными вещами и вообще царскими украшениями и палатами.

Постельничий. В его ведении находилась государева постель и ее принадлежности.

Спальники. Находились неотлучно при государевой комнате, а ночью спали перед опочивальней.

Ясельничий. Смотрел за конской сбруей и лошадьми, назначенными для царской езды.

Чашник. Заведовал погребом, подносил и пробовал при государевом столе напитки. В его ведении находилась еще должность — «всто­лы сказывать» и «всто­лы смотреть». Назначенный для этого чиновник через чашника подавал за стол питье кому было назначено и при этом говорил знатному боярину: «Василий-ста»; менее знатному: «Василий-су»; еще менее знатному: «Василий! Великий государь жалу­ет тебя чашею!» Тот, ко-

му подавался напиток, принимал его, вставал и, выпив, кланялся. После этого чашник (смотритель) громко произносил: «Такой-то, выпив чашу, челом бьет!» Кроме того были: *комнатные дворяне, степенный ключник, истопничий, шаторничий, чарошник, стремянные*, следовавшие за царем при экипажах и стремени, *стряпчие дворцовые, подключники, нарядчики* и, наконец, как исключение, со времен Ивана Грозного — *ловчий и сокольничий*. Ловчий впервые упоминается в 1509 году, и первым ловчим был Михаил Иванович Нагой. Сокольничий учрежден в 1550 году, который, однако, был старше ловчего. Первым сокольничим был Федор Михайлович Наумов, по прозванию Жулла. Помимо этих чинов при охотах, звериной и соколиной, было несколько меньших чиновников, как-то: *кречетники, ястребятник* и проч.; ими заведовали ловчий и сокольничий.

Излишне было бы упоминать, что слово дворянин происходит от слова двор, дворец. В древности они носили название гридней, и еще при великом князе Владимире вместо гридник сказано дворянин. Впрочем, степень

детей боярских была первой степенью русских дворян, не имеющих чинов. Дети боярские, поселясь на землях, сделались и первыми помещиками, передавая из рода в род свои владения.

Рязанское старое подворье. Двор этот, находящийся в начале Мясницкой улицы, обнесен с улицы каменной оградой. Он изменен переделками и получил новое назначение, но и до сих пор имеет вид монастырского, или архиерейского, подворья, каким некогда действительно и был.

Не столько замечателен он по древности и по зодчеству своих зданий, сколько достопамятен своей историей. В течение двух веков принимал он различное значение, переходил от одного ведомства к другому, был свидетелем многих событий, более или менее важных: первоначально это архиерейское подворье, потом Инвалидный дом и приют умалишенных, затем Тайная экспедиция розыскных дел, после Горное правление, Никольские казармы и Библейское общество, наконец, духовная консистория. От различного назначения этот двор в городском быту получал

различные названия, так что первоначальное его значение почти предано забвению, и немногие знают, что он некогда был подворьем рязанских духовных владык и местопребыванием патриаршего престола, славного в свое время богослова-полемика митрополита рязанского Стефана Яворского[233].

Неизвестно, собственно, когда подворье основано, но вероятнее всего — когда Рязанское княжество присоединилось к Московскому государству. В исторических актах Рязанский архиерейский дом упоминается в 1634 году, когда там во время пожара сгорели дела по архиерейским домовым вотчинам. Из этого ясно, что Рязанское подворье существовало гораздо ранее. Прежде строения монастыря были деревянные. Каменные палаты начали строиться в 1654 году при рязанском архиепископе Мисаиле, известном ревнителе православия, который убит мордвинами-язычниками в 1655 году в селе Конобееве близ Шацка.

Достоверно неизвестно, продолжалось ли и окончилось ли начатое Мисаилом строение на Рязанском подворье при его преемниках; но вероятно, что один из них, Стефан Явор-

ский, в течение 22-летнего правления рязанской паствой продолжал и довершил начатое Мисаилом. По преданию, при Яворском построены две двухэтажные палаты, выступающие на Лубянскую площадь. С 1702 по 1721 год, до учреждения Святейшего Синода, Яворский, как викарий и блюститель патриаршего престола, заведующий его делами, несколько лет пребывал на этом подворье. Тут его посещал друг и сотрудник святитель Дмитрий Ростовский; тут он сверял исправление славянской Библии для издания с Феофилактом Лопатинским, Софронием Лихудой и другими учеными того времени; тут он сочинил известную свою книгу «Камень веры»; тут он, наконец, и умер 27 ноября 1722 года, и тело его было отпето в церкви Гребневской Божьей Матери.

После смерти Стефана Яворского дом оставался за рязанскими архиепископами до 1774 года. С этого года и до 1801 назначение Рязанского подворья переменилось: это мирное пристанище приняло грозный и мрачный вид. Тут поместили Тайную экспедицию, образованную из Тайной канцелярии розыск-

ных тайных дел, где производились секретные следствия по доносам и уликам, особенно в оскорблении его величества, в делании фальшивой монеты и в нарушении общего порядка. Следственные дела Тайной экспедиции содержались в великой тайне. Там находились Судная и Канцелярская палаты, где розыски производились обыкновенно ночью. Начальником экспедиции был Степан Иванович Шешковский, правителем дел — Алексей Михайлович Чередин. В секретных казенках и каменных мешках[234] содержались подсудимые, к которым не допускали ни родных, ни знакомых. Если оговоренные или обличенные в каком-либо преступлении, подлежащем расследованию Тайной экспедицией, ссылались на свидетелей или сообщников, то при допросах сводили тех и других на очную ставку, или, как говорится, «ставили на одну доску». Для увещания, с одной стороны, перед ними были крест, Евангелие и священник, а с другой, для устрашения или истязания упорных, — палач, розги, плети, кошки. Здесь производилось строжайшее следствие над сообщниками Пугачева; здесь содержался некото-

рое время Н. И. Новиков, которого заподозрили в революционных замыслах. В 1796 году было найдено необходимым определить сюда доктора, без сомнения, для медицинской помощи допрашиваемым. В царствование Павла I Тайная экспедиция хотя и существовала, но со многими ограничениями, причем все ранее заточенные были освобождены, кроме повредившихся в уме, которых приказано лечить и покоить, а по излечении — освободить. Наконец, в самом начале царствования Александра I Тайная экспедиция уничтожена и дом принял другой вид. Так называемые каменные мешки обращены были в шкафы для посуды, глубокие подвалы под средними палатами, где по несколько лет томились в оковах взятые по оговору или подозрению, употреблены на предметы домашнего обихода, пыточные орудия истреблены. Изменился дом и снаружи, приняв другое назначение, и московские жители уже без страха проходили и проезжали мимо его железных ворот. Но до 1802 года здесь еще жили прежние начальники и сторожа экспедиции. Затем, до 1830 года, здесь помещались инвалиды. Потом он

был обращен в казармы. Во время нашествия неприятеля в 1812 году все здания Рязанского подворья сохранены от пожара, потому что их занимали наполеоновские солдаты. По выходе их из Москвы там около шести лет помещалось Горное правление.

В 1819 году Рязанское подворье стало именоваться Домом Библейского общества, учрежденного 6 декабря 1812 года, в день изгнания иноплеменных врагов из России. Здесь была контора и книжная лавка общества, где продавались книги Ветхого и Нового Завета, в чем и заключалась задача общества. Однако это общество возбудило некоторое подозрение, и потому в 1826 году было закрыто. После этого, в 1833 году, дом Рязанского подворья опять поступил в духовное ведомство, и в него перевели Московскую духовную консисторию, которая ранее находилась в Чудовом монастыре.

При первоначальном основании подворья в нем находилась каменная церковь с двумя престолами: Св. Троицы и Архангела Михаила. В 1783 году за ветхостью она разобрана. После 1812 года надстроен третий этаж над

средней палатой и сделано немало переделок, так что дом сохранил только первоначальную свою окружность и двойные своды.

Выше мы упомянули о бывшем начальнике Тайной экспедиции Шешковском. Этот Шешковский, гроза всей тогдашней Москвы, был небольшого роста, но плотный; в острых глазах его отсвечивалась пронизательность, на губах мелькала полуулыбка. В обхождении он был весел и шутлив, особенно с дамами, так что никак нельзя было подозревать в нем жестокого инквизитора. При пристрастных допросах он не обнаруживал нетерпеливости и запальчивости; даже в щекотливых случаях, как искушенный многими опытами, обыкновенно сохранял хладнокровие, а в продолжение самого действия читывал акафист Иисусу и Божьей Матери, прерывая набожное свое чтение только вопросами или увещаниями испытуемых, советами исполнителям своих приказаний; к просьбам и воплям он был крепок на ухо. Только в чрезвычайных обстоятельствах сам, с золотой табакеркой в руке, обращался к допрашиваемому. Одно появление его в каком-либо, хотя и знакомом ему,

доме наводило страх на хозяев и гостей: мужчины бледнели, женщины нередко падали в обморок. Всякий трепетал, не сказал ли он когда и где-либо какого неосторожного слова или по злобе не донес ли кто на него и не за ним ли приехал Степан Иванович. Таково было тогда время. Приученные владычеством Бирона к доносам, люди часто оговаривали чужих и родных. Нередко самое простое соблезнование казалось подозрительным и давало повод к розыскам в застенках; свидетели боялись и не донести, чтобы другие не донесли на них, что они умолчали. Были примеры, что в Тайной экспедиции судили не одни дела, но и слова, плохо понятые и криво перетолкованные, хотя бы они сказаны были кем-либо в шутку или в нетрезвом виде. Теперь бы назвали их сплетнями, не стоящими внимания, а тогда за них платились кровью и имуществом.

Расскажем один из сотни примеров. В Москве на именинах мещанина кум потчивал свою куму домашней наливкой. Кума, посадская баба, чванилась, отговариваясь пить. Тот упрашивал ее и между прочим сказал:

«Выкушай же, всемилостивейшая государыня!» Один из гостей, за что-то сердитый на хозяина, закричал роковое «слово и дело». Кума с кумой взяли к пристрастному допросу в Тайную экспедицию. То было в царствование Елизаветы Петровны. Там допрашивали бедного кума: «С какой стати, с каким умыслом повеличал ты посадскую бабу «всемилоштивейшею государынею» и не имела ли кума твоя какого посягательства на царское величество?» Что его спрашивали на дыбе, под ударами кнута, то он и отвечал утвердительно. Снимут с дыбы и перестанут сечь — он отрекался от своих слов, говоря, что показал напрасно на себя, не стерпя мучения. Разумеется, и кума не оставлена была без розыска и повторяла то же.

Как видите, сколько исторических воспоминаний и преданий соединено с двухвековым существованием Рязанского старого подворья!

Румянцевский музей. В конце XVIII столетия дом Пашкова, в котором помещается Румянцевский музей, обращал на себя внимание всей Москвы не только превосходной сво-

ей архитектурой, но и жизнью в нем своего богача-хозяина. Дом, как известно, находится на углу Знаменки и Моховой, на возвышении. В свое время к улице выходил прекрасный английский сад, в котором был чистый, полный, как налитая чаша, пруд, выстланный камнем, были водометные фонтаны, гроты, пещеры. По пруду плавали лебеди, по дорожкам важно расхаживали журавли и павлины. Любопытные москвичи толпами стекались к красивой чугунной решетке сада и жадно любовались на диковинки барских затей. В 30-х годах дом запустел. Огромный, четырехэтажный, с двумя по бокам флигелями и бельведером, дом этот — образец прекраснейшей архитектуры — представлял чуть ли не развалины: окна были заколочены досками, сад порос мохом и густой травой, пруды высохли, и вместо лебедей и журавлей гроты и пещеры сделались убежищем галок и воробьев. Но прекрасное не должно было исчезнуть. В доме, исправив его, сделали помещение для Румянцевского музея.

Румянцевский музей возник из частного музея графа Николая Петровича Румянцева

[235], который был большой любитель и собиратель древностей, рукописей, редкостей и разных диковинок. Затем из пожертвованных императором Александром II 200 картин из коллекций Эрмитажа, из скульптурных произведений, пожертвованных в 1862 году великой княгиней Еленой Павловной, из предметов, пожертвованных с Этнографической выставки 1864 года, и, наконец, из интересной коллекции различных предметов, пожертвованных покойным князем В. А. Долгоруким, образовался в музее целый зал, названный Долгоруковским.

В состав музея входят следующие отделы:

I. Отделение рукописей и славянских старопечатных книг, в числе которых находится богатое собрание автографов, палеографических снимков, масонских книг и проч.

II. Минералогический кабинет. Он заключает в себе собрание минералов, раковин, камней, принадлежавших графу Румянцеву, и поступивших из кабинета императора более 50 драгоценных камней.

III. Отделение доисторических христианских русских древностей. Здесь находятся: му-

мия в древнем саркофаге, найденная в Керчи ваза, 36 мелких древностей, германские древности из Майниского музея, а также замечательные фотографические копии и гипсовые слепки с афонских древностей.

IV. Дашковское собрание изображений русских деятелей. В этом отделении находится до 320 изображений, исполненных известными художниками.

V. Картинная галерея. В ней помещено до 455 картин русской школы конца XVIII и начала XIX века и копий с классических иностранных произведений. Здесь находится знаменитая картина Иванова «Явление Христа народу».

VI. Скульптурное отделение. В этом отделении из копий с произведений египетской скульптуры замечательны: статуя военачальника Банофре и Аменофиса III, царя XVIII династии. Из ассирийской скульптуры замечательны: рельефы из дворца в Нимруде и клинообразная надпись в 210 строк, содержащая в себе летописи 31 года правления царя Темен-Бара II, сына Сарданапала Великого.

VII. Отделение иностранной этнографии.

Оно помещается в зале библиотеки и заключает в себе 8 витрин с 174 предметами из Японии, Новой Калифорнии, Алеутских, Сандвичевых и других островов. Предметы, относящиеся к этому отделению, размещены также в большом зале с 28 шкафами; тут же в витрине находятся гипсовые маски Петра I, Николая I, Александра I, Наполеона, Карла XII, графа С. С. Уварова, Н. В. Гоголя, И. А. Крылова и А. С. Пушкина.

VIII. Дашковский этнографический отдел (музей). В нем более 270 манекенов, исполненных русскими художниками. Кроме манекенов имеются модели построек, домохозяйственных и земледельческих орудий. В большом зале размещены: внизу — манекены народностей России, вверху — славянских народностей, живущих в Австрии и Турции. IX. Библиотека, состоящая из редких собраний императрицы Александры Федоровны, графа Румянцева и других[236].

Лазаревский институт восточных языков. Находится между Мясницкой и Маросейской, в Армянском переулке, основан в 1816 году братьями Лазаревыми, Иваном и Иоаки-

мом. Пожертвования их упрочили на вечные времена это заведение, готовившее сначала образованных людей — учителей и чиновников. Институт был сначала учебным заведением 2-го разряда, потом готовил, особенно армян, в духовное звание и вообще в должности по армяно-григорианскому духовному управлению. С 1844 года стали в нем воспитывать кавказских уроженцев для подготовки их к службе в тамошних краях. В 1849 году Лазаревский институт получил все права лицеев и стал местом изучения восточных языков. Попечитель избирается из фамилии Лазаревых. В 1851 году учреждено при институте приготовительное отделение. По уставу 6 декабря 1872 года институт преобразован в филологическое заведение с семью гимназическими, тремя специальными и одним приготовительным классами, куда принимаются дети всех сословий. Условия приема в специальные классы те же, что и в университет. По бюджету Министерства народного просвещения на институт расходуется ежегодно около 19 тысяч рублей.

Главный корпус институтского здания от-

личается хорошей старинной архитектурой.

Несколько слов о Лазаревых.

Отец основателей института Лазарь Лазарев — армянин, родом из города Джульфы на левом берегу Аракса. Лазарев переехал в Москву в первой половине XVIII столетия и основал торговлю драгоценными камнями, потом купил село Фряново, в 60 верстах от Москвы, и завел там огромную фабрику, снабжавшую Москву шелковыми и бумажными материями. Сын Лазаря, Иван, был в свое время одним из богатейших помещиков России, владея огромными фабриками, лесами и рудниками в Уральских горах. Кроме московского института, он основал несколько благотворительных заведений в Астрахани и Нахичевани и четыре армянские церкви: две в Петербурге и две в Москве[237].

Московский университет. Открытие Московского университета последовало 26 апреля 1755 года в казенном доме у Воскресенских ворот, где впоследствии помещалась Городская дума и другие присутственные места и на месте которого находится массивное трехэтажное здание Московского исторического

музея. Проект же университета был составлен Иваном Ивановичем Шуваловым и утвержден императрицей Елизаветой Петровной 12 января 1755 года.

Главным предметом ожидания правительства при учреждении Московского университета было уничтожение раскола и ересей в народе.

При открытии университета и одновременно с ним двух гимназий, одной для дворян, другой для разночинцев, профессор Антон Алексеевич Барсов в своей речи, признавая первоначальное грехопадение человека за непреложную истину, призывал науки «хоть отчасти вознаградить этот урон и возвратить нам естество наше»[238].

Денег на основание университета от правительства и от частных лиц поступило 41 тысяча рублей. Открыты были три факультета: юридический, медицинский с одним и философский с восьмью профессорами, не имевшими права читать по своей системе. Жалованье ординарному профессору назначено было 500 рублей. Класа или чина университет не давал. Студенты жили на жалованье,

получая от казны по 100 рублей в год.

В 1759 году утверждено производство чинов университетских чинников, и в том же году университет перешел в здание на Моховой[239]. В следующем году университету поручено экзаменовать иностранных учителей, определяющихся в частные дома, и запрещено принимать их без университетского свидетельства. В 1764 году императрица Екатерина II повелела устроить при университете анатомический театр для изучения анатомии и судебной медицины. Через три года императрица в данном ею генерал-прокурору наказе писала об университете следующее: «В тяжелых материях или разногласии между учеными по усмотрению генерал-прокурора требовать мнения университета». В 1785 году императрица пожаловала университету место на Моховой, которое принадлежало прежде князю Барятинскому, и 125 тысяч рублей для построения на пожалованном месте нового дома. В следующем году, 26 августа, последовала закладка дома, и к 1788 году дом был выстроен и при нем церковь Великомученицы Тятыяны. Первоначально храм был

расписан художником Клауди. В храме находятся две иконы — Св. Николая Чудотворца и Св. Елизаветы, — писанные известным римским живописцем Рубо в изящном византийском стиле[240].

В 1768 году, вскоре после издания «Наказа» Екатерины II, лекции на всех факультетах университета начали читать природные русские на русском языке. Иго латинского языка чувствовалось еще вначале, когда профессора-иностранцы громко провозглашали, что латинский язык — ключ ко всем знаниям. Главным противником этого мнения явился профессор Поповский, который при открытии своих философских лекций всенародно объявил: «Нет такой мысли, какую бы по-русски изъяснить было невозможно».

В 1794 году университет совершил первое производство в степень доктора медицины. В 1796 году учреждена цензура. В 1802 году при учреждении министерств университет переходит в ведомство министра народного просвещения. В том же году император Александр Павлович подарил университету кабинет натуральной истории, купленный у кня-

зей Яблоновских в местечке Семятичи за 50 тысяч голландских червонцев и называвшийся Семятическим.

В 1807 году граф А. К. Разумовский был назначен попечителем Московского университета и его округа. По получении места одной из главных забот его было переведение университета в более просторное и удобное помещение. Университетским строением на Моховой он был недоволен и хотел перевести университет в Екатерининский, или Головинский, дворец в Лефортове. Отдача дворца под университет не состоялась. В 1809 году Александр Павлович, посетив Москву, подробно осмотрел университет и остался им очень доволен, хотя наплыв заграничных ученых, продолжавшийся до 1812 года, никогда не был так силен, как в то время.

По уставу 1804 года университет имел свою внутреннюю расправу и власть над всеми своими членами и их семействами, свою собственную цензуру, типографию и главный надзор в управлении училищами всего Московского округа, которые по уставу 1783 года находились в ведении генерал-губернатора.

На содержание университета назначена была сумма в 130 тысяч рублей.

«Московские ведомости» были тогда главным импульсом общественной и промышленной жизни в Москве; газета расходилась в 600 экземплярах[241], и служила важным источником университетских доходов. Усилиями Новикова, взявшего под свое ведение университетскую типографию, число подписчиков в продолжение десяти лет возросло до 4 тысяч, что считалось успехом чрезвычайным.

Наука, облекшись в доступную для всех форму, начала свое влияние на общество. В 1804 году открыто было четыре курса для московской публики, учреждены Общество истории и древностей, Общество испытателей природы, а в 1805 году — Общество соревнования медицины и физических наук, Институт хирургический, клинический и повивальный. В 1806 году Павел Григорьевич Демидов пожертвовал университету богатую библиотеку, кабинет естественной истории, древности и медали, оцененные в 300 тысяч рублей, и, сверх того, 120 тысяч рублей деньгами. Княгиня Е. Р. Дашкова пожертвовала богатейшее

в тогдашнем ученом мире всей Европы собрание минералов — так что весь кабинет составлял 15 тысяч предметов.

В 1812 году, во время нашествия Наполеона, университет уничтожен неприятельским огнем со всеми учеными сокровищами вместе с библиотекой в 20 тысяч томов и гимназией, которая более при университете не возобновлялась. В 1819 году университет вновь отстроен на пожертвованные 500 тысяч рублей, а в 1826 году собрания университета благодаря пожертвованиям заключали в себе: библиотеку в 30 тысяч томов, гербарий с 21 тысячью растений, Ботанический сад с 2500 растений, химический кабинет с тысячью предметов, анатомический кабинет с 5 тысячами предметов, кабинет с 3700 монетами. По новому уставу 1835 года университетский курс продолжен на один год, отделения переименованы в факультеты, так что в 1837 году выпуска не было. Устав начал требовать от профессоров степени доктора; штатная сумма университета назначена в 454 200 рублей. В 1881 году университет расходует на содержание личного состава 240 тысяч рублей, на

учебные и хозяйственные расходы — 159 тысяч рублей, на стипендии — 78 тысяч рублей. Благотворительного капитала при университете — 1 074 тысячи рублей. В настоящее время в старом здании университета находятся: Библиотека. Она включает в себе 102 200 названий в 171 800 томах и 12 600 тетрадей.

Минералогический кабинет включает в себе 14 500 минералов, горных пород и ископаемых. Особенно замечательны: аэролит в 10 фунтов весу, упавший в городе Пултуске 30 января 1868 года, камни, упавшие на землю в градинах в селе Куроедове Оренбургской губернии в 1848 году, кусок березы, проникнутый водной окисью железа, и многое другое.

Геологический кабинет включает в себе 15 тысяч ископаемых, относящихся к 4200 видам. Есть подробные каталоги. Кабинет состоит из палеонтологических коллекций двоякого рода — иностранных и русских. Самые главные куплены в разных заграничных учреждениях: в Бонне, Париже, Лондоне. Замечательные коллекции: соленгофская, купленная в Баварии; ныне живущих раковин; девонских рыб, купленная в Англии; ископа-

емых фосфоритов, купленная во Франции. Иностранные ископаемые распределены на три большие группы. 1. Ископаемые, принадлежащие различным странам и расположенные по формациям от древнейших до новейших. 2. Ископаемые, относящиеся к известной формации и принадлежащие одной какой-либо стране. 3. Ископаемые в зоологическом порядке. Русские коллекции расположены по губерниям и в каждой из них по формациям.

Анатомический театр университета, построенный в 1878 году, помещается в двухэтажном доме, нижний этаж которого занят аудиторией, профессорским кабинетом и другими помещениями. В этом же этаже помещается и судебно-медицинское отделение. В верхнем этаже два обширных зала анатомического музея и комната для студенческих занятий по препаратам музея. Музей этот состоит из богатой коллекции учебных препаратов — сухих, сохраняемых в спирту, в скипидаре и в других жидкостях. По всем системам человеческого тела музей имеет знаменитые коллекции Лодера и Либеркюна; кроме того,

обладает обширной коллекцией индивидуальных типов мозговых извилин (100 препаратов) профессора Зернова и его же коллекцией восковых моделей по названному предмету (20 моделей). Затем здесь находится богатая коллекция анатомии сосудов. Редкости: зубной ключ Петра Великого, фантом, по которому обучался анатомии император Александр II, и многое другое.

Кабинет изящных, искусств и древностей содержит 20 100 предметов, между коими монет и медалей 19 416, Устроен в теперешнем виде трудами профессора И. М. Леонтьева и состоит из двух отделений. Первое содержит собрание гипсовых слепков со знаменитых произведений античного искусства, каковы: Аполлон Бельведерский, Венера Милосская, Полевой Фавн, Зевс, Юнона и т. д. Это собрание увеличено покупкой значительного числа новых предметов в Берлине и выставлено, с сохранением исторического порядка, в двух залах. Второе отделение представляет замечательное собрание монет — русских, древнегреческих, римских, византийских и новейших европейских.

Ботанический кабинет. Имеет большой гербарий, где находится более 60 тысяч экземпляров высушенных растений. Интересны гербарии: Г. Ф. Гофмана, состоящий из 8800 видов, и Ф. Эргарта. Последний гербарий считается классическим, ибо составлен под руководством самого Линнея. За него заплачено 10 тысяч рублей. Кроме того, имеется гербарий Н. Н. Кауфмана и др.

В новом здании университета помещается Зоологический музей. Он основан после 1812 года известным естествоиспытателем Фишером фон Вальдгеймом из собраний, пожертвованных Демидовым и произведенных Обществом испытателей природы. Кроме того, в музей поступили предметы из коллекций Московской медико-хирургической академии и Виленского университета после их закрытия. После смерти Фишера музеем заведовал доктор Ренар, обогативший его благодаря Обществу испытателей природы, секретарем которого он состоял. В 1863 году музей поступил в заведование профессора А. П. Богданова, основавшего в то же время Общество любителей естествознания. Музей включает в себе бо-

лее 80 тысяч предметов и обогащается беспрерывно.

Теперь несколько слов об университетском духе XVIII столетия. Студенты и гимназисты помещались в обширных залах главного здания, именовавшихся камерами, и ходили всегда напудренные; студенты носили шляпы и шпаги, которые вручались им торжественно при производстве в студенты. Благонравнейший и отличнейший по успехам студент занимал лучшее место, под образами в переднем углу, и назывался камерным. В Благородном пансионе Московского университета лавки в классах были устроены горой, и самая верхняя называлась «Парнасом». В столовом зале лучшим воспитанникам предлагался отличный обед, а для ленивых был «осиновый стол», на котором ставилась только огромная чашка шей. В 1763 году конференция просила не продолжать уроков после обеда зимой, при наступлении сумерек, с 5 часов вечера, так как воспитанники подвергались опасности ночью быть или съеденными собаками, или ограбленными ворами. За дурное поведение студентов сажали на хлеб и

воду, одевали на три дня в крестьянское платье, а на деньги, вычтенные у них из жалованья, покупались Библии на славянском языке, которые студенты были обязаны читать по воскресеньям. На Пасху для развлечения студентов устраивались на университетском дворе качели. С Фоминой, т. е. с весны, начинались военные экзерциции. Прогулки студентов за город совершались в строю попарно. На кулачные бои у Заиконоспасского монастыря или на Неглинной разрешалось выходить только гимназистам; студентам это было строго воспрещено. За важные проступки студентов судили профессора; суд поручался юристам; все дела излагались на латинском языке. Между студентами происходили часто диспуты.

Общественное мнение было против университета. Поэтому профессорам, в особенности профессору анатомии Эразмусу, приходилось ратовать с общественным мнением и защищать науку от обвинений в безбожии, от унижения ее до живодерного ремесла; по целым месяцам Эразмусу не доставляли из полиции трупов.

В университете не было строгого разграничения наук. Профессор вексельного права Рогов был учителем геометрии в гимназии и исправлял должность надзирателя над больницей казенных учеников, Профессор математики Рост был в то же время главным агентом Голландской компании, имел русских приказчиков, через них торговал по всей России, закупал на корню хлеб, пеньку, смолу и нажил значительное состояние. Особенной популярностью пользовались профессора: вышеупомянутый Барсов (1755–1791 гг.) и Харитон Андреевич Чеботарев, который первым в России начал писать без еров и собирал для императрицы Екатерины II материалы для русской истории.

Воспитательный дом. На месте Воспитательного дома в старину находился так называемый Васильевский сад. По словам иностранных писателей, посещавших Москву в XVIII столетии, сад назывался Васильевским потому, что его учредил великий князь Василий Иванович. Но это неверно. При Василии Ивановиче здесь находились пустырь и луг, принадлежавшие княжескому двору. Сад раз-

веден при Елене Глинской и назывался просто то «царским садком», то «царским лужком». Название Васильевского сад получил при Иване Васильевиче Грозном по имени Василия Блаженного, который часто в нем уединялся и ночевал, а по некоторым сказаниям, даже жил в какой-то развалившейся хибарке, куда к нему приходил народ даже издалека с молитвой о помощи.

В «Наказе» царя Алексея Михайловича о «Градском благочинии» (1649 г.) сад этот впервые официально именуется Васильевским лужком. Затем земля эта, по производившимся на ней с 1696 по 1699 год делам, находилась в ведении Приказа Большого дворца и в 1711, как из присланного в 1745 году в Вотчинную контору дела видно, была отдана садовникам на откуп. В 1716 году перешла в Преображенский приказ, а из оно́го, переходя с 1726 года в разные ведения, поступила, наконец, в распоряжение Вотчинной конторы. Кроме сада и луга тут, на Яузе, находились еще бани, называвшиеся Островскими, потому что находились на островках Яузы, а потом Васильевскими. Затем их начали именовать Устенскими

[242]. Тут же, на Яузе, находилась и казенная мельница. При царе Федоре Алексеевиче там, где теперь правая сторона Воспитательного дома, был построен так называемый Гранатный двор, где хранился порох, ядра и другие артиллерийские принадлежности.

Мысль основать Воспитательный дом в Москве принадлежит Ивану Ивановичу Бецкому. В своей записке по этому поводу он и просил государыню отдать вышеописанное казенное место для постройки дома. Место было отдано вместе со всеми строениями, и притом разрешено было употребить на постройку Воспитательного дома часть стены Белого города, простиравшейся по берегу Москвы-реки к стене Китай-города. На постройку здания открылась добровольная подписка по церквам всей России. Сама государыня с наследником Павлом Петровичем была первая вкладчица: она единовременно пожаловала Воспитательному дому 100 тысяч рублей, повелев ежегодно отпускать на содержание его из своих «комнатных» денег по 50 тысяч рублей. Павел Петрович назначил выдавать из своих же денег по 20 тысяч рублей

ежегодно.

21 апреля 1764 года, в день рождения государыни, при громе пушек состоялась закладка здания. Генерал-фельдмаршал П. С. Салтыков первый положил в основание Воспитательного дома камень с надписью времени заложения и с двумя медными досками, на которых было вырезано на латинском и русском языках следующее: «Екатерина II, императрица и самодержица Всероссийская, для сохранения жизни и воспитания в пользу общества в бедности рожденных младенцев, а притом и в прибежище сирых и неимущих родильниц, повелела соорудить сие здание, которое заложено 1764 года апреля 21-го дня».

В день закладки в ознаменование благотворения было собрано более пятидесяти бедных невест и отдано с приданным замуж за ремесленников, и затем более тысячи человек бедных в этот день были угощены обедом, В память закладки была выбита медаль с изображением на одной стороне поясного портрета государыни, а на другой стороне изображена была Вера, имеющая на голове покрывало и держащая в правой руке крест; облокотив-

шись на постамент при церковном здании, она повелевает Человеколюбию, представленному в виде жены, поднять найденного на пути ребенка и отнести в основанный милосердием государыни дом. Вверху, кругом, видны слова Спасителя: «И вы живы будете», внизу за чертой: «Сентября 1-го дня 1763 года», т. е. день учреждения. Из поднесенных императрице этих медалей были пять золотых, две серебряные и шесть бронзовых, а Павлу Петровичу — по одной каждого металла.

Подаяния Воспитательному дому были двоякого рода: окладные и неокладные. Первые назначались ежегодно и притом в определенном количестве собственноручным подписанием благотворительными особами в «Книге окладных подаяний», уделаемых ими из получаемых с имений доходов, пансионов и даже из самого жалованья. Неокладные составляли только единовременно жертвуемое пособие. Первым благотворителем в «Окладной книге» подписался граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, затем графы Миних и Алексей Григорьевич Разумовский, За ними

подписались многие другие. Главнейшим из них тоже были вручены медали.

Но более всех пожертвовал для Воспитательного дома известный своими причудами и странностями Прокофий Акинфиевич Демидов. На Родильный институт при Воспитательном доме он прислал Бецкому 200 тысяч рублей.

Когда Демидов в 1772 году посетил Воспитательный дом, то Опекунский совет поднес ему золотую медаль и благодарственное свидетельство, до сих пор сохраняющееся в портретной галерее Демидовых; оно написано на пергаменте и украшено миниатюрной живописью, превосходно исполненной академиком Козловым. По поводу этого посещения было напечатано тогда в «Московских ведомостях» стихотворение под заглавием «Вывеска к жилищу Прокофия Акинфиевича Демидова». Вот начало этого стихотворения:

*Демидов здесь живет,
Кой милосердия пример дает,
Свидетель в том
Несчастливым дом.*

Польщенный таким приемом, Демидов по-

дарил Воспитательному дому свой большой каменный дом, находившийся на Донской улице.

Несмотря на внимание и почет, которые Опекунский совет постоянно оказывал Демидову, последний своими причудами и дурачествами немало причинял ему огорчений и очень часто приводил это учреждение в недоумение. Так, например, узнав, что Опекунский совет крайне нуждается в деньгах, обещал сперва дать займы 20 тысяч рублей, но вместо денег прислал в него четыре скрипки по числу членов: Вырубова, Умского и князей Голицына и Гагарина.

Были пожертвования и от неизвестных лиц. Так, 3 марта 1774 года от неизвестного прислано было к Бецкому письмо с препровождением в особом ящике 10 тысяч рублей. Сверх этих денег неизвестный благодотворитель обещал прислать в два срока 40 тысяч рублей, что и исполнил.

В 1767 году для управления Воспитательным домом был учрежден Опекунский совет. В том году Екатерина II неожиданно посетила заведение и в память своего посещения поло-

жила в кружку богатый вклад и двухлетнему питомцу Никите пожаловала 300 червонцев.

Сам Бецкой принес Воспитательному дому в дар в разное время 162 995 рублей[243].

Громадный дом для Опекунского совета построен гораздо позже Воспитательного дома, а именно в 1825 году.

Дом Воспитательного учреждения представляет величественное целое в виде квадрата, к которому пристроены три флигеля. С садами и дворами он занимает около 40 тысяч кв. саженьей.

Прием младенцев в Воспитательный дом начался, собственно, в день закладки здания, т. е. 21 апреля 1764 года, хотя и ранее некоторые просили о принятии находившихся у них несчастно рожденных детей, но им было в том отказано: во-первых, потому, что для приема таковых еще не было приготовлено место, а во-вторых, потому, что младенцы эти родились до времени издания манифеста об учреждении Воспитательного дома. Впрочем, почти все из присылаемых или приносимых младенцев, рожденных после упомянутого срока, были принимаемы самими первыми

опекунами на их попечение. 21 апреля было принято 19 младенцев обоего пола, найденных большей частью незадолго до того времени у разных приходских церквей Москвы и в ее окрестностях, из коих некоторые принесены крещеными, а другие были крещены по принятии их в дом. Первые двое из принесенных младенцев наречены были августейшими именами: девочка — Екатериной, в честь императрицы, а мальчик — Павлом, в честь наследника. В «Приносной книге» 1764 года под 21 апреля записаны эти младенцы: № 1. Екатерина, по крестному отцу Алексеева, найдена в приходе Богоявления, что в Елохове, 24 ноября 1763 года. № 2. Павел, по крестному отцу Петров, найден в Немецкой слободе у Денисовских бань 8 апреля. Малютки вскоре умерли.

В 1770 году при Воспитательном доме учреждена была Ссудная и Сохранная казна, называвшаяся ломбардом, и еще Вдовья казна[244].

Здесь уместно сказать несколько слов о том, что было с несчастными детьми до учреждения воспитательных домов.

Дома для несчастных детей существовали издавна. Известно, например, что еще в царствование Михаила Федоровича сиротские дома находились под ведением Патриаршего приказа. В 1706 году добродетельный митрополит Иов основал в Холмове-Успенском монастыре дом для призрения сирот, в том числе и незаконнорожденных; на содержание этого заведения Петр Великий назначил разные доходы, а императрица, великие княжны и многие вельможи присылали денежные пособия. Здесь призревались 170 сирот, а во всех 10 таких домах, которые устроил Иов в Новгороде во время своего архипастырства, содержалось до 3 тысяч детей. Сам Петр Великий имел особенное попечение о детях, несчастных со дня своего рождения. Он повелел по всем губерниям учредить «прием незазрительный и прокормление незаконнорожденных младенцев, дабы вящего греха не делали, сиречь убивства». Повелено было (4 ноября 1714 г.) при церквах, где пристойно, сделать госпитали, в Москве — мазанки, а в других городах деревянные, и для воспитания детей избрать искусных жен с платой им за то по 3

рубля в год и хлеба по полуосмине в месяц, а младенцам на содержание давать по 3 деньги на день. Детей этих в 1726 году в Московской губернии, за отсылкой в монастыри, состояло 440 и при них 120 кормилиц. Силу этого повеления Петра подтвердила и Екатерина 1 3 марта 1726 года.

Необходимо заметить в заключение, что самой высокой и щедрой благодетельницей для воспитательных домов Москвы и Петербурга была императрица Мария Федоровна [245]. Детей в Воспитательном доме обучали ремеслам, приготавливали учителей и учительниц и ранее, в первое время, актеров.

Большой театр. На месте этого театра находился в конце XVIII столетия театр англичанина Михаила Егоровича Медокса, который назывался Петровским, потому что в него упиралась улица Петровка.

Ранее театры находились у Красных ворот и на Знаменке, в доме графа С. И. Воронцова. Оба они сгорели. Содержатель последнего, князь П. В. Урусов, потерпев большие убытки, уступил свою привилегию на содержание театра Медоксу за 28 тысяч рублей. Сверх этого

новый содержатель театра повинен был платить Опекунскому совету ежегодно 3100 рублей. Получив привилегию, Медокс купил для театра землю на Петровке у князя Лобанова-Ростовского и немедленно принялся за постройку большого каменного театра. План и работы производил ему архитектор Розберг. Театр был построен в пять месяцев и обошелся Медоксу в 130 тысяч рублей. Привилегия Медоксу дана была до 1796 года.

В 1805 году театр Медокса сгорел, но театральные представления не прекращались: представления устраивались в подходящих зданиях. 1 апреля 1806 года театр сделался императорским и перешел в зависимость директора театральных зрелищ, которым был назначен князь Михаил Петрович Волконский[246].

Существующий ныне театр построен в 1824 году архитектором Бове. В 1853 году вся внутренность его снова сгорела, но через два года он снова возобновлен и по справедливости считается одним из самых больших и великолепнейших театров во всей Европе. Главный занавес изображает вступление Минина

и Пожарского в спасенный ими Московский Кремль. За этот занавес заплачено 7 тысяч рублей серебром. Зрительный зал вмещает в себя более 3 тысяч человек.

Так называемый **Малый театр**, находящийся почти рядом с Большим, нанят был дирекцией в доме Варгина в 1830 году на пять лет, причем владелец отделал дом за свой счет. Пьесы в Малом театре начали давать исключительно на русском языке. Это понравилось публике, и в 1841 году дом был приобретен в собственность дирекции. Это — лучший театр (не по красоте здания, а по образцовым постановкам пьес) не только в Москве, но и во всей России.

Одновременно с постройкой Большого театра была устроена перед театром и площадь, носящая название Театральной. Здесь, ближе к стене Китай-города, долго существовал так называемый Цветочный рынок. Это был довольно порядочный сад с куртинами, дорожками, скамейками, где москвичи любили гулять и где были раскиданы полотняные домики с цветами и плодовыми деревьями для продажи. Потом этот рынок перевели на Тру-

бу, где и устроили для того особенный бульвар, названный Цветным. В 1835 году на Театральной площади сделан был бассейн.

Дом обер-полицмейстера. Он, собственно, не представляет ничего особенного: это не более как прочная постройка XVIII столетия, приспособленная для разных полицейских целей. Но любопытно, как возникла в Москве полиция.

Первоначальное учреждение московской полиции Карамзин относит к 1505 году. Из этого видно, что до нашествия татар и во время их владычества в Москве не было никакой полиции, да и не было ее нигде на Руси.

Тип первоначальной полиции состоял из объезжих голов, бояр с подьячими, из решеточных приказчиков и сторожей, которые ведали установленные по улицам решетки. Решеточные приказчики были начальниками сторожей; сторожа были сами обыватели, отправлявшие общественную земскую повинность натурой. Наказ того времени говорит, что боярин с подьячими и с решеточными приказчиками должны ездить по городу непрестанно день и ночь, а сторожа, расстав-

ленные в определенных местах, должны день и ночь ходить каждый по своей улице и по своему переулку, подчиняясь непосредственно особым десятским, выбранным из собственной среды, и решеточным приказчикам. Сторожа смотрели, чтобы «бою, грабежу, корчмы и табаку, и никакого воровства и разврата не было, и чтобы воры нигде не зажгли, не подложили бы огню, не накинули ни со двора, ни с улицы». Меры осторожного обращения с огнем были самые строгие: так, запрещалось сидеть поздно с огнем, печи и мыльни (бани) запечатывались до нового указа, т. е. они открывались в указанные дни. Что же касается до печения хлеба, варения пиши, то дозволялось то и другое только в особо приспособленных поварнях или — у кого их не было — в защищенных от ветра печах, построенных в земле, в огородах за дворами. Исключение делалось в пользу черных сотен людей, больных и родильниц. Людям черной сотни дозволено было топить печи в ненастные дни дважды в неделю, по воскресеньям и четвергам. Стрельцы и Стрелецкий приказ в 1686 году служили исполнительной

полицейской властью.

Вот образчик, как при царе Михаиле Федоровиче в ночное время караулили в Кремле сторожа.

Когда наступал девятый час вечера, или, по-тогдашнему, восьмой час ночи, стрелецкая стража начинала перекликаться. Ворота Кремля затворялись зимой в 8 часов вечера и отпирались всегда после заутрени. Часовой страж близ Успенского собора первый начал протяжно и громко возглашать: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» За ним второй возглашал: «Святые Московские Чудотворцы, молитесь Бога о нас!» Потом третий: «Святой Николай Чудотворец, моли Бога о нас!» Четвертый: «Все святые, молитесь Бога о нас!» Пятый: «Славен город Москва!» Шестой: «Славен город Киев!» Седьмой: «Славен город Суздаль!» И так поименуют: Ростов, Ярославль, Смоленск и другие города. Первый снова восклицает: «Пресвятая Богородица, спаси нас!» После этого первый страж, как и другие, чтобы не спать и не дремать до благовеста к заутрени, пели вполголоса разные духовные молитвы.

Самый памятный в числе полицейских чиновников был еще в старину на Москве «земский ярыжка». Одет он был в красный (зеленый) кафтан, на груди у него нашивались две буквы: «З» и «Я». Когда государь выезжал из города или шествовал в крестном ходе, тогда из них несколько человек с метлами и лопатами шли впереди всех, очищая дорогу. Кроме того, где происходили шум и драка, они всегда могли брать и отводить к суду беспрекословно.

Первое основательное учреждение полиции совершилось 19 января 1722 года при Петре Великом, и первым московским обер-полицмейстером был полковник Греков. В 1729 году в Москве учреждается полицейский драгунский эскадрон, и Москва делится на 12 команд, центральным пунктом которых назначается Съезжий двор. Таких съезжих дворов построено было двенадцать, и в каждом было два офицера, два урядника и шесть солдат с барабанщиком. Рогаточные караулы из жителей оставались в то время, как и прежде. При Петре III вместо обер-полицмейстера было учреждено звание генерал-полицмейстера,

но вскоре это звание уничтожено, и в Москве с восшествием на престол Екатерины II восстановлен опять обер-полицмейстер и введен следующий штат полиции: обер-полицмейстер, надворный советник, ассессор и секретарь с канцелярскими чинами. Для посылок при московской полиции находилось двадцать человек конных драгун.

Из числа начальников полиции в век Екатерины был знаменит генерал-поручик Николай Петрович Архаров. Простое обращение с народом и особенно умение красно и в то же время понятно говорить с ним облегчало Архарову его трудную обязанность начальника полиции. Архаров знал до малейших подробностей все, что делалось в городе; с изумительной быстротой отыскивал всевозможные пропажи, умел читать в чертах и выражениях лица приводимых к нему людей, нередко по одному этому решал, прав или виноват подозреваемый, и с помощью самых оригинальных средств обнаруживал самые сокроенные преступления. Архаров имел помощником некоего Шварца, одно имя которого держало в страхе всю Москву. В важней-

ших полицейских случаях Екатерина нередко призывала Архарова во дворец. Среди москвичей того времени пользовался недоброй славой так называемый суровый Архаровский полк, сформированный самим Архаровым. Имя «архаровца» стало служить в народе синонимом сорванца и пройдохи[247]. Архаров имел внешность крайне антипатичную, но был умен и проницателен. Вскоре после оказанных ему милостей со стороны императора Павла Петровича он впал в немилость и был выслан в свое тамбовское имение, где прожил три года. В 1800 году он получил позволение жить в Москве, но уехал опять в свое тамбовское имение, где и умер в 1814 году.

Подобно Архарову деятельным и энергичным обер-полицмейстером Москвы был А. С. Шульгин. Место свое он занимал десять лет[248] и оставил после себя хорошую память во многом. Он сделал по своему ведомству множество полезных преобразований.

Сперва дом для обер-полицмейстера находился при частном доме Мясницкой части. Потом был приобретен дом от помещиков Ко-

логривовых.

Почтамт. Раньше в России царские приказы передавались особыми гонцами, или вестниками. Что же касается частных лиц, то они для сношения между собой должны были прибегать к содействию своих гонцов, или нарочных.

Первые попытки почтового устройства начинаются с Ивана IV Васильевича в первой половине XVI века. Первые правильные почтовые сношения учреждены в 1630 году при Михаиле Федоровиче. Царь Алексей Михайлович в 1664 году улучшил почтовые сношения. Сначала сообщение было открыто только между Москвой, Псковом и Архангельском, так как эти города были центрами заграничной торговли. Потом ветвь проложена была до Смоленска для политических отношений с Польшей. Для препровождения иностранных послов доставляемы были лошади от обывателей, коим платили от казны небольшие прогоны. Впоследствии вменено в обязанность некоторым селениям содержать лошадей для государевой гоньбы вместо податей и повинностей, отчего они получили название

ямских слобод, а люди, отправлявшие эту повинность, назывались ямщиками. В 1627 году установлено было давать подводы боярам, окольниковым и всем отправлявшимся по службе соответственно их чину, с платой прогонов за счет тех приказов и городов, откуда отправлены чиновники. В 1667 году заведение почтовой частью поручено было голландскому купцу Ивану Сведену. Сведен имел ее на откупе, платя по 1200 рублей в год. Первые почты отправлялись раз в неделю во вторник вечером — из Москвы в Новгород, Псков и Ригу, употребляя на этот путь 11 дней. Доставка одного золотника веса в Новгород стоила 6 копеек, в Псков — 8 копеек, в Ригу — 10 копеек. Из Риги в Москву почта приходила вечером по четвергам. Почта через Смоленск шла в Вильно и далее во все города Западной Европы, и золотник стоил 25 копеек, что составляло тогда половину талера. После Ивана Сведена почтовым ведомством управлял иностранец Петр Марселис. При нем заключена была первая почтовая конвенция с Польшей, и при нем же допущено частным лицам посылать грамоты к государю по почте. Преим-

ником Марселиса был Андрей Виниус, замечательный ученый, который впоследствии пользовался доверием Петра Великого и первый носил звание «царского величества почтмейстера». Петр I повелел учредить почту от Москвы до Якутска и Нерчинска, которая ходила между этими местами три раза в летние месяцы. В 1693 году учреждена почта от Москвы до Архангельска, на Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль и Вологду. После основания Петербурга учреждены почтовые станы (станции) между обеими столицами. В 1720 году установлена по большим дорогам ординарная почта «для пересылки указов из коллегий и канцелярий и писем». Одни только курьеры получали почтовых лошадей, прочим же чиновникам давались ямские и обывательские лошади и только по подорожным. В 1782 году Екатерина II определила для содержания почт денежный сбор с обывателей. Император Павел отменил денежный сбор и в 1797 году повелел отправление почтовой повинности возложить на городских и сельских жителей. Император Александр I для большего удобства повелел содержание

почт отнести к земским повинностям. Потом управление почт было сосредоточено в Почтовом департаменте Министерства внутренних дел.

Московский почтамт учрежден при Екатерине II в 1782 году. Здание почтамта находилось против Чистых прудов, на углу Архангельского переулка. Новое здание почтамта, на углу Мясницкой, построено несколько позже. Пристройки к нему производились последовательно. Последняя сделана весьма недавно.

Дом школы живописи, ваяния и зодчества. Громадный дом этот находится против почтамта. Он построен в первой половине XVIII столетия и принадлежал богачам Юшковым, по имени которых назван и переулок, идущий с Мясницкой в Милютинский переулок. Школа основана по почину частных лиц (Майкова, Добровольского и др.) и дала немало замечательных художников.

Университетская типография. Дом типографии находится на углу Большой Дмитровки и Страстного бульвара. Типография открыта в 1755 году. Сперва она находилась у Вос-

кресенских ворот. Для настоящего помещения типографии были куплены дома: у Власова в 1811 году и у Талызиной в 1818 году. Первый находился по бульвару, второй — по Дмитровке, из которых первый перестроен в 1816 году, второй — в 1822 году. Типография отдается в аренду.

Политехнический музей, или прикладных знаний. Красивое здание в русском стиле, находящееся на Лубянской площади. Основание музею положено в 1872 году.

Исторический музей. Массивное здание в русском стиле, находящееся у Воскресенских ворот. Музей открыт 2 июня 1883 года.

Городская дума. Новое, прекрасное во всех отношениях здание на Воскресенской площади. Открыто 1 мая 1892 года.

Нельзя обойти молчанием и **Колымажный, или Конюшенный двор**, хотя он уже и не существует. Но местность, где он находился, и доселе называется «у Колымажного двора». Двор был расположен близ Пречистенских ворот, напротив церкви Антипы Мученика, именуемой «у Колымажного двора».

Здание было построено при царе Алексее

Михайловиче и называлось Колымажным потому, что в нем стояли царские экипажи, из которых главной была колымага — нечто похожее на польскую бричку и карету вместе.

Здесь совершенно уместно сообщить кое-что о древних наших экипажах.

В глубокую старину у наших предков для лета были только телеги, а для зимы — сани. Потом вошли в употребление колымага и возок, но в них ездили только царь и придворные. Запрягали в эти экипажи по шести и по восьми лошадей. Чтобы иметь понятие о тогдашних повозках, достаточно описать возок, подаренный царем Борисом Годуновым ехавшему в Москву жениху дочери его, датскому принцу Иоанну: «Возок везли 6 лошадей серых; шлеи на них червчатые; у возка железо посребрено, покрыт он лазоревым сафьяном, а внутри обит камкой пестрой, подушки в нем лазоревы и червчатые, а по сторонам писан золотом и разными красками, колеса и дышло крашены». Некоторые иностранные государи присылали нашим царям в подарок экипажи. Английская королева Елизавета прислала Борису Годунову карету, обитую

бархатом. Замечательна была также карета, в которой в 1606 году въезжала в Москву невеста Лжедмитрия Марина Мнишек. Снаружи карета была обита алым сукном, а внутри красным бархатом; подушки были парчовые, унизанные жемчугом. Драгоценный экипаж этот был запряжен двенадцатью чубарыми лошадьми, так искусно подобранными, что, несмотря на пестроту шерсти, их нельзя было отличить одну от другой.

Впоследствии наши предки обзавелись каретами, стали роскошничать в своих блестящих выездах по городу и наконец дошли до безобразного величия. Тогда царь Федор Алексеевич, заметив «непорядок в экипажах», в 1682 году отдал приказ: «С сего времени впредь боярам и окольниковым и думным людям ездить в город или кто куда похочет в летнее время в каретах, а в зимнее — в санях на двух лошадях; боярам же в праздничные дни ездить в каретах и в санях на четырех лошадях, а где им доведется быть на стоворах и на свадьбах, и им ездить на шести лошадях; спальникам же, стольникам, стряпчим и дворянам ездить в зимнее время в санях на од-

ной лошади, а в летнее — верхами, а в каретах и в санях на двух лошадях вам никому не ездить».

При Петре Великом большей частью ездили в одноколках, а наемных карет почти не было. После Петра некоторые из вельмож снова начали щеголять экипажами, и из-за границы было много привезено карет, которые послужили образцами. Образцы старинных колымаг и возков можно видеть в Оружейной палате.

Плевненский памятник. Он находится в черте Белого города близ Ильинских ворот в разбитом в недавнее время сквере.

В глубокую старину, как мы уже говорили выше, здесь была обширная торговая площадь, затем здесь долгое время были яблочные балаганы.

Плевненский памятник сооружен на средства, собранные по добровольной подписке гренадерским корпусом, который принимал главное участие во взятии Плевны 28 ноября 1877 года и в пленении Осман-паши с 40-тысячной армией, причем русским войскам досталось все оружие турок и знамена.

Часовня высотой в 7 сажений обращает на себя внимание оригинальностью работы и величию. На памятнике изображены: бронзовый башибузук, убивающий болгарскую семью; русский крестьянин, благословляющий иконой Богоматери сына, идущего на защиту креста; умирающий гренадер, снимающий цепи с Болгарии; русский воин, поражающий турка; крест на луне.

Внутри памятника-часовни находится несколько икон и две доски. На одной из них изображены имена павших воинов, а на другой — имена воздвигших памятник.

ЗЕМЛЯНОЙ ГОРОД

Земляной город образовался при царе Федоре Ивановиче в 1591–1592 годах и охватывает описанные нами Кремль, Китай-город и Белый город. По словам одного из спутников Марка Варкача, приехавшего в Москву в 1593 году послом римского императора, стена Земляного города была деревянная, в три добрые сажени толщины, со множеством башен, что придавало городу издали необыкновенно величавый и красивый вид. В ней все ворота были совершенно одинаковой постройки, большие и красивые, и все с трехконечными башнями. Всего их было 34, и из них двое были каменные — Серпуховские и Калужские [249]. Во время смут и неурядиц междуцарствия стена эта была сожжена поляками. Царь Михаил Федорович в 1618 году приказал ее возобновить и обнести земляным валом, подобным тогдашним голландским укреплениям с бастионами. Воля его была исполнена, но уже не враги, а время начало разрушать стену, так что в 1783 году главнокомандующий Москвы, граф Чернышев, уничтожив

стену и некоторые из ворот, возобновил один вал, который вскоре сделался любимым местом гуляний для москвичей. Мало-помалу разрушился и вал, и на его месте образовалась широкая улица; она в некоторых местах носит название Садовой, в некоторых же — Земляного вала, Вальной улицы и, наконец, засажена бульварами (Новинский, Смоленский, Зубовский).

В Земляном городе продолжались многие улицы, начинавшиеся в Белом городе, как-то: Чертольская (Пречистенка), Арбатская, Тверская (Царская), Дмитровская, Сретенская, Покровская и др. Кроме того, были малые улицы и множество переулков, проездов и тупиков. Земляной город истари разделялся собственно на Земляной и на Замоскворечье. В них помещались стрелецкие слободы и другие, преимущественно в Замоскворечье, и находились урочища, в названиях которых отражается быт и значение Земляного города: Могильцы, Плотники, Кречетники, Трубники, Сторожи, Воротники, Пушкари, Грачи[250], Мясники, Огородники, Садовники, Кадаши [251], Толмачи[252], Басманники[253], Яндовы

[254], Бронники[255], Бараши[256], Конюшки. Кроме этих слобод в Земляном городе были еще ямские слободы: Коломенская, Дорогомилловская, Тверская, Переяславская, Рогожская[257]. Они были населены одними ямщиками, которые обязаны были содержать почтовую гоньбу. В Замоскворечье исстари находилась Татарская слобода, потому что татары селились большей частью близ тех концов Москвы, в которые они въезжали из своей Орды. По уничтожении владычества татар и по принятии ими подданства России они обжились там как в своем отечестве, построили мечетей благодаря веротерпимости наших государей и расселились по другим смежным и дальним улицам, дав им и свои названия, например: Ордынка, Балчуг, Таганка[258]. В Замоскворечье же первоначально была и Немецкая слобода, близ Спаса, что в Наливках[259].

Все эти слободы в конце XVIII века уже были включены в состав Москвы. Анонимный составитель немецкого описания Москвы 1810 года говорит лишь о четырех частях Москвы, но добавляет, что «большие и много-

численные предместья» могут быть считаемы пятой частью «гигантского города». Слободы отделялись друг от друга более или менее значительными пустырями и имели, как уже говорилось, каждая свой особый характер. Так, Грузинская слобода, или Грузины, была заселена почти исключительно грузинами и армянами. Пушкарские слободы получили свое название от стрельцов-пушечников, артиллеристов тогдашнего времени, поселившихся на отведенном им по указу царя Алексея Михайловича месте. Там же находился древнейший литейный завод, а также и первый колокольный завод, основанный в первой половине XVII столетия[260].

Мещанская слобода получила свое название в 1671 году, когда по указу царя Алексея Михайловича отведено было там место для заселения мещанами, а до того времени называлась она Троицкой слободой, а с самого начала — Неглинной подле села Напрудного, существовавшего на том месте, где находится церковь Св. Трифона Мученика, и указано было всякое хоромное строение оттуда снести, места очистить и строить мещанам свои дво-

ры; из всех черных слобод переместить мещан в эту Новомещанскую слободу и собирать от них в житье поручные записи. При императрице Екатерине II на мещанских улицах было немало казенных домов: например, Инвалидный, под ведением Приказа общественного призрения, учрежденный по повелению императрицы в 1779 году; в нем помещались заслуженные штаб- и обер-офицеры. Там же находилась Екатерининская больница, устроенная в 1775 году на 150 кроватей, а возле нее, на 4-й Мещанской, находились: полицейская больница, богадельня и работный для ленивцев мужского пола дом, т. е. для праздношатавшихся. А для праздношатавшихся женщин был работный дом за Калужской заставой в бывшем Андреевском монастыре, преобразованный в мещанскую богадельню[261]. На 1-й Мещанской находится Ботанический сад. Он именовался прежде Аптекарским и был под ведением Медицинской конторы. Сад основан при Петре 1. Этот сад устроен по большей части из Измайловских садов и цветников. Сперва он был местом гуляний для любителей ботаники и ученых, а

потом поступил в ведение университета.

К западу от Мещанской слободы, к бывшему Самоотецкому пруду, находилась земля Троице-Сергиева монастыря. На этом месте исстари поселены были люди Троицкого монастыря, от которого и бывшая Неглинная слободка получила название Троицкой; но, когда поляки разорили Москву, большая часть земли, принадлежавшей монастырю, поступила в казну и была застроена разными обывателями. За лаврой осталось только 7 десятин и 25 кв. сажений. Здесь лепились разные мелкие хибаренки, а большая часть земли была засеяна овощами. Дом подворья отстроен только в 1766 году. Пруд Самоотека, или Протека, образовался из речек Напрульной и Неглинной. По преданию, 1 августа дети пушкаррей, живших в Пушкарской слободе, ходили на Самоотеку, где устраивалась в тот день Иордань, в белых одеждах и составляли своего рода процессию, которая отправлялась с пушечной пальбой. Кроме того, через это место ходили в Семик в Марьину рощу, а некоторые оставались тут же завивать и бросать венки в воду (это было своего рода гаданье).

Здесь было обыкновение обмывать руки, возвращаясь с поминок на Лазаревом кладбище. Вода Самотеки не отличалась, однако, особенной чистотой из-за нечистот Неглинной. Москвичи старого времени имели обыкновение сваливать в Неглинную всякую дрянь; от этого все место течения ее от устья до Самотеки было смрадное и гнилое, что потом, после 1812 года, заставило закрыть Неглинную насыпью. Неглинная имела несколько мостов, которые с закрытием речки, конечно, были уничтожены. Одним из важнейших мостов через Неглинную, помимо Кузнецкого, был мост на нынешней Трубной площади. Он был построен в самую глубокую старину, деревянный, на высоких сваях, причем для течения воды под мостом была проложена огромная деревянная труба, почему и местность получила название Трубы. Окрестности Самотеки налево от Трубы представляли поля и сады, а далее находилось поселение воротников, которые жили сперва (до 1658 г.) у Пимена, что в Старых Воротниках, но как на то место по указу царя Алексея Михайловича поселились стрельцы, то воротникам и отвели место бли-

же к Суцеву, где они и построили на свой кошт церковь Нового Пимена, и это место называлось Новыми Воротниками.

А воротниками называли надзирателей за городскими воротами, у которых находились ключи от ворот, запиравшихся на ночь.

Весь четырехугольник — между Тверским бульваром и Садовой, с одной стороны, и Тверской и Малой Никитской улицами, с другой, — в конце XVIII века был обширным пустырем, занятым огородами. Часть его, Козье болото, было в старину почти настоящим болотом с Патриаршим прудом в середине: оно было засыпано и пруд очищен уже после 1812 года. При царях и патриархах здесь был козий двор: козья шерсть отсюда шла ко дворам, царскому и патриаршему, и к козьему двору было приписано несколько больших слобод, содержавших коз и мывших шерсть. Заметим здесь, что большая часть московских слобод принадлежала царственным особам, боярам, а некоторые — архиереям и монастырям, потому что во многих местах находились их подворья. Известно, как многие монастыри постепенно (до времен Петра I) уве-

личивали свои владения от пожертвований великих князей, именитых бояр и богатых гостей или почетных купцов; многие тысячи душ принадлежали монастырям; они работали в пользу их или платили им положенный оброк, а митрополиты имели собственный свой большой штат, дворцы и даже свою стражу или охранное войско, вероятно заимствуя эту пышность от греков.

Вероятно, многим из москвичей приходилось недоумевать, что такое значит Курьи ножки? Это было урочище. Название его удержалось при наименовании церкви Св. Николая Чудотворца, находящейся близ Поварской, на Молчановке.

Известный знаток русской старины М. Н. Макаров о происхождении Курьих ножек обычным своим балагурным языком рассказывает: «Устроилась при московских царях поварня, и много было поваров при той при поварне; и отвели тем поварам место на слободу, а назвали ту слободу Поварской. Много было у той у Поварской хозяйского приюта. Юн был царь Михаил Федорович, а знал он царский порядок. Не живали до него,

с его порядком, князья и цари московские. В особую статью поставил он поваров, хлебню; особый же приют дал он слугам столовым: скатертникам (столешникам), молочникам, коровникам, птичникам. И завел он тут большой куриный двор. А стоял тот двор у Никольской часовни, огорожен он был тыном узорочно, и важивались в нем куры-голландки, и не были редкостью там петухи гилянские. Много было ссор и всякого дрязга у пристольного (приставленного) народа. И просили они царя о рассуде не одинажды. Иной говорил: у меня-де огорода нет; тот хлопотал о дровах; кто о шубе, кто о рубашке. Просто еще было наше государство: всякая мелочь шла прямо к царю. И вот царь сам изволил слушать и судить эту всякую мелочь. И вот, правда или нет, за что куплено, за то и продажа: жаловались повара царю, что мал-де наш погост на кладбище, что у всех-де других буйвица[262] широкие и есть-де где о родителях и повить и поплакать. Призадумался на ту на просьбу царь-государь и скорой речи поварам не дал. А как пошел слух, что у поваров будет-де шум с слободскими, то промолвил

царь: «Как быть?» Скоро пришли повара и вдругорядь на двор царский. И говорили старики царю: «Государь! Ты наш царь, отец милосердный! Смилуйся! А чем-де лучше нас кречетники да конюшие; но ведь богаты они раздольем в буйвище? У нас только, грешных, теснота родителям!» И отвечал им государь: «Знаю. Да где же я отведу вам буйвище, того и сам не ведаю». Ласково это было слово царское; смело опять повара поклонились царю до земли и указали на Николину часовню при дворе курином. «Не малую-де ножку та часовня занимает; а ножка-де та лежит в пуге: ни у конюших, ни у кречетников она не в уборе». «Дело! — вымолвил государь. — В пуге земля ничья, живет она людскими руками». И пожаловал тут он поварам грамоту на Николино кладбище и при курином дворе две от того двора «ножки». И вот с той поры прослыло то урочище на Курьих ножках»[263].

Заговорив о поварах, нельзя пройти молчанием и того, как в старину продавался хлеб. Замечательно, что у нас за триста лет с большой тонкостью обращалось внимание на розничную торговлю хлебом и мукой, и мука

ржаная разделялась на 25 сортов, а пшеничная — на 30. Существовал особый указ о хлебом и калачном весе, где с точностью определены были цены хлебу; точность эта даже изумительна по разнообразию иен. Правительство поступало с большим знанием дела. Кроме лиц, назначенных разрядом, в деле участвовали выборные люди от торговых сотен; мука покупалась на торгу по торговым иенам, потом просеивалась в дело: ржаная — на хлебы, ситные и решетные, а пшеничная — на калачи, тертые и ковришатые. При чем накладывалась иена по четвертям: на провоз с торга в пекарню и обратно — из пекарни на торг, на подквасье, на соль, на дрова, на помело, на сиянье, на свечи, за работу мастеровым, на промысел и на пошлины и подати за право торговли; и все это разлагалось на хлебы и калачи по весу и по числу хлебов и калачей алтынных, грошовых, двухденежных и денежных на четверть; и для всего этого составлялась особая роспись, или такса, по которой торговцы хлебом и калачами должны были продавать свой товар, не отступая от таксы ни в иене, ни в весе хлебов и ка-

лачей. Далее определенные правительством надсмотрщики обязывались ходить вместе с целовальниками по торгам и торжкам для наблюдения за точным соблюдением иен и веса против определенной таксы. На их же ответственности лежало смотрение, чтобы хлебы и калачи были надлежащим образом выпечены и не заключали в себе какой-либо примеси; причем на торговцев, отступающих от таксы или делающих какую-либо подмесь к своему товару, налагались пени от полуполтины до двух рублей с четырьмя алтынами и полутора денежками, каковые деньги, равно как и имена подвергшихся штрафу, вносились в особо заведенные книги, которые хранились у надсмотрщиков и по истечении известных сроков представлялись в разряд. В первой половине XVII века в Москве на рынках ржаная мука продавалась от 6 алтын 4 денежек до 31 алтына за четверть (от 1 рубля 30 копеек до 6 рублей 20 копеек), а пшеничная мука — от 10 до 40 алтын (от 2 рублей до 8 рублей). Калачи в древнем русском быту играли немаловажную роль: калачи подавались на пышных пиршествах, посылались от

царя к патриархам и другим духовным особам, нищим, тюремным заключенцам, раненым стрельцам. Этот обычай не забыт и доселе. Про московские калачи существует несколько пословиц и поговорок, например: «тертый калач», «в Москве калачи как огонь горячи» или «куда лезешь с суконным рылом в калашный ряд» и т. п.

Но обратимся к урочищам. За Москвой-рекой есть урочище Бабий порядок. О причине подобного названия Татищев в своем лексиконе рассказывает, что во время нашествия хана Тохтамыша несколько сот баб из подмосковных деревень, спасаясь от татар, прибежали к Москве-реке и просили о перевозе их в город, но воевода, опасаясь голода, их не впустил. Бабы решились защищаться сами: набрав дерева, обрубилась, т. е. сделали себе острог, или деревянную крепостцу. На третий день пришли татары и хотели тотчас взять крепостцу штурмом, но бабы предложили, чтобы человек 50 татар выехали к ним (вероятно, для переговоров). Татары согласились, и въехало человек сто из знатных; бабы заперли ворота, перебили их всех, а головы выбро-

сили за стены, после чего татарским же оружием мужественно оборонялись два дня. Воевода московский, узнав об этом подвиге подмосковных баб, послал к ним ночью лодки и всех их перевез в город.

Подобное предание довольно красиво и могло бы сделать честь подмосковным бабам, но оно, увы, совершенно ложно.

Название Бабьего городка объясняется несравненно проще. Бабий городок означает просто мост на городнях, или клетках, который прежде в этом месте строили на Москвереке, когда не было еще каменного моста для переезда на другую сторону. Сваи вбивали чугунными бабами — вот вам и Бабий городок.

Остановимся теперь на Конюшках и Пресне — двух урочищах, которые не были свидетелями особенно важных событий.

Конюшки и Пресня занимают оба покатых берега речки Пресни в ее нижнем течении (ныне Нижнего Пресненского пруда) и ограничиваются Земляным валом (ныне Новинским бульваром) впереди и Камер-Коллежским валом позади. Нет сомнения, что в отдаленные времена здесь рос лес, но этих времен

не помнит история. Берега Пресни[264] стали заселяться ранее большей части других мест, и в XVII веке на них должно было быть уже сравнительно значительное население. Ближайшая к городу земля была в XVII веке отведена младшим царским конюхам, или конюшкам (вот и происхождение названия «Конюшки»), которые, подобно другим царским служилым людям, несли свои обязанности за земли. Оба эти урочища, Конюшки и Пресня, были заняты главным образом дачами тех из московских бояр, которые не могли на лето уезжать в свои деревни. Но дома здесь были малочисленны, и большая часть Пресни была занята садами. К концу XVIII века и Конюшки и Пресня успели изменить свое население: тут уже жили преимущественно мелкие чиновники и отставные военные. Между прочим, здесь был дом известного в летописях нашей литературы А. Н. Сумарокова, который нередко в одном халате на старости лет ходил в соседский кабачок, находившийся за Горбатым мостом. Пресненские пруды вырыты в 1683 году патриархом Иоакимом и тогда же построен Горбатый мост через Пресню. Горба-

тым мост назван по причине своей выпуклости посредине. Из исторических фактов, со-вершившихся на Пресне, можно отметить, что здесь был разбит стан царя Михаила Федоровича, когда он встречал возвращавшегося из польского плена родителя своего Филарета Никитича. В начале XIX столетия благодаря графу П. С. Валуеву, бывшему президенту Кремлевской экспедиции, Пресненские пруды преобразились: там был разведен сад, и сад этот долго служил модным местом гуляний для москвичей. Вся Пресня тогда кипела жизнью.

В глубокую старину, разумеется, летом и даже осенью более веселились на приволье полей, лугов и лесов: сама местность и обстановка тогдашней Москвы представляла к тому большое удобство. Весна в этом отношении играла первенствующую роль. Отрадная, прекрасная, со своими светлыми днями и розовыми вечерами, весна — время радостей и удовольствий. Москвичи ходили гулять на Неглинку, на Самотеку: там водились хороводы, пелись песни, завивались венки; туда ходил народ всякого звания, не чуждались та-

ких гуляний и бояре; на эти гулянья приходили и боярышни в сопровождении своих мамушек и нянюшек. Зимой гуляли на льду Москвы-реки, Неглинки и Самотеки. Нашествие татар научило русских затворничеству относительно женщин, но это было только в высшем кругу. Простой народ веселился по-старому. Боярская молодежь веселилась у себя в садах. Время, известное дело, изменяет все. Изменило оно и характер гуляний. Простой народ начал тешиться кулачными боями, которые происходили не только зимой на льду и на моста, но и летом, на приволье пустырей и огородов, которых в Москве было множество. Высшее духовенство восставало против этой забавы, но все было напрасно: народ не оставлял кулачных боев. Под влиянием всякого рода условий кулачные бои, однако, заменялись более приличными забавами. При Петре Великом и после народ начал гулять по садам, по загородным рощам; особенно стали шумны масленичные гулянья. Катание с ледяных гор всегда было любимой забавой простонародья. Горы устраивались на Москве-реке в грандиозных размерах; но устраивались они

повсеместно, нередко даром, более всего купцами по случаю какой-либо радости. Одна из подобных гор была устроена в 1745 году знаменитым сыщиком Ванькой Каином по случаю его свадьбы. Гора была устроена в Китай-городе позади Мытного двора и украшена елками, болванами, флагами и красным сукном; были шуты, музыка, угощение народа орехами, пряниками, калачами, брагой. Все это раздавалось в изобилии. Популярность Каина среди простонародья была настолько велика, что эту местность называли Каиновой горой. Название это не забыто и доселе.

С особенной охотой москвичи веселились при императрице Екатерине II, которая, бывая часто в Москве, подавала тому пример. В моде стали гулянья по садам. Гуляли в садах Нескучном, Разумовского, Корсакова, Остермана и др.

Нескучный сад находится близ Донского монастыря. Он устроен был графом Алексеем Григорьевичем Орловым. В конце царствования Екатерины II Москва, по свидетельству иностранцев, представляла какой-то ленивый, изнеженный, великолепный азиатский

город, где, как величественные призраки, существовали все те, кто был некогда в силе, и все те, кто был в немилости или считал себя обойденным на известной лестнице почестей. В числе таких призраков был и граф Орлов. Он доживал свой век в Нескучном и сделал его прекрасным местом для гуляния москвичей. Там долго существовал воздушный театр графа. Это было не что иное, как крытая большая галерея полукружием, а сама сцена была приспособлена так, что деревья и кусты заменяли декорации. В Нескучном саду действительно трудно было соскучиться. Сад был расположен на полугоре, разбит на множество дорожек, холмов, долин, обрывов и испещрен обычными постройками в виде храмов, купален, беседок. Березовая кора у графа Орлова в Нескучном стала впервые употребляться на украшение для садовых построек, как об этом передают иностранцы. Все памятники и постройки напоминали подвиги и победы графа А. Г. Орлова. Летом ни одного праздника, ни одного воскресенья не обходилось без того, чтобы в саду графа не было каких-либо торжеств и празднеств. Против

дома устроен был на большое пространство бег. Барьерами, или границами, этого бега вместо столбов служили ребра кита вышиной 4 аршина каждое. В назначенные дни для бега почтенный хозяин сидел с многочисленными гостями на широкой террасе и смотрел на славных, быстрых рысаков и скакунов своих: охотники до подобного удовольствия выставляли туда и своих лошадей; там вихрем мчались питомцы Дона и Урала, куцые английские лошади и кровные арабские. Там охотники держали дорогие пары на выигрыши, но победы оставались большей частью за победителем турок, славным героем Чесменским. Отличный конский завод его был известен и в чужих краях. Граф не только не отказывал в гулянье в своем саду всем посетителям, но еще радушно исполнял долг гостеприимства даже и для незнакомых по старинному обыкновению русских бояр. Граф был известный хлебосол, и за то москвичи любили его необычайно.

На запад от Эрмитажа находится дом, и сад Остермана, занимаемый Московской семинарией. При царе Михаиле Федоровиче это ме-

сто принадлежало тестю его, боярину Луке Степановичу Стрешневу. Один из его наследников, Иван Иванович Стрешнев, выдал свою дочь замуж за графа Андрея Ивановича Остермана, и впоследствии это место поступило во владение Остерманов. Для семинарии дом куплен в 1834 году за 100 тысяч рублей ассигнациями.

Мы упомянули выше, что изгнанные из Нескучного сада цыгане и гуляки нашли себе место в Марьиной роще, Сокольниках, на Разгуляе, в Петровском парке. Взглянем же на эти гулянья.

Слава московской Марьиной рощи прогремела на всю Россию отчасти благодаря сказке Жуковского, отчасти же потому, что здесь было чисто народное гулянье. Название Марьиной роща получила скорее всего от какой-нибудь прозаической Марьи, а не от той «несчастной Марии», которую так поэтично описал Жуковский. Надо заметить, что в старину Марьиная роща была гораздо обширнее: к Крестовской заставе сливалась она с Алексеевским лесом, а с другой стороны простиралась почти до Бутырской солдатской слободы.

В Марьиной роще справлялся преимущественно Семик; но в позднейшее время там же гуливали во всякое время. В день Семика в далекое от нас время вся Москва представляла торжество разгула. Если не в роще, то на каждом почти дворе, под кущей березок, накрыт был стол с яичницей и драчоной. Всюду раздавались песни Семика, и посадские девицы в венках из одуванчиков или ландышей и незабудок с песнями и плясками носили по улицам разубранные березки. Особенно разгульно стал праздноваться московский Семик в Марьиной роще в XVIII веке. «Ныне (т. е. в день Семика) Марьиная роща у нас именинница», — говорили старожилы. Гулянья в Марьиной роще с годами превратились в нечто неприличное, и потому собственник рощи, граф Шереметев, запретил их и начал сдавать участки земли под постройки. Большая часть Марьиной рощи, ближе к Москве, оказалась застроена, а остальная часть, к Останкину, представляет нечто грустное и жалкое. О старом Семике и помину нет: он празднуется совсем в другом роде, где кто хочет и как хочет. Теперь щеголяют «разъездами».

Московские Сокольники пользуются такой же знаменитостью, как и Марьино роца. С этим заповедным лесом связан целый ряд исторических воспоминаний.

Первым из русских государей завел правильную охоту великий князь Василий Иванович. Он даже завел псовую охоту. До него собак считали нечистыми животными и пренебрегали ими, охотясь единственно с соколами. По словам иностранцев, в полях, прилегающих к Москве, водилось множество диких коз и зайцев, за которыми никто не смел охотиться, кроме государя. Но ни один из государей московского периода не был предан охоте с таким горячим увлечением, с такой страстностью, как царь Алексей Михайлович. Он издал новое уложение и устройство чина Сокольничьего пути, составил штат служащих при царской охоте, роздал им земли под поселение, вел охотничий дневник и проч. Его выезды на охоту всегда отличались торжественностью и многолюдством свиты и закрепили навсегда прозвание Сокольников за той местностью, где царь часто охотился. В течение двух с небольшим веков место царской

охоты стало местом народного гулянья. Первомайское гулянье в Сокольниках началось со времен Петра, но оно существовало и ранее, только не в Сокольниках, а в Семеновской роще. Камер-юнкер герцога Голштинского Берхгольц, находившийся с герцогом в Москве во время пребывания здесь Петра Великого, рассказывает, что 1 мая 1722 года Петр Великий со всем своим семейством ездил в Семеновскую рощу, где было тогда гулянье, на котором присутствовал и герцог Голштинский со своей свитой. Берхгольц говорит, что 1 мая после обеда герцог ездил верхом «в приятную Семеновскую рощу, где собиралось бесчисленное множество народа и были император и императрица, несмотря на то что в этот день шел сильный дождь». Таким образом, оказывается, что майские гулянья в Семеновской (по дороге в Измайлово) роще предшествовали гуляньям в Сокольниках и были потребностью москвичей. Однако установление этого гулянья собственно в Сокольниках приписывают немцам. По преданию, вблизи Сокольников было одно из первых становищ немцев, вызванных и добро-

вольно приехавших в Россию. Мы уже говорили, что первая их слобода находилась близ Спаса, что в Наливках. Затем царь Алексей Михайлович переселил их к Яузе, в нынешнюю Немецкую слободу, ставшую известной под финским названием — Кокуй[265]. Петр I поселил близ Сокольников пленных шведов. Тут немцы и шведы, вспоминая свои отечественные праздники 1 мая, отправлялись в Сокольничью рощу, гуляли там и веселились до позднего вечера. Любопытство привлекло на гулянье в Сокольники и русских, и таким образом из года в год из частного немецкого гулянья составилось общее московское. Но это гулянье установилось окончательно только при императрице Екатерине II. Тогда оно было особенно блестяще и на него съезжалось самое высшее общество Москвы. Дачи начали строиться в Сокольниках не ранее 20-х годов XIX века. Камергер Бергман один из первых выстроил несколько дач, и по его проекту Кремлевская экспедиция (ныне Дворцовая контора) разрешила отводить там для желающих земли за небольшую плату. Народно-го же гулянья, кроме первомайского, в Со-

кольниках долго не было. Гулянья эти начались, когда уже настроилось там множество вычурных дач, и явилась вся самоварная и прочая промышленность. Каковы теперь эти гулянья — известно всякому.

Под Разгуляем известна местность в конце Старой Басманной, не доходя Елохова моста над ручьем Чечеркой. Мост этот прежде назывался Ехаловым (понятно, от слова «ехать») и переделан потом в Елохово[266]. Тут, на распутье четырех дорог, стояло кружало под названием «Разгуляй». Кружало это при Екатерине II заменилось питейным домом, а затем трактиром. В конце XVIII столетия трактир этот сделался любимым пристанищем московских гуляк. Кто хотел предаться гульбе втихомолочку, не слишком гласно, особенно жители Замоскворечья, купеческие детки, держимые в то время круто своими родителями, да и сами-то родители, вечерком, заперев свои лавки и собравшись веселой компанией кутнуть, ехали на Разгуляй, в помянутый трактир как в отдаленный угол Москвы, где их другие посетители трактира не знали. Для подобной «почтенной компании», разумеется

по ее расточительности, находились там особенные уютные комнаты, и к их услугам были все удовольствия бесшабашного разгула: песенники, цыгане, музыканты и даже заезжий гармонист-иностранец, удивлявший всех своим инструментом[267]. К полному разгару удовольствий являлись цыганки-ворожеи, цыганки-солистки, и пир шел горой. Начиная с осенних вечеров до Святой недели трактир на Разгуляе кипел народом; к тому же через это место совершались праздничные, многолюдные зимние катания в Покровское. Все это кануло в вечность, но название за местностью Разгуляй осталось.

Тут же, на Разгуляе, на углу Доброслободского переуллка, находится бывший дом графов Мусиных-Пушкиных. При доме сад и пруды.

В Петровском парке веселилась преимущественно состоятельная часть москвичей. Но о Петровском парке мы скажем при описании Петровского подъездного дворца.

Сверх этих гуляний было много гуляний чисто народных, установившихся обычаем в известные праздники, — на площадях, при

церквах, при монастырях, на Новинском валу, на Девичьем поле. Все эти гулянья отличались от нынешних большим разнообразием и разгулом. По словам И. Е. Забелина, общее веселье тогда поддерживалось и общим участием москвичей, большинство которых не успело еще поставить себя выше народных обычаев и не только не чуждалось, но, напротив, принимало самое живое личное участие во многих забавах простого народа. Гулянья того времени (т. е. XVIII столетия) еще во многом сохраняли те первобытные черты, в которых вполне отражалась старинная жизнь со всеми особенностями и оттенками; эти главные черты были: пьянство, пляски, песни. Одним из центров каждого гулянья был большой шатер, известный в народе под названием «Колокол». Из гуляющих редко кто проходил мимо шатра «Колокол», верх которого украшался обыкновенно небольшим флагом и зеленой кудрявой елкой; внутри шатра стояли стойки с бочонками и разной питейной посудой, в числе которой употребительнейшая называлась плоской и крючком. Это была особая мера, в которой продавалось вино в

разливку, и в старину не просили «на водку», а просили обыкновенно «на крючок». Кроме шатра на гуляньях стояли еще разного рода шалаш и палатки, крытые рогожей и лубком. Здесь помещались трактиры, герберги, продавцы пряников, орехов; также всюду на гуляньях виднелись столы, где дымились самовары с ароматным имбирным сбитнем, продавалась хмельная буза, полпиво и проч. В числе народных забав первое место занимали качели, затем карусели, нынешние детские коньки. Затем давались для народа и драматические представления, устраиваемые в лубочных балаганах, шалашах и других на скорую руку постройках. В числе народных забав на гуляньях можно было встретить и медведя с козой. Славились игрой на рожках тверские ямщики; они же «показывали весну разными высвисты по птичьё». Эти простые мужички составляли целые хоры самых разнообразных птичьих голосов, начиная от нежной малиновки до соловья. Тут же показывали и собачью комедию. И все это шумело, веселилось, пело, плясало, но нередко оканчивалось и крупной дракой, в особенно-

сти если затевался кулачный бой. В таких призывалась пожарная команда. Но однажды при такой оказии не оказалось воды, и дело окончилось смехом, шутками.

Но, говоря серьезно, относительно воды москвичам в былое время было не до смеху и не до шуток.

В этом отношении Москва почти бедствовала. Может быть, в самую глубокую старину вода Москвы-реки была и хороша, но с расширением города она постепенно портилась, в особенности весной и осенью, и пить ее приходилось, как говорится, с горем пополам. Чтобы устранить этот недостаток, повсюду вырывалось множество колодцев; но это стоило дорого, и, сверх того, вода в них была жестка и неприятна на вкус. На всю Москву были только три колодца с чистой и здоровой водой: Андроньевский, Трехгорный и Преображенский. Но воду из них брать стоило весьма дорого, и хорошая вода за хорошим столом ценилась так же, как и хорошая брага.

Выручила в этом отношении Москву Екатерина Великая: она повелела построить водопровод, взяв воду в селе Большие Мытищи,

находящемся от Москвы в 18 верстах.

Первый московский водопровод был построен в 1779–1804 годах инженером генералом Ф. Б. Бауером и полковником Герарди. Водопровод этот открыт 28 октября 1804 года. Чистая и вкусная вода в количестве 330 тысяч ведер в сутки была взята из ключей, лежащих в одной версте от села Большие Мытищи, где она была собрана с помощью крытых ключевых бассейнов и проведена в Москву самотеком (ключи лежат выше Москвы-реки на 102 фута) по кирпичной галерее длиной 22 ½ версты, шириной 3 фута и высотой 4½ фута среди свода, заложеного с падением в 22½ фута на деревянных лежнях, причем близ Ростокино, деревни, находящейся в семи верстах от Москвы, через реку Яузу для водопровода построен мост длиной в 150 саженей, который поддерживается 21 аркой. В Москве вода была сосредоточена в обширном водохранилище под ротондой на Трубной площади и оттуда уже шла по другим местам. Постройка этого Екатерининского водопровода обошлась в 2 060 000 рублей ассигнациями.

Второе преобразование Мытищинского во-

допровода исполнено было в 1853–1858 годах по проекту барона Дельвига, так как водопроводная галерея в Сокольничьей роще обвалилась и приток мытищинской воды прекратился.

По этому проекту вся кирпичная галерея, пришедшая в ветхость, была заменена чугунными трубами; водопровод, идущий от ключей, был понижен, благодаря чему количество воды увеличилось до 550 тысяч ведер в сутки. В селе Мытищи устроено водоподъемное здание с двумя машинами, которыми вода поднималась в резервуар, лежащий выше Алексеевской водокачки на 24,5 фута, из этого резервуара вода шла в Алексеевское по чугунным трубам диаметром 20 дюймов. От Алексеевского к Сухаревой башне проложена вторая труба диаметром 16 дюймов, и в Сухаревой башне устроен второй резервуар. При этом преобразовании уложено до 44 верст чугунных труб, и все устройство стоило более полутора миллиона рублей серебром. В таком виде Мытищинский водопровод существует теперь, доставляя Москве 550 тысяч ведер воды. Из мытищинских колодцев особенно ин-

тересен № 1, или Громовый, он же Святой, и № 2 и 12. О Громовом ключе рассказывает предание, что он появился вследствие удара грома во время грозы, случившейся в царствование императрицы Елизаветы Петровны. Дорога к ключевым бассейнам обсажена березами и имеет вид проспекта.

По почину этих двух водопроводов создан новый грандиозный водопровод, который дает воды вдвое более прежних.

Каменный мост

Москва-река, вытекающая в Можайском уезде из находящегося у деревни Осташки болота[268], втекает в город с западной стороны, образуя два больших противоположных полуострова. От моста, именуемого Три горы, лежащего на правом берегу, река обращается к югу; по этому течению левый берег ее составляет нагорную сторону. Обогнув Девичье поле с лежащими подле него лугами, река течет к северо-востоку, образуя большой полуостров, заключающий в себе Хамовническую[269] часть и слободы Лужницкую и Шереметеву. При этом повороте

Москвы-реки правый ее берег представляет величественный амфитеатр Воробьевых гор, утонувших в рощах и садах. Течение реки идет в одинаковом направлении до Каменного моста. От моста, описывая правильное большое полукружие около Кремля и далее до устья реки Яузы, река снова поворачивает на юг, достигает с небольшими извилинами Симонова монастыря, от которого круто поворачивает к западу и близ Данилова монастыря вытекает из города. Оборот ее от Воробьевых гор через город образует другой большой полуостров, составляющий Замоскворечье, причем уже левый ее берег делается нагорным, так как от храма Христа Спасителя до устья Неглинной и от этого места до устья Яузы и Крутицы продолжаются возвышения. Москва-река впадает в Оку ниже города Коломны. Речка Неглинная протекает по Москве с севера к югу и впадает в Москву-реку близ кремлевских стен. Теперь она течет по трубам, прикрытая бульварами, улицами и площадями. Река Яуза имеет свое начало в Московском уезде и, втекая в Москву между Преображенской и Сокольнической застава-

ми, впадает в Москву-реку у Воспитательного дома. В самом городе Яуза принимает в себя речки Гнилую, Синичку и Золотой Рожок — с левой стороны, а Чечерку — с правой.

До построения Каменного моста на Москве-реке были так называемые «живые» мосты — деревянные, которые разбирались или разметывались перед весенним разливом вод, а иногда и в осеннее половодье. Таковы издавна были Москворецкий, Крымский, Дорогомиловский и Яузский. Местность представляла удобство и необходимость к построению неподвижного моста на Москве-реке для непрерывных сношений одной части города с другой. Прежде здесь был постоянный перевоз. Когда же с увеличением населения в Замоскворечье, где были стрелецкие слободы, открылась необходимость в соединении города с их главным пригородом, тогда стали помышлять о сооружении каменного моста. Для этой цели в 1643 году был вызван в Москву из Страсбурга палатный мастер Анце Кристлер со своим дядей Иваном Кристлером. Они привезли с собой для производства разные медные и железные снасти, печи и ин-

струменты. По приказанию царя Михаила Федоровича Кристлером представлен был сначала деревянный мостовой образец (модель) с чертежом, «по которому быти сделану каменному мосту через Москву-реку». Образец этот делали под его руководством дворцовые плотники. В перечне, т. е. смете, Кристлер показал, сколько надобно на это большое государево дело камня, кирпича, извести, железа и всяких каменных, железных и деревянных запасов. Между прочим, для начальных пяти больших сводов требовался крепкий белый камень, зола и хорошо обожженный кирпич. При рассмотрении модели и сметы в Посольском приказе думный дьяк Григорий Львов и Степан Кудрявцев спрашивали Кристлера: «Можно ли будет тому его мосту устоять от льду толщиной в два аршина?» Он отвечал, что «у него будут сделаны шесть быков каменных острых, а на тех быках учнет лед, проходя, рушиться, а тот рушенный лед учнет проходить под мост между сводов мостовых, а своды будут пространны, свободного места будет по 40 аршин, а меж свободных мест у столпов будут же сделаны острые отлоги; и от

льда мосту поруки никакой не будет, укрепить его мочно. Своды у того моста будут 40 аршин». На вопрос же: «Можно ли будет по тому мосту возить большой пушечный снаряд и от большой тяжести устоят ли своды?» — Кристлер отвечал: «Своды будут сделаны толсты и тверды, и от большой тягости никакой поруки не будет». Подобные вопросы обнаруживали сомнение в возможности построить каменный мост через Москву-реку, который выдержал бы напор льда и выносил бы большие тяжести, и становится понятным, что возведение моста считалось почти чудом. С преждевременной смертью царя Михаила Федоровича и Кристлера в 1645 году строение каменного моста остановилось, и неизвестно, продолжалось ли оно в царствование Алексея Михайловича и Федора Алексеевича; но окончилось оно тогда, когда любитель зодчества любимец царевны Софьи князь Василий Васильевич Голицын украшал Москву многими зданиями. Строение моста возобновилось в 1682 году и довершено в 1687 по мостовому образцу Кристлера, как свидетельствуют о том Желябужский и Голиков.

Зодчим был какой-то монах, имя которого, к сожалению, неизвестно. Вбив дубовые сваи в русло реки и настлав их брусьями, он возводил на них каменное сооружение. Оно по тому времени казалось столь важным, что даже вошло в народную поговорку: «Дороже Каменного моста».

В прежнее время Каменный мост представлял совсем другой вид и обстановка его была совсем другая. В 1707 году Петр, повелевая укрепить Москву, которой угрожал Карл XII, в указе своем заметил, что «от Водозводной башни до Каменного моста натура село укрепила». На левом берегу реки с двух сторон к нему примыкали вторая стена кремлевская и стена Белого города, сходящиеся у Всесвятской стрельницы с проезжими воротами. У отводных его быков пристроены были водяные мукомольные мельницы с плотинами и сливными воротами. На самом мосту стояли палата Предтеченского монастыря и четыре каменные палатки князя Меншикова, табачная таможня и пивной двор. На конце моста было кружало, слывшее под названием «Заверняйка». На южном конце моста было

шесть ворот и палаты, над которыми возвышались два шатровых верха, увенчанные двуглавыми орлами; в палатках помещалась Корчемная канцелярия и тюрьма для обличенных в корчемстве. Под ними находились галереи, называвшиеся «верхними гульбищами», куда сходились москвичи гулять и пить вино и пиво; из галерей деревянный сход вел на набережную к так называемому Царицынскому лугу и к Берсеневке. Под самым мостом был пивной ледник. На левом берегу близ моста находились Всесвятские торговые бани, пожалованные Петром I князю Меншикову и долго слывшие Меншиковыми; там же были построены житницы «для хлебной раздачи государева жалованья Преображенского полка гренадерской роты солдатам, которых не брали за болезнью и за нуждами». От смежных с мостом Всесвятской воротной башни и церкви Всех Святых он назывался Всесвятским, от соседнего с ним урочища Берсеневки — Берсеневским и по церкви Николая Чудотворца — Николаевским. В таком виде Каменный мост был до царствования Анны Ивановны. Указом от 26 мая 1731 года она повеле-

ла сломать мельницы при мосте и быки очистить, чтобы между ними был свободный проход воде.

Со времени своего существования Каменный мост неоднократно был исправляем, так что впоследствии первоначальный вид его сильно изменен. В 1771 году мост укреплен был на восьми каменных столбах; между ними были устроены клетки из деревянных брусьев; клетки были сделаны для укрепления поврежденных сводов: их было девять. В 1783 году от весеннего напора воды мост был значительно поврежден, и потому повелено было его исправить. Для производства дел по этому исправлению был учрежден особый департамент под ведомством графа Чернышева. Инженер Герард не находил другого средства к прочному исправлению моста, как освидетельствовать его фундамент и отвести воду Москвы-реки посредством канала, а правый берег от канала до моста укрепить обрубками. За смертью графа Чернышева план этот не был приведен в исполнение. Отчасти этим планом воспользовался новый главнокомандующий Москвы граф Брюс. С моста оконча-

тельно были сняты все лавочки, перила сделаны из камня, быки укреплены и прорыт (в 1785 г.) водоотводный канал. Канал проходит почти в одинаковом направлении с Москвой-рекой. Он начинается выше Каменного моста у изгиба реки и соединяется с ней несколько ниже Краснохолмского моста, проходя мимо Болотной площади и позади Садовников. На нем несколько мостов: Малый Каменный, именованный прежде Космо-Дамианским, Пятницкий и др. Пятницкий, называвшийся прежде Высокопятницким, в 40-х годах XIX века был сделан по американской системе, висячим, но в последнее время на его месте устроен новый. Переделан также мост Малый Каменный. Берега канала против Болотной площади были укреплены деревянными срубами, а потом сделана прекрасная набережная, приспособленная для гулянья.

В 1788 году Каменный мост снова был поврежден наводнением; приступлено было к новой переделке, которая окончилась в 1792 году, и тогда же мост поступил в ведение Казенной палаты. В 1804 году мост потребовал новых починок. На этот предмет тогда ассиг-

новано было 111 164 рубля. Работы начались в 1809 году и окончились перед 1812 годом. Но при всех этих перестройках основа моста осталась все-таки первоначальная: длиной 70 и шириной 11 сажений. Мост был построен в виде дуги на 6 арках, или больших столбах, и 2 меньших, которые потом были заложены. К ним примыкали с восточной стороны полукруглые, а с западной — угловатые упоры, или отводные быки из дикого камня. Глубокий и твердый фундамент, прочная, добросовестная кладка и толстые железные связи обеспечивали его существование.

В прежнем московском быту Каменный мост служил не только путем для проезжающих и проходящих, но и насущным пристанищем для нищих, калек, певцов Лазаря, торговцев, сводчиков и вообще гуляющих людей, каких бывало множество в древней столице. Здесь мытники собирали с возов мостовщину, которая взималась и на других мостах. Еще в царствование Елизаветы Петровны через него водили из Сыскного приказа «языков», которые оговаривали встречных и поперечных; там же колодники, в деревянных ко-

лодках, железных кандалах и с рогаткой на шее, выпрашивали себе милостыню у прохожих жалобным напевом. Под девятой клеткой моста на левой стороне бывало сборище воров и разбойников, которые здесь грабили и убивали; как видно из дел Сыскного приказа, ограбленных они бросали в реку; это значило на их языке: «концы в воду». Таких подмостных промышленников называли в Москве «из-под девятой клетки». Между прочим, в царствование Екатерины II на мосту торговал замками и ключами один краснобай-слепец, он в то же время был и слесарем. Слепец этот заметил как-то, что у него таскает кто-то медные деньги, и он вздумал в дверях лавки приладить мертвую петлю. Ночью попался в нее вор; пытаясь освободиться из петли, он затянул петлю и удавился. Слепой хотел было бросить труп в реку, потащил его, но встретившийся дозор обнаружил преступление, которое и было потом наказано на самом мосту. Событие это дало повод московской притче: «Слепой зрячего удавил».

В таком виде Каменный мост существовал до начала царствования императора Алек-

сандра II. Починки его производились так, что способствовали его совершенному уничтожению. Между тем выпадавшие кирпичи из сводов в арках дали повод предполагать, что подъем моста сделан очень крутым по отношению к прилежавшим уличным мостовым. Наконец решено было мост сломать и вместо него выстроить новый мост, но гораздо легче прежнего. Сколько стоило усилий и расходов, чтобы сломать этот двухвековой памятник! Сама трудность слома доказывала прочность его кладки и доброту материала, из коего одной только незначительной части достаточно было на постройку огромного дома. Московские жители с любопытством и сожалением собирались смотреть на разрушение этого моста, который долго почитаем был одной из диковинок не только Москвы, но вообще и всей России. Новый мост сооружен на трех чугунных арках и на двух каменных быках, с чугунными перилами. Строителем его был инженер полковник Танненберг. Новый мост уже не представляет диковинки. Он освящен и открыт для езды в 1859 году.

Другие мосты на Москве-реке: Дорого-

миловский (он же Бородинский), Крымский, Москворецкий, Устенский и Краснохолмский. Из них Дорогомиловский, Крымский и Краснохолмский — чугунные, весьма красивые, а Москворецкий и Устенский — каменные. Через Яузу перекинута несколько мостов: Яузский (один из древнейших), Покровский, Дворцовый, Лефортовский, Салтыковский и др.

Выше было упомянуто о Болотной площади. Скажем о ней несколько слов:

Площадь эта — одна из обширнейших в Москве. На этом месте в древности было непроходимое болото, как это видно из самого названия. В правление царевны Софьи Алексеевны болото было осушено и на нем разведен сад с фруктовыми деревьями, и местность получила название Царицына луга. С годами сад был запущен, заброшен и, наконец, при Екатерине II совсем уничтожен. На месте сада были построены амбары, лавки, и площадь предназначена была преимущественно для хлебной торговли, которая и сосредоточивалась здесь в огромных размерах. С проведением железных дорог торговое

значение площади пало, но все-таки на ней продолжался торг преимущественно сельскими продуктами.

Одно время на Болотной площади производились публичные казни и наказания преступников. Между прочим, здесь 16 января 1775 года был казнен известный самозванец Емельян Пугачев. Это была последняя казнь на Болотной площади. Кроме казней на Болотной площади сжигали нередко и предосудительные предметы. Так, здесь в царствование Екатерины II в 1793 году руками палачей сожжено более 18 656 книг, изданных известным Новиковым.

Несколько слов о набережных:

Хотя их в Москве несколько, но они почти ничем не отличаются от прочих улиц, хотя некоторые и прекрасны, как, например, набережные у Москворецкого моста и у храма Христа Спасителя. Некоторые довольно глухи и пустынны. В последнее время стараются привести их в более приличный вид, чему, разумеется, нельзя не порадоваться. Мы уже говорили, что набережные начали устраивать при императрице Екатерине II. Вот на-

звания лучших из них: Берсеневская, Дербеновская, Заяицкая, Косьмо-Дамианская, Краснохолмская, Москворецкая, Софийская. Всех набережных — 15. Заяицкая и Софийская носят названия по церквям, Краснохолмская — по мосту, Берсеневская — по урочищу.

Монастыри в Земляном городе

Алексеевский, женский. Основан митрополитом Алексеем по желанию его сестер Евпраксии и Юлии около 1360 года. Находился сперва за Пречистенскими воротами, на Остоженке, там, где теперь Зачатьевский монастырь. В 1514 году обитель истреблена была пожаром, после чего перенесена на новое место, ближе к Кремлю, на урочище, называемое исстари Чертолье, возле Каменного моста на гористой стороне Москвы-реки. На этом месте Алексеевский монастырь существовал более трех столетий. В 1836 году местность, занимаемая монастырем, предназначена была для построения храма Христа Спасителя, и потому в 1837 году монастырь переведен в Красное село, где церковь Воздвижения Креста с приделами Тихвинской Божьей Матери

и Симеона, епископа персидского, построенная в 1692 году. Другая церковь — Алексия Божья человека с приделами Иконы Грузинской Божьей Матери и Павла Латрского. 16 октября 1837 года в назначенной к сломке соборной церкви Алексеевского монастыря было отправлено последнее всенощное бдение с колокольным звоном, а 17 октября, в воскресенье, в 8 часов утра все иконы и священные принадлежности храма и ризницы собравшиеся священнослужителями подняты с молебным пением и перенесены через всю Москву с хоругвями и крестами в сопровождении сестер монастыря и многочисленного народа на новое место, где ожидал уже митрополит московский Филарет, совершивший потом в новой монастырской церкви литургию. По державной воле императора Николая Павловича новая обитель была окружена каменной оградой на пространстве 205 саженей, со святыми воротами и двумя башнями, а внутри для помещения монашествующих построены 8 двухэтажных корпусов. С течением времени монастырь много украсился, и при нем находится кладбище, где погребено нема-

ло знаменитых людей. В последнее время на церковной земле построена новая церковь прекрасной архитектуры во имя Всех Святых, которая освящена в 1891 году. В монастыре чудотворная икона Богоматери Целительницы[270], прославившаяся чудесами в конце XVIII столетия, и другая — Грузинской Божьей Матери.

Данилов, мужской. Основание этого древнейшего монастыря Москвы относится к 1272 году, незадолго до смерти великого князя Даниила Александровича. Умирая, он завещал похоронить себя в основанном монастыре и был похоронен, как свидетельствует летопись (Троицкая), «не в церкви, а в ограде». По смерти великого князя, в 1330 году, великий князь Иван Данилович Калита перенес основанный монастырь в Кремль, к собору Спаса на Бору, а «сия древняя обитель совершенно опустела» и в таком виде пребывала до времени великого князя Ивана Васильевича. Существует предание, записанное в летописи, что «великий князь Даниил явился у своего гроба, на берегу Москвы-реки, и сказал некоему юноше: «Скажи великому князю Ивану,

что он сам всячески себя утешает, меня же забвению предал еси». Иван Васильевич с того времени установил петь соборные панихиды о душах родственников своих. В том же предании упоминается, что в княжение Василия Ивановича боярин Иван Михайлович Шуйский ехал верхом за государем и хотел с надгробного камня Даниилова сесть на лошадь, но потом едва не умер и вылечился молебнами, отпетыми на месте. При царе Иване Васильевиче умирающий сын одного купца исцелился у гроба Даниила, и царь, удивленный такими чудесами, возобновил древний Данилов монастырь, построил церковь, возвел стену и проч. С этого времени монастырь, подчиненный прежде Спасо-Преображенскому, занимает самостоятельное положение, имея своих собственных настоятелей. 30 августа 1652 года обретены были мощи св. князя Даниила, и с того времени почивают в соборной церкви монастыря, устроенной в честь Семи Вселенских соборов, с приделами Св. князя Даниила, где почивают его мощи, и Св. Бориса и Глеба. Кроме этой соборной церкви в монастыре находятся еще следующие: церковь

Живоначалъной Троицы и Покрова Пресвятой Богородицы. Последняя, построенная царем Алексеем Михайловичем, особенно красива своей архитектурой чисто русскаго стиля в самом лучшем его периоде. Монастырская стена, построенная при царе Иване Васильевиче и напоминающая своей архитектурой стену Московскаго Кремля, придавала монастырю значенiе крепости, у стен которой в былое время не раз происходили битвы. Так, например, 2 декабря 1606 года князь Скопин-Шуйскiй свел полки в монастырь и отсюда окружил и победил бушевавших мятежников. Монастырь этот постоянно пользовался большим уваженiем у русских царей, и потому они очень часто приносили в него драгоценныя вклады. В 1771 году, во время моровой язвы, у стен Данилова монастыря было устроено моровое кладбище, остатки котораго сохранились по настоящее время. По окончанiи язвы кладбище было засыпано, но по старой памяти похороны в монастыре продолжались и впоследствии положили основанiе существующему монастырскому кладбищу. Оно невелико и предназначено для похоро-

рон богатых и знатных людей. Здесь погребен известный славянист Юрий Венелин, Юрий Самарин, Николай Рубинштейн, князь Черкасский и, наконец, Н. В. Гоголь. На могиле его два памятника. Один из них представляет высокую плиту черного мрамора, сделанную в форме гробницы. На этой плите следующие надписи. Сверху: «Здесь погребено тело Н. В. Гоголя, род. 19 марта 1809 года, сконч. 21 февраля 1852 года». Спереди: «Горьким словом моим посмеюся. Иеремия, гл. 20, ст. 8». Слева: «Муж разумный престол чувства. Притчей, гл. 12, ст. 23». «Правда возвышает язык. Притчей, гл. 14, ст. 34». Справа: «Истинным же уста исполним смеха, устне же их исповедания. Иова, гл. 8, ст. 21». С западной стороны этого памятника — другой: брошена гранитная глыба и на ней водружен высокий крест из толстых спаянных медных пластинок. На глыбе надпись: «Ей, гряди, Господи Иисусе. Апок., гл. 22, ст. 20».

В 1812 году Данилов монастырь был разграблен французами. После окончания войны испорченная неприятелем церковная древняя живопись реставрировалась, а иконостас

подновлен и украшен прежними сохранившимися иконами.

Донской, мужской. Находится у Калужской заставы под управлением архимандрита. Основан в 1592 году царем Федором Ивановичем в благодарность Богу за победу над крымским ханом Казы-Гиреем, одержанную на этом месте в 1591 году чудесной помощью Пресвятой Богородицы, которой икона получена великим князем Дмитрием Ивановичем от донских казаков. В воспоминание этого установлен царем Федором Ивановичем, вместе с учреждением монастыря, крестный ход, который при самозванцах и в междоусобице был прекращен, а царем Алексеем Михайловичем по отогнании от Курска крымских татар возобновлен и ежегодно совершается из Успенского собора 19 августа. В монастыре пять церквей.

1) Соборная с престолами: вверху — Донской Богородицы, внизу — Сретенья Господня. По огромности и великолепию храм этот заслуживает особенного внимания: он воздвигнут иждивением царевны Екатерины Алексеевны, сестры Петра Великого, в 1684 го-

ду. Построением окончен в 1698 году, в том же году 21 августа освящен, а в 1785 году украшен превосходной живописью по стенам, которая произведена известным итальянским художником Христофором Клауди. В иконостасе находится список с чудотворной иконы Донской Божьей Матери в богатой ризе с драгоценными камнями. Нижняя, Сретенская, церковь устроена иждивением грузинских царей.

2) Трапезная, Донской Богородицы, с двумя приделами: Сергия Радонежского и Федора Стратилата. Церковь эта построена при основании монастыря на том месте, где стояла походная церковь царя Федора Ивановича во время нападения крымцев, а приделы сделаны в 1659 году.

3) Тихвинской Богородицы над воротами. Сооружена в 1714 году царицей Прасковьей Федоровной и дочерью ее царевной Екатериной Ивановной, а перестроена в 1792 году.

4) Евфимия Великого, больничная. Построена также в 1714 году стольником Иваном Ивановичем Дурново. 5) Захария и Елизаветы под колокольней.

Здания монастыря огромны и красивы. Стены его с высокими башнями начаты постройкой по усердию царевны Екатерины Алексеевны, а окончены в 1692 году на средства жены думного дьяка Якова Аверкиева — Ирины Семеновой. Обо всем этом свидетельствуют три надписи, находящиеся в соборной церкви. Внутреннее устройство обители превосходно, ризница богата. В монастыре погребено много знаменитых людей и между ними преосвященный Амвросий, убитый в 1771 году мятежниками. Из писателей здесь погребены: Сумароков, Херасков, Дмитриев и др. Сады внутри разведены при императрице Анне Ивановне. При ней же построена и колокольня с воротами.

Зачатьевский, женский. Находится близ Пречистенских ворот, между Москвой-рекой и улицей Остоженкой. Здесь был сначала Алексеевский монастырь, о котором говорено выше. С переводением монастыря на новое место здесь осталась малая обитель, известная еще и в XVI веке под названием Зачатьевской, по главному храму. Прочное же основание нынешнему Зачатьевскому мона-

стырю положено уже в 1623 году царем Михаилом Федоровичем. Зачатьевский монастырь замечателен тем, что от него князь Пожарский вел атаку на поляков и взял приступом их укрепление близ Арбатских ворот.

Теперь в монастыре три каменные церкви. Храм Зачатия св. Анны воздвигнут, по-видимому, вместо древнего царем Михаилом Федоровичем, а затем перестроен. Церковь Неопалимой Купины построена в 1766 году. Третья — Нерукотворного Спаса на вратах. При церквях приделы: Рождества Пресвятой Богородицы, Св. Алексия, митрополита московского, Сошествия Св. Духа и мученика Федора Стратилата. В церкви Неопалимой Купины находятся гробницы Евпраксии и Иулии, сестер св. Алексия, местночтимых, из коих об Иулии известно, что она скончалась в 1393 году, будучи начальницей обители.

В ризнице монастыря хранится на престольный крест с жемчугом, сделанный в 1653 году по обещанию царя Алексея Михайловича и царицы Марии Ильиничны.

В монастыре чудотворная икона Руно Орошенное и местночтимая икона Божьей Мате-

ри Милостивой, празднование коей совершается 12 ноября.

Новодевичий, женский. Монастырь находится между Москвой-рекой и Девичьим полем, напротив Воробьевых гор. Основан в 1524 году великим князем Василием Ивановичем в память знаменитого в нашей истории события — взятия Смоленска и присоединения его к России.

Великая княгиня Софья, супруга Василия Дмитриевича, была в 1398 году в Смоленске и при возвращении в Москву во время свидания с отцом своим великим князем Витовтом благословлена от него иконой Смоленской Пресвятой Богородицы — Одигитрии (Путеводительницы). Древний и чудотворный этот образ находился с тех пор в иконостасе московского Благовещенского собора подле Царских врат, а через 58 лет после того по просьбе смоленского епископа Михаила, бывшего в свите посольства от польского короля Казимира к великому князю Василию III, возвращен в Смоленск, а список с него оставлен в Благовещенском соборе. 28 июля 1456 года настоящую икону с торжественным крестным

ходом сам великий князь с детьми, митрополит св. Иона с духовенством и народ проводили до бывшего тогда в предместье Москвы Саввина монастыря[271]. В воспоминание этого события и установлен крестный ход 28 июля.

Когда в 1514 году древний русский город Смоленск, бывший более ста лет под властью Литвы, возвращен великим князем Василием Ивановичем, он в знак благодарности ко Всевышнему за такой успех своего оружия предпринял намерение соорудить церковь в честь иконы Смоленской Божьей Матери и монастырь на том месте, до которого та икона дедом его была сопровождена. Обитель основана в 1524 году, и на построение ее выдано из собственной великокняжеской казны 3 тысячи рублей, а по окончании построения 28 июля 1525 года с обычным крестным ходом перенесен в монастырь из Благовещенского собора список с чудотворного образа.

Первая настоятельница этого монастыря схимонахиня Елена имела прозвание Девочкина. О том значится в надписи на внешней церкви монастыря. По этому случаю, полага-

ют, и монастырь наименован Девичьим. Есть еще предание[272], скорее всего недостоверное, будто во время татарщины баскаки, или монгольские сборщики податей, и вместе соглядатаи за нашими великими князьями, собирая вместе с денежной данью особенную дань с России девицами для отсылки их к своим ханам, выводили на Девичье поле множество прекрасных девиц и из их числа делали выбор прекраснейших, чтобы послать в Золотую Орду. И с того времени это поле будто и называлось Девичьим, а по нему наименовался и монастырь. Вероятнее всего, что этот монастырь, будучи назначен для обитания девиц и будучи новым, и назван Новодевичьим.

Много лет спустя после основания монастыря, во время польско-литовского нашествия, Новодевичий монастырь, обнесенный оградой, валом и рвами, служил крепостью и станом то для врагов, то для защитников отечества. Когда ополчение заняло Белый город, Новодевичий монастырь был отбит у поляков, но затем поляки снова его заняли и оставались там, пока Пожарский не очистил

Москву от неприятеля.

Со вступлением на престол Михаила Федоровича монастырь был восстановлен и укреплен, и старицы, выведенные во владимирские монастыри, возвращены на свои прежние места. Цари Михаил, Алексей и Федор обогатили Новодевичий монастырь вотчинами и богатыми вкладами. Накануне праздника Смоленской Божьей Матери они останавливались перед монастырем шатрами, слушали в нем вечерню, всенощную и обедню, потом обедали в своем шатре, а монахинь угощали обильным столом в самой обители.

Между монастырскими зданиями главное место занимает собор в честь иконы Смоленской Божьей Матери, сходный по своей архитектуре с Успенским и Архангельским соборами. Строителем его предполагают Алевиза Фрязина, но собор был возобновлен в царствование Бориса Годунова. В этом соборе три придела, которые все относятся к концу XVII и началу XVIII столетия. В нем погребены царица Евдокия Федоровна, царевна Софья, Евдокия и Екатерина, дочери царя Алексея Михайловича, а под главным алтарем — одина-

дцатимесячная царица Анна, дочь Ивана Грозного. Кроме того, в монастыре находятся следующие церкви: трапезная, напоминающая своей постройкой такие же церкви в Богоявленском монастыре и в Троицкой лавре. Главный престол в честь Успения Божьей Матери освящен в 1687 году. Больничная во имя св. Амвросия Медиоланского. Трехъярусная церковь Преображения над передними воротами, красивой постройки, освящена в 1688 году. Церковь Покрова Божьей Матери над задними воротами, построенная в XVII веке. Ко всем этим церквям принадлежит пятиъярусная колокольня, чрезвычайно красивая, построенная в XVII столетии. В нижнем ярусе ее находится придел во имя преподобных Варлаама и Иоасафа, царевичей индийских. Между колоколами самый старый 1551 года, вылитый при Иване Грозном и митрополите Макарии. Кроме чудотворной иконы Смоленской Божьей Матери в монастыре находятся местночтимые иконы Божьей Матери Новгородской и Мученицы Параскевы. Затем — целая кисть руки мощей мученицы Феодосии, камень, которым был убит первомученик

Стефан, и древняя особо чтимая Христова Плащаница.

9 октября, в день апостола Иакова Алфеева, во имя коего в одной из монастырских церквей имеется придел, в память освобождения обители от неприятеля в 1812 году совершается ежегодно вокруг стен крестный ход. Надо заметить, что в 1812 году монастырь потерпел в сравнении с другими обителями весьма немного и по приказанию Мюрата служба Божья в соборе не прекращалась; но перед выходом неприятеля из Москвы монастырю грозило ужаснейшее бедствие: французы приставили горящие фитили к выходам под собором, под колокольной и в других местах, где положено было значительное количество пороха, — и только неустрашимость казначейши Сары и других монахинь спасла обитель от взрыва и совершенного разрушения.

Монастырь этот богат и другими историческими событиями. В 1536 году здесь приняла иночество вдова брата царя Ивана IV Иулиания. Здесь постриглась в иночество царица Ирина Федоровна. Здесь пребывал Борис Го-

дунов в ожидании русского престола, который он потом и получил. Здесь жила 4 года супруга Петра Евдокия Федоровна. Здесь, наконец, была пострижена честолюбивая сестра Петра Софья под именем Сусанны и тут же кончила жизнь свою в 1704 году[273].

В Новодевичьем монастыре было при Петре Великом учреждено заведение для приема и содержания подкидышей и беспризорных детей, коих в 1725 году находилось тут более 250. Впоследствии заведение это, можно сказать зародыш Воспитательного дома, было уничтожено. В стенах монастыря находится старинное кладбище, где упокоилось немало доблестных людей Русского государства.

Новоспасский, мужской. Монастырь расположен на высоком берегу Москвы-реки, за Таганской площадью. Первоначальное основание обители положено в XIII веке на том месте, где ныне Данилов монастырь, первым московским князем Даниилом Александровичем, когда Москва едва возникла из ничтожества и Русь находилась под владычеством татар. Когда же Москва сделалась великокняжеской столицей, тогда Спасский монастырь пе-

реведен был Иваном Калитой к собору Спаса на Бору в детинец (нынешний Кремль), откуда через 160 лет, в 1490 году, по освобождении России от татарского ига перенесен великим князем Иваном III с именем Спаса Нового на берег Москвы-реки.

При своем основании монастырь отличался простотой и незначительностью своих построек; но с годами здания его приняли огромные размеры. В настоящее время монастырь представляет нечто прекрасное и величественное. Особенно обращает на себя внимание колокольня. Она четырехэтажная, в 33 сажени и 2 аршина вышины, изящной архитектуры; она начата постройкой на монастырский счет в 1759 году и окончена в 1785 году с помощью выданной по указу императрицы Екатерины II суммы в 20 тысяч рублей. Все строение колокольни обошлось по тогдашним ценам в 80 тысяч рублей. Существовавшая же прежде шатровая колокольня, имевшая в верхнем ярусе часы с боем, была построена патриархом Филаретом в 1620 году и по ветхости сломана в 1787 году. На этой колокольне был храм во имя Саввы Освященно-

го, сооруженный в 1622 году Филаретом же в память освобождения из польского плена, случившегося в день этого святого. Престол этот находится теперь при церкви Покрова Богородицы. Ограда монастыря первоначально устроена была бревенчатая с бойницами (в 1571 г.) и часто приводима была в оборонительное положение: так было это при нападении Девлет-Гирея, Казы-Гирея и затем во времена польско-литовского нашествия. Каменные стены, окружающие монастырь на пространстве 367 сажень и имеющие высоту 3,5 сажени, построены в 1640–1642 годах иждивением царя Михаила Федоровича и его матери инокини Марфы Ивановны и снабжены башнями и стрельницами.

Два больших московских пожара, в 1737 и 1747 годах, много повредили зданию обители, но она вскоре щедротами царей и добродетельных дателей приводима была опять в прежнее состояние. В 1812 году обитель сгорела и была разграблена, причем упали и разбились два колокола в 1000 и 425 пудов.

Патриарх Филарет любил эту обитель, и потому она сделалась родовым кладбищем

фамилии Романовых. В царских грамотах XVI века она называется пресловутой и великой обителью, первостатейным, дворцовым, царским и комнатным монастырем. Это последнее наименование придано монастырю даже и в указах императрицы Елизаветы Петровны. При вступлении на престол царя Михаила Федоровича монастырь этот исключительно находился в ведении Приказа Большого дворца. Здесь прежде существовали и царские чертоги, уничтоженные в начале XVIII века. В них, по преданию, иногда пребывала великая инокиня Марфа Ивановна. В бедственную годину самозванцев монастырь был опустошен. Царь Михаил Федорович, возобновив его и снабдив богатыми вкладами, вотчинами и другими угождями, положил первое основание последующему благосостоянию монастыря.

В монастыре 5 церквей: собор Преображения Господня, собор Покрова Богородицы, Знамения Богородицы, Николая Чудотворца и Преподобного Сергия Радонежского. Собор Преображения Господня — пятиглавый, величественный храм византийско-русского зод-

чества. Первоначально он построен при Иване III в 1491 году и освящен 18 сентября 1497 года; потом, за теснотой и ветхостью, церковь разобрана, и на том же месте сооружена в 1645 году новой иждивением царя Михаила Федоровича и матери его Марфы Ивановны; что же касается внутреннего украшения, образов и утвари, то все это пожаловано царем Алексеем Михайловичем. При нем же собор, освященный 19 сентября 1647 года тогдашним архимандритом монастыря Никоном. Через 40 лет после того собор снова украшен стенной росписью и освящен 5 августа 1689 года при царях Петре и Иване. На стенах собора изображены все русские государи от св. Ольги до Алексея Михайловича, все цари израильские и греческие мудрецы (подобно тому, как в Благовещенском соборе). В 1837 году живопись эта была возобновлена. Здесь в серебряном ковчеге хранится часть Ризы Господней и много частиц мощей разных угодников. Церковь Покрова Богородицы — теплая, с трапезной, построена по повелению царя Алексея Михайловича в 1673 году и освящена в 1675 году. В новейшее время церковь

эта великолепно отделана и вновь освящена в 1822 году. Здесь три придела: Св. Дмитрия Ростовского, устроенный в 1757 году, Велико-мученицы Варвары — в 1758 году и Саввы Освященного, сооруженный в 1843 году. Церковь Знамения Богородицы перестроена вновь в 1793 году архитектором Назаровым и освящена в 1795 году. Она — двухъярусная, престол ее помещен на хорах, а внизу усыпальница, или склеп, для фамилии Шереметевых. Здесь, в особой палатке под алтарем, находятся могилы четырех братьев патриарха Филарета, бояр Романовых: Василия, Александра, Михаила и Ивана Никитичей, несчастных жертв политики Годунова, тела которых возвращены в Москву самозванцем. Церковь Николая Чудотворца с больничными кельями построена в 1652 году князем Яковом Черкасским. С тех пор эта церковь была возобновляема трижды: в 1734, 1813, причем главный престол переименован в честь Саввы Освященного, а Николаевский оставлен придельным, и в 1849 годах. При последнем возобновлении сооружен еще придел Нерукотворного Спаса, освященный 6 октября 1840

года. Местный образ Спаса принадлежал прежде императрице Елизавете Петровне и от нее дан в благословение графине Гендриковой, которая отказала его сюда. Церковь Преподобного Сергия Радонежского находится в среднем ярусе колокольни; она устроена на частные средства в 1787 году и вновь отделана и украшена в 1822 году.

Ризница монастыря наполнена сокровищами, между которыми хранятся три напрестольных креста, украшенные драгоценными камнями и жемчугом: один золотой с мощами разных святых — дар царя Федора Алексеевича, другой — тоже золотой, в котором находится капля крови Спасителя, и третий — резной из пальмы, весьма искусной греческой работы. Шесть напрестольных, весьма богатых Евангелий, митры, облачения, плащаницы, одна из них — дар царя Михаила Федоровича.

В Преображенском соборе обращает на себя внимание путевая икона Марфы Ивановны, именуемая «Умиление», которая, по мнению знатоков, принадлежит к произведениям Андрея Рублева.

Под этим собором погребены мать царя Михаила Федоровича инокиня Марфа, царица Ирина Михайловна, княгиня Татьяна Федоровна Катырева, родная сестра царя Михаила, и четыре его брата, умершие в младенчестве; затем — боярин Роман Юрьевич Захарьин, отец царицы Анастасии, Никита Романович Юрьев-Захарьин, отец патриарха Филарета, и др. Под Знаменской церковью погребены многие знаменитые особы. Между архимандритами Новоспасского монастыря замечательны Иов, бывший потом первым патриархом, патриархи Никон и Питирим и митрополит московский Филарет (Дроздов).

Покровский, мужской. Монастырь построен в 1655 году по указу царя Алексея Михайловича на комнатную царскую сумму. Место, на котором построена обитель (близ нынешней Покровской заставы), занято было прежде общим кладбищем для бедных, странников и умерших насильственной смертью. Здесь был и Убогий дом, почему и монастырь назывался сперва Убожедомским. В конце XVIII столетия обитель возобновлена на частные средства и потом приведена в еще более

благотворный вид в 1830 году архимандритом Ионой.

В монастыре три церкви: Воскресения Христова, Покрова Пресвятой Богородицы и Ионы, митрополита московского. Собор Воскресения Христова построен вместо прежнего в 1792 году. В нем приделы — Всех Святых и Тихвинской Богородицы. Церковь Покрова Богородицы — теплая, двухэтажная, с двумя приделами: Апостолов Петра и Павла и Николая Чудотворца. Внизу церковь во имя св. митрополита Ионы с двумя приделами: Св. Иллариона Великого и Преподобного Нила. Оба эти храма построены на месте обветшавшей церкви в 1806 году. Первый освящен в 1814 году, второй — в 1825 году. Приделы устроены в 1843 году.

В Покровском монастыре помещалась прежде духовная семинария, переведенная сюда в 1751 году из Крутицкого архиерейского дома. Потом она переведена в дом Остермана.

Спасо-Андроньев, или Андронников, мужской. Место, на котором основан Андроньев монастырь, замечательно по историче-

ским воспоминаниям. Здесь лежал путь из Москвы в Орду к великим ханам; по этому пути езжали к нам послы ханские; здесь встретил Батыея Всеволод, сын великого князя Георгия; этим же путем выступил против Тамерлана великий князь Василий Дмитриевич; по этому же пути возвращался из Орды великий князь Василий Васильевич Темный[274]. Путь этот лежал в богатые низовые губернии, на Урал и в далекую Сибирь. Простой народ называл эту дорогу Владимирской. Теперь это Нижегородское шоссе.

Монастырь основан около 1360 года иждивением св. митрополита Алексия. Св. Алексий на обратном пути из Константинополя в Москву застигнут был на море жестокой бурей и обещался в честь святого того дня, когда пристанет к берегу, воздвигнуть храм, что и случилось 16 августа, в празднество Нерукотворного образа Спасителя. А потому по прибытии в Москву испросил он у св. Сергия Радонежского ученика его Андроника, которому и поручил немедленно создать Спасскую обитель, назначив его в ней игуменом.

В монастыре семь церквей и четыре при-

дела. Церкви: Нерукотворного образа, Рождества Пресвятой Богородицы, Архангела Михаила, Алексия Митрополита, Симеона, сродника Господня, Знамени Божьей Матери и Мученика Евграфа. Приделы: Священномученика Александра Команского, Успения Божьей Матери, Усекновения главы Иоанна Предтечи и Преподобного Андроника.

Храм (соборный) Нерукотворного образа Спаса весь построен из белого камня и окружен с трех сторон крытой папертью. Не раз возобновлялось его внутреннее украшение, кажется, во вред старинной иконописи. В иконостасе этого храма находится чудотворный Нерукотворный образ, привезенный св. Алексием из Цареграда, он украшен богатой ризой. В этом же храме почивают под спудом мощи преподобных Андроника и преемника его Саввы.

Церковь Архангела Михаила — теплая, построена царицей Евдокией Федоровной, урожденной Лопухиной, почему тут и погребены многие из фамилии Лопухиных.

Церковь Рождества Богородицы находится над св. вратами. Церковь Симеона, сродника

Господня, находится в колокольне и освящена 25 октября 1803 года. Каменная монастырская трапезная сооружена в 1506 году архимандритом Митрофаном. Все прочие здания Андроньева монастыря и ограда с башнями — каменные. Колокольня построена в XVIII столетии на частные средства и имеет высоту с крестом около 34 саженьей; эта колокольня одна из красивейших в Москве. В 1812 году обитель много пострадала от неприятеля, но вскоре опять была приведена в цветущее состояние.

Между погребенными в монастыре замечательны два иконописца XV века священники Андрей Рублев и Симеон Черный, о которых упоминается в Четьях-Минеях, в житиях св. Сергия и Никона Радонежских. Андрей Рублев настолько был искусен в иконописании, что в течение 150 лет его иконы служили образцами для других художников. Он и Черный расписали соборную церковь Андроньева монастыря и в нем кончили жизнь свою иноками около 1430 года[275].

Надо заметить, что у Андроньева монастыря был встречен митрополитом Киприаном

великий князь Дмитрий Иванович, когда с торжеством возвращался в 1380 году, одержав победу на Куликовом поле.

Монастырь расположен у реки Яузы на высокой горе и представляет грандиозную и величественную картину по расположению своих зданий.

Симонов, мужской. В XII столетии Симоновым называлось одно из сел боярина Кучко. Местность была мокрая, болотистая, почему и слыла среди поселенцев как «постылая». Тем не менее, она отличалась живописностью.

На этой-то местности в 1370 году первоначально и был основан монастырь. Основание его принадлежит преподобному Сергию Радонежскому по благословению св. митрополита Алексия. Около 1379 года св. Федор, племянник преподобного Сергия и духовник великого князя Дмитрия, перенес монастырь на новое место, которое подарено было монастырю владельцем Симоновского урочища Симоном из рода Головиных, причем владелец сделал на этот счет и значительное пожертвование. Новое место находилось от старого в четверть версты к северо-востоку. Первоначальный

монастырь был основан в честь Рождества Богородицы и назван был Рождественским. При переносе монастыря на новое место старый монастырь не был уничтожен и существовал до времен Ивана Грозного. Для своего нового монастыря, будучи в Константинополе (1383 г.), св. Федор исходатайствовал у патриарха Нила ставропигию и возвратился в сан архимандрита; а когда тот же патриарх Нил по любви своей к добродетельному и умному Федору хиротонисал его в 1390 году в сан архиепископа ростовского, то в Симонове монастыре заступил его место св. Кирилл Белоозерский. Все это случилось еще при жизни св. Сергия Радонежского.

На новом месте храм был заложен только в 1379 году в честь Успения Богородицы. Он окончен постройкой через 25 лет и тогда же освящен. Храм построен каменный. Этот монастырь находится на левом, очень крутом, берегу Москвы-реки, отделяясь лугом от воды на половину версты; расстоянием же от Кремля он на 6 верст. По значению соборного храма в честь Успения Богородицы монастырь именовался всегда в грамотах монастырем

Пречистой Богородицы, что на Симонове. Впрочем, со времени освящения церкви над воротами во имя Всемиловитового Спаса монастырь стал было именоваться Спасским на Симонове, или Спасо-Симоновым, а с первой половины XVII века зовется просто Симоновым. Прежний же монастырь в честь Рождества Богородицы, будучи усыпальницей иноков, назывался Рождественским на Медвежьем озере, или на Лисьином пруде[276]. Впоследствии его просто называли Старосимоновским монастырем. В первой половине XVIII столетия ни келий, ни ограды этого монастыря не существовало, а церковь сделали приходской.

Симонов монастырь, пользуясь почти с самого своего основания преимущественно ставропигии и обогащаемый вкладами недвижимых имений и драгоценными дарами великих и удельных князей, царей, бояр и граждан, считался издревле одним из богатейших монастырей в России. Царь Иван Васильевич и преемники его, особенно же царь Федор Алексеевич, любили и уважали его. До учреждения духовных штатов монастырю при-

надлежало множество сел и деревень, в которых считалось более 12 тысяч душ крестьян. Также приписано было к нему несколько монастырей и пустынь. 385 лет продолжалось цветущее положение монастыря. Хотя он в это время и подвергался неоднократно, наравне с Москвой, нашествиям неприятеля, однако каждый раз был возобновляем и возрождался в первобытном виде. В 1764 году, с отсуждением крестьян его в казенное ведомство, он пришел в упадок, а после моровой язвы 1771 года началось его запустение: братия выведена в Новоспасский монастырь, а в нем учрежден карантин. Наконец, в 1788 году по высочайшему указу он был вовсе упразднен и отдан в ведомство главного кривкомиссариата, с тем, чтобы в зданиях его поместить госпиталь. Но в 1795 году по ходатайству графа Мусина-Пушкина монастырь возобновлен на прежних правах. В монастыре шесть церквей.

1) Собор Успения Богородицы. Этот массивный храм в византийском стиле существует более 480 лет. Он, как уже известно, заложен св. Федором и освящен 1 октября 1405 года. При нем придел Казанской Богородицы,

устроенный в 1834 году. В главном иконостасе Успенского храма находится местная икона Господа Вседержителя, та самая, которой, по преданию, св. Сергей благословил Дмитрия Донского перед Куликовской битвой. Образ этот вместе с телами убитых иноков Пересвета и Осляби привезен был в Старое Симонново, откуда и перенесен сюда. Древнее письмо образа, богатое украшение и створчатый походный киот, в который он вложен, оправдывают это предание. Большая глава на этом соборе вызолочена в 1836 году червонным золотом.

2) Трапезная церковь — теплая, бывшая прежде во имя преподобного Сергия Радонежского, а потом Тихвинской Божьей Матери. Построена царем Федором Алексеевичем около 1677 года, имеет два придела: Ксенофонта и Марии и Афанасия, патриарха Александрийского, и Мученицы Гликерии. В этом храме иконостас резной, царские двери обложены серебром с позолотой; стены и своды покрыты живописью, пол штучный из дубовых досок. Перед входом большая со сводами паперть, или царские сени, за коими к западу

была палата царя Федора Алексеевича, где он проживал во время постов[277]. Над папертью возвышается в виде четвероугольной башни с террасой вверху царский балкон. В 1843 году к алтарю Тихвинской Божьей Матери пристроены еще два придела: во имя преподобного Сергия Радонежского и мучеников Валентина, Василия и Параскевы.

3) Церковь Преподобного Александра Свирского построена царевной Марией Алексеевной около 1700 года во имя преподобного Ксенофонта и Марии — ее ангела. Но через столет переименована во имя Сошествия Св. Духа. В 1853 году церковь возобновлена и освящена во имя преподобного Александра Свирского.

4) Церковь Происхождения Честных Древ над западными воротами, в смежности с настоятельскими кельями, устроена при царе Федоре Ивановиче в 1593 году и возобновлена в 1823 году. Основана в память отражения крымцев в 1591 году. Храмовой ее день празднуется 1 августа с крестным ходом на Москву-реку.

5) Церковь Николая Чудотворца над во-

сточными воротами. Здесь ранее (с 1623 г.) была церковь в честь Знамения Божьей Матери, но она обветшала, и на ее месте построена настоящая в 1834 году.

б) Церковь во имя Иоанна, патриарха цареградского, и благоверного князя Александра Невского находится во втором ярусе колокольни. Колокольня эта пятиярусная, она построена по проекту архитектора К. А. Тона в 1839 году. Ее высота с крестом 44 сажени.

Монастырская стена имеет длину 395 сажений, высоту $3\frac{1}{2}$ сажени. Вверху, под крышей стены, — амбразуры для пушек и пицалей. Башни имеют от 12 до 18 сажений высоты. Зодчество обличает работу итальянских мастеров. Одна из башен, самая высокая, известна под названием «Дула». С нее был когда-то убит татарский предводитель Дула. Другая башня, на северо-западном углу, называется Тайнинской. Под ней было подземелье, или тайник, который завалился в 1840 году. Другие башни называются: Сторожевая, Солевая, Кузнечная. Все башни покрыты черепицей. Ворот в ограде — трое.

Ризница монастыря весьма богата. В монастыре погребено много доблестных людей и духовных особ. Среди них — сын Дмитрия Донского князь Константин Псковский, принявший здесь иночество, митрополит Варлаам, царь Симеон Бекбулатович, генерал-фельдмаршал В. П. Мусин-Пушкин, поэт Веневитинов и др. В трапезной церкви Рождества Богородицы на Старом Симонове погребены и воины-иноки Пересвет и Ослябя. По прошествии 500 лет со дня Куликовской битвы, в 1870 году, над ними сделана металлическая гробница.

Саженой на 100 от первоначального места монастыря есть довольно глубокий, никогда не высыхающий пруд, обнесенный валом: это плод трудов преподобного Сергия, который часто посещал племянника своего Федора и подолгу проживал в обители. В древних межевых книгах пруд этот именуется Сергиевским, и его не следует смешивать с Лисьиным прудом.

В монастыре находятся чудотворные иконы Казанской и Тихвинской Божьей Матери. Первая — в приделе Ксенофонта и Марии,

вторая — в главном иконостасе храма. Она есть точная копия с чудотворной иконы Тихвинской, и ее ежегодно, 26 июня, обносят вокруг монастыря с крестным ходом.

Приходские церкви

При описании церквей Земляного города мы не придерживаемся никакой особенной системы, так как всякая система тут совершенно бесполезна: мы просто описываем церкви по их более или менее известной значительности с указанием, где именно церковь находится.

Было уже сказано, что московские приходские церкви при царе Федоре Алексеевиче стали разделяться на сорока.

Остановимся теперь на слове сорок.

По объяснению некоторых знатоков русской старины, слово сорок — то же, что слово срок, и последнее произошло от первого. Известно, что прежде 40 составляло предел, или срок счета, как ныне 100. Прежде говорилось: два сорока (например, соболей), три сорока и проч. В 1594 году, когда патриарх Иов учредил в Москве поповских старост и десятников, в

грамоте говорится, что они в своем сороке обязаны были смотреть, чтобы по церквам отправлялись службы Божьи и проч. В каждом сороке была одна сороковая церковь, в которую духовные того сорока являлись для выслушивания предписаний начальства, к назначенному времени вносили собиравшуюся в то время по числу приходских дворов от каждой церкви денежную сумму в патриаршую казну. Срок взноса такой суммы для каждой местности мог быть различен: срок Китайский, срок Ивановский и проч. К Кремлю это не относилось, потому что там церкви были бесприходные. Бодянский объясняет это слово еще проще. Он говорит: «Известно, что в старину любили считать сороками, даже самые расстояния мест исчисляли по сорокам; так, например, на четыре сорока стоят почти все большие города кругом Москвы: Тверь, Владимир, Рязань, Тула, Калуга, хотя теперь это и не вполне выходит верно, но малость не принималась в расчет. Такой счет основывался на правилах ямщиков, любивших отдыхать почти всегда на сороке».

Николая Чудотворца на Берсеновке. По-

строена в 1656 году по образцу наших древних храмов на месте старой во имя Св. Троицы. Предполагают, что тут был прежде монастырь, в котором был заточен св. митрополит Филипп и куда толпами стекался тогда народ московский. Название «на Берсеновке» произошло, как предполагают, от имени боярина Беклемишева-Берсеня, впавшего в немилость и казненного в 1525 году при Василии III на Москве-реке, близ его двора. Церковь находится близ Каменного моста на набережной Москвы-реки. Возле церкви дом с пристройками, известный под именем Курьерского, потому что там долго жили сенатские курьеры. Предполагают, что дом этот принадлежал Малюте Скуратову и что из него был подземный ход на Москву-реку. Теперь дом принадлежит Археологическому обществу. Тут же вблизи находится и так называемый Винный двор — за Каменным мостом, направо. Здание это построено при Екатерине II для казенной продажи вина; в окружности оно имеет 341 сажень.

Церковь Николая Чудотворца на Берсеновке есть во имя Живоначальной Троицы, а Николая Чудотворца — придел. При церкви есть

еще придел — во имя преподобного Феодосия.

Спаса Преображения на Болвановке. Храм этот по наружности не отличается ни богатством, ни особым великолепием, но он замечателен по следующему историческому воспоминанию. Во время Куликовской битвы Дмитрий Иванович Донской доказал, что русский народ в силах свергнуть с себя ненавистное татарское иго. Это было совершено внуком Донского Иваном III. В 1480 году хан татарской орды отправил в Москву послов за данью. Прежде великие князья встречали обыкновенно ханских послов за городом и с большими почестями: они принимали грамоту хана на подостланных соболях и с почтением встречали басму, т. е. болвана, изображавшего самого хана, или же грамоту его за ханской печатью. Иван III встретил послов на том месте, где теперь стоит церковь Спаса. Он гневно взял басму, изломал ее, бросил на землю и истоптал ногами; послов велел казнить, оставив только одного, который должен был известить хана о таком приеме его посольства. На этом-то месте свергнуто постыдное татарское иго. Россия перестала платить дань

монголам и после 200 лет тяжелой неволи подняла знамя свободы. В воспоминание великого события в 1485 году Иван III приказал поставить на этом месте храм во имя Преображения Господня[278]. Время привело этот храм в ветхость, но в 1722 году он совершенно поновлен по прежнему своему образцу. При храме приделы: Преподобномученицы Евдокии и Мученицы Татьяны. Храм находится на Пятницкой улице, в Болвановском переулке.

Преображения Господня в Наливках. Настоящая церковь построена в 1738 году на месте старой, существовавшей со времен великого князя Василия Ивановича. В ней два придела: Божьей Матери Скорбящей Радости и Николая Чудотворца, «В Наливках» называется потому, что здесь было урочище Наливки, где были поселены великокняжеские телохранители, одни имевшие право пить во всякое время вино и пиво; в то время другим это запрещалось, кроме больших праздников — Светлого Воскресения, Рождества Христова, Троицына дня и некоторых других. Народ, видя это исключение (наливают, когда хотят), назвал местность Наливками. Церковь

находится на Якиманке, в Спасском переулке.

Св. Троицы, что на Капельках. Наружность нынешней церкви Св. Троицы, что на Капельках, в ее настоящем виде всякого заставит ошибиться во времени ее построения, и никто с первого взгляда не скажет, что она была выстроена при Петре Великом. Вот что говорит об этой церкви народная молва, На месте настоящей церкви, или подле нее, стояла во времена Петра Великого древняя деревянная церковь Св. Троицы и сильно приходила в разрушение. Невдалеке от нее находился кабак. Целовальник его, а по-тогдашнему и полный хозяин, древний почтенный старик, славился своей хорошей жизнью и долгое время был церковным старостой при этой церкви. Он не имел после себя прямых наследников, а был одинок и, что называется, скопидом. Ему впала благая мысль употребить все свое наличное состояние на построение нового каменного храма на месте старого. Но для этого дела недостало бы его собственного капитала, а собирать прямо на построение церкви ему не хотелось, и он придумал простое средство. Кабак его стоял на

большой Троицкой дороге, а в те времена, как и теперь, эта дорога была одна из проезжих, да и народ тогда был нехитрый, простой, и никто не считал за стыд зайти в кабак отогреться и даже повеселиться, следовательно, посетителей у старика целовальника всегда было много. С тех пор как старик возымел благочестивую мысль о построении храма, он каждого из своих посетителей просил не допивать всего налитого ему вина, а слить капельку на церковь. Разумеется, что за этим следовали расспросы со стороны посетителей, и старик, вдохновленный мыслью о благом начинании, охотно, а может быть, и красноречиво описывал бедное состояние тогдашнего храма, при котором он был старостой. Весть о странном и вместе успешном сборе скоро дошла до царского слуха. Петр I жил в то время в своем летнем дворце на Божедомке, близ церкви Иоанна Воина, и, часто гуляя по окрестностям, вздумал посетить целовальника. Старик, не зная в лицо царя, сделал и ему обычное приглашение слить капельку на церковь и на вопрос царя со всей откровенностью передал ему свои намерения. Петр Вели-

кий обещался быть в том деле помощником и действительно сдержал свое слово. Убедясь в хорошей жизни старика целовальника, он много содействовал построению храма. Таким образом создавалась новая, прекрасная, каменная церковь Св. Троицы на Капельках.

Возле церкви виднеется заросший пруд, который также имеет свое предание. Вот оно. С незапамятных времен богомольцы, отправлявшиеся в обитель св. Сергия, имели обыкновение, выходя из Москвы, купаться в этом пруду как бы для очищения от грехов. Время мало-помалу совершенно изгладило этот благочестивый обычай, а с тем вместе и нравственное значение этого пруда.

А вот сухая история о построении этого храма. По описным книгам храм Св. Троицы, что на Капельках, существовал далеко ранее времен Петра: он упоминается в 1625 году и значится «на Капле». А Каплей называлась одна из речек, служивших протоками воды для прудов в соседнем селе Напрудном. Церковь эта по ветхости сломана, и на ее месте в 1693 году построена была новая, деревянная. Церковь эта в сентябре 1708 года сгорела; по-

этому на отведенном в Посольском приказе бывшем кружечном месте начали строить каменную церковь, которая в 1712 году по благословению блюстителя патриаршего престола Стефана, митрополита рязанского, освящена Иоанникием, митрополитом ставропольским.

При храме приделы: Иоанна Воина и Митрофания Воронежского. Храм находится на 1-й Мещанской.

Иоанна Воина, что на Убогих домах. Нынешняя церковь во имя Воздвижения Честного Креста (Иоанна Воина — придел) построена около 1693 года. Еще придел во имя Николая Чудотворца. Здесь прежде существовал Крестовоздвиженский монастырь, который уничтожен в первой половине XVII столетия, и следов от него не осталось никаких. Вся эта местность и доселе называется Божедомкой, потому что здесь были так называемые убогие дома. Вовсе нелишне сказать, что такие были убогие дома в Москве. В старину день Семика (четверг седьмой недели после Пасхи, седьмой день по Вознесении) на Руси посвящался обряду отдания религиозного долга по-

койникам в древних скудельничьих селах, или скудельницах. Скудельницы, скудельничьи села, и по производству и по смыслу идут от слова скидель — глиняная посуда или от скудость — убожество. Скудельницами назывались урочища, откуда брали глину; изрытые, подобные места становились неудобны к произрастанию, и их-то, как ни к чему не годные, евреи употребляли для погребения странников, иноплеменных убогих. Поля под именем скудельниц были и у славян во многих местах. Уцелевшие курганы, по всей вероятности, не что иное, как насыпи над грудями человеческих трупов. И при христианской вере обычай погребения в общих могилах надолго еще сохранялся в России, и скудельницы заводились большей частью при городах, особенно потерпевших от моровых язв или военных побоищ, и слыли также под названием убогих домов и божедомок. Впоследствии на эти божедомки свозили и сваливали в груды всех вообще умерших насильственной или неестественной смертью и, не совершая над ними церковного отпевания, оставляли их не преданными земле до весны, для

чего и были устроены огромные ямы со льдом.

В Москве убогих домов было несколько. Известных же — четыре. Один был на нынешней Пречистенке близ Мертвого переулка, идущего к Успению, что на Могильцах. На месте бывшей скудельницы видим и церковь Мученицы Параскевы Пятницы (на Божедомской улице). Второй убогий дом находился за Серпуховскими воротами, где было зарыто поруганное тело первого самозванца. Третий — за Таганкой, на месте которого царь Алексей Михайлович на свою комнатную сумму основал Божедомский монастырь, потом называемый Покровским. Наконец, четвертый (чуть ли не первый поначалу в Москве) убогий дом был на Самотеке при Крестовоздвиженском монастыре. Все эти известные четыре божедомки находились на открытых, еще не заселенных местах. С незапамятных времен благочестивые люди в седьмой день после Вознесения сходились на убогие дома, рыли там могилы, погребали накопившиеся мертвые тела, пели над ними панихиды и молились за упокой всех без изъятия в

тот день погребенных. Так было и в Москве, особенно на божедомке при церкви Иоанна Воина. Туда из Петровского монастыря наряжался крестный ход, и движимые состраданием к жертвам случайности разбирали трупы, облекали их в саваны, клали в гробы и предавали земле. Случалось, некоторые в грудах тел находили родных, знакомых. Исполнив дело христианского милосердия, на свежих могилах приступали к поминкам, и заупокойная чаша, переходя из рук в руки, услаждала душевные скорби и житейское горе.

В 1732 году от церкви Иоанна Воина амбар для хранения мертвых тел перенесен в поле близ Марьиной рощи, и указом от 16 ноября того же года приходскому попу той церкви велено «новоопределенный амбар, который от сей Воздвиженской церкви перенесен и поставлен в поле на новых ямах для кладбища человеческих мертвых убогих телес, ведать и смотреть, и ключ амбарный держать, и присланные из разных приказов человеческие мертвые телеса в амбаре класть, и по вся лета в четверток седьмой недели по Пасхе в погре-

бение мертвых тел поминование чинить тебе, попу».

Из этого распоряжения видно, что другие убогие дома в Москве были уничтожены и оставлен только один в виде амбара близ Марьиной рощи. В 1734 году указом Сената от 22 мая упомянутый амбар перестроен и впредь велено чинить его на сумму из неокладных доходов Московской губернской канцелярии. Существование амбара близ Марьиной рощи для погребения убогих мертвых тел продолжалось до 1763 года, когда указом Синода от 29 апреля велено «лежащие в Москве близ Марьиной рощи в убогом дому в вырытой яме мертвые тела, для представляемых от московской полиции опасностей, Воздвиженской церкви, что на Убогих домах, священно и церковнослужителям, по отпетии обычного надгробного пения, в землю зарыть, и впредь привозимые из разных присутственных мест тела, по отправлении пения, погребать в то же самое время на кошт тех мест, откуда привозимы будут». Таким образом, в 1763 году был уничтожен и последний убогий дом. Само собой разумеется, что прекратился туда и

крестный ход из Петровского монастыря.

Успения, что в Печатниках. Церковь Успения Пресвятой Богородицы, что в Печатниках, а по древнему названию «за Сретенскими враты в Печатникове», построена первоначально в 1695 году, а в 1763 году несколько возобновлена. В ней приделы Николая Чудотворца и Рождества Иоанна Предтечи.

Название свое «в Печатниках» получила потому, что здесь при открытии в Москве печатного дела (государева Печатного двора) было отведено место для поселения мастеровых книгопечатного дела, которых называли печатниками. Здесь была их слобода, но никакого печатного двора (типографии), как полагают некоторые, в древности здесь не существовало.

Троицы, что у Сухаревой башни на Листах. По многим историческим случаям храм этот заслуживает особенного внимания. В нем хранится выписка из Писцовой книги, писанная Андреем Наумовым и подьячим Иваном Каменным, из которой видно, что до 1632 года была на этом месте кладбищенская деревянная церковь, занимавшая 29 саженьей

в длину, и что в 1650 году эта деревянная церковь сломана и начата постройкой каменная иждивением стрельцов, которых поселено было здесь 500 дворов. В 1657 году церковь эта не была еще достроена, потому что патриарх Никон, заметя в ней приделы, заложенные без его благословения, приказал остановить работу и церковного старосту отлучил за своеволие от церкви. Когда же поселенные здесь стрельцы с начальником своим Василием Пушечниковым с 1667 по 1671 год находились в походе к Астрахани, смирили там бунтовавших казаков и привели в Москву Стеньку Разина, тогда царь Алексей Михайлович за услугу стрельцов и труды их пожаловал им 150 тысяч казенного кирпича для постройки начатой церкви и при этом возымел особенное усердие к этому храму, пожаловав ему множество образов, большую часть утвари и Царские врата, вывезенные им из покоренной Орши. Постройка храма была окончена в 1671 году, но в 1689 году во время пожара в церкви оказалась большая трещина. Юный царь Петр Алексеевич, желая наградить заслуги помянутого полка, усмирившего и пой-

мавшего бунтовщика Федьку Щегловитого (Шакловитого), пожаловал стрельцам на по­чинку церкви 700 рублей, на каковую сумму церковь и исправлена.

В этом храме два придела. Первый — По­крова Пресвятой Богородицы — построен в 1680 году иждивением стрельцов во возбла­годарение за благополучный поход полка в 1678 году под город Чигирин против султана Селима, напавшего тогда на Украину. Придел этот потерпел от пожара в 1772 году и пере­строен на средства фабриканта парчовых из­делий Панкратия Колосова[279]. Второй при­дел был устроен сперва в 1680 году во имя Иоанна Дамаскина, но в 1805 году придел этот переименован во имя св. Алексия, митропо­лита московского. Колокольня церкви постро­ена в 1788 году.

Название «на Листах», данное этой церкви, объясняется тем, что на ограде ее долгое вре­мя в XVIII столетии вывешивались и продава­лись простонародные картины, известные под названием лубочных, а в старину — под названием листов.

Здесь совершенно уместно рассказать

вкратце, как зародились у нас лубочные картинки.

Начало им положено в Москве и вероятнее всего вместе с открытием первой типографии при Иване Грозном.

Собственное название лубочные произошло, надо полагать, от того, что в древности писывали их на лубе по редкости и дороговизне пергамента, а также вырезали выпукло на липовых лубках разные картинки из священной и отечественной истории. Само латинское слово *liber* (книга) означает собственно луб дерева, на коем в древности писывали так же, как в России некогда на бересте. При том же народные лубочные картинки развешивались для продажи на лубках и в лубках же разносились по городам и деревням. Все это дало повод к наименованию лубочными картин, резанных на дереве и на металлах, так что и другие эстампы грубой и плохой работы стали называться лубочными. Эти картинки носят еще название суздальских, потому что суздальцы первые превратили их в особого рода промысел и даже выработали для них своеобразный стиль. В Сибири лубоч-

ные картинки называются панками, а в Тверской губернии — богатырями, несомненно, потому, что картинки большей частью представляют лица знаменитых и сановных людей (панов) и богатырей.

Лубочные картинки вырезались на доске вышукло долотцом и печатались накатом; затем их стали резать на латунной меди. Замечательно, что эта работа по большей части производилась кастой художников-самоучек среди крестьян. Множество людей в Москве и подмосковных деревнях занято было раскрашиванием, или, лучше сказать, испещрением лубочных картинок. Не отступая от образцов, утвержденных вековой давностью, они красили коней зеленой краской, деревья — красной сандаловой, наряды — суриком, здания — синим сандалом, подходящим к фиолетовому цвету, и т. п. Красоты рая и ужасы ада ярко расцвечивались четырьмя первоначальными красками. Картинки эти нравились не только простому народу, но ими не пренебрегали и обладатели хором.

Имена сочинителей лубочных картин были неизвестны, за исключением одного Бала-

кирева, которому предание приписывает некоторые из современных ему картинок сатирического содержания. Как в стихиях народности есть своя хорошая и дурная сторона, так и в лубочной письменности русского народа встречаются суеверие, невежество, грубость с нелепыми, пошлыми выходками и нескромными намеками; но также проявляется оригинальное, характеристическое и назидательное в изображениях и в заветных думах, сильное и резкое в мыслях и чувствах, забавное и замысловатое в шутках и насмешках, запечатленных русским самородным умом и догадкой. Содержание лубочных картинок было самое разнообразное: религиозное и баснословное; изображались богатыри, философы; олицетворялись пословицы, поговорки, присказки; осмеивались пьянство, лицемерие, гордость; порицалась карточная игра. Словом, ничто не было упущено из виду. Пользуясь свободой тиснения в Москве, эта отрасль промышленности выпускала иногда такие картинки, кои содержанием своим явно противоречили доброй нравственности или распространяли нелепое суеверие; но на-

род сам отворачивался от подобных картинок.

Русские лубочные картинки всегда обращали на себя внимание, и их охотно собирают иностранцы. Одна из первых известных в Москве фабрик для печатания лубочных картинок была у купцов Ахметьевых. Фабрика эта существовала около ста лет и находилась у Спаса во Спасской, переходя от одного хозяина к другому. Там работали на 20 станах, и подлинники, или истинники, буквально переносились резчиками с одной доски на другую и отличались верностью копировки. Когда же вступила в управление этой фабрикой Татьяна Ахметьева, то истинники начали раздавать по деревням, и там уже правильная резьба на дереве обратилась в кустарное грубое ремесло: резчики начали своевольно отступать от истинников и вместо русского народного платья появились на «персонах» наряды немецкие. Фабрика прекратила свое существование в начале XIX столетия; но зато появилось несколько других мастерских лубочных картин. Во время пожара 1812 года погибло много народных драгоценных истин-

ников. И теперь уже не встретишься со старинными — ни с «Ершом», ни с «Бовой», ни с «Аникой», ни с «Мышами, погребаящими ко-та» или с «Веселой масленицей». Старые лубочные картинки теперь большая редкость, и если они попадаются, то их продают очень дорого.

Николая Чудотворца, именуемого Заяицким. Находится на правом берегу Москвы-реки, на Москворецкой набережной, против Воспитательного дома. В конце XVI столетия (около 1597 г.) здесь существовала деревянная церковь в честь Преображения Господня. Затем на ее месте неизвестно когда была построена каменная церковь, которая, вероятно, пришла в ветхость, потому что в 1754 году построена новая. Храм — во имя Преображения Господня, приделы: Николая Чудотворца и Преподобного Сергия Радонежского. При церкви до 1812 года существовало довольно обширное кладбище.

Относительно названия «Заяицкий» есть три сказания, но которое из них достоверное — неизвестно. Первое: говорят, что здесь жили заяицкие татары, торговавшие в

Москве бухарскими товарами. Через улицу от набережной есть другая, носящая название Татарской, что доказывает, что в этой местности действительно жили татары. По другим известиям видно, что храм называется Заяицким потому, что во время нашествия ляхов в начале XVII столетия вызван был на отражение врагов казацкий полк с реки Яик, который на том месте, где ныне стоит каменная церковь, построил деревянную церковь во имя св. Николая Чудотворца и поставил в ней свой образ этого угодника[280]. Затем есть еще предание, что в приходе жил иконописей Андрей Заяизский, который был приглашен в Успенский собор в 1644 году и написал образ Св. Николая Чудотворца и расписывал все стены храма. Наконец, некоторые предполагают, что древний образ Св. Николая Чудотворца привезен с Заяицкого острова, принадлежащего Соловецкой обители, и помещен в означенном храме.

По архитектуре, огромности и внутреннему благолепию храм Св. Николая Чудотворца принадлежит к лучшим церквам Москвы. Надо заметить, что настоящая церковь построе-

на собственным иждивением купца Емельяна Яковлевича Москвина.

Из древностей храма достойна внимания древняя храмовая икона Св. Николая Чудотворца Заяицкого и еще несколько других икон, тоже древних, богато украшенных ризами. Ризница и библиотека храма довольно замечательны и богаты.

Николая Чудотворца, что на Пупышах. Первоначально храм был построен в 1690 году, но пришел скоро в ветхость и потому в 1731 году вновь перестроен на церковные средства и на пособие суконного фабриканта Владимира Петровича Щеголина. Храм довольно велик и прекрасен. Стенная живопись храма хороша, иконостас величествен. Храм построен во имя Смоленской Божьей Матери с приделами: справа — Николая Чудотворца, слева — Богородицы Утоли мои печали, чудотворный образ коей и находится в храме. По сведению, имеющемуся в церкви, «на Пупышах» называется потому, что стоит между улицами Большой Садовнической и проездом подле реки, близ Красного Холма, как бы на «пупе». И в самом деле, местность эта, даже

при самом большом разливе Москвы-реки, никогда водой не заливается.

Косьмы и Дамиана в Нижних Садовниках. Находится недалеко от выше описанной церкви, на Садовнической улице, идущей параллельно с набережной Москвы-реки, которая здесь несколько изгибается. Местность эта называется Нижними Садовниками потому, что были Средние Садовники (на берегу против Кремля, где Софийская набережная [281]). Само собой разумеется, что здесь были слободы царских садовников, Церковь Косьмы и Дамиана весьма невелика, но отличается вкусом нашего древнего зодчества. Внутри храм тесен и темен, в нем есть много древних образов. Сам храм построен во имя Владимирской Пресвятой Богородицы. Приделы: Косьмы и Дамиана и Николая Чудотворца.

Победоносца Георгия в Яндове. При выходе Садовнической улицы на Балчуг, близ Москворецкого моста слева находится церковь Георгия в Яндове. Она построена в 1653 году приходскими людьми. Сам храм — во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а при нем приделы Великомученика Георгия и Ни-

колая Чудотворца. Мы уже объясняли значение слова «яндова», но название церкви «в Яндове» относят к другому случаю. Близ церкви были некогда два проточных ручья, имевшие бокалдины, или большие ямы, которые в водополье из реки, а летом от дождей наполнялись водой, и вода стояла в них недвижимо, как бы в сосудах или ендовах. Оттого и название церкви — в Яндове.

Иоанна Предтечи, что под Бором. На этом месте (на Пятницкой улице, за Москвой-рекой) был в древности мужской монастырь. О времени основания и упразднения обители нет никаких сведений; известно только, что в начале XV века она существовала, а при великом князе Василии Ивановиче, в начале XVI века, сооружена здесь, в Предтеченском монастыре, зодчим Алевизом Фрязиным каменная церковь. Вероятно, церковь эта пришла в упадок, так как в 1675 году построена новая, тоже каменная, когда уже монастыря не существовало.

Затем эта церковь вновь перестроена в 1758 году на средства купца Максимова. Храм — смешанной архитектуры, довольно

грандиозен. Под колокольней устроена паперть, с наружной стороны которой, на стене, изображено Усекновение главы Иоанна Предтечи. В храме два придела: Косьмы и Дамиана и Николая Чудотворна. Название храма «под Бором» подает мысль, что здесь был бор, существование которого не должно относить далее начала XVII века. Если допустить, что здесь или весьма близко от храма был при царе Федоре Ивановиче бор, то, надо полагать, что и боевой порядок войск Бориса Годунова против Казы-Гирея начинался именно отсюда и что до 1590 года здесь был не город, а разбросанные среди бора слободки. Одновременно с церковью Иоанна Предтечи (1675 г.) построена и находящаяся против нее церковь во имя Черниговских Чудотворцев, князя Михаила и боярина его Федора, тела которых почитают в Архангельском соборе. Церковь эта построена на средства купчихи Юлии Исаевны Малютиной и, кроме древности, не имеет ничего замечательного.

Параскевы, нарицаемой Пятница. По имени этой церкви и улица, идущая от Водоотводного канала до Серпуховских ворот, на-

зывается Пятницкой. Церковь построена в 1739 году купцами Журавлевыми, а колокольня и трапеза пристроены в 1748 году. Архитектура храма величественна. Внутри храм отличается своим благолепием. Иконостас, ризница и утварь храма очень хороши и богаты. Настоящая церковь — во имя Живоначальной Троицы. Приделы: Артемия Веркольского, Великомученицы Параскевы и Пророка Ильи (на колокольне). В храме чудотворная икона Великомученицы Параскевы.

Близ этой церкви в старину существовал Введенский мужской монастырь, именовавшийся «у Новой Проши» (место прощания с отъезжающими), названный так для отличия от Старой Проши, бывшей на левой стороне Москвы-реки, у Каменного моста, где теперь церковь Николая Чудотворца в Башмакове. Монастырь уничтожен давно. Один из переулков, проходящих с Татарской улицы на Пятницкую, по имени монастыря носит название Введенского.

Троицы в Вишнякове. Находится на Пятницкой улице. Построена в 1678 году начальником московских стрельцов Вишняковым,

пятидесятниками Перфильевым и Осиповым с десятниками и со всеми рядовыми стрельцами, бывшими на службе в Чигирине. В 1804 году теплая церковь за ветхостью разобрана и вновь построена, а в 1815 году — перестроена. Приделы: Пророка Ильи и Божьей Матери Иерусалимской, местночтимая икона которой находится в храме.

Климента, папы Римского. Тоже находится на Пятницкой улице. Церковь — во имя Преображения Господня, а Св. Климента — придел. Кроме того, есть еще пять приделов. Церковь замечательна своей оригинальной архитектурой и обширностью. Иконостас в древнем вкусе, резной. Храм начат строением в 1720 году купцом Иваном Комленихиным; потом, когда храм пришел в ветхость, то вновь со всеми приделами выстроен в 1770 году коллежским асессором Кузьмой Матвеевичем Матвеевым.

Всех Скорбящих Радости, что на Большой Ордынке. Церковь этого храма — во имя Преображения Господня. При ней приделы: Преподобного Варлаама Хутынского и Божьей Матери всех Скорбящих Радости. По послед-

нему приделу именуется и церковь. Первоначально каменная церковь построена вдовой Авдотьей Акинфиевой в 1683 году, а в 1770 году госпожой Любовниковой пристроен придел во имя Божьей Матери всех Скорбящих Радости. В 1790 году трапезная перестроена и сооружена новая колокольня купцом Афанасием Ивановичем Долговым. Затем церковь еще раз возобновлена братьями Куманиными и Александром Афанасьевичем Долговым. Церковь эта не выделяется ни по архитектуре, ни по внутреннему богатству, но заслуживает особенного внимания верующих: здесь находится чудотворный образ Богородицы всех Скорбящих Радости. Первое чудо от этой святой иконы Господу благоугодно было совершить через пять лет после построения храма, в 1688 году, над родной сестрой патриарха Иоакима вдовой Евфимией Паниной: она была исцелена от злокачественной раны в боку, с тех пор было много исцелено верующих. В 1711 году сестра Петра Великого княжна Наталья Алексеевна из благоговения к этой иконе сделала с нее точный список и взяла с собой в Петербург. Она поставила ее в

своём дворце, где была церковь. Эта икона находилась в рядах русского войска при реке Пруте.

Николая Чудотворца, что в Голутвине. Здесь первоначально был Голутвин-Богородицкий мужской монастырь. О нем упоминается в летописях в XV и XVI веках; но когда именно монастырь был основан и сколько времени продолжалось его существование — неизвестно. Теперь здесь (почти на берегу Москвы-реки, близ урочища Бабий городок) находится каменная приходская церковь, построенная в 1687 году. В ней главный престол во имя Рождества Богородицы.

Название Голутвино производят от голой литвы, которая будто бы здесь селилась. Далее, от голутвы, т. е. от голого места в лесу, и, наконец, оттого, что здесь жил евнух крымского хана Галя Лутвин. С последним объяснением, пожалуй, можно согласиться: могло быть, что тут и был дом крымского евнуха Гали Лутвина (тут же недалеко и Крымский брод, где ныне того же названия мост).

В храме Николая Чудотворца в Голутвине находится чудотворная икона Божьей Матери

Кипрской.

**Успения Пресвятой Богородицы в Каза-
чей.** Находится на Полянке. Первоначально
построена стольником Василием Полтевым в
1695 году, а в 1795 году генеральшей Поздня-
ковой устроены трапезная и колокольня. «В
Казачей» называется потому, что здесь долго
было подворье казаков Войска Донского. В
1812 году оно сгорело.

Григория Неокесарийского. Находится
против Полянской площади. Когда построена
первоначально — неизвестно, но в 1625 году
уже существовала. Потом по просьбе духов-
ника царя Алексея Михайловича священника
этой церкви Андрея Савинова построена но-
вая и освящена 1 марта 1679 года. Церковь эта
одна из стариннейших, каменная, но в ней
есть и более поздние пристройки. К ним от-
носятся два придела: во имя св. Григория Бо-
гослова и в честь иконы Боголюбской Божьей
Матери, который устроен и освящен в 1834 го-
ду. Храм построен разносторонним крестом,
он — одноэтажный, а трапезная — двухэтаж-
ная, верхний этаж ее занят церковью во имя
св. Тихона Амафунтского. Особенно замеча-

тельная тяжелая архитектура пирамидообразной колокольни, до 1812 года при церкви было кладбище.

Воскресения Христова, что в Каташеве. Храм имеет два этажа: верхняя церковь во имя Воскресения Христова, а нижняя — во имя Успения Пресвятой Богородицы. Первоначально построен в 1687 году, потом, по причине ветхости, перестроен в 1713 году купцами Добрыниными. Вблизи этой церкви долгое время находился один из первых монетных дворов (Каташевский), здания которого, занимавшие довольно обширное пространство по Косьмо-Дамианскому переулку, уничтожены после 1812 года. Что такое Каташи — нами было уже объяснено. Тут же, в Каташах, находится и церковь Косьмы и Дамиана, по имени которой называется улица, идущая от Полянской площади до Малого Каменного моста. Когда церковь построена, неизвестно, но судя по архитектуре, напоминающей несколько церковь Климента на Пятницкой, принадлежит к началу XVIII века.

Иоакима и Анны. По имени этой церкви названы две улицы — Большая и Малая Яки-

манки. Первая идет от водоотводного канала до Калужских ворот, вторая — от того же канала до Полянской площади, Церковь сооружена в 1684 году патриархом Иоакимом во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а Иоакима и Анны — придел. Тут же вблизи, на Большой Якиманке, церковь Святых апостолов Петра и Павла, построенная стрельцами в 1649 году, и другая — Казанской Пресвятой Богородицы, также построенная стрельцами в 1660 году и перестроенная в 1855 году. Она называется «у Калужских ворот», потому что находится в конце Большой Якиманки при выходе к Калужским воротам.

Иоанна Воина, что у Калужских ворот, или в Малых Лучниках. Сооружена стрельцами вместо деревянной церкви в 1712 году. Здесь замечательны серебряный крест, в котором сохраняется положенная в 1698 году часть мощей св. великомученика Иоанна Воинственника, и местночтимая икона Гурия, Самона и Авива, во имя коих имеется при храме придел. Что такое Лучники, нами объяснено раньше при описании церкви Георгия на Нижней Лубянской площади.

Преподобного Мирона, что в Старых Панах, или на Бабьем городке. Храм построен в 1831 году купцами Лепешкиными, а настоящий — в 1844 году. Здесь поляки имели оседлое жилище и местность именовалась Панской слободой. Настоящий храм — во имя Благовещения Пресвятой Богородицы, а во имя преподобного Мирона — придельная церковь. В храме находится местночтимая икона Преподобного Мирона Чудотворца.

Положения Ризы Господней. Это единственный в Москве храм в честь Положения Ризы Господней. Он находится на Донской улице, неподалеку от Александрийского дворца. Храм Ризоположения имеет приделы во имя св. великомученицы Екатерины и св. Иакова; первый построен в 1701 году при митрополите рязанском Стефане, а второй — в 1708 году приходскими людьми. Церковь замечательна в архитектурном отношении, особенно внутренняя ее отделка, лепные и скульптурные работы. Вот краткие известия о присылке в Москву Ризы Господней, главная часть которой хранится в Успенском соборе. Еще при завоевании Грузии шах Аббас взял

эту святыню и вследствие домогательств царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета отправил ее в Москву, где она была встречена духовенством у Донского монастыря за Калужскими воротами, и на том самом месте построен был сперва деревянный храм Ризоположения, который в 1680 году перестроен в каменный, а в 1690 году освящен. Первое известие об этой Ризе получено от прибывшего из Персии посла Василия Коробьина, который донес о том государю Михаилу Федоровичу. Приобретение такой святыни для нашей церкви было очень важно, но осторожный и мудрый патриарх желал точно расследовать, чтобы признать ее за истинную, так как исторических свидетельств в то время не было отыскано. Поэтому было повелено И. Т. Грамотину подробно расследовать и расспросить у келаря Новоспасского монастыря старца Иоанникия о хитоне и прочих одеждах Иисуса Христа, а затем у прибывшего в Москву из Иерусалима биговского архиепископа Феодосия о том, каким образом захватил шах Аббас Ризу Господню и подлинная ли она. Но этими показаниями патриарх не удовольствовался,

и для открытия истины назначено было служить молебствия, определен недельный пост, наконец, положено было совершить всеобщую службу в неделю крестопоклонную. Последовавшие засим от Ризы чудеса и исцеления убедили, что она действительно есть Риза Господня. С этого времени патриарх установил празднование означенной Ризе 10 июля и поручил крутицкому митрополиту Киприану составить особую службу.

Воскресения Христова, что в Пленницах. (Богадельни.) Находится между Калужской заставой и Воробьевыми горами на берегу Москвы-реки. Первоначально здесь был мужской монастырь, Андреевский на Пленницах, неизвестно кем и когда основанный. В страшный пожар 1547 года монастырь выгорел, сделался убогим домом и был в 1604 году во время голода одной из московских скудельниц, на которой в течение 28 месяцев свезено до 127 тысяч тел. Возрождение этого монастыря относится к 1648 году, когда окольный Ф. М. Ртищев, любимец царя Алексея Михайловича, устроил здесь на свое иждивение обитель, назвал ее Преображенской пусты-

нию и учредил ученое братство для перевода богослужебных книг. Тот же Ртищев завел здесь в 1665 году духовное училище, которое послужило зародышем Славяно-греко-латинской академии. Со смертью Ртищева (умер в 1673 г.) кончилось и процветание Андреевской обители. При Петре 1, в 1725 году, монастырь был обращен в заведение для приема и содержания подкидышей и безродных детей. По уничтожении в 1731 году заведения для подкидышей Андреевский монастырь был в 1764 году упразднен, оставлен приходской церковью и отдан со всеми своими зданиями Московскому градскому обществу, которое в 1775 году поместило тут рабочий дом, в 1776 году обмежевало бывшую обитель как пригородное село и потом учредило здесь купеческую богадельню на 150 кроватей, а с 1807 года, когда купец Кирьяков пожертвовал 30 тысяч рублей для содержания на проценты нескольких инвалидов, добавило еще 30 кроватей.

Церковь Воскресения Христова построена в 1689 году, а Андреевская, над воротами, в 1675 году. В храме имеется древний, особо

чтимый образ Мученика Андрея Стратилата. Если верить преданию, то местность Пленницами называется потому, что здесь когда-то, при татарском иге, содержались пленные девушки. Но это чистейшая выдумка. Андреевская церковь называется «в Пленницах» потому, что на вышеупомянутом старинном образе Св. Андрея Стратилата есть надпись: «Си образ принесен бысть из сельца, глаголемого Пленницы». По образу и церковь названа «в Пленницах», как Николаевская в Хлынове названа по образу, принесенному из Хлынова, — «в Хлынове».

Так как Андреевская богадельня одна из значительнейших в Москве и так как богадельни в быту русского народа играют значительную роль, то будет уместно бросить беглый взгляд на учреждение первых приютов для убогих и нищих до XVIII века.

Пристанища убогих и увечных назывались богадельнями от слов Бога деля, т. е. Бога для, ради. При церквях они отчасти заменили те общественные трапезные, кои по духу своего учреждения именовались любовью, потому что христианская любовь и благочестие

приносили туда для престарелых и болящих, убогих и сирых пищу, питье и другие дары, не принимаемые только от порочных и отлученных. Призрение нищих началось с устройением первого монастыря в сердце Москвы. В XVI веке богадельни уже были предметом внимания собора и судебника. Деяния Московского собора в 1561 году гласят, что «милосердие христианское устроило во многих местах богадельни для недужных и старых, а злоупотребление ввело в них молодых и здоровых тунеядцев»; посему и определено было «изгнать последних и на место их ввести первых, поручив смотрение за богадельнями добрым священникам, людям градским и целовальникам, а к недужным приставить здравых строев и баб стряпчих».

Судебник царя Ивана Васильевича (§ 91) повелевает: «На монастырях жити нищим, которые питаются милостыней при церкви Божьей». Из соборного узаконения 1557 года видно, что при великом князе Василии Ивановиче давалась милостыня богадельням при церквах. До царствования Федора Алексеевича корм, одежда и все потребное отпускались

на московские богадельни из Приказа Большого дворца. Это показывает, что хотя богоугодные заведения и получали вспоможение от царской казны, но непосредственно состояли под покровительством церкви, которая уделяла им на пропитание часть из своих доходов. Над мужскими богадельнями поставлены были старосты, над женскими — старости, которые смотрели за порядком и благочинием. В некоторых из них воспитывались подкидыши и круглые сироты. Но были в Москве и Патриаршие домовые богадельни, устроенные и содержавшиеся из домовой казны.

Московские нищие XVII века жили в избушках, кельях и клетях по улицам Кремля, Китай-города, Белого и Земляного городов. Тогда постоянное сходбище их было на Спасском, Никольском и Старом Каменном или Троицком мостах, у Троицкого подворья в Кремле, на крестцах, где тогда имели всегдашнее себе пристанище калеки и лежанки, певшие Лазаря и Алексея Божьего человека. Но патриарх Иоаким в 1678 году 28 июня указал: «Жить нищим у приходских церквей, где

пристойно, а те избышки, в которых они жили, сломать и впредь на тех местах избышек не ставить». А на строение тем нищим, которые учнут избышки ставить у приходских церквей, повелел патриарх давать из своего Казенного приказа по 1 рублю на человека. Примеру Иоакима последовал и Петр I, учредивший в Москве в 1701 году 60 богаделен для помещения нищих — самых старых, дряхлых, больных и увечных, при которых назначил воспитывать и малолетних до 10 лет.

В деле христианского милосердия к меньшей братии русские князья и цари словно соревновались. Само прозвание Ивана Даниловича Калитой свидетельствует о его нищелюбии. При любимом своем монастыре у Спаса на Бору он давал пристанище и помощь убогим. Первая супруга Ивана IV Анастасия была так милостива к бедным, что они оплакивали ее как мать свою и не хотели принимать обычной милостыни, раздаваемой на ее похоронах. В делах архива Оружейной палаты и Государевых старых дел, относящихся к первой половине XVII века, упоминаются Сретенская, Покровская и Тверская богадельные из-

бы, старые богадельни на Никитинской при церкви Воскресения Слоущего, двенадцать зяблых, больниц и еще какие-то больницы на площади Китай-города, кои получали содержание от царской казны. Царь Алексей Михайлович устроил богадельни Боровицкую у Боровицкого моста и Николоявленскую при церкви Св. Николы Явленного на Арбате. При самом дворце в Кремле находилась богадельня так называемых богомольцев верховых, т. е. придворных, дворцовых, которые жили у царя в верху и получали от него пищу, одежду и все содержание, весьма достаточное. Их было 32 человека. Между ними находился какой-то князь Петр Кулмаметов. Некоторым из них было по 120 лет, и царь находил удовольствие беседовать с ними о том, что бывало в старину при его предках. Верховые богомольцы существовали еще в начале царствования Петра I. В память освобождения Москвы от поляков и для поминовения родителей своих князь Пожарский устроил близ своего дома на Лубянке богадельню, которая слыла Пожарской. Устраивали богадельни и другие богатые люди. Кроме богадельных при москов-

ских соборах и некоторых монастырях в XVII веке еще был род штатных нищих: состоявшие при Успенском соборе назывались успенскими, пречистенскими, богородицкими, при Архангельском — архангельскими, при соборе Василия Блаженного — васильевскими, при Чудове монастыре — чудовскими. Первых было 12 человек, вероятно, по числу 12 апостолов; им еженедельно выдавалась из Патриаршего казенного приказа поденная милостыня II алтын и 4 деньги. Сверх того они получали кормовых ежемесячно по деньге на человека, которой доставало на дневное пропитание. В храмовые и господские праздники, в дни поминовения усопших государей, митрополитов, патриархов, в рождение, тезоименитство и бракосочетание царей, цариц, царевичей и царевен патриарх раздавал ручную милостыню не только успенским, но и других соборов нищим, посылал ее и к тюремным сидельцам в Никольский и Константиновский застенки и в другие места. Все патриаршие выходы сопровождались раздачей милостыни. Ездил ли куда патриарх на служение или богомолье, дорогой он оделял ни-

щую братию, которая встречала его у церквей, у решеток и городских ворот, на мостах, на перекрестках и улицах. Кроме того, с давних времен при патриаршем дворе ежегодно учреждались девять столов: семь — во всю светлую седмицу, восьмой — в праздник Успения Богоматери и девятый — на Сырной неделе, в память святейших патриархов. Крупинами, т. е. остатками, от этих трапез кормили убогих и давали еще ручную милостыню. Цари и царицы также сопровождали свои выходы и походы раздачей милостыни. Не проходило ни одного праздника, ни государственного торжества, ни радостного и печального события в царском семействе, чтобы оно не оделяло нишей братии, которая молилась о государевом здоровье и об упокоении усопших царских родителей. В светлый праздник Пасхи царь Михаил Федорович посещал все больницы в Москве, а в богадельнях жаловал всех к руке, раздавал им красные яйца и милостыню. Ему подражали в этом дети его Алексей и Федор. Царица Наталья Кирилловна водила с собой юного Петра в эти убежища нищеты и старости.

Такова была судьба в московском мире нищих и первых человеколюбивых заведений. В XVIII веке подобный порядок вещей изменился и богадельни приняли более определенный характер.

Вознесения Господня, что за Серпуховскими воротами. Построена в 1762 году. В храме находится особо чтимая икона Божьей Матери Иерусалимской. Храм замечателен тем, что на его месте за 150 лет до построения была решена судьба царя Василия Ивановича Шуйского. 17 июля 1610 года народ под предводительством Захара Ляпунова, Хомутова и Салтыкова двинулся сюда и тут держал совет, что делать, поскольку Шуйский хотел вступить в переговоры с Жолковским. Решено было просить царя Василия, чтобы он оставил престол, потому что его не любят и кровь только понапрасну льется из-за него. Патриарх противился этому решению, но его не послушали и послали царского свояка князя Ивана Михайловича Воротынского просить царя Василия, чтобы он оставил престол. Царь согласился и выехал с женой из дворца в свой прежний боярский дом. Чтобы откло-

нить всякую возможность Шуйскому снова занять престол, его насильно постригли в Чудовом монастыре. То же сделали и с его женой, а братьев взяли под стражу.

Успения Божьей Матери на Крутицах. Местность, где находятся этот храм и еще другой — во имя св. апостолов Петра и Павла, издревле именуется по причине крутизны местоположения Крутицами. У подошвы этой возвышенности, во рвах, протекали ручьи: с северной стороны — Сара, с южной — Подон. Здесь был один из древнейших монастырей Москвы, известный по своему отношению к русской иерархии. Он был основан около 1272 года первым московским князем св. Даниилом и служил с половины XV века местопребыванием владык древней Сарайской епархии, переименованной в Сарайскую и Подонскую, а потом в Крутицкую. Она была уничтожена по именному указу императрицы Екатерины II 15 мая 1788 года. Крутицкий архиерейский дом издревле был любим великими князьями, которые пожаловали ему многие недвижимые имения. Обитель эта несколько раз подвергалась разорениям, а в 1571 году

под ее стенами на Таганском лугу происходило жестокое сражение царских воевод Воротынского и Татеева с войсками хана Девлет-Гирея.

В начале XVII века, когда Кремль — сердце Москвы — был занят поляками, Успенская церковь Крутицкого монастыря заменяла русским кремлевский Успенский собор: сюда собирались верные своему крестному целованию, решавшие участь отечества. Церковь эта находится на том самом месте, где была некогда древняя Петропавловская, деревянная. Она сооружена сначала в один этаж (между 1682 и 1689 гг.), а потом, около 1700 года, устроен над ней верхний ярус и престол Успения Божьей Матери с ходовыми папертями вокруг, на стенах которых были изображены все русские государи. В 1812 году верхняя Успенская церковь выгорела, причем живопись на стенах погибла. Над северными воротами этой бывшей обители, окруженной каменными стенами, существует украшенный узорочными изразцами летний терем в восточном вкусе — остаток древнего великолепия. Он прилегает одной стороной к двух-

этажному бывшему архиерейскому дому, а другой — к соборной церкви, с которой соединялся посредством крытой галереи. С 1788 года все здания этого монастыря заняты казармами.

Происхождения Честных Древ в Чигасах, или Спас-Чигасы. Спасо-Чигасская церковь находится за рекой Яузой недалеко от ее устья на берегу Москвы-реки. Церковь — каменная, Всемилоственного Спаса, построена в 1483 году игуменом по прозвищу Чигас, основавшим на этом месте мужской монастырь, и поэтому прозвана Спас-Чигасы, или «в Чигасах». В великий пожар 1543 года храм и монастырь сгорели. Когда монастырь уничтожен — неизвестно, но уже с 1625 года Спасо-Чигасская церковь стала приходской. В 1639 году церковь эту прихожане обновили, а в 1641 году пристроили к ней придел во имя великомученицы Екатерины, который существует и доселе. В 1647 году была построена колокольня. В 1722 году устроен еще придел во имя св. мучеников Кирика и Иулиты. Церковь — одноглавая, старинной архитектуры. В ней замечателен старинный образ Всемило-

стивого Спаса. В старину Спасо-Чигасский приход был одним из богатейших в Москве. О богатстве за Яузой чигасских обывателей, собиравших во множестве серебро и золото, свидетельствует народная песня[282]. До нашествия неприятеля в 1812 году Спасо-Чигасская церковь имела весьма богатые иконы и ризницы. Потом Спасо-Чигасский приход по выходе богатых и знатных людей в другие места обеднел, потерял то значение, какое имел прежде. От Спасо-Чигасской церкви в ее храмовой праздник, 1 августа, издревле был крестный ход на Москву-реку с духовенством заяузских и других церквей. В 1771 году ход этот был отменен, но возобновлен снова в 1775 году и совершается с участием священнослужителей других церквей, отстоящих от Спасо-Чигасской не далее версты.

Покрова Пресвятой Богородицы, что на Лыщиковой горе. Здесь, между Яузой и Москвой-рекой, в глубокой древности был мужской монастырь. Он был основан в XV веке, но когда уничтожен — неизвестно; впрочем, в XVI веке он еще существовал. Теперь на этом месте нет никаких признаков монасты-

ря, а находится только приходская церковь Покрова Богородицы, что на Лыщиковой горе, или «у Лихарева двора», которая построена в 1696 году. Полагают, что название «Лыщикова гора» происходит от собственного имени, т. е. от имени основателя бывшего монастыря, некоего Лыщикова. Относительно же «у Лихарева двора» известно (по исповедным ведомостям), что в этом приходе был богатый дом статского советника Алексея Кирилловича Лихарева. Надо заметить, что еще — в XIII веке урочище это было известно под именем Лыщиковского городища.

Великомученика Никиты, что за Яузой, на Швивой горке. Построена в XVI веке. Замечательна по своему местоположению, откуда прекрасный вид на Кремль и на Замоскворечье. В церкви три придела.

Скажем несколько слов о Швивой, а попростонародному — Вшивой горке. Горка находится справа от Лыщиковой, О названии ее есть несколько предположений. Когда еще Москва-река была хорошим водяным путем, и по ней ходили большие суда, то на эту горку имели обыкновение приходить бурлаки, рас-

кладывали здесь костры, варили себе пищу и, между прочим, обсушивались и истребляли известных неприятных насекомых. По иному сказанию, горка называется так потому, что в древние времена до самой Москвы-реки были здесь капустные огороды, где плохо росла капуста, так как на нее нападали какие-то вредные мошки, попросту называемые вши. Есть и другое объяснение. Горку следует называть не Вшивая, не Швивая, а Шивая, потому что здесь шла дорога в Хиву, которая в народном названии обратилась в Шиву. Такое объяснение малоудовлетворительно, потому что и теперь Хива малоизвестна, а в старину еще менее. Могло быть, что, как и Лыщикова гора, так и эта горка названа по имени владельца, занимавшего гору своим домом. Впрочем, объяснение этого названия предоставляем на волю самого читателя.

Симеона Столпника за Яузой. Построена в 1600 году Борисом Годуновым в память своего восшествия на престол. Расположена на особом бугре. Форма ее — прекрасная ротонда с весьма соразмерным куполом. Колокольня церкви, построенная в 1739 году, перестроена

в 1863 году. Теплая церковь возобновлена в 1852 году почетным гражданином А. Русиновым. При церкви два придела: Св. Дмитрия Ростовского и Св. Николая Чудотворца.

Николая Чудотворца в Воробине. Эта небольшая церковь, как видно из надписи, находящейся на паперти, начата строительством 27 мая 1690 года, а освящена патриархом Адрианом 17 июля 1693 года. Постройка производилась иждивением стрельцов полка Стрекалова с приобщением дарованных царем в память рождения царевича Алексея Петровича 550 рублей. В 1697 голу тут находился стрелецкий полк полковника Воробина, который со своим полком во время стрелецкого бунта сохранил верность государю, и потому церковь эта в память их верности наименована Воробинской. Надо заметить еще, что местность, где находится церковь, именовалась ранее Гостиной горой, так как здесь жили гости, т. е. купцы. При церкви приделы: Петра, Алексия, Ионы и Филиппа, митрополитов московских, и мученика Иоанна Воина.

Николая Чудотворца, что в Кобыльском. Построена вместо прежней, ветхой, в 1736 го-

ду купцом Григорием Мушниковым. По преданию, земля, на которой стоит церковь (на Садовой, близ Курского вокзала), по указу царя Алексея Михайловича была взята под пастбища для царских кобылиц, и потому будто церковь, выстроенная на этом пастбище, наименована Кобыльской. Существует и другое объяснение названия «в Кобыльском»: как в Новгороде была Кобыльская улица, на которой стояла церковь Спаса Образа Нерукотворного, так и в московской церкви Святителя Николая, что в Кобыльском, главный престол во имя Спаса Образа Нерукотворного; по сему заселение этой местности и построение первоначально церкви принадлежали новгородским переселенцам. Аналогично: в Рязанском уезде находится село Кобыльское с церковью Св. Николая, из которой принесен образ сего святителя, и церковь по тому селу называется «в Кобыльском». Некоторые полагают, что церковь так названа от фамилии владельца сей местности Кобыльского; например, в числе полковников Петра (в 1690 г.) находился Иван Кобыльский. Предок Кобыльского имел в этом приходе дом, и от него церковь могла

называться «в Кобыльском».

В описываемом храме находится особо чтимая икона Нерукотворного Спаса.

Вознесения Господня, что на Гороховом поле. Построена в 1793 году графом А. К. Разумовским на собственной земле и считалась его домовою церковью. Она, по преданиям, была только возобновлена, создана же еще во времена царя Михаила Федоровича, отличается хорошей архитектурой, а внутри довольно богато украшена. В начале XIX столетия в день Вознесения здесь бывало шумное народное гулянье, более же богатая публика гуляла в этот день в дворцовом саду графа Разумовского. В храме два придела: Св. Николая Чудотворца и Пророка Моисея.

Введения Пресвятой Богородицы, что в Новинском. На месте настоящей церкви, между Кудринской и Дорогомиловской улицами (в Новинском переулке), прежде находился мужской Новинский монастырь. Он был основан св. митрополитом Фотием в княжение Василия Темного между 1425 и 1431 годами и принадлежал митрополитам всея Руси, отчего и носил название владычного, или

митрополичьего, дома. В 1540 году, в малолетство Ивана IV, была принесена в Москву из Ржева чудотворная икона Ржевской Божьей Матери и встречена великим князем с митрополитом Иосифом в Новинском монастыре, где по повелению Ивана IV и построена в память этой встречи церковь Пресвятой Богородицы (придельная). В 1764 году монастырь упразднен и обращен в приходскую церковь. В монастырских строениях помещалась сначала народная школа, потом новинский частный дом, а затем строения обращены в замок для арестантской роты.

Тут в древности была слободка Новинская, или Навинская, получившая название по церкви Св. Иисуса Навина, существовавшей некогда в слободке. Но скорее всего название это произошло от села Новинки, которое здесь существовало, о чем значитя в духовной грамоте великого князя Василия III, писанной в 1462 году.

В храме Введения находится местночтимая старинная икона Казанской Божьей Матери.

Рождества Богородицы, что в Путинках.

Это одна из оригинальнейших и красивейших церквей в Москве. Построена она не позже начала XVII столетия. Название Путинки произошло, как предполагают, от слова «путь». Здесь был исстари Путевой двор для послов и гонцов, в который надо было заезжать путинками, т. е. кривыми улицами и переулками. Все это имеет основание, потому что церковь эта в Древности называлась «на Старом Посольском дворе». Впрочем, есть и другое объяснение. Говорят, что церковь так называется потому, что в ее приходе (церковь находится в начале Малой Дмитровки) были маленькие улицы и переулки и множество домишек, которые представлялись в виде паутины, — оттого будто бы и Путинки.

Преподобного Федора Студита, что за Никитскими воротами. С XV века здесь существовал женский монастырь, основанный при Иване III по случаю избавления Москвы и всей России от нашествия хана Ахмета, который, чего-то испугавшись, снялся с места на реке Угре и направился в противоположную сторону. Это было последнее нашествие татар Золотой Орды на Россию[283]. Мона-

стырь был основан на месте существовавшей здесь прежде часовни Федора Студита во имя Смоленской Богородицы, почему и Никитские ворота назывались прежде Смоленскими, как и сама обитель. В начале XVII века, т. е. когда на этом месте царь Михаил Федорович радостно встретил родителя своего Филарета, обитель обращена в мужскую. По устройении этой обители, в 1626 году, патриарх Филарет обратил древнюю часовню Св. Федора в церковь. Этот монастырь, став любимым местом успокоения Филарета от мирских сует и носивший название домового Патриаршего, существовал до начала XVIII века. В 1709 году он упразднен, иноки переведены в Новинский монастырь, а церковь обращена в приходскую, в которой главный престол во имя Смоленской Божьей Матери и два придельных: Св. Федора Студита и Аверкия Иеропольского. На погосте этой церкви погребены родственники А. В. Суворова, дом которого был, как мы уже говорили, в Земляном городе близ этой церкви.

Николая Чудотворца, что в Драчах. В глубокой древности здесь был Никольский Дра-

чевский мужской монастырь. Время его основания и уничтожения неизвестно, но в летописи уже в XV веке упоминается о нем. Старое же Драчевское городище было известно с первого летописного упоминания о Москве. Известно также, что монастырь в великий пожар 1547 года сгорел. Поселившиеся здесь стрельцы-пушкари, которые стреляли кусками свинца или чугуна, называвшимися в пушечном деле грачами, построили деревянную церковь, которая называлась «в Грачах». В грамоте патриарха Иоакима (она хранится в церковной ризнице), данной в 1682 году, разрешается построить каменную церковь на Старом городище, т. е. где был Никольский Драчевский монастырь; поэтому когда была выстроена в 1688 году каменная церковь, то она стала называться и «в Грачах», и «в Драчах». Относительно названия «в Драчах» нельзя, конечно, отрицать и того, что здесь, на берегу Неглинной, могли быть и драки (по древнему — драчии), т. е. кулачные бои.

При храме два придела: Девяти мучеников и Св. Дмитрия Ростовского.

В первой половине XVIII столетия церковь

эта была особенно почитаема последователями хлыстовской ереси, потому что при церкви был похоронен иересиарх хлыстовщины Суслов. Впоследствии труп его был перенесен на погост Ивановского монастыря, а потом сожжен. Тут же вблизи, на Малой Сухаревской площадке, на углу 3-й Мещанской улицы, находился и первый притон хлыстов, где происходили их кощунственные радения под руководством Сусллова, Лупкина и Петрова. Притон этот открыт и уничтожен при императрице Елизавете Петровне.

Св. мученика Трифона в Напрудной. Когда именно построена эта церковь, достоверно неизвестно, но стиль ее можно отнести к XV веку. Недавно церковь возобновлена и построена весьма высокая и красивая колокольня.

«В Напрудной» называется потому, что здесь по направлению к Лазаревскому кладбищу в древности было несколько прудов и речка. В глубокую старину тут было село Напрудное, которое принадлежало Ивану Калите. Существует предание, что на месте церкви был когда-то потерян любимый сокол одного

из великих князей и сокольничий посажен был за это в тюрьму. Тогда он вспомнил, что св. Трифон был при жизни птичьим приставником, и стал усердно молиться ему. Когда он заснул, то во сне увидел св. Трифона, который подал ему сокола. Пробудившись от сна, он и в действительности увидел перед собой сокола и был освобожден. В благодарность сокольничий выстроил церковь во имя св. мученика Трифона, к чудотворной иконе которого, называемой в народе «Скорая помощь», постоянно стекается много богомольцев, не только москвичей, но и из других городов России [284]. При храме два придела: Св. Николая Чудотворца и Филарета Милостивого.

Николая Чудотворца Явленного, что на Арбате. Первоначально построена в 1689 году и окружена каменной стеной с башенками. Своим видом тогда она походила на монастырь. Эта часть Москвы была еще мало населена и называлась Полею. В таком виде храм существовал до 1836 года, когда перестроена трапезная церковь. При работах было открыто множество человеческих костей; в числе погребенных здесь было немало и знаменитых

людей. Церковь эту особенно любила императрица Елизавета Петровна: бывая в Москве, она часто ездила сюда молиться и служила панихиды над гробницей Василия Болящего, скончавшегося 7 ноября 1727 года и здесь погребенного. Из вкладов этой государыни известен в приделе образ Ахтырской Богоматери. Другие приделы: Покрова Пресвятой Богородицы и Св. Митрофания Воронежского. В церкви находится явленная икона Св. Николая, почему и церковь названа Николая Чудотворца Явленного.

Троицы, что в Больших Лужниках. Храм находится за Москвой-рекой на Лужницкой улице, в местности, известной также под названием Лужницкой слободки. Несомненно, что название это происходит от бывших здесь больших лугов. Когда первоначально построена церковь — неизвестно, но в начале XVII столетия здесь уже существовала деревянная во имя Рождества св. Иоанна Предтечи, именовавшаяся «в Лужниках, что на вертящихся колодцах». Такое название урочища произошло от обилия ключей, находившихся в этих местах, и от колодцев, вода из которых

поднималась посредством ручных колес[285]. Память об этих колодцах сохранилась только в письменных актах XVII столетия и в надписи на храмовой иконе Св. Иоанна Предтечи. В 1657 году на этом месте была уже каменная церковь во имя Св. Троицы, а во имя св. Николая Чудотворца — придел, устроенный в 1638 году. Вероятно, церковь пришла в ветхость, потому что в 1778 году она была возобновлена просторнее и великолепнее против прежнего и освящена 8 мая 1789 года, а придел во имя св. Николая Чудотворца перестроен в 1785 году и освящен через год. Затем, в ноябре 1858 года, храм начали возобновлять снова; работа продолжалась до весны 1861 года, а 28 мая церковь освящена митрополитом Филаретом. Не отличаясь наружным великолепием, церковь эта по внутреннему своему благолепию была одна из богатейших и весьма почитается многими усердными к вере москвичами. Церковь устроена крестообразно, имея внутри форму восьмиконечного креста. На церкви и колокольне по одной главе. Главный иконостас — пятиярусный. Внутри храм хорошо расписан. Ризница и библиоте-

ка храма довольно богаты. До 1812 года при нем было довольно обширное кладбище, но никаких памятников не осталось.

Тихвинской Пресвятой Богоматери, что в Малых Лужниках. Эта небольшая церковь находится за Новодевичьим монастырем близ Москвы-реки. Она окружена со всех сторон огородами, а в старое время — лугами, почему и названа «в Малых Лужниках» в отличие от Больших Лужников за Москвой-рекой. Церковь построена в 1757 году и не имеет ничего примечательного, кроме местночтимой иконы Тихвинской Божьей Матери. Придел — во имя св. Иоанна Златоуста.

Вселенского Седьмого собора. Подле юго-восточной стороны Новодевичьего монастыря до 1812 года находилась небольшая каменная церковь во имя св. Иоанна Предтечи, которую 11 октября при выходе арьергарда из Москвы французы подорвали порохом. Вместо этого храма усердием московского купца Милюкова сооружена каменная церковь во имя Седьмого Вселенского собора с приделами Св. Иоанна Предтечи и Св. Николая Чудотворца. Эта церковь начата постройкой в

1818 году и освящена в 1824 году. Архитектура ее довольно красива.

Саввы Освященного, что на Девичьем поле. Это единственный храм в Москве во имя Саввы Освященного (в Саввинском переулке). В древности тут существовал Саввин мужской монастырь. Он был основан около 1499 года, а соборная его церковь Саввы Освященного с приделами Знамения Божьей Матери и Св. Николая Чудотворца построена вместо прежней в 1592 году, потом за ветхостью возобновлена в 1607 году. Но Саввинская церковь существовала на этом месте еще до основания обители по крайней мере лет за 50, если не более. Доказывается это тем, что в 1456 году до Саввинской церкви проводили из Москвы в Смоленск чудотворную икону Божьей Матери Одигитрии, и в память этого был совершаем сюда из Успенского собора крестный ход, который затем стал совершаться в Новодевичий монастырь. О времени уничтожения Саввинского монастыря никаких сведений нет; известно только, что обитель была прежде домовою митрополитов и что во время стрелецких бунтов в конце XVII века

церковь Саввы Освященного стала приходской. В ней замечательны резные Царские врата со столбцами и крыльями как сохранившийся памятник древней резьбы по дереву. Тут же находится местночтимый образ Преподобного Саввы Освященного.

Неопалимой Купины. Храм находится близ Девичьего поля, в Зубове, в Неопалимовском переулке. Он построен в 1680 году при царе Федоре Алексеевиче боярином Дмитрием Колошиным по следующему случаю. Однажды этот боярин стал причиной царского гнева, хотя и не знал за собой никакой вины. Не находя средств доказать свою невиновность, он стал усердно молиться о заступничестве перед иконой Божьей Матери, называемой Неопалимая Купина, которая находилась прежде в Святых Сенях перед Грановитой палатой и которой боярин имел обыкновение усердно молиться и ранее. Молитва его была услышана, и Богоматерь, явившись царю во сне, возвестила его о невиновности Колошина. После этого Колошин был немедленно освобожден из заключения и в благодарность построил означенную церковь, испро-

сив у царя для новосозданной церкви икону Божьей Матери Неопалимой Купины, которая под наименованием «Нечаянная Радость» находится в ней. Приделы: Св. Евангелиста Марка и Св. Дмитрия Ростовского.

Преображения Господня на Песках. Из писцовых книг видно, что здесь первоначально был деревянный храм во имя Преображения Господня, именовавшийся «в Стрелецкой слободе». Настоящий построен в 1743 году. Архитектура церкви не изменена со времени построения. Иконостас во вкусе XVIII столетия. Приделы: Св. Михаила Архангела и Николая Чудотворца. Название «на Песках» понятно. Церковь находится на Арбате — направо в переулках, на небольшой площадке.

Иоанна Предтечи в Кречетниках. Построена близ Новинского бульвара, на углу Предтеченского переулка на месте прежде бывшей деревянной церкви в 1753 году. Имеет два придела: Священномученика Антипы и Мученика Иоанна Воина. «В Кречетниках» называется потому, что близ церковного погоста был царский Кречетный двор, т. е. двор, где содержались царские соколы, кречеты, че-

лиги и ястребы.

Расскажем вкратце, что такое была соколиная охота. Она представляла одну из самых любопытных сторон частного быта московских царей. Первые следы соколиной охоты в нашей истории находим в XII столетии: о ней упоминает Владимир Мономах в своем «Починении». В XIV столетии между великокняжескими людьми были особые слуги, которые назывались сокольниками. Обязанность их была промыслять ловчих птиц на далеком севере: на Печоре, в Перми, Сибири, на Уральских горах, но всего более по берегам Белого моря. Великие князья в силу своих договоров с Новгородом ежегодно отправляли туда своих сокольников. В 1550 году в ряду придворных чинов являются новые звания: сокольничего и ловчего. К этому же времени должно быть отнесено и учреждение Сокольничьего приказа и Сокольничьих дворов.

Соколиная охота в особенную славу вышла в XVII столетии, при царе Алексее Михайловиче. Никто из предшествовавших государей не уделял соколиной охоте столько внимания и не проявлял столько заботы, как царь Алек-

сей Михайлович: это была его страсть, которой он оставался верен от юных лет до конца своей жизни, до какой степени была велика страсть царя Алексея Михайловича к соколиной охоте, видно из «Уложения чина Сокольничья пути». Это уложение было составлено по повелению царя в 1668 году. В уложении говорится: «И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя и забавляет весельем радостным и веселит охотников сия птичья добыча. Угодительна же и потешна дремливая перелазка и добыча. Красносмотрителен же и радостен высокова сокола лет. По сих добротешна и приветлива правленных ястребов и челигов ястребьих ловля, к водам рыщение, ко птицам же доступание».

Соколиная охота была более известна под именем летней царской потехи, потому что производилась исключительно летом. Штат Сокольничьего пути состоял из одного сокольничего, двух подсокольничих и около ста человек сокольников. Сюда же причислялись: верховный подьячий и казначей Сокольничьего пути. О значении их мы уже говорили в статье о происхождении дворян-

ства. Низший чин — сокольники жаловались деньгами, платьем и пили и ели все царское. Обязанность сокольников, которые жили особыми слободами, состояла в том, что они должны были ходить за птицами, править (учить) их и во всякое время года, днем и ночью дежурить на Потешном дворе человек по двадцать. За хорошую службу рядовые сокольники повышались в начальные. Это повышение сопровождалось особой церемонией в присутствии самого царя. Служба по ведомству соколиной охоты считалась придворной. Главного сокольничего и подсокольничих называли с «вичем», начальных сокольников полным именем, без «вича», а рядовых полуименами: Мишка, Ларька, Федька и т. д.

В Москве, на Кречетном дворе, и в подмосковных селах Семеновском и Коломенском, где были построены Потешные дворы, содержалось более 3 тысяч соколов, кречетов и других ловчих птиц. Корм птицам, говядина и баранина, шел с царского двора, для их же корма содержалось более 100 тысяч голубей. Ловчие птицы разделялись на статьи, каждая из птиц имела свое имя, и царь, как попечи-

тельный хозяин, знал каждую птицу по имени, которое сам и назначал: Крысалко, Друг, Сирин, Смиренная, Соловый, Булат, Лихач, Солтан и пр. Опытный в деле соколиной охоты, Царь строго наблюдал за правильным уходом и обучением ловчих птии и нередко помогал в таких случаях своими советами.

Люди, занимавшиеся ловлей птиц, назывались помытчиками. Они избирались из людей всех сословий и за труды избавлялись от всех других повинностей, но от них требовалось, «чтобы кречатья ловля была им за обычаем». Для досмотра за помытчиками во время ловли ими птиц[286] посылались «добрые боярские дети», которым такая ловля «была за обычаем». Изловленные птицы «для кормли и береженья» отправлялись в Москву с самими помытчиками, «кто сколько птиц помкнет». Доставка птиц производилась по особым правилам. Помытчикам давались подробные наставления о сбережении птиц во время пути и определялось даже, по сколько их сажать на одну подводку. Птиц привозили в Москву ежегодно по зимнему пути штук по двести в возках или санях, обитых войлоком. За пло-

хое смотренье за птицами помытчики строго наказывались. Меры строгости царю казались необходимыми как по сильной его страсти к охоте, так и потому, что ловчие птицы имели большую ценность — до тысячи рублей, а по тогдашнему времени это была громадная сумма. Самыми лучшими птицами считались красные, подкрасные и цветные; серых же и крапленых посылать в Москву не велено.

Охотился царь большей частью под Москвой: на Девичьем поле, в селах Коломенском, Покровском, Семеновском, Преображенском, Хорошове, Ростокине, Тайнинском, Голенищеве (Троицком) и в других. Выезд царя на охоту назывался походом на потехи. Иногда царь выезжал со своим семейством. Выезды эти были необыкновенно пышны и торжественны.

Со вступлением на престол Петра посылка кречетов к царскому двору была прекращена, а вместе с тем начала приходить в упадок и соколиная охота: не птичья забава была на уме у великого преобразователя России.

При Петре один только знаменитый князь-

кесарь Ромодановский не оставлял соколиной охоты и совершал ее с прежней торжественностью.

По описанию современников, происходило это так: в осеннее время, когда хлеб был убран с полей, князь отправлялся из Москвы, чтобы в ее окрестностях и в рощах, прилегающих к селам Коломенскому, Измайлову и другим, потешиться соколиной охотой, которую он любил до страсти. В день, назначенный для охоты, множество ловчих, сокольничих, подсокольничих и поддатней, в зеленых чекменях с золотыми или серебряными нашивками, опушенных иногда соболями, в красных шароварах и желтых сапогах, в длинных, по локоть, лосинных рукавицах и горностаевых шапках, с перевязями через плечо — одна из серебряной тесьмы, к которой привешана была обитая бархатом лядунка, и другая — из золотой тесьмы, на которой висел серебряный рог, — опоясанные ремнями, кои увешаны были кольцами, ждали у ворот появления князя-кесаря. По данному знаку, при звуках рогов выезжали они на горских лошадях в поле: одни вели за собой на смычках своры со-

бак, другие на прикрепленных к пальцам стальных кляпышках (палочки, на которых держат охотники соколов и кречетов), обвитых серебряной или золотой проволокой, несли сибирских кречетов с подвешенными к ним бубенчиками, под бархатными клубучками, шитыми серебром, золотом или разноцветными шелками. Князь-кесарь приглашал обыкновенно многих вельмож для участия в этой забаве.

Он сам выезжал на арабском жеребце; свита его, простиравшаяся иногда до 500 человек, вся посажена была на лошадей из его конюшен. Большой обоз со съестными припасами и напитками ехал вслед. Во время охоты подсокольники подавали князю и гостям его кляпыши с кречетами. Собаки напускались для отыскания добычи; едва она подымалась, державшие на руках кречетов снимали с них клубучки, и громкие крики одобрения сопровождали этих верных охотников, когда, пустившись стрелой на добычу и поразив ее, они по свисту сокольничего возвращались к своим господам. Охота оканчивалась сытным обедом. Те из простых ловчих или сокольни-

чих, которые имели случай отличиться, удостоивались чести разделять трапезу князя. Потом следовала общая попойка, и чем ловля была успешнее, тем пир был шумнее.

Харитония Исповедника, что в Огородниках. Церковь построена царем Алексеем Михайловичем в 1652 году в память дня своего коронования (28 сентября 1645 года)[287]. Но здесь (близ Мясницкой улицы, в Харитоньевском переулке) была церковь и ранее во имя Владимирской Божьей Матери, которая остается главной. Престол же Св. Харитония находится в колокольне. Есть и еще придел Св. Архангела Михаила. Храм этот замечателен своей древностью и красотой. Слывет «в Огородниках» по бывшим здесь прежде огородам.

Николая Чудотворца, что на Мясницкой. При Петре Великом не было построено ни одного монастыря в Москве, но сооружено несколько церквей, из которых некоторые по собственному плану царя. К их числу принадлежит и Св. Николай на Мясницкой. Год ее построения неизвестен, но в 1625 году она уже существовала, деревянная. В 1705 году она вновь построена иждивением одного думного

дьяка в умилоствление Бога за грех непочтения к своему отцу. Некоторые изыскатели русской старины утверждают, что церковь эта была прежде католической кирхой, но это утверждение ни на чем не основано, так как о всех иноверческих храмах есть достоверные известия, да и стиль самого храма служит опровержением. Сам храм — во имя Сошествия Святого Духа. Приделы: Св. Николая Чудотворца и Св. Евангелиста Матфея. В храме находится местночтимая икона Св. Николая.

Трех Святителей, что у Красных ворот. Первоначально церковь была деревянная, неизвестно когда построенная, и именовалась Св. Харитония в Огородниках. Каменная же церковь построена в 1699 году. Есть придел во имя мученика Харлампия. По построении близ церкви триумфальных ворот, именуемых Красными, церковь стала называться «у Красных ворот». Архитектура церкви проста[288].

Иоанна Предтечи в Казенной. Находится на Покровке, у Земляного вала. Здесь существовала церковь с незапамятных времен, которая затем перестраивалась в 1741, 1794 и

1801 годах. Церковь имеет вид красивой ротонды. В ней два придела (Св. Николая Чудотворца и Св. Дмитрия Ростовского) и местночтимая икона Божьей Матери Утоли мои печали. Называется «в Казенной» потому, что здесь находилась казенная слобода служителей, обязанностью которых было смотреть за заводскими царскими лошадьми, бывшими под начальством обер-шталмейстера князя Ромодановского. По его имени и слобода долго называлась казенной слободой Ромодановой.

Апостола Иакова в Казенной. Построена в 1676 году, а перестроена в 1833 году московским купцом Иваном Матвеевичем Ярцевым, а приделы (Апостола Иакова и Св. Николая Чудотворца) перестроены в 1841 году купеческой женой Татьяной Ивановной Тумаковой. Церковь во имя Казанской Божьей Матери находится близ Покровки, в Яковлевском переулке, получившем название от церкви.

Воскресения Христова в Барашах. Построена на месте старой, существовавшей с XVI столетия, в 1734 году, в царствование императрицы Анны Ивановны, и отличается ар-

хитектурой: она сделана наподобие дома в два этажа и украшена главой в виде короны. При самом построении церкви короны этой не было; она поставлена при императрице Елизавете Петровне, которая, возвращаясь из любимого своего села Перова, молилась здесь однажды по одному радостному для нее событию. В память этого она и велела поставить корону. Внутренность церкви соответствует ее наружной огромности. Здесь еще один храм во имя Покрова Пресвятой Богородицы (нижний) и три придела: Алексия Божья человека. Св. Николая Чудотворца и Симеона Праведного и Анны Пророчицы. Здесь же находятся местночтимая икона Покрова Пресвятой Богородицы и замечательный большой крест, имеющий 160 частиц святых мощей, а над ними иконы тех угодников, чьи святые мощи в кресте. Название свое «в Барашах» церковь получила от существовавшей тут (по правую сторону Покровки, где Лялин и Введенский переулки) Барашевской слободы. О названии «Бараша» рассказывалось уже ранее. Недалеко (во Введенском переулке) находится другая церковь — Введения во храм

Пресвятой Богородицы, именуемая тоже «в Барашах» и имеющая два придела: Пророка Илии и Мученика Логина Сотника. Церковь эта одна из стариннейших. Она освящена 11 октября 1647 года, а приделы освящены: первый — 19 июля 1653 года, второй — 15 октября 1668 года. Следовательно, она относится ко временам царя Алексея Михайловича.

Илии Пророка на Воронцовом поле. Здесь в древности стояло село, принадлежавшее боярам Воронцовым, из коих Николай Воронеж приходился свояком великому князю Дмитрию Ивановичу Донскому. Церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы построена в 1653 году на месте старой, появившейся при великом князе Василии Ивановиче в 1518 году и именовавшейся прежде (в XVI столетии) «под сосенками», потому что около церкви росли громадные сосны. Церковь замечательна своей красивой архитектурой, в особенности колокольни. В храме два придела: Пророка Илии (в честь коего церковь и именуется) и Мученицы Параскевы Пятницы. В первом приделе — особо чтимая древняя икона Пророка Илии. При церкви были неко-

гда погребены Прокофий Ляпунов и Иван Ржевский[289].

Воронцовым полем называется место, находящееся на правом берегу Яузы у Земляного вала, близ Землянского моста через Яузу.

Грузинской Божьей Матери. На Воронцовом же поле, близ Яузы, находится и церковь с главным храмом во имя Покрова Пресвятой Богородицы с приделами: во имя Гавриила Архангела и св. Николая Чудотворца. В храме местночтимая чудотворная икона Божьей Матери Грузинской. Церковь построена не позже 1722 года.

Троицы, что в Сыромятниках. Прямо против Воронцова поля, за валом, существовала слобода, где выделывались сыромятные кожи, и потому она носила название Сыромятной. Здесь в 1600 году построена слобожанами церковь во имя Троицы. В 1806 году церковь переделана заново. В ней приделы: Св. Николая Чудотворца и Преподобного Сергия Радонежского.

Троицы, что в Серебренниках. Первоначально здесь (не доходя каменного Яузского моста, слева) церковь была построена в нача-

ле XVII столетия и называлась «в старых денежных мастерах», потому что здесь был старый монетный двор и жили отдельной слободой серебрянники, т. е. мастера монетного дела. На месте старой церкви в 1781 году купеческой женой Т. И. Суровщиковой построена новая, каменная, известная более по приделу Иоанна Предтечи. Также и место это зовется «у Иоанна Предтечи, что у Яузского моста», потому что в церкви находится чудотворный образ Усекновения главы св. Иоанна Предтечи. Тут же довольно долгое время был дом Горного правления, где специально плавил одно серебро. Приделы: Иоанна Предтечи, Казанской Божьей Матери и Св. Василия Великого.

Николая Чудотворца в Кошелях. У Яузских ворот. Здесь прежде была Кошельная слобода: слобожане делали кошели для поклажи съестных и других припасов. А потому и церковь, построенная в 1692 году в этой слободе, именуется «в Кошелях». Приделы: Св. Бориса и Глеба и Божьей Матери всех Скорбящих Радости.

Стефана Первомученика, архидиакона.

За рекой Яузой, на Николо-Ямской улице, близ церкви Симеона Столпника. Построена деревянной в XVI столетии; перестроена в XVII столетии; замечательна своей старой, не подвергавшейся переделкам архитектурой. Весьма мала. Приделы: Мучеников Виктора и Викентия и Св. Николая Чудотворца.

Николая Чудотворца, что в Котельниках. Мастера, делавшие котлы, — котельники — имели здесь (за Яузой, на набережной) свою слободу и церковь во имя Св. Троицы, именованную «в Старых Кузнецах». Церковь эта сгорела, и на ее месте в 1547 году построена новая, каменная, которая перестроена вновь в 1820 году князем С. М. Голицыным в поминовение своих предков Строгановых, которые погребены в трапезной этой церкви. Приделы: Преподобной мученицы Евдокии и Св. Зосимы и Савватия Соловецкого. Говорят еще, что церковь называется «в Котельниках» потому, что она стоит под крутой горой, в яме, похожей на котел.

Косьмы и Дамиана, что в Старой Кузнецкой. Находится близ вышеописанной церкви Николая Чудотворца в Котельниках, где была

Кузнецкая слобода. Здесь был мужской монастырь, существовавший в XV столетии, но когда он уничтожен — неизвестно. Церковь с приделом Св. Филиппа Митрополита построена в 1657 году. Она возобновлялась.

Косьмы и Дамиана, что в Таганной слободе. Построена в 1656 году. Несколько раз возобновлялась. Приделы: Рождества Пресвятой Богородицы, Св. апостола Иоанна Богослова, Преподобного Илии и Симеона Праведного и Анны Пророчицы.

Николая Чудотворца, что на Болвановке. Близ Таганского рынка, на Шивогорской улице. Сперва церковь была деревянная, построена не позже 1686 года и носила название, «что в кузнецах, у Таганских ворот». Потом заново построена в первой половине XVIII столетия. Верхняя — во имя Введения во храм Пресвятой Богородицы, нижняя — Св. Николая Чудотворца. Придел Св. апостолов Петра и Павла. Здесь в старину была слободка мастеров, которые делали формы, или болваны, для чугунолитейщиков и гончаров, проживавших вблизи в своих слободах; потому и местность получила название Болвановки, и

название это не следует смешивать с названием Болвановки за Москвой-рекой, где известная церковь Преображения, уже описанная раньше.

Воскресения Христова в Гончарах. Здесь у так называемого Красного холма, близ нынешнего Краснохолмского моста, на низменном берегу Москвы-реки был прежде Зосимо-Савватьевский мужской монастырь, основанный в XVII столетии при царе Алексее Михайловиче. Потом, в 1658 году, по случаю постоянного затопления этой местности при разливах Москвы-реки обитель перенесена в город Бронницы. Церковь Воскресения построена несколько выше в конце XVI столетия. Приделы: Пресвятой Богородицы Тихвинской и Преподобного Сергия Радонежского.

Церковь называется «в Гончарах» потому, что здесь была слобода гончаров, или, по старому, глинчарей, которые выделывали горшки, изразцы и другие предметы из глины.

Успения Пресвятой Богородицы в Гончарах. Называется «в Гончарах» потому же, что и вышеописанная церковь. Построена в 1654 году с приделом Св. Тихона Амафунтского.

Церковь была возобновляема. Находится на Таганке, на Гончарной улице.

Николая Чудотворца, что на Студенце. Находится на Таганской улице в местности, именуемой Студенец (переулок между Таганской и Воронцовской улицами). Здесь в XVIII столетии и раньше находился обширный и глубокий колодец, или студенец, в котором была чрезвычайно хорошая и холодная вода. Этот колодец был во всей округе только один. Потом он был варварски засорен и засыпан.

Церковь во имя Казанской Божьей Матери построена здесь в первой половине XVI столетия, а Св. Николая Чудотворца при этой церкви — придел. Есть и еще придел — во имя Трех Святителей.

Николая Чудотворца, что на Ямах. Земля, на которой находится этот храм (за Яузой, на Николо-Ямской улице), принадлежала прежде ямщикам, и здесь был самый ям, т. е. Ямской двор, где нанимали лошадей в дорогу. Отсюда и происхождение названия церкви. Впрочем, земля эта могла быть изрыта ямами по случаю копания глины.

Церковь — во имя Св. Троицы с приделами

Св. Николая Чудотворца и Св. Иоанна Предтечи — построена в 1697 году.

Воскресения Христова, что в Таганке. На Семеновской улице. Построена в 1671 году прихожанами, а по обветшании перестроена в 1790 году, освящена же в 1801 году. Приделы: Тихвинской Божьей Матери и Мучеников Андриана и Наталии. О значении слова «таган» мы уже говорили.

Никиты Великомученика, что в Старой Басманной. Сама церковь — во имя Владимирской Божьей Матери, а Св. Никиты Великомученика — придел. Построены в 1517 году великим князем Василием Ивановичем, который провожал до этого места принесенные из Владимира святые иконы, почему с того времени до 1683 года и был сюда крестный ход. Церковь эта обветшала и была совершенно перестроена в 1751 году. Замечательна своей великолепной архитектурой.

Петра и Павла, что на Новой Басманной. Церковь верхняя — Св. апостолов Петра и Павла, нижняя — Св. Николая Чудотворца с приделами Владимирской Божьей Матери Утоли мои печали; начала строиться в 1714

году на пожалованные Петром Великим 2 тысячи рублей и по его плану; окончена и освящена в 1719 году. В храме местночтимая икона Божьей Матери Утоли мои печали.

Богоявления Господня, что в Елохове. До 1722 года здесь была деревянная церковь. Настоящая церковь, прекрасной архитектуры, начата постройкой в 1722 году и окончена в 1731 и в том же году 4 июля освящена. На постройку церкви по просьбе полковника Воронцовского, прихожанина этой церкви, кирпич пожалован Петром I. Окончена церковь на средства великой княжны Прасковьи Ивановны. Приделы: Благовещения Пресвятой Богородицы и Св. Николая Чудотворца. В храме — особо чтимая икона Божьей Матери всех Скорбящих Радости.

Покрова Пресвятой Богородицы в Покровском (село Покровское). В глубокой древности здесь (Большая Покровская улица и ее окрестности) было обширнейшее село Рубцово, и в нем находилось несколько церквей. Царь Михаил Федорович, очень любивший это село, построил в нем церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, и с тех пор село

получило название Покровского. Церковь построена (с 1619 по 1626 год) в память отражения 1 октября 1615 года вступивших было в Москву поляков. Ныне здесь Покровская епархиальная община сестер милосердия, состоящая под покровительством государыни императрицы.

Ирины Великомученицы, что в селе Покровском. На Ирининской улице в Лефортово. Первоначально построена деревянная (в 1766 г.) Св. великомученицы Екатерины с приделом Великомученицы Ирины, а в 1790 году — каменная Св. Троицы с приделами Великомучениц Екатерины и Ирины. Первоначальная церковь построена на средства императрицы Екатерины II, а каменная — на средства прихожан.

Николая Чудотворца, что в селе Покровском. На Большой Покровской улице. Церковь — каменная, сооружена в 1766 году на месте деревянной, сгоревшей (построена в 1613 г.). Приделы: Покрова Пресвятой Богородицы и Св. апостолов Петра и Павла.

Покрова Пресвятой Богородицы, что в Красном селе. На Красносельской улице. По-

строена с приделами Св. Николая Чудотворца и Иоанна Предтечи в 1701 году, а по обветшании перестроена в 1751 году, освящена 25 августа того же года. В храме особо чтимая икона Покрова Пресвятой Богородицы.

Красное село основалось при великом князе Василии Ивановиче, и, несомненно, названо Красным по своей красоте. Тогда же был выкопан и огромный Красносельский пруд. К стыду красносельцев, надо заметить, что они одни из первых предались первому самозванцу. Когда Петр Басманов, сговорившись с князем Голицыным и Салтыковым, объявил войскам, что Лжедмитрий есть истинный царь, то войска тотчас же провозгласили Лжедмитрия своим государем, и только немногие остались верными Федору Годунову. Пользуясь этим, нигде не встречая сопротивления, Лжедмитрий двинулся к Москве; он послал вперед гонцов с грамотой, в которой говорил, что он прирожденный царь московский, что народ присягал Борису незаконно, но что он простит всех, кто поспешит признать его истинным царем. Гонцы самозванца, Плещеев и Пушкин, по прибытии в Москву остано-

лись в Красном селе, где жили богатые купцы и ремесленники. Эти последние приняли гонцов с радостью и повели их в Москву. Царь Федор, узнав об этом, выслал против них стрельцов, но они не захотели действовать против безоружной толпы и ушли обратно. Плещеев и Пушкин вышли на Лобное место и прочли собравшемуся народу грамоту Лжедмитрия; дело самозванца было выиграно. 20 июня 1605 года расстрига въехал в Москву. Может быть, обстоятельства сложились бы совсем иначе, если бы красносельцы не приняли сторону самозванца.

Красное село при Екатерине II вошло в черту города, сделавшись его окраиной, но оставшись при своем старом названии.

Сергия Чудотворца, что в Пушкарях. Между Сретенкой и Грачевкой, в Сергиевском переулке. Именовалась прежде «что в Пушкарях, у Трубы». Сперва (около 1620 г.) построена была деревянная проживавшими здесь слободой пушкарями, но потом, в 1684 году, воздвигнута каменная во имя Св. Троицы. Здесь, как мы уже говорили в обзрении Земляного города, был первый колокольный за-

вод. Замечательно, что эта церковь была первенствующей при всех артиллерийских полках, и на нее из всех артиллерийских полков производилось подаяние. Кроме придела Преподобного Сергия при церкви еще придел Св. Митрофания Воронежского. Архитектура церкви оригинальна и красива.

Преображения Господня в Пушкарях. Называется «в Пушкарях» потому же, что и церковь Преподобного Сергия. Находится на Сретенке. Сперва построена (около 1625 г.) деревянная, но в 1722 году заменена каменной; оградой обнесена в 1817 году. Прежде называлась «за Сретенскими вороты, что в Пушкарях». Приделы: Казанской Божьей Матери и Св. Николая Чудотворца. Сохранила свой первобытный вид.

Панкратия Священномученика, что близ Сухаревой башни. По описным книгам за 1625 год церковь именовалась «за Сретенскими вороты», в 1686 году — «в Панкратьевской слободе». Перестроена в 1700 году, а освящена 9 июля 1701 года. Настоящий храм во имя Всемилоственного Спаса, а Панкратия — придел.

Филиппа Митрополита Московского (ча-

совня у Креста). На Первой Мещанской. Построена, деревянная, в 1652 году по случаю встречи здесь мощей святителя. Никон, еще не патриарх, привез мощи св. Филиппа в Москву 3 июля 1652 года, и на том месте, где они были встречены горожанами, был поставлен дубовый крест, который теперь стоит в каменной часовне у Троицкой заставы, получившей от этого название Крестовской, Часовня стояла там с давних времен, и в ней останавливались цари для краткого отдыха и переодевания. Здесь же, по преданию, останавливался для отдыха и преподобный Сергей, всегда ходивший пешком от Троицы в Москву. Святые мощи Филиппа были встречены царем Алексеем Михайловичем с многочисленным духовенством и двором. Мощи святителя были пронесены на Лобное место, где подле них получила исцеление одна девица, потом на площадь против Грановитой палаты, где опять было исцеление, и в Успенский собор, где они стояли десять дней для поклонения молящихся. Множество больных получило при этом исцеление. Все десять дней звонили в колокола с утра до вечера,

как на Святой неделе.

Когда деревянная церковь пришла в ветхость, то на ее месте в 1686 году построена каменная, которая перестроена вновь в 1777 году. Архитектура церкви очень красивая. Приделы: Алексия Божья человека и Преподобного Сергия Радонежского.

Андреана и Наталии. Настоящая церковь во имя св. апостолов Петра и Павла построена на месте деревянной в 1686 году. Во имя же св. Андреана и Наталии — придел. Есть и еще придел — Св. Николая Чудотворца. Архитектура церкви довольно красивая, в пять глав. Церковь обновлена.

Преображения Господня, что в Спасской. За Сухаревой башней, на Большой Спасской улице. До построения церкви здесь была бедная слободка, носившая название Марфина. Главная улица слободки называлась Марфиной улицей. Церковь построена в 1698 году, освящена в 1701 году. В этой церкви долгое время был священником отец знаменитого митрополита Платона (Левшина). Он умер во время чумы в 1772 году и погребен при церкви. Церковь реставрирована и при ней на

средства фабриканта Фомичева построена прекрасная колокольня и повешены новые благозвучные колокола. Приделы: Тихвинской Божьей Матери и Св. Николая Чудотворца. От Большой Спасской два переулка, Скорняжный и Докучаев, упираются в Домниковскую улицу.

Скорняжный переулок в старину назывался Скорняковский. Здесь селились своими дворами скорняки; так, в 1739 году тут находился дом Сибирского приказа скорняка Медведки. Докучаев переулок получил свое название от фамилии жившего здесь в 1737 году фабриканта Докучаева. Домниковская улица названа по фамилии жившего здесь в 1739 году домовладельца капитана Домнина.

Иоанна Предтечи, что в Ямской Переяславской слободе. У Крестовской заставы. Церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы с приделами Иоанна Предтечи и Св. Николая Чудотворца построена (деревянная) в 1712 году, каменная же сооружена в 1765 году. Замечательно, что это был один из многолюднейших приходов в Москве: в приходе в 1722 году насчитывалось 550 дворов. Это объясня-

ется тем, что здесь был Бутырский полк военных людей, к которому приписаны были дворовые люди, отдаваемые в услуги священникам. В храме, не подвергавшемся наружным переделкам, находится местночтимая икона Знамения Божьей Матери.

Здесь в округе были две слободы переяславских ямщиков, и нынешняя 1-я Мещанская у лица называлась Переяславской улицей.

Николая Чудотворца, что в Дербентском. Находится между Уланским и Стрелецким переулками. Прежде церковь была деревянная, построенная не позже 1686 года, и называлась Дербентской, что на Ольховце в Стрелецкой слободе. Во время покорения Петром I города Дербента здесь в 1715 году вновь выстроена каменная церковь и названа Николаевской, что в Дербентском, так как Дербентский полк имел в этом приходе свою землю, что значит по писцовым книгам. Стало быть, наименование «в Дербентском» происходит или от Дербентского полка, или от слов «дерба, дербина», что означает залежь с моховиной и кочкарником, потому что здесь мест-

ность была низкая и топкая. От того же произошло и название «на Ольховце».

При храме придел во имя преподобного Сергия Радонежского, который, как и храм, обновлен, сохранив, однако, свой прежний, старый стиль.

Троицы, что в Троицкой. В обозрении Земляного города мы уже говорили о местности, на которой находится этот храм. Он и приделы Преподобного Сергия и Божьей Матери Иверской построены в 1708 году. Но здесь храм существовал исстари. Теперь это Троицкое подворье с домом московского митрополита. Храм не раз обновлялся. В нем находится чудотворная икона Всемиловитового Спаса.

Дом московского викария находится на Тверской. Именуется Саввинским подворьем. Тут храм Преподобного Саввы Звенигородского и при входе на подворье, над воротами, — чудотворная икона Преподобного Саввы Звенигородского. Храм здесь был с половины XVI столетия[290]. Место это было пожаловано грекам, и храм был во имя Воскресения Христова с приделами Архистратига Михаила,

Св. Николая Чудотворца и Преподобного Саввы Сторожевского. В 1651 году подворье приписано к Саввину монастырю, а в 1691 году здесь построена новая каменная церковь во имя преподобного Саввы. С 1842 года в доме Саввинского подворья пребывают викарии Московской митрополии.

Иоанна Богослова, что в Бронной. Близ Тверского бульвара. Построена около 1620 года, перестроена в 1686 году. Приделы: Св. Николая Чудотворца и Св. Митрофания Воронежского. В храме чудотворная икона Божьей Матери Умиления.

Здесь были две слободы мастеров, делавших военные брони: Большая и Малая Бронная.

Воскресения Христова, что в Малой Бронной. Построена в 1690 году иждивением окольного Семена Полтева. Приделы: Алексия Божья человека и Св. апостола Иоанна Богослова. Сохранила свой первоначальный стиль.

Великомученика Георгия, что на Всполье. На Малой Никитской близ Кудринской Садовой. Превья церковь, построенная около

1650 года, была деревянная. Затем построена каменная на дарованной боярином Никитой Ивановичем Романовым земле. Так как предок Романовых был Георгий (Юрий), то является догадка: не была ли эта церковь родовой церковью фамилии Романовых подобно бывшему на Дмитровке Георгиевскому монастырю? К первой половине XVIII столетия церковь пришла в ветхость и потому вновь перестроена прихожанами и графом Орловым в 1777 году. «На Всполье» называется потому, что прежде находилась близ поля. Приделы: Преподобного Сергия Радонежского и Божьей Матери Иерусалимской, местночтимая икона которой находится в храме.

Покрова Пресвятой Богородицы, что в Кудрине. На Кудринской улице близ Пресненских прудов. Каменная церковь построена в 1704 году, а в 1800 году два придела: Св. Николай Чудотворца и Алексия Божья человека.

Здесь было одно из старинных подмосковных сел — Кудрино. Ясно, что название происходит от слова «кудри». Наверное, от тех кудрявых роц, которыми в старину окружено было село, хотя мог быть Кудриним какой-ли-

бо владелец села.

Рождества Иоанна Предтечи, что за Пресней. Построена деревянной в 1700 году. На ее месте сооружена каменная около 1750 года. Церковь одна из стариннейших, сохранившая свою первоначальную архитектуру. Приделы: Софьи и Иоанна Воина, Находится в Предтеченском переулке.

Св. Девяти Мучеников, что близ Пресни, за Житным патриаршим двором. При описании церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы при упраздненном Новинском монастыре мы уже говорили, что Новинский монастырь был домовым, митрополичьим. Вблизи этого монастыря находились и митрополичьи (потом патриаршие) житницы. У одной из этих житниц и существовала с начала XVI столетия деревянная церковь во имя Св. Девяти Мучеников. В 1735 году на месте деревянной была построена каменная с приделами Михаила Архангела и Великомученицы Варвары. В храме особо чтимая икона Девяти Мучеников Кизических.

Николая Чудотворца, что на Новом Ваганькове. Местность, где находится церковь

(близ Пресненской заставы), называется Новым Ваганьковым потому, что было Старое Ваганьково. Оно находилось за нынешним домом Пашкова, где была церковь Николая Чудотворца, упраздненная и сломанная в 1830 году.

На Новом Ваганькове сперва церковь была построена деревянная. В 1700 году она уже существовала. Каменная, во имя Пресвященной Богородицы Живоносного Источника, построена в 1765 году с приделами Св. Николая Чудотворца и Св. Дмитрия Ростовского. Церковь именовалась еще «на Трех горах». Из каких-то видов при царе Михаиле Федоровиче в 1631 году часть обывателей из Ваганькова была переведена на Три горы, и, таким образом, явилось два Ваганькова: Старое и Новое. Слово «Ваганьково» происходит от «ваганов», т. е. выдолбленных из дерева ночев (корыт), из которых малороссийские чумаки и казаки обыкновенно во время своих странствований едали кулиш (кашицу), приготовляемый ими из пшена, а ежели то были жестяные или железные, то в них и готовили кулиш. Приезжая в Москву, они останавливались поблизости

Арбата, у бывшего Крестовоз-движенского монастыря, и эта местность получила название Ваганькова. По другой версии, под «ваганами» разумелись царские псары, что также можно допустить ввиду того, что псары кормили собак из ночев (корыт, ваганов). Народ мог называть их по корытам — ваганами.

Великомученика Георгия, что в Грузинах [291]. Деревянная церковь существовала здесь с начала XVI столетия, каменная построена в 1792 году, а в 1799 году — приделы: Рождества Христова и Св. апостолов Петра и Павла, В храме местночтимая икона Св. Николая Чудотворца.

Василия Кесарийского, что в Тверской ямской слободе. Это один из богатейших приходов в Москве. Церковь отличается грандиозной архитектурой и обширностью. Первоначально была построена в 1688 году, а в 1814-м сооружена теплая церковь с двумя приделами: Св. Николая Чудотворца и Пророка Илии. В 1845 году церковь перестроена. В 1891 году здесь отпевали тело безвременно скончавшейся 12 сентября в селе Ильинском великой княгини Александры Георгиевны, су-

пруги великого князя Павла Александровича. В память о покойной супруге он пожертвовал в храм драгоценную лампаду.

Священномученика Ермолая на Козьем болоте. Церковь находится на Садовой-Кудринской улице. Построена при царе Василии Ивановиче Шуйском в 1610 году (что такое Козье болото, мы уже говорили). Храм во имя Введения в храм Пресвятой Богородицы, а Св. Ермолая — придел. Тут же еще придел Живоначальной Троицы. В последнее время храм возобновлен.

Спиридония на Козьем болоте. Сперва называлась «у Патриарших прудов» или «в Патриаршей слободе». Церковь построена около 1600 года. В XVII столетии храм возобновлен во имя Рождества Пресвятой Богородицы, а Св. Спиридония осталась придельной церковью. Еще приделы: Св. апостолов Петра и Павла и Св. Николая Чудотворца. В храме находится старинная многочтимая икона Св. Спиридония.

Рождества Христова, что в Палашах. Построена в 1573 году и отличается своей древностью и архитектурой. Приделы: Св. Нико-

лая Чудотворца и Божьей Матери Взыскания Погибших, чудотворная икона которой находится в храме[292]. Расположена близ Тверской улицы, в Палашевском переулке, называется «в Палашах» потому, что здесь жили мастера, делавшие преимущественно палаши — древнее оружие наподобие меча. Близко расположена Бронная улица, поэтому название местности от палашей, а не от палачей, как уверяют некоторые изыскатели русской старины[293].

Св. Пимена, что в Старых Воротниках. Находится близ Садовой в Пименовском переулке. Первоначально построена около 1620 года деревянной. В 1722 году церковь была уже каменная во имя Св. Троицы; Св. Пимена же был придел. Теплая церковь построена в 1825 году, холодная — в 1848-м. Помимо сторожей у городских ворот воротниками назывались особые мастера при пушечном деле. Поэтому, принимая во внимание, что вблизи этой местности проживали военные мастера в Бронной, в Палашах и в Пушкарях, более вероятно здесь название военных воротников (воротить, поворачивать), а не привратников,

которые жили поблизости своих ворот.

Дорогомиловская слобода получила свое название будто бы потому, что приезжающие в эту слободу Большую Смоленскую дорогу, как ровную и гладкую, называли дорогой, милой. По другому преданию, старые ямщики хотя и дорого брали, но скоро и исправно доставляли проезжающих к местам назначения, почему и говорилось: «Дорого, да мило!» Но скорее всего Дорогомилово произошло от собственного имени: от фамилии Дорогомиловых.

Троицы, что в Зубове. На Пречистенке. Церковь построена не позже 1686 года, так как в этом году она уже значится в описной книге. Сказано: «Церковь каменная Живоначальная Троицы, что в Стрелецкой слободе в Иванове приказе Зубова». Ясно, что тут была Стрелецкая слобода и по имени ее начальника Зубова урочище получило это название. Церковь одна из старинных. В ней приделы: Покрова Пресвятой Богородицы и Св. Николая Чудотворца.

Знамя Пресвятой Богородицы, что в Зубове. Находится на Зубовской улице, иду-

щей от Zubovskoy площади до Девичьего поля, построена в 1694 году. Приделы: Св. Николая Чудотворца и Преподобного Александра Свирского.

Николая Чудотворца, что в Хамовниках. Близ Крымского моста на Хамовническом плацу. Церковь построена не позже 1625 года, так как в этом году она уже значится в писцовых книгах; но, вероятно, она была деревянная: только в писцовых книгах 1686 года она значится каменной, а с 1722 — уже с приделом во имя св. Алексия Митрополита. Другой придел — во имя Божьей Матери Споручницы грешных[294], чудотворная икона коей находится в храме. Храм внутри расписан в 1845 году. О значении слова «Хамовники» говорилось раньше.

Воскресения Христова, что на Остоженке (Новая). Называется Новая потому, что тут же, на Остоженке, существовала церковь Воскресения Старая. Она была построена в 1629 году и сломана после 1812 года.

Церковь Воскресения Новая построена не позже 1625 года, потому что под этим годом она упоминается в писцовых книгах. В 1689

году при церкви было устроено кладбище, уничтоженное в 1771 году. Приделы: Покрова Пресвятой Богородицы и Великомученицы Варвары.

Рождества Христова, что в Кудрине. На конце Поварской к Новинскому бульвару, близ Кудрина. Построена не позже 1686 года, упоминается в писцовых книгах под этим годом. Сказано: «Церковь деревянная Рождества Христова, что в Стрелецкой слободе в Иванове приказе Ендогурова». Тут же упоминается и о существовавшей здесь «съезжей стрелецкой избы». В самом начале XVIII столетия церковь, вероятно, была возобновлена, но уже каменной. В 1812 году она была разорена и за упразднением приписана к Покровской, что в Кудрине, церкви, но в 1815 году по желанию прихожан получила самостоятельность. В 1855 и 1856 годах храм этот иждивением прихожан возобновлен. Приделы: Божьей Матери Тихвинской и Божьей Матери Казанской, местночтимая икона коей находится в храме.

Николая Чудотворца, что на Курьих ножках. На Большой Молчановке, идущей от Поварской до Трубникова переулка и получив-

шей свое название по имени жившего здесь в 1769 году домовладельца капитана Молчанова.

Церковь построена не позже 1686 года, под которым она упоминается в писцовых книгах, именуясь сперва «в Трубниках» (тут были дворы дворцовых трубников, или трубачей), а потому уже «на Курьих ножках». Церковь вначале была деревянная, но когда построена каменная — неизвестно. Под 1686 годом в приходе этой церкви означены дворы боярина Бориса Ивановича Морозова и стрелецкого сотника Андрея Сухорукова. Придел — Великомученицы Екатерины.

Благовещения Пресвятой Богородицы, что за Тверскими воротами. На Тверской, ближе к Старым Триумфальным воротам. Церковь построена не позже 1686 года, под которым упоминается в писцовых книгах и называется «в стрелецкой слободе за Тверскими воротами». Церковь была деревянная; но в писцовых книгах за 1722 год о ней уже говорится как о каменной. Приделы: Св. Зосимы и Савватия Соловецких и Св. Николая Чудотворца.

Воздвижения Креста Господня, что на Пометном Вражке. На Плюшихе, в Большом Воздвиженском переулке, получившем название от церкви. Построена в 1658 году на месте прежней свалки, на что указывает видимый нанос земли, образовавшийся от сора и мусора, почему и местность названа Пометный Вражек. Колокольня построена в 1846 году купцом Г. М. Блохиным, Недалеко от церковной земли в саду купчихи Ю. И. Бергман находится небольшая часовня, в которой поставлен деревянный крест с надписью, что на том месте в 1785 году существовал престол домово́й церкви Св. Николая, который снят 8 мая 1845 года. При церкви приделы: Божьей Матери всех Скорбящих Радости и Архангела Гавриила.

Алексия Митрополита. На углу Нико́ло-Ямской улицы и Малой Алексеевской, названной, как и Большая Алексеевская улица, по имени церкви. Построена первоначально не позже 1625 года, потому что под этим годом упоминается в писцовых книгах и названа «что на Подкопе». Каменная церковь построена в 1748 году тщанием прихожан, о чем

и имеется надпись при входе в церковь, и освящена в царствование императрицы Елизаветы Петровны. Есть предание, что церковь построена на месте, где находилась палатка св. Алексия-митрополита, в которой он останавливался при обозрении построения Спасо-Андроньева монастыря. В 1812 году церковь осталась неприкосновенной. Главный храм — во имя Федоровской Божьей Матери, перед иконой которой, по преданию, царь Алексей Михайлович приходил молиться с дворцовой свитой. Приделы: Св. Алексия Митрополита и Св. Николая Чудотворца. В храме имеется пять древних икон.

Мартина Исповедника. Между Большой и Малой Алексеевскими улицами. Деревянная церковь построена была не позже 1625 года. Каменная сооружена на средства именитого гражданина (в 1800 г.) В. Я. Жигарева. Главный храм во имя Вознесения Господня. Приделы: Божьей Матери Грузинской и Св. Мартина Исповедника, который первоначально был главным храмом. Церковь отличается красивой архитектурой.

Преподобного Сергия, что в Рогожской.

Из писцовых окладных книг видно, что церковь существовала до 1625 года и была каменная. Так как церковь эта первоначально была невелика, то ее прихожанами в 1800 году на месте прежней построена более обширная. В строении храма главное участие принимал бывший тогда церковный староста Г. П. Смольянский, вложивший в это дело все свое состояние. В 1812 году храм подвергся расхищению, а в 1834 году во время большого пожара сгорел, но церковное имущество и сосуды были спасены; после этого храм был окончательно возобновлен в 1838 году, а новая колокольня построена в 1864 году. Главный храм — во имя Св. Троицы, приделы: Преподобного Сергия и Св. Николая Чудотворца.

Под именем Рогожской была известна находившаяся здесь Ямская слобода, откуда шла дорога в село Рогожи, которое в 1781 году переименовано в уездный город Богородск. Между прочим, 1-я Рогожская улица называлась также Крутоярской по находившемуся здесь долгое время питейному заведению «Крутой Яр». Некоторые объясняют название Рогожской тем, что в этой слободе издревле

производился большой торг рогожами. И то и другое объяснение может быть достоверным.

Петра и Павла в Лефортове. В Лефортове на Петропавловской улице, получившей название от церкви. Первоначально церковь построена и освящена 5 мая 1613 года в присутствии царя Михаила Федоровича. Церковь построена во имя св. Николая Чудотворца с приделами Св. апостолов Петра и Павла и Великомученицы Ирины. В 1711 году, при Петре Великом, церковь была перестроена заново для помешавшихся здесь слободами солдат первого полковника Московского полка и любимца Петра — Франца Яковлевича Лефорта. От имени Лефорта и вся эта местность получила название Лефортово. При храме два придела: Св. апостола Иоанна Богослова и Преподобного Сергия Радонежского.

Введения во храм Пресвятой Богородицы, что в Семеновском. Из окладных книг видно, что церковь построена в 1643 году и называлась «в Семеновской Солдатской слободе» (Большая Семеновская улица, идущая от Покровского моста на реке Яузе до Семеновской заставы). Церковь построена на сред-

ства супруги царя Михаила Федоровича Евдокии Лукьяновны. Заново церковь построена усердием прихожан при императрице Анне Ивановне и освящена 20 ноября 1736 года, что видно из надписи на двух находящихся в церкви деревянных крестах. Храм каменный, с тремя престолами. Главный — Введения. Придельные: Св. Иоанна Воина и Св. Иоанна Богослова. Последний устроен в 1871 году, а освящен митрополитом Иннокентием 17 июня 1875 года.

Преображения Господня, что в Преображенском. На Преображенской улице, идущей от Покровского моста через реку Язу до Преображенской заставы и получившей название от церкви Преображения. Прежде в этой местности было село Преображенское, в котором жили при царе Петре Алексеевиче солдаты потешного полка (впоследствии Преображенского).

Здесь сперва была полотняная церковь Преображения Господня для военных чинов Преображенского полка, сооруженная Петром I. В 1746 году, при Елизавете Петровне, усердием прихожан и коштом сержанта Пре-

ображенского полка И. Е. Третьякова была выстроена деревянная церковь, а в 1768 — каменная, которая в 1781 году перестроена. Приделы: Св. апостолов Петра и Павла и Св. Николая Чудотворца.

Св. Сорока Мучеников. Находится вблизи Новоспасского монастыря, который, как великая обитель, по обычаю древнего времени кроме монашествующей братии имел еще многих светских прислужников (рухлядных, хлебных, печников, плотников, сапожников, портных и т. п.). Для жительства этих, впоследствии получивших название штатных, служек близ монастыря построена была слободка, а для удовлетворения их религиозных нужд сооружен был деревянный храм во имя Св. Сорока Мучеников. Это было в начале XVII столетия. В 1640 году повелением и иждивением царя Михаила Федоровича и матери его великой инокини Марфы положено было основание каменной стены вокруг Новоспасского монастыря, а вместе с производством этих работ и храм во имя св. Сорока Мучеников, вместо деревянного сооружен был каменный (1645 г.). Приделы: Св. апостолов Петра и

Павла и Св. Николая Чудотворна.

Св. Флора и Лавра на Зацепе. Первоначально построена в 1739 году во имя Пресвятой Богородицы всех Скорбящих Радости, именовалась «что в Ямской Коломенской слободе на Зацепе». Трапезная построена в 1835 году. Престолы: во имя Божьей Матери всех Скорбящих Радости, Св. апостолов Петра и Павла и Св. мучеников Флора и Лавра. В храме особо чтимая икона св. Николая Чудотворца.

Местность эта — Ямская (бывшая Коломенская[295]) слобода — называется Зацепой потому, что здесь в прежнее время была таможенная цепь, за которой осматривались возы, проезжавшие в город, чтобы в них не находилось корчемного вина. Проще: улица находилась «за цепью».

Успения Божьей Матери в Кожевниках. На улице Кожевнический Вражек, названный Кожевническим по находившимся здесь кожевным заводам[296].

В окладных книгах церковь упоминается в 1722 году. Здесь два храма и два придела. Храмы: Успения Богородицы и Великомученика

География. Приделы: Св. Николая Чудотворца — старый придел и Священномученика Харлампия — новый.

Троицы в Кожевниках. В Троицком большом переулке, названном по церкви.

Здесь существовала первоначально деревянная церковь, построенная не позже 1625 года во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. Каменная церковь во имя Св. Троицы с приделами начала строиться в 1686 году и закончена в 1688-м. Храм сохранился в первоначальном виде. В нем приделы: Св. Кира и Иоанна, Михаила Архангела и Великомученицы Параскевы Пятницы.

Воскресения Христова, что за Даниловым монастырем. Первоначально церковь, с тремя приделами (Св. Николая Чудотворца, Пророка Илии и Св. апостолов Петра и Павла), построена в 1699 году прихожанином Федором Васильевым. На месте этой древней церкви в 1834 году И. Н. Рыбниковым построена новая с приделом во имя св. Иоанна Златоуста и освящена митрополитом Филаретом.

Николая Чудотворца, что в Кузнецкой. За Москвой-рекой, в Кузнецком переулке, полу-

чившем свое название, как и Кузнецкая улица, от бывшей здесь слободы, населенной кузнецами.

Церковь построена не позже 1625 года и была деревянная; но в 1681 году, при патриархе Адриане, построена каменная; в 1805 году она перестроена вновь. Приделы: Введения во храм Пресвятой Богородицы и Преподобного Сергия Радонежского. В числе святыней храма имеются: напрестольное Евангелие и месячные Минеи, напечатанные в XVII столетии и пожертвованные в храм серебряных дел мастером Пшеничным.

Никиты Великомученика, что в Старых Толмачах. На Кузнецкой улице, за Москвой-рекой. Построена в начале XVII века (в 1625 г. в окладных книгах о ней уже упоминается) и была тогда деревянная под названием Никиты Христова Мученика, что в Толмачах. В 1693 году на месте прежней устроена каменная церковь двухпрестольная: в память Сретения Господня и во имя св. великомученика Никиты. В 1825 году пристроен новый придел в честь Божьей Матери Утоли мои печали. В 1858 году по ветхости и тесноте храм разо-

бран до основания и иждивением прихожан выстроен новый, каменный, который освящен митрополитом Филаретом 17 ноября 1863 года.

Название церкви «в Старых Толмачах» указывает на место пребывания здесь некогда татарских толмачей (переводчиков), которые составляли Толмацкую слободу, известную в XVII веке. Церковь официально именуется: Великомученика Никиты, что в Татарской.

Николая Чудотворца, что в Толмачах. Близ Большой Ордынки, в Большом Толмачевском переулке, получившем название также от живших здесь русских и татарских толмачей.

Церковь построена не позже 1625 года, деревянная, во имя св. Николая Чудотворца с приделом Иоанна Предтечи. Она оставалась таковой до 1697 года. В этом году гости (купцы) Кондрат и Логин Добрынины вместо деревянного обветшавшего храма построили каменный во имя Сошествия Св. Духа с приделом в трапезной церкви во имя св. Николая. В 1770 году вдовой московского купца Екатери-

ной Лазаревной Демидовой левая часть трапезной обращена в придел во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Храм замечателен внутренней и наружной древностью и особенно фигурными архитектурными украшениями.

Воскресения Христова, что в Монетчиках. За Москвой-рекой близ Кузнецкой улицы, в 5-м Монетчиковском переулке. Все Монетчиковские переулки (числом 5), находящиеся между улицами Пятницкой и Кузнецкой, получили свое название от живших здесь до 1736 года мастеров Кадашевского монетного двора.

Церковь (деревянная) построена не позже 1722 года (в этом году она упоминается в окладных книгах) с приделом Преподобного Сергия и называется «в Монетчиках». В 1739 году в окладных книгах церковь именуется уже Словущее Воскресение. В 1750 году на месте деревянной построена каменная церковь, которая в 1812 году перестроена тщанием прихожан, и тогда же сооружен придел во имя мученика Андрея Стратилата. Другой придел церкви — во имя Божьей Матери Тих-

вин-ской. Этот храм известен более в народе под названием Воскресение Слолушее, почему и 5-й Монетчиковский переулоч ранее именовался Слолущенским.

Михаила Архангела, что в Овчинниках. За Москвой-рекой, близ Ордынки, в Среднем Овчинниковском переулке. Все Овчинниковские переулочки (их три) и Овчинниковская набережная, идущая по правому берегу водоотводного канала от Чугунного моста до Руновского переулочка, получили свое название от бывшей здесь Конюшенной Овчинной слободы. От Руновского переулочка до Зацепского вала набережная называется Руновской, так как в древности эта местность именовалась Руновка: от слова руно — овечья шерсть.

Церковь Михаила Архангела, что в Овчинниках — придельная, а главная — Покрова Пресвятой Богородицы с еще одним приделом — Харлампия Мученика. Построена гостем Семеном Потаповым и освящена 13 декабря 1614 года при царе Михаиле Федоровиче. Храм и приделы остались без изменения.

Софьи Премудрости Божьей, что в Средних Набережных Садовниках. На Софийской

набережной, идущей от Большого Каменного моста по правому берегу Москвы-реки до Москворецкого моста. Набережная названа по церкви Софьи.

Построение церкви относится к 1682–1686 годам. Первоначальная ее архитектура осталась почти без изменения. Кроме главной церкви есть еще церковь в колокольне, очень высокой и красивой, во имя Божьей Матери Взыскания погибших. Приделы: Св. Николая Чудотворца и Св. апостола Андрея Первозванного.

О Садовнических слободах мы уже говорили.

Николая Чудотворца, что в Пыжах. Между Большой и Малой Ордынками. Церковь построена в 1647 году, что видно из надписи на имеющемся в храме на престольном кресте. В нынешнем виде церковь устроена в 1858 году почетным гражданином И. А. Ляминим.

Главный храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, а Св. Николая Чудотворца — придельный. В храме местночтимая икона Божьей Матери Печерской.

«В Пыжах» церковь названа потому, что

сооружена стрельцами приказа Пыжова.

Покрова Пресвятой Богородицы, что в Голиках, на Малой Ордынке. Построена деревянной не позже 1625 года, так как под этим годом упоминается в окладных книгах, и называлась «в Ордынцах за Москвой-рекой». В 1702 году тщанием купцов Лобазиных на месте деревянной построена каменная и стала называться «что в Ордынке» и «что в Голиках». Одновременно был устроен при ней и придел во имя преподобного Александра Свирского. Церковь не подвергалась крупным переделкам. В ней чудотворная икона Божьей Матери Троеручицы[297].

Здесь в старину было урочище Голики, означающие голую, безлесную местность. Как воспоминание об этом урочище остался переулочек, носящий название Голиковского, в котором и находится храм Покрова Пресвятой Богородицы в Голиках.

Георгия на Всполье (Иверская). Построение церкви относится к началу XVII столетия, так как церковь упоминается в окладной книге за 1625 год. Она первоначально была деревянная и носила название «на Болванов-

ке». Затем в 1673 году на средства московского гостя Семена Потапова храм построен каменный и освящен в том же году 1 декабря патриархом Пителимом. Храм был построен во имя Георгия-великомученика с приделом Св. великомученика Иоанна Воина. Все это значится на оловянном кресте, хранящемся в храме. В надписи на том же кресте далее говорится: «1798 г., мая в 24 день, в царствование государя императора Павла Петровича, построен вновь сей храм и переименован во славу Святой Владычицы, Чудотворного ее образа, нарицаемого Иверский, а освящен в царствование государя императора Александра Павловича, в 1802 г., мая месяца в II день; храм сей вновь перестроен усердием и иждивением капитана Ивана Ивановича Савина и освящен преосвященным Серафимом епископом Дмитревским викарием Московской митрополии». В 1842 году храм снова возобновлен и освящен митрополитом Филаретом. В храме чудотворная икона Божьей Матери Иверской.

Храм находится на Большой Ордынке. О значении слова «на Всполье» мы уже говори-

ли ранее.

Великомученицы Екатерины, что на Всполье. На Большой Ордынке. Построение храма относится к началу XVII столетия, так как в 1611 году она появляется в истории как свидетельница отчаянной в этой местности битвы между русскими и поляками. Каменная церковь начата постройкой в 1763 году по именному указу Екатерины II и собственным ее коштом и окончена 28 сентября 1767 года, как это видно из надписи на медной лоске, имеющейся в церкви. В храме три придела: Спаса Нерукотворного, Св. Николая Чудотворца и Св. князя Александра Невского и особо чтимый древний образ Св. великомученицы Екатерины.

Троицы, что на Шаболовке. Шаболовская улица, идущая от Калужской площади до Камер-Коллежского вала, получила название от направления к селу Шаболовке, которое в 1719 году принадлежало князю Долгорукому.

Первый деревянный храм Св. Троицы построен по благословению патриарха Адриана в 1691 году. Затем в 1745 году на средства секретаря Межевой канцелярии В. П. Булынина

построен каменный храм, а иконостас в нем сооружен только в 1787 году. Колокольня построена в 1790 году на средства купчихи Н. М. Хрущовой. В 1840 году храм был возобновлен. В нем два придела: Покрова Пресвятой Богородицы и Св. Николая Чудотворца.

Храм Св. Сергия, что на Ходынском поле. Он сооружен на Ходынском поле для войск Московского округа и торжественно освящен 20 мая 1893 года. При храме три придела: во имя св. князя Александра Невского, св. Марии Магдалины и св. Николая Чудотворца, в память чудесного избавления наследника[298] от покушения в Японии 29 апреля 1891 года. Так как храм по своему плану и мастерскому исполнению является весьма величественным, опишем его несколько подробнее.

Площадь храма занимает 67 кв. сажений, высота от пола до карниза около 16 аршин и купола от карниза — 9 аршин, а галереи — более 8 аршин. По оригинальности и изяществу исполнения работ особое внимание останавливает на себе купол: он утвержден на храмовых стенах и представляет собой многорядный восьмиугольник, постепенно суживаю-

щийся вверху до фонаря большой главы. В галерею ведут три входа: главный под звонницей с западной и два других — с северной и южной сторон, а из галереи также три входа с прекрасными по работе полированными сосновыми дверями в русском стиле. Они ведут в главный придел храма, посвященный имени преподобного Сергия Радонежского. Иконостас в храме четырехъярусный и представляет собой точную копию с иконостаса Большого Успенского собора в Москве.

В нем из икон нижнего яруса по ценности живописи и окладов с драгоценными украшениями обращают на себя внимание: с северной стороны Царских врат в особых сенях по образцу Успенского собора — икона Владимирской Богоматери, пожертвованная В. И. Байковым, и далее — Св. Георгия Победоносца, пожертвованная московским городским головой К. В. Рукавишниковым; а с южной — икона Казанской Богоматери, пожертвованная архитектором — строителем храма И. П. Херодиновым. Во втором ярусе размещены иконы двенадцатых праздников, в третьем — собор Св. Апостолов, в четвертом —

ветхозаветных пророков и праведников; выше иконостас увенчан восьмиконечным золоченым крестом. Перед алтарем устроена на возвышении в несколько ступеней солея из облицованного подольского мрамора, пожертвованного И. П. Елисеевым, огражденная железной бронзированной решеткой. По сторонам солеи — два прекрасной работы полированных сосновых клироса, выше которых помещены иконы Богоматери Скоропослушницы и Целителя Пантелеймона (дар афонской Пантелеймоновской в Москве часовни). Рядом с этими иконами, на южной стене, находится драгоценнейшая и главнейшая святыня храма — древняя икона Преподобного Сергия, пожертвованная учрежденным собором Троицкой лавры. На левом клиросе находится икона Спаса Нерукотворного (приношение В. В. Николаева), а рядом, по северной стене, — икона Иверской Богоматери (благословение Иверского Афонского монастыря). Внутренние стены храма и галереи оставлены некрашеными, а натуральными сосновыми; на них размещено несколько икон, из которых особое внимание обращают икона Св.

первоверховных апостолов Петра и Павла (приношение офицеров и чиновников 1-го Екатеринославского лейб-гренадерского его величества полка), икона Симеона-юродивого и Праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, в киоте прекрасной работы, пожертвованная подрядчиком С. А. Денисовым и его рабочими. По углам храма выше карниза под парусами в массивных киотах размещены изображения четырех евангелистов. Не меньшее внимание обращают на себя иконы, помещенные в приделах Св. Николая — икона Преподобного Сергия (в роскошном киоте) и икона Св. Прокопия и Иоанна, устюжских чудотворцев (икона эта пожертвована в храм известным странником Антонием), и Св. Александра Невского — икона этого святого, шитая бисером и шелками, работы графини А. А. Орловой-Чесменской, пожертвованная В. К. Попандопуло. В главном алтаре, на горнем месте, находится больших размеров картина «Преображение Господне», пожертвованная Н. П. Кавериним; по бокам этой священной картины помещены изображения святителя Алексия, митрополита московско-

го, и преподобного Сергия, обе художественной работы. В алтаре же находится богатая плащаница работы сыновей Г. Корнилова, пожертвованная И. Ф. Натрускиным. В главном приделе замечателен по изяществу работы свечной ящик из агрового дерева, пожертвованный подрядчиком-строителем С. А. Денисовым. Полы в храме и в его галереях бетонные, паркетного типа, пожертвованы их производителем Н. П. Бирюковым. Масса света проникает в храм через громадные окна галереи. Наружная окраска храма исполнена безвозмездно подрядчиком И. П. Воробьевым. Купол и пять глав покрыты железом и увенчаны вызолоченными крестами. Крайне эффектная колокольня зиждется на массе колонн; в верхней части колокольни с трех сторон помещены башенные часы, пожертвованные П. К. Липинским, а ниже их помещаются колокола, пожертвованные: первый, в 63 пуда 2 фунта, — А. А. и А. Р. Андреевыми; второй, в 31 пуд 22 фунта, — обществом хоругвеносцев храма Христа Спасителя; третий, в 15 пудов 11 фунтов, — Д. Б. Борисовым; четвертый, в 8 пудов 12 фунтов, — А. и Е. Кавери-

ными и остальные четыре, общим весом 7 пудов 13 ½ фунта, — Г. Г. Исаковым.

Храм сооружен на пожертвования, начало которым положено в 1887 году Н. П. Каверинным. В 1891 году была образована для сбора пожертвований на постройку храма комиссия, в июле 1892 года совершена митрополичьим служением закладка, и менее чем в год храм, в котором давно ощущали потребность войска московского лагеря, был готов.

Вся церковная утварь, напрестольные одежды и облачения для духовенства также пожертвованы. Особенно выделяется полное священническое облачение от командующего войсками генерал-адъютанта А. С. Костанда.

Кроме всех вышеописанных церквей — Кремля, Китай-города, Белого и Земляного городов, под которыми находится до 50 десятин земли, — в Москве насчитывается 110 домовых церквей: во дворцах, в казармах, больницах, во всякого рода учебных и богоугодных заведениях, в богадельнях и домах частных лиц. Всего же в Москве: соборов — 9; монастырей: мужских — 14; женских — 7; церквей: приходских — 239; домовых — 110.

Таким образом, в Москве церковей (с соборами и монастырями) — 379. А во всех этих храмах 1060 престолов.

Кладбища

В старину в Москве было в обычае погребать покойников при церквях и монастырях, где обыкновенно и находились кладбища, Для умерших же насильственной или какой-либо несчастной смертью существовали убогие дома, о которых мы говорили ранее.

Петр Великий первый обратил внимание на вред этого обычая и указом от 10 октября 1723 года при многих церквях Москвы запретил погребение умерших. Впрочем, и ранее, при Михаиле Федоровиче и Алексее Михайловиче, были подобные же указы, но только относительно Кремля. Невзирая на эти указы умерших беспрепятственно продолжали погребать при церквях. Императрица Елизавета Петровна, находясь в 1748 году в Москве, новым указом от 2 июля не велела погребать мертвые тела при церквях на пути от Кремля до ее дворца на Яузе (Головинского). Имевшиеся могилы около тех церковей ведено срав-

нять с землей. Для погребения умерших в приходах церквей, при которых запрошено погребать, государыня велела отвести вне Москвы кладбище и выстроить там на ее кошт церковь.

Московская духовная консистория 2 августа 1748 года предписала приходскому духовенству по главным улицам от Кремля до дворца на Яузе — от Спасских ворот через Ильинку, Покровку и Басманную, от Никольских ворот через Никольскую улицу, по Мясницкой за Красные ворота и далее — при церквах близ дворца отнюдь не погребать умерших; прежние могилы заровнять, а надгробные камни с могил употреблять в церковное строение по потребности, до времени устройства особого кладбища для погребения тел умерших в приходах Церквей, при которых запрещено погребать, указаны другие ближайшие церкви: Никольская в Дербени, у Харитона, Спаса в Пушкарях, Панкратия, Троицы на Листах, Николы в Арачах, Андриана и Наталии, Филиппа Митрополита, Спаса во Спасской, у Знаменья в Переяславской слободе. По отбытии государыни из Москвы конси-

стория вопреки указу стала разрешать погребение умерших при тех церквях, где запрещено. Но преосвященный Платон указом от 1 ноября 1755 года строго подтвердил, чтобы при церквях, где запрещено погребать, отнюдь не было погребено умерших.

Для устройства кладбища в Москве составлен был комитет из особых лиц, а именно: игумена Сретенского монастыря Лаврентия, Спасского в Чигасах священника Ивана Иванова, старосты Троицкой, что в Троицкой, церкви Авксентия Филиппова и архитектора князя Ухтомского. Они для устройства кладбища осматривали места и избрали было Трифоновскую в Напрудной церковь, о чем преосвященный Платон представил Синоду; но Синод нашел место при Трифоновской церкви для кладбища неудобным. Тогда для кладбища было избрано новое место: близ Марьиной рощи, где в 1744 году устроен был амбар для сохранения (а потом для погребения в Семик) мертвых тел людей, умерших насильственной смертью, и где невдалеке находилось старинное немецкое кладбище[299].

В 1750 году, 1 июня, Московская губернская

канцелярия уведомила консисторию, что на показанном месте деревянная церковь выстроена, куплены к ней колокола и некоторая утварь. Синодальная контора прислала в новоустроенную церковь Евангелие, крест на престольный и кадило. Определены к церкви причт, староста церковный и три сторожа из военных. 21 декабря 1750 года церковь на кладбище соборными Успенского собора освящена во имя св. Лазаря Четверодневного. На содержание причта и церкви жалованье отпускалось из Статс-конторы.

Таким образом было устроено первое общественное кладбище в Москве, к которому москвичи относились не только с недоверием, но даже с озлоблением.

17 декабря 1770 года в Москве началась чума. Каким образом эта ужасная гостья закралась в Москву — об этом имеются весьма разноречивые показания современников; но те же современники сходятся в одном: все они говорят, что Москва имела много элементов, чтобы дать чуме усилиться до ужасающих размеров. Между ними указывают и на то, что в Москве погребают умерших при церк-

вах, иногда весьма небрежно, и потому вонь от разлагающихся трупов много способствовала распространению чумы. Явилась потребность в новых загородных кладбищах, и они были учреждены, причем строго было запрещено погребать умерших при церквях. Почти все они учреждены в 1771 году, некоторые из них — преимущественно для умерших от чумы, а еще позже, в 1830 году, — от холеры. Скажем о них вкратце.

Лазаревское. Это, как мы уже говорили выше, первое кладбище. Первоначальная деревянная церковь существовала до 1800 года. Каменная церковь во имя Сошествия Св. Духа с приделами Св. праведника Лазаря и Евангелиста Луки построена в 1787 году. В 1889 году все кладбище обнесено каменной стеной, что придало ему благообразный, подобающий такому месту вид. Благодаря усердию местного священника В. Остроухова и старосты В. Чичерина церковь возобновлена внутри и снаружи.

Миусское. Тут также сперва была построена (в 1771 г.) деревянная церковь во имя Софьи-мученицы и трех ее дочерей: Веры, На-

дежды и Любви. В 1823 году иждивением московского купца И. П. Кожевникова вместо деревянной построена каменная церковь. При ней находятся два придела: Св. Митрофания Воронежского и во имя Знамени Пресвятой Богородицы. Приделы эти устроены иждивением гвардии прапорщицы Александры Абрамовны Нероновой в 1834 году. Миусским кладбище называется потому, что находится близ местности, где шесть Миусских проездов и Миусская площадь; последние же получили свое название от прозвища одного из сообщников бунтовщика Стеньки Разина, некоего Мюска, который в 1673 году был здесь публично казнен на площади. Несколько выше Миусского кладбища, среди поля, находится старое холерное кладбище.

Пятницкое. Здесь церковь во имя Св. Троицы с приделами Преподобного Сергия Радонежского и Мученицы Параскевы Пятницы, по имени коей кладбище и названо. На Пятницком кладбище погребено немало известных лиц: знаменитый генерал-губернатор Москвы в 1812 году граф Ф. В. Ростопчин, профессор Грановский, литератор Афанасьев, ар-

тист Щепкин и многие другие. Рядом с кладбищем, на северо-восток, находится старое холерное кладбище. Вместо ограды Пятницкое кладбище обнесено валом.

Дорогомиловское. За Дорогомиловской заставой. Древняя церковь во имя св. Елизаветы построена в 1772 году. В 1839 году построена церковь каменная, трехпрестольная, усердием добровольных дателей. В церкви престол Нерукотворного Спаса, в приделах — во имя Пресвятой Богородицы Владимирской и во имя преподобной Елизаветы. На этом кладбище в общей могиле погребены русские воины, умершие от ран после Бородинского сражения. Над этой могилой ежегодно совершается поминовение.

Ваганьковское. За Пресненской заставой. Названо Ваганьковским по близлежащей местности Новое Ваганьково, о которой мы говорили ранее. Ваганьковское кладбище — одно из обширнейших кладбищ Москвы. На нем погребено много знаменитых лиц из мира военного, купеческого, артистического, литературного. Церковь во имя Воскресения Христова построена в 1824 году. При ней при-

делы: Федора Сикеота, Николая Чудотворца, Иоанна Милостивого, Мученицы Акилины. Вблизи Ваганьковского кладбища находится обнесенное каменной стеной Армянское кладбище с церковью и еще старое кладбище самоубийц.

Семеновское. За Семеновской заставой. До 1855 года на этом кладбище не было храма и само кладбище было приписано к церкви Введения в Семеновском. В 1855 году иждивением московского купца М. Н. Мушникова с помощью других вкладчиков построена каменная церковь во имя Воскресения Христова с приделами Всех Святых и Св. князя Владимира. С того времени кладбище сделалось самостоятельным. Освящение церкви совершено 17 июля 1855 года митрополитом Филаретом.

Калитниковское. За Покровской заставой. По преданию, местность эта называется Калитниково потому, что земля, на которой расположено кладбище, жалована была великим князем Иваном Даниловичем Калитой бывшему прежде Крутицкому монастырю. Это весьма вероятно, потому что находящаяся по-

близости деревня Гравароново также называется «в Калитниках». Кладбище основано в 1771 году, и тогда же на нем построена деревянная церковь во имя Пресвятой Богородицы всех Скорбящих Радости. Каменный храм с приделами Св. князя Александра Невского и Св. Николая Чудотворца построен усердием вкладчиков в 1834 году. В прежнее время среди кладбища находился большой пруд, он запущен и зарос.

Даниловское. За Серпуховской заставой. Названо по Даниловскому монастырю. Кладбищенская каменная церковь во имя Сошествия Св. Духа построена в 1829 году московским купцом С. Л. Лепешкиным с участием других жертвователей вместо деревянной. При ней приделы: Семи Херсонских мучеников и Успения св. Анны. На месте старой церкви — деревянная часовня. Вблизи Даниловского кладбища находятся старое холерное и Татарское кладбища.

Рогожское единоверческое. Находится на расстоянии одной версты за Рогожской заставой при пересечении Нижегородской и Курской железных дорог. На пространстве

нескольких десятин земли, обнесенные оградой, здесь стоят на равном расстоянии друг от друга три громадных молитвенных дома, или три часовни, последователей поповщинского согласия.

Вот краткие сведения о возникновении этого знаменитого в старообрядческом мире кладбища.

При императрице Екатерине II старообрядцы-поповцы по случаю моровой язвы в 1771 году исходатайствовали себе дозволение устроить на указанном месте карантин и кладбище для своих единоверцев. Здесь последовательно одна за другой появились три упомянутые большие каменные часовни и несколько каменных и деревянных зданий. Таким образом и основалась большая община, сделавшаяся средоточием всей поповщины. В 1854 году, когда некоторые из членов этой общины пожелали иметь общение с господствующей церковью на правилах единоверия, то одна из часовен, самая древняя[300], по их прошению с высочайшего соизволения обращена в единоверческую приходскую церковь с наименованием «при Рогожском бога-

деленном доме» и освящена во имя св. Николая Чудотворца с приделом Св. Равноапостольного князя Владимира. С того времени Рогожское кладбище стало все более и более усиливаться и процветать. В Москве кроме кладбища было две единоверческие церкви [301] и только три моленные, а теперь моленных насчитывается 13, где раскольничьи попы служат открыто, ничем не стесняясь и никого не опасаясь. Также увеличилось число попов и дьяконов. В 1866 году в Москве было пять попов и один дьякон, так что тогдашний раскольнический епископ Антоний Шутов весьма часто должен был обходиться в служении без дьякона, а теперь в Москве насчитывается 17 попов и 8 дьяконов. Все это исключительно крестьяне, выходцы из Гуслии — известного гнезда раскола — и по большей части люди или безграмотные, или полуграмотные, умеющие пользоваться обстоятельствами и напускающие на себе лицемерное целомудрие. На самом же Рогожском кладбище при его огромных и величественных часовнях попов и дьяконов имеется целый штат.

Преображенское, именуемое Николаевским единоверческим монастырем. Кладбище это имеет свою длинную, занимательную и поучительную историю. Сделаем ее беглый очерк. В начале XVIII столетия проникли в Москву раскольники, называвшие себя феодосианами, по имени первого начальника своего, дьячка Феодосия Васильева. Они отвергали в своих молениях молитву за здравие государей и не признавали браков. В Москве они жили тихо; но представился случай — и они подняли голову. В 1771 году, как уже говорено не раз, в Москве началась чума. Бедствие это вызвало у феодосианов желание основать в Москве монастырь. Дело требовало большой изворотливости, хитрости и, разумеется, пожертвований. Чтобы удобнее достигнуть своего намерения, феодосианы прибегли к светскому правительству и просили под видом усердия и любви к ближним дозволить им устроить карантинный дом с кладбищем, на построение которого от казны ничего не требовали, обещаясь все сделать на свой счет. Все это было дозволено, и отведена была земля в селе Преображенском при речке Хапи-

ловке, которая и стала им служить Иорданом во время крещения и перекрещивания в свою секту. В самое короткое время был построен огромный дом со всеми службами под видом вспомоществования бедным и осиротелым от мора, было объявлено, что «таким де лучше жить у нас, нежели в казенных карантинных домах». Но в действительности это была не более как одна лишь приманка. Народ, узнав об этом, набежал из Москвы, спасаясь от чумы, в великом множестве в новую обитель, так что даже все сараи, чуланы и шалаши едва могли вмещать в себя больных; многие валялись на кладбище, на холоде. Строения кладбищенские для новоприходящих росли, как говорится, не по дням, а по часам. Осиротелые разного звания москвичи, оставляя свои дома, прибегали в обитель толпами, принося с собой деньги и имущество, которые вместе с жизнью вручали лжеучителям. Для перекрещивания были поставлены всюду купели, кадки и чаны, и всех крестили без различия. Иных в воду погружали насильно, и только Богу одному известно, сколько таких новокрещенцев вынуто из воды Хапиловско-

го пруда и чанов бездыханными. Таким образом, феодосианы под именем кладбища основали в Москве свой монастырь, который по окончании моровой язвы устроился и расположился по своему вкусу. Всему этому делу главным руководителем был богатый подрядчик Илья Алексеевич Ковылин, человек умный и решительный. Так как для нового монастыря не доставало устава, то он добыл его из других раскольничьих скитов. Не доставало старинных образов — он и тут нашелся. Ковылин жил на Неглинке близ Кузнецкого моста в приходе церкви Анастасии Узорешительницы [302], в которую хоть никогда молиться и не хаживал, но знал, что церковь эта при благолепии своем от старинных строителей снабжена прекрасными, дорогими, большими древними местными иконами, подобными тем, какие находятся в московском Успенском соборе.

Ковылин познакомился со священником упомянутой церкви Федором Ивановым, приласкал причетников и предложил им, что ежели они отдадут из церкви старые иконы, то он даст им денег, а иконы заменит точно

такими же, но лишь нового письма. Священник по бедности прихода[303] польстился на предложение, взял деньги, отдал иконы и на их место поставил новые. Скоро это было открыто. Священник в своем поступке сознался и был лишен священства. Ковылин куда-то скрылся. Дело в Сенате было решено тем, что продавец законно наказан, покупатель не отыскан, а иконы, по доказательствам феодосиан, во время какого-то небывалого пожара сгорели, но в действительности очутились в Преображенском опять на своем месте невредимыми. В народе же феодосианами был пущен слух, что будто бы иконы эти из Успенского собора, которые стояли в нижнем ряду, куплены будто бы тогда, когда в соборе была возобновляема стенная живопись и он находился в то время без икон. Многих это смутило; многие, из простого народа особенно, поверили этой выдумке.

С этого времени кладбище начало забирать силу все более и более, обстраиваясь с каждым годом, причем росло и его нравственное значение, но вместе с тем росли и раздоры заправил. Последнее происходило из-за

тех миллионов рублей, которые хранились в сундуках кладбища и на которые каждый из заправил тарашил свои завидующие глаза. Не упускало из виду кладбища и правительство: там неоднократно бывали обыски, и противозаконные поступки наказывались ссылкой заправил и прочими административными мерами. В 1854 году на кладбище учрежден был единоверческий приход под именем Никольской единоверческой церкви, что при Преображенском богадельном доме. Монастырь же здесь открыт с высочайшего разрешения 16 мая 1866 года. Поводом к его открытию послужили присоединившиеся в 1865 году из раскола в единоверие бывшие члены так называемого Австрийского, или Белокриницкого, священства: три епископа (Онуфрий, Пафнутий и Сергей), один иеромонах (Иоасаф), один архидьякон (Филарет), два иеродьякона (Мельхиседек и Феодосии) и другие, последовавшие вслед за ними из монашествующих лиц. Монастырь с высочайшего соизволения наименован Николаевским в память посещения монастыря в бозе почившим цесаревичем Николаем Александровичем. Ес-

ли обратимся несколько назад, то увидим, что феодосианы заявили себя в Москве с весьма непохвальной стороны. Из ворот Преображенского кладбища в 1812 году вышла процессия для торжественной встречи Наполеона. Враг России был принят хлебом-солью, золотыми блюдами, насыпанными золотом, и быками с вызолоченными рогами. Наполеон поставил им для охраны своих жандармов, вследствие чего святыня феодосианов осталась цела и невредима. Говорят, что амбар, находящийся близ теплой церкви у каменной стены, построен из медоварни Петра Великого. Тут же находится женский старообрядческий (беспоповский) монастырь, именуемый Преображенской богадельней. В стенах богадельни замечательны ворота: они взяты из бывшего Измайловского дворца Алексея Михайловича. Монастырь-богадельня делится на шесть каменных зданий и при них шесть молелен. Богадельня устроена на 440 кроватей. Между монастырями общее кладбище с красивой часовней, принадлежащей беспоповцам. Высокие каменные стены обоих монастырей с башнями походят на крепость. Оба

монастыря окружает знаменитый в истории раскола Хапиловский пруд, бывший Иорданом перекрещивающихся в древнеправославную веру на правилах феодосиан, В храмах и часовнях обоих монастырей находится громадное собрание знаменитых древних икон Строгановской школы XVI и XVII столетий, ценных на вес золота. Нерукотворный Спас А. Рублева, по мнению беспоповцев, не имеет иены. В библиотеках, изобилующих старопечатными книгами XVII столетия, хранятся и рукописи XVI века в единственно сохранившихся экземплярах, перешедших сюда от прихожан в разное время. При Николаевском единоверческом монастыре живут известные начетчики, подвизающиеся в пользу господствующей церкви. Основатель Преображенского кладбища И. А. Ковылин родился в 1731, умер в 1809 году.

Немецкое кладбище. Находится на Введенских горах. Одно из красивейших и богатейших кладбищ в Москве. Основано в конце XVIII столетия.

Замечательные часовни

Часовен в Москве более тридцати. Почти все они построены от разных монастырей и приходских церквей. Некоторые из них нами уже описаны, как, например, часовня Афонского Пантелеймонова монастыря, часовня при церкви Владимирской Божьей Матери и др. Опишем теперь остальные, более замечательные.

Бирлюковской пустыни часовни. Их две. Первая на Софийской набережной у Каменного моста, вторая на Немецком рынке. Первая из них, во имя св. Николая Чудотворца, принадлежала прежде Донскому монастырю и построена на месте, подаренном монастырю Петром Великим. По упразднении монастыря по ходатайству митрополита Платона часовня перешла во владение Бирлюковской пустыни. Здесь находится особо чтимая икона Спасителя и много частиц святых мощей. Вторая часовня построена в начале XIX столетия. Бирлюкова пустынь находится в 40 верстах от Москвы, в Богородском уезде. Основана в 1777 году митрополитом Платоном.

Давидовской пустыни. Две часовни. Первая на Москворецкой улице, вторая на Калужской площади. Давидовская Вознесенская пустынь находится в 23 верстах от Серпухова. Основана в 1515 году преподобным Давидом. В первой часовне — чудотворная икона Всемилоственного Спаса.

Даниловского монастыря. На Большой Даниловской улице. Построена в 1784 году архимандритом монастыря Геннадием.

Голутвинского монастыря. Часовня во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Находится на 1-й Мещанской.

Покровского монастыря. На Таганской площади. Построена в XIX столетии; но после разорения в 1812 году устроена вновь в 1819 году на монастырские средства. При часовне имеется лавка. Другая часовня того же монастыря находится на Семеновской улице. Существует с 1779 года.

Спасо-Андроньевского монастыря. Находится недалеко от монастыря по направлению Нижегородского пути. Предание говорит, что она поставлена на том месте, где преподобный Сергий после долгой беседы с Андро-

ником, устроителем Андроньева монастыря, простился с ним. Это предание подтверждается историей, так как известно, что св. Сергей по воле св. Алексия ходил в Нижний Новгород для усмирения князя Бориса, захватившего Нижегородское княжество.

Сергия Радонежского (Гефсиманского скита). У Ильинских ворот. Устроена по распоряжению митрополита Филарета и освящена в 1863 году. Здесь есть частицы святых мощей.

Св. Ферафонта на Калужской площади. Принадлежит Лужницкому монастырю, находящемуся близ Можайска. В этой часовне по желанию местных жителей ежегодно 28 сентября совершается молебен с крестным ходом от трех приходских церквей по случаю избавления Москвы от бывшей в 1830 году холеры.

Николо-Перервинского монастыря. Находится на Серпуховской площади.

Св. Иоанна Воина. В Якиманском переулке. Никаких служб в ней не бывает.

Христа Спасителя и Божьей Матери. Две часовни у Спасских ворот. В одной из них точная копия чудотворного образа Спасителя, что над вратами.

Св. Благоверного князя Александра Невского. На Моисеевской площади. Устроена в 1883 году.

Памятники в Земляном городе

Сухарева башня. Кому из русских, даже не бывших в Москве, неизвестно название Сухаревой башни? Надо заметить, что во внутренних, особенно отдаленных, губерниях России Сухарева башня вместе с Иваном Великим пользуется какой-то особенной славой. Про нее знают, что это превысокая, громадная башня и что ее видно отовсюду в Москве, как и храм Христа Спасителя. Поэтому-то почти всякий приезжающий в Москву считает непременно долгом прежде всего побывать в Кремле, взойти на колокольню Ивана Великого, помолиться в храме Спасителя, а потом хоть проехать подле Сухаревой башни, которая издавна славилась какими-то бывшими на ней чудесами, а теперь знаменита огромным резервуаром, снабжающим Москву чистой водой. Все это заставляет глядеть на Сухареву башню с искренним вниманием, особенно когда мы знаем ее историю. А история

Сухаревой башни весьма любопытна. Но прежде чем рассказать ее, мы познакомим читателя с учреждением и значением бывшего стрелецкого войска, которое в истории постройки Сухаревой башни играет немаловажную роль.

По уничтожении опричников царь Иван Васильевич Грозный составил из них небольшой отряд, который был назван стрелецким. Впрочем, предание говорит, что еще при отце Ивана Васильевича было уже два полка стрельцов: один — пеший, другой — конный. При царе Алексее Михайловиче число конных войск значительно уменьшено, но зато увеличена пехота. Тогда содержалось 40 тысяч стрельцов, из которых третья часть находилась постоянно в Кремле. Эти московские стрельцы имели отличное от других вооружение и получали большое жалованье. Другие стрельцы размещены были по разным городам. Они жили в Астрахани, Архангельске и других пограничных городах. Набирались они из крестьян по мере надобности с двух дворов по человеку или более. По смерти Ивана Грозного в стрелецком войске начали про-

исходить частые беспорядки; начальники стрелецкие своевольничали, а сами стрельцы, видя послабление и отсутствие всякой дисциплины, кроме военного дела начали заниматься торговлей в Москве и других городах. У них появились лавки с разными товарами в ущерб купцам, так как стрельцы не платили никаких податей за право торговли. Поскольку в стрелецких слободах никому не позволялось жить, кроме стрельцов, то многие богатые купцы сами записывались в это войско, чтобы пользоваться выгодами торговли. От этого число стрельцов увеличивалось с каждым годом. Стрельцы разделялись на 40 приказов, или полков, в каждом по тысяче человек. Оружие у стрельцов было частью огнестрельное, частью копьё. Вооруженные копьёми назывались копейщиками. Кроме того, каждый стрелец носил нож, род кортика. Обратимся теперь к истории башни. В 1689 году, во время соцарствования царей Ивана и Петра Алексеевичей, был второй стрелецкий бунт, возбужденный царевной Софьей Алексеевной против нововведений, какие начал великий ее брат. Орудием к распростра-

нению неудовольствия между стрельцами царица избрала начальника Стрелецкого приказа Федора Леонтьевича Шакловитого, иступленного изувера, который взялся за самое незаконное из дел человеческих и начал тем, что созвал главнейших стрелецких предводителей и объявил им указ царицы-правительницы, которая в сообразной с грубыми понятиями речи говорила, будто царь, вводя немецкие обычаи и учреждая войска на немецкий образец, намерен также переменить веру, умертвить брата своего царя Ивана Алексеевича и всех верных сынов отечества, а прежде всего стрельцов. Затем она нашла необходимым сама поговорить со стрельцами. Накануне праздника Смоленской Божьей Матери (28 июля 1869 г.) Софья ходила в Новодевичий монастырь ко всеобщей. Ее провожали пятисотенные и пятидесятные всех стрелецких полков. По окончании службы она, выйдя из церкви, села на стул и стала беседовать со стрельцами. Она жаловалась им, что царица Наталья Кирилловна затевает на нее зло, и прибавила: «Годны ли мы вам? Буде годны, то вы за нас постоите, а буде не

годны, мы оставим государство». Стрельцы отвечали, что готовы исполнять ее приказания. «Ждите повестки», — сказала им на это царевна и удалилась.

Шакловитый со своей стороны собрал у себя в доме на Девичьем поле нескольких самых преданных ему стрельцов и объявил им, что князь Борис Голицын и Лев Нарышкин (брат Натальи Кирилловны) с братьями хотят известить царевну, и велел приготовить по 50 и по 100 человек из каждого полка, чтобы при первом удобном случае перебить всех приверженцев Петра. Шакловитый говорил, что, может быть, представится необходимость идти в село Преображенское. При этом стрельцов дарили деньгами, угощали вином, и они все, казалось, были на стороне Софьи. Но нашлось между ними несколько человек, которые решились донести Петру о замысле на его жизнь. Имя главного из них было Елизарьев. Он выжидал только удобного случая, чтобы исполнить свое намерение, и такой случай вскоре представился. 7 августа Софья приказала Шакловитому нарядить побольше стрельцов в Кремль, чтобы сопровождать ее к

заутрене в Донской монастырь. Это мнимое богомолье было только предлогом для сбора. Стрельцам объявили, что ночью царь Петр прибудет в Кремль со своими потешными, чтобы убить царевну, ее сестер и царя Ивана и взять власть в свои руки. В назначенный час Кремль наполнился вооруженными стрельцами, все ворота в Кремле, Китай-городе и Белом городе были заперты по приказанию любимца Софьи князя Василия Васильевича Голицына, и никого не пропускали через них. Когда подъехал к воротам царский стольник Федор Федорович Плещеев из Преображенского, то стрелец Гладкий стащил его с лошади, избил и повел к Шакловитому для допроса. Видя, что затевается что-то решительное, Елизарьев с шестью товарищами решили, что надо известить обо всем Петра. Тотчас же были посланы в Преображенское стрельцы Мельнов и Лагин, которые должны были сказать царю Петру, что стрельцы идут на Преображенское. Около полуночи Петр был разбужен страшной вестью об опасности. Он вскочил с постели, бросился в конюшню, велел наскоро оседлать себе лошадь и, не оде-

ваясь, ускакал в соседнюю рощу. Туда ему принесли платье, и он, одевшись, поскакал в Троицкий монастырь, куда прибыл в 6 часов утра 8 августа в совершенном изнеможении. Его сняли с лошади и уложили в постель. В тот же день прибыли туда мать, жена и сестра Петра. Сюда же собрались и его потешные, а капрал их Лука Хабаров успел тайком перевести туда из Преображенского пушки, мортиры и боевые снаряды. Весть об отъезде Петра произвела сильное впечатление в Москве. Приверженцы Петра тотчас же пошли в лавру. Туда же явился и весь стрелецкий полк стольника и полковника Лаврентия Панкратьева Сухарева, оставшийся верным Петру.

Этот подвиг Лаврентия Сухарева и увековечен впоследствии построением Сухаревой башни у Сретенских ворот Земляного города, где полк Сухарева имел свое пребывание.

Сретенские ворота Земляного города были сначала деревянными. На месте их Петром и решено было построить в честь Сухарева полка каменные ворота с башней. Все это здание построено по плану самого Петра, который, как известно, любил архитектуру и чертил

планы многих церквей и зданий в Москве. Когда строилась Сухарева башня, то простой народ дал ей название «невесты Ивана Великого». Строеение это окончено во время похода Петра I под Азов.

Вот летопись об основании этого памятника, высеченная на двух каменных досках, находящихся над воротами с южной стороны.

«1. Повелением Благочестивейших, Тишайших, Самодержавнейших Великих Государей, Царей и Великих Князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича всея Великой и Малыя и Белья России Самодержцев; по Стрелецкому приказу, при сиденье в том приказе Ивана Борисовича Троекурова.

2. Построены во втором Стрелецком полку по Земляному городу Сретенские ворота, а над теми ворота палаты и шатер с часами, а подле ворот по обе стороны малые палаты да казенный анбар, а позади ворот к новой Мещанской слободе часовня с кельями к Николаевскому монастырю, что на Перерве, а начато то строеение строить в лето 7200 (1688), а совершено 7207 (1695), а в то время будущего у

*того полку стольника и полковника
Лаврентия Панкратьева Сухарева».*

Из последней надписи видно, что постройка ворот окончена в 1695 году, но с 1698 по 1701 год они снова перестраивались, и в это время сооружена башня над воротами, которая отличается по своей архитектуре от палат.

Здание это состоит из трех частей: ворот, которые когда-то на ночь запирались, над ними палат и восьмигранной башни в четыре пояса с четырьмя вокруг нее башенками. Верх ее пирамидального шатра увенчан двуглавым орлом. В верхнем ярусе палат находятся два обширных зала под сводами. В одном из них в 1829 году устроено водохранилище[304] из чугунных плит, вмещающее в себе до 7 тысяч ведер воды, которая посредством паровой машины поднимается сюда из водопровода села Мытищи. До 1806 года в залах помещалось присутствие Московской конторы Адмиралтейской коллегии, заготовлявшей материалы для Балтийского и Черноморского флотов, а потом магазин сукон и прочих мундирных материалов, принимаемых Москов-

ским комиссариатом. В 40-х годах устроен резервуар и в другом зале, гораздо меньших размеров.

С историей Сухаревой башни связано много любопытных воспоминаний и чудесных преданий. В ней заключается зародыш многих преобразований России, сделанных Петром. С самого начала в палатах Сухаревой башни была открыта Петром «математическая и навигационная (мореплавания) школа». Устроителем ее был, как предполагают, граф Яков Брюс, известный математик и составитель столетнего календаря. В числе первых учителей школы был Леонтий Магницкий, сочинитель «Арифметики» 1704 года, в которой впервые были употреблены арабские цифры вместо славянских. В школе в 1712 году уже училось более 500 детей дворян и разночинцев. В 1715 году школа была переведена в Петербург под названием Морской академии, переименованной потом в Морской кадетский корпус, откуда вышло много знаменитых адмиралов и мореходов. В этой же башне со времен Петра до Екатерины II выпитые иностранные актеры представляли

комедии. Сам царь был зрителем этих комедий, и однажды актеры Сухаревского театра выкинули следующую штуку: они объявили всенародно, что представят невиданное и неслыханное доселе зрелище. Приехал полюбопытствовать и царь. Занавес поднялся — и вместо представления он увидел выставленную на другом занавесе надпись: «Первое апреля!» Царь не рассердился за обман и за то, что его поймали в ловушку, он только сказал: «Это театральная вольность».

До 1812 года около башни стояло деревянное здание, где хранился маскарадный кораблик, который Петр называл «памятником-миротворцем». При праздновании мира со Швецией в 1721 и 1724 годах кораблик этот с распущенными флагами и парусами, иллюминированный слюдяными фонариками, возился по Москве то на санях, то на колесах. В 1812 году он потерпел одинаковую участь с Москвой — сгорел до основания. В том же, 1812 году на Сухаревой башне случилось странное происшествие, о котором рассказывали многие очевидцы. За день до вступления французских войск в Москву над столицей долго

летал ястреб; ноги его были запутаны какими-то мочалками и веревками; пролетая мимо Сухаревой башни, он запутался в крыльях двуглавого медного орла на шпиле. Долго бился он, пытаясь освободиться, но, обессиленный, повис и издох. Народ, собравшийся смотреть на это, толковал:

— Это недаром: беспременно и Бонапарт запутается в крыльях русского орла.

Народное предсказание оправдалось.

Есть еще предание, которое живет в темном народе: будто граф Брюс производил на Сухаревой башне кабалистические опыты и составлял какой-то эликсир бессмертия. Неизвестно, на чем основано это предание, но из жизни графа Брюса видно, что он почти никогда не жил в Москве и не занимался кабалистикой. Может быть, приезжая иногда в Москву, он производил на Сухаревой башне какие-нибудь астрономические наблюдения, и таким образом создано это нелепое предание. Молва народная говорит еще и о каких-то кабалистических книгах, будто бы заделанных в стенах башни и заколоченных «алтынными» гвоздями. По преданию, в этой

же башне, в рапирной зале, бывали заседания какого-то тайного общества «Нептун», в которых председательствовал Лефорт, царь был первым надзирателем, а духовник царский, Феофан Прокопович, — оратором.

Стиль всего здания Сухаревой башни представляет смесь ломбардского с готическим. Прочность его необыкновенна, и прочность эту составляет глубина его фундамента; когда подле него проводили трубы для водопровода, то никак не могли докопаться до самого основания постройки. Вышина всей башни от подошвы до герба — 30 сажений; ширина при подошве — 19 сажений 1 аршин; длина — 11 сажений 1,75 аршина, кроме крытой ступенчатой лестницы ко входу. Вверх к шпилью, на третьем этаже, идет деревянная винтообразная лестница под самый герб. Там из слуховых окон шатра открывается вся дивная панорама огромной и разнообразной Москвы во всем ее необъятном величии, чудной красоте и широком раздолье.

Над воротами башни на южной стороне в память двух чудесных спасений[305] императора Александра Николаевича поставлены

образа с подобающими надписями. Тут же образ Казанской Божьей Матери, избавительницы Москвы от врагов в 1612 году. На северной стороне ворот поставлен образ Преподобного Сергия. Находившаяся на этой же стороне ворот часовня Николо-Перервинского монастыря в 1884 году разобрана.

Красные ворота. Они возвышаются на площади близ Запасного дворца. Впервые построены вместе со стеной Земляного города, были деревянные и назывались Красными по цвету своей окраски. При Петре 1 они назывались Флоровскими по церкви Флора и Лавра, что на Мясницкой, Во время царствования этого великого императора здесь совершалось празднование масленицы. Тут преобразователь России первый выпивал чарку вина за здоровье любимого им народа, садился за накрытый стол и обедал, начиная с испеченных тут же, в избушке, блинов. Масленичное празднество царь открывал, покатавшись на качелях вместе с приближенными офицерами.

В настоящем виде ворота сооружены в 1742 году по случаю торжественного въезда в

Москву императрицы Елизаветы Петровны для коронавания. Их строил архитектор князь Ухтомский. После коронации Елизавета Петровна имела торжественное шествие из Кремля в Лефортовский дворец через эти ворота. В день коронавания императора Павла от Красных до Никольских ворот были расставлены столы с разными кушаньями и напитками для угощения народа.

Ворота построены из прочного камня. Наверху ворот поставлена вызолоченная бронзовая статуя Славы.

Триумфальные ворота. Эти ворота, огромные и грандиозные, возвышаются в конце Тверской-Ямской улицы. Они сооружены в память подвигов императора Александра I в знаменитую годину 1812 года, а открытие их последовало при императоре Николае Павловиче в 1826 году.

Памятник А. С. Пушкину. Открыт в 1880 году. Окружность основания — 21 сажень. Бронзовая статуя поэта включает 300 пудов металла и 74 пуда украшений. Пьедестал из сердобольского гранита, 8 аршин высоты; весь памятник — 13 аршин. Тротуар из крас-

ного гранита; на выступе базы положен перевитый лентой венок. Сделан скульптором Опекушиным по проекту Богомолова и обошелся около 84 тысяч рублей. Вид памятника весьма эффектен: поза поэта непринужденная, простая, взгляд задумчивый, устремленный вдаль. Пушкин стоит прямо, выдвинув несколько вперед левую ногу, правая рука заложена за жилет, на плече широкий плащ, в левой руке за спиной держит шляпу, голова немного наклонена. Полное сходство с верным портретом поэта и с маской, снятой с лица в день его кончины. На памятнике подобающая надпись и стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный».

Памятник находится на Тверском бульваре близ Страстного монастыря.

Дворцы

Петровский дворец. На месте дворца до императрицы Екатерины II не было ничего: это было пустое место, принадлежавшее московскому Высокопетровскому монастырю. Во время своего пребывания в Москве в 1775 году Екатерина II повелела в память побед российских войск над оттоманами заложить подъездной дворец за Тверской заставой. В следующем году было приступлено к постройке дворца, которая продолжалась семь лет. В первый раз императрица остановилась в Петровском дворце (названном так по местности) в 1787 году. Есть предание, что государыня во время своего первого пребывания во дворце отослала все назначенные для нее караулы солдат, сказав, что она хочет остаться во дворце под охраной своего народа. И после того будто бы толпы народа стали тесниться около дворца, остерегая друг друга, говоря: «Не шумите, не нарушайте покоя нашей матушки».

Возле дворца уже в первое время после построения стояли загородные дома: графа

Апраксина, князя Волконского, Голицына и других, а также в лежащей неподалеку большой вековой роще уютилось несколько загородных трактиров и ресторанов; один из таких, «Русская гастрономия», долго славился своими гастрономическими обедами; его содержал повар-француз. Но собственно Петровский парк обустроился только в 30-х годах XIX столетия. Сам парк разбит в 1834 году по проекту садовника Финкельмана. Тогда же вся местность от Тверской заставы до Петровского дворца была разделена на участки и отдана желающим здесь строиться. Самое большое пространство земли взял тогдашний начальник комиссии для построений А. А. Башилов. Он выстроил здесь вокзал, где давались праздники с цыганами, фейерверками и т. п. В его же время был построен и Петровский летний театр. Улица Башиловка получила название по имени этого землевладельца.

Петровский дворец построен по проекту знаменитого архитектора конца XIX столетия Матвея Федоровича Казакова, возводился из красного кирпича с украшениями в готическом вкусе, обнесен со всех сторон зданиями,

между которыми находятся ограды и башни. С лицевой стороны, выходящей на Ходынское поле, выстроены полуциркульные корпуса с принадлежностями и при одном из них — гауптвахта. Главный корпус соединен с боковыми сообщениями и проездами; среднюю часть главного корпуса украшают каменные террасы, составляющие вместе с тем и его подъезды, они образуются колоннами кувшинообразной формы с арками в русском вкусе; на них прекрасная лепная орнаментация — рококо с окнами в готическом стиле. На своде трибуна, платформа и флагшток, выбрасываемый в присутствии во дворце императора, отсюда открывается превосходный вид на окрестности. Темно-красный цвет фасада дворца с белыми украшениями при оригинальности и разнообразии выступов и башен образует приятное сочетание с зеленью окружающего парка. Двухэтажное здание дворца с антресолями по углам разделяется на 4 равных помещения: бельэтаж для высочайших особ, остальные для свиты и прислуги. Каждое отделение бельэтажа состоит из гостиной, кабинета, опочивальни и помещения

для прислуги. Центр этих помещений составляет большой общий круглый зал, освещаемый сверху окнами. Лучшие помещения составляют гостиная и круглый зал в стиле Людовика XVI. Сферический свод зала превосходно расписан под лепную работу художником Артари, в 1874 году зал реставрирован архитектором Шохиным. В кабинете государя находится дорогой ковровый гобелен, изображающий избрание на царство Михаила Федоровича.

Петровский дворец имеет еще для Москвы особое значение. Священнодействию коронации российских государей, всегда совершаемому в первопрестольной столице, обыкновенно предшествует торжественный въезд императоров в Москву. Они прежде останавливаются в Петровском дворце. Оттуда в назначенный день бывает торжественный въезд императорской фамилии в столицу, в священные стены Кремля, и затем уже следует священнодействие коронавания.

Петровский дворец оставался в своем первоначальном виде до 1812 года. В этом году Петровская роща пострадала от неприятеля:

самые большие деревья были вырублены на батарее. Французы в этой местности построили себе роскошные землянки с рамами, дверями, зеркалами и мебелью, взятыми из лучших барских московских палат. Но когда в Кремле вспыхнул пожар и французы начали выбираться из Москвы, то и император Наполеон выбрал своим местожительством Петровский дворец, а гвардия и свита его еще гуще разместились в этих землянках. Наполеон жил в Петровском дворце до прекращения пожара, и по словам поэта:

*Отселе, в думу погружен,
Глядел на грозный пламень он.*

По уходе Наполеона дворец был опустошен пожаром, вероятно, от небрежности или буйства французских войск. Несколько лет потом дворец оставался в развалинах, был приведен в порядок один только нижний этаж. В 1831 году верхний этаж носил еще на себе все следы опустошения, произведенного пожаром, и проживавший там старый инвалид показывал любопытным комнату, в которой жил Наполеон. В 1840 году дворец был

возобновлен.

Окрестности Петровского дворца вызывают немало исторических воспоминаний. На Ходынском поле, где теперь раскинуты здания выставки и находятся места для скачек и рысистых бегов, шумно буйствовали войска Наполеона. А еще ранее, в бедственную годину самозванцев, тут стояли защитники отечества против «тушинского вора», который нагло укрепился близ села Тушина. Тут был лагерь Скопина-Шуйского, Мосальского, Голицына, Романова, Куракина и др.

Церковь в Петровском парке во имя Благовещения Пресвятой Богородицы с двумя приделами — Св. Симеона и Анны Пророчицы и Св. Ксенофонта и Марии — заложены в 1844 году, а освящены 26 августа 1847 года. Построены на средства вдовы Анны Дмитриевны Нарышкиной.

Екатерининский дворец (он же Анненгофский и Головинский). Основание дворца относится ко времени Петра Великого, который, как известно, любил это место (против Немецкой слободы, за Яузой). Вероятнее всего, что дворец и был построен Петром. По

крайней мере, при этом государе голландец Тимофей Брантгоф разводил здесь сад. Императрица Анна Ивановна очень любила этот сад и приказывала даже называть его своим именем — Анненгоф. Вступив на престол и будучи в Москве в 1730 году, она приказала вместо старого дворца, пришедшего, надо полагать, в ветхость, построить новый одноэтажный дворец с прибавкой к нему места, принадлежавшего некогда графам Головиным, а с 1721 года — казне. Оконченный к следующей же весне новый деревянный дворец назван был Анненгофом, и в нем государыня провела все лето 1731 года, беспрестанно объезжая гвардейский лагерь, который расположен был вблизи на обширном лугу между дворцом и рощей. По поводу этой рощи существует следующее предание.

Однажды императрица, гуляя со своими приближенными и не видя на лугу перед дворцом ни одного деревца, сказала: «Очень бы приятно было гулять здесь, ежели бы тут была роща: в тени ее можно было бы укрыться от зноя». Несколько дней спустя было назначено во дворце особенное торжество по

случаю какой-то победы. Императрица, встав утром рано и по обыкновению подойдя к окну, чтобы посмотреть на погоду, была поражена: перед глазами ее стояла обширная роща из старых деревьев. Изумленная царица потребовала объяснения этого чуда, и ей доложили, что ее придворные, которым она несколько дней тому назад, гуляя по лугу, выразила свое желание иметь здесь рощу, воспользовались мыслью государыни и тогда же вечером разбили луг на участки, и каждый, кому какой достался по жребию участок, со своими слугами в одну ночь насадил его отборными деревьями. Говорят, что здесь были долго деревья, на которых можно было видеть имена придворных, которые их сажали.

По другому преданию, роща была будто бы насажена еще самим Петром Великим и что государь здесь лично делал окопы; место же под сад взято у Лефорта. В сад этот были выписаны всяких родов деревья из Персии; но все они от недостаточного присмотра погибли в дороге, не прибыв еще в Москву. Из отчетов садовника Дениса Брокета видно, что для этого сада часто покупали у жителей Немец-

кой слободы тюльпаны, нарциссы, лилии и другие цветочные и луковичные растения. Из производства Интендантской конторы, в которой состояли Анненгофский сад и дворец, видно, что ежегодно на содержание сада и устройство его отпускаема была сумма в 30 тысяч рублей. Заведовали ими обер-гофмейстер С. А. Салтыков и обер-архитектор Расстрелли. Кроме того, ближайшим смотрителем над строениями Анненгофского сада был архитектор Петр Гейден. В Анненгофском саду кроме главного садовника находился смотритель из военных. Таковым был в 1741 году подпрапорщик Афанасий Федоров с жалованьем по 1 рублю в месяц. При саде состояли ученики, получавшие в треть жалованья 5 рублей. Они носили серые кафтаны, красные камзолы, козлиные штаны.

Сад был весьма обширен. В каких размерах здесь были устроены оранжереи, можно заключить из того, что на отопление их отпускалось ежемесячно 45 сажень дров. В саду было 9 прудов с рыбой и несколько беседок; там же стояли каменные статуи Венеры, Самсона, золоченые сфинксы и проч. Вскоре по-

сле кончины Анны Ивановны деревянный дворец сгорел. П. С. Валуев, бывший президент Кремлевской экспедиции, устроил на фундаменте этого дворца галерею и беседку. В 20-х годах XIX столетия здесь было самое модное московское гулянье.

Вступив на престол, императрица Елизавета Петровна приказала недалеко от старого дворца построить новый, тоже деревянный. Торжественно въехав в Москву для коронации, императрица остановилась в новом Анненгофском дворце, оставалась тут почти до дня совершения обряда, после которого спустя несколько дней снова отправилась церемониально всем двором из Кремля в Анненгоф. Здесь был 1 мая 1742 года большой коронационный обед, торжественные аудиенции иноземных послов и сюда же 19 сентября были поставлены шведские трофеи, присланные фельдмаршалом Ласси из Финляндии и с триумфом провезенные по московским улицам.

При вторичном посещении Москвы в 1744 году императрица опять остановилась в Анненгофе, который указом 29 февраля велела

именовать Головинским домом. Здесь же 28 июня 1744 года приняла православие и на другой день была обручена с наследником престола великая княжна Екатерина Алексеевна, впоследствии императрица Екатерина II. В 1746 году бывший Анненгоф сгорел и, отстроенный снова под именем Головинского дворца, сгорел еще раз в 1753 году. Наскоро исправленный дворец существовал до 1772 года. В этом году тут поселился присланный из Петербурга по случаю чумы граф Григорий Орлов, но чуть ли не на третий день по его приезде Головинский дворец сгорел до основания. Одни полагали, что дворец сгорел от неосторожности вовремя топки камина, другие же уверяли, что от поджога. Императрица Екатерина II на месте прежнего деревянного приказала построить каменный, назначив строителем знаменитого русского зодчего В. И. Баженова. Как план дворца, так и все украшения в нем были рассматриваемы и утверждены самой императрицей. Все эмблемы лепной работы над окнами и дверями в большом зале были утверждены императрицей, и каждая из них представляла торжество

какой-нибудь добродетели. В 1774 году дворец был готов и стоил 4 миллиона рублей серебром. Указом от 6 мая того же года дворец велено именовать Екатерининским. Во дворце был устроен и придворный театр. Император Павел, вступив на престол, приказал этот огромный каменный дворец превратить в казармы, поместив в нем четыре батальона Московского гарнизонного полка, и назвать Екатерининскими казармами. В 1812 году Головинский дворец был почти разрушен французами и только в 1823 году возобновлен и построен под надзором генерал-майора Ушакова, директора Смоленского кадетского корпуса, а в следующем, 1824 году по воле императора Александра II из Костромы сюда переведен Смоленский кадетский корпус (бывшее Псковское благородное училище), переименованный в 1-й Московский кадетский корпус, а теперь здесь 1-я Московская военная гимназия[306]. Березовая роща, принадлежавшая к первоначальному дворцу императрицы Анны, зовется Анненгофской.

Слободской дворец. В елизаветинское время местность близ Екатерининского, или Ан-

ненгофского, дворца на берегу Яузы принадлежала государственному канцлеру графу Алексею Петровичу Бестужеву-Рюмину, одному из богатейших вельмож своего времени. В 1753 году канцлер построил здесь дом, в котором, по словам современников, роскошь была изумительная и поражала даже тех, кто уже привык к ней. Дом этот в 1787 году Екатерина II купила у наследников Бестужева и подарила его графу Безбородко. В день получения в подарок дома Безбородко в письме к своей матери описывал этот случай так: «Подарив дом, государыня повелела оный починкой исправить, надстроить и перестроить по данному от меня плану на счет казенный, от Екатерининского нового здесь дворца. Таким образом, по милости ее величества буду я иметь в Москве один из лучших домов и в самой здоровой части города». По всем данным, императрица наградила этим подарком Безбородко за то, что он сопутствовал ей в Крым. По словам польского короля Станислава Понятовского, осматривавшего дом Безбородко, «во всей Европе не найдется другого подобного ему по пышности и убранству. Особенно

прекрасны бронза, ковры и стулья; последние и покойны, и чрезвычайно богаты. Это здание ценят в 700 тысяч рублей. Петербургский дом Безбородко, который богаче драгоценными картинами, не может равняться с московским в великолепии убранства. Многие путешественники, имевшие случай видеть Сен-Клу в то время, когда он вполне отделан был для французской короны, утверждают, что в украшении безбородкинского дома более пышности и вкуса. Золотая резьба на стульях работана в Вене, а лучшая бронза куплена у французских эмигрантов; в обеденном зале находится парадный буфет, которого уступы установлены множеством прекрасных сосудов, золотых, серебряных, коралловых и т. д. Обои чрезвычайно богаты; некоторые из них выписаны, другие деланы в России. Китайская мебель прекрасна».

Современники рассказывают, что в бытность императора Павла в доме Безбородко однажды он стоял с канцлером у окна комнаты, из которой можно было обозревать прелестный сад. Государь, который на все смотрел с военной точки зрения, выразил мысль,

что это мог бы быть превосходный плац для учения. Это было сказано без намерения и желания. Но когда государь, проснувшись рано, подошел к окну, то нашел сад обращенным в плац-парад. Безбородко во время ночи приказал гладко вырубить деревья и кусты. Императору так понравилось это, что он за дорогую цену купил дом у Безбородко. По покупке дома император приказал быстро произвести в нем разные постройки. Последними занимались и день и ночь со свечами 1600 человек. Павел велел два длинных деревянных дворца, носившие названия Желтого и Марлинского[307], обратить в дворцовые службы. Так как поблизости купленного дома не было церкви, то император приказал архитектору Миллеру пристроить к дому деревянную во имя Михаила Архангела и всех бесплотных сил. Также приказано было гофмейстеру, князю С. С. Гагарину, «сделать в Лефортовском дворце конюшни и кухню и соединить с дворцом крытым коридором, и плацдарм перед домом исправить из почтовых доходов, пропадавших до того без всякой пользы». Таким образом, прежний дом Бестужева, а потом

Безбородко с окружающими его зданиями был наименован Слободским дворцом, потому что он находился в Немецкой слободе.

С именем Слободского дворца связаны многие исторические предания. Два императора, Павел I и Александр I, посещая Москву, имели в нем пребывание. В достопамятный год Отечественной войны император Александр I, прибыв в Москву, объявил здесь известное воззвание к столице. В этом же дворце московское купечество в присутствии самого государя, одушевляемое чувством патриотизма, не выходя из залы, открыло добровольную подписку. Всеобщее усердие превзошло ожидания монарха: всякий вырывал друг у друга перо и в несколько минут собрано было до миллиона рублей. Государь видел неподдельные чувства, видел в каждом нового Минина и не мог более быть в зале — слезы блеснули в его глазах, он закрылся платком и вышел в другую комнату. Тут же государь получил ключи от взятой во время турецкой войны крепости Брайлов и праздновал это событие. В том же, 1812 году, спустя какой-нибудь месяц, этот дворец превращен

был в развалины. На этих развалинах в 1830 году было возведено новое здание, в котором находится ремесленное учебное заведение Императорского воспитательного дома. При доме церковь во имя св. Марии Магдалины, построенная в том же, 1830 году.

Лефортовский дворец. Он находится на улице, называемой Коровий брод[308]. Дворец воздвигнут императором Павлом в 1798 году на месте, где находится старый дом Лефорта. Дворец ничем особенным не отличался и не отличается: это не более как тип громадных казарм. В нем помещаются служащие при 1-й Московской военной гимназии.

Яузский дворец. Находился на Николо-Ямской улице, против церкви Св. архидьякона Стефана, и существовал до времен императрицы Екатерины II. Он упоминается в описании коронавания императрицы Елизаветы Петровны. В конце царствования императрицы Екатерины дворец пострадал от пожара и был продан частному лицу. Дворец был одноэтажный, и ныне существующий дом образован из прежнего дворца[309]. Дом прост, но изящен. В Яузском дворце некоторое время

находился и Петр Великий.

Запасной дворец (иначе Красноворотский). Здесь в глубокую старину находилось обширное сенное торжище. При Петре Великом на этом торжище была выстроена одна из лучших в Москве аустерий (род харчевни, гостиницы или даже постоялого двора), куда Петр I имел обыкновение захаживать запросто по дороге в Лефортово, чтобы выпить чарку своей любимой анисовой водки. Тут же, как мы уже говорили выше при описании Красных ворот, происходили при Петре I и шумные масленичные гулянья.

Дворец построен при императрице Елизавете Петровне для дворцовых запасов, по большей части из материалов измайловских риг. В нем находилась Главная контора Дворцовой канцелярии, после, при императрице Екатерине II, переименованная в контору Придворной экспедиции. Замечательно, что для обширных подвалов этого дворца лед привозили из Петербурга — вероятно, как самый лучший и чистый. Дворец построен в 1753 году и одновременно при нем построена была и церковь во имя св. Севастьяна, празд-

нуемого 18 декабря. Это — день рождения императрицы Елизаветы Петровны. В 1762 году церковь возобновлена и освящена 21 апреля — в день рождения императрицы Екатерины II — во имя священномученика Ианнуария; церковь же во имя св. мученика Севастьяна осталась придельной. Площадь перед дворцом долго была сенной, и на ней в Троицын день происходило народное гулянье. Потом на средства фабриканта Сапожникова на площади разбили прекрасный сквер.

Краснопрудский, или Каланчевский, дворец. Он находился на месте нынешнего Николаевского вокзала, И за ветхостью сломан в начале 30-х годов XIX столетия. При дворце этом находилась высокая дозорная башня, т. е. каланча, почему и площадь получила название Каланчевской, а также и близлежащая улица и три переулка. Прежде и Красный пруд носил название Каланчевского. В старину на Каланчевском поле в Троицын день справлялось народное гулянье. Теперь здесь три вокзала: Николаевский, Ярославский и Рязанский.

Александринский дворец. Находится в

Нескучном саду у Калужской заставы и носит название Александринского в честь покойной государыни Александры Федоровны, очень любившей Нескучное. О происхождении дворца мы уже говорили при описании Нескучного сада. Дворец состоит из трехэтажного здания, возвышающегося среди парка. Кроме того, во дворе много отдельных корпусов и служб и двухэтажный кавалерский корпус. В 1883 году во время коронационных торжеств дворец значительно отремонтирован с обновлением всего внутреннего убранства. Наиболее роскошно отделан большой парадный зал, очень высокий, в два света, со стенами из белого мрамора и потолком, украшенным живописью и скульптурными фресками. Общая гостиная — большая комната с балконом, выходящим в сад; стены ее отделаны под мрамор; потолок разрисован цветочными гирляндами. Наиболее изящно отделана и убрана бывшая опочивальня императрицы. В опочивальне мраморные стены, плафон и потолок разрисованы цветами; во всю комнату, перегороденную колоннадой, протянут большой ковер. Огромное трюмо висится от пола

до потолка. Превосходно отделаны и другие комнаты дворца. Мебель везде богатая, изящная, гармонирующая с общим тоном помещения. Комнаты императора и императрицы находились во втором этаже дворца. Они включали приемную, кабинет и уборную государя, малую гостиную, кабинет и опочивальни государыни и общие покои: большой парадный зал, большую гостиную и столовую с буфетом. Приемная убрана старинной мебелью и множеством небольших батальных картин. В кабинете мебель обтянута зеленым сафьяном, по стенам батальные картины, тут же деревянное блюдо с искусной резьбой, на котором в 1863 году освобожденные крестьяне поднесли хлеб-соль государю. При дворце находится церковь с ризницей во имя св. Александры-царицы.

Некоторое время, во время отделки генерал-губернаторского дома, в Александринском дворце пребывал августейший московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович.

Покровский дворец. Построен был в селе Покровском (Рубцове) возле церкви Покрова

в 1742 году, деревянный, значится во всех старинных московских путеводителях. Дворец этот вскоре сгорел, и на месте его был выстроен в 1753 году каменный. Есть предание, что Елизавета Петровна, будучи еще великой княжной, очень любила этот дворец и летом подолгу проживала там. От природы веселого характера, княжна участвовала здесь в праздничных хороводах, составленных из покровских девиц и молодежи, одеваясь в их красивый русский костюм: в цветной атласный сарафан и кокошник, или в парчовую кикю с дробницами из жемчуга и с позументом, или просто по-девичьи вплетая в косу алую ярославскую ленту (в Ярославле в старину была лучшая ленточная фабрика). С тех пор сохранилась и песня:

*Во селе, селе Покровском,
Среди улицы большой,
Разыгралась, расплясалась
Красна девица-душа.*

Дворец внутри был отделан в японском и китайском стиле, и в том же стиле во дворце было много посуды. При дворце была церковь во имя Воскресения Христова, соединявшаяся

с дворцом переходом и мостом, так как дворец и церковь разделялись прудом. В XVIII столетии по упразднении дворцовой Воскресенской церкви утварь ее была пожалована в 1790 году по повелению императрицы Екатерины II в церковь села Никольского близ Пахры.

В 1870 году местность эта вместе с дворцом отдана Покровской общине сестер милосердия. Храм Воскресения Христова был возобновлен, и вся утварь прежней Воскресенской церкви из села Никольского передана в новую церковь. Иконы, иконостас, хоругвь, царское паникадило существуют более 200 лет. Кроме того, в Воскресенскую церковь пожалованы почившей покровительницей общины императрицей Марией Александровной два напрестольных Евангелия и весь годичный круг богослужебных книг. Освящена церковь во имя Воскресения Христова 25 июня 1872 года. При общине есть еще церковь во имя Божьей Матери Утоли мои печали, которая сооружена в 1875 году. Храм Покрова Пресвятой Богородицы, близ которого находится Покровский дворец, описан нами ранее.

Дворцы: Подкопаевский, Зеленый, Дорогомиловский, Пречистенский, Балчужный, Семеновский и Преображенский. Всех этих дворцов давно уже не существует.

Подкопаевский находился близ церкви Николы, что на Подкопае, на горе над рекой Яузой. Был построен временно для Ивана III, который жил там после большого кремлевского пожара.

Дорогомиловский. Был построен временно на самом берегу Москвы-реки у плавучего Дорогомиловского моста для Ивана III, который из него провожал свою дочь Елену в Литву, отдавая ее замуж за сына литовского короля Александра.

Зеленый (Зеленый государев двор). Был построен при царе Иване Васильевиче Грозном для отдыха во время соколиной охоты. Он находился напротив церкви Св. Трифона, где теперь огороды и где уцелело несколько старых лип, составлявших, вероятно, дворцовый сад. Тут находились пруды, принадлежавшие царскому двору, в которых сохранялась дорогая, привозимая издалека, рыба. Теперь от этих прудов, кроме ям, не осталось и

помину. Дворец существовал до времен Петра I, который иногда проживал в нем по нескольку недель. При императрице Анне Ивановне дворец был уничтожен.

Пречистенский. Находился на Пречистенке, где теперь дом князя Голицына. Это был старый деревянный дворец, построенный близ Колымажного двора при царе Алексее Михайловиче. Он долго был необитаем. Но в 1774 году, во время своего приезда в Москву для празднования наших побед в Турции, императрица Екатерина II остановилась в нем на несколько дней. По этому случаю ко дворцу были сделаны огромные деревянные пристройки из брусьев. Кабинет императрицы помещен был возле парадных комнат, выходящих окнами на Пречистенку, и был очень холоден и плохо закрыт от непогод и ветра. Несмотря на это, государыня очень долго занималась в нем делами. По словам современников, ее секретари Теплов и Кузьмин просто коченели в нем от холода. Однажды императрица заметила, что они очень прозябли, и приказала подать им кофе, какой всегда сама употребляла. Когда секретари его выпили, то

от непривычки почувствовали биение сердца и сильное головокружение. Государыня, расхохотавшись, сказала: «Теперь знаю средство согреть вас от стужи». Из этого же дворца императрица отправилась и на то знаменитое Ходынское гулянье, которое было устроено по случаю побед Румянцева над турками. Празднество это продолжалось с 10 по 24 июля 1774 года и отличалось необыкновенной затейливостью, пышностью и торжественностью. Главным виновником этого народного торжества был, разумеется, граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский, который благодаря своим победам дал России Керчь, Еникале, Кинбурн и другие города. Россия получила право плавания для своих кораблей по Черному морю до самого Константинополя, чего особенно домогался еще Петр Великий. Еще с зимы 1773 года начались приготовления к этому празднеству; о нем извещали народ афишами. Лишь только настала весна, как на Ходынке раздались звуки топоров и молотков: воздвигались города, крепости — подобие отнятых у турок, села, галереи, театр, беседки и проч. Из далеких краев Рос-

сии, даже из-за границы стали съезжаться к этому празднику в Москву. По дороге, лежащей от Петербурга до Москвы, поминутно летали курьерские тройки, двигались рыдваны, скрипели тяжелые обозы. Москва наряжалась. Были воздвигнуты триумфальные ворота. Одни из них возвышались на площади, на крестце Тверской и Садовой. Ворота эти имели высоту 48 аршин. Над ними была статуя Славы; украшение ворот составляли четыре столба коринфской архитектуры; вместо крыши на них находился пьедестал для вызолоченной статуи, представлявшей Посланицу небес в виде вооруженной женщины: в правой руке с громовой стрелой, а в левой — со щитом, на котором изображен был вензель государыни, и пальмовой ветвью. Внутренняя часть этих ворот украшена была пилястрами ионической архитектуры и представляла «храм победы». На гулянье императрица выехала в золотой карете. Ходынское поле представляло великолепную, никогда не виданную панораму. Вся Москва была там, были и многие полки, находившиеся в действующей армии. Государыня со своим семейством

и свитой вступила в роскошно устроенную для нее галерею. Когда высокие посетители заняли места, поданы были сигналы о начале праздника. Со всех приготовленных в большом изобилии яств одернулись шелковые покрывала — и на двух возвышенных пирамидах явились позолоченные быки, бараны, стаи птиц, как живые, украшенные ленточными перевязями и цветами; с каланчей брызнули фонтаны виноградных вин. В разных местах были поставлены качели, карусели и другие народные забавы. Бухарцы на немалой высоте ходили по канату в открытых балаганах или представляли из себя пирамиды, балансировали, ходили на руках, вертелись колесом; акробаты, или, как их тогда называли, морочилы, с погремушками на руках и на ногах кривлялись с шестами на лбу, показывали фокусы: проглатывали ножи, ели горящую паклю. Пели и плясали цыгане, жившие тогда на Филях, водили ручных медведей. Затем показывалась воочию восточная ярмарка с тысячами торговцев. Удалые наездники, калмыки и киргизы, джигитовали на своих лошадях: на всем скаку под-

нимали с земли денежки, прошибали стрелами брошенные вверх яйца. В театре давали русскую оперу «Иван-царевич». Императрица со свитой ходила по ярмарке, покупала товары. Вечером был зажжен фейерверк, блистательный в полном смысле слова. По данному сигналу вдруг вспыхнули огненные струи — и осветилось, запламенело, засверкало огнями все пространство Ходынского поля; ночь, казалось, превратилась в день, корабли на суше будто горели, напоминая Чесменскую победу. Сверкал огнями городок Таганрог, сверкала огнями Азовская крепость. Все эти потехи и удовольствия продолжались до глубокой ночи. После фейерверка все здания на Ходынке озарились иллюминацией; в ответ ей засияла и Москва подобными же огнями. Это гулянье долго не забывалось Москвой, и по поводу его написано несколько брошюр на русском и французском языках. Герои этого празднества были награждены по-царски. Всех более, конечно, был награжден Румянцев.

По отъезде императрицы из Москвы Прецистенский дворец велено было перенести на

Воробьевы горы, где он вскоре и сгорел до основания. На его месте был впервые заложен храм Христа Спасителя.

Балчужный. Дворец был построен на Балчуге близ бывшего чугунного моста через Яузу при императрице Елизавете Петровне. В нем она прожила только несколько дней, и затем он вскоре сгорел. Теперь здесь железные лавки.

Семеновский. Это был дворец Петра Великого, деревянный, довольно скромный. Отсюда Петр I ездил в Измайлово, и в нем с особенным весельем справлял Первое мая, приглашая с этой целью всех иностранных представителей. Празднование Первого мая заканчивалось в Семеновской роще. Первомайское гулянье из Семеновской рощи, как мы уже говорили, перешло в рощу Сокольническую. От села Семеновского заимствовал свое название лейб-гвардии Семеновский полк.

Преображенский. Находившийся в дворцовом селе Преображенском, на левом берегу Яузы. В нем Петр I имел частое пребывание. От этого села гвардии Преображенский полк получил свое название. Отсюда водил Петр I в

Измайлово свою потешную роту, иногда учил он ее в Преображенском, иногда водил свои полки в родовую свою вотчину угощать или делать там маневры на широком дворцовом Измайловском дворе и стаивал с ними в шатрах под рощей. В селе Преображенском среди огородов долго сохранялись признаки бывшей там Тайной канцелярии, существовавшей в небольшом каменном доме. Она учреждена Петром I во время крамол стрелецких полков и раскольников. Еще Карамзин, как он пишет, видел там глубокие ямы и железные решетки в маленьких окнах разрушенного здания канцелярии. Здесь в свое время управлял делами князь Ромодановский, и имя его, как и имя Преображенского, наводило ужас на жителей Москвы. К Преображенскому боялись даже приближаться. Восклицание «Слово и дело!» приводило всех в оцепенение. Преображенский приказ открыт был в 1701 году и существовал во все царствование Петра I. Император Петр III уничтожил его в 1762 году. Императрица Екатерина II подтвердила этот указ, но вскоре учредила Тайную экспедицию, которая находилась на Лубянской

площади. Как известно, император Александр I 2 апреля 1801 года издал указ о совершенном уничтожении Тайной экспедиции. Таким образом, страшное когда-то Преображенское отошло в вечность, и воспоминание о нем осталось только на страницах истории.

Замечательные дома, казармы, училища, больницы и всякого рода богоугодные заведения

Дом Юсупова. Находится в Большом Харитоньевском переулке и представляет даже в несколько измененном виде редкий памятник зодчества конца XVII века. Он принадлежал ранее Алексею Волкову, от него приобретен в казну и подарен императором Петром II князю Григорию Дмитриевичу Юсупову. Каменные двухэтажные палаты Юсуповых с пристройками к восточной стороне стояли на просторном дворе; к западной их стороне примыкало одноэтажное каменное здание, позади — каменные кладовые, далее шел сад, который до 1812 года был гораздо обширнее, и в нем находился пруд. Первая палата о двух

ярусах с крутой железной крышей на четыре ската отличается толщиной стен, сложенных из 18-фунтовых кирпичей с железными связями. Прочность и безопасность были, по-видимому, одним из первых условий здания. Входная дверь наверху сохранила отчасти свой прежний стиль: она с ломаной перемычкой в виде полувосьмиугольника и с сандриком вверху, в тимпане — образ св. благоверных князей Бориса и Глеба. Это напоминает заветный благочестивый обычай русских молиться перед входом в дом и при выходе из него. Здесь были боярская гостиная, столовая и спальня; на западной стороне — покой со сводом об одном окошке на север, по-видимому, служил моленной. В нижнем этаже под сводами то же разделение; под ним — подвалы, где хранились бочки с выписными фряжскими заморскими винами и с русскими ставленными и шипучими медами, ягодными квасами и проч. Пристроенная на восток двухэтажная палата, которая прежде составляла один покой, теперь разделена на несколько комнат. Над палатой возвышается терем с двумя окнами, где, по преданию, была церковь: из

него в стене виден такой же тайник, какой находится в Грановитой палате.

Богатства Юсуповых издавна славились своей колоссальностью. Начало этого богатства идет со времен императрицы Анны Ивановны, хотя и до этого времени Юсуповы были очень богаты. Родоначальник их Юсуф был владетельным султаном Ногайской Орды. Сыновья его прибыли в Москву в 1563 году и были пожалованы царем богатыми селами и деревнями в Романовско-Борисоглебском уезде. Поселенные там казаки и татары были подчинены им. Потомки Юсуфа были магометанами еще при царе Алексее Михайловиче. При этом государе первым принял христианство правнук Юсуфа Абдул-Мурза. Он при крещении получил имя Дмитрия Сеюшевича (отец Сеюш) Юсупова-Княжева. У князя Дмитрия Юсупова было три сына, и по смерти его все богатство было разделено на три части. Собственно, богатству Юсуповых положил начало один из сыновей Дмитрия, князь Григорий Дмитриевич. Он был одним из боевых генералов Петра Великого, и этому-то Григорию Дмитриевичу Петр II и пода-

рил описываемый дом. Он производил следствие над Меншиковым, Долгоруким и отыскивал их богатства. Умер в 1730 году и погребен в Богоявленском монастыре.

Дом Шепелева. На Швивой горке. Дом этот принадлежит к числу лучших и прекраснейших домов Москвы. Что только может выдумать хороший зодчий, то можно найти в архитектуре этого роскошного барского здания. Дом построен в первой половине XVIII столетия купцом Иваном Родионовым Баташевым, который за образцовое устройство железных заводов на Выксе получил дворянство. Этот Баташев владел громадным богатством в Нижегородской, Тамбовской и Владимирской губерниях. Там у него имелось до семи заводов, при них 17 тысяч душ крестьян и 200 тысяч десятин строевого леса. Баташев имел сыновей, которые умерли еще при его жизни; сам же он отличался особенным долголетием и умер чуть ли не ста лет от роду. От сына его Ивана осталась дочь Дарья, которую дед выдал в 1817 году за Шепелева[310]. Последняя получила все богатство деда в приданое и вместе с ним описываемый громадный дом

на Швивой горке, именовавшийся иногда и Шепелевским дворцом. В этом доме стоял Мюрат, когда занял Москву Наполеон. По рассказам современников, отделка дома после пожара в 1812 году обошлась Баташову в 300 тысяч рублей серебром. Всем богатством своим Иван Баташев был обязан своему брату Андрею, человеку необыкновенного ума и непреклонной воли. Для достижения своей цели он не останавливался ни перед чем, все средства казались ему удобными; при всей своей алчности он отличался еще самым необузданным нравом. Баташев наживался правдой и неправдой, к нему на заводы стекались толпой беглые и каторжники; он принимал всех и заставлял работать за самую ничтожную плату. Он открыто покровительствовал разбойникам, скрывавшимся в Муромских лесах, пограничных с его заводами, и получал от них свою долю грабежа. Ободренный безнаказанностью, Баташев дошел, наконец, до неслыханных границ деспотизма и жестокости. До сих пор еще на Выксе о нем говорят с ужасом, и старики рассказывают о безобразии его оргий, о возмутительном его

кощунстве над святынями, о несчастных, спущенных в колодцы, где добывалась руда, распятых на кресте или заморенных голодом. Когда несколько лет тому назад была начата перестройка его обветшалого дома, то плотники открыли проведенный из комнаты его потайной ход в подвал, в котором нашли множество человеческих костей[311]. Все эти поступки Баташева под конец дошли до сведения императрицы Екатерины, и она приказала снарядить следствие. Чиновника, которому поручено было дело, Баташев не принял, а приказал отвести ему квартиру у мастерового и на другой день послал ему блюдо фруктов, под фруктами лежал пакет с крупной суммой денег и записка следующего содержания: «Фрукты съешь, деньги возьми и убирайся, пока жив». Следователь исполнил совет в точности. Изверг этот XVIII столетия жил долго, но когда умер — неизвестно.

В настоящее время в доме Шепелева находится Яузское отделение больницы для чернорабочих.

Пожарное депо. На Пречистенке. Это замечательное здание вполне приспособлено для

своей цели; оно построено в конце XVIII столетия. Как известно, Москва очень часто терпела бедствия от пожаров. Прежде дома строились деревянные и тесно друг к другу; поэтому выгорали целые слободы и даже половина всего города. Деятельный царь Борис Годунов в ограждение Москвы от подобных бедствий повелел, чтобы дома по возможности строились каменные; он назначил из казны средства на делание кирпича и тесание белого камня. Казенный камень, кирпич и известь давались в долг с уплатой в течение десяти лет. Император Петр I еще более заботился о постройке в Москве каменных зданий. При царе Алексее Михайловиче было впервые учреждено нечто вроде пожарной команды; это были огневики, или огнищане, выбиравшиеся из обывателей, на обязанности которых лежало тушить пожары. Петр Великий дал лучшее устройство пожарной команде и, ежели находился в Москве, нередко сам лично являлся на пожар и давал надлежащие распоряжения для прекращения огня.

Об одном из подобных случаев рассказывает известный путешественник на Восток Де

Брунн, посетивший Москву в 1692 году. На первый день Пасхи, около 6 часов утра, загорелся в Немецкой слободе дом одного из иностранцев. Царь одним из первых явился на пожар и не только распоряжался, но и сам лично участвовал в тушении огня. «В Москве, — замечает далее Брунн, — есть особая стража, наблюдающая во все часы ночи и поднимающая тревогу немедленно, как только произойдет подобное несчастье (т. е. пожар)». При Екатерине II на пожарную стражу обращено еще большее внимание, и она получила известную систему и порядок. Но кому, собственно, Москва обязана устройством пожарной команды, так это бывшему в царствование Александра I обер-полицмейстеру Москвы А. С. Шульгину. В этом отношении он сделал полное преобразование. Пожарных сигналов на каланчах при нем тогда еще не было, а при пожарных командах всегда было по несколько казаков с оседланными лошадьми, которые в случае пожара давали знать о том в соседние части. Но, несмотря на это, пожарные являлись на пожары с изумительной скоростью. Лошади под обозом были

превосходные, сам обоз и сбруя в блестящем щегольском виде. Команда в соответственной времени одежде, без металлических шлемов. Набор пожарных лошадей тогда подкреплял не то закон, не то обычай отбирать у всех лошадей за неосторожную езду по улицам и отдавать в пожарную команду без судебного на то определения. Это правило при некоторых случаях влекло за собой вопиющую и притеснительную несправедливость. Шульгин на пожарах отличался молодецкой неустрашимостью и мастерскими распоряжениями. Из толпы то и дело слышались восклицания «Вот отец! Вот так молодец!» и проч. Шульгин пользовался почти всеобщей любовью, и особенно купечества, несмотря на то, что все его боялись, потому что могучая рука его, сжатая в кулак и распростертая, была для многих грозна и тяжела. Шульгин не имел своего состояния, но за женой получил значительный капитал и жил весьма роскошно. Он выстроил для себя прекрасный дом на Тверской, который потом был приобретен Шевалдышевым. За свою расторопность Шульгин был переведен в Петербург, но в 1824 году после из-

вестного декабрьского бунта его уволили, и он умер в Москве в своем домишке на Арбате в 1832 году бедняком.

Старый Комиссариат (Вещевой интендантский склад). На Садовнической улице. Построен при императрице Анне Ивановне. Здание готической архитектуры наподобие замка, обнесенное каменными стенами и имеющее по углам башни. Наружная сторона здания украшена в простенках лепной работы арматурой древнего вооружения. Тут же вблизи и Новый Комиссариат, тоже огромное здание, построенное при императоре Александре Павловиче.

Спасские казармы. Прежде был загородный дом графа Ивана Семеновича Гендрикова. Потом в нем находилась казенная аптека. При Екатерине II принадлежал известному Николаю Ивановичу Новикову, и в нем помещалась одна из его типографий. Для казарм приспособлен в 1789 году, причем построены новые здания и сделан тир для стрельбы.

Красные казармы. Находятся за Яузой, близ здания военной гимназии. Выстроены в 1776 году с назначением быть дворцом, но

императором Павлом I переименованы в казармы и отданы для квартирования одного из полков, находившихся в Москве. Теперь в них помещается пехотное Юнкерское училище, а часть принадлежит 1-й Московской военной гимназии.

Петровские казармы. Между Петровкой и Каретным рядом. Здесь прежде расположены были батальоны, употреблявшиеся для работ по городу, как-то: для устройства бульваров, очистки площадей, надзора за бассейнами, Кремлевскими садами и проч. С 40-х годов XIX века в них помещается жандармский дивизион.

Покровские казармы. Близ Покровских ворот. Построены при Александре I. Это одно из громаднейших московских зданий. Перед казармами обширная площадь.

Коммерческое училище. На Остоженке. Дом — прекрасное и огромное здание. Фасад украшен фронтоном на колоннах. Училище основано в 1804 году Московским купеческим обществом под особенным покровительством императрицы Марии Федоровны и императора Николая Павловича. До 1816 года училище

было причислено к Зачатьевскому монастырю, но в ознаменование преданности и благодарности к покровительнице училища императрице Марии Федоровне советом училища было положено соорудить во имя св. равноапостольной Марии Магдалины церковь, которая освящена преосвященным Августином 13 февраля 1816 года, а в 1854 году устроена новая церковь, которая 21 марта того же года и освящена митрополитом Филаретом. В это училище принимаются только дети купцов и мещан.

Практическая академия коммерческих наук. На Покровском бульваре. Основана в 1801 году. Это высшее училище для купеческих детей. Успешно окончивший курс получает личное гражданство. При академии — церковь во имя св. Александра Невского, построена в 1814 году на иждивение Московского купеческого общества.

Комиссаровское техническое училище. Близ Тверской, в Благовещенском переулке. Основано в память спасения драгоценной жизни государя императора Александра II 4 апреля 1866 года Петром Ионовичем Губони-

ным. При училище — церковь во имя св. Александра Невского, освященная 26 августа 1871 года митрополитом Иннокентием.

Военно-учительская семинария. На Немецкой улице. Здесь прежде был Кадетский малолетний корпус. Основан в 1809 году. При семинарии — церковь во имя св. царя Константина и матери его царицы Елены.

Александровское училище благородных девиц. На Новобожедомской улице Александровское училище (прежде именовалось институтом) учреждено в 1805 году на пожалованные императором Александром I 400 тысяч рублей. Тут принимаются на воспитание дочери купцов, священников и военных до капитанского чина. Церковь при училище — во имя св. Александра Невского — построена в 1812 году.

Училище ордена св. Екатерины (Екатерининский институт). Находится за Екатерининским парком. Здесь прежде был Инвалидный дом. Училище открыто в 1805 году. При нем — церковь во имя св. Екатерины-великомученицы. Это одно из высших училищ для благородных девиц.

Вдовый дом. Находится на Кудринской площади. Основан в 1803 году Воспитательным домом из сумм вдовьих и экономических и есть памятник благотворительности императрицы Марии Федоровны. Дом этот имеет прекрасную наружность, очень велик, и при нем прекрасный сад. При доме церковь во имя св. Марии Магдалины, построенная в 1805 году.

Странноприимный дом князей Куракиных. На Новой Басманной, примыкает к Запасному дворцу. История этого дома следующая. Князь Борис Иванович Куракин, будучи посланником в Париже и находясь в преклонных летах, в 1727 году дал обещание построить в Москве храм во имя св. Николая и при нем госпиталь для престарелых воинов. Для построения храма и госпиталя императрица Анна Ивановна пожаловала землю. Сын Б. И. Куракина князь Алексей Борисович в 1742 году построил храм и при нем первое в Москве благотворительное заведение.

Странноприимный дом и больница графа Шереметева. На Сухаревской площади. На месте дома в старину простирались обшир-

ные огороды князя Черкасского, сделавшегося потом родственником Шереметевых. На огородах издревле находилась деревянная церковь во имя Живоначальной Троицы с приделами Преподобных Ксении и Михаила Архангела. При императрице Елизавете Петровне церковь эта, пришедшая в ветхость, перестроена каким-то юродствовавшим Андреем и потом освящена при графе Петре Борисовиче Шереметеве. Основатель этого богоугодного заведения есть граф Николай Петрович Шереметев. Оно основано в 1803 году. Кроме богадельни для престарелых и больницы основателем положен особый капитал, чтобы из процентов капитала ежегодно выдавалось: 1) на приданое нескольким бедным девицам; 2) для вспомоществования бедным семействам; 3) на восстановление заведений обедневших ремесленников через снабжение их потребными для работ инструментами; 4) на вклады в храмы Божьи и другие дела милосердия. По преданию, дом этот основан по инициативе супруги графа Прасковьи Ивановны, которая отличалась при жизни широкой благотворительностью.

Главный корпус этого обширного и прекрасного по своей архитектуре здания имеет форму полукруга. В галереях на лицевую и заднюю стороны устроены палаты для немощных, а наверху особое отделение для бедных, живущих на иждивении этого дома. В нижнем этаже живут служители. На просторном дворе — два боковых флигеля и два особых корпуса. В самой середине главного лицевого корпуса устроена церковь во имя Живоначальной Троицы, которая начата постройкой в 1803 году и окончена в 1810 году. При постройке этой церкви старая деревянная разобрана. Внутренность настоящего храма довольно величественна и обширна. Образа писаны прекрасно; особенно обращает на себя внимание находящийся за престолом образ Воскресения Христова. Замечательны еще в полукружиях сводов с двух сторон храма картины, сделанные барельефом. С наружной стороны вход в храм украшен прекрасным портиком и колоннами в два ряда, образующими особую полуротонду. В простенках поставлены лепные изображения евангелистов во весь рост. Прекрасное крыльцо служит

входом. Утварь и ризница довольно богаты. При храме приделы: Св. Николая Чудотворца и Св. Дмитрия Ростовского. В 1812 году церковь не была разграблена, потому что в доме квартировал какой-то маршал. Дом отделяется от площади хорошей железной решеткой.

Набилковская богадельня. На 1-й Мещанской. Основана в 1828 году почетными гражданами Федором и Василием Федоровичами Набилковыми, пожертвовавшими для этой цели здание и землю. В 1877 году сюда перемещен с Маросейки Мариинско-Усачевский богадельный дом. Кроме того, в последнее время здесь основано еще несколько других богоугодных заведений, занимающих пространство позади Набилковского дома. Церковь — во имя Живоначальной Троицы — построена и освящена в 1861 году на средства Набилковых и купца Захара Чернышева.

Екатерининский богадельный дом (Матросская богадельня). За Сокольничьим полем, на Матросской площади, между улицами Стромынкой[312] и Тишиной. Тут при Петре Великом была казарма для матросов и слободка, называвшаяся тоже Матросской. Нака-

нуне своего удаления в Троице-Сергиеву лавру во время стрелецкого бунта юный Петр нашел в этом здании убежище. Богадельня устроена в 1787 году. Храм при богадельне — во имя Воскресения Христова — освящен в 1790 году митрополитом Платоном. В 1871 году на добротные пожертвования устроен другой придельный храм во имя св. великомученицы Екатерины в память основательницы богадельного дома императрицы Екатерины II. Богадельня снабжена 960 кроватями и отделением на 50 кроватей для неизлечимых больных. Перед богадельней водоразборный столб, куда течет вода из Преображенского ключевого колодца, именуемого Святым и существующего с незапамятных времен.

Преображенский дом умалишенных. Примыкает к Екатерининской богадельне. Основан в 1798 году. В 1830 году бывшая до тех пор богадельня преобразована доктором Саблером в Преображенскую больницу. Расширена в 1877 году, сделаны новые пристройки с водяным отоплением инженером Флавицким. Очищение воздуха в них производится

посредством новых каминов. Кроватей около 300. Больница переполнена. Больные разделяются по группам: на спокойных, беспокоящих, буйных, неопрятных и слабых, а также с отделением излечимых от неизлечимых. На содержание больницы ежегодно ассигнуется около 90 тысяч рублей. При больнице рабочий барак, устроенный на средства В. М. Костанжогло и купеческого общества.

Московская исправительная тюрьма. Рядом с Преображенской больницей. Основана в 1775 году Екатериной II как смирительный дом «для предрезостных». Находился сперва за Сухаревой башней и в ведении Общественного призрения. В 1870 году переименован в Московскую исправительную тюрьму. Устроена на 300 мужчин и 150 женщин. Церковь всех Скорбящих Радости построена в 1850 году. Постройки тюрьмы весьма ветхи.

Тюремный замок. У Бутырской (иначе Дмитровской) заставы. Построен в 1782 году. Стены замка составляют квадрат высотой около 4,5 сажени. Внутри квадрата расположены крестообразно тюремные здания. Главный корпус построен в 1888 году по системе

одиночного заключения. В пяти этажах этого здания размещено 396 одиночных камер, 5 карцеров, 4 кладовых, ванная, библиотека и 2 кабинета для занятий чинов судебного ведомства. Другие корпуса перестроены и перестраиваются. По углам замка находятся четыре двора больших и четыре малых. Внутри замка домовая церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы. Тут же и Центральная пересыльная тюрьма с церковью Св. Александра Невского, сооруженной в 1879 году и перестроенной в 1884 году. Заботами старосты купца Хрулева церковь в последнее время возобновлена.

Военный госпиталь. За Лефортовским мостом через Яузу, на Лефортовской площади. Основан в 1706 году. В 1865 году здание госпиталя возобновлено и прекрасно приспособлено к требованиям усовершенствованной больницы. При Петре Великом в здании госпиталя была устроена Хирургическая школа. Расскажем вкратце, как зародилось в Москве врачебное искусство.

В самой глубокой древности предки наши получали самое простое воспитание и потому

вели самый умеренный образ жизни. Хотя и хворали, но совсем не знали тех болезней, которыми преизобилует наше поколение. Так, дурная (венерическая) болезнь сделалась известна в России только в 1499 году, а скорбут, или цинготная болезнь, упоминается летописями в первый раз только в 1552 году. В случае хворости довольствовались простыми домашними лекарствами, как-то: баней, вином с перцем или же с солью, огуречным рассолом, соком редьки и т. п. Врачебное же искусство почти совсем не было известно. Однако страх безвременной кончины и слухи о врачевании болезней в иностранных землях заставили государей наших для себя и приближенных своих содержать при дворе врачей. Из числа таковых видим мы при Владимире I выписанного откуда-то Иоанна Смера Половчанина, который считался весьма умным человеком и был посылаем великим князем для узнания веры. Далее, при Ярославе I и Всеволоде Ярославиче находились также лекари, которые врачевали наружные раны и нарывы и знали силу многих трав и кореньев. Врачи эти были преимущественно греки.

В конце XI века, а именно в 1091 году, епископ переяславский Ефрем приказал строить при церквах больницы. Здесь лечили греки и монахи, последние преимущественно. Так, мы видим, что основатель Киево-Печерского монастыря преподобный Антоний и монахи св. Алипий-иконописец[313] и преподобный Агапит, безмездный врач, как именует его Патарик, зная врачебное искусство, врачевали с успехом больных. В XII веке история упоминает о враче Петре Сирианине, который был другом черниговскому князю Николаю Давыдовичу, названному Святошей. Летописи говорят о Сирианине, что он был «лечец вельми хитрый». Во время татарского ига медицинская наука в России заглохла: ни о каких врачах в течение целых двух веков не было и помину. Во второй половине XV века при великом князе Иване Васильевиче в 1485 году из Рима прибыл немчин Антон, а в 1490 году — еврей Леон. Их выписали, собственно, для великого князя. Но занятие врачеванием было сопряжено тогда с большой опасностью: от медиков требовали, чтобы больные непременно выздоравливали, и за это давали боль-

шое вознаграждение; в случае же смерти больного лекаря в свою очередь лишали жизни. Так случилось и с лекарями немчином Антоном и жидом Леоном. Антон не вылечил князя Каракучу, царевича Дан-Ярова и был за то удушен, а по другим сказаниям, выданный сыну умершего, зарезан татарами под Москворецким мостом. Леон же головой ручался, что вылечит старшего сына великого князя Иоанна Иоанновича Младого. Летопись рассказывает о его лечении следующим образом: «Лекарь же даст ему зелие пити и жеци нача сткляницами по телу, вливая горячую воду; и от того ему бысть тяжче и умере». По прошествии сорока дней после смерти царевича лекарь его был казнен всенародно на Болвановке за Москвой-рекой.

В XVI веке при великом князе Василии Ивановиче были при его дворе в Москве врачи Марко из Константинополя, Николай Луев и Феофил. Последние два пользовали великого князя и прославили свое имя. Наконец предрассудки и невежество стали постепенно ослабевать, и в России начали смотреть на врачей с большим уважением: необходи-

мость и пользу их признали все высшие сословия. В царствование Ивана Васильевича Грозного в России были врачи: Арнольд Лензей, Елисей Бомелий, доктор Стендит, Ричард Элмс, доктор Иоганн и доктор Якоби, прибывший в Москву в 1581 году. Из них последний, Якоби, был особенно рекомендован царю английской королевой Елизаветой. В Москве его обыкновенно называли Романом Елизариевым. При Грозном же с 1550 года учреждены в Москве больницы. В 1581 году начали приезжать из Англии фельдшера и оттуда же прибыл аптекарь Яков Френшам (Жемс Фремчем), который завел в Москве первую придворную аптеку. При царе Федоре Ивановиче были врачи: упомянутый Якоби, Марк Ридрей из Англии, Павел Читadini из Милана. В 1588 году появилась в России в рукописи первая «Лечебная книга», переведенная с польского. В 1592 году учрежден в городе Ржеве первый карантин, или пограничная стража, против заразной болезни. Царь Борис Годунов вызвал в Россию врачей: Христофора Ритленгера из Венгрии, Давыда Васмера из Любека, Генриха Шредера, тоже из Любека, Иоганна

Гилке из Лифляндии, Каспара Фидлера и Тимофея Виллиса из Англии. При самозванце был его доктором Себастьян Петрицкий, получивший в 1583 году магистерское достоинство. При царе Михаиле Федоровиче с 1616 года начали назначаться полковые лекари, и военачальникам отпускали уже особые суммы на медицинские расходы. Однако же до учреждения Аптекарского приказа врачебная наука в России не имела определенного управления. Приказ этот учрежден в 1620 году[314]. В нем заседали несколько медиков под председательством одного из них, который носил название архиатера. Приказ состоял под ведением одного из первенствующих бояр, ведал делами всех медицинских чиновников, определял их на места и снабжал воинские аптеки запасами. Лекарства выписывались Аптекарским приказом из иностранных земель; потом в Москве и в подмосковном селе Измайлове были заведены свои аптекарские сады[315]; кроме того, лекарственные материалы собирались в виде податей: солодовый корень из Астрахани и приволжских местностей, бадьян из Сибири, ревеня из

Болгарии, селитра, поташ, яр из других мест России. Но у нас не было еще ни одного медицинского училища, и русские лекари и рудометы (цирульники) были обязаны своим образованием иностранным школам или проживавшим в России лекарям, которые брали себе в помощники некоторых русских и обучали их своему искусству. Так, два чиновника Посольского приказа, Посников и Волков, видя отличие, которое оказывалось медикам, с разрешения царя первые отправили своих сыновей в Падую, где они получили докторскую степень, и в 1655 году возвратились в Россию.

Петр Великий обратил особое внимание на распространение в России врачебного искусства. В 1707 году он учредил Походную аптекарскую канцелярию, которая впоследствии без названия Походной заступила место Аптекарского приказа. В 1706 году, как уже сказано, был построен первый госпиталь [316], который Петр Великий назвал Генеральным и при котором была устроена Хирургическая школа. Как известно, Петр Великий свой досуг посвящал изучению медицин-

ских наук и особенно предпочитал хирургию и анатомию. Курс анатомии великий царь слушал в 1697 году в Амстердаме у известного тогда своей ученостью профессора Рюйта. Для избежания толпы любопытных, собиравшихся на городских улицах, чтобы видеть русского царя, он нанял для себя небольшую комнату в гостинице рядом с домом Рюйта и приказал за свой счет сделать между этими двумя зданиями коридор для прохода прямо к профессору. Он купил у Рюйта анатомический кабинет, который перевез потом в Петербург. Тут он каждую неделю посещал кабинет (составивший впоследствии Музей императорской Академии наук) и пополнял его телами уродов, животных и разных растений; кроме того, государь часто присутствовал при анатомических вскрытиях трупов, деланных в его время в Петербурге. Когда случалось в госпиталях отрезать кому-нибудь руку или ногу, он всегда при этом присутствовал и сам перевязывал раны страждущим. Нередко он сам занимался этим делом и производил операции по тогдашнему времени весьма искусно. Царь превосходно рвал и зубы. Однажды, гу-

для по рынку в Амстердаме (в 1697 г.), царь Петр остановился у лавки одного цирульника, который дошел до такого совершенства, что рвал зубы ручкой чайной ложки и концом шпаги. Государь призвал его к себе, велел ему повторить опыты своего искусства и после нескольких уроков не уступал уже своему учителю. К русскому царю в гостиницу стали во множестве приходить голландцы, страдавшие зубной болью. Царь Петр рвал им зубы очень искусно и платил еще за то по шиллингу. В музее Петербургской академии наук и доселе еще хранится целый мешок голландских зубов, вырванных государем. Кроме того, Петр Великий часто пускал больным кровь и в 1723 году произвел удачную операцию жене купца Берета, которая страдала водянкой.

Благодаря Петру Великому в России положено прочное основание медицинской науке. Вскоре после смерти Петра I, в 1725 году, учреждена Аптекарская коллегия, а затем, в 1763 году, — Медицинская коллегия, существовавшая по 31 декабря 1803 года. Но еще ранее, в 1783 году, было учреждено в Петербурге Лекарское училище, бывшее основанием Меди-

ко-хирургической академии. Подобная академия образовалась в Москве в 180 году. В 1862 году она упразднена, и на ее месте были основаны университетские клиники. Теперь эти клиники на Девичьем поле.

При Военном госпитале — два храма. Первый построен в октябре 1801 года по повелению императора Александра Павловича в память покойного его родителя Павла Петровича и в том же году, 20 октября, освящен московским викарием Серафимом. Храм этот во имя св. апостолов Петра и Павла. Второй храм, всех Скорбящих Радости, сооружен внутри здания госпиталя в 1880 году по инициативе инспектора госпиталя генерал-лейтенанта Клема с целью доставить больным возможность в зимнее и осеннее время слушать церковное богослужение. К истории Военного госпиталя можно прибавить, что в нем 17 декабря 1770 года появилась впервые чума, которая, как известно, свирепствовала в Москве два года и опустошила девять тысяч домов[317].

Павловская больница. Близ Данилова монастыря, на Даниловском Щипке[318]. Устро-

ена в 1763 году при императрице Екатерине II в память выздоровления наследника престола Павла Петровича. При больнице церковь, сооруженная в том же, 1763 году, во имя св. апостола Павла.

Голицынская больница. За Калужскими воротами. Построена в 1801 году по завещанию князя Дмитрия Михайловича Голицына сыном его Александром. При больнице церковь во имя св. Димитрия-царевича, построенная одновременно с больницей. Под сводом храма покоится прах основателя. Здание больницы огромно и весьма прекрасной архитектуры.

Городская больница. За Калужскими воротами. Построена в 1833 году. При больнице две церкви: во имя св. Марии Магдалины, построенная в 1833 году, и в честь иконы Скорбящей Божьей Матери, построенная в 1856 году. Это тоже одно из громаднейших и прекраснейших зданий в Москве. Больница содержится на городские суммы.

Мариинская больница. За Екатерининским парком, на Новобожедомской улице. Основана по повелению императора Алек-

сандра Павловича в 1805 году. Здание больницы очень обширно. При больнице сад и две церкви. Первая — во имя Св. апостолов Петра и Павла, сооруженная вместе со зданием больницы, и вторая — во имя Успения св. Анны, Матери Пресвятой Богородицы, перестроенная из часовни для отпевания усопших в 1857 году на иждивение почетного гражданина С. С. Лепешкина.

Новоекатерининская больница. У Петровских ворот. Дом, в котором помещается больница, построен в 1716 году бригадиром князем Богданом Ивановичем Гагариным. Дом был построен с большим садом, прудами и со всеми затеями прошлого барского житья. Перед 1812 годом в нем помещался Английский клуб. В роде Гагариных дом был более ста лет. Куплен он в казну в 1833 году, и тогда же в нем открыта больница. При больнице две церкви: во имя св. Екатерины Великомученицы, которая построена в 1833 году, и во имя св. князя Александра Невского (для отпевания умерших), построена в 1872 году.

Богадельня Комитета человеколюбивого общества. На Маросейке. Основана вместе с

церковью всех Скорбящих Радости в 1829 году.

Ремесленная богадельня. Близ сада Эрми-таж. Основана вместе с церковью во имя Рождества Пресвятой Богородицы в 1847 году.

Барыковская богадельня. Между Пречистенкой и Остоженкой, в Дурновском переулке. Дом прежде принадлежал известному богачу и силачу Лукину, о котором немало рассказывается анекдотов. В 1764 году дом у Лукина купила жена надворного советника Екатерина Александровна Дурново и с разрешения московского митрополита Тимофея построила домовую церковь во имя Спаса Нерукотворного. В начале 50-х годов XIX столетия дом был приобретен надворным советником И. И. Барыковым, который устроил в нем богадельню для престарелых женщин и в 1851 году отдал ее в ведение Попечительства о бедных в Москве. В 1855 году дом вместе с церковью был перестроен, и церковь в том же году, 17 ноября, освящена митрополитом Филаретом, который по этому случаю сказал одну из своих прекрасных речей. В церкви находится особо чтимая древняя икона Спаса Неруко-

творного. Икона изображена на кирпичной неоштукатуренной стене. По преданию, она в первой половине XVIII столетия первоначально была написана углем в доме Аукина в сенях на крыльце новокрещеным малолетним турком, имя которого остается неизвестным. Хотя Лукин неоднократно приказывал образ стереть и закрашивать его, но изображение Спасителя в том же виде появлялось вновь. В 1812 году, когда дом, принадлежавший тогда трем сестрам Марье, Марфе и Вере Васильевнам Дурново, пострадал от пожара, то образ Нерукотворного Спаса остался невредимым. По имени прежних владельцев дома, Дурново, и переулок получил свое название.

Александро-Мариинское училище. Находится на Пречистенке. Основано в 1869 году Варварой Евграфовной Чертовой. При училище — церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы, сооруженная мужем основательницы генералом от инфантерии Павлом Аполлоновичем Чертовым.

Дом бедных духовного звания. В Армянском переулке, близ церкви Св. Николая, что в Столпах. На месте этого приюта до 1690 года

существовал дом бояр Милославских, известных ненавистников боярина Морозова. Приют открыт на средства Дмитрия Петровича Горихвастова в 1832 году, и тогда же устроена при доме церковь во имя св. Дмитрия Солунского.

Странноприимный Ахлебаевский дом. В Хамовниках. Построен вместе с церковью во имя Воскресения Христова в 1851 году иждивением секунд-майора Афанасия Алексеевича Ахлебаева.

Дом 4-й Московской гимназии. На Покровке. Дом замечателен своей оригинальной архитектурой. Построен в 1742 году и принадлежал роду князей Трубецких. Строителем был князь Дмитрий Юрьевич Трубецкой. В 1861 году дом куплен Московским учебным округом и занят 4-й гимназией. При доме — церковь во имя Благовещения Пресвятой Богородицы. После 1812 года возобновлена, будучи ранее сооружена вместе с домом.

Филаретовское женское училище. Близ Мясницкой, в Харитоньевском переулке. Основано вместе с церковью во имя Филарета Милостивого митрополитом Филаретом в

1865 году. Дом училища обширен, и при нем большой сад.

Варваринский сиротский дом. Близ Донского монастыря. Основан коммерции советником А. И. Лобковым в 1848 году. При нем в 1856 году построена церковь во имя великомученицы Варвары. Цель дома — готовить способных и честных служительниц, которые могли бы заниматься хозяйственными делами и быть честными помощницами хозяевам.

Солодовническая богадельня. На Щипке. Основана в 1865 году братьями Солодовниками. При ней — церковь во имя св. Михаила Архангела.

Мещанское училище. За Калужскими воротами. Основано в 1839 году иждивением Московского купеческого общества в память совершеннолетия в бозе почившего императора Александра Николаевича. При нем — церковь во имя св. Александра Невского. К церкви этой приписана церковь Св. апостолов Петра и Павла, находящаяся близ училища и сооруженная в 1862 году для отпевания усопших. Здание училища весьма обширно и

вполне приспособлено для предназначенной цели.

Басманное отделение больницы для чернорабочих. На Новой Басманной. Здесь был прежде Сиротский дом. Больница открыта в 1873 году. При больнице церковь во имя Успения св. Анны, Матери Пресвятой Богородицы. Церковь устроена и освящена в 1837 году. В 1876 году она возобновлена и к ней определен священник.

Лицей цесаревича Николая и Ломоносовская при нем семинария. На Остоженке, по проезду Крымского моста. Основан в 1868 году по инициативе М. Н. Каткова. Здание лицея весьма прекрасно, все устройство образцовое. При лицее — церковь во имя св. Николая Чудотворца, построенная на средства лицея и освященная 16 ноября 1879 года. Причта при церкви нет. В лицее дается высшее образование, и лицеисты имеют особую форму. В 1893 году по случаю двадцатипятилетнего юбилея существования лицея ему высочайше разрешено именоваться Императорским. При своем основании лицей находился на Большой Дмитровке.

Старинные московские кабаки

Любопытно коротко проследить исторически, как наш народ шел к милой для него теперь отраве. До 1389 года всякая питейная продажа в России была вольная, так же как и всякие харчевные припасы; но в упомянутом году ханы татарские, обладавшие Россией, продажу и употребление крепких напитков строго запретили, что продолжалось до времен царя Ивана Васильевича Грозного. В 1552 году по повелению этого государя для его ужасной опричнины был построен первый кабак[319]. Место было избрано на Балчуге за Живым (через Москву-реку) мостом, между нынешним Москворецким и Чугунным (через канал) мостами. Вино в этом кабаке не продавалось; но он, собственно, выстроен был для того, чтобы опричники пили в нем бесплатно. По уничтожении опричнины в кабаке вино начали уже продавать за деньги. Однако нововведение это народу не нравилось, как потому, что опричники производили в кабаке буйства, так и потому, что хлебное вино было почти новостью и народ любил еще

квас, пиво и мед. Внимая ропоту и негодованию народа, благочестивый царь Федор Иванович тотчас же по вступлении своем на престол приказал кабаки уничтожить. Борис Годунов для увеличения государственных доходов приказал первый кабак снова возобновить, а когда вступил на престол сам, то продажу крепкого вина, пива и медов отдал частным лицам на откуп. Народ хотя и роптал по этому поводу, но уже далеко менее[320]. При царе Алексее Михайловиче определено быть в каждом городе по одному кабаку, а в Москве трем, но кабаки вскоре превысили это число. Народ вошел во вкус. Таким образом, с легкой руки опричников Москва начала «испивать» первая, и до того «испивать», что нашему посольству, бывшему в Испании в 1667 году, показалось за диковину, что оно на улицах Мадрида не встречало пьяных. Вот как об этой диковине записано в статейном списке посольства: «Гишпанцы не упьянчивы: хмельного питья пьют мало и едят помалу же. В Гишпанской земле будучи, посланники и все посольские люди в семь месяцев не видали пьяных людей, чтобы по улицам валялись,

или, идучи по улице, напився пьяны, кричали». Петр I продажу водки возложил на ратуши, и оттого при нем государство уже ощутило значительный и верный доход.

По словам летописей, хлебное вино появилось сперва в Украине около 1398 года, которое туда завезли генуэзцы. Потом оно появилось и у нас, в России. Тайну приготовления водки русские поняли немедленно. Русская водка делалась из ржи, пшеницы и ячменя. Водка вообще называлась вином и разделялась на сорта: обыкновенная водка носила название простого вина, лучше этого сорт назывался вино доброе, еще выше — вино боярское, наконец, высший сорт было вино двойное, чрезвычайно крепкое. Некоторые употребляли тройную и даже четвертную, т. е. четыре раза перегонную, и умирали от нее. Кроме этих водок делалась водка сладкая, насыщенная патокой: эта водка назначалась единственно для женского пола. Хозяева настаивали водку на всевозможнейших пряностях и разных душистых травах: настаивали на корице, мяте, горчице, зверобое, гадяге, с амброй, на селитре, с померанцевой и лимон-

ной коркой, с можжевельником и делали наливки на разных ягодах. Русские пили водку не только перед обедом, но и во время обеда, и после обеда, и во всякое время дня. За этот обычай многие иностранные писатели отзываются о русских весьма дурно. И в самом деле, русский человек в старину, как и теперь, всегда находил предлог для выпивки.

Особенно увеличилось пьянство при Петре. Присяжные «питухи» его времени, Зотов и Бутурлин, верно на свой пай выпили немного меньше, чем вся Русь с 1389 по 1552 год, т. е. по год построения первого кабака на Балчуге. Попойка обыкновенно начиналась выпивкой кубка за царское величество, за царицу и за каждого особо из царской фамилии, потом за патриарха, за непобедимое оружие, за каждого из присутствующих. Не выпить полного кубка считалось непочтением к той особе, за чье здоровье пили; хозяин же, обыкновенно начиная неотступной просьбой, убеждал выпивать до капли. При Петре Великом первым тостом был кубок о призвании милости Божьей, а вторым — за благоденствие флота, или, как его называл сам Петр, за семейство

«Ивана Михайловича Головина». За вторым тостом следовали уже другие. Часто (особенно при спуске кораблей) пирушки и попойки были весьма веселы. Так, например, 27 июля 1721 года при спуске корабля «Пантелеймон» видели в одном углу князя Кантемира, борющегося с петербургским обер-полицмейстером графом Девиером; а в другом старик адмирал Апраксин со слезами на глазах дрожащею рукой подносил последний кубок полусонным своим приятелям. Везде слышны были чоканье стаканов и обеты вечной Дружбы, изредка шумели и спорили. Некоторые из петровских приближенных имели особенную способность угощать своих посетителей. Таков был князь-кесарь Ромодановский, таков же был и упомянутый выше адмирал Федор Матвеевич Апраксин.

Можно сказать положительно, что со дней Петра брага и водка стали в русской семье неизменными спутниками пира, похорон, свадеб, драки, мировой сделки и скромной благодушной беседы. С 1746 года русскому человеку надлежало уже положительно влюбиться в свою родную влагу. Указ говорил:

«Конфисковать, ежели кто вывезет из-за границы в Россию хлебное вино простое, двойное и водки хлебныя». Надо полагать, именно с этих-то дней и начинается химический процесс превращения вина в водку или спирта в волку специальную, и русский человек всем сердцем привязывается к кабаку. В старину, однако же, кабаки назывались кружалами — от кружек, в которых подавалось вино, потом фартинами — от меры вина около штофа. Название питейных домов кабакам дано в 1779 году. Кабак — это был клуб простого народа, где велась беседа по целым дням и ночам. Оттого и пословицы: «Людей повидать, в кабаках побывать», «Где хотите, там и бранитесь, а на кабаке помиритесь», «Где кабачок, там и мой дружок». При некоторых кабаках были игры «не на деньги, но для приохочивания покупателей на напитки и для преумножения казенного дохода и народного удовольствия». Прежде над кабаками были гербы, а по праздникам знамена, флаги, вымпела, но потом все это воспрещено и дозволены только простые надписи. Одно время ставили елку, и так как эти заведения приносили боль-

шой доход, то и сложилась поговорка «Елка зелена денежку дает». В 1626 году в Москве было только 25 кабаков, в 1775 году на 200 тысяч жителей — 151, в 1805 году — 116, а в 1866 году, когда сивуха получила название дешевки, — 1248 кабаков. Теперь, по крайней мере в столицах, мы избавились от этих милых заведений.

Вот названия некоторых старинных кабаков: Истерия[321], Карунин[322], Хива[323], Лупихин[324], Варгуниха[325], Крутой Яр[326], Денисов[327], Наливки[328], Ленивка[329].

ОКРЕСТНОСТИ МОСКВЫ

Бутырки

Местность, именуемая Бутырками, находится на северной окраине Москвы при начале Дмитровской почтовой дороги. Слово «бутырки» на симбирском областном наречии значит «жилище, отделенное от города», и оно как нельзя более подходит к этой местности. Бутырки занимают весьма возвышенное положение: они стоят на 23 сажени выше уровня Москвы-реки. Исторические сведения об этой местности, которая служила сторожевым пунктом для оберегания Москвы от внезапных набегов неприятеля, восходят к началу XIV столетия. В 1623 году Бутырки принадлежали боярину Ивану Никитичу Романову, родному дяде царя Михаила Федоровича, и население их стало быстро увеличиваться. Причиной этому служило то обстоятельство, что многие москвичи, не желавшие платить подать и отбывать военную службу, уходили из Москвы и записывались в крестьяне к бо-

ярину Ивану Никитичу, занимались беспрепятственно торговлей и не платили никаких городских податей. В 1649 году по указу царя Алексея Михайловича было приказано всех этих беглецов переселить в Москву, а на их место поместить пленных поляков. Когда мир с Польшей был заключен в 1656 году, то пленники были отпущены на родину, а на Бутырках был помещен московский выборный полк, получивший с тех пор название Бутырского[330]. Полк этот был сформирован по указу царя Михаила Федоровича в 1642 году; он состоял из выборных людей и находился под ведением Стрелецкого приказа, так как пополнялся выборными людьми из московских стрельцов. Это был старейший из всех регулярных полков России, который вместе с Лефортовским полком послужил Петру 1 образцом для составления известных потешных полков, из которых впоследствии составились знаменитые в русской истории полки: Преображенский и Семеновский.

В Бутырском полку число офицеров простиралось до 43, а нижних чинов до 1200. Солдаты поселились в Бутырской слободе в

устроенных от казны дворах, и им было предоставлено право на отведенной земле разводить огороды, заниматься различными промыслами, держать лавки и другие торговые заведения, не платя торговых пошлин. Они получали, сверх того, жалованье и провиант из казны, но были обязаны служить, обучаться немецкому строю и стрельбе из мушкетов, держать городские караулы вместе со стрельцами и участвовать в торжественных встречах и церемониях. Первым командиром Бутырского полка был немец Альциль. С 1657 по 1682 год Бутырский полк состоял под начальством датчанина генерала Матвея Кровкова; под его командой полк совершил много подвигов, и ему было даровано знамя с надписью «Берегись». Следующими командирами полка были Родион Жданов, стольник Алексей Бюст, а с 1687 по 1699 год генерал Петр Иванович Гордон. Когда Шакловитый с сообщниками в 1689 году задумал убить Петра I и Петр уехал в Сергиеву лавру, то Бутырский полк первый явился туда для спасения жизни своего государя под начальством Гордона, который с этого времени сде-

лался приближенным Петра I. В 1693 году Гордону было поручено обучать потешные роты, а потому он вместе с Бутырским полком участвовал в Азовских походах. Петр Великий неоднократно брал из Бутырского полка сержантов и капралов для пополнения сформированных им полков Преображенского и Семеновского.

Бутырская церковь во имя Рождества Богородицы построена в 1682 году и представляет один из прекрасно сохранившихся памятников церковного зодчества XVII столетия. Приделы: во имя св. Николая Чудотворца и преподобного Сергия Радонежского.

В некоторых старинных документах Бутырская слобода именовалась село Бутырнино. Слобода занимает более 700 десятин земли.

Петровское-Разумовское

Место, занимаемое Петровским-Разумовским, исстари принадлежало государеву двору. При царе Алексее Михайловиче там был построен маленький деревянный домик, который служил государю приютом во время его соколиных охот. После женитьбы на Наталье Кирилловне царь Алексей Михайлович подарил это имение тестю своему Кириллу Полуектовичу Нарышкину. В честь рождения Петра имение названо Петровским и там сооружена церковь во имя св. апостолов Петра и Павла, в которой хранится Апостол, пожертвованный Петром с собственноручной его надписью. Петр Великий очень любил это село и там выстроил для себя летний дворец и близ него несколько домиков и называл все это сельцом Астрадовом. Тут же он развел небольшой сад в голландском вкусе и собственноручно посадил группу дубов, разросшихся впоследствии до исполинских размеров. В 1776 году императрица Екатерина II дала за княгиней Нарышкиной, вышедшей замуж за графа Кирилла Разумовского, в прида-

ное некогда бывшее имение Нарышкиных, поэтому и сделано к Петровскому прибавление Разумовское. Граф Кирилл Григорьевич настолько расширил и украсил Разумовское, что оно, по словам современников, походило скорее на город, чем на дачу. Помимо прекрасного каменного дома, соединявшегося с церковью каменной галереей, здесь было построено еще около 50 домов разной величины. Огромные Петровские пруды были выкопаны работниками-малороссами. Граф жил, окруженный блестящим военным штатом: генерал- и флигель-адъютантами, ординарцами, почетными караулами, целой толпой егерей, гайдуков, гусар, скороходов, карликов и всяких других телохранителей. Огромный старинный сад Петровского шел уступами к большому озеру, живописно лежащему в отлогих зеленых берегах; длинные тенистые аллеи из столетних деревьев живо напоминают былое великолепие барского времени. Впоследствии граф Кирилл Григорьевич отдал Петровское-Разумовское пятому своему сыну Льву Кирилловичу. Страсть к постройкам и садоводству была в семействе Разумовских

наследственной, и новый владелец еще больше украсил свое подмосковное имение. В 1812 году Разумовское сильно пострадало. Впрочем, по уходу неприятеля, за исключением повырубленных там деревьев, все было возобновлено в прежнем виде. Граф Лев Кириллович умер в 1818 году, и вскоре после его смерти Разумовское купил бывший в то время московский градоначальник князь Долгорукий. После него, в 1829 году, это барское имение приобрел аптекарь Шульц; новый владелец с этим имением много не церемонился, частями повырубил там вековой парк на дрова и продал несколько домов на своз. В 1860 году Петровское-Разумовское куплено правительством за 250 тысяч рублей, и в нем решено было открыть Земледельческую академию. Переустройство Разумовского для академии поглотило 757 тысяч рублей, и академия открыта в 1865 году. Главное двухэтажное здание академии с красивыми выпуклыми стеклами вмещает в себе аудитории, кабинеты, лаборатории и т. д. В библиотеке находится 12 200 экземпляров книг. Для ботанического сада отведено место в 635 кв. саженей.

За академией парк с цветником. На левой стороне парка — так называемое опытное поле для студенческих занятий и испытаний новых аппаратов[331], направо — мыза. При академии — ферма, на которой содержатся образцовые породы скота, и лесная дача в 246 десятин. К Петровско-Разумовской церкви во имя св. апостолов Петра и Павла Львом Разумовским пристроен зимний придел во имя Казанской Божьей Матери, куда он, как набожный человек, сделал много дорогих пожертвований и вообще много украшал церковь и завел в ней образцовых певчих. Одно время в Разумовском довольно долго проживала императрица Екатерина II, приезжая инкогнито в Москву. Здесь же увидел императрицу Державин, находившийся тогда простым солдатом на карауле при дворце.

Останкино

В глубокую старину пространство, занимаемое ныне Останкином и его окрестностями, представляло довольно топкое место, соединявшееся с сокольничьими дубраями. Оно принадлежало роду князей Черкасских, из коих один, князь М. А. Черкасский, устроил здесь поместье и соорудил в 1668 году церковь во имя Св. Троицы, которая имеет большое сходство с церковью Грузинской Божьей Матери и, по словам знатоков, представляет лучший образец второго периода самостоятельного развития московской архитектуры XVI века. Выделяясь гармоническим соединением всех своих частей и красотой общего фасада, крыша ее с пятью главами состоит из кокошников, и над красивыми шеями внизу тоже по четыре кокошника[332].

Село Останкино перешло к Шереметевым в виде приданого за дочерью Черкасского Варварой Михайловной, которая вышла за Петра Шереметева, сына знаменитого фельдмаршала Бориса Петровича. Петр Шереметев не обратил на Останкино особенного внима-

ния и занялся устройством другого своего поместья, Кускова, о котором сказано будет ниже. Зато сын его Николай, полюбив приданое матери — Останкино, начал устраивать его, распространять и улучшать. В 1796 году деревянный оштукатуренный дом, похожий на загородную виллу римских патрициев, был уже готов. Сначала дом этот, своего рода колоссальная игрушка, построен был на деревянных столбах, потом подвели под него каменный фундамент. Первоначальный план дома начертил известный зодчий XVIII века Кваренги, но довершил и изменил некоторые его части по вкусу хозяина наш, русский, не менее Кваренги известный архитектор Казаков. Так как у создателя Останкина были не только свои музыканты, актеры, актрисы, певцы и певицы, но и свои архитекторы и живописцы, то и постройкой дома занимались собственный архитектор графа Дикусов и живописец Яргунов.

Останкинские сад и парк, которые тянутся от дома на север, были разбиты задолго до постройки дома при прежнем его владельце Черкасском, который, будучи тобольским гу-

бернатором, выслал оттуда для сада несколько десятков сибирских кедров, поражающих взор своей величавостью. По большей же части сад разведен из рассадников Кусковского сада, богатого многими грандиозными тропическими растениями. Прямо перед домом со стороны сада расстилается картинный луг с каймой из цветов, далее по обе стороны стенами идут шапкообразные липы, образуя боковые аллеи, круги, а в середине как бы две отдельные комнаты под пологом неба, между которыми раскиданы большие клумбы, корзины и большие цветочные венки. В просеках аллей стояли мраморные бюсты мифологических богов и богинь. Сад сливается с парком, который очень обширен и замечателен своими гигантскими деревьями. Дорожка в парке ведет к реке Каменке. Тут некогда было семь прудов, соединенных между собой каналами. По прудам, изобильным всякими рыбами, плавали в былое время разноцветные ялики с песельниками и гостями графа Николая Петровича. По вечерам во время катания отлогие берега прудов были роскошно иллюминированы. От прудов остались теперь од-

ни ложбины, по которым тихо катится маленький ручеек, остаток речки Каменки. На лево от дома, в кедровой роще[333], стоит мраморная урна над прахом любимой собаки графа. Из этой рощи мимо группы лип дорога тянется в так называемую «аллею вздохов», которая образует высокую, не пропускающую солнечных лучей кровлю. Влево за аллеей находились некогда оранжереи и место для выставки плодовых деревьев, а теперь там пораскиданы дачи. Между аллей, вправо от дома, под навесом лип долго ютилась старая каменная беседка — свидетельница многих забав и увеселений прежних знаменитых владельцев.

Совсем иная панорама представляется с противоположной (южной) стороны Останкинского барского дома. Тут прежде всего останавливает на себе внимание большое озеро, в которое смотрятся и дом, и прекрасная церковь, и обрамляющие его рощи. Вид с этой стороны на Останкино прекрасен и привлечет внимание всякого. Ранее с этой стороны Останкино заслонялось рощей, но для императора Павла, пожелавшего посетить

Останкино, граф приготовил следующий сюрприз: когда государь проезжал густую рощу, заслонявшую вид на Останкино, то вдруг, как бы по мановению волшебного жезла, деревья упали, открыв красивую панораму всего Останкина. В ожидании государя сделана была от начала рощи до самого Останкина просека, у каждого подпиленного дерева стоял человек и по данному сигналу сваливал деревья. Император был очень удивлен, любовался декорацией и благодарил хозяина за доставленное ему удовольствие.

В царствование Павла Останкино посетил и польский король Станислав Понятовский. Хозяин дал для него блестящий праздник. Король был удивлен великолепием Шереметевского имения. После роскошного обеда король отправился в театр, где крепостные актеры сыграли пьесу «Сомнитские браки»; роскошные костюмы, точные эпохе, были необыкновенно богаты, на артистке, игравшей главную роль, было ожерелье иеной в 100 тысяч рублей; декорации были писаны знаменитым художником-декоратором Гонзаго. После шел балет, затем следовали танцы и

ужин, на котором между гастрономическими блюдами подавали тогда модное кушанье под названием «бомбы а-ля Сарданапал, облитые соусом эпикурейцев». Это было нечто очень вкусное, состоящее из дичинового фарша; изобретено это блюдо было поваром прусского короля Фридриха II. Во время коронационных празднеств императора Александра I Останкино посетил государь, и здесь ему был устроен пышный праздник. Государя с семейством встретили полонезом Козловского (слова Державина) «Гром победы раздавайся» под пушечные выстрелы. Затем была пропета кантата на день коронавания государя.

По окончании обеда высокие гости приглашены были в темную комнату и оттуда любовались фейерверком и иллюминацией, которая тянулась от Останкина на пять верст к Москве и стоила графу несколько десятков тысяч рублей. Не менее богатый праздник был дан в Останкине и в 1817 году во время пребывания там Николая Павловича с молодой супругой. Тогда же посетил Останкино и прусский король Вильгельм III, отец новообрачной. Августейшее семейство по приезде

В Останкино было встречено хором певцов, пропевших модную тогда кантату «Ты возвратился, благодатный». Затем был спектакль — давали русскую пьесу «Семик, или Гулянье в Марьиной роще». Пьеса эта долго не сходилась в то время с репертуара. До поднятия занавеса слышалась русская песня «Не будите меня, молодцу». При поднятии занавеса представилась следующая картина: вся сцена была убрана срубленными березками, где в кружках на полянах пировали крестьяне. В спектакле участвовали все крепостные артисты. По сцене ходили натуральные хороводы, распевая неумолкаемо русские песни. После на сцену явились цыгане во главе с известной цыганской певицей Стешей, прозванной цыганской Каталани. За пением следовал балет. В дивертисменте участвовал еще и солдатский хор, певший песню о бегстве французов.

Военная песня эта производила тогда большой фурор. Император Александр не раз угощал ею своих высокопоставленных иностранных гостей.

1856 год был также замечательной эпохой для Останкина: император Александр II из-

брал себе местопребыванием перед въездом в Москву село Останкино, где граф Дмитрий Николаевич Шереметев усердно и заботливо устроил царственную квартиру. С тех пор Останкинский дом получил право называться дворцом. Для въезда государя в Москву было проложено от Троицкого шоссе новое шоссе в Останкино, которое теперь совершенно заброшено и заросло травой.

Невзирая на то что в 1812 году французы [334] немало расхитили картин и драгоценных вещей, Останкинский дворец представляет собой целый музей редкостей. Он делится на половины: императора, императрицы и, кроме того, отделение для великой княжны. При входе с главного подъезда находятся: Амур, гнуций дубину, Амур и Психея, богиня музыки. В ковровой комнате дорогие гобелены 1779 года фабрики Нейльсона. В столовой: 4 египетские фигуры иеной в 14 тысяч рублей; во всех апартаментах дорогие канделябры, пилястры, малахитовые столы с бронзовыми украшениями. Отсюда открывается прелестный вид на Кремль. В картинной галерее около 125 картин первоклассных ху-

дожников. Между картинами замечателен портрет императрицы Александры Федоровны с четырехлетним великим князем Александром Николаевичем. Из редкостей обращают особенное внимание мраморная коза, найденная в Египте, богиня здравия во весь рост, найденная в 1789 году в Афинах и оцененная в 15 тысяч рублей серебром. За картинной галереей следуют театр, половина императрицы и половина императора, в кабинете которого на письменном столе находится чернильница с засохшими чернилами, которыми подписан был здесь же проект освобождения крестьян в 1856 году.

Улицы в Останкине называются: ближайшая к Москве — Миллионная, к Свиблову — Рощевка, прочие — Мещанскими слободами. В старину в Троицын день в Останкине бывали гулянья и справлялся Семик.

Из Останкина прямо ведет дорога в село Свиблово, где когда-то была колония немцев, оставивших о себе как воспоминание покинутое кладбище[335]. Теперь в Свиблове высятся фабричные строения. Не доходя до Свиблова, вправо, на берегах Яузы виднеется село

Леонова, принадлежавшее известному богачу Демидову; в нем жила летом у гостеприимного хозяина Новиков и Карамзин; последний писал здесь свою «Историю государства Российского». На левой границе Останкина находится село Марфино. Оно принадлежало графу Ивану Петровичу Салтыкову. В живописном имении этом стоял на горе над широким прудом с островами превосходный трехэтажный дом в стиле Возрождения. При доме был огромный сад с примыкавшей к нему прекрасной рощей. В конце XVIII столетия Марфино славилось блестящими спектаклями, в которых участвовали такие лица, как граф Чернышев, князь Белосельский, Козловский, Василий Львович Пушкин, Ф. Ф. Вигель и др. Представления давались в большом фамильном зале, а также в особом театре среди прекрасной рощи. Сам Карамзин приезжал сюда для постановки спектаклей и для этого театра написал пьесу под названием «Только для Марфина». В этом же театре шли и оперы, в которых отличались княгиня Гагарина, княжна Хилкова, графиня Салтыкова и др.

Во время чумы 1771 года в Марфине

укрылся и тогдашний начальник Москвы граф Петр Семенович Салтыков. Это был знаменитый победитель Фридриха II. Потеряв доверенность императрицы Екатерины II, он жил в Марфине в опале не более года, прекратив дни свои в глубокой скорби. До сих пор еще не понято это удаление фельдмаршала из Москвы в годину ее опасности. Трудно допустить, чтобы человек, отличавшийся неустрашимостью и необыкновенно добрым сердцем, мог совершить это бегство без особенной причины. Сын фельдмаршала Иван Петрович отдал Марфино в приданое своей дочери, когда она вышла замуж за графа Григория Владимировича Орлова; от него оно перешло к графам Паниным, а от них уже к графу Мусину-Пушкину. Марфино уже не то, каким оно было прежде: о прежнем и помину нет. Здесь церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, построенная в 1707 году.

В четырех верстах от Останкина обращает на себя внимание село Медведково. Церковь села представляет один из разнообразных типов московской церковной архитектуры XVII века. Это тип конусообразной шатровой церк-

ви, аналогичной серединной церкви храма Василия Блаженного.

Алексеевское

Находится верстах в двух от Останкина, вправо по Троицкой дороге; от Москвы в трех верстах. Это — старинная вотчина царя Алексея Михайловича, где был его деревянный дворец. В этом дворце царь всегда останавливался на пути в Троице-Сергиеву лавру, а на обратном — располагал свой торжественный въезд в Москву. При нем же построена в селе Алексеевском и церковь во имя Тихвинской Божьей Матери, напоминающая своей архитектурой церковь Грузинской Божьей Матери. Дворец Алексея Михайловича разобран по ветхости в 1801 году, не осталось и его следов: на его месте выстроена слобода. В старину все пространство от Крестовской заставы до Алексеевского было занято лесом, который с одной стороны сливался с Сокольниками, а с другой — с Марьиной рощей и носил название Алексеевского. О каменном мосте через Язу, находящемся близ Алексеевского, по которому течет мытищинская вода в

Москву, нами уже говорилось.

Ростокино

Деревня расположена за селом Алексеевским, в 1 ½ версты. Замечательно тем, что в нем москвичи встречали царя Ивана IV Васильевича, когда он возвращался победителем из Казани. По преданию, из этого же Ростокина была родом разбойница Танька, прозванная Ростокинской, разбойничавшая в окрестностях. Как память об этом один из лесов близ Ростокина по направлению к Останкину называется Татьянкин лес.

Тайнинское

Село Тайнинское, находящееся в 12 верстах от Москвы по Троицкой дороге, было издавна вотчиной русских государей. Село богато историческими воспоминаниями: здесь орудовал Малюта Скуратов. Следы пыточных ям на берегу Яузы долго сохранялись и наводили ужас на окрестных жителей. Царь Алексей Михайлович любил в Тайнинском заниматься соколиной охотой. Императрица Елизавета Петровна на островах запруженной Яузы построила деревянный дворец, где любила пожить наедине, играя с сельскими девицами в русские простые игры. Дворец Елизаветы Петровны давно разрушился. Но весьма красиво возвышается церковь во имя Благовещения Божьей Матери. Своей гармонией она производит удивительное впечатление. Она состоит из правильного четырехугольника. Верх — пятиглавый, на каждой стене по четыре пилястра. Над дверями два весьма больших окна, более двух сажений в пролете. Необыкновенно величественно устроен западный вход. Над входной аркой устроена

прозрачная бочка, упирающаяся на боковые столпы. Замечательны внутри хоры, служившие местом для царской семьи, желавшей скрыться от взоров народа: такие хоры строились в церквах XI века.

Кем церковь построена — неизвестно, но с некоторой достоверностью можно полагать, что при царе Иване Грозном, реставрировалась при царе Алексее Михайловиче, у которого здесь был дворец для себя и для царевен и на развалинах которого, вероятно Елизавета Петровна, построила новый дворец. Нельзя обойти молчанием и того, что в селе Тайнинском 18 июля 1605 года Лжедмитрий встретил царицу-инокиню Марфу как свою мать и беседовал с ней в нарочно приготовленном для того шатре. Перед тем Марфа жила в Выксинском монастыре, в 500 верстах от Москвы. Лжедмитрий послал за ней великого мечника Михаила Васильевича Скопина-Шуйского [336]. Свидание это было весьма важно для Лжедмитрия, а равно и для всего народа русского, потому что царица должна была или признать в нем сына, или изобличить самозванца. Но, вероятно, меры были уже приня-

ты Лжедмитрием, чтобы вынудить у царицы-инокини такое признание, какого он желал. Царица жила 13 лет в монастыре в невольном постриге и увлеклась, может быть, обещанными почестями, а может быть, и была вынуждена действовать по желанию Лжедмитрия под угрозой смерти. Как бы то ни было, но царица признала Лжедмитрия сыном. Они оба вышли из шатра радостные, и Лжедмитрий усадил мнимую мать свою в карету, а сам пошел за ней несколько верст пешком. Царицу-инокиню, как известно, поместили в Вознесенском монастыре, куда царь ездил каждый день для свидания с ней.

Большие Мытищи

По свидетельству древних грамот, село Мытищи существует около 400 лет. Там в старину была застава и при ней мытная изба, в которой с проезжавших возов собиралась мыта, т. е. пошлина, отчего и селение получило название Мытищи. Село принадлежало прежде государям. Во время путешествия царей к Троице здесь раскидывались шатры, где они отдыхали. Императрица Елизавета Петровна любила это свое поместье и всегда останавливалась в нем во время путешествия в лавру. В Мытищах, как известно, находятся ключи, снабжающие Москву водой. Над главным Мытищинским ключом устроено здание в виде часовни[337]. О происхождении водопровода мы уже говорили.

Одна мытищинская крестьянка, Авдотья Гаврилова Карцева, удостоилась быть кормилицей императора Александра Николаевича. На пути к Троице государь посещал и одаривал свою кормилицу. Незадолго перед смертью своей она поднесла государю ту шапочку и те башмачки, которые были надеты на него

после крещения. На кладбище близ церкви памятник указывает могилу Карцевой: она скончалась 13 декабря 1845 года на 52-м году от рождения.

Пушкино

Прежде это село было митрополичьим, потом патриаршим и синодальным и, наконец, перешло в Удельное ведомство.

В Пушкине в старое время существовал дворец, в котором останавливались проездом в Троицкую лавру цари и патриархи. Обыкновенно путешествие царей и их семейств в Троицкую лавру устраивалось с особенной пышностью. Путешествия эти назывались «Троицкими походами» и продолжались по нескольку дней. Где царь останавливался, его встречали посадские люди: ростовцы, ярославцы, переяславцы, угличане с хлебом и солью, иногда с рыбой. Кроме того, крестьяне и крестьянки лежащих по Троицкой дороге селений подносили царю и царице хлеб, калачи, блины, сыр, квас, пиво, мед, соты, орехи, репу, бруснику, землянику и другие овощи, а для царевичей — игрушки и потехи. Посад-

ских людей государь приказывал кормить и поить досыта, а крестьян и крестьянок оделять по нескольку алтын, по полтине и рублю из особой казны. Троицкая же братия подносила царю своего изделия деревянные братины, ковши, ложки и другие вещи, раскрашенные и раззолоченные.

Одно из таковых путешествий царя Алексея Михайловича, бывшее в 1675 году, очевидец его, секретарь цесарского посольства Адольф Лизек, описывает так: «Народу было такое стечение, что не только на площади и в окошках, но даже на крышах домов и церквей не было праздного места. На одной крыше сидел на ковре персидский посол со своею свитой. Прежде всего выехал (из Кремля) отряд всадников, в середине коего постельничий Иван Демидов вел двух любимых царских коней, покрытых тонким красным сукном; за ними тянулось более 30 повозок, одна за другою; далее отряд царской стражи, впереди его шли 250 скороходов без музыки и барабанного боя, неся в руках поднятые вверх бичи, блестящие золотом. За ними везли в крытых телегах запасную казну, образа, ору-

жие, постели, платье царя, царицы, цариц, царевичей и царевен, белье и принадлежности царской мыльни; в так называемую поборную телегу складывались подносимые государю дорогою вещи. В прочих запасных телегах уложены были разъемные столы, разъемные кровати, стулья резные и другая домашняя утварь. Государева карета запрягалась в шесть или в двенадцать лошадей, подле нее и за нею ехали верхами ближайшие бояре, окольные, думные дворяне и дьяки, стольники, стряпчие, спальники и все, которым указано быть за великим государем в походе по списку. За царевым поездом следовал царицын; свита царицы также отличалась многочисленностью и великолепием». Нищим всю дорогу подавалась из царской казны милостыня.

Существующая в селе Пушкине церковь во имя св. Николая Чудотворца построена в 1642 году при патриархе Иосифе. В этой церкви стояло патриаршее место, но по указу Синода в 1753 году оно вынесено оттуда. В недавнее время тут сооружена еще прекрасная деревянная церковь в готическом вкусе.

Пушкино известно еще тем, что в нем был арестован, а затем казнен знаменитый Иван Андреевич Хованский.

Братовщина

Село находится в пяти верстах от Пушкина. Прежде оно было царским поместьем. В историческом отношении Братовщина замечательна тем, что в ней в 1613 году был встречен уговоренный на царство духовенством и боярами царь Михаил Федорович Романов. Здесь ожидали его митрополит, бояре, окольниковичие, дворяне и множество народа. Юный государь, испросивший себе благословение у преподобного Сергия, из Братовщины отправился в Москву.

В ее рыбных прудах лавливал рыбу с клиром патриарх Никон. Здесь был дворец, в котором останавливались для отдыха и ночлега цари. В 1623 году, 28 сентября, царь Михаил Федорович праздновал новоселье в новых хоромах села Братовщины. В начале XIX столетия в Братовщине были еще ветхое строение, оставшееся от времен царя Алексея Михайловича, и упраздненная деревянная церковь.

Строение это, походившее на амбар, называлось «царской вышкой». Императрица Анна Ивановна построила здесь каменную церковь с двумя престолами: в честь Благовещения и Покрова Пресвятой Богородицы. Императрица Елизавета Петровна построила в Братовщине деревянный дворец на каменном фундаменте; в нем было 27 комнат и трое сеней. Императрица Екатерина Великая посетила Братовщину в 1775 году. Ей понравились виды этого селения, а потому она приказала построить новый дворец. Изготовлены были материалы, но постройка не состоялась. За Елизаветинским дворцом был большой сад в голландском вкусе, с галереями и беседками; в нем росли кедры и разные фруктовые деревья. Теперь от всего этого и следов не осталось. По преданию, село Братовщина основано двумя братьями, пришедшими с далекого юга и облюбовавшими это место на берегу речки Скаубы.

За Братовщиной, через две деревни, Кащевку и Евсеево, — сельцо Талицы. Об этом сельце упоминается еще в 1381 году. Тут замечательны пещеры, выкопанные в начале XIX

столетия в продолжение девяти лет монахом Мохрицкого монастыря Антонием, который и погребен здесь возле часовни.

Далее село Рахманово (в пяти верстах от Талии). Село замечательно по битве, происшедшей здесь в 1609 году между князем Иваном Шуйским и Сапегой.

Сафарино и Голыгино

Сафарино находится влево от Рахманова. По словам известного знатока русской старины А. А. Мартынова, село это, именующееся то Сафрино, то Софьино, принадлежало некогда роду дворян Сафариных, от которых и получило свое название. Потом оно сделалось собственностью царевны Софьи, которая развела здесь богатые плодовые сады и построила дворец, который впоследствии, когда Сафарино перешло в род графов Ягужинских, был перестроен. В начале XIX столетия дворец этот еще существовал: он был с чистыми сеньями, расположенными посредине двух больших связей, из коих каждая разделялась на две светлицы. В Сафарине светлел чистыми водами пруд царевны, богатый рыбой и обса-

женный вербами, на которых долго виднелись литеры, означавшие имена царевны и ее друзей. В литерах этих угадывали имена князя Василия Васильевича Голицына, Семёна Кропотова, Ждана Кондырева, Алмаза Иванова, Саковнина и др. В Сафарине есть старинная церковь во имя Смоленской Божьей Матери и при ней новая красивая колокольня, построенная на средства какой-то слепой.

Лет сто тому назад ходила молва, что под мостом при деревне Голыгиной (близ Сафарина на Троицкой же дороге) в каждую полночь жаловались и плакали души Хованских, казненных по домогательству будто бы царевны Софьи в селе Воздвиженском и потом затоптанных в гати под Голыгиной. Тени несчастных отца и сына Хованских выходили на Голыгинскую гать, останавливали проезжих и прохожих и требовали свидетельств по суду Божию на князя Голицына и Хитрова. Говаривали, что один из Хованских, кланяясь прохожим, снимал свою отрубленную голову как шапку. Через несколько лет после того тени Хованских были заменены под Голыгинской гатью стоном лешего, но теперь нет, кажется,

уже и лешего. Это страшное предание не мешает, однако, Голыгину быть чрезвычайно живописным.

Хотьково

Покровский Хотьков монастырь основан на берегах реки Пажи около 1308 года и был прежде киновцей, т. е. обителью чернецов и черниц: келий одних были на правой, а других на левой стороне. Во время осады Троицкой лавры этот монастырь был совершенно опустошен, но в царствование Михаила Федоровича Романова возобновлен. В этой обители, существующей шестое столетие, не осталось ничего древнего. Видимая теперь соборная церковь Покрова Пресвятой Богородицы построена вместо прежней деревянной в 1816 году. В ней достойны благоговейного внимания: 1. Местная икона Толгской Божьей Матери, пожалованная царицей Прасковьей Федоровной, в золотой ризе с драгоценными камнями; 2. Икона Смоленской Божьей Матери — в приделе Святителя Алексия Митрополита; 3. Икона Тихвинской Божьей Матери — в трапезной собора, близ гробницы Кирилла

и Марии; 4. Знамения Божьей Матери — икона старинного письма, на ней под стопами Богоматери изображена гробница Кирилла и Марии, около гробницы их дети; 5. На правой стороне трапезной собора — гробница Кирилла и Марии, верхняя сторона коей осенена балдахином. Против гробов похоронена княгиня Ф. Л. Черкасская, умершая в 1810 году. На передней части надгробницы Кирилла и Марии надпись: «Лета 6845 преставися раб Божий инок Кирилл, отец Преподобного Сергия Радонежского Чудотворца». Смежный с собором храм — во имя св. Николая Чудотворца (каменный) — построен в 1768 году. Новый позлащенный иконостас и возобновленная стенная живопись сделаны в 1874 году. Кроме того, в монастыре еще две церкви. Восточная сторона монастырской ограды (110 сажень длины) построена в 1778 году, западная сторона (106 сажень длины) — в 1781 году. Колокольня с боевыми часами построена в 1834 году.

Император Петр I, как говорит предание, в бытность свою в Хотькове заметил там много досужих крылошанок, белиц и послушниц,

выписал из Голландии мастериц, которые научили их прясть тонкие нитки, ткать лучшие холсты и плести кружева. Заведение это теперь находится за колокольней в двухэтажном корпусе. Между прочим, есть и иконописное заведение, в котором монахини пишут красками и акварелью. Некоторые из послушниц украшают иконы фольгой и бисером, делают из воска цветы и фрукты. Есть и золотошвейное отделение. Занимающихся ремеслами послушниц около 80. Число всех сестер около 400. Императрица Елизавета Петровна, любившая Хотьков монастырь, взяла к себе одну из крылошанок его, Марфу Ивановну, сперва в сеньные девушки, а потом уже она попала в мамушки к наследнику престола великому князю Павлу Петровичу, который весьма уважал свою мамушку из крылошанок.

Воздвиженское

Село это расположено на горе, окруженной соврагами, лесами и болотом, в 12 верстах от Сергиевой лавры. На Воздвиженской горе отдыхал великий князь Дмитрий Донской. Там был путевой дворец, фундамент которого употреблен на церковь. В 1623 году царь Михаил Федорович на возвратном пути из Троицкого монастыря 26 сентября праздновал новоселье в построенном им Воздвиженском дворце. У царского стана были бояре О. И. Шереметев и князь Д. М. Пожарский. В Воздвиженском юные цари Иван и Петр с царевной Софьей жили некоторое время, боясь в Москве злоумышления А. П. Хованского, который здесь и был казнен.

Радонеж

Налево от Воздвиженского, верстах в трех. Здесь был город Радонеж, в котором провел свою юность преподобный Сергей. Каменная церковь Преображения Господня построена здесь вместо деревянной в начале XIX века. Саженьях в ста от церкви к западу, на горе, обтекаемой речкой Пажей, сохранились еще следы земляного вала в виде укрепления, окружавшего город и имевшего фигуру неправильного четырехугольника. С каждой его стороны были вниз к реке сходы, заросшие, как и все бока холма, кустарником. Цари на походе в обитель Сергия заезжали в Радонеж помолиться.

На девятой версте от Троицкой лавры на Поклонной горе стоит старая каменная часовня. В ней водружен огромный из дубовых брусьев крест, обитый липовыми досками. На одной стороне его изображено Распятие, а на другой — преподобный Сергей. Через дорогу раскинулся пруд, выкопанный, по преданию, преподобным Сергием. Никто из пешеходов-богомольцев не проходит мимо, чтобы не

помолиться животворящему кресту. Его не проходили без молитвы и всероссийские митрополиты и патриархи, великие князья и цари. С этой часовней связано одно чудесное событие, которое занесено в Житие Сергия. Современник преподобного, просветитель зырян, пермский епископ Стефан, проезжая в Москву через это место, покрытое тогда лесами, остановился на Поклонной горе поклониться Св. Троице и, благословив оттуда троицкого игумена Сергия, сидевшего в это время за братской трапезой в обители своей, сказал: «Мир тебе, духовный брате!» Преподобный Сергий, к удивлению братии, встал из-за трапезы и отвечал на благословение святителя поклоном и приветствием: «Радуйся, Христова стада пастырь, мир Божий да пребывает с тобою». «Кому ты кланяешься, отче?» — спросили изумленные ученики его. «В сей час епископ Стефан, идый в град Москву, и против монастыря нашего Святой Троице поклонился и нас, смиренных, благослови». Преподобный Сергий указал и само место, где тотчас же затем посланные застали спутников Стефановых. Память чудесного сближения

святых душ увековечена сооружением на Поклонной горе сперва креста, а потом над ним часовни.

Верст за семь от Троицы есть гора Волкуша. Здесь архимандрит Троицкого монастыря благословлял крестом и кропил святой водой достойных сынов России, которые с вождем своим князем Пожарским и гражданином Мининым шли освобождать Москву от врагов России.

Сергиев Посад

Из всех священных местностей это — самая знаменитая в окрестностях Москвы и привлекает неисчислимое количество богомольцев.

Подробных описаний Троице-Сергиевой лавры существует немало, поэтому мы, отсылая любознательных читателей к тем описаниям[338], ограничимся здесь кратким рассказом об основании лавры и о ее древностях и церквах.

Лавра основана в 1340 году преподобным Сергием (1319–1392). В настоящее время имеет 12 церквей. Все здания ее окружены оградой с

девятью башнями и четырьмя воротами. Стены в окружности более версты; высота 4 сажени, местами доходит до 7. При входе через ворота с правой стороны возвышается Успенский собор с пятью большими главами[339]. Иконостас XVIII столетия, пятиярусный, резной. Живопись в храме возобновлена в 1866 году, иконы обновлены в 1881 году. В нем кроме главного престола три придела. Вне собора, против северо-западного угла, — гробницы Бориса Годунова, его супруги, сына и дочери (Ксении).

Далее, к юго-западу, — Соборный Троицкий храм. Он из белого камня, стоит, вероятно, на том же месте, на котором некогда срубил преподобный Сергей свою деревянную церковку, которая сгорела несколько лет спустя по его кончине, в нашествие Едигея, в 1408 году. Место, на котором стояла она, несколько лет пустовало. Преподобный Сергей, как известно, умирая, заповедал братии похоронить его не в церкви Св. Троицы, а на общем кладбище вместе с прочими усопшими братьями; он заповедал это, но только без клятвенного обещания со стороны братии,

почему братия с разрешения митрополита Киприана похоронила его все-таки в церкви Св. Троицы. Когда татары сожгли ее и воздвигнута была временно другая деревянная церковь Св. Троицы, то поставлена она была не на пепелище старой, а в стороне, потому что старое место, на котором под открытым небом покоился преподобный Сергей, предназначалось уже тогда на возведение каменного, более богатого храма, что и исполнено в 1422 году, с открытием мощей. Нет сомнения, что именно этот храм и есть Троицкий. Весьма невеликий, 9 сажений и 2 аршина в длину и 7 в ширину, он остается скромным и не особенно заметным среди других сооружений лавры. Над четырехскатной крышей поднимается на невысокой шее одинокий луковичный купол. В 1880 году этот купол позолотили, так как две прежние позолоты, XVI и XVIII веков, уничтожило время. Не более прочна оказалась и стенопись внутри храма. Со времени возникновения храма она в 1854 году возобновлена в четвертый раз, так что от первоначальных работ иноков Андрея Рублева и Даниила Черного сохранились, может быть,

частью одни только очертания на темном золотом фоне. Обилие серебра и золота в этом храме кажется еще большим вследствие его малости. Пятирусный иконостас, полный икон, дважды обит серебряной позолоченной ризой. К серебру, облекающему иконостас, стены и столпы, следует прибавить серебро алтаря.

Царские врата устроены и украшены царем Михаилом Федоровичем. Характерно, что в дарохранительнице на престоле небольшие фигуры апостолов сделаны из золота и один только Иуда из меди: замечательный художественный прием для выражения сравнительной ценности изображаемого. Между древних икон много весьма замечательных, но первенствующие, без сомнения, чудотворный образ Св. Троицы, обложенный золотом и камнями в 1600 году царем Борисом Годуновым[340], и образ Видения Богоматери преподобным Сергием над южной дверью. Складной образ этот сделан из верхней гробовой доски преподобного, как свидетельствует на задней стороне надпись. В 1654 году царь Алексей Михайлович брал этот образ в Поль-

ский поход и одержал победу над польским королем. В 1703 году, во время шведской войны, образ был отправлен в русский лагерь к графу Б. П. Шереметеву, где и находился во всех походах, окончившихся победой над Карлом XII. В 1812 году образ находился в московском ополчении и возвращен обратно по изгнании врагов из отечества. В 1855 году икона эта была вручена императору Александру Николаевичу митрополитом Филаретом, препровождена в действующую армию в Крым на укрепление против врагов и в 1856 году возвращена ополчением в лавру[341].

Но главную святыню Троицкого храма, духовный центр его, составляют почивающие у южной стены, близ иконостаса, мощи св. Сергия. Они находятся в серебряной позолоченной раке, устроенной царем Иваном Васильевичем; другая рака около нее устроена императрицей Анной Ивановной в 1737 году, она серебряная, чеканная, с богатой сенью на четырех столпах, 25 пудов весом. Против раки хранятся за стеклом образа Моления преподобного Сергия, Пресвятой Богородицы Одигитрии и Св. Николая, риза преподобного,

эпитрахиль и поручи из крашенины, деревянный его посох, аналав от схимы, нож с ножнами и деревянная ложка. В юго-западном углу погребено тело радонежского князя Андрея Владимировича, в иноках Саввы. Над могилой его — медная доска с надписью. Среди храма, перед алтарным иконостасом, висит огромное серебряное паникадило, устроенное в 1812 году, весу в нем 5 пудов. В северном притворе находятся две надписи, напоминающие о 1771 и 1812 годах: о спасении монастыря от язвы и от врагов.

С южной стороны к Троицкому собору пристроена церковь Преподобного Никона. Она небольшая, теплая; возобновлена в 1840 году. Здесь икона Иерусалимской Божьей Матери, и в юго-западном углу опочивают под спудом мощи ученика и преемника св. Сергия преподобного Никона, преставившегося в 1428 году, 17 ноября, после 26-летнего управления Троицкой обителью. Юго-западный придел собора, известный под названием Серапионовой палатки, по преданию, есть место кельи преподобного Сергия, где он удостоился посещения Божьей Матери с двумя апостолами.

Здесь на южной стене большая икона этого видения, и в особых ковчегах правая рука св. первомученика Стефана и камень от Гроба Господня. Здесь же под спудом опочивают архиепископ новгородский Серапион, митрополит Иоасаф и Дионисий, архимандрит Троицкого монастыря. На каменных надгробиях изображены их лики.

Против Троицкого собора, с восточной стороны, церковь Сошествия Св. Духа. К ней пристроен с южной стороны в 1867 году придел Св. Филарета Милостивого. Здесь усыпальница митрополитов Филарета, Иннокентия и архимандрита лавры Антония. Церковь Сошествия Св. Духа построена на месте деревянной в 1476 году. В 1655 году она внутри расписана, в 1778 году в ней сделан новый иконостас. В 1808 году украшены и позолочены глава и крест. К северной стороне церкви примыкает часовня, где погребен преподобный Максим Грек; она устроена в 1847 году.

Церковь Преподобного Сергия находится против Успенского собора, на южной стороне. Построена в 1686–1692 годах, украшена живописью в 1780 году. Возобновлена и украшена

в 1847 году. Пол в церкви мраморный; вокруг открытая терраса, выстланная чугунными плитами. Трапезная обширная, в ней бывають в великие праздники и высокаторжественные дни соборные столы. Тут же, с южной стороны, и отделение для ежедневной трапезы и палата с запасной ризницей. Над церковью монастырская библиотека, где хранятся разные древние рукописи и книги, по большей части духовного содержания, а также акты в столицах, относящиеся к монастырским вотчинам. Рукописей более 828, книг около 9 тысяч. Более же ценные рукописи находятся в библиотеке Духовной академии.

Церковь Преподобного Михея (иначе называется Видение Божьей Матери преподобным Сергию и Михею). Это шестиугольное низкое здание, построенное на том месте, где была деревянная келья преподобного Михея. Гробница Михея находилась прежде под трапезным крыльцом, а с построением в 1734 году церкви поставлена в ней. Мощи преподобного Михея опочивают под спудом. Церковь Св. Михея возобновлена два раза: в 1781 и 1842 годах.

Церковь Рождения Иоанна Предтечи находилась над воротами ограды. Сооружена в 1629–1696 годах. В 1746 году она сгорела с иконостасом и всей утварью. Восстановлена и освящена в 1763 году, а затем в 1827.

Церковь Смоленской Божьей Матери. На этом месте прежде стояли две каменные палаты, на одной из которых стоял вырезанный из камня старинный образ Смоленской Божьей Матери. В 1730 году икона эта исцелила псаломщика, у которого обе иссохшие руки пригнуты были к спине[342]. По этому случаю в 1735 году архимандрит Варлаам соорудил церковь, в которой и поставил чудотворную икону. В 1854 году церковь расширена и украшена живописью.

Церковь Св. великомученицы Варвары. На левой стороне от св. ворот. Построена в 1853 году иждивением графини Варвары Татищевой, в иночестве Анастасии.

Церковь Св. апостолов Петра и Павла. Находится в архиерейском доме при настоятельских кельях. Прежде, в 1758 году, здесь был престол во имя Казанской Божьей Матери. В 1795 году он посвящен св. апостолам Петру и

Павлу от митрополита Платона в честь своего ангела Петра (в светском житии). В церкви весь иконостас и иконы писаны на полотне. На сводах и стенах изображены разные замечательные эмблемы и надписи, сочиненные Платоном. В палатах еще сохраняются старинные портреты святителей и царей, вековая узорочная мебель и келейная утварь Платона.

На постройку храмов употреблено одно дерево. Стены верхней церкви обиты сосновыми досками. На северной стене достоин внимания по святости и глубокой древности образ Иорданской Божьей Матери, писанный, по преданию, на доске, бывшей в келье св. Иоанна Ламаскина. Иконостас храма из кипарисного дерева. Царские двери из Подсосенской церкви. Стены алтаря внутри обиты досками из трех пород дерева: кедра, певга и кипариса. Нижняя церковь отличается такой же простотой, как и верхняя, Успенская. В скиту есть ризница и библиотека, помещающаяся в отдельном здании над трапезной, которая находится позади церкви во имя св. Филарета Милостивого.

К южной стене Успенского храма пристроены деревянные, на каменном фундаменте двухэтажные покои для митрополита с моленной, обращенной окном в церковь. Здесь три небольшие комнаты, замечательные простотой убранства: кресла и диваны заменены лавками.

В трехэтажном каменном корпусе — больница, кельи и храмы: вверху, на хорах, в честь преподобных Сергия и Никона, а внизу — во имя св. Филарета Милостивого, сооруженная в 1860 году московским купечеством в память 40-летнего служения на московской пастве митрополита Филарета. Церковь освящена 27 сентября 1860 года. Здесь по два часа в сутки каждым из скитников совершается непрерывное очередное чтение Псалтири как о здравии живущих, так и о упокоении усопших благодетелей.

На восточной стороне скита — Воскресенская кладбищенская церковь, построенная в 1847 году. Иконостас в ней из железа и состоит из колонн в виде пальмовых деревьев, знаменующих победу Христа над церковью. В этом храме отпевают скитскую братию. Близ

церкви, в часовне, на холме водружен деревянный крест, в который вложена часть от креста преподобного Сергия.

На северной стороне от Гефсиманского скита, за прудом, находится пещерный храм в честь Архангела Михаила, а над ним другой великолепный храм в честь чудотворной иконы Черниговской Божьей Матери. Пещеры с кельями укреплены каменными сводами. Начало пещерам положено известным в свое время юродивым Филиппом.

На западе от пещер, на берегу пруда, находится Боголюбивая киновия. Это — кладбище лаврской братии. Киновия основана в 1858 году схимонахом Филиппом, который перешел сюда из пещер. Двухэтажная церковь сооружена в 1859 году: верхний престол в честь Боголюбской Божьей Матери, в нижнем этаже придел во имя св. жен Матроны и Капитолины; освящен 18 июля 1861 года.

Богослужение в Гефсиманском скиту совершается почти непрерывно, к нему иноки призываются иногда звоном колокола, а иногда ударами в било (чугунная доска, в которую ударяют колотушкой). Скитская братия

занимается разными изделиями: вырезает крестики, ложки, подсвечники и чашки из дерева. В скит женскому полу входить не дозволяется, кроме двух дней в году — 16 и 17 августа.

В 1859 году в пяти верстах от скита на восток основана пустынька. Основание пустыньки благодаря попечениям архимандрита Антония положено схимонахами Илларионом, Федотом и Александром. В 1860 году там выстроена церковь в честь Св. Духа, и пустынька получила название скит Параклита, т. е. обители Св. Духа Утешителя. Дорога в скит необыкновенно живописна. Женщинам входить в скит вовсе воспрещается. Устав строгий, и монахов очень мало.

Спасо-Вифанский монастырь

Монастырь находится в 3 ½ версты от лавры, к юго-востоку. Он основан митрополитом Платоном в 1783 году по плану архитектора Н. М. Одоевского. На постройку употреблено II тысяч, а на содержание иноков внесено Платоном собственных денег 20 тысяч рублей. Монастырь обнесен каменной оградой с четырьмя башнями длиной 160 сажень; она построена в 1786 году. Против ворот монастыря овальной формы церковь Преображения Господня с чрезвычайно оригинальным внутренним устройством. Вместо иконостаса сделана искусственная гора в виде Фаворской, покрыта мхом и цветами; она устроена скульптором К. Песковым. На ее вершине храм Преображения Господня. Под горой хранятся огромный рог единорога, оленья рога и китовые позвонки. По обеим сторонам горы — две лестницы, ведущие к алтарю. Вверху горы — резной, золоченый, в виде совершенно круглой часовни, позолоченный иконостас. В самой горе — придел Воскресения Лазаря, а в левой стороне хранится дере-

вянный гроб, в котором обретыены мощи св. Сергия. Тут же погребен и сам основатель церкви и обители митрополит Платон. У южных дверей алтаря чрезвычайно эффектный образ Воскресения Христова с искусственным вертепом, сделанным из разных горных пород, и Гробом Спасителя. Образ сделан в Сибири и включает все разнообразие и богатство ее горных произведений. Тут же на стене — превосходное резное изображение из кости поклонения волхвов. У северных дверей алтаря, близ окна, картина Марии Магдалины, писанная на яшме. Стены на хорах украшены живописью церковно-исторического содержания. Придельная церковь (нижний вертепный храм) представляет образец пещер. Иконостас полукруглой формы возобновлен в 1866 году. В образ Воскресения Лазаря врезан камень из гроба Лазаря. Кругом всей нижней церкви галерея, свод которой расписан в последний раз в 1866 году.

По правую сторону храма Преображения архиерейский дом, и в нем церковь. При входе в дом с правой стороны надпись: «Не выноси сору вон». Все убранство келий этого дома,

где жил на покое Платон (с 1797 по 1812 г.), великий иерарх, носит следы его ума и вкуса, напоминая в то же время и славный век, которому принадлежала его деятельность, Мебель комнат принадлежала великой княгине Наталье Алексеевне, супруге Павла I, и пожалована Екатериной II митрополиту Платону.

Перед домом стоит памятник с надписью о посещении Вифании императором Павлом. За церковью кладбище, где погребаются братья Троицкой лавры и монашествующие в Вифании. В самом монастыре — гостиница, кельи для братии, богадельня, дома для монастырских служителей и семинария. Она построена в 1797–1800 годах. Главное здание наподобие замка с четырьмя башнями. Учеников — до 300. Библиотека имеет до 10 тысяч экземпляров.

Внизу небольшого возвышения, где стоит монастырь, пруд, называемый Ершовским; посреди пруда остров, берега живописны.

Всесвятское

Село находится в двух верстах от Петровско-го парка. Оно существует более 400 лет. Тут было когда-то два дворца: имеретинского царевича Александра Арчиловича и князя Георгия Александровича Грузинского. В первом из них одно время пребывал Петр Великий с семейством. Кроме того, дворец этот служил «подъездным дворцом»: в нем императоры и императрицы останавливались перед въездом в Москву. При дворце был сад и парк. Ни дворцов, ни сада, ни парка давно уже не существует. Единственным напоминанием о прежних владельцах села Всесвятского служат надгробные плиты с сохранившимися на них надписями. Плиты эти находятся во Всесвятской церкви, где было когда-то царское место. Церковь эта подверглась капитальным переделкам, причем иконостас изменен совершенно. На месте бывшего каменного дворца устроено теперь солдатское кладбище. Местность, прилегающая к кладбищу, называется Садо́к, в память того, что здесь именно был дворцовый сад. Далее тянется Серебря-

ный бор: это бывший парк. Возле речки Таракановки сохранились два небольших прудка: они выкопаны были для стерлядей, а потому и называются «стерляжьими». Во Всесвятском был некогда монастырь, от которого не осталось ни малейших следов.

Покровское

Находится в Филях за Дорогомиловской заставой, в пяти верстах от Москвы. Это одно из старинных сел, принадлежавших дяде Петра Великого боярину Льву Кирилловичу Нарышкину, который построил в нем в 1693 году великолепную церковь. Все образа в иконостасе Покровской церкви искусного фряжского письма. Особенно замечательна икона Спаса Нерукотворного. В ризнице церкви хранятся Евангелие, напечатанное в Москве в 1689 году, и полотенце работы царицы Натальи Кирилловны, вышитое золотом и щелками. Предание говорит, что Петр Великий нередко посещал Покровское и певал на клиросах в церкви. Царское место, устроенное у западной стороны церкви, свидетельствует, что царская фамилия действительно присут-

ствовала при богослужении. В 1812 году церковь подверглась поруганию от неприятеля. В нижней церкви французы сделали конюшню, а в верхней — швальню. Существенных повреждений, однако, не было, и в 1813 году церковь освящена снова.

В версте от села Покровского, ближе к Смоленской дороге, была деревня Фили, перенесенная впоследствии на другое место. 1 сентября 1812 года в Филях, в избе крестьянина Фролова, происходил знаменитый военный совет, на котором мудрой решимостью фельдмаршала князя Кутузова постановлено было уступить Москву без боя неприятелю ради спасения России. С этого дня изба крестьянина Фролова, названная народом Кутузовской избой, стала историческим памятником. Входя в состав деревни, принадлежавшей роду Нарышкиных, она в 1868 году владельцем имения Э. А. Нарышкиным безвозмездно уступлена городу, но, к сожалению, в обгорелом виде после пожара 7 июля того же года. В 1870 году остатки избы были проданы по постановлению думы, и хотя с тех пор являлись различные проекты памятников на этом ме-

сте, но не один из них не был приведен в исполнение. В 1883 году офицерами гренадерского корпуса близ места бывшего пожарища воздвигнут каменный столб с соответствующей надписью, а в 1887 году по ходатайству Общества хоругвеносцев храма Христа Спасителя ему дано право возведения новой деревянной избы по планам и фасадам художника Струкова в соответствии с рисунком бывшей Кутузовской избы. Начатая постройкой 21 июня того же года новая изба к 1 августа была совершенно готова и 3 августа совершенно ее торжественное освящение. Внутри изба украшена тремя портретами: Александра I, Николая I и Александра II; гравюрами — портретами знаменитых деятелей 1812 года, из коих особенно выделяются гравюра, изображающая фельдмаршала князя Кутузова на коне перед войсками в кавалергардской фуражке без козырька и в Георгиевской ленте через плечо, и его бюст, сделанный по маске, снятой с фельдмаршала после смерти его в городе Бунцлау. В избе живут ветераны Псковского пехотного имени фельдмаршала князя Кутузова полка.

Кунцево

Оно, как и Покровское, пожаловано было царем Алексеем Михайловичем своему тестю Кирилле Полуектовичу Нарышкину. Кунцевская церковь во имя Знамения Пресвятой Богородицы имеет форму креста. Она построена А. А. Нарышкиным в 1744 году и возобновлена в 1826 году. В ризнице между прочими дорогими предметами хранятся воздухи и полотенца, вышитые царицей Натальей Кирилловной Нарышкиной, и Евангелия 1500 и 1575 годов, печатанные в Вильно.

Позади бывшего дворца, ныне барского дома, мраморная статуя Похищение Прозерпины. Перед домом — мраморная колонна, привезенная из Сибири в 1769 году и поставленная в Кунцеве в 1841 году. На другом гранитном памятнике, пол одноглавым орлом, следующая надпись: «1818 года июля 4 дня король прусский Фридрих Вильгельм III, узрев из Кунцева Москву, благодарил ее за спасение своего государства». Вся местность под горой барского дома называется Заразой[343]. Место вблизи в виде полуострова, обросшее ле-

сом, называется «проклятым». По преданию, названо так потому, что здесь было в глубокую старину языческое кладбище. Предание это подтверждается тем, что на этом месте и по настоящее время лежат надгробные камни необычной формы. В саду поставлена баба (глыба камня, очертаниями своими напоминающая человеческую фигуру)[344]. Эта баба стояла прежде в дупле вяза, который подгнил и упал.

От этого бывшего барского гнезда сохранилось весьма немного. Однако Кунцево со своим огромным парком и с видом на Москву-реку представляет одно из лучших подмосковных мест. В 1849 и в 1865 годах большая часть Кунцева перешла в руки известных московских богачей, наживших свои миллионы под знаменем раскола. Кунцево находится в семи верстах от Москвы за Дорогомиловской заставой.

Архангельское

Другое название его — Уполозы. Находится на 18-й версте Воскресенской дороги. Оно расположено на высоком берегу Москвы-реки и было первоначально родовой вотчиной князя Дмитрия Михайловича Голицына, одного из образованных людей Петровского времени. При императрице Анне Ивановне князь был сослан в Шлиссельбург, где и умер. Во времена Голицыных Архангельское напоминало по своей незатейливости и простоте старинное деревенское житье бояр. Последний из Голицыных, который владел Архангельским, был Николай Александрович, женатый на М. А. Олсуфьевой. Эта Голицына и продала Архангельское за 100 тысяч рублей князю Николаю Борисовичу Юсупову. Купив имение, князь принялся за капитальную стройку усадьбы, и скоро усадьба-село стало спорить красотой с Версальским дворцом. Дом был построен по проекту Растрелли, сад разбит во французском стиле и террасами спускался к Москве-реке. В доме были собраны картины лучших мастеров: Веласкеса, Ра-

фаэля, Давида и др. Библиотека князя состояла более чем из 30 тысяч томов, в числе которых была редчайшая Библия, отпечатанная в 1462 году. При доме был большой домашний театр на 400 зрителей. Село Архангельское не раз было удостоено приездом высочайших особ. Императрица Мария Федоровна гостила по нескольку дней в Архангельском, и в саду есть памятники из мрамора с надписями, когда и кто из высочайших особ там бывал. Очень понятно, что, принимая царственных особ, Юсупов давал и великолепные праздники. Последний из них дан был Юсуповым императору Николаю 1 после его коронавания. Здесь были почти все иностранные послы, и все удивлялись роскоши этого барского имения. Праздник вышел самый роскошный и великолепный.

Вход во дворец в селе Архангельском с 1881 года воспрещен. Устроитель Архангельского князь Н. Б. Юсупов воспет А. С. Пушкиным в его оде «К вельможе». Церковь в селе Архангельском — во имя Архангела Михаила — сооружена боярином Михаилом Андреевичем Голицыным. При Юсупове она пре-

красно реставрирована.

Тушино

В 1382 году село Тушино принадлежало знатному киевскому боярину Квашне, спасшему жизнь Ивану Даниловичу Калите в битве под Переяславлем и получившему за это «в область круг реки Восточни на 15 верстах». В 1536 году село перешло во владение воеводы Тушина и в 1570 году отказано его наследницей Преображенскому монастырю.

Почти на две версты от Тушина лежит отлогая возвышенность, называемая Старой горой. С левой стороны она образует возвышенный, гористый берег над Москвой-рекой. На этом берегу и существовал прежде Спасо-Преображенский монастырь, находившийся в зависимости от Сергиево-Троицкой лавры. Время основания монастыря неизвестно, но в летописях о нем упоминается ранее 1390 года. От этого монастыря не осталось никаких следов, но на этом месте существует церковь, воздвигнутая, вероятно, на развалинах монастыря. Она стоит на самом берегу Москвы-реки, размывающей ежегодно под ней землю, и

ей грозит опасность обрушиться в реку. Древность ее очевидна. В этой церкви замечателен образ Рождества Богородицы. Тут же было и монастырское кладбище. Один из кладбищенских камней заменяет подоконницу в алтаре, и на нем сохранились следующие слова: «Преставися раб Божий Анфим»; и другой камень, при входе в трапезу, с надписью: «Лета 6100 (1592) июля 10 преставися Пелагея Третнева».

Близ церкви расположено село Спасское, а рядом находится несколько курганов, которые старожилы относят к тому времени, «как воевали поляки». Один из крестьян, думая найти клад, разрыл какой-то курган и нашел в нем только одни человеческие кости. На север от Спасского есть возвышенность, которая называется Цариковой горой. В селе Тушине была когда-то церковь во имя Рождества Богородицы: она не существует уже более ста лет, но на месте, где она стояла, под тесовой крышей водружен ее надглавный крест. Храмовая икона, о которой упомянуто выше, перенесена в Спасо-Преображенскую церковь. К надглавному кресту из этой церк-

ви совершаются крестные ходы.

Вся описанная местность памятна в нашей истории временем так называемого «тушинского вора». Тут был его укрепленный лагерь, представлявший своеобразный городок, где происходили ужасающие сцены. Отсюда второй самозванец бежал в Калугу, где и был убит татарин.

Теперь осталась только часть вала, который окружал стан «тушинского вора». На лугу, за Москвой-рекой, были раскинуты литовские шатры, и луга сохранили название — Литовские луга. Села Тушино и Спасское до 1764 года принадлежали Троицкой лавре, но, как и все другие монастырские имения, были отобраны в казну. Тушино находится в 15 верстах от Москвы по дороге в Волоколамск.

Троицкое-Голенищцево

Находится за Калужской заставой близ Воробьевых гор. Прежде это было поместье митрополитов и патриархов, и в этом селе был их дворец — летняя резиденция. Особенно любил Троицкое митрополит Киприан. Здесь этот ученый муж переводил «Кормчую» и другие церковные книги с греческого на славянский язык. Цари нередко посещали Троицкое; царь Алексей Михайлович хаживал туда к обедне из села Воробьева. Как исторический памятник древности остался в этом селе только один храм Живоначальной Троицы, построенный в 1644 году. Троицкое стоит на реке Сетуни.

Воробьевы горы

Село Воробьеве исстари было дворцовым, и горы, на которых оно расположено, назывались Воробьевскими крутами, потому что они составляли непрерывную цепь. Село находится на высокой горе по правую сторону Москвы-реки против Новодевичьего монастыря. Первым, кто обратил особенное внимание на Воробьеве и полюбил его, был великий князь Василий Иванович. Тут он построил деревянный дворец на каменном фундаменте и летом проживал в нем иногда по нескольку дней; отсюда же он отправлялся и на охоту в Волоколамский уезд в свое село Озерецкое. В 1533 году, заболев на охоте и возвращаясь в Москву, великий князь остановился в Воробьеве и прожил в нем два дня, жестоко страдая. Стали наводить мост для переправы великого князя, так как река еще не крепко стала. Но мост обрушился, едва только лошади великокняжеского возка стали входить на него. К счастью, успели обрезать гужи, и великий князь был спасен. Его перевезли через реку на пароме под Дорогомиловом

и везли в Кремль через Боровицкие ворота. На другой день (3 декабря 1533 г.) князь умер.

В это же село во время пожара 1547 года удалился сын Василия Иван Грозный, не обращая внимания на бедствия своих подданных, скитавшихся без приюта и крова. Вспыхнул бунт. Бунтующие ворвались в Кремль и в Успенском соборе убили дядю государя князя Юрия. Потом народ бросился в село Воробьево и окружил царский дворец; пушечные выстрелы рассеяли бунтующих. Тогда-то и предстал перед Иваном иерей Сильвестр. Последствия беседы их известны: в характере Ивана совершилась великая перемена.

Любил Воробьево и царь Борис Федорович Годунов и подолгу проживал в Воробьевском дворце. Петр Великий приказал насадить за дворцом березовую рощу. При императрице Екатерине II дворец пришел в совершенную ветхость, был разобран, и на его фундамент поставили новый дворец, перенесенный с Пречистенки, но и этот дворец к концу XVIII столетия пришел в ветхость и потому был до основания разломан. Окнами дворец выходил одной стороной к Москве-реке, другой —

к городу. До 1810 года в Воробьеве были две деревянные церкви, которые в 1811 году разобраны, и сооружена одна, каменная, во имя Св. Троицы с приделами Св. Николая Чудотворца и Преподобного Сергия Радонежского.

Как известно, с гор открывается великолепный вид на Москву, и видом этим восхищались все, кому приходилось бывать на горах. Любовался отсюда Москвой и Наполеон. Тут же был сперва заложен и храм Христа Спасителя.

Троицкое

Принадлежало некогда родному брату матери Петра I Ивану Кирилловичу Нарышкину. До 1760 года история села не представляет ничего замечательного, но, когда село перешло во владение графа П. А. Румянцева-Задунайского, для него настали лучшие годы. Тут был построен обширный дом, разведен сад, устроены огромные оранжереи, выкопаны пруды. Август 1775 года особенно памятен для Троицкого. В то время императрица Екатерина II праздновала в Троицком Кучук-Кайнарджийский мир после десятиднев-

ного празднества этого мира в Москве. Троицкое в то время представляло роскошную царскую дачу, напоминающую французский Версаль, где государыню окружал весь ее блестящий двор. Министры, вельможи, полководцы, иностранные послы, несколько полков гвардии расположены были по окрестным полям и рощам Троицкого. Праздник продолжался несколько дней, и тысячи народа пировали на нем. Для государыни были разбиты роскошные шатры. Уезжая из Троицкого, государыня изъявила желание, чтобы граф назвал имение свое Кайнарджи.

В Троицком было устроено образцовое хозяйство. После 1812 года сады и пруды заросли травой, и бывшее отошло в область преданий. Пребывание императрицы в Троицком увековечено каменным памятником с подобающими надписями. Троицкая церковь построена в 1774 году. В 1812 году она подновлена. Церковь весьма богата. Архитектура ее та же, что и церкви Знамения при доме Шереметева на Воздвиженке. Троицкое находится в Звенигородском уезде, на реке Пехорке.

Черкизово

Расположено между Преображенским и Измайловом. Это село было подмосковной вотчиной митрополита Алексия. В позднейшее время особенно любили это село митрополиты Тимофей и Платон. Последний хотел даже основать в Черкизове Вифанскую обитель, но встретил препятствие со стороны крестьян и основал ее близ Троицкой лавры. В Черкизове находится архиерейский дом, построенный митрополитом Тимофеем. В этом же селе находится богадельня в честь св. Алексия, устроенная митрополитом Серафимом в 1819 году. Церковь в селе Черкизове — во имя пророка Ильи с приделом во имя св. Алексия Митрополита.

Горенки

В старину село принадлежало князю Алексею Григорьевичу Долгорукому, отцу несчастной невесты Петра II княжны Екатерины. Юный император Петр II, любя Ивана Алексеевича Долгорукого, часто посещал Горенки и охотился там по нескольку дней. Горенки находятся в 15 верстах от Москвы по Владимирской дороге.

Измайлово

Находится в двух верстах от Преображенской и Семеновской застав. Впервые Измайлово названо вотчиной боярина Ивана Никитича Романова в приходной книге Патриаршего приказа за 1640 год. Затем оно именовалось Дворцовым селом с приселками: Черкизовом, Ивановским и Никольским, Но еще ранее Измайлово упоминается в писцовых книгах за 1571–1574 годы как село, принадлежащее к Васильцову стану. Измайлово состояло из села и дворцовых зданий с двумя каменными церквями и старого зверинца, с

остатками садов, прудов и мельниц. Дворцовые каменные здания находились между селом и зверинцем на острове, окруженном прудами и речкой Серебровкой[345]. Покои были в одно жилье, маленькие, низкие, со сводами, но в них помещалось до 3 тысяч придворных служителей. На северной части дворца были поварни, медоварни, винный завод, приспешни с высокими дымовыми трубами и запасные погреба, где хранились продукты и разные напитки. На южной стороне стены дворца были огромные хоромы из брусьев с теремами. Дворец примыкал к двухэтажной дворцовой церкви Св. Иоасафа, царевича индийского. Церковь эта была построена в 1679 году царем Федором Алексеевичем и разбита громом, ударившим в ее главу в 1780 году. Церковь Покрова Божьей Матери существовала в Измайлове на речке Ропке еще в 1644 году. Тогда, вероятно, она была деревянная. Настоящий соборный храм начат постройкой при царе Алексее Михайловиче и окончен при сыне его царе Федоре Алексеевиче[346]. Образцом зодчества Измайловского собора послужил Успенский собор в Кремле. С

годами он пришел в ветхость и потому возобновлен в древнем вкусе и освящен в 1850 году.

В этом соборе в присутствии царей в храмовые праздники нередко служили патриархи Иоаким, Адриан и св. Дмитрий Ростовский. Главная каменная мельница была на Серебровском пруду и называлась Серебрихой, а по берегу Серебровки, против деревянных хором, простирался сад. На северной стороне был другой сад — виноградный; его насадил царь Алексей Михайлович, и в нем делались опыты разведения виноградных лоз. Садов этих давно не существует, но они долгое время служили вместе с другими измайловскими садами рассадниками для других садов. В одном из измайловских садов, тутовом, были деланы опыты разведения шелковичных деревьев. В 1775 году оставались еще при Измайловском дворце три сада и зверинец. Зверинец был устроен на западной стороне дворца со всякого рода зверями и птицами; зверинец в 1730 году переведен в другое место.

Царь Алексей Михайлович кроме разве-

денных им садов в Измайлове выкопал до двадцати прудов, где развел множество рыбы. Царевны сами пускали туда щук и стерлядей с золотыми сережками, забавляясь сзыванием рыб к берегу на корм по звону колокольчика. Каждый из прудов имел свое название, данное государем: Лебедевский, Просянский, Серебровский, Пиявочный. Одни из этих прудов пересохли, другие спущены, третьи засыпаны. В 1737 году у прудов сделаны две каменные плотины. Измайлово было образцовой усадьбой русских царей: там в четырех полях было 400 десятин пахотной земли, где сеялся разного рода хлеб, русский и иностранный. Там был и стеклянный завод, которым управлял итальянец Мингот. Там же в маленьком театре делались и первые опыты драматического искусства.

Весной и летом в Измайлове жили, а осенью и зимой приезжали на время царицы, царевичи, царевны. В теремах царевны занимались разными рукоделиями, гуляли в садах, осматривали дворы и погреба, а в праздники одаривали сельских девушек и ребятшек лакомствами и полушками. Зимой там

бывало катание на горах, на салазках, на лыжах.

В детстве Петр I гостил в Измайлове у брата своего Федора Алексеевича. Тут же он в 1691 году отыскал на льняном дворе и ботик, который назван впоследствии «дедушкой русского флота». Из смежного села Преображенского Петр водил в Измайлово свою потешную роту; на широком дворцовом дворе делал маневры и «стаивал в шатрах под рощей»; угощал там своих сподвижников на запасном дворе и на погребах и однажды, как гласит предание, забавляясь огненными потехами, сжег брусную избу, находившуюся среди двора царских хором.

Петр II ездил в Измайлово с псовой охотой и проводил в нем масленицу. На другой год своей, в мае, коронации императрица Анна Ивановна с великим церемониалом изволила шествовать в Измайлово, где проводила лето. Под Измайловским селом был поставлен кавалергардский лагерь и убран по воинскому порядку. Гвардии полки, Преображенский и Семеновский, стояли в лагере по другую сторону дворца и занимались экзерцициями.

В память любимого места императрица назвала вновь набранный ею гвардейский полк Измайловским, сама себя объявила его полковником, а Бирона — подполковником. Любя ружейную стрельбу, Анна Ивановна вместе с Бироном была из ружья в Измайлове зайцев, оленей и тетеревов. Она же, как говорилось выше, основала там новый зверинец, в коем императрица Елизавета Петровна велела сделать просеку, пролежавшую прямо в Перово. Императрица Елизавета тоже любила Измайлово и нередко охотилась там с племянником своим Петром Федоровичем. Иностранные посланники с русскими вельможами тоже нередко ездили в Измайловский зверинец тешиться охотой, для чего там была охотничья команда.

В Измайлове, наконец, как уже доказано, 30 мая 1672 года, в четверток перед утром, за два с половиной часа до рассвета, родился Петр, будущий великий император России.

Когда двор переселился из древней в новую столицу, Измайлово было покинуто, огромный брусняной дворец с теремами сломан, материалы распроданы, пахотная земля

роздана крестьянам с наложением на них денежного оброка, рогатый скот от падежа весь перевелся и все хозяйственные строения оставлены в запустении. Но псовая охота все еще поддерживалась и в зверинце водились разные звери до 1812 года. Островский лес, некогда непроходимый, рощи и пруды до времен Екатерины слыли еще заповедными, но потом и они изменились.

В настоящее время Измайлово представляет совершенно иной вид. На месте царских палат устроена по плану архитектора Тона Военная Николаевская богадельня, начало которой положено в 1837 году, а сооружение относится к 1839–1849 годам[347]. Главный трехэтажный корпус примыкает с трех сторон к вышеописанному собору Покрова. Древняя каменная башня, в которой некогда бывали заседания Царской думы и Сената, обращена в колокольню. Возле главного корпуса устроена водоподъемная машина, а напротив, по обе стороны башни с часами, расположены два каменных двухэтажных флигеля с двумя одноэтажными пристройками. Пространство между всеми поименованными строениями

составляет обширную площадь, среди которой устроен чугунный фонтан, окруженный цветником. Остальное пространство площади занято на берегу пруда, именуемого Виноградным, огородами и парком. Против парка — виноградный сад, вновь устроенный, где еще уцелели некоторые липы, под которыми любил гулять Петр Великий. Плавающий мост соединяет парк с богадельней.

На месте зверинца, где был некогда охотничий домик царя Алексея Михайловича, его ферма и тутовая плантация, построено главное здание опытной пасеки Императорского Русского общества акклиматизации. Пасека основана в 1865 году и отличается образцовым устройством. Тут же производится и выкормка шелковичных червей.

Перово

В трех верстах от Измайлова. Там был некогда уютный деревянный дворец Елизаветы Петровны, сломанный в начале XIX столетия, но огромный парк остался. Каждый раз во время летнего своего посещения Москвы Елизавета Петровна бывала в Перове и проживала там по нескольку дней, охотясь в Измайлове. В память об этом на главе местной церкви сделана корона.

Кусково

Это село составляет старинную вотчину графов Шереметевых. По преданию, оно получило свое название от «куска», которым граф Петр Борисович обыкновенно называл свою родовую собственность, небольшой участок земли, где были дом, главный пруд, сад и село. Вся земля кругом принадлежала князю А. М. Черкасскому, и в сравнении с его огромным имением, которое составляли почти все ближние села и деревни, окружавшие Кусково, действительно оно было кусочком.

Когда граф Петр Борисович женился на единственной дочери князя Черкасского, то все его поместья — Перово, Тетерки, Вишняки и Останкино — перешли в род графов Шереметевых. Княжна Черкасская помимо этого принесла мужу в приданое более 80 тысяч крестьян. Молодая графиня провела детство в Вишняках (в двух верстах к югу от Кускова) и очень любила их. Она не хотела забыть родину, и молодой граф исполнил желание своей супруги — выстроил для нее на своем участке дворец и назвал его Кусковым. Дом был построен по плану французского архитектора Валли. Дом имеет до 20 различных покоев. В одном покое стены были из цельных венецианских зеркал, в другом — отделаны малахитом, в третьем — обиты драгоценными гобеленами, в четвертом — художественно разрисованы стены и потолки. Всюду были античные бронзы, статуи, фарфор, яшмовые вазы, имелась большая картинная галерея. Замечательны также были в Кусковском доме огромная библиотека и оружейная палата; в последней было редкое собрание древнего и нового оружия и, между прочим, седло Кар-

ла XII, доставшееся вместе с его конем графу Борису Петровичу Шереметеву.

Сад при доме разведен после чумы 1772 года. Разведение его дало возможность некоторое время пропитаться голодавшему тогда народу. Сад устроен в настоящем французском стиле и занимает 22 десятины земли. В этом саду было 17 прудов, карусели, гондолы, руины, китайские и итальянские домики, китайская башня наподобие Нанкинской с колоколами[348], каскады, водопады, фонтаны, маяки, гроты, подъемные мосты.

Перед домом и по настоящее время находится (на газоне) около 60 различных мраморных мифологических фигур, а также мраморный обелиск в память пребывания Екатерины II в 1785 году и одна колонна. Справа от дома — подземный мост, около которого стоят шесть пушек — трофеи Полтавской битвы, подаренные Петром I графу Шереметеву. Далее — дом в голландском стиле, построенный в 1749 году; все стены в нем выложены различного рода изразцами.

Вблизи — так называемый Эрмитаж, к которому ведут шесть дорожек; около лестницы

этого здания — площадка с подъемной машиной; внизу — ротонда, где может сервироваться стол на 16 человек; лакеи ставят тарелки, блюда на ротонду, и все это подымается на верхний этаж, в столовую, где накрывался стол. Отсюда вид на сад. Здание это служило для торжественных обедов.

Слева от главного дома — грот, внутреннее устройство которого чрезвычайно оригинально: как фигуры, так стены и потолки выложены перламутром и раковинами; при входе в дверях две фигуры, изображающие собой весну и лето, далее — осень и зиму. Грот убран перламутровыми пальмами и букетами; около стены лежит громадная кость мамонта. Так называемый итальянский дом построен в XVIII столетии[349]. В некоторых комнатах стены дубовые с позолотой, потолки раскрашены превосходными рисунками, картины на стенах лучшей работы, нежели во всех остальных зданиях.

Кусковская оранжерея имеет массу дорогих цветов; восемь лавровых деревьев насчитывают по 300 лет. В Кускове был огромный театр, который считался первым среди бар-

ских театров; он был несравненно богаче тогдашнего московского. На этот некогда знаменитый театр не жалели золота. Три яруса лож и особенно авансцена были отделаны со всей роскошью и грандиозностью итальянской архитектуры. Спектакли у Шереметева бывали по четвергам и воскресеньям; вход для всех был бесплатный. В той же роще, где был театр, стоял и летний дом графа Петра Борисовича, в котором он постоянно жил и принимал своих друзей. Он назывался «домом уединения». Впоследствии дом отдавался внаймы и был сломан в 1812 году.

В конце рощи было озеро под названием Локасино. В нем, как и в других прудах, содержались дорогие рыбы. В большом пруду с островом посередине рыбы было столько, что неводом вылавливали зараз по две тысячи карасей. В Кускове был замечательный зверинец и коллекция редких птиц в особых изящных домиках. Все празднества в Кускове отличались необыкновенной пышностью; число гуляющих посетителей доходило до 50 тысяч, исключая званых гостей, которых приглашалось по билетам более 2 тысяч человек. При

въезде в Кусково со стороны Перова стоял деревянный столб с надписью, приглашавшей посетителей Кускова «веселиться, как кому угодно, в доме и в саду».

Граф Петр Борисович при образованном уме и редкой любезности обладал истинно русским гостеприимством и радушием. К нему собирались все знаменитости того времени: литераторы, поэты, артисты, художники, министры и посланники. Императрица Екатерина II часто бывала в Кускове у графа, и в предпоследний приезд свой, в 1775 году, ее сопровождал австрийский император Иосиф и многие князья и принцы. Для этого приезда в Кускове были нарочно устроены триумфальные ворота, и встреча венценосцев была самая великолепная. Иосиф, будучи в Кускове, думал, что приехал к владетельному князю. В последний раз императрица была в Кускове в 1787 году во время празднования двадцатипятилетия своего царствования. Императрица прибыла в Кусково 30 июня со всем двором и блестящей свитой. Екатерина вступила на кусковскую землю через великолепную арку. При приближении поезда импе-

ратрицы стоявшие на большом пруду двадцатипушечный корабль и другие меньшие суда салютовали, а с берегов гремели ответные пушечные выстрелы. К большому дому вела галерея живых картин: здесь стояли попарно жители и слуги Кускова с корзинами цветов, девушки в белых платьях и венках рассыпали букеты по пути. Через большой сад хозяин провел царицу в английский сад и лабиринт [350], где при вечернем солнце показывал свои прихотливые сооружения и редкости, а после повел царицу в театр, где давали оперу «Самнитские браки» и балет. Екатерине очень понравился спектакль: она допустила всех артистов к руке и раздала им подарки [351]. Стол графа в тот день был сервирован золотой посудой на шестьдесят персон. На этом празднике бесчисленные толпы народа гуляли целую ночь.

Граф Петр Борисович умер в 1788 году. Сын его Николай Петрович, подобно отцу, умел угощать высоких посетителей, давать праздники, превышавшие пышностью и блеском даже те, которые давал отец. В его время Кусковский театр процветал более чем при отце,

и на то была своего рода причина. В 1790 году граф познакомился со своей крестьянкой, Прасковьей Ивановной, сделал ее актрисой и назвал по сцене Жемчуговой. Романическое знакомство это известно по песне «Вечер поздно из лесочка». Образованный и благородный человек по своему времени, граф при первой встрече со своей крестьянкой был поражен ее красотой и вспылал к ней серьезной страстью. Он взял ее из отцовского дома [352] и поместил во флигеле, где жили его актрисы; здесь он обратил все свое внимание на образование своей избранницы. К ней были приставлены учителя, в числе которых были и иностранцы; для сценического искусства ей дана была наставница Т. В. Шлыкова, подруга и неизменный друг Параши до гроба [353]. Параша сделалась лучшим украшением Кусковского театра. Граф в Параше встретил действительно редкую и высокую душу, и любовь его сделалась вскоре страстью, постоянной и единственной. Расстояние между его общественным положением и положением его подруги было слишком велико для тогдашнего времени, и потому жизнь их была

полна треволнений и огорчений. Граф жил с Парашей в отдельном доме наискось от театра, и обстановка дома была проста необыкновенно. Девять лет жили влюбленные в этом домике, наконец счастье их было нарушено невыносимыми сплетнями гостей и гуляющих в Кускове, и граф в 1800 году, запечатав театр, оставил Кусково и переехал в Останкино. В Останкине влюбленная чета вздохнула свободнее. Мало-помалу все лучшие вещи были перевезены из Кускова в Останкино, и Кусково было позабыто. В 1801 году граф вступил с Парашей в законный брак. Бракосочетание было совершено в церкви Симеона Столпника на Поварской. В 1803 году она родила графу сына Дмитрия и через несколько дней (3 февраля 1803 г.) умерла. Сам граф умер в 1809 году. Над шестилетним графом Дмитрием была назначена опека. Опекуны вывезли все из Кускова, уничтожали и даже продавали с аукциона движимое имущество, памятники, постройки, здания, сооружения, прикрываясь недостатком средств для штата. Нашествие французов в 1812 году им тоже пришлось кстати. Ссылаясь на посещение неприятелем

подмосковных имений Шереметева, они исписали огромные списки вещей, будто бы расхищенных или уничтоженных французами.

Кусково находится в семи верстах от Москвы между большими дорогами: Владимирской и Рязанской. По церкви Спаса Кусково называлось Спасским. В церкви до сих пор сохранилась старинная дорогая утварь и воздуши собственной работы Елизаветы Петровны. Церковь находится подле дома; она каменная и невелика; архитектура ее также не замечательна, но ризница богата.

Косино

Село находится в трех верстах от Кускова и расположено на берегу большого озера, называемого Белым. Предание гласит, что Петр Великий перенес сюда из Яузы свою флотилию и учился тут морской службе, устроив верфь и пристань на том месте, где был некогда барский дом. Долго впоследствии Петр Великий вспоминал о Косине и часто навешал его. Царь оставил Косину драгоценный дар — икону Моденской Божьей Матери очень хорошего письма. Икона эта вывезена Петром из Италии в 1717 году и помещена в косинской каменной церкви во имя Св. Троицы, сооруженной в 1823 году. Тут же рядом находится маленькая деревянная церковь во имя св. Николая, построенная в 1675 году. В Троицкой церкви сохраняются крест и ковчег с мощами многих святых. На ее стенах много надписей. Две из них свидетельствуют, что в 1826 году в Косине были императрица Мария Федоровна и великая княгиня Елена Павловна. Обе церкви окружены стеной с башнями. В полуверсте от села есть Святое озеро, названное так по-

тому, что здесь явилась чудотворная икона Св. Николая. Озеро это имеет в наибольшем поперечнике до 200 сажений. Вода его чрезвычайно прозрачна и глубока, так что даже около берегов глубина доходит до 20 аршин. Возле берега стоит старинная часовня с двумя купальнями по бокам, составляющими единственное место для купания в этом озере по чрезвычайной его глубине и неприступности болотистых берегов. К часовне и купальням ход по мосткам, Косинская святыня привлекает в летнее время множество богомольцев, стекающих сюда по всем дорогам. Окрестности Косина хороши и застраиваются дачами.

Название свое Косино получило от первого своего владельца, какого-то грека Козино, которому подарена была здесь земля Иваном III Васильевичем. В начале XIX столетия Косино принадлежало Лухмоновым, которые дали волю своим крепостным далеко ранее 1861 года.

Кузьминки

Находятся от Косина в пяти верстах, а от Покровской заставы — в семи. Исстари принадлежат роду князей Голицыных. В этом подмосковном селе прекрасно устроенные сад, парк, оранжереи, скотный двор, пруды, а также и сам барский дом. Сюда приезжали в былые времена государи, бывал часто и Петр Великий, для которого в Кузьминках был выстроен особый дворец. При въезде через чугунные ворота в парк по липовой аллее, около версты длиной, направо — оранжереи, березовая беседка и два памятника: в честь посещения Кузьминок Петром I и в честь императрицы Марии Федоровны, прожившей в Кузьминках с 26 июня по 16 июля 1826 года. Памятник в честь Петра I сооружен в 1846 году на том самом месте, где находился дворец Петра, Прямо против чугунных ворот — главный дом весьма красивой архитектуры, из которого все драгоценные картины вывезены для Голицынского музея; остались только некоторые картины Рубенса и несколько мраморных статуй. По левую сторону липовой

аллеи разбит громадный парк, площадь которого занимает 146 десятин. Три пруда почти полностью окружают все здания Кузьминок, в том числе церковь во имя Влахернской Божьей Матери, чудотворная икона коей и находится в храме. Здесь похоронен князь С. М. Голицын, при котором Кузьминки приведены в блестящее состояние. На одном из прудов, на острове, поставлен памятник Николаю I. За ним следует скотный двор. Алина верхнего пруда три версты, нижнего — одна.

Люблино

Одно из стариннейших барских поместий в 2,5 версты от Кузьминок[354]. В начале XIX столетия оно принадлежало Дурасову, который в 1801 году построил в нем замечательной архитектуры дом, чтобы увековечить память получения им креста Анны I степени. У Дурасова, которого называли тогда почему-то «евангельским» богачом, в Люблине было все, включительно до пансиона, для дворянских детей с учителем-французом, неизвестно для какого каприза заведенного. Был, конечно, и театр, отличавшийся роскошью декораций

и постановок. Актерами и музыкантами по обыкновению того времени были крепостные. В Люблине есть дача, называемая Самарова Гора, в которой летом жил Н. М. Карамзин.

Коломенское

Село становится известным в первой половине XIV столетия[355]. Название его в первый раз встречается под 1328 годом в духовной грамоте великого князя Ивана Даниловича Калиты. По преданию, Коломенское основали жители Коломны, бежавшие в 1237 году от нападения Батыея. Село Коломенское всегда было «за государем»: сперва удельных князей, потом великих и, наконец, царей и императоров. Село это памятно в истории нашей по близости своей к первопрестольному граду, по частому пребыванию в нем царей. В 1591 году, при царе Федоре Ивановиче, в нем останавливался крымский хан Казы-Гирей, пришедший с многочисленным ополчением в Москву, и посылал оттуда отряды разорять окрестные села и деревни. В 1610 году «тушинский вор» имел здесь свой стан. В тече-

ние пяти столетий государи наши имели дворцы для летнего пребывания в селе Коломенском. Там исстари заведены были дворцовые сады с кедрами и пихтами; они раскинуты на 96 десятинах. Знаменитый своей красотой Коломенский дворец был построен царем Алексеем Михайловичем в 1667 году на месте бывшего дворца царя Ивана Васильевича. Дворец этот был деревянный, двухэтажный. Постройки его, видимо, совершались в разное время, так как в нем не было надлежащей симметрии. В целом же вид дворца чрезвычайно красив и оригинален. Внутренняя отделка его была так великолепна, что ей дивились иностранцы. Царь Алексей Михайлович очень любил этот дворец и много положил труда и денег на его украшение. Ко дворцу вели двое ворот, над проездами которых как с внешней, так и с внутренней стороны стояли иконы. Главные ворота, называвшиеся Красными, были украшены кокошниками, или теремками. Другие ворота были увенчаны двуглавым орлом; ворота эти были с западной и с восточной сторон. С южной стороны ко дворцу примыкал сад, а с северной —

церковь Казанской Божьей Матери, за которой шли опять сады. Между главными воротами и царскими хоромами находились две довольно просторные площадки, которые, собственно, и составляли двор, или подворье, дворца. Кругом царских теремов находились государевы сады. Все они были фруктовые, и садовый урожай шел большей частью на государев двор. К дворцовым постройкам принадлежали также потешный и конюшенный дворы, находившиеся в близлежащей пустоши Кречетове. Таков был двор царя Алексея Михайловича, куда он так часто ездил — иногда один с боярами, иногда же «со всем государским домом своим».

В 1662 году в Коломенское приходили к царю мятежники с жалобой на Милославского и Матюшкина. Причиной мятежа был выпуск медных рублей, которыми означенные лица злоупотребляли. При возмущении стрельцов 1 сентября 1682 года малолетние Иван и Петр Алексеевичи были отвезены царицей Натальей Кирилловной в село Коломенское. Петр I жил здесь в 1689 году летом со своей супругой Евдокией Федоровной, а в 1680 году он совер-

шил туда из Москвы первый судоходный путь. По одержании Полтавской победы, в 1709 году, Петр I из Петербурга приехал прямо в село Коломенское, где был обрадован рождением дочери Елизаветы Петровны. Отсюда же было торжественное шествие в Москву после этой победы. Пребывание Петра в Коломенском особенно было продолжительно летом 1689 года, когда неудовольствия, возникшие между им и сестрой Софьей, приняли вид явной, открытой ссоры. Тут же в 1694 году царь Петр I устроил маневры, известные под названием Кожуховских[356]. В 1695 и 1696 годах, по возвращении из-под Азова, Петр I оба раза останавливался в селе Коломенском и отсюда с особенной торжественностью вводил войска свои в Москву. Посетив Коломенское 4 мая 1722 года вместе с Екатериной, Петр I внимательно осмотрел дворец отца своего и, заметив, что он значительно уже обветшал, приказал исправить его. В последний раз Петр был в Коломенском в 1724 году по случаю коронавания императрицы Екатерины I.

В бытность Петра II в Москве он часто при-

езжал сюда на охоту, а в 1729 году провел в Коломенском все лето. Императрица Елизавета Петровна тщательно заботилась о поддержании и сохранении дворца своего деда. При императрице Екатерине II дворец стал так ветх, что уже не было возможности поддерживать его, а потому государыня приказала в 1767 году разобрать его, а вместо него построить другой. Уважая отечественные древности, государыня приказала сделать вернейшую модель старого дворца, которая долгое время хранилась в Оружейной палате, но где находится теперь — неизвестно. Вид старинного царского дворца в Коломенском сохранился в гравюре, вырезанной в XVIII столетии Фридрихом Гильфердингом.

На месте разобранного дворца посажены кусты акаций, направление которых показывает фундамент дворца и распределение комнат. Дворец, построенный Екатериной, стоял близ церкви Вознесения; он был о четырех этажах: два нижних были каменные, а верхние — деревянные. Около дворца стоял оперный дом, а против дворца, через Москву-реку, был деревянный мост[357]. В этом дворце жи-

ла государыня с внуками Александром и Константином в июне месяце 1787 года, возвратившись из путешествия по Крыму, из Коломенского же выехала она в Москву для празднования двадцатипятилетия своего царствования. В 1816 году Екатерининский дворец был разобран, вместо него впоследствии по повелению императора Николая был построен тот дворец, который и стоит в Коломенском. В селе от всех древних памятников сохранились три каменных и один деревянный корпуса; в саду уцелел еще каменный челобитный стол, у которого царь Алексей Михайлович принимал от просителей жалобы и прошения. Стол этот стоял перед окнами дворца; к нему подходили просители и, увидя государя у окошка, кланялись ему «до лица земли» и оставляли на столе свои челобитные.

В Коломенском три церкви: Вознесения Господня, Казанской Божьей Матери и Св. великомученика Георгия. Первая построена в 1531 году, она замечательна по своей оригинальной архитектуре и высоте; в 1880 году она возобновлена. Вторая церковь построена

около 1640 года царем Михаилом Федоровичем в память избавления Москвы от поляков. Третья церковь, Св. Георгия, существовала издавна, но возобновлена в 30-х годах XIX столетия. В заключение заметим, что Коломенское осчастливили своим посещением и императоры Николай Павлович (в 1839 г.) и Александр Николаевич (в 1861 г.).

Коломенское расположено на берегу Москвы-реки. Окрестности его живописны, особенно хорош так называемый Савкин, или Сухой, овраг, поросший громадными соснами. На берегу Москвы-реки, где стояло одно из зданий, принадлежавшее дворцу и разобранные в 1870 году, стоят четыре чугунные пушки. Летом тут располагаются лагеря военных гимназий.

Дьяково

Расположено близ Коломенского. В селе замечательна церковь Св. Иоанна Предтечи, построенная, как видно, одновременно с Василием Блаженным, так как сходна с ним по кокошникам и по распределению мест подле главной церкви. Она составлена из пяти отдельных церквей в виде восьмигранных башен, соединенных между собой крытыми ходами, или коридорами. Общий вид и характер первоначальной постройки не изменился, несмотря на некоторые изменения в коридорах, окнах и крестах на куполах.

Перервинский Николаевский монастырь

Находится в версте от села Коломенского, а от Москвы в 7,5 версты. Вблизи монастыря Москва-река делает в своем течении перерыв, или оборот, и быстро обращается вправо, к селу Коломенскому. По преданию, река прежде протекала подле самого монастыря. Когда и кем построен монастырь — неизвестно, но в XV веке он уже существовал. В монастыре три храма.

Царицыно

Носило прежде название Черная Грязь и принадлежало в конце XVII столетия любимцу царевны Софьи боярину князю Василию Васильевичу Голицыну. После его ссылки Черная Грязь была взята в казну. Впоследствии Петр Великий пожаловал ее валахскому господарю Дмитрию Константиновичу Кантемиру, наследники которого продолжали владеть селом до императрицы Екатерины II.

Почти весь 1775 год государыня провела в Москве. В том году государыня посетила в храмовые праздники большинство славящихся в народе церквей, сходила пешком на богомолье в Сергиеву лавру, посетила подмосковные села Кусково, Троицкое и другие, жила в Коломенском. Она делала нередко дальние прогулки пешком и в экипажах, чтобы осматривать местность. В одну из таких прогулок ознакомилась она с прелестным местоположением имения князя Кантемира Черная Грязь и пожелала приобрести его. Имение куплено у князя Сергея Дмитриевича Кантемира за 25 тысяч рублей и по указу от 14 августа 1775 года переименовано в Царицыно село, а затем уже и просто в Царицыно[358].

Уже через две недели в Царицыне были возведены легкие деревянные постройки, и государыня переехала туда в конце июня. Екатерина жила там в маленьком домике, состоящем из шести комнат, и немедленно поручила архитектору В. И. Баженову построить дворец в готическо-мавританском стиле. План этого дворца государыня утвердила лично, убавив в нем окна и ширину лестниц.

Вместе с дворцом строились также длинные галереи, оперный дом, мосты, въездные ворота. Все это выводилось из камня во вкусе самой затейливой архитектуры[359]. В Царицыно прокладывалась широкая дорога, обрамленная березками, — аллея тянулась на две версты. По смерти царицы эта дорога была заброшена, мосты развалились, и по ней трудно было пройти даже пешком. Строительство дворца через десять лет по покупке имения было почти закончено. Но, по преданию, Потемкину дворец не понравился, и в 1787 году вышло повеление все здания сломать до основания и на этом месте поставить новый дворец, который и сейчас красуется в виде какой-то полуразвалины мрачного вида. Здание это с восьмью высокими башнями очень напоминает какую-то гигантскую гробницу, стоящую на катафалке и окруженную недвижно стоящими гигантскими монахами со свечами в руках. Впечатление эта неудачная постройка производит унылое, удручающее. Зато большие зеркальные пруды Царицына полны жизни и оживляют всю окрестность; текут они из двух речек и называются Орехов-

ский, Лазаревский, Верхний, Хохловский, Шепиловский и Цареборисовский. В Царицынском саду существует очень красивый каменный мост, соединяющий два берега, есть островки, купальни, уединенная галерея, храм меланхолии, затем фруктовый сад с оранжереями. В саду имелось также несколько беседок для приезжающих. Лучшая из них известна под именем Миловида[360]. Стоит она на крутом холме; ее сквозная арка, составляющая залу, украшена мраморными бюстами. По преданию, Миловидой она названа самой императрицей; из этой беседки видно село Коломенское. Другие беседки носят названия Эзопка, Хижина и т. п. Первая из этих беседок была сделана из березовых бревен с корой. Дорожки и аллеи Царицына также носят разные названия, например, большая глухая аллея называется Несторовой. Всех дорожек в парке до 20 верст. К парку примыкает Покровская сторона (лесная дача в 80 десятин). Она известна также под названием Пустошь пожарная (лес). Против дворца — руины, по правую сторону — недостроенные здания: так называемая гауптвахта и оперный театр с до-

вольно порядочным леском, выросшим на крыше. Последнее здание имеет оригинальную архитектуру и замечательно своими сводами — водостоки сделаны внутри стен. Немного далее — высеченные из цельного камня легкие и прочные ворота с различного рода украшениями. Обращает на себя также внимание обсерватория (каланча) — это искусственная руина, с которой открывается хороший вид на парк, но влезать туда опасно. Все царицынские сады разбиты в английском стиле.

В окрестностях Царицына находятся село Сабурово с вишневыми садами на берегу Москвы-реки и село Борисово с прудами и плотинами, построенными Борисом Годуновым. По берегу Борисовского пруда раскинут большой лес, именуемый Заразой, где любил охотиться наши цари.

Екатерининская пустынь

В десяти верстах от Царицына. Основана около 1659 года царем Алексеем Михайловичем, который во время беременности супруги своей, будучи здесь на соколиной охоте, видел во сне именно на этом месте св. великомученицу Екатерину, возвестившую ему о рождении дочери, что действительно и сбылось. Царь по возвращении в Москву нарек новорожденную Екатериной, а на месте чудесного явления построил обитель. Ныне в ней две церкви. Одна — соборная двухэтажная, сквозная, в которой престолы: вверху — Св. великомученицы Екатерины, а внизу — Успения Пресвятой Богородицы. Храм этот существует с 1660 года, перестраивался и великолепно украшен. Тут находится чудотворный образ Св. Екатерины, украшенный окладом с драгоценными камнями. Другая церковь — Св. Петра и Павла, теплая, с приделами Св. Дмитрия Ростовского и Сергия Радонежского.

Остров

В двадцати верстах от Москвы, в Подольском уезде. Село Остров, или Островское, весьма древнее: оно упоминается очень часто в грамотах московских великих князей. Впервые оно упоминается в духовной грамоте Калиты, писанной в 1328 году. Затем известно, что при великом князе Василии Ивановиче здесь стоял княжеский терем. В 1547 году тут жила еще молодой Иван Васильевич Грозный, и, по сказаниям псковского летописца, во время Петрова поста, когда к нему пришли посланные от псковичей 70 выборных с жалобой на своего наместника, князя Турунтая Пронского, государь, не выслушав и не разобрав дела, «разгневался на псковичей, обливал вином горячим, палил бороды и волосы, да свечу зажигал и повелел их покласть нагих на землю; и в ту пору на Москве колокол-благовестник напрасно (неожиданно) отпаде и государь пойте к Москве, а жалобников не истял (не погубил)».

Позднее видим, что царь Алексей Михайлович ходил в поход в село Остров: он оста-

навливался здесь, когда ходил в монастырь у Николы на Угреше. При Петре село Остров принадлежало всесильному тогда вельможе Меншикову, и уже при императрице Елизавете Петровне оно приписано было к владениям великого князя Петра Федоровича. Императрица Екатерина II пожаловала Остров графу А. Г. Орлову в потомственное и вечное владение. В год жалования, 1767-й, нового владельца почтил своим посещением великий князь Павел Петрович. В 1782 году граф Орлов праздновал свое бракосочетание с девицей Евдокией Николаевной Лопухиной. Родив дочь Анну, а потом сына, молодая мать умерла.

Графиня Анна Алексеевна с юных лет удивляла всех своей набожностью. Впоследствии она была поклонницей архимандрита Юрьева Новгородского монастыря Фотия[361]. В 40-х годах XIX столетия графиня продала в казну все свои имения, в том числе и Остров. Здесь был обширный барский дом и превосходный сад, расположенный по холмам и скатам и украшенный множеством беседок и павильонов. В 1868 году, спустя двадцать лет по-

сле смерти графини, дом, манеж и некоторые еще бывшие там здания, начинавшие приходить в упадок, решено было продать с торгов, и Угрешский монастырь нашел выгодным купить их. В 1869 году московскому митрополиту Иннокентию пришла благая мысль воспользоваться существующими в Острове строениями для учреждения там богадельни для престарелых и немощных лиц белого духовенства Московской епархии. Владыка вошел по этому поводу в сношение с министром государственных имуществ, и в 1870 году село Остров с постройками все милостивейше было безвозмездно пожаловано духовному ведомству, а спустя год здесь помещена уже богадельня. Число призреваемых в богадельне простирается до 300 человек мужчин, женщин и детей. При богадельне — домовая церковь во имя св. Петра Митрополита и св. Иннокентия Иркутского.

В старинных актах село Остров называлось нередко Лосиным, потому что вблизи водилось много лосей.

Николо-Угрешский монастырь

Находится в 15 верстах от Москвы, в трех от села Острова, на левом берегу Москвы-реки в урочище, издавна известном под именем Угреши, около которого протекает речка, также называемая Угрешей[362]. Монастырь основан в 1381 году великим князем Дмитрием Донским по обету, данному перед Куликовской битвой. Надпись, находящаяся на стене часовни, свидетельствует, что здесь великому князю, когда он шел с воинством против Мамаю, явилась над высокой сосной икона Св. Николая Чудотворца, и благочестивый внук Калиты через год после знаменитого похода построил на этом месте деревянную церковь во имя св. Николая и учредил иноческую обитель, В 1521 году татарские ханы Махмет-Гирей и Саиб-Гирей выжгли и Угрешский монастырь, который лет через 80 после того, в эпоху самозванцев, служил на некоторое время пристанищем для них: Григорий Отрепьев в 1602 году бежал сюда из Чудова монастыря, а второй самозванец, живя здесь в 1610 году вместе с Мариной Мнишек, при-

нимал послов гетмана Жолковского. Потом Угрешская обитель была пунктом соединения верных дружин Ляпунова и Заруцкого с другими воеводами для спасения Москвы. Здесь же некоторое время пребывал и князь Д. М. Пожарский, защищая обитель от разбойничьих набегов атамана Салькова.

В XVII веке по вступлении на престол царя Михаила Федоровича монастырь был возобновлен, и этот царь очень любил обитель и часто посещал ее. Тому же примеру следовал и царь Алексей Михайлович. Посещая обитель, они давали ей и жалованные грамоты на владение вотчинами, землями, рыбными реками и разными угодьями. Таковые же грамоты давались Угрешскому монастырю еще и раньше: давали их царь Иван IV Васильевич и Борис Годунов. Судя по таким царским милостям, можно думать, что в те времена Николо-Угрешский монастырь находился в цветущем состоянии. Однако он пришел почему-то в упадок: начиная с XIX столетия вплоть до 1840 года монастырь находился в бедном положении, и в 1835 году братии в монастыре было всего 8 человек.

Новый период существования начался для обители с 1850 года, когда появился один из преданнейших сынов церкви, особенно расположенный к Угрешской обители. Это — известный архимандрит Пимен. Он еще юношей поступил в монастырь послушником и, не переходя из него в другие монастыри, прожил в нем до конца своей жизни. При нем благодаря его собственному усердию и усердию московского купца Павла Матвеевича Александрова обитель обстроилась, украсилась и приведена в блестящее положение. При отце Пимене Угрешский монастырь переименован из штатного в общежительный, для каковой цели купец Александров купил в Москве дом, приносящий монастырю весьма значительный доход[363]. Теперь в монастыре семь церквей. 1) Соборная, увенчанная одной главой, 80 имя святителя Николая, где находится чудотворный образ святителя, явившийся великому князю Дмитрию Ивановичу; образ весьма богато украшен золотой ризой и камнями[364]. 2) Успения Божьей Матери с приделом Марии Египетской. 3) Св. мученицы Параскевы и апостола Матфея, трапезная.

Тут хранится гроб преподобного Николы Святоши, привезенный из Киева одной боярыней. 4) Св. Иоанна Крестителя, во втором ярусе колокольни, которая имеет 6 ярусов и высотой в 37 сажень. Церковь эта возобновлена в 1840 году. 5) Божьей Матери всех Скорбящих Радости с особенной при ней колоколенкой, больничная. Она освящена в 1860 году. Тут есть икона письма А. Рублева. 6) Казанская церковь. Находится в юго-восточном углу монастыря, между первым и вторым братским корпусами; при ней богадельня на 50 человек. 7) Преображенский собор. Находится вблизи Николаевского собора, заложен в 1880 году. При монастыре скит с церковью во имя св. апостолов Петра и Павла. В этот скит (Петропавловский, построенный в 1857 г.) женщинам вход воспрещен, исключая 26 мая и 29 июня[365].

Ограда монастыря окончена в 1866 году, имеет в окружности 800 сажень, высотой 7–9 аршин; в ней 16 башен и 8 ворот. При входе в монастырь через св. ворота с обширной четырехугольной башней в два яруса часовня, возобновленная в 1852 году, прямо против входа

идет дорожка к колокольне, обсаженная акациями. В ограде монастыря кроме церквей, келий, погребов, кладовых, сараев и других построек есть красивый цветник и прекрасный пруд, который отделяет от всех монастырских зданий вышеназванный Петропавловский скит. На пути от собора к архиерейским палатам деревянная часовня, построенная в 1868 году. В ней пять больших икон, писанных на золоте; над ними стены облицованы лимонным деревом. Против часовни через дорогу архиерейские палаты. Они являются остатками старинных хором, купленных на своз в селе Острове, и окончены постройкой в 1870 году. Вне монастыря — два пруда и устроены гостиница и странноприимный дом.

Серпуховской Владычный монастырь

В одной версте от Серпухова на берегу реки Нары. Построен преподобным Варлаамом, келейником св. Алексия-митрополита в 1360 году. Прежде был мужской, но с 1806 года по ходатайству митрополита Платона обращен в женский. Строитель храма похоронен близ входа в соборный храм; на месте его могилы — каменное надгробие, над которым поставлена гробница. Тут же погребен и преемник Варлаама инок Гедеон. В монастыре четыре каменные церкви: 1. Собор Введения Пресвятой Богородицы, древнего построения, сооруженный из дикого камня. Здесь много старинных икон, более замечательная из них — Св. Иоанна Воина. Об этой иконе существует предание, что над ней ругался один татарин во время нашествия, совершилось чудо — татарин обратился в православие. Здесь же хранится и часть мощей св. митрополита Алексия в серебряном ковчеге. 2. Великомученика Георгия с приделами московских Св. Петра, Алексия и Ионы. 3. Св. Федора Ар-

кирского — над св. вратами. 4. Св. Дмитрия Царевича — под колокольной.

Монастырь Владычным назван потому, что построен в честь Владычицы Пресвятой Богородицы. При монастыре довольно богатая библиотека, в которой хранятся любопытные рукописи, и ризница, в которой достойны внимания древняя круглая малого размера икона Господа Вседержителя со скорописной надписью на ней: «Молился сему образу Спасителя душ раб Божий в темнице 36 лет»; медные рельефные иконы XVI, XVII и XVIII веков; автограф св. Тихона Задонского, серебряная ложка XIV века и другие предметы. При монастыре — аптека, лаборатория, больница, мастерские, школа и книжная лавка. Везде работают одни монахини.

Давыдово-Вознесенская пустынь

Близ Серпухова на реке Лопасне, на торе. Основана преподобным Давыдом в 1515 году. В ней две церкви. 1. Соборная двухэтажная, где престолы: вверху — Вознесения, внизу — Успения Божьей Матери с приделом Знамения Божьей Матери, где почивают мощи основателя преподобного Давыда. Тут же хранится и гроб преподобного Моисея Угрина, в Киевских пещерах почивающего. 2. Казанской Богородицы над св. вратами, которая построена в новейшее время.

Берлюковская Николаевская пустынь

В сорока верстах от Москвы по Стромьинской дороге, на высоком берегу Вори. Построена митрополитом Платоном в 1777 году на месте погоста, основанного в Смутное время схииеромонахом Варлаамом.

Церковь каменная, во имя св. Николая Чудотворца, возле которой под видом отшельников поселились и крестьяне с предводителем своим Бирюком, или Берлюком, отчего и место получило название Берлюковского монастырища. В 1829 году между древними иконами монастыря чудесно найден образ Спасителя, продаваемого и лобзаемого Иудой Искариотом. Происшедшие от него исцеления начали привлекать сюда богомольцев, и монастырь стал обогащаться значительными вкладами. Теперь в пустыни четыре церкви: соборная, во имя явления иконы Спасителя, сооруженная в 1838 году; соборная же, теплая, во имя Св. Троицы, с приделами Св. Николая Чудотворца и Мученицы Мины; Св. Василия Великого над воротами и во имя Казанской Бо-

жьей Матери, деревянная, древнего построения, находится в лесу близ обители. Более всего обитель обязана своим цветущим состоянием строителю Венедикту. Пустынь устроена при пособничестве митрополита Платона иеромонахом Иоасафом с братом Николаем.

Студенец

В одной версте за Пресненской (Трехгорной) заставой. Прежде это был загородный дом князей Гагариных и назывался Гагаринские Пруды. Впоследствии эта прекрасная дача перешла к графу Федору Андреевичу Толстому, а от него к дочери графине А. Ф. Закревской. Муж графини был тогда министром внутренних дел. Загородный дом начали называть Закревской дачей. Новый владелец прекрасно изукрасил свою дачу: провел каналы, насадил аллеи, понасыпал холмики, понаставил памятники: Каменскому, Барклаю-де-Толли, Волконскому и др. Необыкновенная правильность, напоминающая что-то фронтное, и сама чистота, в которой все это было содержимо, как бы заимствованы у аракчеевских военных поселений. Дача в начале XIX столетия

была одним из моднейших гуляний москвичей. Потом она была забыта, ее продали, и она под названием Студенец (студеная вода) принадлежит Обществу садоводства.

Владыкино

Это село существует около 500 лет. Владыкином названо потому, что большей частью принадлежало московским митрополитам. Потом оно сделалось «селом государевым». Император Петр I пожаловал Владыкино знаменитому Феофану Прокоповичу, который часто жил здесь в летнее время.

Владыкино находится в десяти верстах от Москвы к северу, за Петровским-Разумовским. Одно из живописнейших мест под Москвой. Церковь — во имя Рождества Пресвятой Богородицы.

Ильинское

В двадцати верстах от Москвы (от Всесвятского — прекрасное шоссе). Принадлежало прежде Остерману-Толстому, потом Голицыным. В 1864 году куплено у княгини Голицыной и графини Игнатьевой императрицей Марией Александровной. Ильинское замечательно своим превосходным местоположением. Парк, посаженный графом Остерманом-Толстым, находится на левом берегу Москвы-реки. По нему разбросаны флигеля для свиты с особенными названиями: «Не чуй горе», «Приют для приятелей», «Пойми меня», «Миловид», «Павильон для библиотеки» и т. п. Главный дом (дворец) со всеми дворцовыми строениями занимает пространство в 55 десятин. Кроме отличных оранжерей Ильинское славится своими фермами, в которых содержится в замечательной чистоте скот голландской и альгаусской породы. Ильинское — летнее местопребывание московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича.

Саввин Сторожевский монастырь

Находится в пятидесяти верстах от Москвы к западу и в полутора верстах от Звенигорода на левом берегу Москвы-реки[366]. Название Сторожевское происходит от горы Сторожи, на которой построен монастырь. Во время литовских набегов на этой горе стояла воинская стража для наблюдения за движением неприятеля, который проходил к Москве по Старой Смоленской дороге, уклонявшейся влево к Звенигороду. Местоположение монастыря весьма красиво. С горы открывается превосходный вид на Москву-реку, Звенигород и окрестные села. Монастырь основан преподобным Саввой Сторожевским, чудотворцем звенигородским, в конце XIV века. Савва был учеником преподобного Сергия. В одно из посещений Троицкой лавры князь звенигородский Юрий Дмитриевич избрал Савву своим духовником, а потом умолил его идти в город Дмитров[367].

Здесь Савве полюбилось место близ Звенигорода, и он построил на нем деревянную церковь во имя Рождества Пресвятой Богоро-

дицы и недалеко от нее малую келью для себя. Скоро слух о святой жизни Саввы привлек к нему других иноков, и таким образом по собрании братии преподобный Савва завел общежитие, вместо деревянной церкви была воздвигнута каменная. Монастырь постепенно приходил в лучшее устройство, получая все более и более средств, упрочивших его внешнее существование. Усердие князей и бояр к монастырю стало особенно увеличиваться после того, как начал распространяться слух о чудотворствах преподобного. В XVI веке монастырь приобретает еще большую известность: на богомолье туда стали приходиться самодержцы, обогащая его вкладами. XVII век был временем процветания монастыря: Богу угодно было прославить своего угодника явлением нетленных его мощей[368].

В истории монастыря наиболее замечательно царствование Алексея Михайловича, который во всей обители оставил следы своего к ней усердия. Выходы его в обитель были весьма часты, и щедрости его в приношениях монастырю не было конца. Сын и преемник царя Алексея Михайловича Федор Алексеевич

продолжал по примеру родителя делать вклады в Саввин монастырь и часто посещал его. Монастырю усердствовали и цари Иван и Петр Алексеевичи. Тут они одно время и проживали, найдя убежище во время стрелецкого бунта в 1682 году. Любила посещать монастырь и царевна Софья, она соорудила в нем на свое иждивение трапезную церковь во имя Преображения Господня.

Взглянем на монастырь, каким он существует в настоящее время. Монастырская каменная ограда (прежде была деревянная) построена в 1650–1654 годах; в окружности она 375 саженьей, высотой 4 сажени, толщиной 4 аршина. Всех башен шесть, одна — с государственным гербом названа Красной. Первое место занимает в монастыре по древности и по красоте собор Рождества Пресвятой Богородицы, построенный преподобным Саввой [369]. Собор — из белого камня, одноглавый; длиной 10 саженьей, шириной 7 саженьей, похож на собор Троицкой лавры. Вход в соборную церковь сделан с трех сторон, главный — с западной. Свод церкви опирается на четыре столпа, во всех ярусах иконы обложены ста-

ринными чеканными серебряными окладами с позолотой. У южных врат, ведущих в алтарь, под сенью, открыто почивают мощи преподобного Саввы в богатой серебряной позлащенной раке, устроенной в 1680 году. На внутренней стороне крыши сделано в 1855 году изображение преподобного Саввы в серебряно-позлащенной ризе. В трех кругах, вытисненных на боках раки, описано житие Саввы. В 1847 году устроена над ракой новая сень из накладного серебра, В пристройке к соборной церкви, с правой стороны вверху, ризница, в которой хранятся достопримечательные предметы: Евангелие в большой лист московской печати 1644 года; рукописная Псалтирь 1656 года, по которой царь Алексей Михайлович обучался чтению; сосуды драгоценные с камнями — дар царя Алексея Михайловича в 1651 году. Драгоценнейшая из риз — риза преподобного Саввы: вся белая, тафтяная, оплечье по голубому бархату шито струйчатым золотом, серебром и шелками; наискось по наподольнику щиты разными шелками полосоочки; подкладка крашеная. По своей драгоценности еще замечательны покров на гроб-

ницу преподобного[370] и подвесная пелена к передней стороне на престольной одежде. На покрове вышит образ преподобного Саввы, над головой которого образ Св. Троицы, венец у преподобного весь унизан жемчугом и драгоценными камнями. Жемчуг и камни, осыпавшиеся с риз и других вещей, хранятся в особом ящике, в котором весу более 3 фунтов. Шапка — малинового бархата, в ней крупного жемчуга 382 зерна, В ризнице есть еще шелковая темно-вишневая скатерть царя Алексея Михайловича длиной 12 аршин.

К северо-востоку от Рождественского собора близ царских красных ворот находится теплая церковь Св. Троицы, построенная в 1652 году Н. В. Шереметевой, родители и родственники которой погребены под нижним сводом ее, в особой палатке. В 1857 году храм Св. Троицы реставрирован. Из икон, находящихся в трапезной храма, замечательна по древности икона Алексия Божья человека. К северу от Рождественского собора — церковь во имя Преображения Господня, освященная в 1693 году. При церкви обширная трапезная. К ней примыкает колокольня готической ар-

хитектуры в три яруса с четырьмя башнями. На одной из них висит большой колокол в 2126 пудов весом с двумя надписями; нижняя состоит из трех строк «тайного письма» в 425 знаков[371]. Под колокольней помещается библиотека. К западу от Рождественского собора стоит каменный двухэтажный дворец. Отделан при царях Иване и Петре Алексеевичах и возобновлен после пожара в 1775 году, состоит из II комнат, расположенных анфиладой и разделяемых в середине обширной каменной лестницей и площадкой. Комнаты украшены портретами Ивана Грозного, Алексея Михайловича, Федора Алексеевича и последующих государей и государынь, а также и архиереев. Из зала — выход на балкон, откуда открывается прелестный вид на Москву-реку и ее окрестности. Во дворце есть портреты царевны Софьи Алексеевны, изображенной в монашеском одеянии, Амвросия Тверского, Гедеона Криновского и др. К северной стороне дворца примыкает сад, занимающий 40 сажень пространства. Над св. воротами — церковь во имя преподобного Сергия Радонежского; она освящена 1 декабря 1651 года.

В одной версте от монастыря находится пещера преподобного Саввы. Каменная палатка над ней выстроена в позднейшее время. Над пещерой — церковь во имя преподобного Саввы со скитом на 12 человек. Под горой — колодезь, называемый Святым, выкопанный преподобным Саввой. Вне монастыря — три гостиницы. Рядом с ними — пруд, образовавшийся из речки Разварни, перегородженной каменной плотиной еще при царе Алексее Михайловиче.

Вяземы

Находятся на Можайской дороге в 37 верстах от Москвы и в 14 от Саввина монастыря. Это было родовое поместье Бориса Годунова. Здесь он построил каменную двухэтажную церковь во имя Св. Троицы (теперь она во имя Преображения и св. Николая Чудотворца). Тут, во дворце Годунова, некоторое время проживал самозванец в ожидании Марины Мнишек и останавливалась она сама во время проезда в Москву. В 1694 году село это подарено Петром I князю Борису Алексеевичу Голицыну, который оказал государю немало

услуг во время стрелецких бунтов. Годуновского дворца давно не существует, цела одна церковь, не изменившая своей старинной архитектуры.

Воскресенский монастырь (Новый Иерусалим)

Тут было прежде село Воскресенское[372], принадлежавшее боярину Боборыкину. Патриарх Никон, часто проезжая Воскресенским трактом в Иверский Валдайский монастырь, полюбил его и приобрел у Боборыкина. Затем в 1655 году построил здесь небольшую деревянную церковь во имя Воскресения Христова, при освящении которой присутствовал и царь Алексей Михайлович. Обозревая с Никоном окрестности, царь назвал новую церковь согласно с желанием патриарха Новым Иерусалимом. Это подало Никону мысль соорудить здесь храм наподобие Иерусалимского, для чего была взята точная модель последнего и немедленно приступлено к сооружению огромной церкви.

Над ее созданием Никон трудился девять лет и до того заботился о ней, что своими ру-

ками делал кирпичи и носил их на место. В ближней роще построил он для себя уединенный скит, где и провел все время строительства церкви, удаляясь на ночь в тесный затвор, где каменная скамья и такое же изголовье служили ему ложем. Желая окружить Новый Иерусалим названиями священных мест настоящего Иерусалима, Никон переименовал многие окрестности: реку Истру — в Иордань, изрытый нарочно вблизи скита поток — в Кедрон, селение — в Назарет и проч. А на том холме вблизи монастыря, где царь Алексей Михайлович высказал мысль о создании Нового Иерусалима, Никон построил часовню, носящую название Елеонской. Когда же по суду восточных патриархов Никон был лишен сана и в 1666 году сослан на Белоозеро, строительство остановилось. После кончины царя Алексея Михайловича царь Федор, любивший Никона, велел в 1679 году продолжать строение. Царевна Татьяна Михайловна пожертвовала много денег и утвари для довершения знаменитой церкви. Но полностью здание было окончено только в 1685 году, при царях Иване и Петре Алексеевичах, и освящен-

но 18 января того же года патриархом Иоакимом. В 1723 году каменный шатер, или главный купол над ротондой Св. Гроба, внезапно обвалился внутрь церкви; сверх того, сделавшийся вскоре пожар привел церковь еще в большее запустение. 26 лет церковь оставалась в развалинах.

В 1749 году Воскресенскую обитель посетила императрица Елизавета и повелела возобновить церковь, не отдаляясь от первоначального ее характера, и назначила для этого архитектором графа Растрелли. Возобновление было совершено под присмотром настоятеля монастыря Амвросия. Шатер купола над ротондой сооружен вместо тяжелого каменного деревянный. Сделаем краткое обозрение монастыря. Его ограда в виде неправильного шестиугольника построена в 1690–1699 годах. Окружность ее — 432 сажени, наружная высота 4 сажени 7 вершков. По углам находятся 8 трехэтажных конических башен с удобными помещениями. По ограде проходит широкая галерея для крестных ходов. Посреди площади при входе через св. ворота, над которыми находится церковь, возвышается главный

храм Воскресения Христова — близкое подобие древнему Иерусалимскому[373]. Длина его внутри 50 сажений, ширина 20, окружность 173 сажени. Он украшен несколькими разнообразными куполами, между коими возвышается более чем на 32 сажени от земли гигантский шатер над ротондой. Это — необыкновенное создание, составляющее диво в архитектуре, потому что держится без связей[374]. В этой церкви 29 приделов. Трудно представить то впечатление, которое производит внутренность храма своим великолепием, позолотой и грандиозными размерами. Величественнее всего внутри собора Гроб Господень длиной 2 аршина 9 вершков, шириной аршин и 5 вершков — точное подобие Иерусалимского Гроба Господня. Маленькая часовня над ним вся вызолочена[375].

В храме большое количество достопримечательностей. В приделе Всех Святых погребен Никон (1631 г.). Возле могилы его вериги, келейный образ и другие предметы. Зимняя церковь — в честь Рождества Христова с Вифлеемской пещерой. Вокруг нее расположены малые приделы, символизирующие детство

Спасителя и места страдания Его. Под Голгофской горой устроена церковь, в которую следуют 33 ступени, по числу лет, проведенных Спасителем на земле. Церковь Обретения Св. Креста Царицей Еленой — также подземная. Над Св. Вратами церковь Входа в Иерусалим, построенная в 1697 году. Всех церквей в монастыре 41.

В Воскресенском соборном храме среди других предметов и святынь хранится в серебряном ковчеге десная рука мученицы Татьяны, принесенная в дар царевной Татьяной Михайловной в 1691 году, а в ризнице находится подлинная модель Иерусалимского храма, привезенная с Востока Арсением Сухановым в 1657 году, и подобие Серебреников, за которые Иуда продал Господа нашего Иисуса Христа.

Вблизи монастыря находится пустынь, устроенная Никоном. Здание это небольшое, но высокое, подобное столбу, в 4 этажа, с узкими решетчатыми окнами. Тут 10 тесных келий, куда ведут каменные узкие лестницы, две трапезные и две церкви — во имя Богоявления Господня и св. апостолов Петра и Пав-

ла, в которых Никон в совершенном одиночестве отправлял служение как священник.

Деулино

Село Московской губернии в четырех верстах от Троицкой лавры на большой дороге к Угличу. Замечательно тем, что в нем заключен был 1 декабря 1618 года мир с поляками, по которому королевич Владислав отказался от своих требований на российский престол. Послы съезжались три раза: в первый раз они побранились, во второй едва не подрались, а в третий кончили дело. В Деулине обращает на себя внимание старинная церковь.

Спасское

Село Московской губернии, находящееся в десяти верстах от села Пушкина по дороге к Сергиевой лавре. Это старинное поместье, принадлежавшее прежде графам Комаровским, принадлежит камергеру А. А. Майкову. Здесь замечательна церковь, построенная при Петре Великом, возобновленная и расширенная приделами Комаровским. В ней богатая утварь, между которой замечательны два золотых креста со святыми мощами, иконная живопись по строго выдержанному, простому, но изящному стилю. На эту церковь можно указать как на одну из изящнейших сельских церквей. Владельцы Спасского устроили в нем рациональное сельское хозяйство и ферму. В Спасском великолепный обширный парк.

Примечания

Т. 1. С. 6. (Все сноски сделаны автором. — *Примеч. ред.*)

[^^^]

Область Вермеланлия в Швеции.

[^^^]

Между новгородскими земцами, в летописях, часто встречается имя Кучко, поэтому можно предполагать, что Степан Кучко был выходец из Новгорода. Кучково именовалось еще Куцковом. В Москве долгое время было урочище — Кучково поле. Оно простиралось от нынешней Лубянки до Сретенских ворот Земляного города на большой Владимирской дороге, которая тогда шла по нынешней Сретенской улице. С основанием в 1395 г. Сретенского монастыря название «Кучково поле» почти исчезло.

[^^^]

Великий князь Александр Невский и сын его Даниил причислены Православной Церковью к лику святых. Празднуются: Александр Невский — 23 ноября, Даниил — 4 марта. (Здесь и далее все даты даются по старому стилю. В XVIII в. «отставание» составляло II, а в XIX в. — 12 дней по сравнению с современным календарем. — *Примеч. ред.*).

[^^^]

5

Обе церкви были деревянные, дубовые.

[^^^]

6

Тело его, найденное там нетленным 30 августа 1652 г., положено открытыми мощами в серебряной раке внутри соборного храма Данилевского монастыря.

[^^^]

Калитой он прозван потому, что для подаяния нищим милостыни всегда носил при себе суму, или калиту, с деньгами.

[^^^]

8

По храму Успения Москву исстари называли «дом Пресвятой Богородицы».

[^^^]

Св. Алексий поставлен митрополитом всея Руси в 1354 г.

[^^^]

Деревянная стена сгорела во время большого пожара в 1365 г.

[^^^]

На басме (грамоте) изображался портрет хана. Это изображение при всякой перемене великих князей татарские послы привозили в Россию, русские же князья в знак почтения должны были встречать басму преклонением. Татарские послы обыкновенно останавливались в урочище Болвановке, где их и встречали князья. Василий, вызвав послов с Болвановки, разбил ханское изображение и истоптал его ногами. Затем на месте посольских дворов князь приказал построить церковь во имя Всемилоственного Спаса, которая известна под названием Преображения Господня на Болвановке.

[^^^]

Марк Фрязин, Фьораванти Аристотель и др.

[^^^]

Образцов — в 1485 г., Зосима — в 1493 г.

[^^^]

Впоследствии при императоре Николае Павловиче водопровод этот исправлен, а затем оттуда проведен новый водопровод.

[^^^]

Надолбы эти часто разваливались, особенно в полую воду, и растаскивались, и частое заготовление их стоило довольно дорого. Тогда со всех возов собирали пошлину, кроме порожняка: с дров по 1 копейке, с сена и угольев по 2 копейки, с теса и досок по алтыну (3 копейки). Надолбы имели вид редкого, в рост человека частокола.

[^^^]

Указом 1660 г. велено было разводить в Чугуеве арбузы и, когда они поспеют, присылать их в Москву.

[^^^]

Они привезены из Голландии в Петербург и Москву только в 1715 г.

[^^^]

Розы привез в Москву при царе Михаиле Федоровиче голштинец Петр Марселлин.

[^^^]

Тверской вражек был в районе Газетного переулка, между Тверской и Никитской улицами.

[^^^]

Все вообще приселки, близкие к городу, жалуемые за усердную службу царями, назывались Новью, Новинками и Новинами.

[^^^]

Название Пречистенки оно получило 16 апреля 1658 г. по указу царя Алексея Михайловича.

[^^^]

Кузнецкий мост.

[^^^]

Михаил Ярославич был старший сын великого князя Ярослава Всеволодовича и родной брат св. князя Александра Невского. В некоторых летописях Михаила Ярославича называют первым князем московским. Он убит в 1248 г. в бою с литовцами.

[^^^]

Сына своего Андрея Юрьевича женил на Улите, дочери боярина Кучко. Брак праздновался пять дней. Затем Юрий с детьми возвратился в Суздаль.

[^^^]

Слово «кремль» до сих пор не объяснено еще удовлетворительно. Некоторые производят его от татарского слова «крепость», а некоторые от слова «кремень», в смысле крепкий. Говорят, что вначале Кремль и назывался Кремником, а не Кремлем. Кремль был еще известен под названием «детинец», что происходит от славянского слова «дедина», т. е. деревня, владение, обиталище, двор дедича, отчинника, владельца, наконец, место укрепленное. Кремль имеет в окружности 2 версты и 40 саженьей.

[^^^]

Остатки этих стен в виде толстых дубовых бревен были найдены в земле при последующей застройке Кремля.

[^^^]

Был митрополитом с 1543 по 1564 г.

[^^^]

Болотной ее начали называть с 1845 г.

[^^^]

Заказчиками назывались благочинные.

[^^^]

Эта церковь была построена в 1683 г.

[^^^]

Главный вход в этот сад прикрыт великолепной решеткой, отлитой Немчиновым из чугуна на заводе Александра Васильевича Чесменского. Столбы этой решетки имеют вид римских ликторских пучков с вызолоченными топорами и таковыми же перевязками, в 1872 г. в этом саду была расположена часть Политехнической выставки. Затем сад был страшно запущен, но снова возобновлен. Сад этот называют еще Александровским.

[^^^]

Их высота 30 саженьей.

[^^^]

Полагают, что название башни произошло от старинного названия скуфьи — *тафья* с прибавкой частицы — *ку*...

[^^^]

ЭТОТ ВСПЛОШНЫЙ КОЛОКОЛ СНЯТ В 1817 Г.

[^^^]

По народному преданию, с этой башни царь Иван Васильевич Грозный любил смотреть на кулачные бои, которые происходили на Красной площади. Отсюда же был подземный ход под Кремль и был застенок для государственных преступников.

[^^^]

Для любопытных приводим перечень церквей, находившихся на Красной площади между Фроловскими и Никольскими воротами: Прасковьи Пятницы, Василия Кесарийского, Богоявления, Феодосии-девицы, Евангелиста Марка, Иоанна Предтечи, Ризоположения, Преподобного Сергия, Николая Чудотворца, Рождества Христова, Воскресения Христова, Афанасия и Кирилла, Зачатия Богородицы, Рождества Богородицы, Всех Святых. Был еще Аптекарский сад и находились обрубы и кладбища, где кладены умершие в моровое поветрие.

[^^^]

Часы были переделаны русским часовщиком Екимом Горловым с колокольной музыкой в 33 колокола.

[^^^]

Степенные книги — это выписки из русских летописей по княжениям и царствованиям.

[^^^]

Пострижение совершилось 17 мая 1407 г.

[^^^]

Надо заметить, что по древнему обыкновению черницы жили и в мужских монастырях. Так, они жили в описываемое время в Кремле в Спасо-Преображенском монастыре (Спас на Бору). Вообще женские монастыри в древней русской церкви не так скоро пришли к окончательному устройству, как мужские. Кроме того, что в некоторых из них, как в Спасо-Преображенском, черницы должны были жить вместе с чернецами, многие женские монастыри, где жили и одни монахини, находились под управлением игуменов. Уже в 1503 г. при Иване III на соборе определено было законом, чтобы монахам и монахиням не жить никогда вместе, но быть отдельными монастырями, женским и мужским. То же было подтверждено на частном соборе новгородским архиепископом Макарием в 1528 г. На этом же соборе положено было «отвести игуменов в мужские монастыри (из женских), а черницам дать игумений благочиния ради».

Известно, что для него был писан так называемый Лаврентьевский (древнейший между сохранившимися списками) список Несторовой летописи, как видно из находящегося в конце его послесловия писца, мниха Лаврентия.

[^^^]

Нет надобности объяснять, что в плаче Евдокии над гробом супруга много поэтического, вымышленного, и его нельзя считать буквально подлинным. Но с другой стороны, взяв во внимание современность сказания о житии Дмитрия Ивановича, общеупотребительность в Древней Руси выражения душевной скорби в плаче, т. е. в разных причитаниях над умершим, нельзя не признать в нем если не всего, то, по крайней мере, много исторически достоверного. Сочинитель жития Дмитрия Ивановича мог быть свидетелем его кончины, мог слышать плач его супруги и потом, конечно с некоторыми изменениями, внести его в составленное им жизнеописание Дмитрия Донского. Если же мы и отвергли бы вполне подлинность плача, то он все-таки будет для нас иметь важность как изображение душевного состояния Евдокии при гробе ее супруга в том виде, как представлялось это состояние современникам.

Построен императрицей Анной Ивановной в 1731 г. в память сестры своей Парасковьи.

[^^^]

Построен в 1731 г.

[^^^]

Построен монахиней княжной Анной Борятинской.

[^^^]

Он назывался еще «ханский двор».

[^^^]

Убит мятежниками, во время моровой язвы,
бывшей в Москве в 1771 г.

[^^^]

1680 г. от Рождества Христова (далее — от Р. Х.).

[^^^]

1686 Г. ОТ Р. X.

[^^^]

Евангелие это служило образцом при исправлении церковных книг в XVII в. Завещание святителя приложено в конце Евангелия. Завещание найдено в ризнице митрополитом Платоном в 1779 г.

[^^^]

Геннадий погребен в могиле святителя Алексия. Геннадий был особенный почитатель святителя. На том же месте, где были найдены мощи св. Алексия, поставлено живописное изображение обретения святых мощей и перед ним теплится лампада.

[^^^]

Избран был на русский престол 1 августа
1610 г.

[^^^]

Умер в 1676 г.

[^^^]

Супруга царя Ивана Алексеевича.

[^^^]

Учреждена патриархом Филаретом под названием Греко-латинского училища.

[^^^]

Управлял впоследствии, с 1672 г., патриаршим престолом. Умер в 1676 г.

[^^^]

В это время было в нем 24 гробницы.

[^^^]

СВИНЪИН П. И.

[^^^]

См. «Сказание современников о Дмитриии Самозванце». При мощах святого царевича: рубашка, платочек, рожок, нож и кошелек с 14 копейками.

[^^^]

По случаю предполагавшейся постройки
Большого дворца по проекту Баженова.

[^^^]

Речь идет о жене князя Дмитрия Шуйского
Екатерине, которая, как говорят, и подала яд.
Скопин с ней крестил.

[^^^]

Впоследствии великий князь киевский. Умер
15 апреля 1132 г.

[^^^]

Крест с мощами, с надписью: «год 1677».

[^^^]

Оно четырехугольное, с надписью: «год 1598».

[^^^]

Изображение князя св. Даниила Александровича вместе с царем Федором Алексеевичем и великим князем Василием Ивановичем и Георгием Даниловичем находится на левом втором столпе.

[^^^]

Изображение великого князя Всеволода Ярославича находится на первом левом столпе.

[^^^]

По преданию, с этой крытой галереи царь Иван Васильевич Грозный слушал литургию после того, как вступил в четвертый брак. Отсюда же он увидал в 1584 г. комету с крестообразным знаменем и сказал: «Вот знамение моей смерти».

[^^^]

Сад был маленький и уничтожен при Екатерине II.

[^^^]

Вместо прежнего св. Василия Кесарийского.

[^^^]

Есть предание, что крест этот не могли снять наполеоновские техники и инженеры. Но нашелся один русский мужичок, который, взобравшись на верх колокольни по веревке, снял крест. Наполеон тут же приказал расстрелять предателя.

[^^^]

После 1812 г. стенопись еще раз поправлена.

[^^^]

По другим источникам, икону перенес в Москву великий князь Иван III Васильевич в 1476 г., покорив Новгород. Икону эту называют также Корсунской, полагая, что она привезена из Корсуня св. князем Владимиром.

[^^^]

В тверском Отроческом монастыре, где святитель находился в заточении. Там же впервые открыты и святые мощи 8 августа 1584 г.

[^^^]

Все эти мощи находятся в противоположной от мощей св. Петра стене в нарочно для них сделанной раке.

[^^^]

«Августова крабица» — богато украшенный сосуд овальной формы западноевропейской работы, якобы принадлежавший Октавиану Августу. Утрачен после событий 1917 г. — *Прим. верстальщика.*

[^^^]

Дмитрию в это время было всего 16 лет,

[^^^]

В 1568 г., 8 ноября. Слова святителя: «Аще и образом Божиим почтен ты, но персти земной, яко человек, причастен».

[^^^]

В храме в течение 10 месяцев находилось тело св. великого князя Михаила Ярославича Тверского, убитого в 1319 г. в Орде, перевезенное затем в Тверь.

[^^^]

Подлинник находится в Киево-Печерской лавре.

[^^^]

сентября 1380 г.

[^^^]

Принесена в Москву матерью царя Михаила Федоровича Марфой.

[^^^]

При этой церкви учреждено монашествующее духовенство, а при Успенском, Архангельском, Благовещенском и других соборах Кремля — белое духовенство.

[^^^]

Некоторые указывают на некоего зодчего
Ивана Вилье.

[^^^]

Всех ярусов пять

[^^^]

Язык колокола имеет длину 17 футов, но он для колокола мал.

[^^^]

Домра — струнный инструмент, на котором играли пальцами, как на гитаре.

[^^^]

Палатами назывались государевы чертоги и судебные места, а также и вообще каменные здания. Так, например, палаты Столовая, Ответная, Расправная, Золотая и др. Грановитая палата носила еще название Большой золотой.

[^^^]

На троне стоят богатые кресла новой формы, но с 1682 по 1706 г. стоял на этом месте трон царей Ивана и Петра.

[^^^]

Награждала в этой палате своих полководцев и императрица Екатерина II по случаю Кучук-Кайнарджийского мира 16 июля 1774 г.

[^^^]

Название «сени» происходит от славянского слова «сень», часто употребляемого в Священном Писании и означающего «кров» или место перед домом, покрытое кровлей.

[^^^]

Название «Красное», данное крыльцу, есть, конечно, по древнему значению этого слова «хорошее», что согласуется и с красивой формой самого крыльца. Известно, что среди народа «красный, красное» всегда значит «хороший, хорошее». Так, например, говорится: красная девица, красное окно и т. д.

[^^^]

Надо заметить, что до Петра I Грановитая палата удерживала свой первоначальный вид, но затем, позднее, внутренний вид ее изменился к худшему. В 1880 г. было приступлено к восстановлению палаты в первоначальный вид. При переделке стен открыты следы пожаров и исправлений. Теперь стенопись исполнена русскими иконописцами, крестьянами села Палеха Владимирской губернии, братьями Белоусовыми.

[^^^]

Потом Синодальный. Находится возле Успенского собора, на северной его стороне.

[^^^]

Впоследствии Максим Грек был оклеветан и сослан в Волоколамский монастырь. Освобожденный в 1551 г., он обличал на соборе еретиков и умер в 1556 г.

[^^^]

Сборник этот содержит отрывки из сочинений разных отцов церкви первых веков христианства. Он написан был в 1073 г. для великого князя Святослава Ярославича. Эта драгоценная рукопись украшена искусными заставками и рисунками святых. На первом листе изображен Святослав Ярославич со своим семейством в древнем русском костюме.

[^^^]

Кормчая книга, или Номоканон, — собрание правил, постановлений и узаконений церковных.

[^^^]

Клобук означает вообще покрывало, носимое на голове монашествующими. В древности, как и ныне, клобуки делались из ткани черного цвета. Ношение белых клобуков было присвоено греческим патриархам. В древней русской церкви ношение белого клобука узаконено было только митрополитам всероссийским и архиепископам новгородским. Во времена всероссийских патриархов белые клобуки носили только сами патриархи и митрополиты, впрочем, с некоторыми различиями. Спереди клобуков патриарших нашивался крест, или херувим, или другое священное изображение, а на верху их водружался крест.

Панагия значит «Всесвятая». Это наименование принадлежит Божьей Матери. В древней церкви была приносима особая просфора, или хлеб, в честь Божьей Матери, который клался в особый ковчежец. В древних обителях во время трапезы настоятели возлагали его на себя и возносили в воспоминание явления Божьей Матери апостолам после вознесе-

ния ее на небо. Поэтому самый ковчежец, в который клался хлеб, назывался панагиаром. По примеру древних настоятелей устроили себе такие же панагиары и архиереи. Отсюда получили свое начало нынешние панагии. В отличие от панагий трапезных, или древних панагиаров, нынешние панагии называются наперсными. Патриаршие панагии ничем особенно не отличаются от панагий других архиереев; только патриархи имели право носить две панагии.

Митра означает головную повязку, или терновый венец, Спасителя. Обычай носить митры был еще в ветхозаветной церкви. Первосвященники носили на голове особого рода повязки. В новозаветные времена апостолы Иаков и Иоанн носили, по преданию, золотые повязки. В церкви носить митры положено архиереям, архимандритам и некоторым знатнейшим протоиереям. Митры патриархов, как греческих, так и русских, имели ту особенность, что на верху митры водружался крест. Впрочем, право носить митру с крестом кроме патриархов с давнего времени принадлежало в Киеве и в других юго-запад-

ных епархиях митрополитам, епископам и даже архимандритам, которые и теперь носят там такие митры.

[^^^]

Саккос — эту одежду в древней церкви носили кающиеся. Когда саккос принят был церковью в число священных облачений, неизвестно. В древней греческой церкви саккос был принадлежностью одних патриархов. Он давался некоторым архиереям как награда. В России саккос принадлежал только патриархам; впоследствии он сделался принадлежностью всех архиереев.

[^^^]

Он привезен им из Константинополя в 1409 г.

[^^^]

Епитрахиль — это такая одежда, которую носят на себе архиереи и священники. Дьякон носит орарь во время священнослужения на одном плече, а священник носит его на шее сложенным вдвое и на том и на другом плече во знаменованье большей благодати Божьей, сообщаемой священнику. Епитрахили употребляются всеми патриархами, епископами и священниками.

[^^^]

Омофор представляет собой длинный широкий плащ, употребляемый архиереями во время священнослужения. Употребление омофора в христианской церкви восходит ко временам апостольским. По преданию, апостолы Петр и Марк носили омофоры. В древности омофор служил символом той заблудшей овцы, которую Иисус Христос, по Евангелию, обрел и взял на рамена свои. Омофор впоследствии начал изготавливаться из разных тканей с крестами и другими священными изображениями. Омофор, употреблявшийся всероссийскими патриархами, ничем особенно не отличался от омофора других архиереев.

[^^^]

Посох, или жезл патриарший, в греческой церкви называется патериссой в знак отеческого управления паствой, так как «патриарх» означает «отец». Вообще посохи и жезлы архиерейские представляют собой длинные деревянные или металлические палки с поперечниками наверху в виде змеиных глав в знак мудрости, какую должен иметь святой.

[^^^]

Четки — это принадлежность иноков. Они означают непрестанную молитву, которую должны всегда иметь иноки.

[^^^]

Алевастр — медный, покрытый перламутровой чешуей сосуд. По преданию, он привезен из Константинополя в Киев к св. Владимиру в первые века нашего христианства. В нем хранится древнее миро.

[^^^]

Большой казной называлось всякое здание, где хранились всевозможные дорогие вещи князей и царей.

[^^^]

Строитель — архитектор Иван Васильевич
Еготов.

[^^^]

На месте прежней Оружейной палаты находятся теперь казармы. А далеко ранее постройки на нем Оружейной палаты находился дом Бориса Годунова, когда он еще не был царем, но боярином, советником, другом и шурином царя Федора Ивановича. Здесь же был умерщвлен и юный Федор Борисович.

[^^^]

Вход с лестницы не прямо в зал I, но надо пройти залы V, IV и III, и тогда уже вход в зал I.

[^^^]

Это один из последних трофеев русских побед. Трон взят в 1873 г. Своей формой он совершенно сходен с древними московскими тронами.

[^^^]

См. далее статью «Коломенский дворец» (село Коломенское).

[^^^]

Само собой разумеется, что есть подробное описание вещей, находящихся в Оружейной палате. Его можно приобрести при обзоре Оружейной палаты. (Глава «Оружейная палата» публикуется с небольшими сокращениями и поправками. — *Примеч. ред.*)

[^^^]

Старый каменный дворец заложен был при великом князе Иване III Васильевиче. Постройка начата в 1499 г., окончена в 1508 г., уже после его смерти.

[^^^]

Т. е. 1586 г. от Р. X.

[^^^]

Т. е. 1590 г. от Р. X.

[^^^]

Т. е. 1586 г. от Р. X.

[^^^]

Т. е. 1590 г. от Р. X.

[^^^]

Надо заметить, что М. Ф. Казаков пользовался благоволением императоров Павла I и Александра I. Им построено в Москве множество частных домов. Он умер в 79 лет в Рязани, в чине действительного статского советника, в 1812 г.

[^^^]

Модель Коломенского дворца находится в Оружейной палате. Фасады и планы Коломенского дворца, сохранившегося со времен царя Алексея Михайловича, изданы в Москве в 1809 г. при книге «Исторические сведения, из летописей отечественных и преданий изустных извлеченные, о селе Коломенском».

[^^^]

Перед Вознесенским монастырем.

[^^^]

На месте бывших приказов воздвигается памятник государю императору Александру Николаевичу. Закладка памятника последовала 14 мая 1893 г. При рытье земли для устройства фундамента памятника были найдены остатки стен приказов.

[^^^]

Троицкая площадь была против Ильинских ворот, где прежде находились фруктовые ба-
лаганы, а теперь сквер с памятником павшим
под Плевной гренадерам.

[^^^]

На месте этого луга находится Воспитательный дом.

[^^^]

123

Был митрополитом с 1522 по 1539 г.

[^^^]

Вероятно, потому, что Китай, т. е. Китайская империя, известен как срединное государство.

[^^^]

Елена Васильевна Глинская была дочерью князя Василия Львовича Глинского, по прозвищу Слепой, православного литовского выходца татарского происхождения. Замуж вышла за великого князя Василия III Ивановича в 1526 г. Правила Московским государством с 1533 по 1538 г. Погребена в Вознесенском монастыре.

[^^^]

Под Казанским собором до 1805 г. была, например, харчевня, в которой с утра до вечера толпился торговый люд.

[^^^]

Надо заметить, что в прямом фасаде стены Китай-города, обращенной к Москве-реке, были еще двое ворот, называвшиеся в народе Проломными. Ворота эти вели с Зарядья прямо на берег Москвы-реки. Так как эти ворота нигде официально не упоминаются, то, надо полагать, они были сделаны частным образом купцами. В первой четверти XIX в. они были заложены.

[^^^]

Саввинское подворье на Тверской улице.

[^^^]

Тут же при императрице Елизавете была первая гражданская типография и начато (26 апреля 1756 г.) печатание газеты Московского университета.

[^^^]

Сказание о чудотворной иконе Иверской Божьей Матери графа М. Толстого.

[^^^]

Монастырь именуется Иверским-Святозерским, мужской, 1-го класса.

[^^^]

Не всегда, однако, икона находится в часовне: по приглашению желающих икона почти весь день развозится в карете по домам. Икону заменяет подлинный с нее список.

[^^^]

О «яме» см. далее.

[^^^]

См. далее статью «Болотная площадь».

[^^^]

Короновалась 25 апреля 1742 г.

[^^^]

Подкидышей этих, всех без исключения, называли Богданами (Богом данные).

[^^^]

Длина ее от Спасских ворот до Никольских
135 сажень, ширина от стены до рядов 75 са-
жень.

[^^^]

В этот пожар погибло 1700 человек.

[^^^]

Говорили, что этот пожар предсказал Василий Блаженный.

[^^^]

Князь Иван Андреевич Хованский, сторонник раскола и Софьи, сестры Петра Великого, был вскоре казнен с сыном по приказанию Софьи же (1683 г.).

[^^^]

Века — палатка с навесом, под которой происходила торговля мягкой рухлядью. (От слова «векша» — белка.)

[^^^]

Мост через ров существовал до 1813 г.

[^^^]

Одновременно с этим театром был построен и другой — в Немецкой слободе, в доме генерала Франца Лефорта.

[^^^]

Тип голландского шута, который перенесли на сцену английские актеры XVII в.

[^^^]

Первым управляющим театральным делом
был боярин Матвеев.

[^^^]

Полагают также, что название это произошло и от возвышенного места, кафедры (lobium).

[^^^]

Об этом свидетельствует старинная пословица: «Воля Божья, а суд царев».

[^^^]

Любопытные, хотя иногда и нелепые, записки Коллинса о России изданы в Лондоне в 1698 г.

[^^^]

А. С. Пушкин, сам обессмертивший себя памятником, был недоволен надписью: «Гражданину Минину и князю Пожарскому». «Во-первых, — говорил он, — никакого Минина в России никогда не существовало, а был Козьма Минин, или Минин Сухорукий; во-вторых, слово «гражданин» не обозначает никакого определенного звания или состояния, как например, звание «почетного гражданина»; и Пожарский, несмотря на свое княжество, был таким же точно гражданином, как и Минин». Замечание это совершенно верно. Было бы правильнее написать: «Гражданам — мещанину Козьме Минину Сухорукому и князю Дмитрию Пожарскому».

[^^^]

Памятник поставлен на ту значительную сумму, которая была пожертвована с этой целью в 1852 г. великими князьями Николаем и Михаилом Николаевичами.

[^^^]

Монастырь основан в 1352 г. по воле великого князя нижегородского Бориса Константиновича преподобным Евфимием, который и был здесь первым архимандритом. Монастырь мужской, 2-го класса. В нем был иноком и Отрепьев.

[^^^]

В «Степенной книге» (гл. 13) сказано: «На Москве Казанския ради победы царским повелением поставлен бысть храм преудивлен камень во имя Пресвятыя Богородицы Честнаго Ея Покрова».

[^^^]

В «Летописи о мятежах» по этому поводу сказано: «в 7096 году (1588) прояви Бог угодника Своего Блаженного Василия, и быша от гроба его чудеса велия, и многое множество различными недуги исцели. Царь же Феодор Иоаннович повеле сотворити гробом его раку серебряну и позлотити и учредити камением с жемчугом, и повеле сотворити над гробом его храм каменной, и уставися празднество августа во второй день». Блаженный Василий преставился 72 лет.

[^^^]

В монастыре в это время было кроме игумена 66 братьев и восемь человек сторожей.

[^^^]

Был митрополитом (из епископов суздальских) с 1465 по 1473 г.

[^^^]

«История иерархии» епископа Амвросия.

[^^^]

Прибыли в Москву в марте 1685 г.

[^^^]

Медведев казнен 11 февраля 1691 г.

[^^^]

Первый русский доктор.

[^^^]

Ломоносов поступил в академию в 1728 г.

[^^^]

Память преподобного Михаила Малеева
празднуется 12 июля.

[^^^]

5 июля.

[^^^]

Внучатый племянник царицы Марии Ильи-
ничны. Умер в 1683 г. в звании боярина.

[^^^]

Веса в лампаде 7 фунтов.

[^^^]

Особенно драгоценные иконы и другие монастырские вещи увезены казначеем Мефодием в Вологду и потом привезены обратно.

[^^^]

См. далее «Церковь Св. Георгия на Дмитровке».

[^^^]

Роман Юрьевич, окольниковый и воевода при Иване Грозном, скончался 16 февраля 1543 г., не дожив четырех лет до радости видеть дочь свою Анастасию Романовну царицей России. Погребен в Новоспасском монастыре.

[^^^]

Иначе — Костромского. Память его празднуется 23 января. Умер в 1565 г.

[^^^]

Время брака их неизвестно.

[^^^]

13 марта 1613 г.

[^^^]

2 мая 1613 г.

[^^^]

Ендова — сосуд для питий, обыкновенно в ведро, но иногда и меньших размеров медный, луженый.

[^^^]

Первый известный из предков царствующего Дома Иван (до крещения Глянда) Дивонович Камбила был князь прусский, один из потомков первого царя латышского Видвута, выехавший в Россию с двумя сыновьями. Он крестился в 1287 г. и назван Иваном.

[^^^]

Колокола на Руси делятся на царские, пленные, ссыльные, золоченые и лыковые (т. е. простой отделки). Первые колокола на Западе введены в употребление при церквях в конце VI в. Изобретение колоколов приписывают Павлину, епископу нольскому, что в Кампании, Во Франции колокола введены в 550 г. В XI в. построены в Аугсбурге при главном соборе две колокольни, и на них повешены два больших колокола. В Париже при церкви Богоматери повешен большой колокол в 1680 г. Он имел в окружности 25 футов.

[^^^]

По имени этого гостя, Юшки Бобра, назван и Юшков, или Юшковский, переулок, находящийся между улицами Ильинкой и Варваркой. Прежде переулок этот назывался Посольской улицей по находившемуся здесь дому английского посольства. Потом там долго существовал Юшков двор.

[^^^]

Красногорский (Богородицкий) заштатный монастырь находится в 16 верстах от города Пинеги Архангельской губернии. В нем погребен знаменитый любимец царевны Софьи Василий Васильевич Голицын.

[^^^]

Тут был дом сперва Салтыковых, потом Мусиных-Пушкиных, затем Кусовникова, а затем уж граждан Чижовых.

[^^^]

Другие крестные ходы совершаются в Сретенский монастырь 23 июня и 26 августа.

[^^^]

Отсюда и старинная пословица: «К Варваре на расправу».

[^^^]

Биржа основана в 1838 г.

[^^^]

На Троицком подворье при царе Федоре Ивановиче, в 1593 г., было отведено помещение для знаменитого посольства Марка Варкоча от римского императора.

[^^^]

Он был уроженец Копенгагена.

[^^^]

Первые «Санкт-Петербургские ведомости» вышли в 1714 г.

[^^^]

«Ведомости» печатались в количестве тысячи экземпляров.

[^^^]

В царствование Михаила Федоровича в Москве уже получались некоторые печатные немецкие «ведомости». При царе Алексее Михайловиче Москва уже получала до двадцати иностранных газет и журналов. Для государя и двора толмачи переводили из газет особенно интересные статьи. Переводы эти назывались «Курантами».

[^^^]

Было построено в 1820 г.

[^^^]

Он прежде назывался Приказом денежного дела, а потом, в 1700 г., при Петре Великом, под именем Монетной канцелярии переведен в Петербург.

[^^^]

Монета найдена в окрестностях Киева в 1825 г. купцом Авериным. Монеты Игоря оказались у псковского посадского человека Ерофея Русинова. По указу Петра Великого от 16 сентября 1723 г. они (по тогдашнему счету на 95 рублей) были взяты у Русинова гоф-юнкером Мавриным. Что это были за монеты и где они — неизвестно. Монета великой княгини Ольги была медная, неправильной округлости и более продолговата; с одной стороны — выпуклая, а с другой — несколько ложковатая, величиной в копейку. На выпуклой стороне изображен княжеский стан. На другой стороне — женский стан с диадемой.

[^^^]

Иначе: вевериц.

[^^^]

Звание именитых граждан было уничтожено при императоре Александре I указом от 3 января 1810 г. Причиной этого указа были именитые граждане, которые весьма недобросовестно поступили в коммерческих расчетах в Англии. Последним именитым гражданином был знаменитый откупщик В. А. Злобин.

[^^^]

Стоимость ефимка была 1 рубль 25 копеек.

[^^^]

Где дом графа Орлова-Давыдова. Во второй половине XVIII в. дом принадлежал Измайловым.

[^^^]

Дочь этого Долгорукого (Владимира Тимофеевича) княжна Мария Владимировна была первой супругой царя Михаила Федоровича.

[^^^]

На этом месте сооружен храм Христа Спасителя. Стена сделана по совету Годунова.

[^^^]

Арбат происходит от татарского слова «арба», т. е. телега. Другие же говорят, что слово «арбат» по-татарски значит жертвоприношение, и здесь когда-то приносились жертвы татарами.

[^^^]

Для опричнины были назначены следующие улицы: Чертольская (Пречистенка), Арбатская с Сивцевым вражком, село Семчинское (Остоженка) и половина Никитской с разными слободами до Дорогомиловского всполья. Все те, кто жили на этих улицах и не были записаны в опричнину, были высланы. Для себя царь велел выстроить новый дворец за Неглинной, между Арбатом и Никитской улицей, и обнести его высокой стеной. В 1582 г. в праздник Рождества Христова дворец этот сгорел. Он находился на Воздвиженке. Опричников набрано было 6 тысяч. С них взята была царем присяга служить ему верно, отказаться от отца и матери и знать только одного его, царя; доносить на изменников, не дружить с земскими и не водить с ними хлеба-соли. За это царь наградил опричников поместьями и домами, пустив прежних владельцев по миру. Опричники пользовались полной безнаказанностью за свои действия.

Первый Пушечный двор завел великий князь Василий Иванович, он же первый завел и конную артиллерию. Двор этот потом был переименован в Артиллерийский приказ, а затем в Артиллерийское депо.

[^^^]

Близ него до начала XIX столетия была целая аллея больших вязов.

[^^^]

Потом дом переделан для Строгановского училища, а со стороны Неглинной, где был сад, построен громадный дом для Московской конторы Государственного банка.

[^^^]

Разобраны в 1804 г.

[^^^]

См. далее «Каменный мост».

[^^^]

В настоящее время здесь выстроен новый громадный дом. При рытье земли найдено множество человеческих костей.

[^^^]

В 1711 г. В этом же году построены и палаты.

[^^^]

Это подтвердилось при императрице Анне Ивановне.

[^^^]

По словам И. Забелина, на месте этого дома находился один из дворцов Грозного, в котором он жил недолго и который потом сгорел (в 1571 г.).

[^^^]

Купил граф Николай Петрович Шереметев.

[^^^]

Скончался 11 декабря 1655 г.

[^^^]

Незадолго до 1812 г. дом Суворова был куплен каким-то медиком и позднее, после пожара, принадлежал купцу Вейеру.

[^^^]

Гаврилов имел чин капитана и был кварталным надзирателем в Пятницкой части. Он умер в 1847 г.

[^^^]

Теперь дома не существует. На месте его построен дом Перлова.

[^^^]

Монастырь основан им по возвращении с Куликовской битвы, в 1380 г.

[^^^]

Сооружен статс-дамой Настасьей Кириллов-
ной Нарышкиной в 1744 г. Празднование
Тольгской Божьей Матери совершается 8 ав-
густа.

[^^^]

Мужской, 2-го класса.

[^^^]

Пушечные избы, т. е. места, где хранился заготовительный материал для литья пушек, занимали угол нынешнего Большого и Малого Кисельных переулков. По правую же сторону Малого Кисельного переулка (от Рождественского бульвара), где теперь дома Морозова и бывший Сатина, находилось кладбище монастыря. У монастырской стены, выходящей на бульвар, в 1812 г. французами расстреляно было много московских обывателей, подозреваемых в поджогах. Кисельные переулки получили свое название от имевших здесь свои дворы кисельников.

[^^^]

Въезд совершился 28 октября 1552 г.

[^^^]

Название «в Столпах» церковь получила, вероятно, от сторожевого столпа, какие ставились на высоких местах Москвы во время владычества татар для наблюдения за приближением неприятеля. Может быть, это название произошло и от иконы Св. Николая, перенесенной сюда новгородцами при царе Иване IV Васильевиче из монастыря Св. Николая на Столпе.

[^^^]

Дом этот потом принадлежал князьям Мещерским.

[^^^]

В то время производились царские осмотры так; не более как в шести палатах наверху, во дворце, ложились на постелях по несколько девиц, подле каждой стояли ближние их родственницы. Девушки, раскидавшись на мягких пуховиках, спали, т. е. притворялись спящими. Царь обходил неспешно, любуясь красавицами. Доктора свидетельствовали, нет ли тайной скорби (болезни). Затем, по окончании осмотров, царь объявлял избранницу, ее нарекали царевной и великой княжной и переменили имя. При этом происков была масса.

[^^^]

При воротах церковных, на мраморной лоске.
Придел Св. Иоанна, как гласит другая надпись, в церкви устроен в 1635 г.

[^^^]

Еропкин Петр Дмитриевич, впоследствии генерал-аншеф и московский главнокомандующий, родился в 1724, умер в 1801 г., всеми любимый и уважаемый.

[^^^]

Первая построена в 1674 г., вторая — в 1600, потом возобновлена в 1821, 1858 и 1863 гг.

[^^^]

По другим известиям, местность получила название от лубяных лавок, в коих делали телеги и сани и ими торговали.

[^^^]

При первом построении церковь именовалась «во Псковичах», потому что здесь было первое Псковское подворье.

[^^^]

В доме находится 3-я Московская гимназия. Вторая жена князя Пожарского, Федора Андреевна, бывшая в первом браке за князем Голицыным, получила его при разделе с пасынками своими, князьями Петром и Иваном. После смерти ее дом этот достался братьям Голицыным, от них перешел покупкой во владение сначала госпожи Бородиной, потом госпожи Гиппиус, а от нее куплен для 3-й гимназии. Рядом с этим домом, по переулку, существовала еще деревянная церковь Св. Феодосии, при которой учреждена была Пожарским богадельня.

[^^^]

Прежде церковь именовалась «в Котельниках», потому что в приходе жили мастера, делавшие котлы.

[^^^]

Решетками в старину назывались в конце улиц деревянные заставы, которые на ночь запирались.

[^^^]

Близ этой церкви находился царский Колымажный двор.

[^^^]

Некоторые полагают, что церковь именуется Ржевской потому, что построена Ржевскими. Но догадка эта сомнительна.

[^^^]

Построена в 1643 г., перестроена в 1683 г.

[^^^]

«Ведать Москву» означало следующее: ежели государь отходил в поход (походом называли тогда и то, когда он отлучался на небольшое расстояние от Москвы), то в государевых палатах оставался жить и ночевать назначенный от него боярин с двумя или тремя товарищами, и это называлось «ведать Москву».

[^^^]

Рынды упразднены в 1698 г.

[^^^]

Впервые упоминается о них в 1259 г.

[^^^]

Так как дела епархий, хозяйственные и административные, требовали постоянного присутствия в Москве поверенных от архиереев и монастырей, то и создались так называемые подворья (дворницы), где жили поверенные и останавливались во время прибытия в Москву архиереи, архимандриты и игумены.

[^^^]

Род печур в стенах с железными дверями, где
нельзя было ни сесть, ни лечь.

[^^^]

Сын знаменитого фельдмаршала Петра Александровича Румянцева. Он был канцлером до 1812 г.

[^^^]

Музей открыт для публики ежедневно, причем по воскресным дням бесплатно, а в остальные дни с платой по 20 копеек.

[^^^]

Одна из них нами описана, другая находится в Грузинах и построена ранее описанной.

[^^^]

А. А. Барсов был учеником Ломоносова. Он был филологом и в то же время большим оригиналом. На лекции он носил с собой огромную сафьяновую кису, наполненную книгами, которая устрашала студентов. Над ленивыми студентами он зло подшучивал и ко всякому слову прибавлял «сударь». Однако он был добрый человек, и все его любили.

[^^^]

Дом был приобретен у князя Волконского.

[^^^]

Архитектором был Матвей Федорович Казаков.

[^^^]

Тогда и это количество считалось значительным.

[^^^]

Впоследствии бани эти перенесены были за
Москву-реку.

[^^^]

Иван Иванович Бецкой родился в Стокгольме в 1704 г. Отец его — князь И. Ю. Трубецкой, мать — шведка, баронесса Вреде. Трубецкой вступил в брак во время своего плена, при жизни своей первой жены. При Екатерине II Бецкой был одним из первых сановников. Он умер в возрасте 93 лет.

[^^^]

Цель их: вспомоществование вдовам, ссуда денег за небольшие проценты, сохранение частных капиталов. Кроме процентов Сохранная казна имела своими доходами десятую часть театральные сборов, карточную фабрику и продажу карт, банную пошлину и проч.

[^^^]

245

Родилась в 1759, скончалась в 1828 г.

[^^^]

Князь был замечательный остряк. В бытность директором он особенно заботливо относился к постановке пьес. Так, актера Волкова, игравшего тогда в опере «Русалка» роль Тарабара, он нарочно посылал в Петербург поучиться у артиста Воробьева, как он выражался, «тарабарской грамоте». Вот причина происхождения поговорки.

[^^^]

Полк этот дал ему император Павел, назначив его шефом полка. Полк помещался в Екатерининском дворце и составлял тогда московскую полицейскую стражу.

[^^^]

С 1811 по 1824 г.

[^^^]

Ворота эти оставались до конца XVIII столетия.

[^^^]

У стрельцов-пушкарей «грачами» назывались куски свинца или чугуна, которыми они стреляли из пушек. (См. далее «Церковь Николая Чудотворца, что в Грачах».)

[^^^]

Название этого урочища производят от «кади», т. е. татарских судей, живших в этом урочище; некоторые же объясняют, что там жили ремесленники, которые работали кади, или кадки. В некоторых же документах урочище именуется Каташи и поясняется, что там жили мастеровые, которые ткали и катали на государев двор полотна.

[^^^]

Толмачи — переводчики.

[^^^]

Слово это прежде производили от басмы, или изображения хана, которое во время татарского ига ханские послы привозили в Москву на поклонение. Но оказалось, что басманами назывались дворцовые хлебники, которые носили на кафтанах особые басаманы, т. е. басоны, или галуны.

[^^^]

Мастера медной посуды. Яндова (ендова) — сосуд, употреблявшийся для приноса питья. Яндовы были медные, вылуженные, разной величины: от шести ведер до трети ведра и даже менее.

[^^^]

Бронники — мастера, делавшие военные брони.

[^^^]

Бараши — мастеровые шатерники.

[^^^]

Слободы эти назывались еще «далекие концы», потому что за ними начинались уже поля и рощи, а после устроен был вал (Камер-Коллежский) и выстроены заставы (1780 г.). Кроме ямщицких слобод были еще слободы: Лужники, Хамовники, Хлыновская, Зубово, Ваганьковская, Грузинская, Сущевская, Миусская, Мещанская, Гороховская, Крутицкая, Симоновская, Данилевская, Кудринская и др.

[^^^]

Ордынка — от слов «орда», «сброд». Балчуг, по мнению некоторых, есть то же, что балка, происшедшее от турецкого «валка» — овраг, буерак. На Балчуге в старину бабы торговали разными вещами. От этого произошло народное слово «балчужная», означающее женщину неблаговоспитанную, бранчливую, злую. По объяснению некоторых, слово «таган» означает род сковороды, на которой пекут блины, по объяснению других, слово «таган» татарское и значит треножник, под которым разводят огонь,

[^^^]

Чужестранным выходцам отведена была земля в Москве еще в 1652 г.

[^^^]

Главное управление артиллерии называлось Пушкарским приказом; в 1659 г. поступили в его ведение все укрепления, заведенные на границах государства (засечное дело), и с того времени по 1802 г. инженерная часть почти постоянно управляема была вместе с артиллерией. Пушкарский приказ назван при Петре 1 (1711 г.) Приказом артиллерии, потом (1720 г.) Главной артиллерии; впоследствии учреждена была особая контора фортификации; в 1726 г. образована Военная сухопутная коллегия, к которой причислена была и артиллерийская канцелярия под названием Артиллерийский департамент; в 1797 г. все департаменты, в том числе и Артиллерийский, названы экспедициями Военной коллегии, а в 1802 г. Артиллерийская экспедиция разделена была на две особые экспедиции: на Артиллерийскую и Инженерную.

[^^^]

Теперь дом этот находится близ Чистых прудов, в Харитоньевском переулке.

[^^^]

Буйвище — старинное название кладбища; иначе еще называлось гноище.

[^^^]

В то время на Руси был земляной размер «ножками», т. е. полосками, особенно в поростях лесных. И теперь еще в некоторых губерниях говорят о полосе (доле) леса: Борисова ножка, Марьиная ножка и проч.

[^^^]

Название Пресни скорее всего можно объяснить словом «пресный» (пресная вода). Но М. Н. Макаров объясняет это иначе. Он говорит, что здесь была Приездная слобода (Приездня), «где отбирали у гостя слово по крестному целованию и спрашивали, как-де ты, и зачем-де ты, и по какому-де ты побыту чаешь пожить у светлого лика князя православно-го?». Приездня преобразовалась в Пресню. Могло быть и так.

[^^^]

Непереводимое слово. Приблизительно означает забавный, уличный детский выкрик («куке») наподобие нашего «тарам-барам».

[^^^]

Ехалово своим названием показывает наезженную дорогу, по которой можно было удобно ехать, а не стоять на распутье, приговаривая старинную русскую поговорку: «Ехало не едет и ну не везет».

[^^^]

Гармония тогда только что была изобретена.

[^^^]

Болото это называется Колиновым мостом. На основании этого известный изыскатель старины З. Я. Холоковский производит название Москвы, прежней Московы, от «мостка».

[^^^]

Название Хамовники производят от голландского слова *ham* (рубашка, белье), потому что здесь жили ткачи, изготавливавшие разного сорта белье.

[^^^]

270

Празднуется 18 сентября.

[^^^]

Потом приходская церковь Саввы Освященного.

[^^^]

О собрании девиц на Девичьем поле писали иностранцы, а за ними в первой половине XVI столетия стали писать и русские.

[^^^]

В 1808 г. умерла в Новодевичьем монастыре столетняя старица, которая помнила царевну и указывала ее келью. В монастыре была игуменья Елпидифория, у которой сохранялся портрет Софьи. Император Павел навещал эту игуменью и жаловал наградами. Она также была последней самовидицей жизни царевны Софьи.

[^^^]

Тогда дорога носила название Болванской.

[^^^]

Кроме Рублева и Черного славились в Москве своим искусством следующие иконописцы: старец Прохор из Городца, Феофан Грек, Игнатий-иконописец, Даниил Черный, брат Симеона Черного, и Симон Ушаков.

[^^^]

Карамзин это Медвежье озерко, или Лисьин пруд, в своей знаменитой повести «Бедная Лиза» переименовал в Лизин пруд. Б. М. Федоров сделал из этой повести пьесу «Лиза, или Следствие гордости и обольщения». Пьеса пользовалась необыкновенным успехом. Актриса Матрена Семеновна Воробьева в роли Лизы возбуждала неопиcуемый восторг. После представления пьесы, по словам современников, у ничем не повинного Лисьина пруда по вечерам гуляли толпами влюбленные, вырезая свои имена на деревьях. Какой-то непочтительный поэт невинный пруд почтил даже следующим двустишием:

*Здесь Лиза утонула, Эрастова
невеста,
Топитесь, барышни, для всех вас
будет место.*

В 1805 г. за ветхостью сломана.

[^^^]

По другим сказаниям, на этом месте уже существовал храм, построенный в 1465 г.

[^^^]

Парчовая фабрика (одна из первых в России)
П. В. Колосова занимала нынешний угол Сред-
тенки и Колосова переулка, названного по
имени этого фабриканта.

[^^^]

Это подтверждается запиской, хранящейся в церкви.

[^^^]

Верхними садами назывались сады на левом берегу Москвы-реки.

[^^^]

Вот эта песня:

*У Спаса в Чигасах, за Яузою,
Живут мужики богатые,
Гребут золото лопатами,
Чисто серебро лукошками.
Слава!*

[^^^]

Вскоре по возвращении своем в Орду Ахмет подвергся нападению хана Шибанской, или Тюменской, Орды Ивака и был им умерщвлен. Ему наследовал сын Муртоза, а за ним Орат Ших-Ахмет, которым оканчивается род ханов Золотой Орды. Разбитый крымским ханом Менгли-Гиреем в 1502 г., он бежал в Литву, где и умер в тюрьме.

[^^^]

Празднуется 1 февраля (мученик Трифон пострадал в III в.)

[^^^]

Близ церкви находится дом и сад почетного гражданина Боткина. Сад этот сперва принадлежал купцу Малютину. Здесь в первой половине XVIII столетия была бревенчатая деревянная мостовая, и на ней всякую весну выступала в изобилии чистая вода, и сколько ни старались засыпать это место землей, она все обваливалась, и вода показывалась вновь; даже в 1858 г., когда мостовую подняли на 2 аршина, вода все-таки показывалась. Вероятно, тут находился один из вертящихся колодцев.

[^^^]

Ловили птиц над озерами, над большими реками, на берегах морей, по пескам, большей частью сетями.

[^^^]

Память св. Харитония празднуется 28 сентября.

[^^^]

У самых Красных ворот, напротив запасного дворца, находится дом, где 2 октября 1814 г. родился поэт М. Ю. Лермонтов; он был крещен в церкви Трех Святителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста). В этой же церкви в 1882 г. отпевали тело знаменитого генерала М. Д. Скобелева, и затем оно отсюда по Рязанской железной дороге было отправлено для погребения в его имение Спасское.

[^^^]

Убиты при освобождении Москвы в 1671 г. Тела их потом были перенесены в Троицкую лавру.

[^^^]

Мы уже говорили, что здесь был Воскресенский греческий монастырь, обращенный в 1650 г. в простое подворье.

[^^^]

Название «Грузины» объяснено выше. В приходе Великомученика Георгия находится Армянская церковь.

[^^^]

Празднуется 5 февраля.

[^^^]

Как видно из актов о строении Москвы, в XVII столетии тут действительно жили палачи. По планам 1625, 1656, 1722 и 1793 гг. местность называется «в старых палачах». Но где же были новые? Не описка ли? Трудно допустить, чтобы была целая слобода палачей.

[^^^]

День Божьей Матери Споручницы грешных празднуется в четверг 8-й седмицы после Пасхи.

[^^^]

По селу Коломенскому, куда шел тракт.

[^^^]

За Москвой-рекой, близ правого ее берега.

[^^^]

Празднуется 28 июня и 12 июля. Подлинная икона находится в Афонском монастыре в Хиландаре. Первый список чудотворной иконы принесен в 1661 г. в Белобережскую пустынь Орловской губернии устройтелем ее иеромонахом Симеоном; второй список находится в церкви Покрова.

[^^^]

Будущего императора Николая II.

[^^^]

Остатки этого кладбища в виде нескольких надгробных камней сохранились в Марьиной роще. Здесь был похоронен и пастор Глюк, наставник Екатерины I.

[^^^]

300

Построена в 1776 г.

[^^^]

Находится близ Салтыковского моста через Яузу: Св. Троицы, построенная в 1819 г., и Введения во храм Пресвятой Богородицы, построенная в 1825 г.

[^^^]

Церковь находилась на месте нынешней Театральной площади, носившей тогда название Житной площадки. Она была построена Анастасией, женой Ивана Грозного, и разобрана в 1793 г.

[^^^]

Как видно из окладной книги за 1772 г., в приходе было всего три двора.

[^^^]

По проекту инженера Яниша.

[^^^]

4 апреля 1866 г. и 25 мая 1867 г.

[^^^]

24 ноября 1878 г. корпус праздновал свой столетний юбилей. Основание корпуса принадлежит генерал-адъютанту С. Г. Зорину. Корпус выпустил многих замечательных военных деятелей. Нынешний военный министр П. С. Ванновский — один из учеников (выпуска 1840 г.) этого заведения. Тут же обучался и известный художник П. А. Федотов (в 1833 г.).

[^^^]

Это были старинные ветхие дворцы, в которых жили придворные служащие.

[^^^]

Улица название свое получила от бывшего в этой местности брода для прогона коров на скотопрогонный двор, находившийся близ Красных ворот.

[^^^]

Дом прежде принадлежал купцу Кайдалову, а затем — почетному гражданину П. Г. Шелапутину.

[^^^]

Д. Д. Шепелев — известный генерал 1812 г.

[^^^]

Русский Архив. 1871. С. 2114.

[^^^]

Стромынка название получила оттого, что ведет через Преображенскую заставу в село Стромынь.

[^^^]

Св. Алипий удачно вылечил у одного богатого киевского жителя проказу. Св. Агапит излечил одного из первых бояр великого князя Всеволода и великого князя Владимира Всеволодовича Мономаха, которых прежде безуспешно пользовал какой-то армянин.

[^^^]

С 1672 г. приказ именовался Аптекарской палатой.

[^^^]

Московский аптекарский сад находится на
нынешней Моховой улице.

[^^^]

Надо заметить, что еще в 1682 г. по указу царя Федора Алексеевича велено было построить в Москве две «шпитальни» в Знаменском монастыре за Никитскими воротами, но это не было исполнено из-за смерти государя.

[^^^]

Всех домов в Москве считалось тогда 12 538.

[^^^]

В этой местности, в старину еще не застроенной, вблизи Зацепского вала, как бы за таможенной цепью, стояла изба корчемного сторожа, который обследовал длинным, острым железным прутом, называемым «щупок», проезжавшие воза с товаром для отыскания корчемного вина.

[^^^]

Татищев в своем «Лексиконе» слово кабак производит от татарского «кабал», что означает у них «двор для постоя».

[^^^]

Царь Михаил Федорович, желая удержать народ от зарождавшегося пьянства, повелел уничтожить все кабаки, но учредил конторы, в которых продавалось вино в известном количестве. Мера эта никакой пользы не принесла.

[^^^]

Находился в нынешнем Истерийском переулке. Назван так потому, что здесь была греческая кофейная, называвшаяся евстиаторией, т. е. местом пира. Русские прозвали ее истерией. Кабак был здесь открыт в 1773 г. и назывался «Ветошная истерия».

[^^^]

На нынешней Карунинской площади, прозванной по бывшему здесь домовладельцу (в 1742 г.) Карунину.

[^^^]

От малороссийского «хиба» (так как). Тут преимущественно пили хохлы. Нынешняя улица Хива получила название от кабака.

[^^^]

Находился в нынешнем Даевском переулке, прежде он назывался Сумароковым, Булгаковым, по имени домовладельцев, до 1801 г. Наконец, назван по кабаку Лупихиным.

[^^^]

Кабак находился у Дорогомиловского моста на нынешней улице Воронухина гора.

[^^^]

В Рогожской ямской слободе.

[^^^]

В Денисовском переулке. Переулок получил название от бывшего здесь содержателя бань Денисова.

[^^^]

Об этом кабаке см. в статье «Церковь Спаса в Наливках».

[^^^]

Близ Колымажного двора, на нынешней Волхонке, где происходили кулачные бои. Это был один из буйнейших кабаков.

[^^^]

Потом это 13-й Эриванский лейб-гренадерский его величества полк. 29 июня 1892 г. полк торжественно праздновал 250-летнюю годовщину своего существования.

[^^^]

Тут находится опытная станция, которая основана в 1877 г., где подвергаются испытанию всякого рода земледельческие машины и орудия.

[^^^]

В 1879 г. церковь реставрирована по старому рисунку. Одновременно реставрирован и дворец, и все это обошлось в 300 тысяч рублей серебром.

[^^^]

Кедровых деревьев теперь 50.

[^^^]

В Останкине стоял с конным своим отрядом маршал Ней. Ради забавы некоторые картины солдаты прострелили пулями.

[^^^]

Свиблово известно с XVII в. Оно расположено на реке Яузе, и в нем видны остатки когда-то хорошо распланированного сада. Оно подарено было царевной Софьей Алексеевной князю Василию Васильевичу Голицыну. Относительно кладбища предание говорит: какой-то из владельцев Свиблова обещался какому-то немцу подарить то пространство земли, на котором он перегонит его собаку; немец перегнал собаку, получил землю и устроил колонию и кладбище.

[^^^]

Новый чин мечника был введен Лжедмитрием.

[^^^]

Молния, ударив в 1779 г. в болото, открыла этот ключ.

[^^^]

Карамзин, Снегирев, Шевырев, Муравьев, Горский и др. Особенно замечателен в этом отношении труд Снегирева, который дает много ценных исторических указаний о пути между Москвой и лаврой.

[^^^]

Освящен в присутствии царя Федора Ивановича в 1585 г.

[^^^]

Писан А. Рублевым.

[^^^]

В верхней части дверей южного входа пробойна напоминает осаду монастыря поляками в 1608 г. Ядро из неприятельского лагеря, пробив эти двери, ударилось в образ Св. Николая, стоявший тогда у северных дверей, а впоследствии замещенный образом Тихвинской Божьей Матери. Знак от ядра оставлен на иконе Св. Николая, которая поставлена в соборном притворе.

[^^^]

Исцеление засвидетельствовано врачами в присутствии императрицы Анны Ивановны.

[^^^]

Зараза — заросли.

[^^^]

Таких баб немало на юге России: в степях, на курганах.

[^^^]

Они составляли одноэтажный квадрат длиной 122 сажени 1 аршин, а шириной 84 сажени. Две башни, западная и восточная, в готическом стиле служили воротами, при коих были караулы.

[^^^]

Постройка окончена в 1679 г. Освящен храм патриархом Иоакимом 1 октября 1680 г. в присутствии царя и его семейства. В храме — чудотворная икона Иерусалимской Божьей Матери.

[^^^]

347

Призывается более 400 человек инвалидов.

[^^^]

Граф называл эту башню голубятней.

[^^^]

Реставрирован в 1870 г.

[^^^]

Лабиринт окружал беседку, которая стояла на кургане; тут же стояла и статуя Венеры. Возле нее была львиная пещера: здесь на лаврах лежал лев, под ним была латинская надпись, и здесь же хранилась плита с допотопными окаменелостями, найденная в окрестностях Кускова.

[^^^]

Артисты были большей частью крепостные,
как и музыканты.

[^^^]

Отец Прасковьи Ивановны, по преданию, был кузнец.

[^^^]

Умерла в 1863 г. 90 лет от роду.

[^^^]

По Курской железной дороге в 10 верстах.

[^^^]

Находится в семи верстах от Серпуховской заставы.

[^^^]

Иначе маневры назывались Кожуховским походом. Названы по деревне Кожухово, находящейся в трех верстах от Москвы по дороге к селу Коломенскому на правом берегу Москвы-реки.

[^^^]

Дворец был построен в шесть месяцев.

[^^^]

Тут же по соседству для округления приобретения были куплены другие имения.

[^^^]

В дело шел подольский мрамор и камень.

[^^^]

360

Реставрирована в 1881 г.

[^^^]

Фотий умер в 1838 г., графиня А. А. Орлова-Чесменская — в 1848 т., на 64-м году от рождения.

[^^^]

От старинного слова «угрева» — помощь.

[^^^]

Общежитие открыто 16 октября 1853 г. Различие штатного монастыря от общежительного заключается в следующем: в первом иноки, кроме общей трапезы, во всем предоставляются самим себе, а в общежительном — все необходимое для жизни (одежда, обувь и т. п.) предлагается от монастыря.

[^^^]

Судя по стилю зодчества, храм построен в конце XV в. Он возобновлен в 1850 г.; к нему пристроен придел и трапеза. В церкви кроме чудотворной иконы Св. Николая много и других образов старинного письма.

[^^^]

365

Все постройки в скиту деревянные, в нем 12 келий.

[^^^]

Путь для богомольцев: по железной дороге до станции Голицына (41 верста). От Голицына до монастыря около 17 верст. Возят деревенские линейки.

[^^^]

367

Это, как кажется, было в 1398 или 1399 г.

[^^^]

Мощи обретены нетленными 19 января 1652 г. в присутствии царя Алексея Михайловича, царицы, патриарха и множества бояр и дворян.

[^^^]

При нем придел во имя преподобного Саввы с его гробницей. Устроен в первой половине XVII в., обновлен в 1856 г.

[^^^]

Покров сделан в 1649 г. царем Алексеем Михайловичем.

[^^^]

Отлит в 1667 г. русским мастером Александром Григорьевым.

[^^^]

В Звенигородском уезде на берегу реки Истры, в 47 верстах от Москвы по Воскресенскому шоссе. В 21 версте от Саввина монастыря по старому Волоколамскому тракту. От станции Крюково Николаевской железной дороги — 21 верста.

[^^^]

В последний раз реставрирован в 1874 г.

[^^^]

В нем 75 окон.

[^^^]

375

Гроб находится в пещере, куда ведет низкий темный вход. Стены в пещере мраморные.

[^^^]